

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ГРЕЦИЯ И РИМ

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА
НА ПРОТЯЖЕНИИ 12 ВЕКОВ

ПИТЕР КОННОЛЛИ

- [Питер Коннолли](#)
 - [Введение](#)
 - [Воюющие государства](#)
 - [Подъем Персии](#)
 - [Армия персов](#)
 - [Вторжение Ксеркса в Грецию](#)
 - [Битва за Фермопилы](#)
 - [Прибытие персидского флота](#)
 - [Завершение битвы при Фермопилах](#)
 - [Падение Афин](#)
 - [Битва при Саламине](#)
 - [Спартанцы начинают действовать.](#)
 - [Решающая битва](#)
 - [Афины против Спарты](#)
- [Фаланга](#)
 -
 - [Предыстория фаланги](#)
 - [Афинская армия](#)
 - [Спарта — военизированное государство](#)
 - [Воспитание спартанского мальчика](#)
 - [Спартанская армия](#)
 - [Спарта во времена Геродота](#)
 - [Молодые воины во времена Ксенофонта](#)
 - [Фаланга на поле боя. Мобилизация](#)
 -
 - [На марше](#)
 - [Сражение](#)
 - [Наемники](#)
 - [Вспомогательные войска.](#)
 - [Доспехи и оружие.](#)
 - [Щит](#)
 - [Доспехи](#)
 - [Поножи и наручи](#)
 - [Шлем](#)
 - [Оружие](#)
- [Македония в 360—140 гг. до н.э. Македонские войны.](#)
 - [Подъем Македонии](#)
 - [Вторжение в Персидскую империю](#)
 - [Борьба за власть](#)

- [Конфликт с Римом](#)
- [Новая македонская армия.](#)
 - [Пехота](#)
 - [Армия Александра](#)
 - [Конница](#)
 - [Армия на поле боя](#)
 - [Армия в бою](#)
 - [После Александра. Слоны](#)
- [Позднемакедонская армия](#)
 - [Амфиполисский военный устав](#)
 - [Доспехи и вооружение](#)
 - [Состав армии](#)
 - [Армия на поле битвы](#)
- [ИТАЛИЯ И ЗАПАДНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. Подъем Рима \(800—275 гг. до н.э.\)](#)
 - [Введение](#)
 - [Борьба за Италию](#)
 - [Италийские военные системы. Времена Ромула](#)
 - [Этрусско-римская армия VI в. до н.э.](#)
 - [Вооружение](#)
 - [Эквы, вольски и родственные им народы](#)
 - [Самниты](#)
 - [Кельты](#)
 - [Римско-латинская армия IV в. до н.э.](#)
- [Рим в 275—140 гг. до н.э. Римская армия в 160 г. до н.э.](#)
 - [Набор армии и ее организация](#)
 - [Доспехи и вооружение](#)
 - [Конница и союзники](#)
 - [Подготовка](#)
 - [На марше](#)
 - [Лагерь](#)
 - [Лагерные обязанности](#)
 - [День сражения](#)
 - [Манипулы в бою](#)
- [Рим в 275—140 гг. до н.э. Великие войны](#)
 - [Подготовка ко второй войне](#)

- [Переход в Италию](#)
- [Климат](#)
- [Историки](#)
- [Пути из Испании в Италию](#)
- [Три контрольные точки Полибия](#)
 -
 - [1. Дорога к Роне](#)
 - [2. Остров](#)
 - [3. Перевал](#)
- [Битвы за долину По](#)
- [Вторжение в центральную Италию.](#)
- [Канны: величайшее поражение римлян](#)
- [Долгая борьба за утраченные позиции](#)
- [Перемены к лучшему.](#)
- [Последнее испытание](#)
- [Сципион торжествует](#)
- [Старые счета сведены](#)
- [Римская Империя. Рим со 140 г. до н.э. по 200 г. н.э.](#)
 - [Введение](#)
 - [Завоевание мира](#)
 - [Новые легионы](#)
- [Поздняя империя \(200 - 450 гг. н.э.\)](#)
 - [Мобильная армия \(доктор Роджер Томлин\)](#)
 - [Источники по IV в. н.э.](#)
 - [Позднеримская армия, 337—378](#)
 - [Армия в действии](#)
 - [Упадок римской армии 378-476 гг. н.э.](#)
 - [Снаряжение](#)
 - [Трирема](#)
 - [Мощные военные корабли](#)
 - [Тактика морского боя](#)
 - [Гавани](#)
 - [Флот Карфагена](#)
 - [Флот Древнего Рима](#)
 - [Флот Римской империи](#)
- [Фортификация и осады.](#)
 - [Города-государства](#)
 - [Осадная тактика городов-государств](#)
 - [Эллинистический период](#)
 - [Эллинистическая фортификация](#)

- [Фортификация в ранней Италии](#)
 - [Колонии](#)
 - [Ранняя римская осадная тактика](#)
 - [Ранняя империя](#)
 - [Ранний принципат](#)
 - [Фортификация в 284—378 гг. н.э. \(Роджер Томлин\)](#)
 - [Осадная война в IV в. \(Роджер Томлин\)](#)
 - [Римский военный костюм](#)
-

Питер Коннолли

Греция и Рим. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков

ГРЕЦИЯ И МАКЕДОНИЯ. ГОРОДА-ГОСУДАРСТВА В 800-360 ГГ. ДО Н.Э. ВОЮЮЩИЕ ГОСУДАРСТВА

Введение

Вскоре после 1200 г. до н.э. великая цивилизация эпохи бронзы, которая в течение нескольких столетий процветала в Греции, начала приходить в упадок и в конце концов погибла. На юг хлынули варварские племена, которые уничтожили последние остатки микенской культуры. Начались темные века. Данная книга представляет собой обзор военных систем, которые уходят своими корнями в эти времена. Автор намеревался проследить развитие военной организации, тактики и вооружения в Греции и Италии с VIII в. до н.э. — времени, когда в Греции вновь начала возникать цивилизация, — и до новых темных веков, наступивших с низвержением Римской империи на западе. Как Греции, так и Риму пришлось выдержать суровые испытания. Для Греции это были времена персидского вторжения, в начале V в. до н.э., а Рим оказался в критической ситуации 260 лет спустя, когда величайший из полководцев древности, Ганнибал, вторгся на территорию Италии. Обе эти войны рассмотрены в книге достаточно подробно — для того, чтобы показать, как справились с положением две различные военные системы. Большая часть организации и снаряжения была заимствована Римом у тех народов, с которыми он воевал, — этрусков, самнитов, кельтов, карфагенян и, разумеется, греков. В данной работе я собираюсь рассказать и о том, в чем именно заключался вклад этих народов. Уже в позднемикенский период, в XIII и XII вв. до н.э., влияние центральной Европы отчетливо чувствовалось в эгейском регионе. Оно продолжало ощущаться и в последующие века. К тому времени, как были записаны эпические произведения Гомера, относящиеся к микенскому периоду, «Одиссея» и «Илиада», наиболее древних видов вооружения уже почти что не существовало. По этой причине автор не рассматривает бронзовый век, кроме тех случаев, когда наличие преемственности бросается в глаза. Наши знания о VIII и VII вв. весьма обрывочны, но события VI и последующих веков отражены в исторических источниках достаточно подробно. Шестой и пятый века до н.э. прошли под знаком подъема Персии, а затем жестокой войны, разразившейся между Спартой и Афинами. Этот исторический период очень хорошо отражен в свидетельствах двух великих писателей — Геродота, который жил во времена персидского вторжения в Грецию, и Фукидида, крупнейшего античного историка, который сам оказался вовлеченным в события войны между Афинами и Спартой. К этим двум авторам следует добавить Ксенофонта, который писал примерно в начале IV в. до н.э. Хотя

Ксенофонта нельзя поставить в один ряд с Геродотом или Фукидидом, он был воином и много лет служил у спартанцев, а потому его свидетельства являются бесценным источником информации о спартанской военной системе. Перечисленные письменные источники подтверждаются множеством археологических находок. Так, после сражения победитель обычно посвящал какое-либо оружие в святилище, например, в Олимпии. Со временем подобные храмы оказывались настолько переполнены оружием, что самые старые приношения приходилось выбрасывать. В Олимпии часть подобного оружия оказалась захороненной в ручьях или старых колодцах, а часть была использована для укрепления стенок стадиона, где недавно и была найдена во время археологических раскопок.

Воюющие государства

Вскоре после 1200 г. до н.э., когда пали микенские государства, орды диких племен, хотя и говоривших по-гречески, но происходивших из гористого северо-западного региона, вторглись в южную Грецию. Самыми грозными из этих захватчиков были дорийцы. Многие из исконных жителей бежали тогда из Греции и поселились вдоль западного побережья Малой Азии (на территории современной Турции) в местности, получившей название Иония. Вторжения и последовавшие за ними миграции закончились примерно к 1000 г. до н.э. Затем начался период основания поселений, и жизнь постепенно начала входить в нормальную колею. Возникшие небольшие государства состояли из нескольких деревень, земли которых были объединены под властью наследственного военного вождя. Такие маленькие государства постепенно объединялись, и к VIII в. начала возникать характерная для Греции политическая структура. Это был полис, то есть город-государство, когда управление территорией было сосредоточено в одном городе. Постепенно мощные города, прежде всего Спарта и Афины, начали поглощать своих соседей. В Афинах царь впоследствии был изгнан и власть перешла к знати. Со временем аристократы также были сброшены и государство оказалось в руках тиранов. Слово «тиран» первоначально не имело нынешнего отрицательного значения. Это были правители, которые зачастую делали вид, что действуют «в интересах народа». Но наконец тираны были низвержены, и в Афинах установилась демократия. Это произошло непосредственно перед началом греко-персидских войн. В этот период Афины контролировали всю Аттику. К 500 г. до н.э. они стали культурным центром эллинского мира и самым могущественным государством в центральной Греции. Совсем иным путем шло развитие Спарты. Спартанцы вели свое происхождение от дорийцев, которые завоевали Лаконию. Они подчинили себе местное население и обратили часть его в рабов. Таких рабов стали называть «илотами». Они были прикреплены к земле и принуждены работать в принадлежащих государству хозяйствах, которые обеспечивали спартанцев всем необходимым. Остальным подчиненным народам, которых называли «периэки», была предоставлена большая независимость, однако они были обязаны поставлять Спарте воинов. В сражениях спартанцами командовали два царя, власть которых передавалась по наследству. К концу VII в. Спарта захватила расположенную на западе Мессению и стала контролировать весь южный Пелопоннес. За следующие

сто лет, когда убеждением, а когда и принуждением, Спарта смогла организовать государства Пелопоннеса в союз, который именовался тогда «Лакедемоняне и их союзники». Сейчас мы чаще называем его просто Пелопоннесским союзом. В середине VI в. власть в Афинах захватил тиран Писистрат. Он, а затем его сын Гиппарх с небольшими перерывами правили Афинами на протяжении полувека, покуда не были смещены спартанским царем Клеоменом, который вторгся в Аттику в 511 г. до н.э. Разразилась подстрекаемая тиранами гражданская смута, в которой боролись за власть сторонники демократии и олигархии. Когда был свергнут представитель олигархии Исагор, он обратился за помощью к своему другу Клеомену. Тот с небольшим отрядом своих сторонников снова захватил Афины. Авторитет Спарты был тогда настолько велик, что Клеомен взял город без единой стычки и обосновался на Акрополе. Когда афиняне узнали о малочисленности отряда Клеомена, они осадили Акрополь, и спартанский царь был вынужден сдаться, поскольку его людям угрожал голод. Афинянам, опасавшимся ответных действий спартанцев, пришлось отпустить царя с его отрядом. Разъяренный подобным унижением Клеомен возвратился в Спарту и поднял на войну с Афинами весь Пелопоннесский союз. Вместе со вторым царем, Демаратом, он повел армию к границам Аттики. Фивы и Халкида, расположенные на севере извечные соперники Афин, воспользовались представившейся возможностью и также активизировались. Однако в рядах пелопоннесцев еще до начала военных действий возник раскол. Многие из союзных Спарте государств отказались сражаться за Клеомена в его личной войне. Демарат также решил остаться в стороне, и армия развалилась. Афиняне с трудом могли поверить в подобное везение, но у них хватило ума воспользоваться сложившейся ситуацией. Афинское войско двинулось на север и в тот же день разбило фиванцев и халкидян, причем Халкида стала афинской колонией. Фивы продолжили войну, к которой позднее присоединился другой торговый соперник Афин, остров Эгина. В ходе этой войны Афины утвердились как реальная военная сила — борьба с Эгиной вынудила город построить военный флот, который уже через несколько лет стал сильнейшим в Греции.

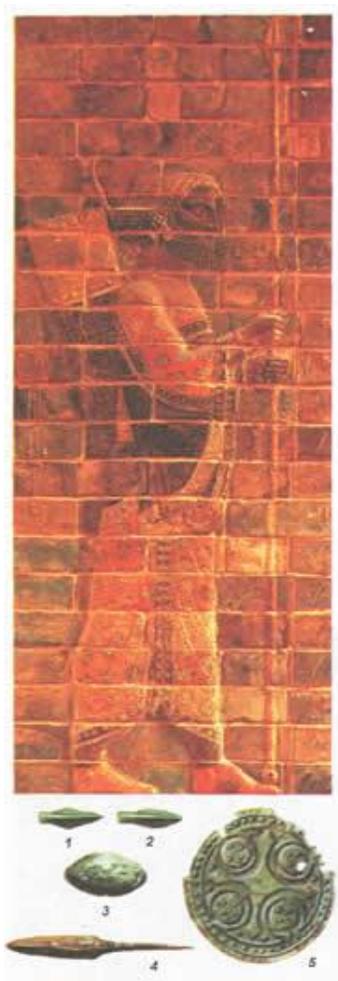
Подъем Персии

Тем временем на Греции начали сказываться события, происходившие в Азии. В конце VII в. до н.э. развалилась огромная Ассирийская держава, а уже к середине следующего века поднялся новый гигант, который оказался способен поглотить все предыдущие царства. Это была Персия. В 546 г. пало Лидийское царство, и Дарий I стал править на всей территории Малой Азии (совр. Турция). Один за другим подчинялись персам греческие города, расположенные на побережье. Жители некоторых городов, не желая жить в рабстве, предпочитали отправиться за море. Фокийцы, подобно легендарному Энею, пересекли Эгейское и Адриатическое моря и наконец основали колонию Алалия на острове Корсика. Однако в 535 г. они были вытеснены оттуда этрусками и в конце концов присоединились к колонии Массилия (совр. Марсель) на южном побережье Франции. В 510 г., когда все острова вдоль побережья Малой Азии оказались в руках персов, Дарий отправился в Европу. Пройдя вдоль западного побережья Черного моря, он пересек Дунай и вторгся в Скифию. Затем персы опустошили Фракию и вынудили подчиниться Македонии. Теперь между греческими государствами и Персией стояла только Фессалия. В 500 г. греческие города в Малой Азии, предводительствуемые Милетом, восстали и обратились за помощью к своим западным соплеменникам. Афины и Эретрия, город, расположенный на западном побережье Эвбеи, отправили экспедицию в Ионию, где их войска захватили и сожгли Сарды, столицу персидской сатрапии. Персы безжалостно подавили восстание — они стерли Милет с лица земли, а всех его жителей обратили в рабство. К 494 г. восстание завершилось и персы приготовились к карательному походу против Греции. Вначале они отправили туда посольство с требованием земли и воды — традиционных символов подчинения. Практически все греческие государства отказались, однако Эгина, имевшая торговые связи с востоком, согласилась подчиниться. Этот остров расположен в заливе Сарон, всего лишь в 10 км от побережья Аттики. Он контролировал доступ к афинским гаваням. Попади Эгина под контроль персов, Афины бы просто задохнулись. Остров являлся членом Пелопоннесского союза, и Афины обратились за помощью к своему старому врагу Клеомену. Спартанский царь принял сторону афинян, однако Демарат оказался против. Та скрытая неприязнь, что возникла между двумя царями 17 лет назад, после неудавшейся попытки захватить Аттику, теперь вспыхнула открыто. Клеомен выдвинул против Демарата обвинение в незаконнорожденности, и

последний был низложен. Бывший царь бежал из Греции и нашел убежище у персов. Клеомен, избавившись от партнера, принудил Эгину вернуться к прежним клятвам верности и заключил с Афинами союз против надвигающегося вторжения. Очевидно, что персы намеревались провести лишь ограниченную карательную операцию, направленную против Афин и Эретрии, поддерживавших восстание в Ионии. В 490 г. персы напали с моря. Они разграбили Эретрию, и персидский флот переместился в Марафонский залив, готовый к нападению на Афины. Афиняне послали гонца в Спарту и отправились маршем навстречу захватчикам. Информация о том, что случилось при Марафоне, достаточно путаная, и, возможно, мы так никогда и не узнаем правды. Спартанцы отложили свой поход, поскольку у них был праздник, и прибыли на поле сражения слишком поздно. К своему изумлению, они обнаружили, что афиняне разгромили персов и вытеснили их из Аттики. Поражение при Марафоне только разозлило персов. Все понимали, что этим дело не закончится. Однако прошло 10 лет, прежде чем они предприняли новую попытку. Тем временем Афины успели увеличить размер своего флота так, что он стал равен объединенному флоту всех остальных греческих государств. Когда стало очевидно, что персидского вторжения не миновать, в Коринфе собрался совет, целью которого являлось уладить внутренние разногласия греческих государств и организовать их так, чтобы они могли сражаться единым фронтом. Весной 480 г. до н.э. персидский царь Ксеркс, при котором находился низложенный спартанский царь Демарат, пересек Геллеспонт. Его огромная армия устремилась на Грецию, в то время как флот, сопровождавший ее, следовал вдоль побережья. Персидские войска прошли через Фракию на земли Македонии, строя по мере своего продвижения дорогу. Геродот рассказывает, что фракийцы были поражены благоговейным страхом настолько, что даже в его дни они не осмеливались ни пахать, ни сеять там, где прошла когда-то персидская армия.

Армия персов

Древние греки были уверены, что армия Ксеркса насчитывала 3 миллиона человек, не считая обоза. Геродот дает нам общую цифру в пять с четвертью миллионов, однако сам он явно немного сомневается в том, что такую армию можно было прокормить. В конце 1920-х годов генерал Фредерик Морис предпринял скрупулезное изучение похода Ксеркса от Геллеспонта, обращая внимание, в частности, на проблему снабжения войска питьевой водой. Он пришел к выводу, что персидская армия не могла состоять более чем из 210 000 человек и 75 000 животных. Возможно, что уровень осадков в то время был сравнительно выше, чем сейчас, и тогда эти цифры можно слегка увеличить. Однако даже в этом случае их количество вряд ли могло превысить 250 000 человек; три четверти от этого числа могли составлять воины.

Персидский воин, вооруженный копьем и луком. Возможно, это изображение «бессмертного» — одного из десятитысячной элиты личных телохранителей персидского царя. Сузы, V в. до н.э. Ныне находится в Лувре, Париж. 1, 2, 3 — два наконечника для стрел и камень для пращи, найденные у Марафона. Британский музей. 4 — наконечник стрелы с места «последнего рубежа» в Фермопильском проходе. Национальный Археологический музей, Афины. 5 — умбон персидского щита с о. Самос.

Персидская армия была многонациональной, собранной со всех концов обширной империи. Подобно римлянам, персы требовали войска со всех подвластных им народов. Большая часть персидской армии состояла из легковооруженных стрелков — лучников из центральной Азии или метателей дротиков из восточного Средиземноморья. Персы и мидяне, которые составляли ядро армии, носили свободные шапки, пестрые туники с длинными рукавами (а под ними короткий чешуйчатый панцирь) и штаны. У них были плетеные, возможно, покрытые кожей щиты, которые с виду напоминали беотийские — с расположенной в центре ручкой и закрепленным напротив нее с внешней стороны умбоном. Их вооружение состояло из короткого, длиной около двух метров, копья, длинного сложносоставного лука, к которому прилагались камышовые стрелы с бронзовыми наконечниками, и кинжала, носимого на правом боку. Элиту персидской армии составляли личные телохранители царя, десять тысяч «бессмертных», которых именовали так потому, что их количество всегда оставалось неизменным. Их личное снаряжение отличалось от вооружения прочих персов только богатством отделки. Персидская конница была вооружена точно так же, как пехота, за исключением того, что у некоторых были металлические шлемы. Геродот сообщает, что численность всадников была 80 000, однако на самом деле вряд ли их могло быть больше восьми тысяч. Геродот говорит, что персидский флот состоял из 1207 триер, из которых 300 кораблей предоставили финикийцы, 200 — египтяне и 290 — ионийские греки. Возможно, историк описывает здесь общее количество кораблей персидского средиземноморского флота, а не то их число, что реально участвовало в военных действиях, поскольку из дальнейших свидетельств очевидно, что персы не имели подавляющего численного превосходства на море. Триера была основным кораблем того времени. Это было гребное судно, снабженное примерно 170 веслами, расположенными рядами на трех разных уровнях. В носовой части корабля, на уровне воды, располагался окованный бронзой таран, или бивень, предназначенный для того, чтобы таранить и топить вражеские корабли. Этот тип корабля, с незначительными видоизменениями, использовался всеми

средиземноморскими флотами того времени. Триеры несли на борту абордажную команду, чьей задачей являлась высадка на борт неприятельского корабля и его захват. Экипаж греческих кораблей включал 10 гоплитов и 4 лучников, тогда как каждый ионийский корабль нес от 30 до 40 человек абордажной команды. Они были вооружены преимущественно копьями, дротиками и секирами.

Защита Греции

Перед лицом нашествия Афины и Спарта забыли о своих противоречиях. Афины даже решились отдать все свои вооруженные силы, как корабли, так и людей, под командование Спарте. Было решено остановить персидскую армию в Темпейской долине, узком проходе у южного отрога горы Олимп. Еще до того как персы пересекли Геллеспонт, там было размещено войско в 10 000 гоплитов. Несомненно, что они смогли бы удержать узкие проходы к югу и западу от горы Олимп. Однако в силу каких-то причин, возможно, потому, что войскам не хотелось сражаться так далеко от дома, эта упреждающая позиция была оставлена. Геродот предполагает, что армия отступила, поскольку в той местности действовали тайные пособники персов, и южные греки полагали, что уже не могут доверять своим северным союзникам. По словам Геродота, греки также опасались, что персидский флот может обойти их и высадить войска дальше по побережью.

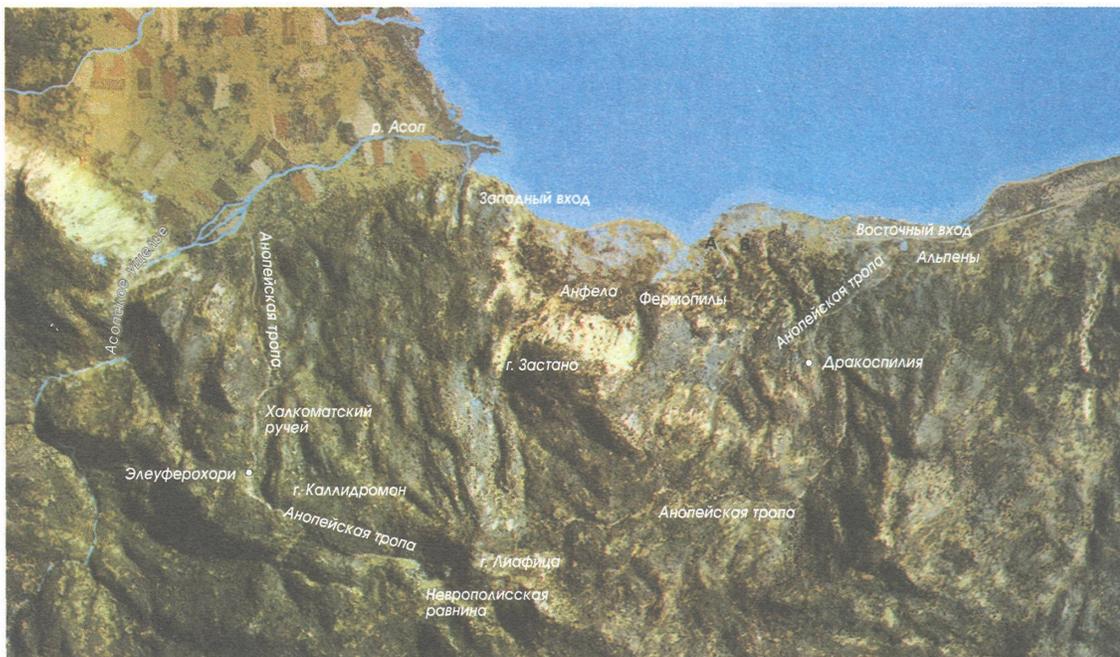

Восточный шлем, возможно, финикийский, найденный в Олимпии. Вполне вероятно, что он уцелел со времен Марафонской битвы. Посвятительная надпись гласит: «Зевсу посвящают афиняне эту мидийскую добычу». Археологический музей, Олимпия.

Поскольку побережье было велико, греческий флот не мог гарантировать, что не допустит подобных действий со стороны персов.

Возможно, что это и послужило главной причиной отступления. Фессалия была оставлена, и это серьезно сказалось на союзниках. Многие из северных городов были уверены, что Спарта в действительности собирается удерживать только Коринфский перешеек. На самом деле, этого мнения придерживались многие пелопоннесцы. В результате большинство северных городов решило подчиниться персам. Для того чтобы остановить их бегство, было наконец решено занять Фермопильский проход — место, название которого позднее стало символом героизма. Горы в Фермопилах подходят близко к морю, оставляя только два возможных пути на юг — один вдоль берега, а другой, чрезвычайно сложный, через горы. Сегодня между морем и горами расположена болотистая равнина, которая образовалась из-за наносов реки Сперхей, однако в V в. до н.э. там существовал только узкий проход. Эти горы, Каллидромонский хребет, тянутся вдоль побережья с востока на запад и в трех точках подходят очень близко к морю. Первое из этих мест, западный проход, расположено в самом начале пути. По словам Геродота, дорога там была настолько узка, что едва хватало места для одной повозки. Сами горы там еще не слишком высокие, и через них можно было легко пройти. После западного прохода путь расширялся, и там было расположено древнее поселение Анфела. Через два с половиной километра находилось селение Фермопилы, названное так в честь горячих источников, которые все еще существуют и в наши дни. Из-за того, что в воде источников содержится карбонат кальция, скалы вокруг них покрыты жесткой серой коркой. Над Фермопилами возвышается гора Застано высотой около километра, с которой можно контролировать среднюю часть прохода — выдающийся в море неподалеку скальный выступ. Вдоль этого выступа была стена, которая доходила до самых болот. Ее когда-то выстроили фокийцы для того, чтобы остановить вторгшихся в их страну малийцев. Тому, кто хотел бы обойти эту стену, пришлось бы перейти через гору Застано. Далее, примерно через три километра, располагается третья узкая точка прохода. Там, на уступе, обращенном в сторону болот, находилось древнее поселение под названием Альпены. Горы там низкие и легкопроходимые. Как уже говорилось, существовал другой — крутой и опасный — путь, ведущий в центральную Грецию. Он находился на западном конце горной цепи. Эта дорога шла вдоль реки Асоп, которая протекала через скалистое ущелье. В наши дни здесь есть железная и шоссейная дороги — первая проходит сквозь туннель, пробитый в западной стене ущелья, а вторая взбирается на восточные холмы, а затем бежит по горам над ущельем. Путь здесь стерегла древняя крепость Трахин, построенная на скалистых утесах, обращенных к западной стороне теснины. При наличии ожесточенной и хорошо организованной обороны вряд ли

нашелся бы военачальник, который рискнул бы попытаться пересечь горы в этом месте.

Изображение Фермопильского прохода — таким, каким он мог быть в V в. до н.э. Лагерь персов располагался на равнине слева. Фокийская стена обозначена буквой А. Место, где произошло последнее сражение спартанцев, — буквой В.

Неподалеку от побережья расположен остров Эвбея. Он очень длинный, простирается на 175 км с северо-запада на юго-восток и отделен от материка только узким проливом. Здесь греческий флот мог в отличие от первоначального расположения в Темпейской долине помешать персам миновать греческую армию морем. Так выглядело место, которое греки выбрали для того, чтобы остановить персидское вторжение. Греки выслали авангард, задачей которого было подготовить позиции до подхода основных сил. Клеомен погиб семью годами раньше, и царем Спарты стал его младший брат Леонид. Именно он с отрядом из трехсот лучших спартанских воинов, которых именовали гиппеями, поспешил занять проход. Вместе со спартанцами пришли 2800 пелопоннесцев, однако надпись на памятнике, установленном в честь погибших в этой битве греков (его видел Геродот), сообщает о 4000 — на 900 человек больше, чем он сам перечислил; возможно, что сюда включили также илотов, которые всегда сопровождали армию спартанцев. По мере того, как спартанцы продвигались на север, к ним присоединились 700 феспийцев и 400 фиванцев. Затем армия пополнилась тысячей фокийцев и всем ополчением, которое смогли предоставить локры. Отряды действовали под командованием своих

собственных военачальников, которых именовали стратегами. Греческие гоплиты использовали копье примерно в 2,5 м длиной, что предоставляло им некоторое преимущество перед персами. У гоплитов был также круглый щит, 80—90 см диаметром, панцирь, шлем и поножи. Они носили меч, которым пользовались только в случае утраты копья. Гоплиты воевали в строю, который назывался фаланга и состоял примерно из восьми шеренг. Такая фаланга состояла, возможно, из единиц по 100 человек каждая (они назывались лохи, lochoi), которые, в свою очередь, делились на четыре подразделения, каждое из которых состояло из трех групп по восемь воинов, находившихся под командованием младших командиров. Военачальник, распорядившийся такой группой, обычно сражался в первом ряду. Эта система могла слегка варьироваться в разных государствах, а спартанцы к тому же усложнили дело, поскольку называли словом «лох» пять главных подразделений своей армии (см. стр. 41). Воинам, которые присоединились к Леониду в Фермопилах, сказали, что спартанцы — только головной отряд армии. Дойдя до места, войско разместилось у центрального прохода, рассчитывая получать съестные припасы из селения Альпены, расположенного у восточного прохода. Затем они начали восстанавливать древнюю стену, построенную фокийцами. Как раз перед Второй мировой войной археологи вели там раскопки, но обнаружили остатки древней стены только на самой верхушке гряды. Стена начиналась башней, а затем зигзагообразно спускалась вниз с горы. Она, видимо, шла поперек всего прохода и оканчивалась другой башней, у болот. Рядом с той из башен, что находилась у вершины, была узкая тропа, а Геродот упоминает о том, что таких троп существовало несколько. На вершине горы разместился отряд в 1000 фокийцев, который должен был помешать персам обойти позиции спартанцев по долине Асопа.

Фермопильский проход — так, как можно его увидеть с места «последнего рубежа». Слева видны утесы горы Застано, возвышающиеся над Фермопилами почти на тысячу метров. В древности береговая линия проходила сразу за современной дорогой, той, что справа.

Объединенный греческий флот, который состоял из 271 триеры, тем временем стал у мыса Артемисий, что находится на северном конце Эвбеи. Афинянам принадлежало 127 кораблей. Несколько позже к Артемисию отправились еще 80 триер, из которых 53 были афинскими, — эти суда находились в резерве и предназначались для того, чтобы не дать персидскому флоту обойти остров. Затем число триер увеличилось еще больше за счет кораблей из греческих колоний в Италии и с островов, попавших под владычество персов. Таким образом, у Артемисия собралось 386 кораблей, из которых почти половина принадлежала Афинам. Соединенным греческим флотом также командовал спартанец, Еврибиад, но у флота каждого отдельного государства был свой собственный флотоводец. Так, афинянами руководил хитроумный Фемистокл, которому отчасти был обязан появлением сам афинский флот. Поскольку греческий флот шел быстрее, чем сухопутные силы, он, видимо, занял свою позицию у Артемисия незадолго до того, как воины достигли Фермопил. Сейчас достаточно точно установлено место, где располагался храм Артемиды, в честь которого Артемисий получил свое имя. Оно совпадает с часовней Святого Георгия на холмах между Асмине и Курбатси. Местом стоянки греков мог быть широкий пляж в заливе Певки, который для этого прекрасно подходил. К западу от Певки простирается плоский песчаный

берег, идущий вдоль всего северного побережья Эвбеи. Места там вполне хватило бы, чтобы вытащить корабли на берег, расположив их в один ряд. Наблюдательные посты разместились на холмах, и один из них был почти наверняка расположен у мыса Артемисий, в десяти километрах от залива Певки. Другой размещался на острове Скиаф, в четырех километрах от мыса Магнесия. Поскольку персидский флот плыл на юг, для того чтобы войти в Эвбейский пролив, ему пришлось бы пройти между Скиафом и материком. Заметив приближение персов, пост на Скиафе должен был зажечь сигнальный огонь, а пост у мыса Артемисий — передать это сообщение флоту в заливе Певки. На тот случай, если подать сигнал оказалось бы невозможным, у острова Скиаф дежурили три корабля. Для того чтобы поддерживать сообщение между морскими и наземными силами, греки отрядили два легких корабля — один располагался в Певки, а другой у Фермопил. Таково было расположение греческих сил, которое они заняли, ожидая прихода персов.

Карта центральной Греции, показывающая театр военных действий. Главные дороги обозначены бледно-желтым. Древние названия мест написаны крупным курсивом. Этот же способ обозначения будет сохраняться на протяжении всей книги.

Вторжение Ксеркса в Грецию

Армия и флот Ксеркса находились в это время в городе Ферма (совр. Салоники). После вторжения в Фессалию они должны были разделиться и вновь могли соединиться только у Эвбейского пролива. Должно быть, именно в Ферме был окончательно разработан план вторжения. Так как армия не могла продвигаться с той же скоростью, что и флот, она должна была отправиться на 11 дней раньше. Силы персов должны были объединиться у Малийского залива на четырнадцатый день, после того как армия обеспечила бы охрану стоянки для кораблей. Ксеркс уже знал, что проходы в Фессалию свободны, и проследовал туда, не встретив никакого сопротивления. Продвинувшись дальше на юг, он узнал от своих разведчиков, что спартанцы заняли Фермопильский проход. Геродот рассказывает, что великий царь послал всадника, чтобы тот разведал греческие позиции. Лазутчик смог подобраться настолько, что сумел заглянуть за стену у средних ворот, однако был не в состоянии разглядеть сам греческий лагерь. В тот день проход охраняли спартанцы. Лакедемоняне, сложив оружие у внешней стороны стены, занимались физическими упражнениями или же расчесывали свои длинные волосы. Услышав этот рассказ, Ксеркс велел послать за Демаратом, чтобы спросить его о смысле увиденного. Бывший царь объяснил, что в обычае спартанцев расчесывать волосы перед тем, как отправиться на опасное дело. Возможно, что этот рассказ апокрифичен, но он хорошо иллюстрирует тот трепет, который испытывали перед спартанцами их союзники-греки. Проходя по 20 километров в день, армия Ксеркса покрыла расстояние в 280 км и на четырнадцатый день после выхода из Фермы стала у Трахина, ожидая подхода флота. Персы отправили десять быстроходных кораблей для того, чтобы разведать обстановку на побережье. Они незаметно добрались до Скиафа и напали на три сторожевые триеры греков, находившиеся у острова. Геродот рассказывает, что, когда весть об этом дошла до флота, расположенного в Певки, греки запаниковали и ушли к Халкиде, оставив спартанцев без прикрытия. Прежде чем осудить этот поступок, следует учесть, что с помощью сигнального огня тогда можно было отправить только одно сообщение (см. стр. 275), и греки могли подумать, что на них движется весь персидский флот. Между тем его основная часть оставила Ферму на двенадцатый день после выступления армии. Корабли достигли области Керамидхи к северу от мыса Пори и остановились там на ночлег. Пологие берега в этих местах встречаются редко, и только первые из

прибывших судов удалось полностью вытащить из воды — остальным пришлось стать на якорь на глубине примерно 8 метров. Ночь была ясная и тихая, но под утро разразился шторм, и многие корабли разбились о скалы. Шторм длился три дня, однако на четвертые сутки флот все же смог отправиться дальше — вокруг мыса Магнесия и пляжей у Афет. На второй день после начала бури наблюдатели, размещенные на высотах Эвбеи, доложили о потерях, понесенных персами. Греки, обрадованные этим известием, вернули свои корабли на прежнее место у Артемисия. Историки не без оснований подвергают сомнениям эту часть рассказа. Возможно, что наблюдательные посты на Скиафе (если они вообще остались там после того, как персы захватили три греческие триеры) и впрямь видели одно-два кораблекрушения. Однако далее в самый ясный день, а не то что в шторм, невозможно различить разбившуюся триеру с расстояния примерно в десять километров. Так что масштаб катастрофы должен был остаться грекам неизвестен. Может быть, этот фрагмент повествования был попыткой объяснить возвращение греческого флота обратно к Артемисию после того, как персидский флот добрался до Афет. Вполне возможно, что рассказ об отступлении к Халкиде вообще выдуман. Геродот мог также преувеличить ущерб, нанесенный штормом, а истинный размер персидского флота мог оказаться вовсе не таким уж огромным, как говорит об этом историк. Геродот знал, что тот флот, который встал у Афет, не слишком превышал греческий по количеству кораблей, поэтому он мог попытаться «уменьшить» его до разумных размеров, повествуя о том, что большая его часть разбилась в бурю. Спустя пару дней он спокойно «отправил на дно» еще 200 триер.

Битва за Фермопилы

К середине августа Ксеркс достиг Ламийской равнины. Он надеялся, что размер его объединенной армии породит в сердцах греков страх и они оставят свои станы. Великий царь не двигался с места четыре дня, вероятно, ожидая прибытия флота. Однако его все еще не было, а греки так же упрямо стояли в Фермопильском проходе. Ксеркс довольно выпендренно приказал мидянам и киссиям (вооружение у них было одинаковое, но киссии носили на голове тюрбаны) атаковать греков и «привести их к нему живыми». Стремительные атаки мидян, казалось, не произвели на греков никакого впечатления. Увидев, что греки держатся стойко, Ксеркс приказал мидянам отступить и отправил в бой свою личную гвардию, «бессмертных», под предводительством Гидарна. Десятитысячный отряд первоклассных воинов самой большой армии в мире отправился в бой по приказу своего царя. Должно быть, тем, кто наблюдал это зрелище из персидского лагеря, ни за что не поверилось бы в то, что «бессмертные» могут потерпеть поражение. При виде приближающихся персов спартанцы вышли из-за стены, чтобы принять бой. Но, несмотря на свой грозный вид, «бессмертные» практически ничего не могли сделать с тяжеловооруженными спартанцами. В узком пространстве прохода их число не давало им преимущества, а копья, что были короче греческих, не позволяли подобраться поближе. Геродот пишет о любимом маневре спартанцев, когда они для вида обращались в бегство, а затем поворачивались и бросались на преследующего их врага. Не верится, однако, чтобы они стали пользоваться этим средством при подобных обстоятельствах и в таком тесном месте. Кроме того, поскольку греки защищались, им необходимо было держать строй: любое нарушение порядка в шеренгах могло дать персам шанс на победу. На следующий день персы снова атаковали. С ними по очереди сражался каждый из греческих отрядов, и, хотя греки понесли большие потери, в конце дня персы ничуть не приблизились к своей цели.

Прибытие персидского флота

Персидский флот прибыл к Афетам через 16 дней после выступления армии из Фермы. Точное место, где он встал на якорь, неизвестно. Геродот пишет, что оно было примерно в 80 стадиях (15 км) от Артемисия и что там было много питьевой воды. «Около 80 стадий» на деле может означать от 70 до 90 стадий (13—17 км). Это сужает территорию поиска до Олизонского или Платанийского заливов. В. К. Притчет, который много лет исследовал места знаменитых сражений Древней Греции, выдвигает убедительные доводы в пользу того, что это был именно Платанийский залив. Он состоит из ряда небольших пляжей, разделенных скалистыми мысами. Самый большой из этих пляжей всего 450 метров в длину. На этом пляже, расположенном к западу от Платании, находится источник. В самой Платании имеется небольшой ручей. Персам, которые вряд ли хотели и дальше терять корабли из-за капризов погоды, нужно было вытащить суда на берег. Следовательно, им требовалось достаточно места для того, чтобы разместить весь свой флот. Ни один из пляжей у Платании не может вместить более одного ряда кораблей. При условии, что весь флот состоит из 450 судов, каждому из которых требуется как минимум 7 метров, общая протяженность стоянки должна быть более трех километров. Платанийский залив мог вместить только около 80 судов, а залив к западу от него — около 65. Это означает, что весь остальной флот, по всей вероятности, поотрядно, разместился вдоль крошечных пляжей, протянувшихся на запад от Платании до Олизонского залива, расположенного шестью километрами дальше. Пляжи там такие узкие, что места хватило бы только для того, чтобы вытащить из воды корму корабля; при этом они обрываются в воду достаточно резко — следовательно, носы триер были скорее всего полностью на плаву. Такое положение можно считать обычным делом, когда сражение должно было вот-вот начаться — оно позволяло легко и быстро спустить корабли на воду. Вспомогательные суда могли просто стать на якорь вблизи берега. У греков, находившихся на южной стороне пролива, было одно существенное преимущество перед противником, разместившимся на северной стороне. Это преимущество давала легкая дымка, которая в течение почти всего дня не давала возможности разглядеть что-нибудь с северного берега, в то время как с южного все было прекрасно видно. Благодаря этому греки могли легко наблюдать за передвижениями персов, а их собственные действия оставались незаметными. Этим преимуществом они воспользовались с большой выгодой для себя. Персы

опасались, что, когда они начнут атаку, греки могут отступить в узкую часть Эвбейского пролива, которая находится примерно на 20 км восточнее. Ширина пролива в этой части всего 3 километра, и греческие корабли с одинаковой легкостью могли как сражаться там, так и спастись бегством. Греки действительно выбрали очень хорошее место, поскольку у них всегда был наготове путь к отступлению.

Карта, показывающая расположение сил в битве при Фермопилах. А — Леонид, В — Ксеркс, С — греческий флот, О — флот персов. Мужество спартанцев в битве при Фермопилах вошло в поговорку.

Персидский флот вряд ли мог пройти пролив, не разбив предварительно весь греческий флот, так как в противном случае греческие корабли атаковали бы с тыла — когда первая часть флота противника уже находилась в проливе. Персы решили обойти греков, отправив часть своих кораблей вокруг Эвбеи для того, чтобы занять пролив. В полдень того дня, когда они прибыли на место, двести триер было отправлено за остров Скиаф, вероятно, для того, чтобы охранять пролив для тех кораблей, что все еще продолжали прибывать. (На самом деле, к числу 200 следует относиться осторожно.) Затем они обошли остров и, оставаясь далеко от берега, чтобы наблюдатели на мысе Артемисий не могли их разглядеть, двинулись вдоль восточного побережья Эвбеи. Греки к тому времени, вероятно, покинули

Скиаф, потому что об этих перемещениях они узнали только от перебежчика. Скорее всего наблюдательный пост на Скиафе был оставлен после захвата трех сторожевых триер. Перебежчика, который рассказал обо всем грекам, звали Скиллий, и он был самым знаменитым ныряльщиком своего времени. Сбежать ему удалось, переплыв Эвбейский пролив. Греки немедленно отправили быстрый корабль через пролив Эврип для того, чтобы предупредить 53 афинские триеры, которые стояли в резерве, ожидая передвижений персидского флота. Перебежчика, который рассказал обо всем грекам, звали Скиллий, и он был самым знаменитым ныряльщиком своего времени. Сбежать ему удалось, переплыв Эвбейский пролив. Греки немедленно отправили быстрый корабль через пролив Эврип для того, чтобы предупредить 53 афинские триеры, которые стояли в резерве, ожидая передвижений персидского флота. Пятнадцать кораблей персидского флота поздно снялись со стоянки, расположенной дальше на побережье, и не сумели соединиться с основной частью флота у Афет до того, как остальные корабли ушли. Эти припозднившиеся суда вошли в пролив между Скиафом и материком ближе к вечеру, когда свет заходящего солнца мешал морякам смотреть на запад. Они не увидели персидский флот в тенях, накрывших Платанийский залив, зато отлично разглядели греческие корабли, сверкавшие в солнечных лучах на юго-западе. Персы приняли их за своих и направили триеры прямо в руки поджидавших их греков. Этот эпизод интересен, поскольку позволяет представить размер персидской стоянки на востоке: если бы какие-то корабли стояли к востоку от Платании, их было бы видно с моря, в то время как стоянка у самой Платании скрыта мысом на восточном конце. Перебежчика, который рассказал обо всем грекам, звали Скиллий, и он был самым знаменитым ныряльщиком своего времени. Сбежать ему удалось, переплыв Эвбейский пролив. Греки немедленно отправили быстрый корабль через пролив Эврип для того, чтобы предупредить 53 афинские триеры, которые стояли в резерве, ожидая передвижений персидского флота. К сожалению, параллельный отчет Геродота о событиях в армии и на флоте в этом месте прерывается. Похоже, что он как-то потерял два дня. Флот прибыл к Афетам на шестнадцатый день после того, как армия вышла из Фермы. События этого и трех последующих дней, кажется, соединились у него в два дня. А. Р. Берн в книге «Персия и греки» подробно изучил эти события и предложил свою реконструкцию, которой я в основном и пользуюсь дальше. Перебежчика, который рассказал обо всем грекам, звали Скиллий, и он был самым знаменитым ныряльщиком своего времени. Сбежать ему удалось, переплыв Эвбейский пролив. Греки немедленно отправили быстрый корабль через пролив Эврип для того, чтобы предупредить 53 афинские триеры, которые

стояли в резерве, ожидая передвижений персидского флота. На следующий, семнадцатый день персы не предпринимали попыток атаковать греческие корабли, поскольку ожидали отряд, отправившийся вокруг Эвбеи. Позже днем греки спустили свои корабли на воду и отошли на веслах в глубь пролива, решив осуществить небольшую вылазку, чтобы разведать настрой противника и узнать что-нибудь о его тактике.

Место стоянки персидских кораблей в Плотанийском заливе у южной оконечности мыса Магнесия. Здесь размещалось около 80 судов. Остальные корабли растянулись вереницей вдоль небольших заливчиков к западу вплоть до самого Олизонского залива.

Когда персы увидели приближающийся греческий флот, они также вышли в море. Греки, вероятно, шли на веслах, выстроившись ромбом. Вражеские корабли, снимаясь с многочисленных стоянок, попытались воспользоваться своим превосходящим числом и большей маневренностью и окружить греческие суда. Когда персы приблизились, греческие триеры по сигналу с корабля Еврибиада развернулись носами к врагу, а кормами сблизилась так, чтобы образовался круг. Затем, по второму сигналу, они атаковали более легкие персидские корабли. Персы, понадеявшиеся на легкую победу, очутились в настоящей западне: они подплыли к греческим судам слишком близко и не могли воспользоваться своей высокой маневренностью. Греки навязали персам свои условия боя. Сражение было остановлено спустя некое время из-за наступления темноты. Греческий флот отправился обратно к Артемисию, вдохновленный собственным успехом — морякам удалось захватить 30 вражеских судов, а еще несколько

повредить или затопить. О потерях греков Геродот ничего не пишет, но несколько триер, должно быть, затонуло. В ту ночь задул сильный юго-западный ветер и разразился страшный ливень. Ветер принес обломки судов с битвы прямо к стоянке персов, и они застряли среди только частично вытасканных на берег кораблей. Хотя флот, стоявший у Афет, понес некоторый урон, его неприятности не шли ни в какое сравнение с теми, что выпали на долю отряда, отправленного вокруг южной оконечности Эвбеи. Буря обрушилась на них со всей силой и выбросила на скалы у южного конца острова. Геродот пишет, что на следующее утро 53 афинские триеры, что сторожили южную оконечность Эвбеи, приплыли к Артемисию с вестью о гибели всего персидского отряда. Это было бы невозможно чисто технически, и ясно, что историк потерял в своем рассказе целый день. Скорее всего в тот день ничего не происходило, так как обе стороны чинили полученные при шторме повреждения. Афинские корабли пришли с новостью о кораблекрушении на следующее, девятнадцатое утро. В тот же день объединенный греческий флот вновь вошел в пролив. На этот раз, возможно, благодаря дымке над водой, им удалось подобраться незамеченными и обрушиться на киликийские корабли, которые находились в это время на стоянке. Греки уничтожили несколько судов и буквально растворились в сумерках. Вероятно, киликийский отряд располагался в Олизонском заливе и греческий флот, следуя мимо мыса Гриба, а затем вокруг западного мыса, смог незаметно войти в залив и атаковать. Все это вполне похоже на правду, так как корабли скорее всего появились при свете заходящего солнца, когда их не так легко было разглядеть.

Завершение битвы при Фермопилах

Между тем в Фермопилах завершался второй день сражения. Леонид отправлял гонца за гонцом на юг с просьбами о подкреплении, но уже было понятно, что никто не придет. Спартанцы оказались одни, а их представления о чести отменяли всякую мысль о том, чтобы оставить свой пост. Вскоре после своего прибытия Ксеркс и его советники узнали о существовании пути через гору, которым можно было воспользоваться для того, чтобы обойти спартанцев в проходе. Гора Каллидромон испещрена разными дорожками — от узких и обрывистых козьих тропинок до вполне широких троп. Трудность заключалась в том, что она обильно заросла лесом и перейти через Каллидромон без проводника было практически невозможно. Даже в наше время, когда этот лес стал значительно реже, там все еще легко заблудиться и при свете дня. Наконец персы нашли местного крестьянина по имени Эфиальт, который рассказал им, что есть один путь, который называют Анопейская тропа, и согласился за приемлемую цену провести их. Тем же вечером, как только стемнело, Гидарн вывел своих «бессмертных» из лагеря и стал взбираться на гору. Эфиальт показывал им дорогу. Всю ночь с трудом карабкались персы по извилистой тропе, покуда небо на востоке не начало сереть, а земля не выровнялась. Они вступили на небольшое, густо поросшее дубами плоскогорье. Персы пробирались под сенью дубов. Под ногами шуршала прошлогодняя листва. Вдруг впереди отряда послышался шум, тишину нарушили человеческие голоса, а затем персидские воины увидели греческих гоплитов, торопливо надевавших доспехи. Гидарн с опаской поинтересовался: «Это спартанцы?» На самом деле это была та самая тысяча фокийцев, которых Леонид поставил охранять горную тропу. Когда Гидарн выяснил, кто они такие, он построил своих воинов в боевой порядок и начал осыпать фокийцев стрелами. Фокийцы, забыв о возложенной на них задаче, решили, что стали главной целью удара «бессмертных». Они бежали на вершину горы и приготовились дорого продать свою жизнь. Однако, как только они освободили проход, персы поспешно начали спуск, не обращая на фокийцев никакого внимания. Вопрос о том, где именно прошли «бессмертные», породил множество споров. Совсем недавно В. К. Притчет подробно изучил местность в том районе и предложил путь, который довольно хорошо подходит по большинству критериев. Геродот говорит, что Гидарн взял с собой тех людей, которыми командовал, — десять тысяч «бессмертных». Причин сомневаться в этом нет. Тогда, если бы дорога представляла собой узкую

козью тропинку, по которой можно следовать только колонной по одному, отряд растянулся бы более чем на десять километров. Это никуда не годится, и Притчет пришел к выводу, что искать следует широкую тропу, по которой смогли бы пройти три-четыре человека в ряд. В топографии Геродота есть одно место, которое легко найти. Он пишет об этой дороге: «Она начинается от реки Асоп, текущей по горному ущелью». Месторасположение Асопского ущелья оспорить трудно. Далее Геродот пишет, что персы перешли через Асоп до того, как начали подъем. Эта информация позволяет сделать вывод, что они находились на восточной стороне ущелья. Примерно в километре к востоку от теснины находится очень удобный подъем в горы. Это самый короткий и самый легкий путь в горы с Ламийской равнины. Он следует вдоль Халкоматского ручья до деревни Элеуферохори, где все еще можно увидеть остатки древней крепости, стоящей у начала тропы. Это доказывает, что тропой пользовались и много веков назад. Геродот говорит, что персы шли целую ночь, и справа от них возвышались Этейские горы, а слева — Трахинские. Это не позволяет согласиться ни с одним из предполагаемых путей через горы, особенно если учесть, что персы перешли Асоп до того, как начать подъем. Дело в том, что и Трахин, и гора Эта находятся к западу от Асопского ущелья. Однако, поскольку собственно Фермопилы находятся на территории Трахина, а гору Эта можно, без сомнения, включить в состав Этейских гор, мы можем предположить, что Трахинские горы включали северную часть Каллидромонского хребта. Объяснение довольно неуклюжее, но ничего другого нам просто не остается, особенно если вспомнить слова Геродота о том, что персы шли меж этих гор «всю ночь». Если такое объяснение верно, то получается, что отряд двигался в южном направлении вдоль западного склона горы Каллидромон.

Равнина Неврополь к югу от перевала Лиафица — Каллидромон. Она расположена там, где соединяются дорога к проходу и дорога, ведущая в Фокиду. Скорее всего это именно то место, где стояли фокийцы.

Геродот пишет, что тропа шла вдоль горного хребта. Это довольно точное описание пути из Элеуферохори через равнину Неврополь к проходу между вершинами Лиафица и Каллидромон. Эта дорога идет по плато, расположенному чуть ниже гребня горы, к югу от нее. Согласно Геродоту, фокийцы разместились так, чтобы защищать и горную тропу, и путь в свою родную землю. Таким местом могла быть только равнина Неврополь, которая расположена примерно в двух километрах от самой верхней точки тропы. Там находится маленькое озеро, которое в наши дни пересыхает летом, но в античные времена могло оставаться наполненным водой круглый год. Кроме того, там есть источник, вполне способный снабдить питьевой водой тысячу гоплитов. В этом месте соединяются дорога, ведущая в Фокиду и Анопейская тропа. Если бы фокийцы расположились поближе к проходу, они оказались бы отрезанными от дороги на Фокиду. Более того, любой путь через проход между Лиафицей и Каллидромоном должен был проходить именно здесь. Как Берн, так и Притчет согласны, что фокийцы заняли свой «последний рубеж» на горе Лиафица, к северу от тропы, что вполне согласуется с описанием событий, сделанным Геродотом.

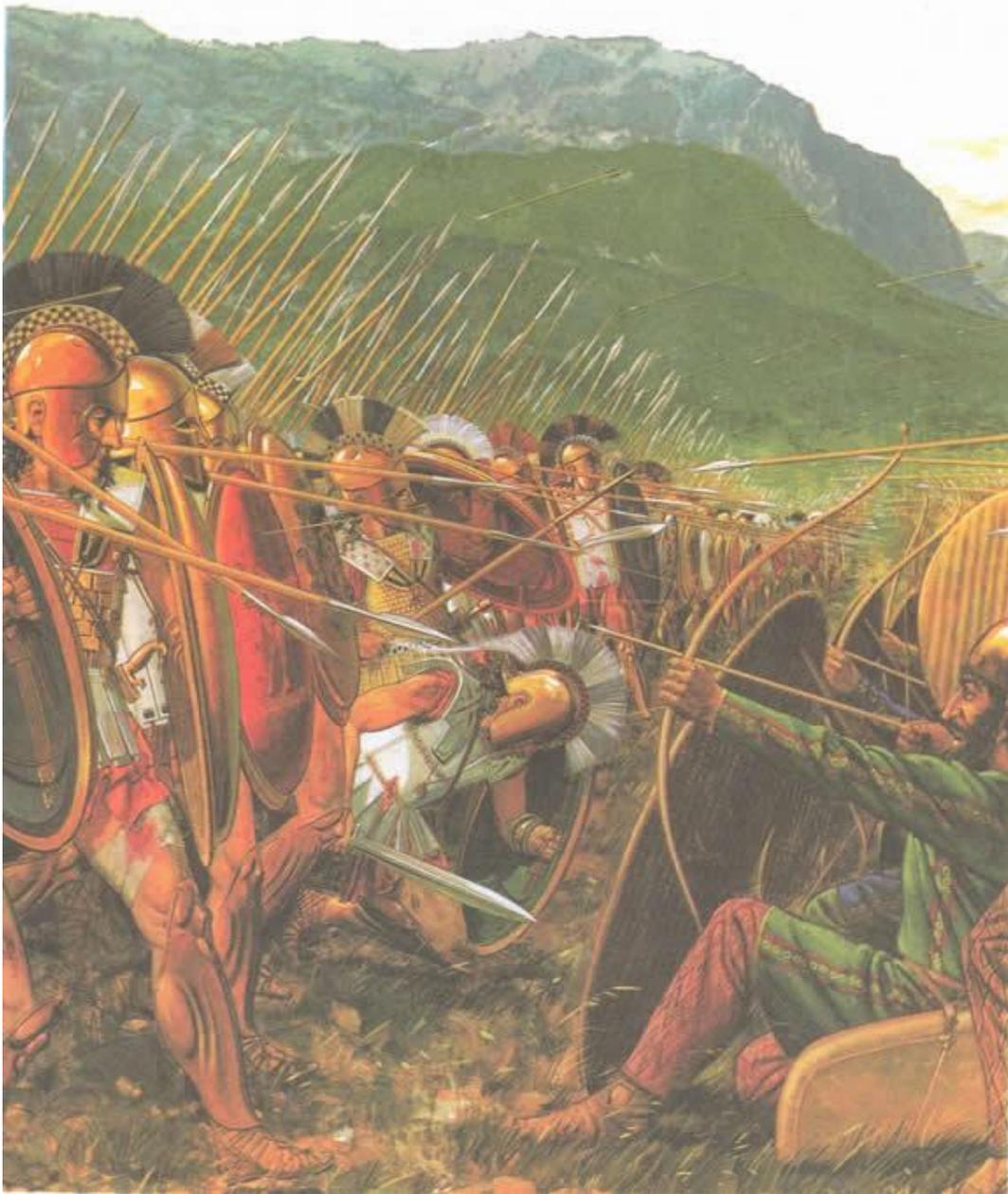
Персы, должно быть, дошли до верхней точки перевала спустя три четверти часа, где-нибудь в половине седьмого утра. Сперва Леонид получил весть о том, что персы перешли горы, от перебежчиков, которые прибыли еще под покровом ночи. Затем, на рассвете, ее подтвердили наблюдатели, размещенные на близлежащих вершинах. Греческие военачальники немедленно стали держать совет. Большинство придерживалось мнения о том, что надо отступать, пока не поздно, и Леонид, увидев страх в их сердцах, отослал их прочь. Сам же он, спартанец, никогда не оставил бы свой пост. Вместе с лакедемонянами остались 700 феспийцев и 400 фиванцев. Геродот полагает, что Леонид силой принудил фиванцев остаться, и указывает, что все они перешли на сторону персов перед последней битвой. Говорят, что, когда они последний раз ели все вместе перед началом сражения, Леонид сказал: «Пусть завтрак ваш будет обильным, о мужи, ибо обедать мы будем в Аиде!» Спуск с горы должен был занять у персов несколько часов, и спартанцы намеревались заставить противника как следует заплатить за свою гибель. Персы добрались до вершины горы и начали спуск. Геродот пишет, что Анопейская тропа спускается в проход у Альпен. С достаточной долей уверенности можно сказать, что этот город находился на выдающемся в сторону болот уступе горы примерно в 3 км от фокейской стены, рядом с восточным проходом. В Альпены легко спуститься, если проследовать позади горы Застано и дальше вниз, через Дракоспилию. Такой путь, около 12 км длиной, мог занять у персов от трех до четырех часов. Ксеркс задержал свое выступление до середины утра. Когда спартанцы увидели, что его войска вошли в проход, они не пытались больше оборонять стену. Вместо этого лакедемоняне вышли в самую широкую часть прохода и построились там обычной фалангой. Легковооруженные илоты прикрывали их с флангов. Здесь они приняли бой, сражаясь с безрассудной яростью. Персы, которых, как говорят, гнали в бой бичами, вынуждены были карабкаться по горам трупов для того, чтобы добраться до греков. Вскоре большинство греческих копий сломалось, и гоплиты вынули мечи и придвинулись ближе, врубаясь в море лиц перед собой. Леонид пал, и над ним развернулась особенно ожесточенная битва, поскольку и персы, и греки стремились завладеть его телом. Четыре раза захватывали его персы и четыре раза греки отбивали труп Леонида. Сражение продолжалось, пока с постов не дошло известие о том, что «бессмертные» добрались до конца тропы. Тогда греки сомкнули ряды и стали отступать за стену. Они миновали ворота и укрепились на невысоком (около 15 м) холме, который возвышался над болотистой равниной. Там они построились кругом и приготовились к смерти. Персы хлынули через стену и попытались забраться на холм, однако их оттеснили. Сначала греки защищались мечами,

а затем, когда последние мечи сломались, руками и зубами. Они продолжали бой, пока персы не погребли их под градом стрел. К полудню все стихло.

Место «последнего рубежа» спартанцев. Сам холм, который возвышается над полем битвы приблизительно на 15 м, был точно определен незадолго до Второй мировой войны — в ходе раскопок там были обнаружены сотни персидских наконечников стрел.

Геродот рассказывает о двух спартанцах, которые ко времени последней битвы были больны и лежали в Альпенах, страдая от глазного недуга. Первый из них, по имени Еврит, узнав о том, что персы обошли гору, потребовал свои доспехи. Затем, поскольку он ничего не видел, Еврит приказал своему илоту провести его в самую гущу сражения. Другой же, по имени Аристодем, испугался и отступил вместе с союзниками. По возвращении в Спарту Аристодема ожидало бесчестие и позор. Только отчаянная храбрость, которую он проявил на следующий год в битве при Платее, сняла с него обвинение в трусости.

Последний день битвы при Фермопилах Леонид и все, кто остался от его крошечной армии, выступили на открытое пространство перед стенами, намереваясь дорого продать свою жизнь. Над телом сраженного Леонида развернулась отчаянная битва.

Что же до Эфиальта, то за его голову была назначена денежная награда. Он бежал в Фессалию, опасаясь, что спартанцы будут охотиться за ним. Много лет спустя он возвратился на родину, в Антикиру, где был убит человеком, имевшим к нему личные счеты. Последний, однако, потребовал свою награду. Приблизительно в то время, когда в Фермопильском проходе

пал последний спартанец, весь разъяренный вечерним нападением персидский флот вышел в море и пересек пролив. Греки, которые намеревались поддерживать связь со своим станом, выстроились на мелководье, сразу у берега. Персы построили свои корабли дугой и попытались окружить небольшой по сравнению с ними греческий флот. Тогда греки вновь вышли вперед, тараня борта более легких персидских судов. Они сильно пострадали в последовавшей стычке, но смогли нанести врагу еще более серьезный ущерб. Персы отступили, обнаружив, что мало чего добились. Хотя ни один противник не мог сказать, кто победил, греки оказались хорошо потрепанными у одних только афинян оказались поврежденными 80 триер. Вскоре после сражения тридцативесельный корабль, который поддерживал связь между флотом и сухопутными силами греков, принес трагическую весть о битве в Фермопилах. Сердца моряков дрогнули при известии о гибели Леонида. Теперь им не было смысла оставаться на месте, и они снялись с якорей и отправились проливом в сторону Эврипа. Корабли следовали в назначенном заранее порядке: впереди плыли коринфяне, а замыкали афиняне. Потрепанный греческий флот тащился на юг, миновав сначала Эврип, затем место былой афинской победы при Марафоне и, обогнув мыс Сунион, прибыл к Афинам. Персы не заметили бегства греков до наступления следующего утра — их передвижения вновь прикрыла нависшая над морем дымка.

Падение Афин

Трагедия в Фермопилах, и особенно тот факт, что никто так и не пришел на смену вызвавшим о помощи греческим воинам, оказала серьезное влияние на дух союзников Спарты. Античные источники сообщают о серьезном разладе в рядах северо-западных пелопоннесцев. Западная Аркадия снарядила в армию Леонида четверть от всего количества воинов, представлявших Пелопоннес, а на следующий год, когда призыв к сбору войска прозвучал снова, не отправила и одного отряда. Персы двинулись дальше на третий день после того, как заняли проход. Обоз, особенно тяжелые повозки, должно быть, следовал вдоль берега. Теперь, когда сопротивление было сломлено, часть войска перевалила через горы и вторглась в Фокиду. Персы грабили каждую деревню, громили и сжигали каждое святилище на своем пути. Население, спасаясь от мародерствующих варваров, бежало на запад и на юг — в горы. Персы не щадили тех, кто попадался им в руки. Фокида должна была стать уроком для всей Греции, которой следовало хорошо подумать, прежде чем решиться продолжать неравное сопротивление. Эта демонстрация силы не прошла впустую. Беотийские города принесли царю землю и воду, символы подчинения, и потому не пострадали. Однако, как было принято, их обязали выделить войско для сражения на стороне персов. Сообщение Геродота о том, что фиванцы сдались персам во время сражения при Фермопилах, вероятно, справедливо, так как из всех городов разрушены были только Феспии и Платея. Феспийцы пострадали за то, что сражались при Фермопилах, а платейцы за то, что были на стороне афинян в Марафонской битве и помогали афинскому флоту при Артемисии. Эти самые платейские моряки высадились в Халкиде, когда греческий флот проходил Эврип, и отправились домой, чтобы помочь спастись горожанам. Как платейцы, так и феспийцы бежали на Пелопоннес.

Карта на которой показано расположение Соломина относительно Афин. Греческий флот располагался на берегах в самой узкой части пролива на восточной (правой) стороне острова. Персы базировались в Фалерской бухте

Персидская армия продолжала двигаться на юго-восток и вторглась в Аттику. Жители Афин лихорадочно пытались спастись из города. Большая часть женщин и детей была отправлена через Саронический залив в Трезену, расположенную на северо-восточной оконечности Пелопоннеса. Некоторые уехали на Эгину, а остальные вместе со всеми здоровыми мужчинами собрались на острове Саламин, который находится в Элевсинском заливе, всего в километре от афинского побережья. Бегство из города было настолько паническим, что много старых и беспомощных людей оказались предоставлены своей участи. В Афинах осталась и кучка фанатиков, которые заперлись в храмах. Несколько раньше, когда афиняне отправили в Дельфы гонца, дабы тот спросил совета у оракула, полученное прорицание содержало фразу:

...Лишь деревянные стены дает Зевес Тритогенею. Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам. Щит. по Геродот, История. Кн. 7.141)

Фемистокл истолковал пророчество Пифии в том смысле, что полагаться им следует на деревянные корабли. С этим объяснением согласилось большинство афинян. Несогласные обнесли Акрополь частоколом и укрылись за ним, ожидая прихода персов. Тем временем спартанцы наконец собрали войско и собрались у Коринфа. Командовал ими второй царь, по имени Клеомброт. Они перекрыли дорогу, что шла вдоль перешейки, а поперек самой узкой его части (там, где теперь находится Коринфский канал) построили заграждение. Армия персов продолжала двигаться в южном направлении, опустошая страну. Флот следовал вдоль побережья, сжигая на своем пути все приморские поселения. Они заняли Афины и захватили Акрополь, защитники которого оказали захватчикам упорное сопротивление. Затем персы ограбили и сожгли храмы и все другие постройки в древней крепости. Афиняне, укрывшиеся на острове Саламин, должно быть, отчетливо видели столб дыма, говоривший о гибели города. Персидский флот подошел к побережью Аттики и разместился в открытой старой гавани Фалер. Греческий флот помещался на восточном берегу Саламина. На острове поднялась настоящая буря, когда флотоводцы из различных городов стали спорить о том, что им делать дальше. Те отряды, что прибыли с Пелопоннеса, намеревались оставить Саламин и соединиться с войском, стоявшим в Коринфе. Афиняне же, что вполне понятно, отказались покинуть свои семьи, которые были на острове. Фемистоклу, хотя ему и противостояли коринфяне, удалось убедить спартанского

флотоводца Еврибиада остаться на Саламине. В противном случае, указывал афинянин, единый флот легко распадется, ибо каждый отправится защищать свою собственную землю.

Битва при Саламине

Когда в 1965 году Притчет опубликовал свою вторую статью, посвященную битве при Саламине, он заметил, что, возможно, именно этому сражению из всех, что были в мировой истории, посвящено больше всего публикаций. Описание этой битвы у Геродота занимает целую книгу. Эсхил написал о ней пьесу. Плутарх рассказывает о ней в двух из своих «Жизнеописаний», а Диодор Сицилийский дает подробный отчет об этом сражении. Среди современных комментаторов самое подробное описание, в которое включено несколько весьма ценных наблюдений, принадлежит перу Н. Г. Л. Хаммонда. Он совершенно прав, когда настаивает на том, что сочинением Эскила можно пользоваться как историческим источником. Хотя «Персы» являются пьесой и автор позволял себе некоторые «поэтические вольности», Эсхил принимал участие в сражении, и к нему можно относиться как к свидетелю. Пока Ксеркс усмирять сопротивление в Афинах, оба флота стояли на якоре, ожидая первого шага противника. Главный флот персов был сосредоточен в Фалерской бухте как раз к югу от Афин, а вспомогательные отряды стояли у входа в Саламинский пролив. Позднее Геродот отметит наличие вспомогательных сил персов у Кеоса и Киносур. Где находился Кеос, сейчас сказать невозможно, но это мог быть один из двух маленьких островков у Липсокутали. Киносура («Собачий хвост») обнаруживается достаточно легко — это длинный узкий полуостров, отходящий на восток от Саламина. В этом случае стоянки греческого флота должны были располагаться выше по проливу и, возможно, были разделены на три части: одна в бухте Амбелаки, напротив древнего города Саламин, другая в бухте Палукия, а третья в бухте Арапис. Геродот пишет, что всего у греков было 380 кораблей, из которых 89 принадлежало пелопоннесцам (включая 40 коринфских), а 180 пришло из Афин. Среди отрядов поменьше более всего кораблей пришло с Эгины — 30, из Халкиды — 20 и Мегары — тоже 20. Из того, как они построились затем для боя, можно сделать вывод, что афиняне занимали бухту Палукия, пелопоннесцы — северную бухту Арапис, а остальные — южную бухту Амбелаки. В «Персах» Эсхил уменьшил количество греческих кораблей до 310, но он мог сделать это для пущего эффекта — так же как наверняка сильно преувеличил число персидских судов. «Как велико было число греческих кораблей, что осмелились броситься в бой на бесчисленное множество персов?» Ответ на этот вопрос — 310 против 1207. Разумеется, эту цифру не следует принимать всерьез — ведь, согласно Геродоту, столько

судов было у персов на начало похода. Так что, даже если с начальным количеством и можно было бы согласиться, оно никак не согласуется с тем, что сотни судов были утрачены у восточного побережья из-за штормов. Версия же о том, что флот был затем восстановлен до точно такого же числа благодаря подошедшим подкреплениям, совершенно абсурдна. О размерах персидского флота можно судить по тому, как персы действовали. Вновь и вновь указывал Геродот на превосходство персидских кораблей и моряков — так что следовало бы сделать вывод о том, что Ксерксу вовсе не нужно было значительно превосходить греков числом для того, чтобы рассчитывать на победу. Почему же он тогда не запер греческий флот в Саламинском проливе половиной всех кораблей и не начал двойную атаку на Пелопоннес — по земле, вдоль перешейка, и с моря, используя другую половину своего флота? Такой план кажется очень заманчивым: множество афинян, которые окажутся отрезанными на Саламине как с моря, так и с суши, очень скоро начали бы испытывать недостаток продовольствия, и голод принудил бы их сдаться. Ксеркс был не в состоянии воспользоваться этим планом по одной простой причине — у него не было достаточного числа ни кораблей, ни людей. Персидский флот к тому времени скорее всего не превышал 500 судов. Похоже, персы еще несколько дней выжидали, не оставят ли греки свою позицию. Ксерксу, должно быть, уже стало известно, что греки, как всегда, переругались. История о том, будто это Фемистокл спровоцировал начало сражения, отправив к Ксерксу посланника с сообщением, что греческий флот собирается сбежать, вероятнее всего, неверна. Уже близилась осень, а Ксеркс почти наверняка планировал однолетнюю военную кампанию. После гибели греческого флота ничто не смогло бы помешать его вторжению на Пелопоннес, поэтому в данном случае он решил проявить инициативу. Персы решили навязать грекам сражение внутри пролива на следующее утро и поэтому начали подготовку к нему заранее: главная часть персидского флота оставила Фалер и стала продвигаться по направлению к предполагаемому месту битвы. Вскоре после наступления сумерек персы высадили самый большой отряд, какой только могли себе позволить, на остров Пситталея, что расположен между Саламином и материком. Островок этот находился прямо в центре планировавшегося сражения, и к нему могло прибить много пострадавших судов. В этом случае персы могли бы добивать греков и оказывать помощь своим. Сейчас многие ученые спорят о том, что за остров назывался Пситталея. Хаммонд утверждает, что это о. Айгиос Георгиос (Святого Георгия) в центре пролива, напротив Перамы. Притчет же утверждает, что так именовался остров Липсокутали, что расположен у входа в пролив. Возможно, Хаммонд излишне доверяет свидетельствам древних историков,

например, Страбону, который сам мог никогда и не бывать в этих местах. Основываться на их работах кажется делом довольно рискованным. Если бы персы заняли о. Святого Георгия, а он расположен точно напротив стоянки греческого флота, всего метрах в четырехстах от берега, греки непременно заметили бы их при первых же лучах солнца, и тогда им было бы почти невозможно удержать эту позицию. Кроме того, остров Липсокутали контролирует вход в пролив, и для персов было бы очень важно стеречь его, покуда они сами не зашли внутрь. Можно лишь добавить, что обломки кораблей действительно относилась затем в южном направлении. Заняв остров, персы отправили египтян, которые составляли западное крыло их флота, занять западный конец Саламинского пролива. Затем, в полночь, весь остальной персидский флот, включая корабли, стоявшие у Киносур и Кеоса, передвинулся ко входу в пролив и занял пространство от Саламина до Мунихия. Весть о том, что персы заняли вход в пролив, дошла в греческий стан ночью. Ее принес Аристид, афинский изгнанник, который ухитрился миновать персидские корабли, пробираясь с Эгины для того, чтобы в час опасности сразиться за родной город. Наблюдатели на Саламине, должно быть, тоже кое о чем догадывались. Теперь греки знали, что им точно придется принять бой. Это было и к лучшему, поскольку в узком пространстве пролива финикийцы не смогли бы в полной мере воспользоваться своим замечательным мореходным искусством. Перед рассветом греки спустили свои триеры на воду, взошли на корабли, подготовили весла и принялись ожидать сигнала. Прозвучала труба, а затем тишину нарушили звуки флейты. Под четкий ритм боевой песни греки взялись за весла, и корабли заскользили к проливу. Ксеркс расположился на горе Эгалеос, господствующей над проливом. Там он повелел установить для себя трон, с которого наблюдал за ходом битвы. Персидские моряки также взялись за весла и подтянулись навстречу грекам. Когда оба флота начали сближаться, греческие корабли, находившиеся в центре, стали табанить, так что линия, в которую они были выстроены, прогнулась.

Место решающего сражения при Саламине. Длинный мыс в центре — Киносура. Справа находится место, где был расположен древний город Саламин. Слева можно отчетливо видеть часть острова Липсокутали.

Увидев это, персы решили, что греки собираются обратиться в бегство, поэтому они, разразившись громким кличем, перестроили свои суда клином. Греки, однако, продолжали табанить. Плутарх писал, что они, казалось, ожидали чего-то, что должно было обязательно случиться. Внезапно во всем проливе началось волнение, и персидские корабли накренились. Волна накатилась на суда сзади, и некоторые из них, изменив курс, вышли из линии, обратившись бортом к греческим триерам. Греческие моряки вскричали: «Вперед, о сыны Эллады! Освободите родную землю, освободите своих жен и детей, освободите храмы богов, которым поклонялись ваши отцы, освободите могилы своих предков. Сейчас вы сражаетесь за них всех!» С этими словами они бросились в бой; обитые бронзой тараны их триер, вспенивая воду, ломали весла и впивались в борта персидских кораблей. Довольно трудно понять Геродотово описание боевого построения: «Против афинян стояли финикияне (они образовали западное крыло у Элевсина), а против лакедемонян — ионяне, которые находились на восточном крыле против Пирея». Термины «восточное» и «западное крыло» можно использовать, только если описывать положение персидского флота до того, как он вошел в пролив, а затем продолжать пользоваться ими, применяя к ионийскому и финикийскому флотам. (Интересно отметить, что в применении к греческому флоту Геродот эти термины не использует.) Если подобное предположение верно, то говорить, что западное крыло

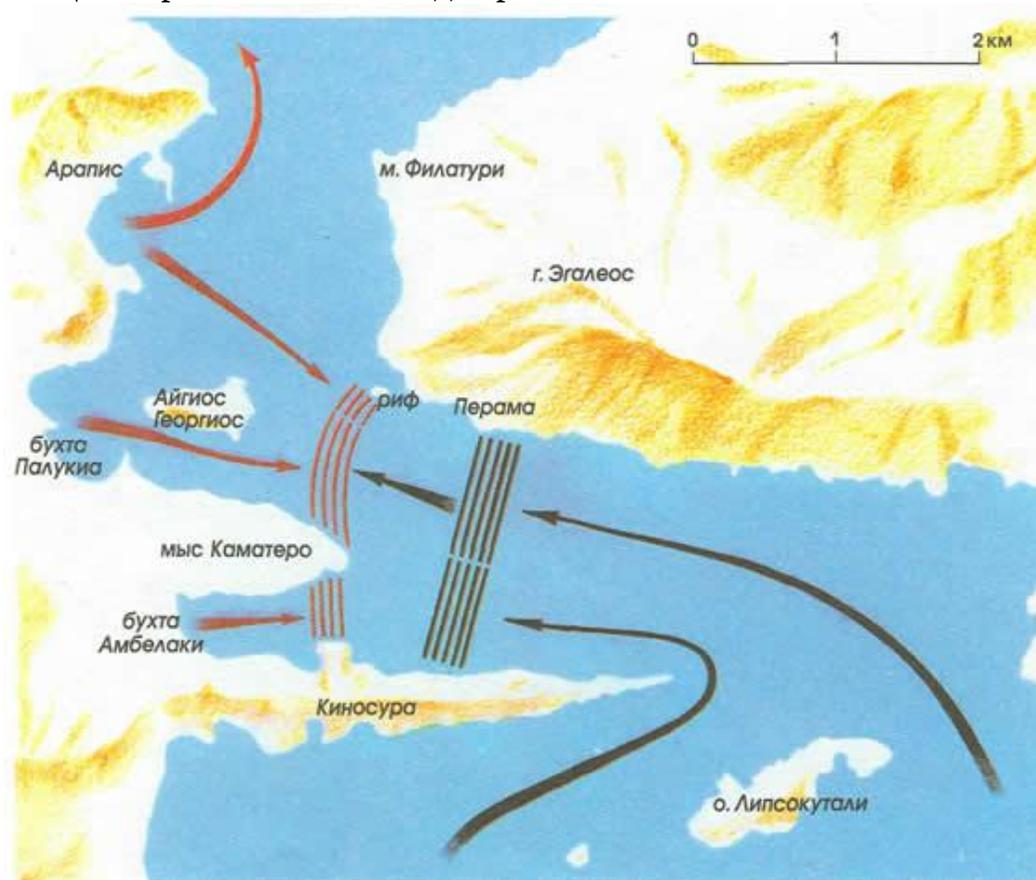
находилось у Элевсина, по меньшей мере немного странно. Как бы то ни было, невозможно использовать термины «восток» и «запад», когда флот выстроен в линию с севера на юг и движется точно на восток. Корабли с Эгины почти наверняка стояли в бухте Амбелаки, так как это единственное место, откуда они могли бы предпринять атаку с фланга на отступающих персов. Именно эгинцы пришли на выручку попавшему в беду кораблю афинян. Из всего этого можно сделать вывод, что афиняне стояли рядом с эгинцами — т.е. в центре справа; в таком случае пелопоннесцы составляли левое крыло. Все согласны с тем, что уровень воды в море рядом с Афинами существенно поднялся по сравнению с античными временами. Притчет приводит множество примеров мест, находившихся тогда над уровнем моря, но сейчас затопленных. Так, например, было открыто несколько античных каменоломен, которые сейчас находятся на глубине от двух до трех метров. Также были обнаружены корабельные навесы на Зее и древнее святилище у деревни Айгиос Космас — они тоже находятся ниже уровня моря. В 350 м от побережья Аттики, напротив Перамы, есть небольшой риф. В античные времена он, вероятно, был островом. Между островком и материком находился мелководный пролив, недостаточно глубокий для триер. Подобное место должно было стать идеальной базовой точкой для северного крыла греков: там они были защищены от внезапной атаки персидской пехоты с материка и их нельзя было обойти с фланга. Последнее было особенно важно из-за численного перевеса со стороны персов. Именно поэтому 40 коринфских кораблей стерегли западный вход в пролив, не позволяя прорваться туда египтянам.

Битва при Соломине. Греки отступают в центре, заманивая персидский флот все глубже в узкий пролив — туда, где был бы бесполезен огромный мореходный опыт финикийцев.

Вряд ли можно верить утверждению Геродота, наверняка заимствованному из какого-нибудь пристрастного афинского источника, будто бы коринфяне сбежали еще до начала сражения. Вряд ли правы те, кто помещает место сражения дальше по проливу, непосредственно перед островом Айгиос 1е-оргиос — в месте, где правому крылу греческого флота не на что было бы опереться. Такое расположение позволило бы персам легко прорваться через правый фланг. Греческий флот был, вероятно, выстроен перед местом своей стоянки, при этом 49 пелопоннесских кораблей формировали его левое крыло и опирались на островок. Не слишком разумным выглядит и предположение, что число в 310 кораблей, составлявших греческий флот согласно Эсхилу, появилось в результате того, что от 380 триер, упомянутых у Геродота, отняли 70 судов, якобы составлявших отряд коринфян — тот, что ушел еще до сражения. Тогда бы у пелопоннесцев, составлявших левое крыло греческого флота, осталось бы только 19 кораблей. Сто восемьдесят афинских кораблей разместились в центре, упираясь справа в мыс Каматеро, а остальные 111 судов (включая 30 эгинских триер) заняли вход в бухту Амбелаки. Расстояние от Каматеро до островка составляет примерно один километр пятьдесят метров. Если считать, что каждая триера занимала примерно 20 м, корабли, должно быть, выстроились в четыре или пять рядов. Согласно Эсхилу, войдя в пролив, персы сначала слышали, как греки поют свою боевую песнь, и только затем увидели их корабли. На этом месте из трагедии основано мнение о том, что греческий флот размещался в проливе севернее Каматеро. Тогда гора Эгалеос закрывала бы его от глаз персов. Хотя и Берн, и Хаммонд отмечают это, никто не может точно доказать, что греки стояли именно там. Оба исследователя говорят, что флот опирался на мыс Каматеро, который находился в полной видимости персов. Если же полностью следовать Эсхилу, то само сражение должно было бы происходить где-нибудь между бухтой Арапис и мысом Филатури. Самым правдоподобным объяснением все-таки является наличие легкой дымки над морем, помешавшей персам увидеть греков сразу. А может быть, было еще слишком темно. С другой стороны, они могли слышать греческую песню еще до входа в пролив. Несколько позже Геродот упоминает о том, что тогда дул западный ветер, который отнес обломки кораблей дальше по побережью. Этот же ветер мог унести звук песни на расстояние от трех до четырех километров — и как раз донести ее до персидского флота. Сражение продолжилось. Узкий пролив не давал возможности свободно маневрировать, поэтому бой шел «корабль на корабль». Грекам удалось сохранить боевой строй, но для персов это было просто невозможно. Персидские корабли столпились в центре пролива, взятые в клещи выдвинувшимися флангами греков. Персы попытались

развернуться, не протаранив при этом друг друга, но это было безнадежно. Греки же легко находили себе жертвы среди кораблей, чуть отделившихся от основного ядра. Персидские моряки знали, что на них смотрит сам царь, и сражались храбро. Они осыпали дротиками палубы греческих триер, а затем старались их протаранить. Ионийский корабль из Самофракии отошел от остальных персидских судов и пробил борт афинской триеры, однако не успел он освободиться и отойти от тонущего судна, как триера из Эгины обогнула мыс и захватила ионийцев врасплох. Покуда их собственный корабль шел на дно, отряд метателей дротиков сумел выбить греческих моряков с палубы триеры. Ее захватили, к большому удовольствию Ксеркса. Несмотря на эти отдельные успехи, зажатый в проливе персидский флот находился в отчаянном положении. Его потрепанные корабли попытались оторваться от противника, но стоило им выйти из пролива, как их атаковал с фланга эгинский отряд, поджидавший в бухте Амбелаки. Афиняне, преследовавшие отступающих персов, также сеяли опустошение среди их кораблей. Торжествующие греки не проявляли особой жалости к оказавшимся за бортом вражеским морякам: подобрав весла или любое подвернувшееся под руку оружие, они забивали до смерти или топили беспомощно барахтавшихся в воде врагов.

Когда персидский флот вошел в пролив, то финикийские корабли двигались колонной к востоку от Липсокутали (ближайшего к Пирею острова), а ионийцы прошли с запада от маленького островка. Они, должно быть, стали выстраиваться в линию, уже находясь в проливе. Пелопоннесцы встали напротив финикийцев, а афиняне — напротив ионийцев. Остальные корабли (их было около ста десяти) ожидали в бухте Амбелаки. Затем они вышли оттуда и атаковали отступающих персов.

Тем временем Аристид, тот самый афинский изгнанник, набрал из смотревших на сражение с берега гоплитов большой отряд и захватил остров Пситталея, перебив находившийся там персидский гарнизон. Так была уничтожена последняя доступная поврежденным кораблям персов стоянка. Те из разбитых судов, которые не прибило к берегу острова, отнесло дальше по побережью — к мысу Колиада, примерно в четырех километрах от Фалера. Хотя персидский флот не был еще окончательно разбит и по количеству кораблей пока что превосходил греческий, Ксеркс осознал, что с надеждами на быструю победу можно проститься. Он поручил командование большей частью своей армии (примерно 150 тысяч человек) Мардонию и вернулся в Азию. Мардоний же удалился зимовать в Фессалию, и южная Греция могла на несколько месяцев вздохнуть спокойно. Ксеркс опасался, что после поражения при Саламине воодушевленные ионийцы могут вновь поднять восстание, поэтому он отправил свой флот к Киме, а следующей весной перевел его на Самос.

Спартанцы начинают действовать.

Следующей весной Аристид и еще один изгнанник, Ксантипп, были избраны начальниками афинского войска. Теперь Мардоний действовал дипломатическим путем. Он попытался развалить союз Афин с пелопоннесцами, предлагая городу очень заманчивые условия. Однако Афины не забыли былых обид. Обычно они, как и любой другой греческий полис, ничуть не стеснялись предательства, если это было в их интересах, но в данном случае все предложения персов были твердо отклонены. Афины, однако, воспользовались этими предложениями для того, чтобы попытаться (правда, безуспешно) вынудить спартанцев оказать им помощь. Настало лето, и Мардоний отправился на юг. Он подождал, пока не начал созревать урожай, и вновь двинулся на Афины и занял город, не встретив никакого сопротивления. И вновь Спарта отказалась прийти на помощь своему союзнику. При Саламине Афины поставили на карту все — и спасли Спарту. Они отказались предать интересы всей Греции. Но это мало что значило для спартанцев. Греков объединил только общий враг извне, а отнюдь не взаимная любовь. Вся борьба Греции с Персией, начиная с Марафона, являла собой картину дурной стратегии, грубых ошибок и эгоизма, слегка скрашенную героизмом. Удивительно, как им вообще удавалось одерживать победы. У персов, напротив, была прекрасная стратегия, они действовали энергично и довольно-таки храбро, но им катастрофически не везло. В конце кампании они полностью обошли греков, а затем допустили один-единственный просчет, в результате которого проиграли войну. Когда Афины опять оказались захваченными, жители города вновь перебрались на Саламин. Мардоний еще раз попытался договориться с теми, кто был на острове. Афиняне отправили посольство в Спарту, чтобы убедить лакедемонян оказать им помощь, но в Спарте снова, как это уже было при Марафоне и Фермопилах, был религиозный праздник, и спартанцы отказались прийти. Одновременно они лихорадочно увеличивали высоту стены, перегораживавшей перешеек, ясно давая понять всем, где начинается земля, за которую они будут сражаться. День за днем спартанцы выжидали, откладывая решение. Так продолжалось десять дней, пока афиняне не пригрозили, что согласятся на предложения Мардония. Согласно им афинский флот должен был перейти под командование персов, а это ставило под удар весь Пелопоннес и делало бессмысленными укрепления на перешейке. Только тогда Спарта решилась вступить в войну. Но, раз приняв решение, спартанцы начали действовать

очень энергично. Командование объединенными греческими силами приняли Павсаний, сын царя Клеомброта (сын Леонида, Плистарх, был еще ребенком), и Еврианакт, сын Дориея, которого Клеомброт желал видеть вторым царем. Пять тысяч спартанцев, примерно две трети всей спартанской армии, а также тридцать пять тысяч илотов немедленно выступили на север. По пути к ним присоединились семнадцать тысяч гоплитов из северо-восточного Пелопоннеса. Мардоний немедленно оставил Афины, предварительно разрушив все, что еще оставалось от города. Огню был предан также и Элевсин. Мардоний отошел в Беотию, где местность была значительно более открытой и удобной для действий его конницы. Когда Мардоний начал двигаться на север, он услышал, что передовой отряд спартанцев, в котором была тысяча воинов, уже дошел до Мегары, расположенной всего в 45 километрах от Афин. Он немедленно повернул и, отправив вперед конницу, нанес молниеносный удар по Мегаре. Город, однако, Мардонию взять не удалось, а когда он узнал, что на перешейке собирается греческая армия, то отозвал свои войска и ушел в Беотию. Мардоний миновал с востока гору Парнас, переправился через реку Асоп (это другой Асоп, не тот, что в Фермопилах) и прошел по ее северному берегу через Танагру в Скол, который находился на фиванской земле. Там он построил укрепленный лагерь, о котором Геродот пишет, что он представлял собой квадрат примерно в 10 стадий (около 1800 кв. метров), а это только в пять раз больше римского лагеря, описанного Полибием. Такой лагерь вмещал 20 тысяч пехотинцев и 2,5 тысячи всадников. Если исходить из этого, то армия Мардония вряд ли была больше 120 тысяч человек, включая конницу. Геродот пишет, что войско персов разместилось вдоль реки, начиная от Эрифр, мимо Гисий, вплоть до Платейской области. К сожалению, сейчас достаточно точно известно только то место, где находилась Платея; места под названием Скол, Гисии и Эрифры так и остались неопределенными. Притчет в течение нескольких лет тщательно исследовал поле битвы при Платее. Он исходил десятки миль по окрестным полям и холмам в поисках древних поселений. Метод, которым он пользовался, называется «шердинг» (от английского слова «shard», которое означает «кусочек, фрагмент») и состоит в исследовании земли — лучше всего непосредственно после того, как ее вспахали. Предметом поиска являются фрагменты черепицы и кусочки древней керамики. На том месте, где их попадает больше всего, и при этом на большой, территории, можно предполагать наличие древнего города или деревни. Притчет опубликовал результаты исследования своих находок в двух статьях. Первая появилась в «Американском археологическом журнале» в 1957 г. Вторая, в которой он пересмотрел некоторые свои взгляды, появилась в книге, озаглавленной

«Исследования по топографии Древней Греции», опубликованной восемью годами позже. При помощи описанного выше метода ему удалось обнаружить три поселения к западу от Платеи. Два из них находились на северном склоне горы Пастра, которая, вместе с горой Киферон, ограничивает место сражения с юга. Еще одно поселение находилось у реки Асоп. Опираясь на античные источники, можно определить, что два поселения на склоне горы Пастра были Гисии (примерно в полутора километрах от современной Эритре) и античные Эрифры (примерно в километре к западу от современной Дафны). Третье поселение, на Асопе, нашли, когда искали именно Скол. Павсаний сообщает, что он располагался примерно в 40 стадиях (восемь километров) вниз по реке от места, где Асоп пересекает дорога из Платеи в Фивы. Притчет обнаружил явные следы античного поселения ровно в 40 стадиях вниз по Асопу от обозначенного места. Несколько позже Берн предположил, что Скол находился на южном берегу реки, но в целом он согласился с тем, что все три города были расположены именно в тех местах, которые указал Притчет. Остатки поселений, которые обнаружил Притчет, находились в местности, обозначенной на картах генерального штаба времен последней войны как Палиомилы. Отсутствие в Греции достаточно точных карт делает изучение топографии этой страны особенно сложным. Итак, армия персов разместилась вдоль северного берега реки Асоп. Она растянулась почти что на 12 км, начинаясь от места, расположенного напротив Эрифр, и заканчиваясь где-то напротив Платеи. Лагерь персов был, вероятно, на высоком месте, над Сколом, — там они могли контролировать главную дорогу, ведущую из Афин в Фивы и, кроме того, охранять Асопский мост. Сам Асоп в той местности не представляет собой ничего серьезного — маленькая речушка, через которую легко переправиться. Тем временем пелопоннесская армия прошла по перешейку в Элевсин, где соединилась с перебравшимися с Саламина афинянами. Оттуда они направились на север и вслед за персами оказались в Беотии. Греки точно так же миновали гору Парнас, а затем повернули на запад, вдоль южного берега Асопа. Геродот повествует, что греческая армия достигла Эрифр, где узнала о том, где именно устроили свой стан варвары. Затем расположились в боевом порядке у подножия горы. В своей первой статье, посвященной Платее, Притчет приводит подробное исследование путей через горы, ведущих в долину Асопа. Он сделал вывод, что таких путей было только два. Один проходил примерно там же, где современная дорога из Афин в Фивы, и будет именоваться далее дорогой через Гифтокастро. Другой же путь, который обнаружил Хаммонд, проходит через чуть более высокий перевал примерно в двух километрах западнее первого. Должно быть, это была дорога в

Мегару, поэтому давайте ее так и будем называть. В другой своей статье Притчет отбросил версию о первой дороге, утверждая, что только путь на Мегару являлся проезжим. Из этого я могу сделать вывод, что он имел в виду дорогу, годную для грузовых караванов с колесными повозками, поскольку существование афинской крепости в Гифтокастро, на южной стороне перевала, доказывает, что в IV в. до н.э. этой дорогой пользовались. В 379 г. афинский полководец Хабрий занял оба пути; сам он обосновался на перевале Гифтокастро, но спартанцы сумели пройти по дороге через Платею, т.е. по Мегарской дороге Хаммонда. Если Притчет был прав, определяя местонахождение древних Эрифр непосредственно к западу от Дафн, то тогда греки узнали о расположении персов, что называется, «из первых рук», поскольку оттуда можно увидеть весь персидский строй. На самом деле, их позиции отлично видно отовсюду — со всех предгорий по дороге на Платею, двенадцатью километрами западнее. Геродот высказывается в том смысле, что именно от Эрифр греки впервые увидели расположение персов, а это исключает возможность того, что они вошли в долину через Мегарский перевал или перевал Гифтокастро, которые находятся в восьмидесяти километрах дальше на запад. Даже если не принимать во внимание то, что говорит Геродот, для греческого войска не было никакого стратегического смысла в том, чтобы передвинуться на восемь или десять километров восточнее вдоль подножия горы и открыть свои пути снабжения для атаки с фланга, особенно когда они затем снова передвинулись еще западнее. Из всего этого вытекает, что греки вошли в долину с востока. Мардоний умело выбрал место, на котором он хотел дать сражение. Его собственные пути снабжения находились у него за спиной, в то время как у греков между войском и источником пополнения провианта оказалась горная цепь. Припасы эти должны были идти с Пелопоннеса, поскольку Аттику опустошали на протяжении предыдущих двух лет. При помощи своей конницы Мардоний мог отсечь греков от их источников снабжения. Когда Мардоний увидел, что греки хотят обосноваться на возвышенности и не собираются спускаться на равнину, он двинул вперед конницу Масистия. Всадники переправились через реку и отдельными отрядами двинулись вверх, осыпая гоплитов стрелами. Греческая армия, которая, согласно Геродоту, состояла из тридцати восьми тысяч семисот гоплитов и семидесяти тысяч легковооруженных воинов, расположилась в боевом порядке вдоль предгорий, спиной к утесам. Если предположить, что гоплиты стояли в рядах по восемь человек, то одни они должны были растянуться примерно на пять километров. Легковооруженные отряды скорее всего разместили на флангах и в тех местах, где на равнину выдавались различные уступы. Наиболее вероятное место для правого

крыла войска, состоявшего из спартанцев, находилось в двух километрах к западу от нынешней Дафны, где тридцать пять тысяч илотов могли прикрыть подходы с востока. Остальные гоплиты, должно быть, растянулись, минуя античные Эрифры, до длинного гребня горы, который выдается на равнину в двух с половиной километрах к западу от Дафны. Размещение на этом гребне большого отряда легковооруженных воинов давало хорошее прикрытие левому крылу греческой армии. Хотя наличие на уступах горы легковооруженных отрядов действительно хорошо могло прикрыть гоплитов, к западу от античных Эрифр находилась одна очень слабая точка — там, где местность была открытая. Стоявшие там три тысячи мегарских гоплитов сильно пострадали от конницы Масистия. Мегарцы послали к эллинским военачальникам вестника с просьбой о помощи. Идти вызвались триста афинских гоплитов, которые, взяв с собой лучников для прикрытия, согласились занять позицию перед мегарцами и остановить конные атаки персов. Вновь и вновь отдельные отряды персидской конницы обрушивались на три сотни афинян, осыпая их стрелами. Атаку возглавил сам Масистий — в пурпурном одеянии, верхом на богато украшенном нисейском коне с золотой уздечкой. В гуще сражения случайная стрела поразила коня в бок; животное взвилось от боли на дыбы и сбросило военачальника персов. Афиняне добрались до него прежде, чем Масистий смог подняться на ноги. Покуда одни из них ловили коня, другие тщетно пытались прикончить Масистия копьями — покуда не обнаружили, что под пурпурной туникой он носил позолоченный чешуйчатый доспех. Когда они это поняли, один из афинян поразил его в глаз. Персидские всадники не сразу поняли, что случилось. Когда они увидели, что афиняне, по своему обыкновению, столпились вокруг трупа, потому что каждому хотелось посмотреть на него, персы повернули и обрушились на них все вместе, дабы отбить тело. Афиняне закричали, чтобы мегарцы спустились и помогли им. Над телом завязалась жестокая битва, и афинян почти что оттеснили от их добычи. Затем начали подходить отряды из основных сил греческой армии, и персы потеряли много всадников. Их оттеснили примерно на 400 метров, где всадники и остановились. Затем, увидев, что ничего сделать нельзя, они возвратились в лагерь, чтобы доложить о случившемся Мардонию. Потеря пользовавшегося любовью и уважением начальника конницы вызвала глубокую печаль в стане персов. В греческом же лагере, напротив, царила радость. Они положили тело Масистия на повозку и возили его между рядами воинов так, чтобы все могли его увидеть. Многие гоплиты нарушали строй и пробирались вперед, чтобы с трепетом поглазеть на тело. Греческие военачальники решили воспользоваться сумятицей, возникшей в персидском лагере, и переменить

позицию. Они спустились к Платее, на равнину, расположенную двенадцатью километрами дальше на запад. Геродот говорит, что местность эта была во всех отношениях удобнее, особенно из-за обилия питьевой воды — там находился источник Гаргафия. На прежнем месте воды не хватало, так как наверху были только маленькие ручейки, а брать воду из Асопа не позволяли персидские лучники. Один очень важный фактор Геродот не упомянул: на прежнее место припасы подвозились либо по дороге вокруг восточного склона горы Парнас, либо по очень опасному пути между горой Парнас и горой Пастра. Переместившись к Платее, греки приобрели возможность получать припасы непосредственно с Пелопоннеса, через Мегарский перевал. Место, где находился источник Гаргафия, точно не установлено, но принято считать, что это один из источников, что располагались к югу от холма Айгиос Иоаннис (Святого Иоанна), примерно в трех километрах на северо-северо-восток от современной Эритре. Притчет утверждает, что это источник Ретси, поскольку он там самый обильный. Айгиос Иоаннис — один из нескольких невысоких холмов, расположенных на северном конце более высокой плоской гряды примерно в три километра шириной, что тянется к Асопу между горами Киферон и Пастра. Эта гряда называется Асопской. Греки собрали свое снаряжение и спустились мимо Гисий на платейскую землю, где они и расположились, «близ источника Гаргафии и святилища героя Андрократа, по невысоким холмам и на равнине, выстроившись по народам». К сожалению, о том, где именно находилось святилище героя Андрократа, можно только догадываться. Ксенофонт упоминает, что оно было на правой (восточной) стороне дороги из Платеи в Фивы, а значит, также располагалось поблизости от холма Святого Иоанна или, может быть, на самом холме. Разные религии имеют привычку строить свои святилища на одном и том же месте, и немало православных часовен стоит на развалинах языческих храмов. «По невысоким холмам и на равнине» — это описание довольно хорошо подходит к линии войска, вытянувшейся примерно на шесть километров через несколько холмов Асопской гряды, через равнину, расположенную напротив Платеи и упиравшуюся левым крылом в холм Пирг. Спартанцы, возглавившие правое крыло, стали на Асопской гряде и охраняли источник. Никто не осмелился оспаривать их право занять самое почетное место, а вот по поводу второго по чести места, левого крыла, разгорелся самый горячий спор, в подлинно греческом духе. Спорили тегейцы, которые всегда занимали эту позицию в спартанской армии, и афиняне. Ясно, что победили афиняне. Это событие помогает нам увидеть античных греков с очень интересной стороны — даже перед лицом грозного врага, когда сама жизнь их была поставлена на карту, греки готовы были препираться по поводу

чести. В окончательном виде греческие позиции выглядели так: на правом крыле стояли пять тысяч спартанцев и пять тысяч других лакедемонян под предводительством Павсания. Он же был главным военачальником. Полторы тысячи тегейцев встали рядом с лакедемонянами, слева. Левое крыло занимали афиняне, которыми командовал Аристид; рядом с ними встали верные союзники афинян, платейцы, выставившие 600 гоплитов. Между двумя крыльями разместили остальных — пелопоннесцев справа, рядом со спартанцами, а остальных рядом с афинянами. Самый большой из этих отрядов выставил Коринф — пять тысяч человек; самые малочисленные — по 200 воинов каждый — были из Лепрея, что в Трифилии, и из Пала, расположенного на острове Кефалления. Микены и Тиринф, столь знаменитые в эпоху бронзы, смогли дать вместе только 400 человек. Тридцать пять тысяч илотов прикрывали спартанцев справа; остальные тридцать четыре с половиной тысячи легковооруженных воинов, вероятно, разместились на другом крыле. Их задачей было сдерживать персидскую конницу на флангах, которые являлись уязвимым местом армии, состоявшей из гоплитов.

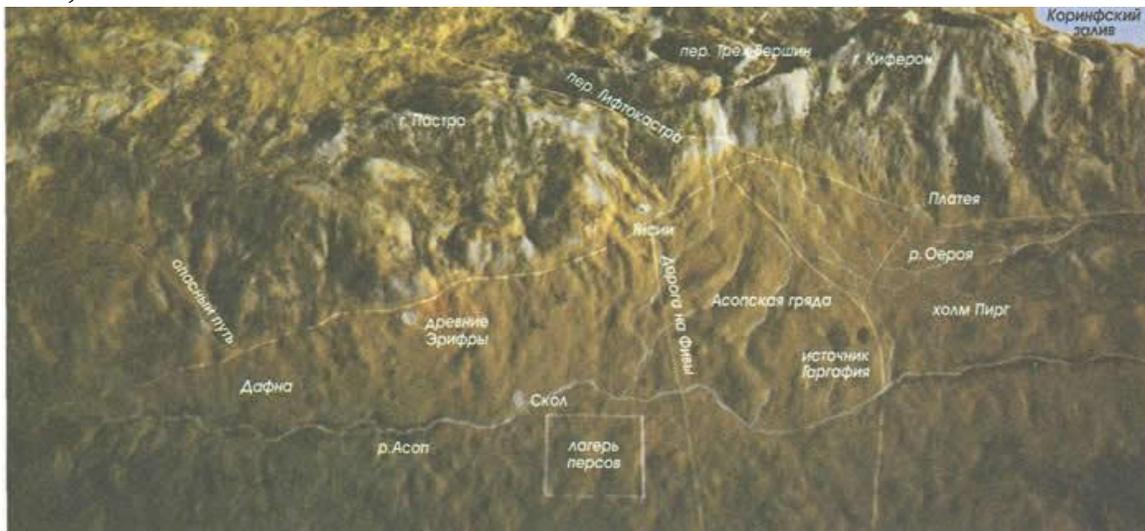

Схема верхней части долины Асопа, если смотреть с севера на юг. Греки, вероятно, вошли в долину с востока (слева), и впервые увидели стан персов, когда подходили к Эрифрам. Здесь персы впервые атаковали их.

Когда персы закончили оплакивать Масистия, они также передвинулись по реке, покуда не оказались напротив нового расположения греческого войска. Мардоний разместил своих воинов вдоль северного берега. Свои отборные персидские отряды он поставил напротив лакедемонян, причем те, что послабее, оказались напротив тегейцев. Спартанцы, вероятнее всего, построились по четыре в ряд; так же могли поступить тегейцы и остальные лакедемоняне. Более глубокое боевое построение против легковооруженных

отрядов не требовалось, а чем длиннее боевая линия, тем труднее обойти ее с флангов. Если посчитать, что на каждого воина приходится чуть менее метра, то 13 тысяч гоплитов заняли примерно три километра. Рядом с персами Мардоний разместил мидян. Они стали напротив отрядов из Коринфа, Потидеи, Орхомена и Сикиона, которые вместе составляли 8900 гоплитов. Не настолько уверенные в себе, как спартанцы, они скорее всего построились по восемь рядов, а это означает, что мидяне заняли чуть больше километра. Таким же образом бактрийцы противостояли отрядам из Эпидавра, Трезена, Лепреона, Микен, Тиринфа и Флиунта, состоявшим из трех тысяч четырехсот человек и занявшим примерно 400 метров. За бактрийцами Мардоний поместил индийцев, которые стали напротив отрядов из Гермियोны, Эретрии, Стары и Халкиды — тысяча триста гоплитов и сто пятьдесят метров соответственно. Следующими персидский полководец повелел стать своим последним азиатским отрядам — скифам. Им предстояло сражаться с двумя тысячами гоплитов из Ампракии, Левкаса, Анактории, Пала и Эгины. Эта часть линии составляла немногим более двухсот метров. Напротив 11 600 мегарцев, платейцев и афинян, которые заняли примерно один километр и двести метров, Мардоний выставил своих союзников с севера Греции — беотийцев, локров, малийцев, фессалийцев и македонцев, к которым добавилась тысяча фокийцев — из тех городов, что сдались персам. Геродот добавляет к этому небольшие отряды из Фригии, Фракии, Мисии, Пеонии, Эфиопии и Египта. Так что, не считая конницы и легковооруженных отрядов, вся боевая линия должна была составить примерно шесть километров. Конница была выстроена отдельно, почти наверняка на флангах, напротив легковооруженных греческих воинов. Разместив войско, оба противника стали приносить жертвы, надеясь на благоприятный ответ от богов.

Решающая битва

Восемь дней стояли две армии, уставившись друг на друга через долину и ожидая, пока жрецы получат благоприятное для начала сражения знамение. Это ожидание было больше на пользу грекам, чем персам, потому что теперь припасы и подкрепления щедро текли в станы греков через Мегарский проход. Этот перевал, который греки именовали Тре Кефале, Три Вершины, можно отождествить с Мегарским перевалом, который идет между тремя пиками — Ловкисфи, Фихфи и Карумсала, что находятся на восточной стороне горы Киферон. По ним то он и получил свое название. На восьмой день Мардоний отправил часть своей конницы на вылазку. Они обошли правое крыло греческой армии и заняли подходы к перевалу. При этом им удалось захватить 500 вьючных животных и несколько повозок вместе с возницами. Пути снабжения греков оказались перерезанными. Почему они не поставили сильный отряд у входа на тропу, остается вне всякого понимания, но подобная небрежность вообще была в духе греческих полисов. Еще три дня ни одна из армий не сдвинулась с места, хотя персидская конница постоянно не давала грекам покоя. На рассвете одиннадцатого дня с того времени, как они переместились на новые позиции, спартанцы и афиняне по какой-то непостижимой причине решили поменяться местами. Причина, которую приводит Геродот — что спартанцы испугались ставших напротив них персов, — настолько очевидно является афинской выдумкой, что на нее не стоит обращать внимания. Истинным поводом для этой перемены могло быть как раз обратное: правое крыло, размещенное на холмах напротив современной Эритре, было значительно более сильной позицией, и афиняне, находившиеся на левом крыле и постоянно подвергавшиеся атакам персидской конницы, вероятно, сочли ее значительно более удобной. Так что спартанцы вполне могли предложить им поменяться местами. В ответ Мардоний точно так же передвинул свои сильнейшие персидские отряды. Из-за этого ситуация у холма Пирг на левом крыле существенно ухудшилась. Спартанцам пришлось вернуться на прежнее место и «увести» за собой персов. Другой возможной причиной для перемены позиции могла стать задуманная спартанцами внезапная атака на греческих союзников персов — чтобы разбить их до начала основного сражения. Впрочем, такое предположение маловероятно, ибо спартанцы не были склонны к блестящим тактическим маневрам. Больше всего похоже, что весь этот эпизод — неправда, и в любом случае к концу дня все снова оказались на своих прежних местах. Теперь Мардоний приказал всей

коннице переправиться через реку и атаковать. Персидские всадники приблизились к греческим рядам и начали осыпать их стрелами, в то время как часть персов пробила себе путь вверх по Асопской гряде и загрязнила источник Гаргафия — спартанцы, как всегда, не потрудились выставить там охрану. Положение греков резко ухудшилось, так как они не могли брать воду из узкого Асопа из-за персидских лучников на противоположном берегу и вдобавок оказались отрезаны от своих путей снабжения. Мардоний полностью превзошел их в военном искусстве. Собравшиеся на военный совет греческие военачальники решили, что единственное, что они могут сделать, — это отступить к подножию холмов, где они могли бы вновь наладить и прикрывать свои пути снабжения припасами. Там же, в месте, именуемом «Остров», в изобилии была питьевая вода. Место, где находился этот «Остров», определить практически невозможно. Геродот говорит, что он был в десяти стадиях от Асопа и источника Гаргафия, перед Платеей, и представлял собой остров, образованный рекой Оероя там, где она разделяется на два рукава, а затем вновь соединяется тремя стадиями ниже. Там у греков было бы вдоволь питьевой воды и им не могли бы более вредить персидские всадники. Сегодня подобного места не существует, и на всем поле сражения нет вообще ничего похожего. В той местности есть еще только один обильный источник воды, который расположен сразу к западу от церкви св. Анны в двух километрах западнее современной Эритре, — источник Вергутиани. Перед ним есть слегка возвышающаяся земляная гряда, которая идет мимо Платеи, по восточной стороне. Это место с обеих сторон омывается притоками Оерои, которые в античные времена могли быть значительно более полноводными. Той воды, что имеется там летом, в наше время совершенно точно не хватило бы, чтобы напоить стотысячную армию. Отступить решили сразу после наступления темноты. Известно, что в тех местах было три дороги, ведущие на север от подножия горы Киферон по направлению к Фивам. Одна из них, та, что начиналась от перевала Гифтокастро, примерно соответствует современному шоссе Афины — Фивы, за исключением того, что она вела на север более прямо. Шоссе же зигзагами спускается вниз с холмов и проходит через Эритре. Второй путь пересекал перевал Три Вершины, а затем раздваивался. Одна из образовавшихся дорог вела от развилки в Платею, а другая шла на север через Асопскую гряду. К западу от холма Айгиос Иоаннис к ней присоединяется третья дорога, начинающаяся в Платее. Она затем пересекает реку и ведет в Фивы. План перемещения войска был, вероятно, таков: афиняне и все левое крыло должны были воспользоваться платейской дорогой, центр — путем через Три Вершины, а спартанцам на правом крыле следовало воспользоваться дорогой на Гифтокастро. План этот был вполне

типичным для греков — то есть неудачным. Когда над центральной частью армии греков, той, что стояла на открытом месте и сильно пострадала от персидской конницы, сгустились сумерки, она начала поспешно отступать. То ли нарочно, то ли по ошибке они свернули не на той развилке и оказались в Платее. Греки остановились у храма Геры, расположенного за городскими стенами, и устроили там лагерь.

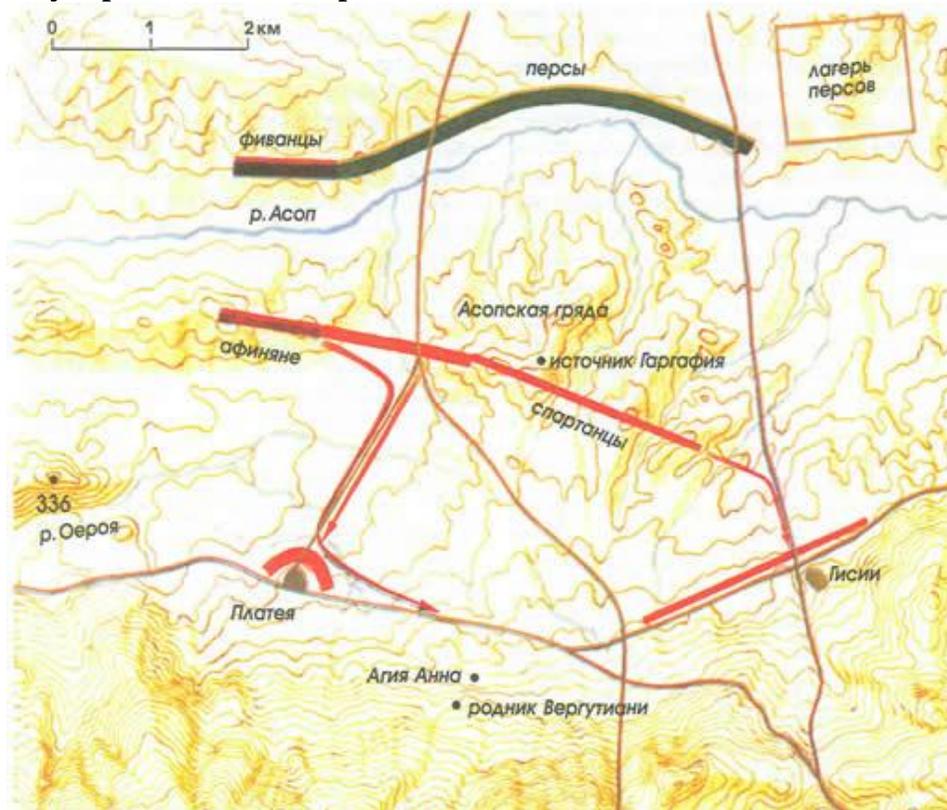

Схема отхода греческого войска от Асопской гряды. Лакедемоняне стояли на правом крыле, афиняне заняли левое, а остальные греки — центр. Было, вероятно, задумано, что афиняне будут отходить по дороге на Платею, спартанцы — по дороге на Лисии, а те греки, что стояли в центре, — через проход Три Вершины. Центр начал отступать первым, и в темноте войско свернуло не на ту дорогу, оказавшись в итоге у Платеи. Когда рассвело, афиняне, все ночь прождавшие спартанцев, несмотря на то что стояли дальше всех, попытались заполнить пространство между спартанцами и остальными греками у Платеи.

Павсаний, узнав о происшедшем, отдал правому крылу приказ отступать. Однако один из начальников отрядов, лохаг по имени Амомфарет, которого не спросили, когда принимали решение об отступлении, теперь, в подлинно спартанском духе, отказался отступать перед лицом врага. Термин «лохаг» в данном контексте может означать не начальника отряда в сто воинов, который называется «лох», а что-то вроде командира полка (см. стр.

41). Павсаний и другой военачальник, Еврианакт, не знали, как им поступить: они не могли остаться, когда вся остальная армия уходила, но им не хотелось терять Амомфарета и его отряд. Поэтому спартанская армия осталась на месте, покуда военачальники уговаривали Амомфарета уйти. Между тем афиняне на левом крыле поняли, что на правом фланге происходят какие-то неприятности. Они отправили к Павсанию всадника, спрашивая его, что им делать.

Поле битвы при Платее — так, как его видно с северной стороны Асопа, если смотреть на юго-восток. У подножия горы Киферон, справа, можно разглядеть современную Платею. Древняя Платея находилась как раз напротив горы. Современная Эритре — в центре, а за ней — перевал Гифтокастро. Чуть правее — перевал Тре Кефале. С левой стороны можно

увидеть Дафну. Такова была первая позиция, которую заняли греки. Гряда, что перед Платеей, — холм Пирг.

Когда вестник подъехал к спартамцам, спор был в самом разгаре. Павсаний и Еврианакт пытались уговорить Амомфарета, а когда ничего не вышло, стали просто кричать на него. Амомфарет же утверждал, что с ним должны были посоветоваться перед тем, как принимать решение. Геродот пишет, что Амомфарет командовал отрядом питанетов, но не объясняет, что это такое. Фукидид также не уточняет этого, но настаивает, что такого отряда нет и никогда не было. Единственный вывод, какой мы можем сделать, — Амомфарет командовал неким особым отрядом и в обычных условиях присутствовал бы на нормальном спартанском военном совете, подобно старшему из всех центурионов легиона в римской армии («рптш рйш»). Вероятнее всего, ему не разрешили присутствовать на совете, ограниченном лишь стратегами многочисленных греческих отрядов. В противном случае в нем захотели бы принять участие начальники всех отрядов и превратили бы собрание в сущий хаос. Когда на совете проводилось голосование, то участники кидали камешки в два находившихся там сосуда — «за» или «против». Теперь Амомфарет поднял обеими руками большой камень и бросил его к ногам Павсания. «Этим камнем, — заявил он, — я голосую за то, чтобы не убегать от чужеземцев». Павсаний закричал на него в ответ, именуя «исступленным безумцем». Вестнику же афинян, который спросил его, что им следует делать, Павсаний ответил, что просит их держаться поближе и следовать всем маневрам спартамцев. Наступил рассвет, но спор все продолжался, Павсаний наконец сделал то, что ему давно следовало бы сделать — начал отступление. Впереди шли спартамцы, а тегейцы замыкали ряды. Отряды отступали по дороге на Гифтокастро, которая идет по пересеченной местности между холмами. Афиняне, напротив, двинулись по равнине по направлению к Платее. Как и следовало ожидать, Амомфарет совершенно не верил в то, что его могут бросить. Поэтому, когда он и вправду оказался со своим отрядом в одиночестве, то приказал всем взять снаряжение и идти вслед за отступающими. Когда наблюдатели из персидского лагеря донесли Мардонию, что в стане противника что-то происходит, вряд ли он сразу поверил своим глазам. И верно, греки оставили свои позиции. Часть греческой армии празднично расположилась у Платеи; афиняне исчезли (на самом деле они скрылись из виду за Асопской грядой); по самой гряде двигались, растянувшись вереницей, спартамцы, которых догонял сзади Амомфарет и его отряд — словом, налицо была картина полного бегства. Когда спартамцы заметили, что Амомфарет всё-таки следует за ними, примерно в двух километрах позади, они остановились, чтобы подождать

его. Геродот говорит, что остановка была сделана около ручья Молоента, в местности под названием Аргиопий, поблизости святилища элевсинской Деметры. Оно, должно быть, находилось у холмов, к западу от античных Гизий. В полях у подножия Панданасской гряды — там, где могли располагаться древние Гисии, — Притчет обнаружил вывернутые трактором во время пахоты каменные блоки. Вероятно, что именно там это святилище и было. Мардоний быстро воспользовался преимуществами сложившейся ситуации. Он выслал вперед конницу, а сам двинулся вслед за ней, ведя всех своих пеших воинов. Мардоний направил персов против спартанцев, потому что понимал — если он опрокинет их, война окончится. Остальные отряды Мардоний отрядил против греков, ставших у Платеи. Амомфарет отказался бежать и продолжал двигаться с обычной скоростью. Не успел он добраться до основного отряда, как их атаковала персидская конница. Павсаний торопливо расставил своих гоплитов вдоль подножия горы. Даже под непрерывным дождем стрел, которым осыпали их всадники персов, спартанская дисциплина и подготовка помогли им быстро выстроиться в фалангу. Теперь лакедемоняне не могли сдвинуться с места и отправили к афинянам вестника. Они обращались к ним за помощью и просили, если получится, закрыть брешь в боевой линии, которая образовалась из-за отхода центра к Платее. Для того чтобы оказать затребованную помощь, афинянам нужно было совершить ряд маневров. Они двинулись вдоль подножия холмов на восток, по направлению к спартанцам. Тем временем персидские пешие воины вышли из лагеря и перебрались через реку. Поскольку лагерь находился примерно в шести километрах от места, где стояли спартанцы, персы добирались туда не меньше полутора часов, особенно если учесть, что многим пришлось идти прямо по полям. Постепенно персы начали приближаться, сомкнув свои щиты в единую стену вблизи выстроившихся спартанцев и непрерывно осыпая их градом стрел. Лакедемоняне и тегейцы укрылись за щитами, спасаясь от стрел, и ожидали приказа к выступлению. Павсаний же быстро поднялся на холм и стал торопливо приносить жертвы, так как не осмеливался отдать приказ о наступлении, не имея благоприятного знамения. Между тем продвижение афинян левого крыла остановилось, так как на них обрушилась вся остальная персидская армия. Павсаний, стоя на холме, обратился взглядом к святилищу Геры, которое располагалось у стен Платеи, шестью километрами западнее, и стал взывать к богине, умоляя ее послать им знамения, но все было безуспешно... Гоплиты, стоявшие под холмом, начали все чаще падать под персидскими стрелами, и все больше и больше персов подходило к их рядам. В конце концов полторы тысячи тегейцев, которые всегда уступали спартанцам в дисциплине, не выдержали. Они поднялись и

с боевым кличем ринулись на врага. Павсаний, который все еще стоял на холме, понял, что действовать нужно быстро. Он сбежал вниз, занял свое место в первой шеренге правого крыла и отдал приказ наступать. Он провозгласил, что знамения были благоприятными, — несомненно, затем, чтобы избежать обвинения в святотатстве. Геродот этого не отрицает. Спартанцы поднялись как один и, вскинув копья, дружно обрушились на противника. Когда персы увидели атакующих греков, они отложили свои луки и также взяли за копья. Вначале схватка шла перед укреплением из персидских щитов, но вскоре спартанцы опрокинули его и очутились среди персов, пронзая своими длинными копьями легковооруженных чужеземцев. Персы сражались храбро, они схватывались с греками, брались за длинные копья спартанцев и ломали их. Однако для тяжеловооруженных лакедемонян персы не были серьезным противником. Все больше и больше их падало, и спартанцы взбирались по телам, чтобы добраться до остальных. Сам Мардоний, на белом коне, был в гуще сражения, возглавляя отряд из тысячи отборных воинов, лучших в персидской армии. Они храбро сражались, и много спартанцев полегло перед ними. Однако ход битвы был неумолим, и спартанские гоплиты постепенно пробивали себе путь сквозь эту тысячу. Вот, наконец, сам Мардоний упал с коня. Персы не отступали, куда был жив их военачальник, но когда по рядам с быстротой молнии распространилось известие о том, что Мардоний погиб вместе с большей частью своих телохранителей, армия дрогнула и заколебалась. Вскоре ее ряды нарушились и персы обратились в бегство, бросившись за реку, к своему окруженному деревянными стенами лагерю. Другие азиаты увидели бегущих персов и также бросили поле битвы. Продолжали сражаться только беотийцы, возможно, из-за вековой вражды с Афинами. Они выказали величайшую храбрость, и все 300 воинов Священного отряда пали в битве. Когда же фиванцы не могли более сопротивляться, то перебрались через реку и бежали в Фивы. Отход персов прикрывала конница, которая все время старалась быть между ними и наступающими греками. Это на самом деле примечательно, и следует отдать должное их подготовке, дисциплине и решимости, потому что в большинстве древних сражений именно всадники старались сбежать первыми. Однако и это не спасло многих персов, которые пали от рук легковооруженных илотов, двигавшихся впереди наступающей фаланги. Спартанцы были ближе всех к персидскому лагерю и поэтому оказались у него первыми. Однако взять деревянные укрепления они не смогли, и с приходом афинян битва разгорелась вновь. Персы довольно долго сдерживали натиск греков, но в конце концов стена была разрушена. Первыми за ограду ворвались тегейцы, и они же разграбили шатер Мардония. Персы не оказывали грекам большого сопротивления с тех пор,

как те сумели прорваться за стену, и падали под ударами жаждущих мщения эллинов. Число погибших, точно так же, как до этого численность персидской армии, сильно преувеличено. Геродот писал, что из всех, кто бежал в лагерь, выжили только три тысячи. Еще он говорил о сорокатысячном отряде под начальством Артабаза, который сумел уйти еще с поля битвы. У греков потери были незначительные. У спартанцев они составили девяносто одного воина, у тегейцев — семнадцать и у афинян — пятьдесят два. Этим цифрам верить, наверное, можно, так как большинство потерь случается во время бегства. Таковы были результаты битвы при Платее. Спартанцы сумели отомстить за смерть Леонида и проявили себя, возможно, самыми замечательными воинами в истории. Персия не пыталась более вторгнуться в Грецию, а спустя сто пятьдесят лет Александр Македонский сам захватил ее.

Афины против Спарты

После разгрома персов как Афины, так и Спарта смогли вернуться к своим державным планам, столь резко прерванным вторжением. Хотя оба полиса проводили антиперсидскую политику и открыто поддерживали любую направленную против персов деятельность во всем восточном Средиземноморье, не потребовалось много времени, чтобы они снова вцепились друг другу в глотки. Примерно полвека между полисами царил шаткий мир. Для того чтобы противостоять персам на море, Афины образовали Делосский союз, в который объединились многие морские государства. Приобретая все большую власть над союзниками, Афины ухитрились практически полностью подчинить их, превратившись в морскую державу. На деньги, которые они собрали с вошедших в союз государств, Афины построили огромный флот и так отстроили город, что он стал настоящим чудом света. В 431 г. наконец разразилась давно назревавшая война со Спартой. Сначала казалось, что победителя не будет, потому что Афины контролировали море, а Спарта — сушу. Так, Спарта могла бы осадить Афины, но была не в состоянии прервать снабжение города продовольствием с моря. Афины, в свою очередь, могли бы атаковать южную Грецию с моря, но не смогли бы разбить армию спартанцев. Это была война, состоявшая из одних осад. Нормальных сражений в ней практически не было. После ухода персов из города афиняне сильно укрепили его защиту и выстроили длинные стены, ведущие от Афин к гавани в Пирее. Теперь Спарта не могла одолеть противника — до тех пор, пока стены были целы, а продовольствие подвозилось морским путем. Однако Афинам не повезло с самого начала. Когда спартанцы осадили город, то продовольствие в него стали доставлять из Египта. На тех же кораблях в Афины доставили и чуму. Переполненный из-за осады город был буквально опустошен болезнью. По иронии судьбы, из-за того, что Афины к тому времени как раз попытались изолировать Спарту, лакедемоняне так и не столкнулись с заразой. Чума бушевала три долгих года и унесла примерно четверть всего населения города. К концу этого срока обе стороны были окончательно истощены войной, и в 421 г. подписали мирный договор, по которому Афины оказались чуть ли не в худшем положении, чем перед началом конфликта. В 416 г. Афины все еще лелеяли державные планы. Именно это желание заставило их совершить самую грубую и имевшую тяжелейшие последствия ошибку во всей греческой истории — они решили вторгнуться на Сицилию. Кульминационной точкой этого вторжения стала

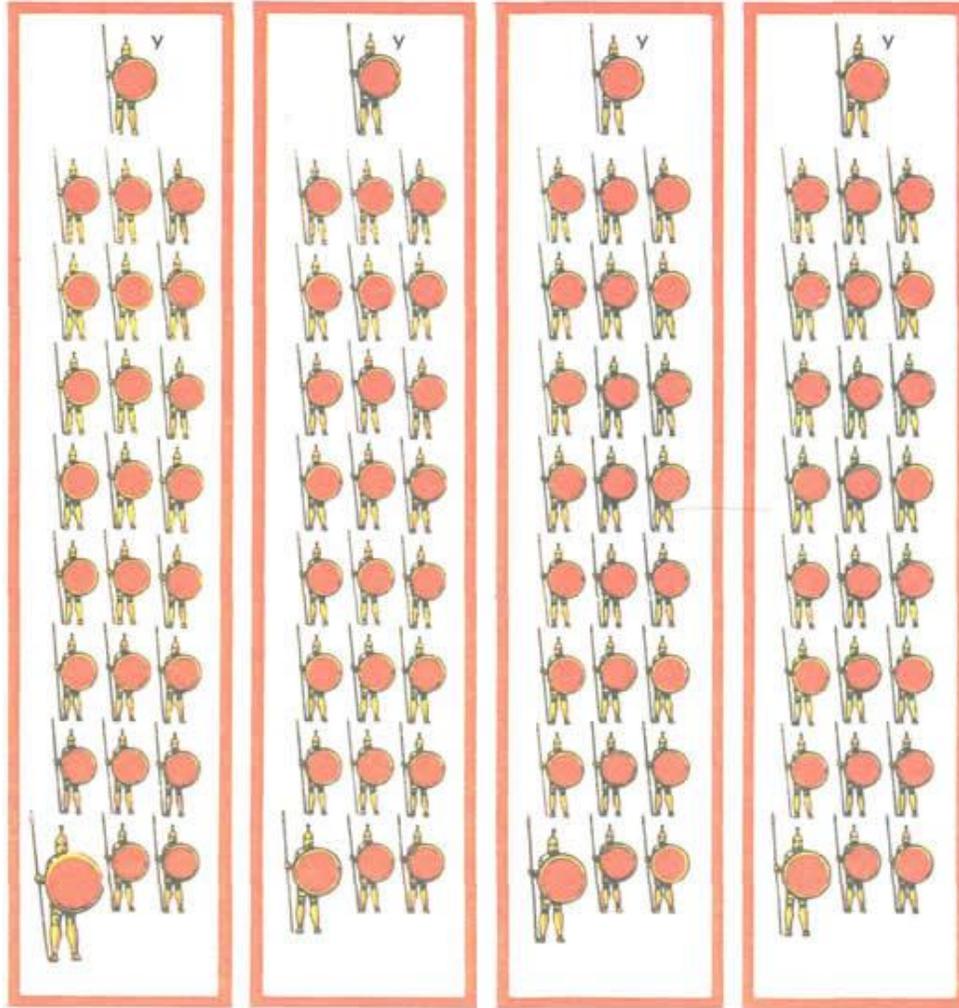
осада Сиракуз, которая в принципе не представляла собой ничего сложного. Однако из-за безграмотных и нерешительных действий военачальника афинян, Никия, осада закончилась полным разгромом. Весь экспедиционный корпус попал в плен, высших военачальников казнили, а остальных продали в рабство. К тому же, чтобы оттянуть афинян от Сиракуз, Спарта вновь начала войну в Греции. Афинам, несмотря на сокрушительные потери — вся армия и 175 кораблей, — пришлось вновь встретиться со своим старым врагом. Город держался еще девять лет, пока не оказался захваченным остальной флот. Афины тогда были в осаде и, принужденные к тому голодом, сдались. Однако ресурсы Спарты также сильно истощились из-за войны. Конец ее владычеству настал в 371 г., в битве при Левктре. Два фиванских военачальника, Эпаминонд и Пелопид, разработали совершенно новую тактическую теорию. Используя эту новую тактику, фиванские гоплиты смогли вторгнуться в южную Грецию и окончательно разбить спартанцев в сражении при Мантинее в 362 г. до н.э. Эти идеи воспринял Филипп Македонский, которого в юности отправили в Фивы заложником. Вернувшись на родину, он начал создавать могучую армию.

Фаланга

В течение VIII в. до н.э. в военном деле древних греков произошли революционные изменения. Вместо прежнего принципа сражения, когда каждый бился с противником «сам по себе», теперь была введена система, требовавшая гораздо большей дисциплины. Такой системой была фаланга — боевое построение в не сколько шеренг глубиной, при котором воины во второй и последующих шеренгах замещали при необходимости людей в первой. Из-за этого вся фаланга была разделена на ряды, в которых люди стояли друг за другом. Таким образом, фаланга состояла не из нескольких длинных шеренг, а из множества коротких рядов. Каждый ряд был боевой единицей, и когда человек в передней шеренге падал, ему на смену вставал воин из задней — следующий в его ряду. Фалангу можно было построить разомкнутым строем, когда на каждого человека приходилось по два шага, или же сдвоить ее, образовав сомкнутый боевой порядок. Распространение аргивских щитов (вероятно, в начале VII в. до н.э.) значительно усилило этот новый тип строя. Это был круглый металлический щит, который уже не имел, как прежде, центральной ручки, а вместо этого прикреплялся к левому предплечью. Такой щит держался на уровне груди и прикрывал воина от подбородка до колен. В сражении обычно становились сомкнутым строем, и тогда ширины щита как раз хватало для того, чтобы прикрыть незащищенный бок человека, стоявшего слева. Фаланга развивалась постепенно и на ранних этапах своего становления должна была пройти через множество изменений. Воинов нового типа стали называть гоплитами, или воинами в доспехах. На вазе из Чиги, которая датируется серединой VII в. до н.э., гоплит изображен с двумя копьями, предназначенными для метания, как во времена Гомера, но у него уже присутствуют такие привычные детали снаряжения, как шлем, панцирь и поножи — все из бронзы. Со временем и вооружение, и доспех были усовершенствованы. Ко времени вторжения персов бронзовый панцирь заменили на льняной — он защищал лучше и стоил значительно дешевле, — а вместо метательных копий появились длинное копье, рассчитанное на колющие движения, и короткий меч. Обладая таким оружием, гоплиты могли держать тесный строй.

Предыстория фаланги

Проследить развитие фаланги во всех подробностях не представляется возможным. Мы знаем только, что система уже сложилась окончательно к VII в., когда спартанский поэт Трите писал, что долг воина — стоять плечом к плечу со своими товарищами и не пытаться выказать личный героизм в ущерб боевому порядку. Спартанцы осуждали Аристодема за то, что в битве при Платее он проявил безрассудную храбрость, поставив под угрозу жизни других воинов. О том, как была организована фаланга в самом начале, нам абсолютно ничего не известно. Первое детальное описание мы узнаем от Ксенофонта из «Государственного устройства лакедемонян», в котором он описывает спартанскую армию начала IV в. до н.э. Ксенофонт пользуется словом «репсекойу» (пентекостия), «пятьдесят», для того чтобы обозначить боевую единицу спартанской армии. На самом деле, в это время подобная единица была значительно больше.

Это позволяет предположить, что спартанская фаланга, а возможно, и фаланги других греческих полисов развились из системы, где основной единицей был ряд из восьми человек. Возможно также, что несколько ранее, где-то около 800 г. до н.э., фаланга состояла из лохов по 100 человек в каждом; лох же был составлен из двух пентекостий, которые делились, в свою очередь, на две эномотии. Каждая эномотия, вероятно, включала двадцать три гоплита, опытного воина, находившегося вне общего строя (его называли ураг или тергидуктор) и старшего командира, эномотарха. В бою эномотия обычно строилась в три ряда по восемь человек в каждом. При этом ураг становился позади и следил за порядком в задних рядах. Эномотарх, как все командиры фаланги, сражался перед правым рядом своего отряда. При построении в восемь шеренг лох состоял из двенадцати рядов. Командовал им лохаг, чье место в строю было с правого края.

«Архаический лох» — так могла выглядеть, в гипотезе, наиболее ранняя модель фаланги, из которой потом развились все остальные. Она была составлена из четырех эномотий (επομοτιο), каждая из которых

включала три ряда по восемь человек и помещавшегося позади старшего воина, который назывался оигадоз, «ураг». На рисунке он обозначен буквой У.

Левой частью лоха командовал пентеконтер, который находился с правой стороны своего отряда. Таким образом, перед нашими глазами предстает лох в сто человек, где командиры сражаются в передней шеренге, а позади гордо возвышаются ураги. Их обособленное местоположение хорошо показано Ксенофонтом в повествовании о вымышленной битве при Фимбраре. Позади фаланги размещены легковооруженные воины, а позади них, поддерживая порядок, выстроились ураги. Новый тип боевого построения был принят во всех городах-государствах, и хотя он мог меняться в деталях от полиса к полису, основная организация всегда оставалась одной и той же.

Афинская армия

В самом крупном из полисов, Афинах, служить в армии были обязаны все граждане в возрасте от 17 до 59 лет. В V в. Афины могли выставить около 30 тысяч гоплитов, из которых примерно половина была полностью годна к бою. Остальные — те, кому не исполнилось девятнадцати лет, и ветераны, — несли гарнизонную службу. Гоплитов набирали из богатых слоев общества, так как воины сами обеспечивали себя военным снаряжением, а это могли позволить себе только зажиточные люди. Однако тот, чей отец был убит в бою, снаряжался за общественный счет. Насколько можно видеть, афиняне сохранили первоначальный «архаический лох» и, как правило, сражались строем в восемь шеренг. Их армия состояла из десяти подразделений, таксисов (σάξις), каждым из которых командовал таксиарх. Каждое из этих подразделений набиралось от одной из десяти территориальных единиц Аттики. Все таксисы делились на лохи, но нам ничего не известно о том, существовало ли какое-нибудь промежуточное деление между ними. В Афинах, как и во всех демократических государствах, должность военачальника, или стратега, была выборной. Всего их было десять — по одному на каждую территориальную единицу, — и избирали их ежегодно. На деле с армией обычно уходили только трое. Тогда либо одного из них выбирали верховным командующим, либо все трое командовали армией по очереди. Командир, вероятно, стоял в первой шеренге, и даже стратег, отдав приказы, занимал свое место, которое находилось обычно на правом фланге фаланги.

Спарта — военизированное государство

Из всех греческих государств, развитие которых шло примерно по одному и тому же пути, следует выделить единственное, отклонившееся от этой общей схемы. Таким государством являлась Спарта, и ее страшилась вся Греция. Считалось, что один спартанец стоит нескольких воинов из любого другого полиса, и ни один другой полис не осмеливался противостоять спартанцам на полях сражений, разве что вынужденно. Собственно спартанцев, т.е. граждан Спарты, называли спартиатами. Они формировали ядро армии, которое усиливалось за счет воинов, поставляемых подчиненными Спарте периеками. К началу V в. в состав армии вошли и легковооруженные илоты. Если в армии были и спартиаты, и периеки, то к ним обращались «лакедемоняне» (илотов, конечно, не считали). У спартанцев было странное государственное устройство. В Спарте одновременно правили два царя, чья власть передавалась по наследству. Однако если чье-либо правление не нравилось, такого царя могли изгнать. При этом гораздо большей реальной властью обладали пять ежегодно избираемых магистратов, или эфоров. Возможно, что изначально цари обладали реальной политической властью, но к V в. до н.э. подлинной силой в государстве стали эфоры, отвечавшие только перед своими преемниками. У каждого царя были телохранители — отряд из трехсот человек, которых именовали гиппеями. Несмотря на такое название (от слова «ἵππος», «конь»), они сражались пешими, а не конными. Изначально во всех военных кампаниях принимали участие оба правителя, но незадолго до начала персидских войн традиция изменилась, и в поход стал уходить лишь один из царей. Наши знания об афинской военной системе достаточно скудны, а вот о спартанской, напротив, весьма обширны. Этим мы обязаны афинскому воину и писателю Ксенофону. Он провел со спартанцами много лет и даже участвовал вместе с ними в военных кампаниях. Ксенофонт был большим поклонником военной системы спартанцев, и его труды изобилуют фактами, касающимися ее. Труды Ксенофонта позволяют нам увидеть армию спартанцев такой, какой она была в конце V в. до н.э., а поскольку Спарта являлась государством очень консервативным, большая часть его описаний верна и для начала того века. Государство в Спарте регулировало все. Спартанцы были воинами и, по закону, не могли заниматься ничем другим. Земля в Спарте была поделена между хозяйствами, в которых работали илоты. Хозяйства принадлежали государству, и каждый спартанец получал все необходимое с одного из них. Такая система позволяла

спартанцам посвящать все свое время воинскому искусству. Спартанское общество было чрезвычайно замкнутым и самодостаточным. Причина этого заключалась в том, что спартанцы изначально являлись воинами, победившими и обратившими в рабство илотов, число которых значительно превосходило их собственное. Для того чтобы сохранить свое положение, всем спартанцам приходилось всю жизнь оставаться воинами, способными при необходимости усмирить илотов.

Воспитание спартанского мальчика

Государство регулировало буквально все в жизни спартанца. Даже будущим матерям приходилось выполнять многочисленные физические упражнения для того, чтобы их дети рождались здоровыми; слабых или имевших физические недостатки младенцев убивали. В возрасте семи лет мальчиков забирали у матерей, обрезали им волосы и объединяли в группы. Дети жили, ели и спали вместе и обучались у одного наставника. Спартанцы не доверяли воспитание своих детей наемным учителям — для этого они выбирали какого-нибудь взрослого и опытного гражданина. Академическое образование было минимальным, основной упор делался на дисциплину и физические упражнения. Дети обычно бегали босыми и без одежды, а пища их была простой и достаточно скудной для того, чтобы поощрять воровство. Хотя их наказывали, если они попадались, наказание было именно за нерасторопность, а не за кражу. Таким образом их учили терпеть голод и добывать себе пропитание. С двенадцати лет дисциплина ужесточалась. Поскольку считалось, что мальчики в этом возрасте очень непослушны, их постоянно загружали тяжелой работой и непрерывными физическими упражнениями. Как и в детстве, им запрещали надевать что-либо под тунику, которая служила им одеждой и зимой, и летом. Драки поощрялись как среди детей, так и среди взрослых, однако они никогда не должны были происходить в гневе. Драка обязана была прекратиться по приказу другого гражданина. Хорошей иллюстрацией к этому может служить рассказ о мальчике, отец которого выпорол его не за драку, а за жалобу на то, что другой мальчик его ударил. Единственной добродетелью у спартанцев была храбрость, а величайшим пороком — трусость. Убитых в сражении несли домой на их щитах. Неудобный щит был обычно первой вещью, от которой стремился избавиться убегающий с поля битвы гоплит, поэтому спартанки, провожавшие на битву своих сыновей, желали им вернуться «со щитом или на щите». Юноша считался взрослым в двадцать лет, когда он становился пригодным к несению военной службы. Наиболее подходящих отбирали в армию, а остальные считались годными к несению внутренней службы. Из них же могли набирать пополнение. Поскольку армия спартанцев была организована по возрастным группам, молодые люди продолжали жить и упражняться вместе; даже женатый спартанец жил и питался в казарме, отдельно от своей жены. Такое разделение мужей и жен способствовало развитию гомосексуальных отношений.

Спартанская армия

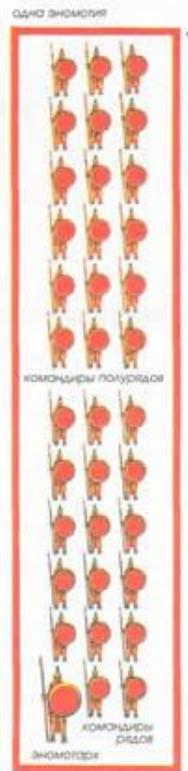
В трактате «Государственное устройство лакедемонян» Ксенофонт подробно рассказывает о том, как была организована спартанская армия в его время, то есть примерно в начале IV в. до н.э. К сожалению, второй источник информации об армии спартанцев, а именно рассказ Фукидида о первой битве при Мантинее, совсем не так хорош. Фукидид честно признавался, что испытывал большие затруднения, пытаясь выяснить хоть что-нибудь об устройстве их армии, и поэтому, возможно, он попытался воссоздать картину, используя все известные ему факты — зачастую смешивая информацию древнюю и современную. Рассказ Ксенофонта — это свидетельство очевидца, и ему следует отдать предпочтение.

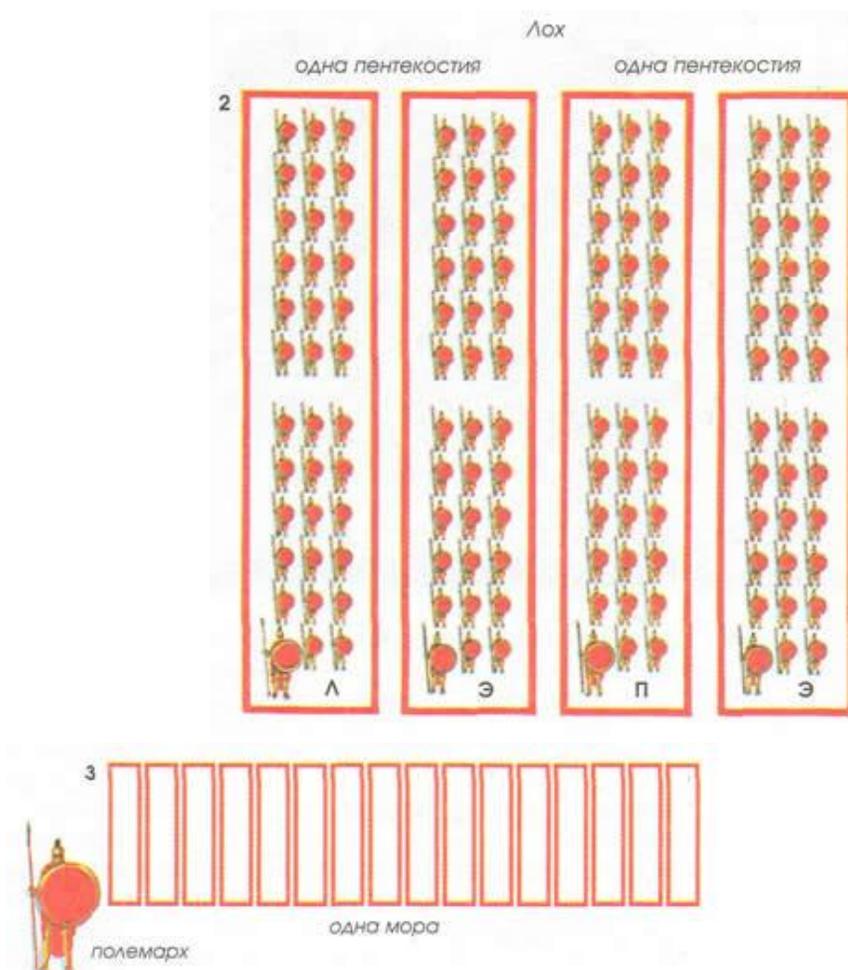

Этот рисунок, который изображает идущих в бой гоплитов, взят с коринфской вазы VII в. до н.э., обнаруженной в Чиги в Этрурии.

Все мужчины в возрасте от 20 до 60 лет были обязаны служить в армии. Вооружены спартанские гоплиты были точно также, как и остальные греки, но их легко было отличить по красным плащам, которые были обязательной частью одеяния. Такой красный плащ стал символом спартанского воина. Во времена Ксенофонта спартанский лох состоял из 144 человек, которые делились на четыре эномотии по 36 воинов в каждой. Все, что изменилось, — это число людей в эномотии; их стало в полтора раза больше, так что обычная глубина фаланги возросла с восьми шеренг до двенадцати. В то время вообще появилась тенденция к более глубоким фалангам — возможно, из-за подъема Фив, где количество шеренг было значительно больше. В целом же можно с большой долей уверенности сказать, что вплоть до конца V в. до н.э. спартанцы придерживались «архаического лоха», при котором количество шеренг равнялось восьми. Спартанская армия была организована таким образом, что каждая ее единица, неважно, сколь малая, имела своего командира и, возможно, еще и командира заднего ряда. Каких-то привилегий у таких начальников, урагов, скорее всего не было, и весь задний ряд фаланги мог состоять из них. Каждая эномотия делилась на три ряда и соответственно на шесть полурядов. Лучший воин в каждом ряду и полуряду был его командиром, а второй после него —

урагом. Эномотии объединялись в «полусотни», пентекостии, и у каждой имелся свой собственный командир — пентеконтер. Две полусотни составляли лох — самую мелкую тактическую единицу фаланги, командовал которой лохаг. Вся спартанская армия делилась на шесть частей, которые назывались морами (тога) и состояли из четырех лохов каждая. Командир моры именовался полемарх. В фаланге все старшие командиры и командиры рядов стояли скорее всего в первой шеренге. Эномотархи, пентеконтеры и лохаги обычно занимали место во главе правого ряда той боевой единицы, которой командовали. К каждой море была приписана конница. Отряд, который также назывался мора, состоял примерно из 60 всадников. Появились такие конные отряды не сразу, они возникли во время Пелопоннесской войны, ближе к концу V в. В состав первой моры входили гиппеи. Так назывались 300 лучших гоплитов спартанской армии. Их выбирали из мужчин, находившихся в расцвете сил.

Организация армии спартанцев во времена Ксенофонта (начало IV в. до н.э.). 1 — самая мелкая единица спартанской армии — эномотия. Она состояла из трех рядов по двенадцать человек или из шести полурядов из шести воинов в каждом. Командовал ими эномотарх. Две эномотии образовывали пентекостию, которой командовал пентеконтер. 2 — лох, основная единица фаланги. Он был составлен из двух пентекости, или четырех эномотии. Командовал этой единицей лохаг (Ооспадоз). 3 — мора образовывалась из четырех лохов (576 человек), и командовал ею полемарх. Вся спартанская армия состояла из шести мор и подчинялась царю. Условные обозначения: Л — лохаг, П — пентеконтер, Э — эномотарх.

Каждый год эфоры избирали трех человек, гиппагретов, чьей обязанностью было найти по сотне человек для того, чтобы сделать их гиппеями. Они находились на правом крыле армии и служили телохранителями царя. Возможно, что гиппеем мог стать только тот, у кого были сыновья, ибо спартанцы относились с пренебрежением к тем, кто не исполнил свой долг и не произвел на свет следующее поколение гоплитов.

Это может объяснить слова Геродота об отряде спартанцев, имевших сыновей, которые есть в его рассказе о битве при Фермопилах.

Спарта во времена Геродота

Вполне вероятно, что спартанская армия претерпела две реорганизации — одну во времена Ксенофонта, в начале IV в., а другую — примерно лет на пятьдесят раньше. Мы практически ничего не знаем о том, как выглядела их армия до этой, первой реорганизации. У Геродота изредка встречается слово «лох» (lochos), тогда как слово «мора» (тога) начисто отсутствует; к тому же в античных источниках постоянно говорится о том, что в армии спартанцев было пять лохов. Все это позволяет предположить, что в начале V в. до н.э. спартанская армия действительно состояла из пяти огромных лохов. Вполне возможно, что более мелкая единица также называлась лох — само слово означает просто группу людей, отряд и никак не отражает обязательное число людей в нем. Похожим образом смешивались значения и при использовании слова «таксис» (taxis), которое во времена Ксенофонта могло значить любую боевую единицу, большую, чем один лох. Возможно, что эти «большие» лохи состояли из представителей пяти территориальных единиц Спарты, тех деревень, которые изначально входили в ее состав. В древности каждая деревня должна была выставлять один лох; постепенно, по мере роста селений, количество людей в лохе возрастало, но название оставалось прежним. Лохаги, командиры этих лохов, превращались, таким образом, в значительно более важных лиц, чем подразумевало наименование их должности. В битве при Платее, в 479 г., каждый из пяти лохагов командовал, должно быть, тысячей человек. Это объясняет, почему лохаг Амомфарет считал себя вправе оспаривать приказ своего верховного военачальника, Павсания, — при обычном стечении обстоятельств Амомфарет непременно присутствовал бы на военном совете. Несомненно, такое разделение сохранялось и позднее. Примерно с VII в. до н.э. население Спарты неуклонно уменьшалось. Между VII и началом V в. ее армия из девяти тысячной превратилась в восьмитысячную, а еще сотню лет спустя насчитывала всего около четырех тысяч человек, причем спартиаты составляли всего около тысячи воинов. Для того чтобы укрепить силы, в армию допустили вольноотпущенных илотов и периэков. Такое резкое уменьшение численности населения, должно быть, и оказалось причиной последовавших изменений.

Молодые воины во времена Ксенофонта

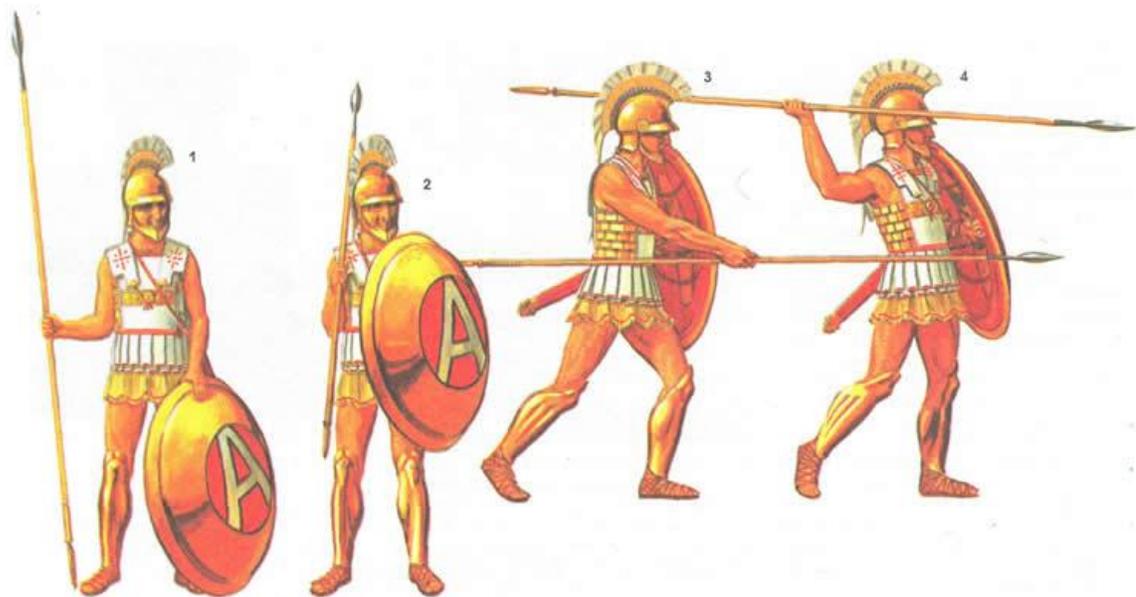
Ксенофонт утверждает, что нет нужды учить человека пользоваться оружием. Работа щитом и копьем так же естественна, как привычка отражать удары в драке левой рукой, а наносить — правой. Может быть, это и верно. Сила фаланги основывалась не на умении отдельных воинов, а на их хорошо отлаженных совместных действиях. Ксенофонт, очевидно, полагал, что все, что необходимо воину — это навык в использовании копья и щита, который, разумеется, приобретали, устраивая учебные сражения. Кроме того, любой спартанский мальчик наверняка во время игр воображал себя солдатом и таким образом учился своему будущему ремеслу. Как бы то ни было, гоплитов наверняка обучали основным движениям. Существует предположение, что позы, в которых чаще всего изображаются воины в греческом искусстве, именно эти основные движения и представляют. Вы можете увидеть их на странице 42.

1. Когда гоплит стоял «вольно», его копье опиралось о землю, а щит стоял у бедра. Иногда гоплиты оставались в таком же положении и перед лицом врага—в знак презрения к нему.
2. Когда звучала команда «смирно», копье поднимали к правому плечу, а щит — так, чтобы он закрывал торс.
3. Из этого положения гоплит мог выйти в боевую позицию, вынося копье вперед, покуда его правая рука не вытягивалась, а оружие не вставало параллельно земле на уровне бедра. Это было положение для удара снизу, от пояса, в котором гоплиты шли в битву. В сомкнутом строю это движение исполнить невозможно, поскольку для того, чтобы нанести такой удар в грудь противника, следовало бы приоткрыть стену щитов. К тому же при нанесении такого удара от пояса существовала опасность поранить подтоком копья следующего в своем ряду.
4. Нормальная позиция для нанесения удара выглядела так: копье поднимали над правым плечом и били вниз, слегка под углом, сквозь узкую щель между верхними сторонами собственного щита и щита соседа справа. Угол наклона должен был быть таков, чтобы не задеть следующего в ряду. Занять эту позицию из положения 2 было бы невозможно, поскольку тогда копье оказалось бы смотрящим подтоком вперед. Невозможно перейти в нее и из положения 3, если копье длинное. Для того чтобы исполнить это движение, надо было поднять копье над правым плечом и поменять хват, что было довольно трудно исполнить, стоя в строю. Опытный солдат всегда смог бы узнать, как обучена армия, по степени точности, с какой исполнялось движение.

Изумительная бронзовая статуэтка конца VI в., изображающая снаряженного для битвы спартанского воина, закутанного в воинский плащ. Поперечный гребень на его шлеме может быть знаком ранга. «Атенеум» Водсворта. Хартфорд, штат Коннектикут.

Обучение начинали с того, что новобранцев учили маршировать колонной по одному, следуя за командиром. Молодым спартамцам, которые впитывали традиции родного города с молоком матери, требовалось, наверное, только «придать форму» в процессе занятий. Все приказы отдавались голосом, а выполнялись по сигналу трубы. Ксенофонт красочно описывает, как некий таксиарх пытался обучить новобранцев, очевидно, не спартамцев, двигаться единым строем. Он выстроил их за лохагом и затем отдал команду идти вперед. Не дождавсь сигнала трубы, человек, стоявший позади лохага, сделал шаг и обогнал его. Таксиарх с похвальным терпением объяснил неучу, что приказ относился не к нему одному, а ко всем. Он велел новобранцу вернуться в строй и снова отдал команду. На этот раз лохага обогнали все. Когда новобранцы были обучены ходить шеренгой, им показывали, каким образом перестраиваться в ряды различной длины. Допустим, что эномотия из 36 человек выстроилась в один ряд. Они пересчитываются; первый в ряду, эномотарх, отдает приказы всему ряду; тринадцатый человек командует людьми с номера 14 до номера 24, а номер двадцать пятый приказывает номерам с 26 по 36. По команде перестроиться в колонну по три, номера с 1 по 12 остаются на месте, а номера 13 и 25 приказывают своим людям встать слева от них так, чтобы получилась колонна в три человека в ширину и двенадцать в глубину. По второму приказу задняя половина каждого отделения продвигается вдоль передней половины так, чтобы сформировать квадрат в шесть человек в ширину и шесть в глубину. Ряды можно было разомкнуть, и тогда расстояние между ними составляло два шага, а можно было соединить, и тогда оно равнялось одному шагу. Поскольку никакой разметки не существовало, это упражнение можно было исполнить на практике, только если командиры отделений командовали своим людям повернуться налево, затем пройти вперед на необходимое расстояние от первого отделения, затем повернуть направо и идти вперед, покуда командиры не поравняются с эномотархом. Подтягивание вперед второй половины каждой колонны использовалось так же, как самый простой способ образовать сомкнутый строй. Упражнение становилось несколько сложнее, если приходилось иметь дело с целым лохом, состоявшим из четырех эномотий. На схеме показано, как эти эномотии, уже перестроенные в колонны по три, образуют квадрат двенадцать на двенадцать человек. Если воины становились разомкнутым строем, то вторую половину каждой колонны можно было продвинуть

вперед для того, чтобы образовать сомкнутую фалангу из шести рядов по двадцать четыре воина в каждом. Для того чтобы перестроиться в колонну, фаланга делала поворот кругом, и ураг последнего отделения, который теперь оказывался в правом конце фаланги, начинал движение. Остальные следовали за ним в установленном порядке.

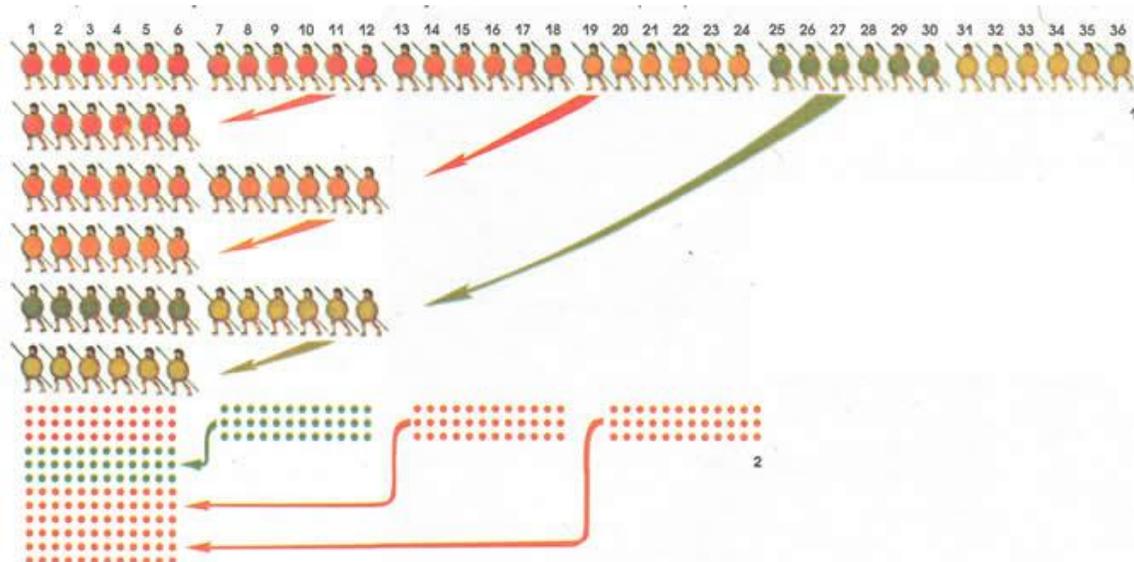

Гоплит IV в. АО н.э., который упражняется с оружием. Все эти движения гипотетичны и основаны на тех позах, в которых чаще всего изображены воины на греческих вазах. 1. «Вольно» — гоплит опускал щит на землю и прислонял его к ноге. Копье также опиралось о землю. Иногда такое положение служило знаком презрения к противнику. 2. «Смирно» — гоплит поднимает щит и копье, чуть наклоняя его вперед. 3. Положение для удара снизу, от пояса: так гоплит шел в битву. 4. Позиция для удара копьем сверху.

Ксенофонт рассказывает, как таксиарх обучал своих людей этим маневрам, заставляя их идти обедать фалангой, а затем выстраивая в один ряд, который вел лохаг с правого фланга. Покончив с едой, воины должны были уйти в обратном порядке — колонной по одному под предводительством левофлангового урага, а затем снова построиться фалангой так, чтобы впереди были вторые половины каждого ряда. Такое построение применялось при отступлении. Новобранцы были готовы занять свое место в строю сразу после завершения начального курса обучения. Так как в спартанскую армию призывали по возрасту, новобранцы каждого года, должно быть, образовывали отдельную часть. Маловероятно, чтобы их призывали по возрасту, а затем распределяли по разным отрядам. Целиком все боевые единицы собирались, только если звучал приказ к мобилизации.

Во времена Ксенофонта армия состояла примерно из четырех тысяч человек. Поскольку служили в ней 40 лет, текучесть должна была составить примерно 100 человек в год. Сделав поправку на гибель в сражениях или от других причин, можно вычислить, что каждый год примерно 50 ветеранов уходили со службы, а значит, получается, что ежегодно требовалось около двухсот новобранцев. Видимо, для того чтобы освободить место для молодых воинов, одну эномотию в каждой море распускали, оставляя только командиров, старших колонн и урагов. Освободившееся место занимали примерно 180 лучших новобранцев; остальные новички попадали в конницу. Воины распущенной эномотии могли использоваться для усиления других эномотии. Новосформированная боевая единица занимала сначала наименее почетное место на левом фланге моря и, став частью основных сил, могла принимать участие в полновесных учебных маневрах. В их ходе новобранцы учились использовать свои умения, работая вместе с тремя другими лохами, которые составляли их мору. Теперь они снова учились перестраиваться из маршевой колонны в фалангу, но делали это более сложным образом. Следуя по трое в ряд, первый лох останавливался, а все остальные поворачивали налево. Как только лохаг, которому следовало находиться во главе правого ряда, пересекал линию левого ряда, он, должно быть, начинал отсчитывать шаги так, чтобы занять правильное положение для поворота направо и последующего выравнивания линии с первым лохом. Развертывание отдельных лохов проходило по принципу, который новички выучили в самом начале своих занятий. Для того чтобы образовать открытый строй глубиной в 12 шеренг, задний лох должен был отсчитать 70 шагов налево. Полная мора образовывала фронт из 48 человек, которые растягивались на 94 шага. Еще новичкам приходилось учиться разворачиваться в боевой строй из походной колонны и уметь обращать его налево или направо. Для этого каждому лоху, включая на этот раз и первый, нужно было остановиться, повернуться направо или налево, а уже затем развернуться в фалангу. Помимо этого, новобранцам приходилось учиться совершать обходные маневры — например, выдвигать вперед фланги, охватывая подразделение противника. Эти передвижения часто упоминаются при описании различных древних сражений, но они представляют собой немалую проблему, поскольку тогда фаланга не сможет разворачиваться. По счастью, Ксенофонт подробно рассказывает об этом маневре при описании вымышленной битвы при Фимбраре, причем в его описании та-х кой маневр совершают оба крыла, хотя обычно его проводило только одно из них. Итак, вся армия выстроилась фалангой. По сигналу трубы оба крыла сворачивают строй в походную колонну и начинают отодвигаться от центрального ядра. На определенном расстоянии они

поворачиваются и, колонной же, начинают продвигаться вперед по направлению к противнику. Когда оба крыла закончили эту часть маневра и, подобно рогам, устремились вперед, продвигаться начинает и центр армии. Сравнявшись с противником, атакующие фланги разворачиваются внутрь, лицом к врагу, и вступают в бой. В случае, если противник успевал предугадать продвижения нападающей-армии, такой маневр мог оказаться чрезвычайно опасным.

1. Спартанская эномотия, выстроенная сначала в колонну по одному, формирует строй по три, а затем по шесть воинов в ряд. 2. Лох, то есть четыре эномотии, которые построены в колонну по три, формирует фалангу глубиной в двенадцать шеренг.

Фаланга на поле боя. Мобилизация

Когда возникала необходимость собрать армию, эфоры называли те возрастные группы, которые подлежали призыву, причем призыв этот затрагивал не только солдат, но и строителей, и ремесленников. Регулировалось буквально все: так, если военные действия должны были продлиться более 15 дней, каждый воин был обязан иметь припасов на двадцать дней. До истечения этого срока им запрещалось покупать какие-либо продукты у торговцев. Каждого спартанца сопровождал илот, который должен был нести имущество воина. Должно быть, пища илота также включалась в это необходимое количество продовольствия. Основу рациона составлял, вероятно, ячмень, которого на двоих на двадцать дней требовалось примерно 11 галлонов, то есть около 49,5 литра. Кроме ячменя, воины ели сыр, лук и соленое мясо. В начале похода гоплитам разрешалось взять с собой небольшое количество вина. Делалось это для того, чтобы переход с вина на воду был не столь резким и болезненным. Носили пищу в заплечном мешке, который изрядно пах луком. Пища у спартанцев была очень простой не только во время военных кампаний, но и во времена мира. Она была одинаковой для всех, включая высших военачальников и самого царя. Однажды, когда союзники приготовили пир для спартанской армии, царь приказал отдать все лакомства илотам. Когда Ксенофонт участвовал в неудачном походе Кира Младшего в Азию, случилось так, что у греческих наемников не хватило денег, чтобы заплатить за зерно, поскольку запросили за него слишком много. Грекам пришлось питаться одним мясом, которое так и не смогло заменить им привычный злаковый рацион, хотя в небольшом количестве всегда вносило в него приятное разнообразие. Эта история позволяет нам вспомнить другого полководца древности — римского военачальника Корбулона. Однажды он был вынужден поступить таким же образом, что заставило некоторых комментаторов ошибочно предположить, будто римские солдаты обычно вообще не ели мяса. Ячмень обычно мололи заранее, чтобы не нуждаться в ручных мельницах непосредственно на марше. Их находили в том месте, куда войско приходило, чтобы пополнить запасы продовольствия. Воинам приходилось нести постельные принадлежности, количество которых сводилось к минимуму настолько, что их иногда прикрепляли для переноски прямо к щиту, а также некоторое количество одежды. Шатров у них с собой не было, поэтому они устраивались на ночлег как могли — иногда просто у костра, а иногда выстроив себе шалаш. Эфоры решали также, какое количество

повозок и вьючных животных необходимо для обоза, который находился под командованием отдельного начальника. Каждой повозке полагалось иметь лопату и мотыгу, а на каждое вьючное животное приходился топор и серп. Эти инструменты предназначались для набранных из легкой пехоты людей, чьей функцией была расчистка пути для повозок обоза. Среди снаряжения, которое вез с собой обоз, были медицинские припасы, запасные ремни, точила для заточки оружия, приспособления для обработки копейных древков и запасное дерево для текущего ремонта повозок вместе со всем необходимым плотницким инструментом. Командиры несли ответственность за снаряжение своих людей. Среди сопровождавших поход ремесленников были кузнецы, плотники, кожевенники — все призывного возраста. Они не являлись боевой силой, но составляли неотъемлемую часть войска.

На марше

Перед выходом армии спартанцев из дома в поход царь приносил жертву. Если знамения были удачными, то специальный человек брал огонь с алтаря и нес его впереди армии, покуда та не доходила до границ Лаконии. Там царь вновь приносил жертву и, если знамения были по-прежнему благоприятными, брал огонь уже с этого алтаря и вел войско вперед. Такой огонь никогда не гасили. Похоже, что большую часть жертв, которые могли потребоваться в ходе кампании, армия брала с собой. На марше впереди армии спартанцев шли конница и скириты. Они веером разворачивались впереди колонны. Скиритами называли суровых горцев с северных границ Лакедемона. Они были легко вооружены и использовались в основном как разведчики и передовые. Конечно, Ксенофонт описывал все так, как это было в его время; в период греко-персидских войн у южных греков конницы не было и обязанности конницы исполнялись исключительно скиритами. За конницей следовал обоз, а за ним шли пехотинцы, подгоняя всех отстающих в обозе.

Спартанский гоплит в 500 г. до н.э. На войне коринфский шлем, который он опускал на лицо перед тем, как идти в битву, льняной

панцирь и поножи, которые прикрывали колени. Гоплит вооружен длинным копьем и мечом, которым он обычно пользовался, только если ломалось копье. В жестко организованном военизированном государстве спартанцев все мужчины в возрасте от 20 до 60 лет были солдатами. Хотя вооружение спартанцев походило на вооружение остальных греков, отличительной чертой спартанских гоплитов были красные плащи. Они стали настоящим символом Спарты.

В первый день войско проходило совсем небольшое расстояние — для того чтобы можно было, при необходимости, вернуться за чем-нибудь забытым. Приказы на марше подавались не трубой, а рогом. Сигналы эти большей частью касались разбивки лагеря, движения вперед и остановок на отдых. Однако команда «подъем» утром отдавалась при помощи трубы. Если армии нужно было пройти по ущелью, то вся она делилась на две колонны, а обоз размещали между ними для того, чтобы защитить его от возможного нападения. Каждая мора сопровождала, по возможности, свое собственное имущество. Эта практика приводила к тому, что солдаты охотнее расчищали путь повозкам, а когда приходило время остановиться, у них все оказывалось под рукой. Если на войско нападали в тот момент, когда оно шло через теснину, то каждый лох разворачивался лицом к угрозе. Если местность была неровная, то они могли продолжать идти вперед в том же порядке, образуя промежутки между лохами. Если же рельеф позволял, то армия разворачивалась в фалангу. Когда азиатский поход Кира Младшего внезапно прервался, Ксенофону и десяти тысячам греческих наемников, которые служили вместе с ним, пришлось отступить. Этот поход — тысяча триста километров вдоль Тигра, через горы Армении к Черному морю — можно назвать одним из самых крупных событий в военной истории. Ксенофонт подробно описал его в своем «Анабасисе». Для того чтобы защитить себя от нападения со всех сторон, наемники выстроились открытым квадратом. Античные источники часто упоминают этот вид построения. Им, например, воспользовался Никий, когда отступал из-под Сиракуз. Но только Ксенофонт взял на себя труд описать его. Итак, армия разделилась на четыре части — два подразделения шли колонной по флангам, а две оставшиеся двигались фалангой позади и впереди. В центре находился обоз, легковооруженные воины и все, кто не сражался. Каждый лох становился так, чтобы люди могли двигаться в один ряд там, где дорога была узкой, и становиться в колонну по несколько человек там, где местность была достаточно открытой. Именно такие перестроения более всего демонстрировали пользу изначальной выучки — благодаря ей целый лох мог свободно передвинуться вперед или назад, так что квадрат войска спокойно сужался или растягивался в зависимости от необходимости.

Наткнувшись на противника, армия обычно останавливалась. В отличие от римлян греки никогда не придавали особого значения преимуществам укрепленного лагеря. Ксенофонт говорит, что лагерь спартанцев был круглым, из чего можно сделать вывод, что все части армии образовывали периметр в виде круга, а в середину помещали обоз и его сопровождение. Такой лагерь не был даже окружен рвом. Часто его вид приспособлялся к окружающему рельефу, поэтому не следует принимать слова Ксенофонта относительно круга слишком буквально. Днем на господствовавшие над местностью высоты отправлялись конные разъезды, ночью же там дежурили скириты. Без сомнения, до появления конницы скириты осуществляли эту работу и в дневное время. Смысл использования всадников заключался в основном в том, что они могли быстрее доставить информацию. Ночью выставлялись и дополнительные заставы, контролировавшие подходы к лагерю. Единственное подробное описание армии на марше дает нам Ксенофонт, когда рассказывает о походе десяти тысяч наемников. Несмотря на постоянную угрозу атак противника, укрепленного лагеря не строили. Греческая армия полагалась на короткие вылазки для того, чтобы удержать противника на расстоянии. Ров и деревянный частокол строили, только если предполагалось длительное нахождение на какой-либо территории. Небезынтересно отметить, что спартанцы боялись восстания рабов значительно больше, чем атаки противника, поэтому оружие охранялось гораздо тщательнее периметра лагеря. Никаких санитарных сооружений в лагере не было, поэтому единственным требованием к воинам было отходить облежаться подальше, дабы не оскорблять своих товарищей. Каждая мора устраивалась как отдельная единица, с четко очерченными границами. Каждый день — до завтрака и перед ужином — устраивались обязательные воинские упражнения. Заниматься все должны были только в пределах своей моры. Царский шатер, вероятно, находился в центре лагеря или на каком-нибудь высоком месте. Вокруг него располагались командиры и все, в ком царь нуждался для руководства войском. Обычно их называли «стоящие у шатра». В этот список входили полемархи, гадатели, лекари и три спартиата, которые прислуживали царю. В непосредственной близости к царю находились и триста гиппеев-тело-хранителей. Еще там были две пифии, прорицательницы, которых можно было при необходимости отправить в Дельфы, чтобы посоветоваться с оракулом, флейтисты — они требовались во время жертвоприношения, которое совершал царь, а также вестники — они доставляли приказы по цепочке командиров в том случае, если личный контакт был невозможен, например, уже в ходе сражения. Вестников использовали также для передачи сообщений противнику — о времени и месте битвы зачастую принято было договариваться заранее, как

при дуэли. Каждое утро царь совершал жертвоприношение, на котором присутствовали полемархи, лохаги, пентеконтеры, командиры чужеземных отрядов и начальники обоза. Затем он отдавал приказы на день. В преддверии битвы гоплиты полировали щиты, готовили оружие и расчесывали свои длинные волосы. Геродот писал, что спартанцы делали это всегда, когда готовились подвергнуть свои жизни опасности.

Сражение

На следующее утро царь и все спартиаты увенчивали себя венками, а затем царь под звуки флейт приносил в жертву козу непосредственно перед лицом противника. Гадатели, без которых ни один греческий полководец не отправился бы на войну, изучали знамения и давали царю совет, следует ли тому отправляться на битву. Ни один благочестивый военачальник не решился бы начать сражение при неблагоприятных знамениях. В битве при Платее Павсаний, как известно, отказывался вступить в бой, несмотря на то что персы атаковали его людей, а Ксенофонт легко признает, что он вряд ли бы стал даже собирать своих воинов, если бы знамения были плохими, даже перед лицом угрожавшего им голода. Разумеется, что знамения часто толковались в угоду полководцу. Если он затем начинал сражение и выигрывал его, гадателям легко было сказать, что знамения указывали на победу; если же битва оказывалась проигранной, было не менее легко сослаться на недостаточное уважение полководца к богам. Если все благоприятствовало началу сражения, спартиаты шли завтракать, а затем занимали свое место в фаланге, все еще украшенные венками. План битвы обсуждался на военном совете, в котором принимали участие царь и полемархи. Во времена греко-персидских войн в состав совета, вероятно, включались еще и пять лохагов — на это указывают действия лохага Амомфарета, который отказался отступить при Платее. Во время ссоры с Павсанием он утверждал, что с ним не посоветовались по поводу отступления, а сделать это следовало бы. Царь отдавал приказы полемархам, а те передавали их своим лохагам. Последние, в свою очередь, доводили приказы до сведения пентеконтеров, а уже через них — до эномотархов. Эномотархи отдавали распоряжения людям своих отрядов. Солдат, до которого доходил приказ, должен был передать его тем воинам, которых он знал лично. Когда все распоряжения были отданы, командиры занимали свои обычные места в первой шеренге фаланги — каждый на правом фланге подчиненной ему боевой единицы. Там они ожидали команду к наступлению, которую подавали сигналом трубы. Затем царь передавал по рядам боевой клич, он прокатывался по шеренгам от воина к воину, а затем

возвращался к правителю. После этого царь запевал традиционный пеан, который был призван повысить боевой дух гоплитов; пеан этот был известен как «Песнь Кастора». Звучали трубы, играли флейты, гоплиты выравнивали свои копья и начинали движение вперед, придерживаясь заданного флейтистами темпа. На ходу они также затачивали пеан, но, приблизившись к противнику, прекращали пение. Командиры, обращаясь к первой и второй шеренге, кричали: «Вперед, друзья! Вперед, храбрецы!» — и вдохновляли их броситься в битву вслед за ними. Те, кто находился в задних рядах, отвечали своим начальникам, призывая их храбро вести воинов в битву. Когда фаланга сближалась с противником, снова раздавались звуки трубы и гоплиты поднимали копья в боевую позицию над правым плечом. Теперь они обычно переходили на бег, и командир снова кричал: «Кто пойдет за нами? Кто храбрец? Кто первым сразит врага?» Воины повторяли эти слова подобно боевому кличу, надвигаясь на противника. Затем две фаланги с жутким грохотом, происходившим от удара щитами о щиты, сталкивались. Задние ряды напирала на передние и пытались дотянуться до врагов копьем через плечи стоявших перед ними воинов. Они пытались давить всем своим весом на фалангу противника и сдвинуть ее с места — в любом случае напиравшие задние ряды собственного войска очень этому способствовали. Когда какой-нибудь воин падал, его место в шеренге занимал следующий в ряду. Так они сражались, покуда враг не оказывался разбит. Таково описание древнего сражения, которое сделано по материалам битв прошлого — вымышленным и настоящим. Конечно, оно слишком упрощенное — точнее, такое, каким оно могло бы быть в идеале. Подобные битвы могли происходить в том случае, если не случалось ничего неожиданного: например, как в битве при Платее, когда спартанцев атаковали до того, как они получили благоприятные знамена. То, что в сражении принимала участие не только первая шеренга, но и вторая, и последующие, может подтвердить замечание Кира по поводу выдуманной Ксенофонтом битвы при Фимбраре. Он говорит там, что фаланга была слишком глубока для того, чтобы воины могли дотянуться до врагов своим оружием. Покуда фаланга сохраняла свой строй, с ней мало что могло случиться. Но если строй разбивался, а гоплиты разворачивались и обращались в бегство, /бросив щиты, начиналось настоящее побоище. Спартанцы обычно не преследовали разгромленного противника. Когда царь решал, что победа одержана, вновь раздавался сигнал трубы и звучал сигнал к отходу. Затем они могли собрать убитых. Проигравшая сражение сторона обычно посылала к победителям вестника, в функции которого входило заключение перемирия для того, чтобы собрать трупы своих воинов. Такое перемирие служило формальным признанием поражения. После победы

иногда сооружали трофей, составленный из захваченного оружия и доспехов; его делали в форме человеческой фигуры и закрепляли на древесном стволе. Когда бывало одержано множество побед, в их честь сооружался постоянный памятник. Часть доспехов с соответствующими надписями посвящалась в святилища Олимпии или в Дельфы. Во времена Александра таким обычным подношением храму стали щиты.

Наемники

Греция — страна бедная, и почти с самого начала гоплиты предлагали свои услуги за плату. Наиболее ранние сведения о греческих наемниках относятся к VII — VI вв. до н.э. и происходят из Египта. Известно, что примерно в то же время они служили телохранителями у первых греческих тиранов. С подъемом Персии многие греки стали служить персидским правителям сначала в качестве телохранителей, а позднее как ударные войска. Внутри Греции наемников стали использовать, только когда разгорелась война между Афинами и Спартой. Во времена этого конфликта их услугами пользовались обе стороны. К концу этой долгой войны многие солдаты, которые не знали ничего другого, стали предлагать свою службу внаем. Одним из десяти тысяч подобных людей был и Ксенофонт, который нанялся к Киру Младшему, предпринявшему попытку захватить персидский трон. В то время использование наемников как внутри Греции, так и за ее пределами было обычным делом. Во всех трех крупных сражениях Александра, которые он провел после того, как вторгся в Персию, ему противостояла в числе прочего и наемная греческая пехота.

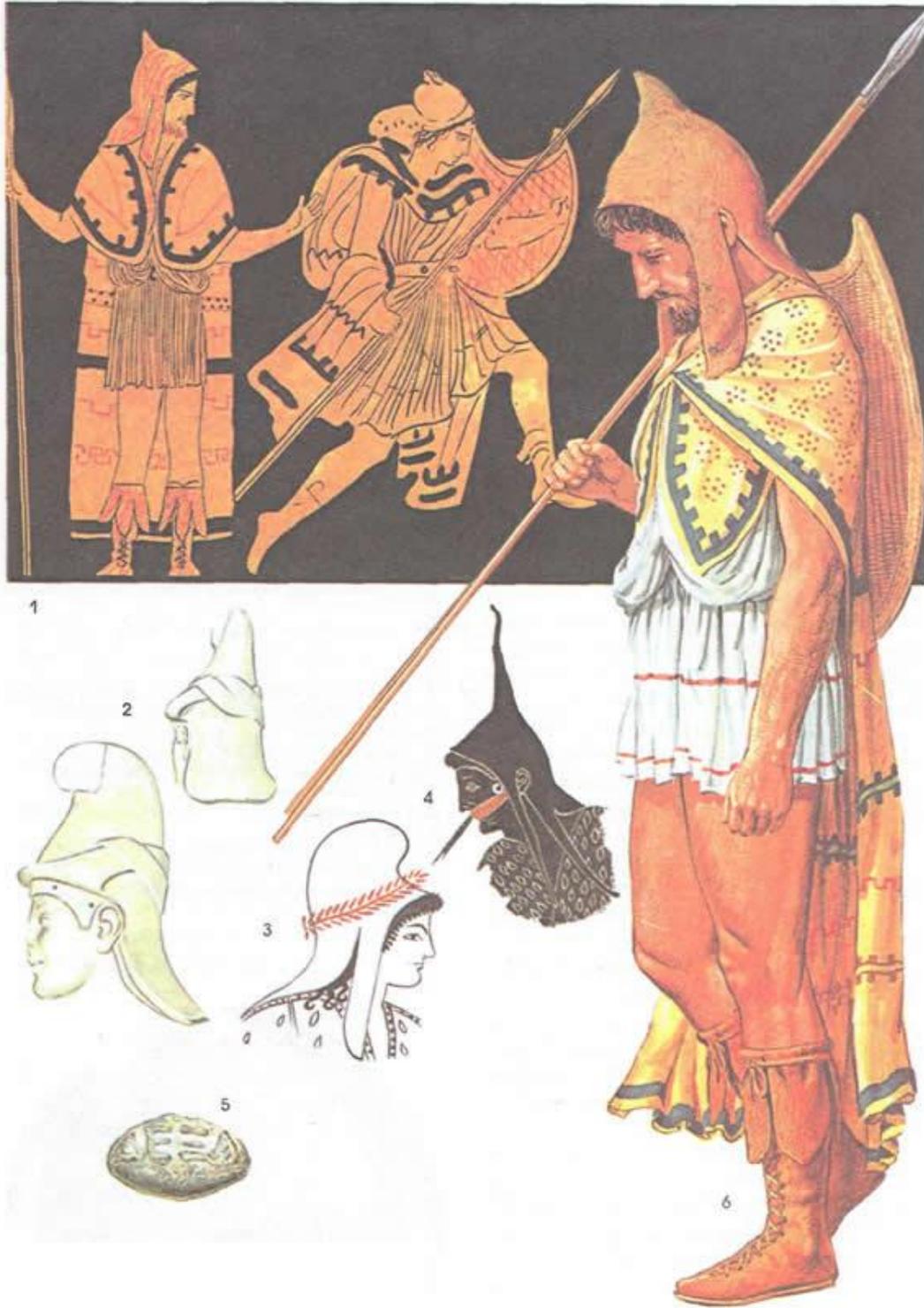
Вспомогательные войска.

Фаланга, которую поначалу рассматривали как совершенную и непобедимую силу, стала постепенно обнаруживать свои слабые места. Хотя она превосходила все, что существовало до нее (и потому была принята на вооружение всеми греческими полисами), фаланга была бесполезна на сильно пересеченной местности; ее невозможно было использовать среди холмов, против конницы или легковооруженных стрелков, использующих тактику партизанской войны. Афины нанимали скифских и критских лучников еще с VI в., но только греко-персидские войны заставили греческие государства всерьез задуматься о необходимости использовать легковооруженных воинов. Поначалу они отреагировали на эту необходимость довольно вяло. Геродот писал, что в битве при Платее

принимали участие тридцать пять тысяч легковооруженных илотов и примерно столько же воинов из других вспомогательных отрядов, включая лучников, но персидская конница делала там буквально все, что хотела, атакуя фалангу и перерезая пути снабжения греческой армии. Кажется невероятным, что ни в одной битве времен греко-персидской войны нет упоминаний ни об одном греческом всаднике! Вряд ли греки не знали, каков может быть результат атаки персидской конницы. Может быть, они полагались на то, что необходимое число всадников предоставит им Фессалия и Беотия, но когда эти области попали под власть персов, южные государства так и не попытались возместить утрату. Когда, несмотря на отсутствие конницы, они все-таки победили, полисы, вероятно, убедили себя в том, что всадники им не нужны. По-настоящему конницу и легкую пехоту стали использовать только во времена Пелопоннесской войны, во второй половине V в. до н.э. Конница имела только легкое вооружение и никогда не была ударной силой; в трактате, посвященном верховой езде, Ксенофонт выдвигает аргументы в пользу применения всадниками легких дротиков вместо обычных копий. Самым распространенным типом легковооруженного воина был пельтаст. Он получил такое название по легкому плетенному щиту, который назывался пельта. Согласно Аристотелю, у такого щита не было металлической кромки и обтягивался он козьей или овечьей шкурой. Аристотель утверждал, что щит был круглым, но в изобразительном искусстве его рисуют скорее серповидным. Изображения подобного щита есть у скифов, и очевидно, что он принадлежал к древнейшему типу, каким пользовались в восточной и центральной Европе. Фигуры, изображенные на позднемикенской Вазе Воинов, держат именно пельты. Иногда пельту изображают с одной ручкой в центре, а иногда с ручкой и скобой, как на щите у гоплитов. Последний вариант скорее всего придуман художниками, потому что он был определенно неудобен легковооруженному застрельщику, у которого не имелось защищавших его соседей. У пельты существовал также ремень для переноски. Ксенофонт рассказывает очень забавную историю о пельтастах, которые лезли через забор, закинув щиты на спину, зацепились этими ремнями и так и повисли. Впервые пельтасты появились во Фракии и потому носили принятую там одежду — узорчатый плащ, высокие башмаки и фригийский колпак. Это был головной убор из лисьей шкуры в форме колпака со свисающими на уши широкими кожаными лентами. Доспехов у пельтастов не было, и в случае опасности им приходилось полагаться только на свои ноги. Основным оружием пельтаста были дротики, а тактика состояла в том, чтобы выбежать вперед, метнуть дротик в противника и убежать прочь, покуда тот до них не добрался. Спартанцы пробовали справиться с

пельгастами, высылая преследовать их своих самых молодых воинов. Для крупных военных кампаний нанимали лучников и пращников. Стрелки из лука обычно были выходцами из Скифии или с Крита. Они применяли сложносоставные луки, сделанные из дерева, рога, кости и жил. Изображения этих луков вы можете увидеть на странице 50. Критский лук был сегментовидным, а скифский — двояковыгнутым. Известно, что дальность выстрела из последнего превышала 150 метров. Пращники стали активно применяться начиная с V в. Самыми лучшими пращниками считались родосцы, которые легко перекрывали дальность полета стрелы. Максимальное расстояние, на которое они могли метнуть свой снаряд, приближалось к 350 метрам. Сам снаряд обычно делали из камня, глины или свинца, причем последний являлся наиболее эффективным. Сейчас находят буквально тысячи таких снарядов, а также формы для их отливки. Вес снаряда в целом варьировался от 20 до 50 граммов, но иногда попадаются более легкие или более тяжелые экземпляры. Самым тяжелым из известных снарядов пользовались на Ближнем Востоке, его вес равнялся 185 г. Если верить Диодору, то знаменитые балеарские пращники использовали камни весом в одну мину, т.е. 350 г. Корфманн в статье, посвященной праще, указывает, что диаметр такого камня должен быть примерно 6,3 см — чуть меньше теннисного мячика. Свинцовые снаряды, которые обычно имели сливовидную форму, могли причинять тяжелые ранения. Ксенофонт описывал случаи, когда такой снаряд входил в тело, и плоть за ним смыкалась. Легковооруженные войска обычно использовались только в качестве вспомогательных сил, в основном как застрельщики. Главной задачей их была защита самой важной части армии — фаланги — от вражеской конницы и пращников. Легкую пехоту обычно ставили на фланги, но иногда размещали и позади фаланги. Оттуда они метали свои снаряды поверх голов гоплитов. Но действительно эффективным такой способ был только на неровной местности, когда пращников размещали на каком-нибудь косогоре, откуда стрелки могли видеть противника. В вымышленной битве при Фимбраре Кир разместил своих пельгастов позади фаланги, а за ними поставил лучников. Ураги стояли последними, позади их всех, и поддерживали порядок. Такие специализированные легковооруженные отряды метателей снарядов состояли, как правило, из наемников. Конницей же полисы обычно обеспечивали себя сами, зачастую усиливая ее фессалийскими всадниками. Спарта набирала пельгастов из числа илотов, а афинские легковооруженные отряды состояли из беднейших жителей города. Наемные отряды легких пехотинцев славились своим буйным поведением, но при надлежащей дисциплине и подготовке давали превосходные результаты. В 390 г. до н.э. молодой афинский полководец

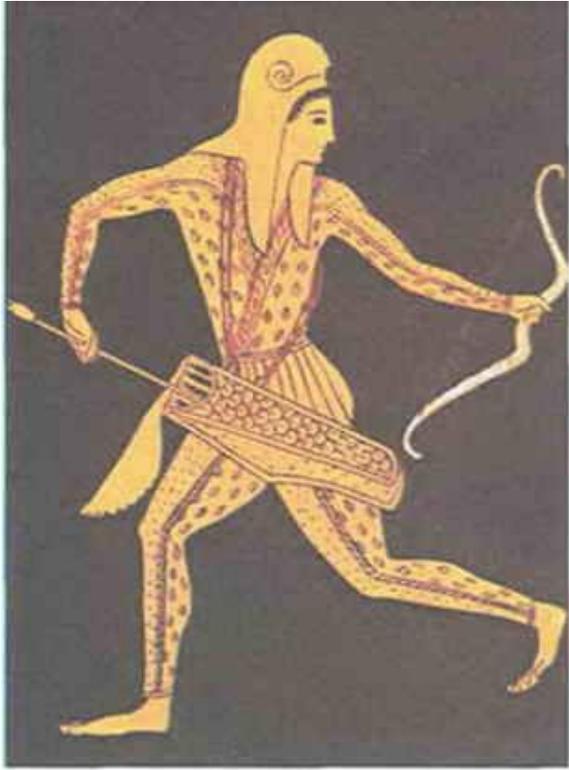
Ификрат буквально разгромил спартанскую мору при помощи отряда хорошо обученных и дисциплинированных фракийских пельтастов. В сражении была убита почти половина моры. Это событие полностью изменило отношение греков к пельтастам, а Ификрату обеспечило место в военной истории. В 349 г. Афины даже выставили против Филиппа Македонского армию, которая целиком состояла из пельтастов, не считая приданного ей небольшого отряда конницы.

1 — изображения фракийцев, встречающиеся на греческих вазах. Пельтаст (слева), вооруженный двумя дротиками, и амазонка, одетая пельтастом (справа) — также с двумя дротиками и пельтой. 2—4 — различные типы фригийских колпаков, которые можно обнаружить в

греческом искусстве. Изображение 2 — из храма Афайи на Эгине. Длинные наушники колпака подняты наверх и связаны на затылке. 5 — свинцовый снаряд с надписью «Получи». 6 — реконструкция облика фракийского пельтаста.

Тактика фиванцев Ксенофонт умер примерно в 354 г. до н.э. Настоящей трагедией для истории развития греческого военного искусства стал тот факт, что он нигде не считал нужным описать ни тактику фиванцев, ни те изменения, что внес в нее Эпаминонд. Ксенофонт пытался показать, почему спартанцы проиграли битву при Левктре-ре, но он нигде не объясняет, почему ее выиграла фиванцы. Они, без сомнения, оказали значительное влияние на развитие в дальнейшем македонского военного дела, но из-за недостатка свидетельств мы не можем сказать, в чем именно это влияние выражалось. Единственное, что мы можем сделать, — это положиться на немногие известные факты и попробовать сделать некоторые выводы. Главное, в чем сходятся все античные источники: глубина фиванской фаланги была значительно больше принятой остальными греками. Например, в 424 г. в битве при Делии афиняне стояли в восемь шеренг, а фиванцы — в двадцать пять. В битве при Левктре, там, где они разбили спартанцев, глубина фиванской фаланги была 50 шеренг. Это чередование — 25 и 50 — почти наверняка свидетельствует о том, что они просто использовали эномотии или пентекостии, выстроенные в колонны по одному. В состав фиванской армии входила привилегированная группа из трехсот отборных воинов, которая называлась Священный отряд. Первый раз название этой боевой единицы встречается при описании сражения при Делии в 424 г. Однако можно предположить, что «триста первых и лучших фиванцев», которые пали при Платее, также составляли Священный отряд. Вероятно, происхождение отряда восходит к очень ранним временам. Тогда он мог состоять из 150 воинов на колесницах и их возниц. В более позднюю эпоху классической Греции они стали гоплитами, которые были организованы в 12 эномотий по 25 человек каждая, как можно предположить, исходя из их числа. Воины Священного отряда были неукротимы в сражении, подобно спартанцам, и вполне могли бы потягаться с ними.

1

2

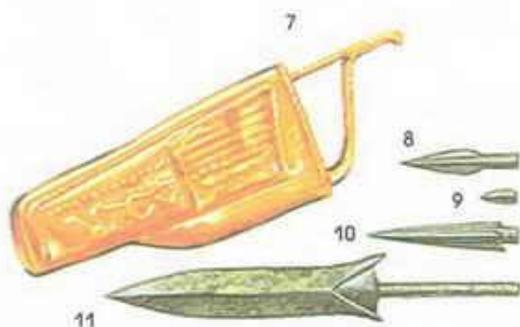

5

3

4

1— греческое изображение скифского лучника с блюда, которое находится в Британском музее. 2 — рисунок на вазе из Болоньи, изображающий гоплита, натягивающего тетиву на скифском луке. 3 и 4 — критский лук и стрела с греческой вазы в Лувре. 5 — реконструкция облика скифского лучника.

6 — скифское изображение лучника с золотой чаши, найденной в кургане Куль Оба в Крыму. Натягивание тетивы на скифский лук было довольно сложной операцией. 7—маленькое золотое изображение лука и футляра для лука и стрел (*gorytus*, «горит»), найденное в скифском могильнике. 8—11 — разные типы наконечников для стрел, которые можно встретить на территории Греции. Они изображены здесь в половинном масштабе. Британский музей. 9 — это скифский тип, а номер 11 — критский.

В 382 г. спартанцы обманом захватили крепость фиванцев Кадмею и поставили в ней своих воинов. С этого момента начался закат Спарты, потому что поступок спартанцев поднял дух патриотизма в жителях Фив на невиданную высоту. В 379 г. лакедемонян вышвырнули из крепости, и

Спарта вступила в свою последнюю крупную войну. В течение нескольких следующих лет фиванская армия, в основном благодаря влиянию Эпаминонда, превратилась в первоклассную, отлаженную боевую машину. Несомненно, Эпаминонда следует включить в число величайших тактиков мира. Более четырех веков в военном искусстве Греции доминировала фаланга. Все нововведения были ориентированы лишь на то, чтобы защитить фалангу, и судьба сражения обычно решалась именно ею. Покуда такое положение дел оставалось неизменным, Спарта побеждала. Эпаминонд постиг то, что до него ускользало от взора других тактиков: подобно армиям других греческих государств, спартанцы всегда ставили свои ударные войска на правом крыле. Именно оттуда черпало поддержку остальное войско. Из-за этого сильному правому крылу всегда противостояло слабое левое, и во время сражения фаланги имели обыкновение вращаться по кругу, против часовой стрелки. Тенденция усугублялась тем, что отдельные гоплиты в поисках лучшей защиты справа наклонялись в сторону щита своего правого соседа. Как результат, правое крыло одной армии зачастую заходило за левое крыло армии противника. Так случилось в битве при Мантинее. Эпаминонд был убежден, что, если ему удастся опрокинуть ударные силы спартанцев на правом крыле, остальной части лакедемонской армии придет конец. Для этого он решил перевернуть свой боевой строй, разместив наиболее слабую часть собственного войска справа, напротив левого крыла спартанцев, и выставив всю фалангу «косым строем». При этом слабейшие части были оттянуты назад, а на левом фланге собраны сильнейшие бойцы, которых поддерживали отборная конница и Священный отряд. Новая тактика Эпаминонда была подвергнута проверке в 371 г. в сражении при Левктре. Значительно усиленное правое крыло прошло сквозь спартанскую фалангу. Фиванцы уничтожили гиппеев и убили царя. Как и ожидалось, остальная часть спартанской армии сложилась подобно карточному домику. Такую же тактику применили и в битве при Мантинее в 362 г. до н.э. К большому сожалению для фиванцев, в этом сражении Эпаминонд был убит, а Фивы потеряли шанс обрести господство над Грецией. Мы не знаем ничего конкретного о фиванских доспехах и оружии. Принимая во внимание указанную Ксенофонтом глубину фиванской фаланги, трудно представить какие-нибудь преимущества, которые могло дать им традиционно принятое оружие гоплитов. Я рискнул бы предположить в качестве пробной гипотезы, что фиванцы использовали более длинные копья, которые держали обеими руками. Так было проще использовать огромную массу нового боевого строя. Это предположение объясняет наличие длинных копий у возникшей позже македонской фаланги, поскольку трудно представить, чтобы такие

копья состояли на вооружении недисциплинированной македонской пехоты, существовавшей до времен Филиппа II. Следует принять во внимание еще одну вещь: так называемые беотийские щиты. Они представляли собой своего рода помесь дейтонского и аргосского щитов. Рисунок, помещенный на вазе, изображает его похожим на аргивских щит, но с двумя полукруглыми выемками, сделанными по краю щита рядом с ручкой. Ученые обычно отказываются признавать за этим щитом право на существование в реальности и считают его вымыслом художников, сделанным по мотивам древних щитов героической эпохи. Но справедлив ли этот подход? Несколько лет назад я экспериментировал с различными типами щитов, пытаясь выяснить, как именно держал свой щит копейщик. Я пробовал работать копьем, держа в левой руке аргивских щит, но из-за его выпуклой кромки и угла примерно в сорок пять градусов, появившегося между копьем и щитом, сжимать копье еще и левой рукой оказалось невозможно. Этого можно было бы добиться, если проделать выемку в крае щита — как раз так, как показано это на изображениях беотийского щита.

Доспехи и оружие.

Щит

В начале VIII в. в Греции существовало два основных типа щита: овальный, с выемками с обеих сторон — этот тип обычно называют дейтонским, по названию кладбища в Афинах, где нашли много изображений такого щита, — и круглый, с расположенной в центре ручкой. Дипилонский щит почти наверняка напрямую восходит к микенским щитам в форме восьмерки, изображения которых перестали появляться примерно после 1400 г. до н.э. Глиняная модель, которая показана на иллюстрации (слева), изображает как раз такой щит и была обнаружена на Дипилонском кладбище. Существует мнение, что эта позднейшая форма вообще не изображает реальный щит, а отражает образ щита «героической эпохи», который сложился в искусстве. На это есть два серьезных возражения: во-первых, древние художники всегда изображали исторических персонажей в костюме современной им самой эпохи; во-вторых, тот художник, который делал эту глиняную модель, точно знал, что именно он изображает, — очевидно, что это был плетеный щит с распорками по внутренней стороне. Невозможно поверить в то, что столь точное изображение могло продержаться более 600 лет, не превратившись во что-нибудь символическое — например, в нарисованный изнутри маленький крестик. Очевидно, что эта вещь скопирована с настоящего щита. Тот факт, что формой он значительно отличается от щита микенской эпохи, только свидетельствует о его аутентичности и говорит о наличии определенного развития. У более ранних щитов была, должно быть, усиленная кромка, которая позволяла им сохранять форму восьмерки, однако в щитах дипилонского типа форму диктовали распорки. Такие щиты стремились к ней вполне естественным образом, поскольку распорки необходимо было закреплять очень прочно, и концы их не много выпирали наружу, образуя четыре видимые точки на внешней поверхности щита.

1 — настенная роспись из Микен, изображающая щит в форме восьмерки. 2 — глиняное изображение дипилонского щита VIII в. Вид спереди, сзади и в разрезе. Британский музей. Очевидно, что копия сделана с подлинного щита.

Постоянное одинаковое давление на центральную точку распорок могло привести к тому, что щит слегка изгибался, образуя две полукруглые выемки по обеим сторонам. Все это может свидетельствовать о том, что в Афинах, которые сумели пережить войны периода темных веков и сохранить неразрывную связь с микенской эпохой, щиты в виде восьмерки могли пережить и микенскую эпоху, и темные века, следовавшие за ней. Круглый щит с расположенной в центре ручкой, как и многие другие виды оружия позднемикенской эпохи, возможно, ведет свое происхождение из центральной Европы. Это подтверждается и находками на территории Италии. Впервые такие щиты появились в Греции в конце микенской эпохи, но главенствующим типом он стал после 1050 г. до н.э., когда на Пелопоннесе возникли поселения дорийцев. В Дельфах обнаружили два щита того же типа, но более позднего происхождения, датированных первой половиной VII в. Оба они выполнены из ковanej бронзы, но представляют собой два отчетливо различающихся типа. У первого из них есть отчетливо видимая выпуклость в центре щита, в соответствующее которой углубление на внутренней стороне была «утоплена» ручка; у второго типа такой выпуклости нет совсем, а ручка, вероятно, крепилась сзади. Две дельфийские находки отражают дальнейшее развитие щита с центральной ручкой, но они уже устарели к моменту своего появления на свет, потому что с VIII века возник новый тип, который очень быстро вытеснил все предыдущие. Это был гоплитский, или аргивский, щит. Возможно, что он появился в процессе эволюции круглого щита с центральной ручкой, но археологические находки свидетельствуют о том, что, по крайней мере, в самом начале он сильно от него отличался. На самом деле их единственной

общей чертой является круглая форма. Аргивский щит значительно более выпуклый, и у него усиленная кромка. Однако значительно важнее тот факт, что у нового щита была полностью изменена конструкция крепления. В центре щита находилась скоба, через которую просовывалась рука — так, чтобы щит оказался на предплечье. Собственно ручка представляла собой ремень, закрепленный рядом с краем. Воин держался за него для того, чтобы не дать щиту сползти с предплечья. Самые ранние отчетливые изображения аргивского щита можно встретить на керамике середины VII в., например, на вазе из Чиги. Там можно разглядеть все составные элементы щита нового типа, которые никак не прослеживаются у более ранних. Этот щит прикрывал гоплита от подбородка до колен и, как ничто другое, позволял держать четкий строй фаланги. Из-за того, что крепление щита находилось в середине, почти что половина его выступала за левый бок воина и при условии, что сосед слева находился вплотную, защищала его правый бок. Таким образом, он оказывался прикрытым в том месте, где щиты находили друг на друга. Одна из существенных проблем фаланги заключалась в том, что из-за этого ее могло клонить на правую сторону. В конце VI в., возможно, в результате персидского нашествия и из-за возрастания роли легких пехотинцев, вооруженных метательным оружием, к низу щита стали прикреплять своего рода кожаную привесь, которая должна была защищать ноги воина от дротиков и стрел. Существовал обычай, что после битвы одержавший победу военачальник посвящал в какой-либо храм щит с соответствующей надписью. Множество таких щитов обнаружено в Олимпии. Размер их варьируется от 80 см до 1 м в диаметре. У некоторых из бронзы сделана вся внешняя сторона, тогда как другие имеют лишь бронзовую кромку. Все неметаллические части щитов не сохранились, но уцелело множество деталей с внутренней стороны — таких, как скобы для руки, например. Они были прибиты к деревянной основе щита гвоздями, которые затем загнули на передней стороне так, чтобы они не могли ослабнуть. Это не только убедительно говорит нам о толщине щита, но и рассказывает многое о том, как их изготовляли. Сначала из каких-нибудь твердых пород, например, дуба, делали деревянную основу щита. Затем к его внутренней стороне прикрепляли все необходимые детали, а гвозди, которые выходили на внешнюю сторону щита, отгибали и вбивали в дерево. Потом щит покрывали бронзой или бычьей кожей. Скоба бывала двух форм — широкая полоса с завернутым наверх краем либо более узкая полоса, на которую делалась накладка из сыромятной кожи или войлока, расширявшая ее. Первый тип, как правило, более древний, а второй — более новый. У нескольких щитов, найденных в Олимпии, все детали с внутренней стороны прикреплены непосредственно к внешней, выполненной из бронзы. Должно

быть, их изготовили специально для посвящения в храм, потому что в битве они были бы бесполезны. Полагали, что эти щиты предназначались для того, чтобы удары отскакивали от них, но это противоречило бы основному смыслу фаланги, в котором каждый гоплит прикрывал незащищенный бок своего соседа, а не перенаправлял в него, например, летящие дротики. В музее Ватикана есть замечательный образец аргивского щита. Скорее всего его обнаружили в этрусской гробнице, причем в очень хорошем состоянии, что дало возможность исследователям произвести абсолютно точную реконструкцию. У щита полностью уцелела бронзовая верхняя часть, сравнительно большое количество деревянной сердцевины и даже тонкая кожа, которой он был выстлан изнутри. На примере этого щита хорошо можно разглядеть те трудности, с которыми сталкивались древние мастера при установке бронзовой лицевой части на аргивском щите. Хотя ей, вероятно, придавали нужную форму перед тем, как закрепить на деревянной основе, край все равно требовалось затем загнать. Все трудности оружейников отчетливо видны на месте сгиба, где кромка набита изнутри деревянными плашками. В своем первоначальном виде щит должен был весить около 7 кг. Деревянная основа аргивского щита была в центре всего в 0,5 см толщиной, поэтому внутрь часто закладывали дополнительную усиливающую пластину. Такие пластины можно видеть на рельефе из сокровищницы сифносцев в Дельфах или на вазе из Чиги.

Этрусский щит с фрагментами деревянной основы и кожаной подкладки из Ватиканского музея. Этот щит, вероятно, относится к IV в. до н.э. 1 — внутренняя сторона щита со скобой для руки, которая

была, вероятно, обмотана кожей, креплениями для ремня-рукояти и остатками деревянной основы. Масштаб 1:10. 2 — вид на щит сбоку и в разрезе. 3 — изображение щита в три четверти сверху, на котором видны скоба для руки и крепления для рукояти. 4 — реконструкция рукояти и края щита, показывающая деревянные плашки, которые использовались для того, чтобы заполнить кромку.

Бронзовое украшение щита из Олимпии. Ок. 525 г. до н.э. Таких украшений нашли довольно много; наиболее часто встречаются изображения горгон. На боевых щитах их обычно рисовали красками. Музей Олимпии.

Аргивский щит. Ок. 525 г. до н.э., укрепленный дополнительной пластиной, которая должна была обеспечить руке лучшую защиту. Изображение с рельефа в сокровищнице сифносцев в Дельфах. Музей в Дельфах.

У аргивского щита есть одна особенность, которая выяснилась после того, как была выполнена и опробована его модель, сделанная по ватиканскому образцу. Заключается эта особенность в том, что сильный изгиб деревянной части щита удобно подходит к левому плечу и позволяет переместить на него значительную часть веса. Это значит, что гоплит мог

пройти значительное расстояние со щитом на изготовку, не перенапрягая при этом левую руку.

Как показывают рисунки на вазах, самой примечательной частью этих щитов были украшавшие их гербы и символы. Их разнообразие поистине бесконечно — геометрические рисунки, животные — настоящие и выдуманные, рыбы, крабы, птицы, конечности, вазы, якоря... Может быть, они служили отличительными знаками гоплитов, потому что при опущенном на лицо шлеме узнать их было невозможно. Позднее, примерно с конца V в., все эти мотивы сменились на буквы или символы, обозначающие город гоплита. Лямбда, например, символизировала Спарту, т.е. Лакедемон, а дубинка — Фивы. В Олимпии было обнаружено несколько экземпляров бронзовых украшений щита. Изображают они в основном мифических тварей — горгон, грифонов и т.п. — и были изготовлены скорее всего специально для посвящения в храм. В первом же настоящем сражении такие украшения были бы просто сметены, ибо там, как писал спартанский поэт Тиртей, «сходятся рати, щит закругленный на щит». Должно быть, на боевых щитах украшения рисовали красками.

Доспехи

В 1953 году в Аргосе, на Пелопоннесе, обнаружили захоронение, относившееся к VIII в. до н.э. Там нашли шлем и самый древний из известных на данный момент греческих панцирей. За этой находкой лежит пропасть в 7 веков, которая отделяет ее от относящегося к концу XV в. экземпляру, найденному в Дендре. О доспехах того периода нам ничего не известно. Аргосский панцирь, как и его предшественники, состоит из двух половин: передней и задней. Обе половины схематически воспроизводят мускулатуру торса с выступающим кантом вокруг отверстий для рук, вдоль талии и бедер. Вокруг шеи, отверстий для рук и у бедер бронза закатана вперед по краю для того, чтобы усилить его. Наличие отступов в канте отчетливо показывает, что передний край панциря заходил на задний по бокам. На правой стороне передней пластины имеются два выступа в виде трубочек. Они заходили в соответствующие им пазы на задней стороне и соединялись при помощи двух штифтов (3), удерживая панцирь вместе до того момента, как его надевали. Обе половины соединялись двумя застежками в нижней части левой стороны — одна на передней половине панциря, а другая на задней. Под левой подмышкой и на бедре закатанный край был отогнут так, чтобы образовать паз, благодаря которому передняя часть удерживалась на месте (4). На плечах дело обстояло наоборот — там

задняя пластина находила на переднюю; на месте они крепились двумя железными штырями, которые выходили из передней пластины и соответствовали отверстиям, сделанным в задней (5).

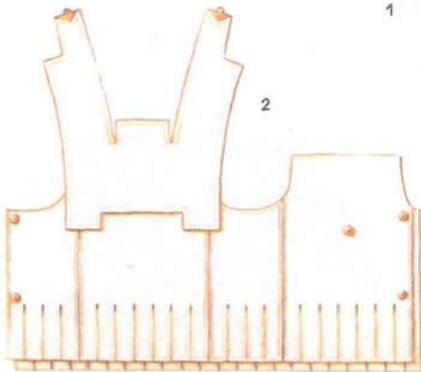

1, 2 — передняя и задняя половины расширяющегося книзу колоколовидного панциря из Аргоса. Музей Аргоса.
 3 — способ соединения правой стороны панциря. Выступы в виде трубочек на конце передней части вставлялись в пазы на задней части, и в них продевался закрепляющий штифт.
 4 — соединение сторон под левой подмышкой.
 5 — способ соединения на плечах.
 6 — поздний колоколовидный панцирь из Олимпии. Ок. 525 г. до н.э. Музей Олимпии.
 7 — пластина, предназначенная для защиты живота. Крит.

8—11 — на этих рисунках показано, как соединялся классический анатомический панцирь.
 8 — система петель и соединяющий их штифт на левой стороне панциря. Музей в Карлсруэ, Германия.
 9 — фрагмент панциря с соединительными кольцами и отпечатком пряжки. Британский музей.
 10 — пряжка такого же типа.
 11 — вид изнутри на систему крепления из петли и штифта.
 12 — способ стягивания сторон.

Полукруглая пластина, которая называется *mitra*, «митра» (термин, может быть, и неправильный, но его употребляют для удобства) могла подвешиваться на пояс и прикрывала живот. Большинство таких пластин было найдено на Крите, хотя есть и греческие экземпляры. Во Фракии их обнаружили вместе с более поздними разновидностями расширяющихся

книзу панцирей, что означает, что они использовались вместе. Во второй половине VI в. популярность расширяющихся книзу «колоколовидных» панцирей резко падает и их заменяют панцири из льна, которые стали общепринятыми для гоплитов. Однако первыми все же продолжали пользоваться, и они постепенно превратились в изящные «мускульные», или «анатомические», панцири, повторяющие анатомию человеческого торса. Хотя они и не были так популярны, как колоколовидные, возможно, из-за высокой стоимости, но продержались до самого конца римской эпохи тысячу лет спустя — они были частью формы старших офицеров. Новый панцирь делался двух типов — короткий, до талии, или длинный, прикрывающий область живота. Панцири с рельефным изображением мускулов, или анатомические, обычно скреплялись по бокам, а иногда и на плечах при помощи петель, одна половина которых была на задней стороне, а другая — на передней. Обычно таких петель было шесть — по две на каждой стороне и по одной на плечах. Для того чтобы надеть панцирь, с одной половины (чаще с правой) и из плеч вытаскивали штифты, проходившие через обе части петли. Тогда он просто открывался, как это было и в более раннем варианте. Затем половины панциря соединяли и вставляли все вынутые штифты на место. На обеих сторонах от петли было по кольцу, которые предназначались для того, чтобы стягивать переднюю и заднюю части. На фрагменте панциря из Британского музея можно отчетливо разглядеть рядом с кольцом отпечаток пряжки, которая при помощи ремня, пропущенного через кольца, соединяла обе половины. На некоторых панцирях система петель вообще отсутствует, и соединяются они только при помощи колец и ремешков с пряжками. На отдельных панцирях IV в. до н.э. ряд петель слева был очень длинный и проходил от подмышки до бедра; вставить штифт в такие петли, когда панцирь уже надет, невозможно. Следовательно, левую сторону на них скрепляли заранее. Хотя процесс развития анатомических панцирей можно проследить по изображениям на греческих вазах, большинство археологических находок было сделано на территории Италии.

1 — рисунок на вазе (500 г. до н.э.), который изображает собирающихся в бой гоплитов. Вена.
 2 — выкройка льняного панциря в виде «жесткой рубашки». Его изготовляли из склеенных между собой слоев льняной ткани.

3,4 — вид на переднюю и заднюю части железного панциря, найденного в так называемой «Могиле Филиппа II» в Вергине, Македония. Ученые пока не пришли к единому мнению по поводу возраста этой могилы. Сам панцирь представляет собой точную копию льняного, только выполненную из железа с золотыми инкрустациями. Она воспроизводит образец до мельчайших подробностей. Возможно, этот панцирь надевали на кожаный хитон с птеригами на плечах и на бедрах. См. мозаику Александра на стр. 72.

В IV в. до н.э. длинный анатомический панцирь был приспособлен для нужд конницы. Его низ выгнули наружу впереди и чтобы в нем можно было

сесть на лошадь. Подобный тип панциря можно увидеть на конной статуе Нония Бальбы Младшего из Геркуланума, которая находится сейчас в музее Неаполя. Все известные экземпляры этих панцирей происходят из южной Италии, и, возможно, следует предположить, что только здесь ими и пользовались. Однако у нас слишком мало материала для таких выводов, так что делать их пока не стоит. Льянными панцирями пользовались, вероятно, начиная с микенской эпохи, но только в конце VI в. они стали стандартной частью снаряжения гоплита. Льяной панцирь делался из нескольких слоев ткани, склеенных так, чтобы получилось что-то вроде толстой рубашки, примерно в 0,5 см толщиной. Панцирь доходил до бедер. Ниже пояса имелись разрезы, чтобы дать воину возможность наклоняться. Изнутри прикреплялся второй слой, тоже разрезанный на полосы (pteryges, птериги), закрывавший разрезы в верхнем слое. По фигуре панцирь не подгонялся — его просто обматывали вокруг туловища и скрепляли на левой стороне. П-образный фрагмент, который был прикреплен к спине, притягивали вперед для защиты плеч. На вазах можно увидеть множество сцен, показывающих, как эти прочные жесткие «лямки» сами возвращались назад, в исходное положение, если их отстегивали спереди. Несколько лет назад я изготовил копию одного из таких панцирей. Его оказалось трудно надевать из-за жесткости, но, чуть по привыкнув к доспеху, можно было ощутить, что в нем легко и удобно двигаться. Зачастую такие доспехи делали из нескольких деталей, а птериги иногда могли отстегиваться. Хотя лен обеспечивал вполне надежную защиту, такие доспехи иногда усиливали чешуйками или пластинками. На некоторых поздних этрусских доспехах можно увидеть чешуйки вполне в ассирийском стиле. К числу существенных преимуществ льяного панциря можно отнести дешевизну, относительную гибкость и легкость. Та копия, что была мною изготовлена, не имела металлических чешуек и весила 3,6 кг, в то время как колоколовидный панцирь вместе с поддоспешником весил примерно 6 кг. Пользовались таким типом доспехов до III в. до н.э., когда в употребление вошла кольчуга. Незадолго до Рождества 1977 года стало известно, что в Вергине, Македония, обнаружили царскую могилу, предположительно принадлежавшую Филиппу II. В могиле, как сказали вначале, находился железный панцирь. Впервые услышав это сообщение, я представил себе анатомический панцирь, сделанный из железа. Однако на международном Конгрессе по античной археологии, который проходил в сентябре 1978 года в Лондоне, М. Андроникос, который вел раскопки могилы, впервые представил панцирь на обозрение общественности. К моему большому изумлению, он оказался переложенным на железные пластины льяным панцирем. Он был изготовлен из четырех пластин — передней, задней и

двух боковых — и двух изогнутых плечевых фрагментов, которые закреплялись на спине. Панцирь был украшен инкрустацией в виде золотых полосок. Возможно, у него были птериги, изготовленные из кожи или иных гибких материалов. К сожалению, до настоящего момента не существует должного описания панциря, что вынуждает нас обходиться лишь его изображениями.

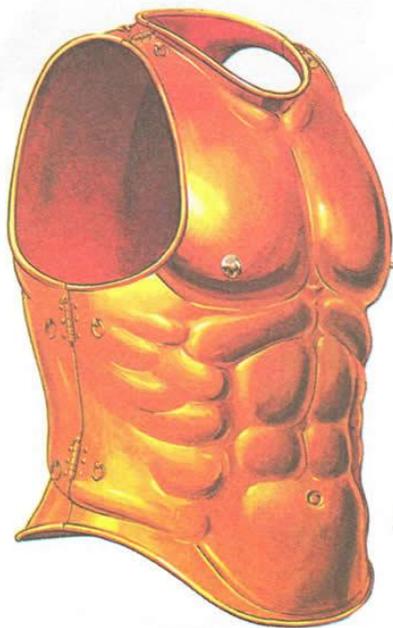
Вид спереди на анатомический панцирь IV в. из Конверсано, близ Бари, в южной Италии. Слева он соединялся длинным рядом петель. Такой панцирь стал частью снаряжения старших военачальников. Музей Бари.

Вид сзади на тот же конверсанский панцирь. Справа он скреплялся традиционным способом — петлями и кольцами с ремешком и пряжкой. На плечах петель не было, и они держались только на ремешках с кольцами.

Короткий анатомический панцирь, половины которого соединялись кольцами. Таким типом чаще всего пользовались всадники. Большая часть археологических находок анатомических панцирей была сделана в Италии. Это, например, из Руво, южная Италия. Британский музей.

Реконструкция длинного панциря с рельефным изображением мускулов из Британского музея. Он выполнен из бронзы и украшен серебряными вставками в виде сосков. На плечах и боках панцирь соединяется при помощи петель и колец.

Изображение гоплита в анатомическом панцире на греческой вазе. Ок. 460 г. до н.э. На воине фракийский шлем, а к щиту прикреплен кожаный фартук, защищающий ноги от дротиков и стрел. Музей Палермо.

Длинный анатомический панцирь, сделанный специально для всадника. У бедер он очень широк, и это позволяет без особых проблем сесть на лошадь. Сейчас известны только три экземпляра таких панцирей. Все они происходят из Италии. Вероятно, IV в. до н.э. Музей Бари.

Поножи и наручи

Длинные поножи, или наголенники, вошли во всеобщее употребление в VII в. Вначале они защищали только нижнюю часть ноги, от колена до лодыжки, но затем стали прикрывать и само колено. В VII и VI вв. поножи часто были богато украшены, а более поздние варианты, как и анатомические панцири, воспроизводили форму мышц ноги. В Италии и в Греции уцелело множество экземпляров таких анатомических поножей. Мускулатура на более поздних поножах обычно выглядит менее стилизованной, чем на показанных здесь образцах VI в. В Греции поножи обычно надевались слегка разогнутыми, а затем зажимались по ноге, но в Италии их иногда привязывали к ней — на нескольких итальянских образцах даже сохранились кольца, через которые проходил ремешок.

1—4 — эволюция поножей.

1 — тип, относящийся к концу VII в., когда поножи заканчивались непосредственно под коленом.

2 — тщательно проработанный образец VI в., который прикрывает колено. Найден в Олимпии. Музей Олимпии.

3 — более простой тип, также VI в. Происхождение неизвестно. Лондонский Тауэр.

4 — вид спереди, сбоку и сзади на понож конца архаики. Его нашли вместе со шлемом, который можно будет увидеть на стр. 62. Мюнхен. Глиптотека.

5 — наруч для верхней части руки. VI в.

6 — наруч для нижней части руки. VI в.

7 — защитный доспех для лодыжки. VI в. Его, вероятно, могли привязывать, используя два зубца впереди.

8 — набедренник. VI в.

9 — защитный доспех для ступни; вероятно, V в. Он снабжен петлями у пальцев и привязывался к сандалию.

5—8 — находки из Олимпии. Музей Олимпии.

9 — из южной Италии, Руво. Британский музей.

Обнаружено также достаточно большое количество специальных поножей, защищавших лодыжки и даже пятки. Это как раз те самые «поножи пышные», которые так любил описывать Гомер. Они обычно привязывались к ногам. Известно несколько экземпляров защитных доспехов для ног, которые подходили к сандалиям; они могли делаться цельными или же закрепляться за пальцы при помощи петель — для того, чтобы обеспечить большую подвижность. Хотя на скульптурных

изображениях мы можем увидеть набедренники, известна только одна греческая находка этого рода — из Олимпии. На самом деле это скорее продолжение поножей и прикрывают они лишь нижнюю часть бедра. В искусстве их изображали доходящими до середины бедра. Защитные доспехи для плеч и предплечий были обнаружены во время раскопок в Олимпии. Некоторые из них весьма пышно украшены. Защитные доспехи для плеч значительно превосходят по количеству находок наручи для нижней части руки. Вероятно, последними довольно редко пользовались, и их уж точно редко изображали. Все защитные доспехи для конечностей подбивали кожей или тканью. У тех из них, что сделаны до середины VI в., подкладка закатана за край и там прошита. Преемственность в способе закрепления подкладки позволяет предположить наличие преемственности в изготовлении доспехов между микенским периодом и архаикой, а следовательно, можно предположить, что бронзовыми доспехами пользовались в темные века. Все виды защиты для рук и ног, за исключением поножей, вышли из употребления в конце VI в., да и поножи в эпоху классической Греции уже не пользовались такой популярностью, как раньше.

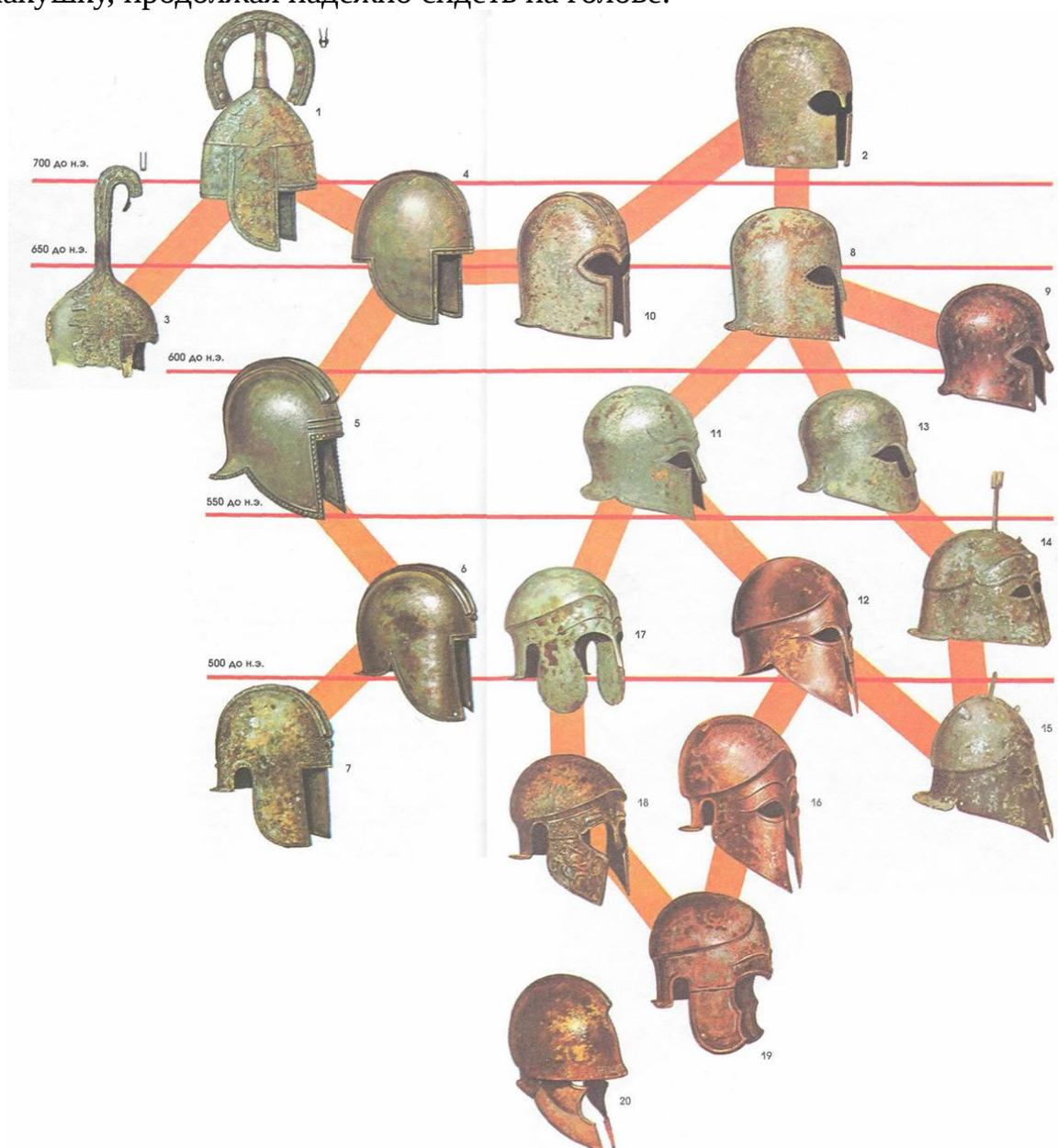

Бронзовая статуэтка спартанского воина, ок. 525 г. до н.э. Кроме колоколовидного панциря, на нем имеются наручи для нижней части руки и набедренники, а также коринфский шлем и поножи. Национальный археологический музей. Афины.

Шлем

Ученые много спорят о том, как следует называть различные типы шлемов. Спор этот не может ничего добавить к нашим знаниям греческой военной системы или к истории ее развития, поэтому здесь мы этот вопрос обсуждать не будем. Такие термины, как «иллирийский» или «аттический», будут использованы для того, чтобы обозначить определенный тип шлема, а не для того, чтобы указать на происхождение типа. Существуют греческие шлемы нескольких форм, но создается впечатление, что все они восходят к двум прототипам — коническому (Kegelhelm) и архаичному коринфскому. Кегельшлем (1) (термин пришел из немецкого языка и буквально обозначает его шишковидную, или кеглевидную, форму) является наиболее ранним шлемом железного века, обнаруженным до настоящего момента на территории Греции. Все такие шлемы состоят из пяти частей (не считая держателя для гребня). Тот экземпляр, что представлен на рисунке, был обнаружен вместе с доспехами в могиле геометрического периода в Аргосе. Конический шлем исчез в начале VII в., породив два новых типа — островной и иллирийский. Островной шлем (3) был популярен на Крите, где находят его многочисленные изображения. Показанный здесь фрагментарный экземпляр этого шлема — единственный, который удалось обнаружить до настоящего момента, — также происходит с Крита. Его изготавливали из двух частей (вместе с держателем для гребня), а затем соединяли заклепками. Каждая половинка образовывала одну сторону шлема. Ранний иллирийский шлем (4), несомненно, восходит к коническому шлему — это отчетливо видно по его форме и выпуклому канту по нижнему краю. Главное отличие заключается в наличии выступа, идущего вдоль верхней части шлема. Он был техническим новшеством, поскольку шлем, подобно островному, делался из двух половинок и скреплялся заклепками по этому выступу, служившему основанием для гребня. К первой половине VI в. такие шлемы делались цельными (5), и этот тип существовал и дальше, вплоть до V в. (6 и 7). Наиболее удачной греческой конструкцией шлема можно считать коринфский, который закрывал всю голову, с прорезями только для глаз, носа и рта. У этого шлема была очень долгая жизнь, которая началась в VIII в. (2) и продлилась в изящных произведениях VII и VI вв. Самые ранние шлемы иногда делались подобно иллирийским, из двух половинок. Одной из характерных черт такого шлема, которые появились в VII в., была выемка в нижней кромке шлема — в месте, где заканчивается челюсть и начинается шея (8 и 10). То же самое можно видеть на шлемах конца VII — начала VI вв., большое количество которых (9) дошло и до наших дней, свидетельствуя об их популярности. Этот тип шлема называют

миросским по тому образцу, на котором было обнаружено имя «Мирос». В начале VI в. эта выемка сменилась более ярко выраженным стреловидным вырезом — возможно, восходящим к иллирийскому типу. Этот вырез остался характерной особенностью данного типа шлемов. Номер 10 является «помесью» раннеиллирийского и коринфского шлемов и несет в себе характерные черты каждого типа. Нащечники в коринфском шлеме были упругими, так что его можно было натянуть на голову, и при этом нащечники плотно прилегали к лицу. Благодаря этому шлем легко сдвигался на макушку, продолжая надежно сидеть на голове.

Эволюция греческого шлема от VIII до V вв. ДО н.э. Слева находится коническо-иллирийская группа, а справа — коринфско-халкидско-аттическая. Красные линии показывают примерную Датировку, но следует помнить, что типы могли развиваться в одних районах медленнее, чем в других. 1 — из Аргоса. Музей Аргоса. 2, 4, 6, 7, 16 и 17 происходят из Олимпии. Музей Олимпии. 12 — из Коринфа. Музей Коринфа. 13 — экземпляр из некрополя в Камповалано ди Кампли. Музей Чети. 18 — экземпляр из Тоди. Музей Вилла Жулиа. Рим. 9, 14 и 15 были найдены в южной Италии. 20 — из Л.Копес в Греции. Происхождение остальных неизвестно. 8 и 10 находятся сейчас в Тауэре, Лондон. 3 и 5 в Гамбургском музее искусства и ремесел, 9, 11, 14, 15 и 20 находятся в Британском музее, а номер 19 — в Музее Йорка.

Именно так носили его гоплиты вне поля битвы. Точно так же изображен этот шлем и на многих статуях, где иногда можно отчетливо разглядеть часть свободного подшлемника, высовывающегося из-под назатыльника. Подшлемник требовался ко всем металлическим шлемам, поскольку они защищали непосредственно от режущего или рубящего удара, но не от контузии. На ранних шлемах смягчающая прокладка часто заворачивалась за край шлема и там прикреплялась, как это можно видеть на дендрийских доспехах, однако начиная с VI в. ее просто приклеивали изнутри. В Греции коринфский шлем перестал встречаться в начале V в., однако в Италии он сохранился. На протяжении VI и V вв. итальянцы продолжали развивать и совершенствовать свою собственную форму коринфского шлема (13, 14 и 15), причем в процессе работы над ней они уничтожили изначальную идею его создания. Хотя они сохранили отверстия для глаз и для носа, сам шлем превращен в своего рода колпак, который носили на голове так, как показано это в греческом искусстве (14). Со временем глазные отверстия стали меньше и сблизилась (15), иногда их стали заполнять глазами, сделанными из слоновой кости. В конце концов они все равно исчезли, оставив след только в виде стилизованных изображений на украшавших шлем насечках. В таком виде, который известен как итало-коринфский тип, этот шлем носили римские офицеры времен поздней республики. Окончательно он исчез только в I в. н.э.

Прекрасно сохранившийся экземпляр коринфского шлема конца VI в., найденный на Сицилии. Его нашли вместе с поножами. Мюнхен.

Как у коринфского, так и у иллирийского шлема был один весьма существенный недостаток — в них невозможно было что-нибудь слышать. Его много раз пытались устранить — в основном, проделывая отверстия различной формы. В Олимпии нашли несколько экземпляров подобных шлемов. Так, отверстия могли быть выполнены в форме колеса с четырьмя спицами, где сегменты между спицами были удалены, либо просто в виде выреза в области уха. Позднее распространился именно второй вариант (16). Однако эксперименты в этой области породили новый тип шлема — халкидский. Совершенно очевидно, что этот шлем ведет свое происхождение от коринфского, а на вазах его впервые начинают изображать в начале VI в. У этого нового шлема были две разновидности — одна с жестко закрепленными (17), а другая с подвешенными на петлях (18) нащечниками. Существовал и третий вариант, при котором у шлема были закрепленные на петлях нащечники, но не было пластинки, закрывавшей нос (19). Такой шлем обычно называют аттическим. У меня нет никакого желания спорить о том, можно его так называть или нет, и поэтому в данной книге аттическим будет называться шлем, во всем аналогичный халкидскому, за исключением отсутствующей носовой пластинки. Греческих экземпляров такого шлема нет — практически все, что уцелело до настоящего времени, нашли в Италии, где он был очень популярен. На

италийских шлемах обычно имеется крепление для султана из перьев, а часто есть и тонкие бронзовые крылышки. Последний тип шлема, который следует упомянуть здесь, — это фракийский. (20). Он скорее всего восходит к фригийскому колпаку. В некоторых отношениях он является аналогом аттического шлема, однако спереди у него есть широкий козырек, который защищает глаза и уши. У этого типа обычно (но не обязательно) были длинные, резко вырезанные у глаз и рта нащечники, которые изгибались по линии челюсти. Такие нащечники зачастую были богато украшены — например, изображениями бороды и усов. Этот тип шлема начал приобретать популярность с V в. до н.э. Практически у всех шлемов имелся гребень из конского волоса. В большинстве случаев он крепился непосредственно к верхушке шлема и удерживался на месте при помощи двойных шпилек спереди и сзади. Способ его крепления на иллирийских шлемах очевиден. Но для большинства шлемов коринфского типа все не так ясно. На некоторых экземплярах есть крепление для него в тыльной части, и тогда впереди гребень мог удерживаться на месте при помощи петли, зацепленной за защитную носовую пластину. На некоторых шлемах, которые были обнаружены в Олимпии, существует целая сложная система крючков и колец, которые вроде бы должны соединяться. Если это действительно так, то тогда нам приходится признать, что на многих других шлемах подобные же приспособления оказались утраченными. Поднятые над шлемом основания для гребня были отличительной чертой шлемов архаического периода в Греции (700—500 гг. до н.э.), а в Италии они были популярны вплоть до I в. н.э. Такие держатели делались съемными и прикреплялись к шлему при помощи двойной шпильки — так, как это показано на рисунке.

Оружие

Главным оружием гоплита было копье. В могиле, которая находится в Вергине, Македония, нашли такое копье времен темных веков, с железным наконечником и подтоком, которые все еще находились на своих местах. Это копье было длиной около 2,3 м, которая и являлась скорее всего стандартной — те копья, что встречаются на рисунках, имеют длину от двух до трех метров. К концу VIII в. греки перестали хоронить своих воинов вместе с оружием, однако практика подобных захоронений продолжалась в Италии. В захоронениях VI в. в Камповалано ди Кампли, что близ Терамо, были обнаружены копья, длина которых варьируется от полутора до двух с половиной метров. У копий, показанных на вазовой живописи, наконечники листовидной формы; множество железных наконечников этого типа находят

как в Греции, так и в Италии. Эти копья, которые, согласно Тиртею и Гомеру, делали из ясеня, имели металлический, иногда бронзовый подток. Маркл в своей статье, посвященной македонскому копью и пике, высчитал, что вес гоплитского копья длиной 2,5 м составлял около одного килограмма.

1 — часть рисунка с греческой вазы, на которой показаны два разных типа основания для гребня.

2 — греческое приподнятое основание для гребня. Из Олимпии. 3 — италийское приподнятое основание для гребня. Как первый, так и второй тип закреплялись при помощи двойных шпилек. 4—7 —

эволюция греческого меча. 4,5 — два позднемикенских (тип I) бронзовых меча из Каллифеи, Ок. 1200 г. до н.э. 5a — рукоятка меча такого же типа из Италии. 6 — ранний греческий железный меч из Керамика, Ок. 820 г. до н.э. 6a — бронзовая рукоятка меча такого же типа. 7 — железный меч и греческого типа ножны к нему, отделанные костью, из некрополя Камповалано ди Камни. Ок. 500 г. до н.э. Музей Чети. 8 — железный наконечник копья греческого типа из некрополя Камповалано. Музей Чети. 9 — греческий бронзовый подток копья из Британского музея.

У гоплита также был меч. Находки времен темных веков показали, что в то время продолжали пользоваться мечом так называемого позднемикенского типа II, который вел свое происхождение из Центральной Европы. Делали его теперь, однако, из железа. Образец из Керамика представляет собой прямой обоюдоострый меч, длина клинка которого примерно 75 см. Ко времени греко-персидских войн его вид немного изменился — клинок приобрел листовидную форму и стал короче, примерно 60 см. Несколько замечательных образцов таких мечей найдено в Камповалано ди Кампли. Подобный меч был, без сомнения, рубящим оружием. В VI и V вв. до н.э. постепенно начинает входить в употребление изогнутый меч с односторонней заточкой — копис (kopis), который, возможно, впервые появился в Этрурии. Эти изогнутые мечи с массивным клинком длиной около 65 см были страшным рубящим оружием. Позднее они были преобразованы в более короткое колюще-режущее оружие, которое стало столь популярно в Испании и Македонии.

Македония в 360—140 гг. до н.э.

Македонские войны.

Подъем Македонии

Центр развития передвинулся теперь из Греции в Македонию, к этому до поры спящему великану. Македония практически полностью обязана своим подъемом одному человеку — Филиппу 2. Взойдя на трон в 359 г. до н.э., Филипп начал создавать самую грозную боевую машину, какую видел до той поры мир. Именно с помощью этой машины его сын, Александр Македонский, смог создать громадную империю, простиравшуюся от Египта до Индии. После смерти Александра созданное им огромное государство поделили между собой его полководцы, и эти царства существовали до тех пор, пока их одно за другим не поглотил Рим. Основными источниками по этому периоду служат нам Диодор Сицилийский, который жил в I в. до н.э., и Полибий. Труды Диодора вполне справедливо подвергаются суровой критике — он настолько хорош или настолько плох, насколько хороши или плохи его источники. Однако в течение одного, очень короткого периода времени он следует великолепному повествованию Иеронима Кардического, одного из самых надежных историков древнего мира. Увы, сам труд Иеронима до нас не дошел. После смерти Александра в 323 г. до н.э. историк сопровождал в походах сначала

Эвмения, а затем Антигона и его сына Деметрия Полиоркета и оставил подробное описание их деяний. К сожалению, даже рассказ Диодора о событиях после 302 г. до н.э. становится неполным, и до нашего времени уцелели только отдельные фрагменты последующих книг.

Карта северной Эгеи, на которой изображена Македония и ее соседи. Филипп Македонский сумел преобразовать измотанное войнами государство в самую грозную военную силу своего времени.

Полибий продолжает нить повествования начиная с 220 г. до н.э. и повествует об истории Греции вплоть до второй половины II в. до н.э. К сожалению, позднейшая часть его труда также утеряна, и нам достались только ее фрагменты. Полибий, который сам был солдатом, является лучшим из военных историков классического периода. Македонские войны Подъем Македонии Филиппа привезли заложником в Фивы, где он жил в доме Эпаминонда, и новые взгляды фиванцев на тактику не прошли мимо него. Филипп бежал из Фив и по смерти своего брата в 360 г. захватил трон. Тогда ему было 23 года. Македонию в это время со всех сторон раздирали войны, и Филипп начал с того, что принялся спешно реорганизовывать армию и приводить ее в соответствие с современными требованиями. Затем он обратил свой взор на захватчиков. В течение двух молниеносных кампаний ему удалось подчинить пеонов на севере и загнать иллирийцев на северо-западе обратно за пределы их границ. Разобравшись с севером и

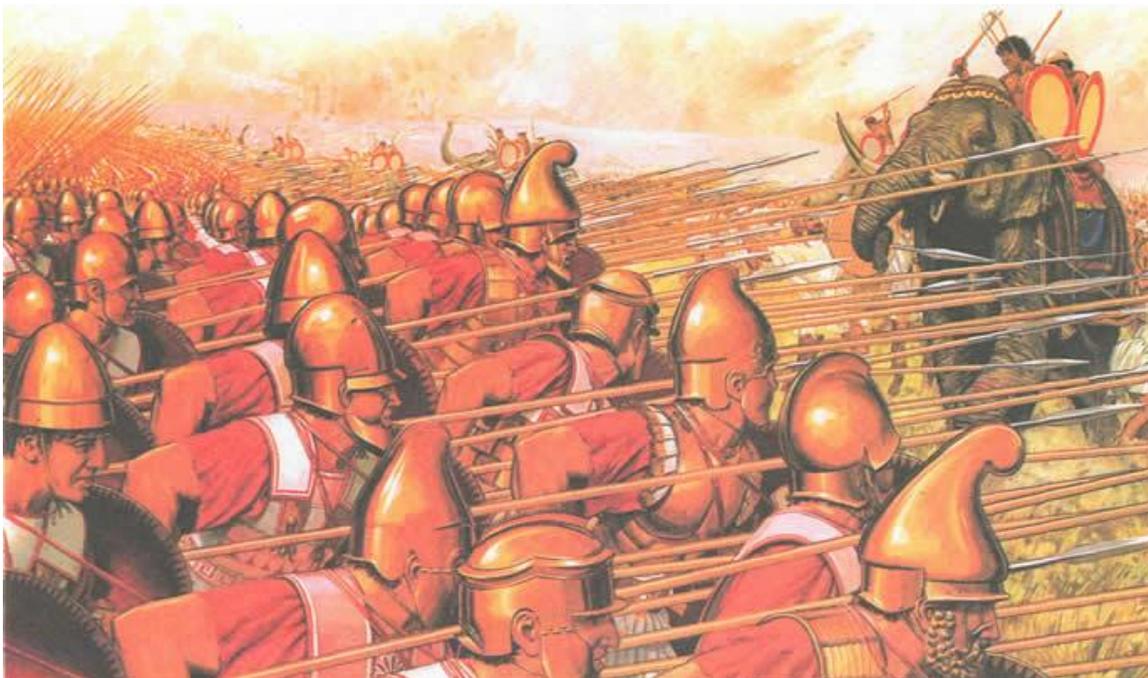
западом, царь начал прокладывать пути на восток и на юг. Филипп постепенно захватывал города по побережью, у многих из которых были тесные связи с полисами, и таким образом мостил себе дорогу к Фессалии и Геллеспонту. В 353 г. он вторгся в Фессалию и в течение следующего года подчинил себе большую ее часть. Летом 352 г. он двинулся в сторону Фермопил. Афиняне в панике отправили заградительный отряд, который занял проход, и Филипп отступил. Кажется, только тогда греки осознали, что над ними нависла серьезная опасность, однако они в любом случае были слишком заняты своими междоусобными ссорами, чтобы что-нибудь предпринять. Филипп не предпринимал новых попыток продвинуться на юг в течение шести лет. За это время он продолжил укрепление своих позиций на востоке, подчиняя себе города Халкидики и Фракийского побережья. В 350 г. он обрел контроль над большей частью Эпира на своей юго-западной границе, а к 348 г. подчинил последние города Халкидики. Греческие полисы все больше беспокоились о том великанине, что стал вздыматься на севере, но они все еще не были готовы оставить свои споры и попытаться что-нибудь предпринять. Греки нуждались в мирной передышке, а потому в 346 г. с Филиппом подписали договор о ненападении. По настоянию Филиппа в договор не включалась Фокида, которую обвинили в проявленном в Дельфах святотатстве. Еще не успели чернила на тексте договора высохнуть, как Филипп прошел через Фермопилы и взял Фокиду. Теперь он был внутри Греции.

Начало пути знаменитого завоевателя. Александр пересекает Граник во главе конницы дабы атаковать персов, которые выстроились на противоположном берегу: впереди всадники, а за ними — фаланга.

Создав себе точку опоры, Филипп удалился в Македонию, дабы окончательно укрепить границы на севере, западе и востоке перед тем, как ввергнуться в пучину последнего конфликта. В течение шести лет между греческими городами-государствами и Филиппом сохранялся бдительный мир. К 340 г. до н.э. македонская армия дошла до Черного моря и осадила Перинф и Византию. У обоих городов были тесные связи с Афинами, которые теперь начали готовиться к войне. Осенью 339 г. Филипп воспользовался все еще царившим в стране хаосом и вторгся в центральную Грецию. Афины спешно заключили союз со своим прежним врагом — Фивами и двинулись навстречу противнику. В августе 338 г. в сражении при Херонее на северо-западной границе Беотии соединенная фиванско-афинская армия встретилась лицом к лицу с закаленными боями ветеранами из Македонии. В последовавшем сражении македонцы полностью превзошли греков. Фиванский Священный отряд, которому противостояли ударные силы македонской армии во главе с юным сыном Филиппа

Александром (ему было всего 18 лет), остался верен своим славным традициям и весь, до последнего человека, пал на поле брани. Условия, которые выдвинул Филипп после сражения, оказались значительно более терпимыми, чем того могли ожидать афиняне, а потому были немедленно приняты. Однако к фиванцам македонский царь не проявил такого снисхождения — их вожди были казнены или же изгнаны, пленники проданы в рабство, а Кадмею занял македонский гарнизон. Теперь все греческие полисы, за исключением Спарты, поспешили прийти к соглашению с Филиппом, и на собрании в Коринфе был создан союз греческих государств, во главе которого стал македонский царь. Теперь Филипп открыто заявил о своих планах вторжения в Персидскую империю и собрал все необходимые для этого силы. Однако до того, как его план начал осуществляться, македонский царь был убит и на трон взошел его двадцатилетний сын Александр. Греки отступились от своих обещаний, как только узнали о смерти Филиппа, но реакция Александра оказалась настолько мгновенной, что ему удалось вновь подчинить Грецию без единого удара. Затем он обратился к северу и западу, нанеся решительный удар по всем противостоящим ему силам. Во время этой кампании до греков дошел слух о его смерти, и они восстали вновь. И вновь Александр повернул на юг. Греки сдались — все, за исключением Фив. Молодой царь взял город и сровнял его с землей.

Вторжение в Персидскую империю

Весной 334 г. соединенная македонско-греческая армия, состоявшая из 30 тысяч пехотинцев и 5 тысяч всадников, переправилась через Дарданеллы в Азию. Александр же тем временем отплыл в Трою. Он был для своего времени новым Ахиллом и, подобно Ахиллу тысячу лет назад, принес жертву в храме Афины. Персы твердо намеревались остановить поход Александра до того, как он начнется. Они выстроили за рекой Граник свою конницу, укрепив ее сзади фалангой, составленной из греческих наемников. Александр, в подлинно фиванском стиле, усилил один из своих флангов и сам возглавил его. С этого фланга и началась атака — во главе конницы гетайров (товарищей) Александр пересек реку и врезался в легковооруженных персидских всадников. Персы отступили, оставив греческих наемников на произвол судьбы, и Александр не проявил к ним снисхождения.

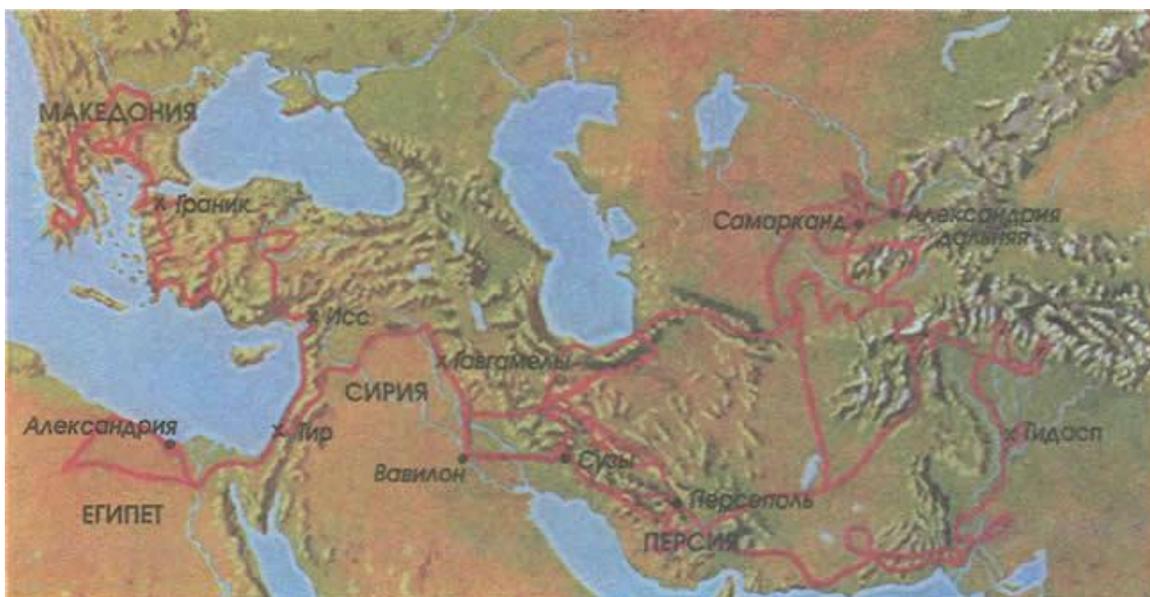
Последняя битва Александра, которая ему обошлась дороже всего. В сражении при Гидаспе в 327 г. македоняне столкнулись с индийской армией, в состав которой входило 200 слонов. Сомкнув щиты, фаланга двинулась вперед, заставив их в беспорядке отступить.

Весь следующий год был затрачен на покорение Малой Азии (территория совр. Турции). Персидский царь с большой армией выступил на север, и Александр двинулся на юг, чтобы встретить его. Две армии

столкнулись при Иссе, на границе Малой Азии и Сирии. И вновь македонская конница смела ряды персидских лучников и легковооруженных пехотинцев. Дарий не пожелал дожидаться конца сражения и бежал с поля битвы на своей колеснице. Персидская армия, которая вначале сражалась храбро, узнав о бегстве царя, потеряла боевой дух и вскоре также развернулась и бежала. Александр знал, что перед тем, как начать продвижение дальше на восток, ему следует обезопасить свои пути снабжения. Для этого ему необходимо было обрести контроль над побережьем и, таким образом, отрезать персов от их флота. Единственным городом, который отказался подчиниться македонцу, стал Тир, который был расположен на острове в восьмистах метрах от материка. Он продержался семь месяцев, а когда наконец сдался, Александр не проявил милосердия к упрямам — большинство мужчин было распято, а женщины проданы в рабство. Персидский флот, лишившийся теперь всех своих баз, оказался дезорганизован. Александр же смог быстро продвинуться в Египет, который поспешил покориться ему. Там, на ближайшем к Греции побережье, Александр основал новый город — Александрию. Затем македонская армия возвратилась в Сирию и двинулась оттуда на восток. Она переправилась через Евфрат и Тигр и устремилась в самое сердце империи персов. У великого персидского царя было полтора года на то, чтобы собрать новую армию. В битве при Гавгамелах в 331 г. Александр вновь пробил персидский фланг, и царь вновь бежал. Пешие воины персидского владыки доблестно сопротивлялись, однако, подвергшись двойной атаке конницы и пехоты, пали. Вместе с ними пала и Персидская империя. Александр двинулся на Вавилон, и он, как затем Сузы и Персеполь, пал к его ногам. Услышав, что Дарий находится в Хамадане, Александр устремился на север, но персидский царь вновь бежал. Македонец бросился в погоню за ним, не покидая седла ни днем ни ночью, и наконец настиг его — как раз к северо-востоку от Каспийского моря. Однако Дарий к тому моменту уже был мертв — убит собственным телохранителем. Александр добился, чего хотел. Но беспокойный дух Александра не позволял ему остановиться — и он продолжил свой поход на восток, давая сражения и основывая города. Услышав о сопротивлении на севере, он повернул в этом направлении, миновал Самарканд и отправился дальше, к самому краю обитаемого мира. Там он основал еще один город — Александрию Дальнюю, а затем повернул на юг и остановился на зиму в Балхе, где-то на территории северного Афганистана. В начале лета 327 г. армия перешла западный отрог Гималаев, известный как Гиндукуш, и спустилась в долину Инда. Там Александру пришлось встретиться с индийской армией, в состав которой входили 200 слонов. Македонцы выиграли сражение, но понесли огромные потери.

После битвы Александр намеревался продолжить покорение Индии, но его армия отказалась идти дальше — было ясно, что с его воинов было довольно. Александр неохотно повернул на юг, вдоль побережья, а затем возвратился в Вавилон. Два года позже великий полководец умер, не дожив и до тридцати трех лет.

Борьба за власть

После смерти Александра созданная им громадная империя рассыпалась на куски, и его полководцы соперничали друг с другом за власть над ними. За контроль над Сирией сражались Антигон и Эвмений. В 316 г. последний был побежден и казнен, и на какое-то время казалось, что Антигон и его чрезвычайно талантливый сын, Деметрий, смогут восстановить рассыпавшегося колосса. Однако в 301 г. четыре других полководца — Селевк, Птолемей, Кассандр и Лисимах — объединились против него. Антигон был убит. Со смертью Антигона на юго-востоке империи установился некоторый порядок: под контролем Селевка оказалась почти вся Азия, а Птолемей утвердился в Египте. Оба они основали династии, которые просуществовали до времен римского завоевания. Однако в Македонии и во Фракии ситуация была совершенно иной. Устранение Антигона позволило Лисимаху, который уже владел Фракией, получить север и центральную часть Малой Азии. Македонией до своей смерти в 297 г. правил Кассандр. Затем царство отошло к двум его сыновьям, после чего последовала неизбежная гражданская война. В 294 г. сын Антигона, Деметрий, прозванный Полиоркет («Сокрушитель городов») за свои необычайные подвиги в области осад, вторгся в Македонию и захватил трон.

На этой карте показаны военные походы Александра. Красной линией выделен путь его армии. Войска Александра не пошли дальше

после Гидаспа. Он вернулся в Вавилон, следуя вдоль южного побережья и умер там в 325 г. до н.э.

Едва утвердившись на нем и подготовив необходимую базу, Деметрий начал собирать огромную армию, намереваясь исполнить мечту своего отца и вновь объединить империю. Пятьдесят лет назад Филипп II поставил царем в Молоссии в Эпире, на западной границе Македонии, своего родственника Александра. Новый царь быстро установил свою власть над всей страной. К тому времени, как Деметрий утвердился в Македонии, в Эпире стал править Пирр, еще один из выдающихся полководцев IV и III вв. до н.э. Пирр был обеспокоен приготовлениями Деметрия и к тому же видел реальную возможность расширить пределы своего государства. Поэтому он объединился с Лисимахом и Птолемеем ради вторжения в Македонию. Сами македонцы к тому времени уже были сыты войнами по горло, которые истощили население, и намерения Деметрия их отнюдь не радовали. Армия взбунтовалась и перешла на сторону Пирра, провозгласив его новым македонским царем. Царствование Пирра, однако, также не было долгим, и его сменил Лисимах, который захватил Македонию и Фессалию в 285 г. до н.э. К этому времени все полководцы Александра были людьми преклонного возраста — Птолемея умер в 282 г., Лисимаху было почти восемьдесят, когда он был убит в сражении с Селевком в битве при Корупедии в 281 г., а в следующем году умер и сам Селевк. Птолемей Филадельф унаследовал от своего отца Египет. Его брат Керавн захватил царство Лисимаха, но у него не было силы своего предшественника для того, чтобы удержать все захваченное. Македонии и Фракии постоянно угрожало вторжение варваров с севера, однако Лисимаху удавалось их сдерживать. Теперь же кельтам и другим дунайским племенам удалось вторгнуться во Фракию, убить Керавна и захватить его царство. Затем они продолжили продвижение на юг, пока не были разбиты греками в сражении при Дельфах. Тогда племена двинулись на север, разоряя по мере своего продвижения Македонию. Сын Деметрия по имени Антигон Гонат после изгнания отца по-прежнему контролировал македонские владения на территории Греции и не оставлял надежды вернуть себе царство. В отсутствие Пирра, занятого войной с римлянами в южной Италии (которую он проиграл), Антигон двинулся в Македонию, разбил кельтов и захватил трон. Кельты отступили во Фракию, которой владели потом на протяжении почти шестидесяти лет. Часть же их отправилась в Малую Азию и обосновалась, наконец, в Галатии. В Македонии Антигон Гонат приступил к восстановлению порядка после долгого периода анархии. В его владения входили Фессалия, Беотия, Евбея, города Коринф, Аргос, Сикион, Мегалополь и Мессения на Пелопоннесе. Однако установить мир было нелегко: не знавший усталости Пирр вернулся из

Италии и заявил о своих правах на большую часть Антигонова царства. В 275 г. он вторгся на территорию Фессалии, захватил ее и верхнюю Македонию, а затем обратил свой взор к Пелопоннесу. Антигон последовал за ним на юг, и Пирр повернул, дабы встретить его у Аргоса. Там эпирский царь был убит, а лишившаяся предводителя армия возвратилась в Эпир. С 272 г. на македонском троне утвердился династия, которая существовала до времен римского завоевания в 168 г. до н.э. За восемь лет до смерти Пирра четыре ахейских города образовали союз для защиты от Македонии, который вскоре стал известен как Ахейский союз. Позднее к нему присоединились еще шесть городов. В 251 г. был освобожден и присоединился к союзу один из македонских ключей к Пелопоннесу — Сикион. Таким же образом смогли избавиться от македонского правления Коринф и Акрокоринф, а затем и Трезена и другие города востока и юга. Теперь весь северный Пелопоннес был способен организовать единый антимакедонский фронт. Еще одному союзу, который был образован этолийцами в центральной Греции, удалось в 245 г. распространить свое влияние на всю Беотию. Ко времени смерти Антигона в 239 г. до н.э. эти два союза существенно ослабили влияние Македонии на юге. Антигону наследовал его сын Деметрий II, которому не удалось обуздать иллирийских пиратов на Адриатике, что привело к римскому вмешательству в 229 г. и предоставило римлянам опорную точку на греческом полуострове.

Конфликт с Римом

Деметрий умер в 229 г., оставив после себя юного сына, который позже стал известен как Филипп V. Власть тем временем принял его родственник Антигон Досон. Между тем на юге обновленная Спарта, во главе которой встал царь Клеомен, начала вторгаться во владения Ахейского союза. Союз вопреки им же провозглашенным целям обратился за помощью к Македонии и заключил союз с Антигоном Досоном против Спарты. Спартанцы были разгромлены в битве при Селласии, а Клеомен свергнут с трона. В 221 г. власть над Македонией принял Филипп V, который продолжил политику Досона в отношении союза, объединившись с ним на этот раз в борьбе с общим врагом — этолийцами. В 215 г. македонский царь неразумно связал свою судьбу с Ганнибалом, что привело к его первой войне с Римом. Это была довольно невнятная кампания, в которой римляне были заинтересованы в основном в том, чтобы отвлечь Филиппа чем-нибудь, пока они будут разбираться с Ганнибалом. В 205 г., когда война окончательно выдохлась, стороны заключили мирный договор, но было очевидно, что возобновление военного конфликта — дело времени. Филипп V, который искал новую сферу интересов, обратился на восток и заключил союз с Антиохом III Великим, царем Селевкидского государства Сирии. В III в. до н.э. в Малой Азии появилось новое небольшое государство — Пергам. Вначале оно находилось в подчинении Сирии, однако затем сбросило ее ярмо и стало независимым. Около 230 г. царь Пергама Аттал одержал большую победу над кельтами, которые переселились в Малую Азию и фактически правили страной, заставляя ее жителей платить дань. За несколько последующих лет он сумел создать своего рода маленькую империю, в состав которой входила большая часть Малой Азии. Затем она, однако, уступила возросшей мощи Антиоха Великого. Страхась совместных действий Филиппа с запада, а Антиоха — с востока, Аттал решил обратиться за помощью к Риму. В 200 г. римляне, отделавшиеся наконец от Ганнибала и, вероятно, в равной мере обеспокоенные результатами союза Антиоха и Филиппа, объявили им войну. Чуть позже тем же летом римская армия высадилась в Иллирии, и судьба Македонии была решена. В 197 г. Филипп был разбит в битве при Киноскефале и принужден в дальнейшем подчиниться Риму. Антиох, который попытался извлечь выгоду из образовавшегося в Греции после падения Македонии вакуума, вторгся в Европу, но был разгромлен римлянами в двух сражениях — при Фермопилах и позднее при Магнесии в Малой Азии. В 171 г. до н.э.

Македония, теперь уже в правление сына Филиппа V, Персея, снова оказалась в состоянии войны с Римом. Нового царя разбили в сражении при Пидне, в южной Македонии в 168 г., а все царство обратилось в римскую провинцию. Спустя сотню лет стала римской провинцией и Сирия, а спустя еще поколение та же участь постигла и Египет.

Новая македонская армия.

Пехота

Гоплит конца IV в. до н.э., изображенный на саркофаге амазонок из Тарквинии. На нем льняной панцирь, поножи и фракийский шлем. Флорентийский археологический музей.

Еще до того, как Филипп Македонский взошел на трон, македонская конница считалась лучшей в Греции. Она пополнялась из аристократии, и, как подразумевает само название ее, «гетайры» — «товарищи», «спутники», — могла восходить к конным телохранителям царя. Пехота, которая обычно набиралась из крестьян, представляла собой совершенно иное зрелище и не имела ни такой дисциплины, ни опыта, ни организации. Филипп ввел в армии суровый режим упражнений и дисциплины, принуждая воинов совершать сложные переходы при полном снаряжении и припасах, дабы приучить к тяготам войны. Он запретил использование колесного транспорта и разрешил иметь только одного слугу на десять человек, в обязанности которого входила переноска ручных мельниц для зерна и веревок. Отправляясь в поход, воины должны были нести с собой запас пищи на 30 дней. Было сокращено и количество слуг у всадников — теперь их дозволялось иметь не более одного на каждого. Таким образом Филипп смог свести к минимуму два фактора, которые представляли проблему для любой армии — размер обоза и количество людей, следующих в обозе. Македонский царь, без сомнения, следуя фиванскому образцу, преобразовал

своих тяжеловооруженных пехотинцев в фалангу. Когда Филипп принял командование, его армия состояла из десятков. Это подтверждается и приказом о сокращении слуг до одного на десять человек, и тем фактом, что в армии Александра ряд назывался *dekas*, декас. На каком-то этапе он принял греческую систему кратных восьмерок — не три раза по восемь, как в архаическом лохе, а более простую последовательность — два раза по восемь. Неизвестно, когда точно произошла эта реорганизация. Полибий, однако, цитирует Каллисфена, официального историка Александра, в том месте, где он рассказывает, что полководец выстроил свои войска в битве при Гавгамелах в 331 г. до н.э. последовательно по 32, 16 и 8 человек в глубину. Сам Полибий сомневается в том, что на имевшемся там пространстве можно было поставить фалангу глубиной всего в восемь человек (что подразумевает, разумеется, большую протяженность фронта), но саму возможность существования всех трех не оспаривает. Из этой информации можно сделать вывод, что реорганизация имела место до 331 г. Маловероятно, чтобы она произошла в начале

Льняной панцирь, усиленный тонкими металлическими пластинками, со статуи Марса из Тоди в Ватикане. Такой тип доспеха ведет происхождение из Ассирии и довольно часто встречается в этрусском искусстве.

правления Александра. Следует сделать вывод, что эта перестройка армии случилась при Филиппе Македонском и скорее всего задолго до

начала его конфликта с греками, то есть где-нибудь между 359 и 345 гг. до н.э. Однако возможность взглянуть на структуру новой фаланги мы получаем только с 323 г. до н.э., когда Александр из-за нехватки людей начинает включать в состав своей македонской армии и персов. Арриан говорит, что каждый ряд (декас) состоял из 16 человек. Командовал этим смешанным македоно-персидским отрядом декадарх (*dekadarch*), место которого было в первом ряду. За ним стоял человек, получавший двойную плату, а за последним — «десятистатеровый» воин. Он получал 10 статеров, что было меньше двойной платы, но больше обычной. За этими тремя македонцами находились двенадцать персов, а замыкал колонну еще один «десятистатеровый» македонский солдат. Очевидно, что четверо македонцев не могли быть не кем иным, как командирами обычного отряда. Дополнительную плату они получали не за хорошую службу, поскольку Арриан четко различает их и тех, кто получил двойную плату за какие-либо выдающиеся заслуги. Человек, получавший двойную плату, являлся, должно быть, командиром полуряда, а два «десятистатеровых» солдата — урагами, т.е. надзирающими за порядком в задних рядах. Филипп придал своей реформированной фаланге новый, более благородный статус, назвав их «пешими товарищами». По образцу других греческих армий (за исключением спартанской) он разделил ее на таксисы. Каждый таксис набирался из определенного региона Македонии. Весьма вероятно, что во времена Александра таких таксисов было двенадцать, по полторы тысячи человек в каждом. Шесть из них он оставил в Македонии, а шесть отправились в поход на Персию. У нас практически отсутствует информация о делении на части внутри таксиса. Наличие в армиях преемников Александра единицы из 256 человек, именуемой *syntagma*, синтагма (или *spreira*, спейра), которая, в свою очередь, подразделялась на четыре тетрахии (*tetrarhia*), позволяет предположить ее общее происхождение от принятого при македонском царе порядка. Если это действительно было так, то каждый таксис следует делить на шесть синтагм. К сожалению, все это описание плохо согласуется с Аррианом, у которого встречаются упоминания о лохах — они в схему никак не вписываются. Единственная возможность снять сложившееся противоречие заключается в том, чтобы разобраться, в каком смысле использует Арриан это слово. Дело в том, что позднейшие тактики (и сам Арриан в том числе) называли лохом ряд в фаланге. В более поздних армиях синтагма являлась самой мелкой независимой единицей фаланги, у которой были собственные командиры. Наверное, в армии Александра дело обстояло так же. В битве при Гавгамелах Александр открыл в своей фаланге проходы для того, чтобы пропустить персидские боевые колесницы с серпами. Это несложно сделать,

если отвести назад каждую вторую синтагму и разместить позади оставшейся на месте синтагмы справа. Если глубина фаланги составляет 16 шеренг, то должны образоваться проходы в 15 м, а при глубине в восемь — в 30 м шириной. То место у Арриана, где он рассказывает о декасе, проливает свет на вопрос о том, как обстояло в македонской фаланге дело с оплатой. В каждом ряду, помимо людей, получавших двойную плату, и «десятистатеровых» солдат, могли быть те, кто получал больше обычной платы в качестве награды за храбрость. Декадарх, должно быть, получал тройной оклад. Тот же принцип возрастания платы мог действовать и для офицеров более высокого ранга. Похожая система была и в римских легионах времен империи. Для таксисов существовал порядок назначения старшего на каждый день, так, чтобы каждый мог по очереди занимать почетное место на правом фланге. Фалангит нового типа был вооружен сариссой — длинной двуручной пикой. Теофраст, современник Филиппа и Александра, писал, что самые длинные сариссы были в 12 локтей (около 5,4 м). Полибий указывал, что в его время сарисса имела длину 14 локтей (6,3 м), а первоначально — 16 локтей (7,2 м). Мнение ученых сейчас склоняется к цифре, которую приводит Теофраст, но это в основном из-за того, что позднейшая фаланга считается значительно более тяжелой, нежели ее ранние версии. Учитывая выдающиеся знания и глубокое понимание сути предмета, свойственное Полибию, автор данной книги полагает, что следует серьезно отнестись к указанным этим историком цифрам. Сарисса могла изготавливаться из двух частей, соединенных железной муфтой: таково было заключение Андроникоса, которое он сделал, обнаружив в Вергине, Македония, железную муфту вместе с наконечником и подтоком сариссы. Древки сарисс обычно изготавливали из кизила. Известно, что копья македонской конницы также были сделаны из него. Маркл, взяв такое же дерево и параметры вергинских находок в своей статье, посвященной македонской сариссе, вычислил, что при древке примерно в 4 см в диаметре и длине в 12 локтей пика должна была весить примерно 6,5 кг. Тогда указанные Полибием сариссы в 14 локтей весили около 8 кг. Неудивительно, что Полибий сообщает, что большой вес сариссы затруднял переноску фалангитами кольев для частотола. Достаточно очевидно, что македонские фалангиты не ограничивались использованием одной лишь сариссы — при необходимости они брались и за другое оружие. Едва ли они пользовались пиками при осаде, во всяком случае, не такими длинными. Как Диодор, так и Арриан несколько раз указывают на то, что фалангиты использовали дротики. Неизвестно точно, как были вооружены воины времен ранней македонской фаланги. Во времена Полибия такой воин, вероятно, носил поножи, шлем и металлический — если он был первым в ряду — или

льняной панцирь. У фалангитов был также круглый щит, примерно 60 см в диаметре. У нас нет причин полагать, что в дни Филиппа и Александра их вооружение значительно отличалось от этого. Арриан упоминает о легковооруженной части Александровой армии, откуда должно следовать, что существовала и тяжеловооруженная. Возможно, что воины, которые стояли в задних рядах (за исключением урага), вообще не имели доспехов. Было обнаружено несколько экземпляров шлемов IV в. до н.э., из которых наиболее распространенным типом был фракийский. Изображение одного из них можно видеть на саркофаге Александра в Стамбуле. У фракийского шлема того времени часто были характерные нащечники, выполненные в форме бороды и усов. Продолжали пользоваться также халкидским и аттическим шлемами; очень популярен был неизвестного происхождения шлем конического типа. Диодор, кажется, полагал, что снаряжение давалось каждому воину бесплатно. Это подтверждается надписью III в. до н.э. из Амфиполя, где перечисляются штрафы за потерю того или иного элемента экипировки. Ясно, что они имели смысл, только если изначально фалангит за него не платил. По мере попадания под контроль Филиппа все новых земель, он мог вводить в свою армию новые боевые единицы. Таковыми стала пеонийская, а позднее фессалийская конница. В битве при Херонее в 338 г. он смог выставить 30 тысяч пеших воинов и 2 тысячи всадников. Пятью годами позже, когда Александр начал вторжение в Азию, общее количество его воинов увеличилось до 44 тысяч пеших и 6,5 тысячи конных, но теперь в его армию входили отряды из других греческих государств.

Армия Александра

Шлемы IV в. до н.э.

1 — фракийский тип с верхней частью, выполненной в форме фригийского колпака, и нащечниками в виде бороды и усов. Из Ковачевицы в Болгарии (древняя Фракия). София, Археологический музей.
2 — позднехалкидский тип. Шлем был найден под Салониками. Британский музей.
3 — кололоводный тип, распространенный в Греции и Италии. Афинский музей.

У Диодора мы находим описание армии Александра: 12 тысяч пеших и 1,5 тысячи всадников было оставлено в Европе, а 32 тысячи пеших воинов и 5100 всадников отправились в Малую Азию. Состоял этот отряд из 12 тысяч македонцев, которым были приданы для усиления 7 тысяч воинов из союзных государств, 5 тысяч наемников, 7 тысяч пехотинцев, снятых с македонских границ, и тысяча лучников и агрианских пращников. Последние были родом из гористого северного пограничного региона Македонии. Пять тысяч сто всадников включали в себя 1800 македонцев, 1800 фессалийцев, 600 греков и 900 фракийских и пеонийских разведчиков. Очень жаль, что до наших дней не дошло ни одного первичного источника по периоду Филиппа и Александра Македонского. Главным трудом, посвященным Александру, является книга Арриана, который жил на четыреста лет позже описанных им событий. Двенадцать тысяч воинов македонской пехоты, которые сопровождали Александра, состояли из девяти тысяч «товарищей», о которых уже рассказывалось, и трех тысяч гипаспистов. Те 12 тысяч, что остались в Европе, были скорее всего

поделены на фалангитов и гипаспистов в такой же пропорции. Гипасписты (буквально — щитоносцы) имели несколько более легкое вооружение, нежели обычные воины фаланги, но в битве сражались бок о бок с ними. Гипаспистов обычно размещали между фалангой и конницей. Вероятно, в их функции входила защита уязвимых флангов фаланги. Похоже, что вооружены они были как обычные гоплиты — копьем и аргивским щитом. Название же их восходит, наверное, к периоду, когда они составляли отряд оруженосцев для конницы гетайров. Вероятно, полноценной боевой единицей они стали при Филиппе Македонском, однако упоминания о них в литературе встречаются только начиная со времен Александра. Гипасписты были организованы в отряды по тысяче человек, которые назывались хилиархии (hiliarhia). В функцию первого из этих отрядов, агемы (agema), входила охрана царя. Где-то в конце Аррианова жизнеописания Александра историк упоминает об особом отряде в армии македонского царя, который назывался «серебряные щиты» (аргираспиды), причем делает он это так, словно хочет подчеркнуть, что они являлись своего рода элитой и все о них знали. Согласно Юстину аргираспиды представляли собой отряд, составленный Александром из ветеранов его индийского похода. Диодор несколько раз упоминает об аргираспидах, рассказывая о том, что после смерти Александра они сопровождали Евмена. В 317 г. отряд состоял из трех тысяч человек и имел таких же командиров, как и гипасписты. Диодор продолжает говорить о престижности этого отряда и о том, что в нем служили воины не моложе шестидесяти лет. Здесь историк следует Иерониму Кардискому который, конечно, мог преувеличивать, но вряд ли так уж ошибался насчет возраста этих воинов — тем более что он видел их своими глазами. Так кто же были эти «серебряные щиты»? Возможно, что мы так никогда этого точно и не узнаем. Предположение, которого придерживается Тарн, утверждающий, что аргираспиды — всего лишь другое название гипаспистов, совершенно не годится, если считать, что все они и вправду были еще и ветеранами. Гипаспистов всего было три тысячи, так что набрать людей еще на один отряд такого же размера, составленный из ветеранов, можно было бы, только если они были «бессмертными». Очевидно, что аргираспидов набирали из всей фаланги.

Пеший воин с аргивским щитом, изображенный на саркофаге Александра в Стамбуле. Это наверняка гипаспист, а может быть, и воин из отряда царской охраны, агемы.

Конница «товарищей» Александра, которая сопровождала его в азиатском походе, подразделялась на восемь единиц, сформированных по территориальному принципу. Они назывались илы, и командовал каждой илой иларх. Первый из этих отрядов, который был больше, чем остальные, звался царской илой, и командовал им сам Александр. Для боя илы строились клином. Подобное построение было явлением новым и было введено Филиппом Македонским. Предполагается, что всего ил было пятнадцать, и семь из них остались в Македонии. Это дает нам число в 1500 всадников, которое и указано у Диодора. Тогда количество людей в каждом отряде

Конный строй
 1 — греков, 2 — фессалийцев, 3 — македонцев.
 А — командир отряда (иларх).
 В — командир фланга.
 С — командир арьергарда (ураг).

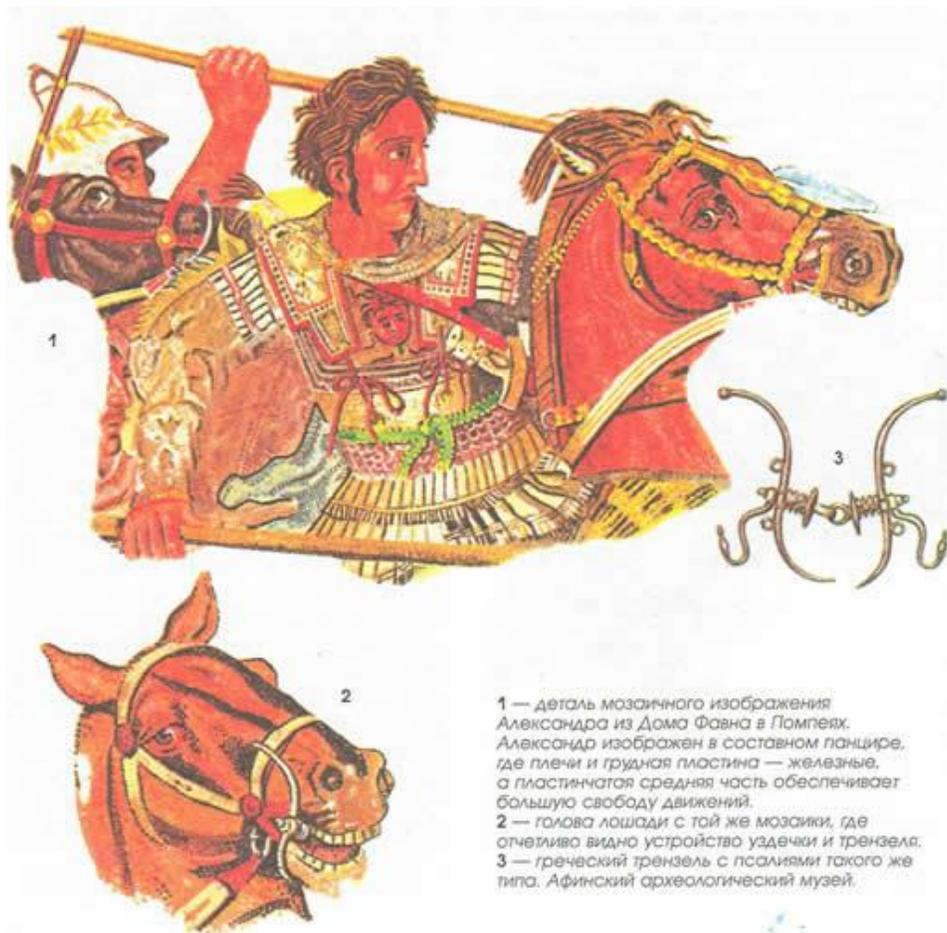

должно было составлять 210 человек, а в царском отряде — 300. Это последнее число выглядит чрезвычайно привлекательно, поскольку 300 воинов — это традиционная численность привилегированной части. В пользу такого деления говорит и тот факт, что это ровно то количество всадников, которое необходимо для построения клином. Для отрядов, размер которых варьируется от 200 до 300 человек, такими необходимыми числами являются 210, 231, 253, 276 и 300 всадников. В этом случае в остальных илах должно было быть по 210 человек. В конце первого года азиатского похода конница получила подкрепление в 300 всадников, что позволило, с учетом потерь, довести количество людей в семи илах до 321 в каждой. Очевидно, что иларх не мог рассчитывать на наличие точного количества всадников в своем отряде и наверняка оставлял промежутки в задних рядах. Преимущество такого способа построения состоит в том, что, раз прорвавшись сквозь строй противника (а это, конечно, и есть прямая задача конницы), ила могла развернуться, или, как говорит Марсен,

«раздаться в стороны». Гетайры были вооружены длинными копьями, которые также называли сариссами. В ходе своих экспериментов с сариссой Маркл выяснил, что ее можно было использовать для нанесения традиционного удара сверху или брать наперевес для нанесения удара от пояса, но в ходе сражения поменять хват было невозможно, так как для этого требовались обе руки. Маркл полагает, что выстроившуюся клином конницу могли применять в качестве ударной силы против пехоты. Фессалийская конница Александра также состояла из 1800 всадников. К сожалению, нам неизвестно ни количество отрядов, на которые она делилась, ни число людей в этих отрядах, хотя мы знаем, что силы этих отрядов не были одинаковыми и ила из Фарсалы была самой большой и самой лучшей. Боевым порядком фессалийцев был ромб. Этот тип построения был введен Ясоном из Фер около 375 г. до н.э. и предполагал возможность использования конницы для прорыва. Полибий писал, что остановить атаку фессалийской конницы было невозможно независимо от того, была ли то вся масса или лишь одна ила. Однако как застрельщики фессалийцы были бесполезны. Шесть сотен греческих всадников, которые сопровождали Александра, должно быть, составляли пять ил по 128 человек в каждой — об этом сообщает писатель-тактик Асклепидот. Они, вероятно, строились квадратом в 16 всадников в ширину и 8 — в глубину. В длину лошадь, естественно, больше, чем в ширину, а потому всадникам, выстроенным колонной, требуется в два раза больше места, чем шеренге. Построение из-за этого получалось действительно квадратное. Полибий утверждает, что число 8 было максимально возможной глубиной для квадратного боевого порядка. Он пишет, что восемьсот всадников, построенные по 8 человек в ряд, занимают пространство в одну стадию. Другими словами, на каждую лошадь в ряду отводилось по два шага. Наиболее эффективной глубиной для такого построения было 4 всадника в ряд. Как фессалийские, так и греческие всадники были вооружены копьями. Девятьсот фракийских и пеонийских конных дозорных имели на вооружении дротики. Они шли впереди армии, отыскивали засады и первыми вступали в соприкосновение с противником. Александр использовал их и в качестве застрельщиков. В описании битвы при Гранике упоминаются четыре илы балканских копейщиков. Согласно Арриану («Искусство тактики»), они сражались в тесном строю, сомкнув копья. Во время азиатской кампании Александр добавил к своей коннице еще тысячу персидских конных лучников. В конце концов Александру пришлось провести реорганизацию конницы из-за того, что он постоянно привлекал все больше и больше восточных всадников. Царский отряд она не затронула, зато остальные пять ил были переформированы в гиппархии — на каждую

по одной иле гетайров. Гиппархия (Ἰππαρχία) и стала стандартной единицей македонской конницы. Асклепиодот делит каждую гиппархию на восемь ил, каждой из которых командовал иларх. В идеальной армии Асклепиодота было два конных крыла, каждое из которых состояло из четырех гиппархий. Через одиннадцать лет после смерти Александра, в битве при Газе в 312 г. до н.э., упоминается новый вид конницы, состоящий из небольших отрядов по 30 человек. Их называли тарентинами. Возможно, что эти отряды италийского происхождения, поскольку в римской турме, также отряде всадников, насчитывается ровно 30 человек. Согласно Арриану, они были конными метателями дротиков. Когда Александр делил добычу после битвы при Гавгамелах, македонские всадники получили в три раза больше, чем пешие македонцы, а конница союзников — в два с половиной раза больше. Возможно, что такое распределение отражает сравнительные ставки оплаты. Как и в пехоте, в коннице был порядок ежедневного чередования старшинства, и первая вызванная ила занимала почетное место в строю. Основным источником информации о конском снаряжении IV в. до н.э. служит Ксенофонт, который писал лет за 50 до Александра. Он рекомендует всаднику носить прикрывающий бедра панцирь, наруч на левую руку и беотийский шлем, который обеспечивает круговой обзор. В Тигре обнаружили прекрасный образец такого шлема, который мог принадлежать и одному из воинов Александра. Бедра могли защищаться птеригами. Наруч же для левой руки, которым пользовались при отсутствии щита, был, кажется, популярен только во времена Ксенофонта. Он также предлагает пользоваться бронзовым нагрудником и прикрывающей голову пластиной наглавником для защиты лошади. Однако до настоящего времени еще не обнаружено ни одного экземпляра защитного доспеха для лошади, который относился бы к этому периоду. Ксенофонт также отдавал предпочтение кривому копью вместо обычного обоюдоострого меча и дротику, нежели копьё. На Исской мозаике, обнаруженной в Помпеях, Александр изображен в панцире, который во многом схож с тем, что нашли в Вергине. Отличие состоит в том, что на изображенном панцире из железа сделаны, кажется, только нагрудная пластина и наплечники. Область талии на панцире составлена из пластинок, вероятно, для того, чтобы обеспечить подвижность, а та секция, что расположена над ней, была, похоже, льняной. На его лошади есть наглавник, однако нет нагрудной пластины. Возможно, в Македонии IV в. пользовались и италийским анатомическим панцирем для всадников.

Армия на поле боя

1 — деталь мозаичного изображения Александра из Дома Фавна в Помпеях. Александр изображен в составном панцире, где плечи и грудная пластина — железные, а пластинчатая средняя часть обеспечивает большую свободу движений.
 2 — голова лошади с той же мозаики, где отчетливо видно устройство уздечки и трензеля.
 3 — греческий трензель с псалиями такого же типа. Афинский археологический музей.

Порядок в армии Александра Македонского во многом напоминал тот, что пятьюдесятью годами раньше описывал Ксенофонт. Все приказы исполнялись по сигналу трубы. Армия точно так же перестраивалась из маршевой колонны в боевую линию. Обычно они не сооружали укрепленных лагерей, хотя Александр иногда и приказывал окружать их рвом и частоколом. Арриан говорил, что лагерь Александра перед битвой с персами при Гавгамелах также не был правильно укреплен. Подобно грекам в битве при Платее, он разместил свою армию лагерем в боевом порядке. На марше вперед высылались разведчики авангарда, и, поскольку их именуют именно так, можно заключить, что были еще и фланговые разведчики. В битве при Гранике приближавшийся к противнику Александр выслал вперед заграждение, составленное из разведчиков, передовых частей, балканских копейщиков и пяти сотен легковооруженных воинов. В этом смысле македонцы намного превосходили греков. Притчет приводит в своей статье, посвященной разведке, множество примеров, когда армии и флоты подходили друг к другу незамеченными — из-за отсутствия разведчиков или других способов получения информации. Самый примечательный случай произошел в битве при Мантинее, когда ни спартанцы, ни аргивяне и их

союзники не знали, что находятся на расстоянии не более пяти километров друг от друга. Похоже, что разведчики как специальные отряды, добывающие сведения, появились только во времена Ксенофонта, да и тогда их службой пользовались нечасто. Хотя Александр, а возможно, и Филипп сумели найти им хорошее применение, более поздние армии, кажется, напрочь позабыли об этом. Не лучше была в этом смысле и римская армия времен республики. Оба знаменитых разгрома, которые потерпели римляне — в Кавдинском ущелье и при Тразименском озере, — вполне могли бы не случиться, если бы они провели простейшую разведку местности.

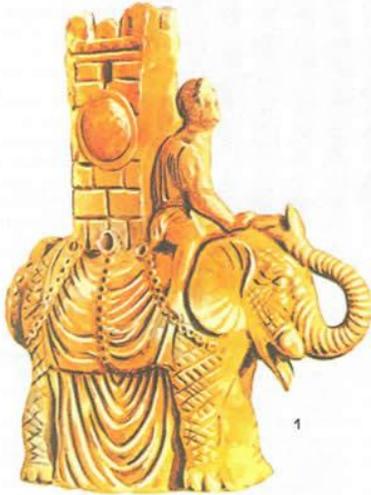
Армия в бою

Обычно Александр размещал свою фалангу в центре. Самую сильную конницу, включая гетайров, он ставил на правом фланге, а более слабую ее часть — на левом. Гипасписты становились на правой стороне фаланги. Правое крыло было также усилено лучниками и агрианами. Вся боевая линия была обычно выстроена наклонно — с выдвинутым вперед правым крылом и оттянутым назад левым. Первая атака должна была всегда начинаться с правого фланга, на котором находился и сам Александр, командовавший конницей гетайров. Такова была Александрова версия фиванской тактики. Она была приспособлена против подвижных, легковооруженных персидских войск. Арриан был склонен недооценивать роль фаланги во всех сражениях Александра Македонского, а потому он

недостаточно серьезно относился к событиям, происходившим в центре. Арриан рассказывает о действиях фаланги только в том случае, если у нее случались неприятности, с которыми приходилось справляться Александру. Должно быть, это происходило оттого, что он составлял жизнеописание Александра и желал полностью сосредоточиться на своем герое. На самом деле конница была всего лишь молотом, удары которого расшатывали монолит персидской армии. Выиграть сражение должна была фаланга. Возможно, Александр действительно был самым удачливым военачальником в истории, но едва ли можно назвать его самым лучшим, ибо он оставлял своих полководцев закреплять победу, а сам устремлялся в погоню за конницей персов. Александр наверняка читал «Анабасис» Ксенофонта, но судьба Кира Младшего, убитого случайной стрелой во время конного рейда, ничему его не научила. Полибий, который не критикует действий Александра открыто, говорит тем не менее, что военачальник, который находится во главе своих войск, доступен взору каждого, но сам не видит никого. Для небольших походов Александр использовал только часть своей огромной армии. Такие экспедиционные корпуса были большей частью легковооруженными и мобильными соединениями. Македонский царь обычно командовал ими сам. Состоял такой корпус чаще всего из половины конницы гетайров, гипаспистов, агриан, лучников и одного-двух таксисов фаланги. Иногда вместо того, чтобы забрать таксисы целиком, Александр отбирал себе людей из всей фаланги. По крайней мере, в одном случае он выбрал наиболее легковооруженных воинов фаланги. Если такие отряды двигались днем и ночью, то они могли покрыть за день расстояние в 90 км.

После Александра. Слоны

1 — терракотовая фигурка слона с башней, которая закреплена на нем при помощи цепей. Башни были впервые использованы Пирром в войне против римлян в 280 г. до н.э. Трудно сказать наверняка — индийский это слон или африканский. Помпеи. Национальный археологический музей, Неаполь.

2 — Расписное блюдо из Капены, Кампанья, на котором изображен индийский слон с башней, возможно, из армии Пирра. Музей Вилла Джулиа, Рим. Обратите внимание на маленькие уши и покатую спину животного.

3 — Индийский слон с башней, который изображен на серебряной фалере. Эрмитаж, Ленинград.

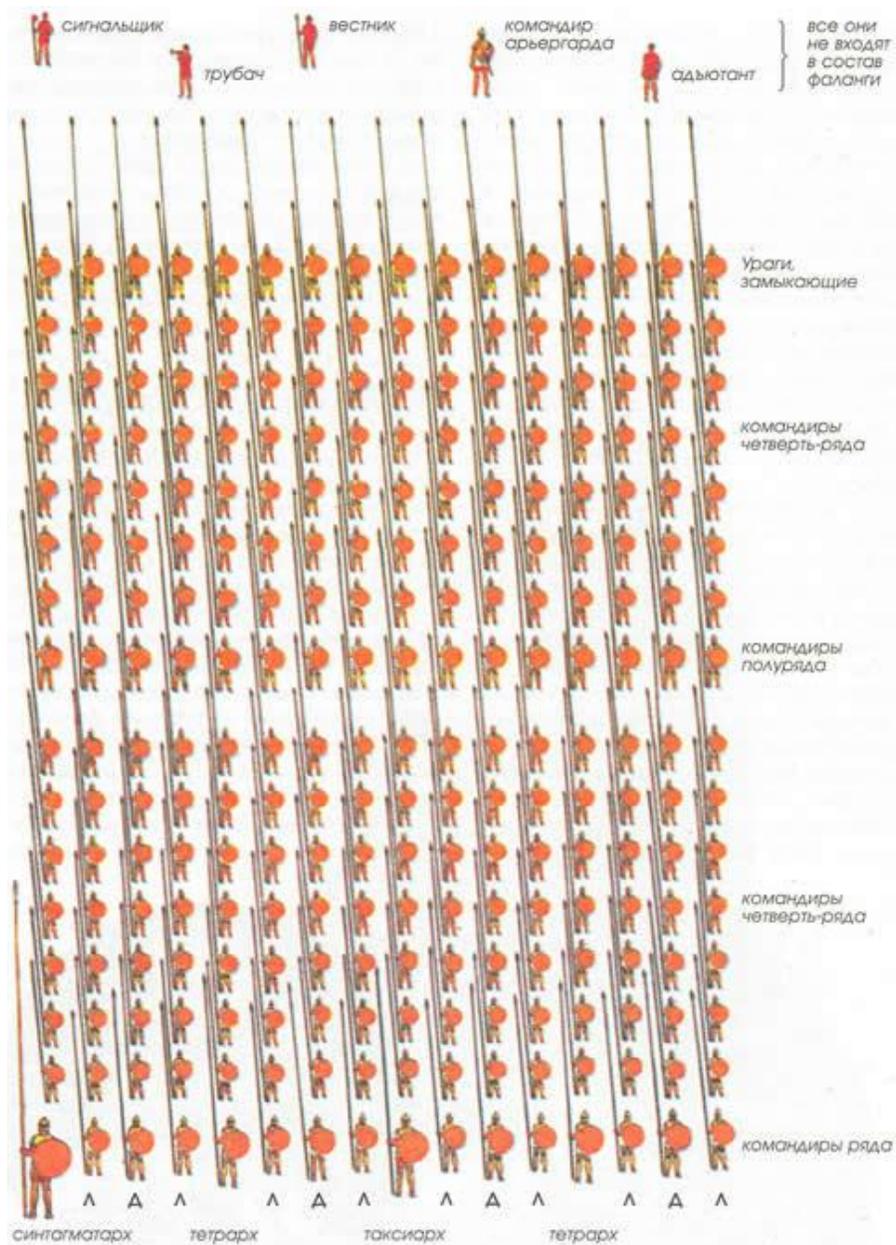

4 — Явное изображение африканского слона, видное на реверсе карфагенской монеты. Обратите внимание на большие уши и спину с прогибом.

Наиболее существенным нововведением после смерти Александра были слоны. В битве при Гавгамелах у персов было 15 слонов, и именно тогда европейцы впервые столкнулись на поле сражения с этими животными. В Индии, в битве при Гидаспе, македонянам пришлось противостоять двум сотням боевых слонов. Их выстроили впереди всей армии с промежутком в 30 м, из чего можно сделать вывод, что главной целью слонов было остановить атаку конницы, поскольку лошади не выносят их запаха. Вначале легковооруженные македонские пехотинцы метали дротики, стремясь поразить погонщиков слонов. Затем Александр отдал приказ задней части фаланги выдвинуться вперед и занять промежутки между рядами для того, чтобы образовать сомкнутый щитовой строй, которому удалось оттеснить слонов массой своих копий. Так европейцы познакомились со слонами, и с тех пор каждая уважающая себя армия считала своим долгом иметь их в своем составе. Слоны еще на протяжении сотни лет считались большой диковиной, а Александр, возвращаясь из Индии, прихватил собой целых две сотни. В армиях преемников Александра слонов применяли почти исключительно против конницы. Иногда их могли использовать при осаде для того, чтобы разбирать частоколы. Промежутки в строю между животными заполнялись легковооруженными воинами. В битве при Газе (312 г. до н.э.) в каждом промежутке находился отряд из 50 метателей дротиков, пращников и лучников, причем последние составляли примерно треть от общего количества. Диодор утверждает, что таково было стандартное количество пехотинцев, приходившееся на одного слона. Известно, что самым слабым

местом животного были ноги. При осаде Мегалоля в 318 г. до н.э. на пути, которым они должны были двигаться, разложили деревянные рамы с насаженными на них железными остриями, а в битве при Газе перед ними раскидывали заостренные предметы, соединенные цепями, возможно, наподобие «ежей». В 280 г. Пирр, родич Александра, вторгся в Италию. Так римляне впервые столкнулись с этими «живыми танками». Поскольку война происходила в основном в Лукании, слоны получили прозвище «луканских коров». Все упомянутые выше животные были индийскими, однако Птолемею, находившемуся в Египте, было сложно их добывать, а потому вскоре в ход пошли и африканские слоны — сначала в Египте, а затем и в Карфагене. Полибий, описывая сражение между египтянами и сирийцами при Рафии (217 г. до н.э.), упоминает, что африканские слоны были мельче индийских. Это примечание вызвало целую бурю споров, поскольку дело обстоит совсем наоборот. Это место из Полибия довольно часто цитируют, когда хотят по казать, что он был совсем не так хорошо информирован, как то провозглашают его почитатели. Однако недавно стало известно, что во времена Полибия в северной Африке водилась особая разновидность лесных слонов, до наших дней не дожившая. Рост этих животных в холке был не более 2,35 метра, тогда как индийские слоны достигали 3 м. Рассказывая о битве при Рафии, Полибий дает яркое описание сражающихся друг с другом слонов. Они встречались голова к голове, переплетали бивни и стремились надавить друг на друга всем своим весом. В конце концов один из противников отводил в сторону голову другого и вонзал бивни в открывшийся бок. Индийцы, с которыми сражался Александр, не ставили башни на своих слонов, хотя те и были достаточно велики для этого. Похоже, что они впервые были использованы Пирром, когда он вторгся в Италию. Североафриканские лесные слоны были мелковаты для того, чтобы нести на себе башню, и, похоже, карфагеняне башен не использовали. С другой стороны, в битве при Рафии такими башнями были снабжены слоны Птолемея. На африканских слонах ездили в седле, как на лошади. Пик славы слонов пришелся на 218 г. до н.э., когда Ганнибал перешел через Альпы во главе армии, включавшей в себя 37 слонов. Однако дни их наибольшей эффективности к тому времени миновали, и вскоре они перестали пользоваться такой популярностью. В позднемакедонской армии слонов применяли мало, и они совершенно точно не играли важной роли в проводимых ею военных кампаниях. Возможно, что основной причиной этого стали большие трудности, сопряженные с получением новых животных.

Позднемакедонская армия

Наши знания о фаланге и военном деле времен эллинизма исходят в основном от информации позднеэллинистического периода (ок. 220—168 гг. до н.э.), главным источником служит Полибий — самый надежный из всех античных историков, писавших о войне. У него мы встречаем описания множества сражений, в которых участвовала фаланга македонского типа, а в одном месте находим даже рассказ о том, каковы были основная структура и функции фаланги. Но он, однако, никогда не заходит далее. Дело в том, что

Полибий написал отдельную работу, посвященную этому предмету, и не считал нужным больше возвращаться к нему в своей истории, но до наших дней эта работа не дошла. Арриан подтверждает ее существование в своем «Искусстве тактики», но никаких деталей не указывает. К сожалению, Полибий никогда не упоминает названия должностей в фаланге и лишает нас тем самым исходной точки в изучении работ более поздних тактиков. К I в. до н.э. македонское военное дело было уже мертво, а изучение тактики македонцев превратилось в чистую теорию. От этого периода дошла до нас работа Асклепиодота. В своем трактате он рассказывает о структуре, подготовке и тактике идеализированной фаланги. Он также дает ее полную роспись — 16 384 человека, выстроенные в 1024 ряда, каждый из 16 воинов. Число 1024 здесь появилось, поскольку это два в десятой степени. Возможно, такая фаланга никогда не существовала на самом деле, а число в 16 тысяч подтверждается только для битвы при Пидне. Внутри этих рамок Асклепиодот может предоставить математическую формулу фаланги. Он в состоянии указать название каждой части и каждого командира по мере того, как ряды делятся на двойки, четверки, восьмерки и т.д. Арриан в «Искусстве тактики» дает очень похожее описание, взятое, возможно, у того же Асклепиодота или из их общего источника. Основной единицей Асклепиодотовой фаланги является синтагма (что буквально означает «нечто объединенное»). Она состоит из 256 человек (16 рядов по 16 воинов) плюс командир арьергарда (ураг), адъютант (hyperetes), вестник (stratokeryx), сигнальщик (semeiophoros) и трубач (salpingktes). Все они не входили в общий расчет и частью строя фаланги не являлись. Командовал синтагмой синтагматарх (syntag-matarchos). Каждая синтагма делилась на два таксиса, каждый под начальством таксиарха.

Устройство синтагмы, основной единицы фаланги, составленное согласно Асклепиодоту. Асклепиодот писал в I в. до н.э., во времена, когда слава эллинистического военного дела осталась далеко позади, а изучение македонской тактики из практического дела стало философским направлением. Возможно, что Асклепиодот основывает свой рассказ на описании позднейшей египетской или сирийской фаланги. Хотя македонцы позднейшего периода также использовали эту единицу, они называли ее спейра, а ее командира — спейрархом. Она была более просто устроена и, возможно, состояла из четырех тетрархий, каждая из которых включала в себя четыре лоха. В остальном же они, вероятно, были схожи. Л— лохаг, А — дилохит.

Если следовать обычной для греков практике, то можно предположить, что синтагматарх командовал правой половиной своей боевой единицы, а его подчиненный, таксиарх, — левой. Каждый таксис делился, в свою

очередь, на две тетрархии, которыми командовали тетрархи. Каждая тетрархия состояла из двух дилохий, или сдвоенных рядов. Командир дилохии назывался дилохит (*dilochites*). И, наконец, каждым рядом, или лохом, командовал лохаг. Если вы взглянете на схему, помещенную на этой странице, то увидите, что все эти командиры стояли в первой шеренге (то есть были *protostatai* — протостаты). В каждом ряду (лохе) был командир полуряда — гемилохит (*hemilochites*), два командира четверть-ряда — эномотархи и замыкающий - ураг. Интересно посмотреть, как уменьшилась теперь обычная греческая единица, лох, и все ее подразделения. Пентекостия называется теперь гемилохион (полулох); эномотия все еще существует, но состоит всего из четырех человек. Личные звания шли последовательно, начиная от переднего (протостат) и завершая последним в ряду (*epistates* — эпистат). Полный ряд из 16 человек состоял соответственно из лохага (1), эпистата (2), протостата (3), эпистата (4), эномотарха (5), эпистата (6), протостата (7), эпистата (8) — он же являлся замыкающим полуряда, хемилохита (9), эпистата (10), протостата (11), эпистата (12), эномотарха (13), эпистата (14), протостата (15) и урага (16). Различали передних и задних эномотархов и эпистатов, так что каждый человек мог назвать свой ранг и место в ряду. Каждый человек в фаланге стоял так, что с обеих сторон от него были люди с таким же местом в ряду и званием — командир рядом с командиром, эпистат рядом с эпистатом и так далее. Асклепидот объединяет две синтагмы в пентекосиархию (*pentekosiarhia*), командовал которой пентекосиарх. Затем он просто удваивает ее для того, чтобы получить хилиархию (*chiliarhia*), командир которой именуется хилиарх. Две хилиархии образуют мерахию (*merachia*) — под командованием иерарха. Асклепидот добавляет также, что эта боевая единица, состоявшая из двух тысяч сорока восьми человек, называлась раньше крылом (*keras*) или отрядом (*telos*). На основании этого можно сделать вывод, что именно они и составляли фалангу в более ранний период. Тот же факт отражен и в названии удвоенной иерархии — фалангархия, командовал которой фалангарх (тот, кто изначально был стратегом). Сдвоенная фалангархия образовывала крыло (*keras*) под командованием керарха, а два крыла формировали фалангу, которой командовал стратег. Автору кажется разумным представить данное описание хотя бы для того, чтобы избавить читателя от необходимости работать с источниками, однако следует предупредить его, что такой фаланги, быть может, никогда и не существовало. Большая часть подразделений и командиров, стоявших выше синтагмы, в большой степени гипотетичны — они появились в результате поиска и реконструкции всех возможных имен, а

затем использовались для того, чтобы создать математически четкую модель фаланги.

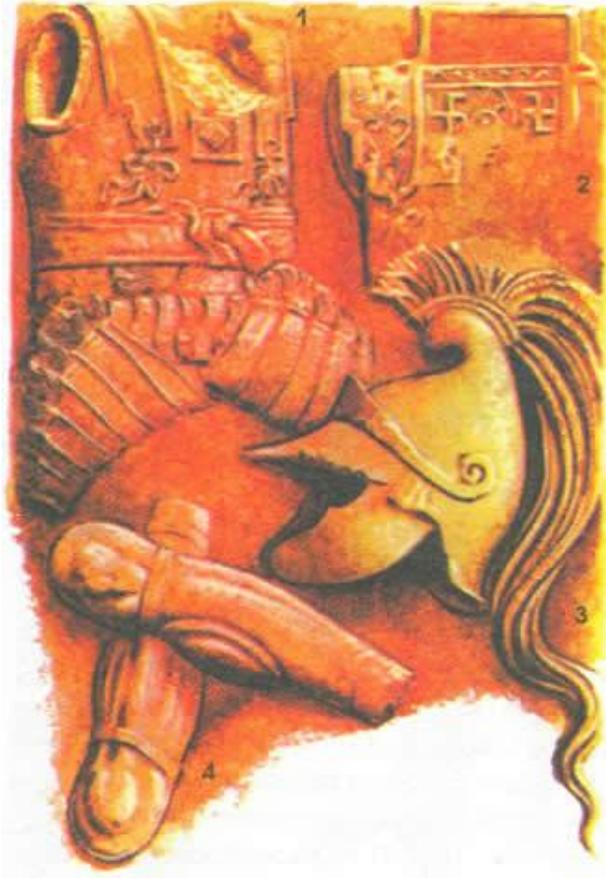
Амфиполисский военный устав

В 1934 и 1935 годах были опубликованы отрывочные записи македонских военных уложений, обнаруженных в Амфи-поле. В этих надписях, которые датируются временем правления Филиппа V, т.е. 221 — 178 гг. до н.э., перечислены, помимо всего прочего, и штрафы, которые налагались за потерю снаряжения и другие дисциплинарные проступки — вроде сна на посту. В них же фигурируют названия нескольких низших командирских званий и боевых единиц. Однако ни там, ни у Полибия мы не встречаем слова «синтагма». У греческого историка, однако, постоянно упоминается единица, именуемая «спейра». Этот же термин он использует для римского манипула, который, как известно, был самой мелкой тактической единицей легиона, то есть занимал то же самое положение, что и синтагма в Асклепиодотовой фаланге. В надписи из Амфиполя спейра или ее командир, спейрарх, упоминаются не сколько раз. В отношении греческих армий термин «синтагма» никогда не употребляется, но его упоминают в документах, относящихся к эллинистическим армиям вне пределов Европы. Спейра, в свою очередь, никогда не упоминается за ее пределами. Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что спейра была греческой версией синтагмы. В амфиполисской надписи постоянно встречаются упоминания о тетрархах и спейрархах в таком контексте, из которого следует, что первые непосредственно подчинялись вторым. Фейял, публикатор второй части амфиполисского военного устава, заключил свой комментарий к этому месту из него предположением, что спейра состояла из четырех тетрахий, каждая из которых, в свою очередь, делилась на четыре лоха. Такое мнение представляется вполне разумным, а следовательно, подвергает сомнению факт существования промежуточных командиров — таксиархов и дилохитов, упоминаемых у Асклепиодота. Вероятно, та часть структуры македонской фаланги, что располагалась выше спейры, также состояла из четверок — т.е. четыре спейры формировали более крупную часть (возможно, ее именовали хилиархия), а четыре такие части образовывали стратегию под командованием стратега. Делая подобные предположения, Фейял основывается на другом месте из амфиполисского уложения, где говорится о трех командных должностях, которые, как представляется, образуют иерархическую структуру. Речь идет о грамматее, архиперете и гиперете (*grammateus, archyperetes, hyperetes*). Поскольку нам известно, что гиперет являлся тыловым офицером синтагмы спейры,

архиперет должен был исполнять те же функции в следующем по величине соединении (хилиархии), а грамматей соответственно — в стратегии. Единственная проблема, которая возникает, если мы примем за основу стратегию, состоящую примерно из четырех тысяч человек, состоит в том, что перед нами вновь появится Асклепидотова формула. Как именно можно разделить на два крыла фалангу в десять тысяч человек — основную военную силу как Антигона Досона, так и Филиппа V У античных авторов упоминаются два военных соединения, ни одно из которых невозможно четко определить — совсем как аргираспидов Александровой армии. У исследователя вновь возникает чувство, что буквально все в древности знали, что представляют собой эти соединения, и потому никто не считал нужным тратить силы на объяснения. Первая из этих таинственных боевых единиц называется «медные щиты», а вторая — «белые щиты». Полибий упоминает о них в рассказе о битве при Селласии (222 г. до н.э.), где они были частью десятитысячной фаланги, но он нигде не указывает их количество. Тремя годами позже «медные щиты» возникают вновь так же, как часть десятитысячной фаланги. Филипп берет три тысячи «медных щитов» (из чего легко сделать вывод, что само соединение было больше) в зимний поход на Пелопоннес. Плутарх упоминает их при описании битвы при Пидне в 168 г. до н.э., но и он нигде не дает объяснений. «Белые щиты» первый раз появляются у Плутарха, когда он повествует о битве при Селласии, а затем вновь — при описании сражения при Пидне. В обоих случаях они воспринимаются как часть фаланги. В качестве пробной версии я рискнул бы предположить, что фаланга Филиппа состояла из двух стратегий по пять тысяч человек в каждой, которые назывались «медные» и «белые щиты». Каждое из этих соединений включало в себя по пять хилиархий.

Доспехи и вооружение

Доспехи, изображенные на рельефах
из святилища Афины. Пергам.
1 — короткий анатомический панцирь.
2 — льняной панцирь.
3 — фракийский шлем позднего периода.
4 — привязывающиеся к ногам поножи.

Как уже говорилось, македонские фалангиты были вооружены длинными пиками-сариссами, которые, по словам Полибия, были в 14 локтей (ок. 6,3 м) длиной. Эта цифра отнюдь не является такой уж немислимой, как хотят представить ее некоторые комментаторы. В средние века швейцарцы пользовались пиками длиной в пять с половиной метров, а в лондонском Тауэре выставлены образцы, достигающие 5,75 м. Полибий сообщает, что сарисса была тяжелее со стороны, противоположной острию (это может означать наличие там тяжелого подтока). Далее он объясняет, как именно ее держали. Передней, левой, рукой брались за сариссу примерно в четырех локтях (1,8 м) от пятки, а правая рука ложилась где-то на 75 см ближе к ней. Это означает, что примерно 10 локтей (4,5 м) пики были выставлены впереди человека. Каждый человек в ряду находился на расстоянии трех футов (90 см) от впереди стоящего. Тогда при наступлении пики первых пяти рядов были выставлены впереди первого ряда. Полибий указывает, что расстояние между каждой линией наконечников составляло два локтя. Одиннадцать задних рядов не выставляли свои пики вперед — вместо этого они слегка наклоняли их, дабы ослабить силу летящих в них метательных снарядов, и одновременно использовали вес своего тела для того, чтобы усилить натиск передних рядов. Фалангу можно было построить открытым порядком — тогда на каждого в ряду приходилось по два шага, сомкнутым порядком — тогда на каждого приходилось по шагу, либо тесным щитовым строем, где на каждого было только по полшага. В Индии, когда фаланге Александра пришлось столкнуться со слонами царя Пора, македонцы построились именно так, сомкнув щиты. Несли пики поднятыми вверх, но по приказу наступать их приводили в горизонтальное положение — и фаланга шла в атаку. Среди оружия, найденного в могиле Филиппа II в Вергине, в Греции, было обнаружено копье. Тяжелый подток весил 1,07 кг, а легкий наконечник — всего 0,097 кг.

- 1 — македонский щит в разрезе.
- 2 — для сравнения: аргивский щит в разрезе.
- 3 — остатки македонского щита, который нашли в Пергаме, Турция. Масштаб 1:15.
- 4 — македонский фалангит, изображенный на памятнике в честь победы Эмилия Павлия в Дельфах. Щит на этом рисунке лишен внутренней кромки и имеет ручку аргивского типа.
- 5 — щиты, изображенные на рельефах из святилища Афины в Пергаме.

При древке в 5,9 м длиной, диаметр которого варьируется от 17 мм у острия до 40 мм в месте хвата, точка баланса приходится практически точно на то место, которое указал для передней руки Полибий. Македонские гоплиты имели при себе и меч, но пользовались им только в том случае, когда ломалась пика. В употреблении все еще находился классический гоплитский меч, но наибольшей популярностью пользовался в то время копис (kopis) — оружие с искривленным клинком с односторонней заточкой. Экземпляр такого оружия, длиной в 72 см, находится в Афинском археологическом музее. В комплект снаряжения фалангита входил небольшой круглый щит-аспис (aspis), который, по словам Асклепиодота, был сделан из бронзы, являлся только слегка выпуклым и имел около 8 ладоней (т.е. 60 см) в диаметре. Как и все, что имеет отношение к македонской фаланге, этот щит стал причиной множества споров. В Пергаме, в Турции, были обнаружены остатки македонского щита. Они состояли из бронзовой обшивки (65—67 см в диаметре) и обрывков пергамента, который служил прокладкой между деревом и бронзой. От ручки не уцелело ничего. Лицевая часть прикреплялась к деревянной основе при помощи четырех прямоугольных шипов и чуть более сотни прорезей, которые были сделаны по краю так, чтобы затем загнуть металл внутрь. Плутарх, описывая македонцев в битве при Пидне (168 г. до н.э.), сообщает, что щиты их были подвешены на левом плече. Получив приказ выступить, македонцы выставили их перед собой. Это замечание предоставило некоторым комментаторам возможность предположить, что у щита совсем не было ручки. Изображения македонского щита показывают, что у него практически не было кромки, то есть той самой широкой кромки с внутренней стороны, которая представляет собой характерную особенность аргивского щита. Этот новый тип вошел в употребление потому, что при наличии аргивского щита

невозможно было пользоваться копьем, которое необходимо держать двумя руками. Дело в том, что левая рука, к предплечью которой крепился щит, не смогла бы дотянуться до древка копья. Видимо, по этой же причине Асклепиодот говорит, что щит не должен быть слишком выпуклым. Памятник, установленный в Дельфах в честь победы Эмилия Павла, позволяет рассмотреть такой щит изнутри. Скоба и ручка у него выполнены по образцу аргивского щита. Несколько лет назад автор данного исследования сделал копию такого щита с бронзовой лицевой частью, аналогичной той, что была у щита, найденного в Пергаме. Весил такой щит около 5 кг. Опыты показали, что им можно с большой эффективностью пользоваться при наличии одной только скобы, контролируя при этом угол наклона при помощи переброшенного через шею ремня. При переноске аргивского щита внутренняя часть кромки удобно ложится на левое плечо и снимает с него нагрузку. В македонском щите ее нет, и именно это привело к тому, что стал необходимым несущий нашейный ремень. Он же мог принимать на себя и значительную часть веса огромной пики. Ручкой могли пользоваться, если щит был необходим вне фаланги, без сариссы. Имеющиеся изображения подобного щита позволяют предположить, что его внешняя сторона была обычно украшена чеканным рисунком. Она могла быть покрыта оловом в случае, если речь шла об отряде «серебряных щитов» — так же, как делали это с римскими доспехами и оружием. На стенах гробницы Лизона и Калликла, что была недавно найдена в Македонии, есть изображения двух щитов. Один из них бронзовый или позолоченный, а другой украшен царскими знаками Македонии. Тот, кто носил подобный щит, мог быть членом агемы — отряда гипаспистов, которые служили телохранителями царя, — или служить в царской или в коннице гетайров. Арриан часто упоминает в своем жизнеописании Александра Македонского легковооруженных воинов, которые составляли часть фаланги. Из контекста ясно, что он имеет в виду не гипаспистов, а пеших «товарищей». Полибий, рассказывая о фаланге Ганнибала, также упоминает отряды воинов с пиками, называя их легковооруженными. Поскольку какие бы то ни было дальнейшие комментарии по этому поводу у него отсутствуют, приходится предположить, что наличие таких отрядов было делом обычным. Амфиполисская надпись перечисляет шкалу штрафов, которые накладывались на македонского фалангита за утрату различных вещей из состава его экипировки. Панцирь обычного воина, занимавшего обычное место в ряду, назывался котфиб (cotthybos), в то время как у стоящего в первом ряду или у командира он именуется торакс или гемиторакс (thorax, hemithorax). Можно довольно легко определить, что котфиб был льняным панцирем, в то время как торакс и гемиторакс,

возможно, имели на себе металлические пластины. Разница становится особенно очевидной, когда мы узнаем, что командиров наказывали двойным штрафом по сравнению с простыми воинами. Вывод, который можно сделать на основании этого, состоит в том, что передние ряды фаланги имели более тяжелые доспехи, чем последующие. Возможно, что у задних рядов доспехов не было совсем. В амфиполисском тексте есть упоминания о поножах, шлемах и панцирях, но это не означает, что их имели все. В любом случае непохоже, например, чтобы воины в рядах, следующих за первыми пятью, нуждались в поножах. Рисунки и скульптурные изображения, относящиеся к тому периоду — как греческие, так и этрусские, — показывают наличие разнообразных типов доспехов. Помимо классического льняного панциря, на позднеэтрусских скульптурах можно обнаружить комбинированные. Там же мы можем увидеть большое количество льняных панцирей, покрытых металлическими чешуйками или находящими друг на друга прямоугольными металлическими пластинками. Самая известная из таких статуй — изображение Марса из Тоди, что находится сейчас в Ватикане. На фризе, установленном в честь победы в храме Афины в Пергаме, в западной Турции, мы обнаруживаем изображения длинного анатомического панциря, более короткого панциря, который и мог быть тем самым гемитораксом из амфиполисской надписи, и часть изображения изукрашенного панциря, похожего на льняной. Последний, однако, мог оказаться и железным — как тот, что нашли в Вергине. На этом же фризе можно увидеть и кельтскую кольчугу. В рассказе о римской армии своего времени Полибий отмечает, что состоятельные римляне носили кольчуги. Поскольку он не объясняет этого слова, а просто констатирует факт, можно предположить, что кольчугу носили тогда и греки. По-прежнему оставался популярным фракийский шлем, изображения которого встречаются на пергамских рельефах. Там же показано несколько типов высоких шлемов. Возможно, они появились как средство защиты от кельтских мечей, удары которых были в основном рубящими. В шлеме такого типа прокладка между шлемом и макушкой головы занимала очень много места. Такие шлемы распространились именно в это время — период самого агрессивного кельтского вторжения.

Состав армии

1 — эллинистический шлем с большого алтаря в Пергаме. Ок. 170 г. до н.э.
 2 — эллинистический шлем из святилища Афины, Пергам. Ок. 170 г. до н.э. Оба находятся в Берлине.

3 — эллинистический шлем из Брястовиц в Болгарии. Вероятно, III в. до н.э. Софийский археологический музей.
 4 — эллинистический шлем. III в. до н.э. Лувр.

5 — воин, изображенный на этрусской урне из Вольтерры. Ок. 200 г. до н.э. Флорентийский археологический музей. На воине стеганый льняной панцирь, на котором металлические чешуйки прикрывают грудь, плечи и живот.
 5а — деталь панциря.

На первый взгляд кажется, что состав позднеэллинистической армии не слишком изменился со времен Александра. В македонской армии Антигона

Досона и Филиппа V все еще были гипасписты, пельтасты, пращники и лучники, в функции которых входила поддержка фаланги. Однако создается впечатление, что теперь они не всегда исполняли те же задачи, что и в более ранний период. Гипасписты теперь относятся к разряду воинов царской ставки, предназначенных для выполнения особых поручений, и к агеме — телохранителям царя. Амфиполисский устав говорит, что их шатры возводятся непосредственно после шатров царя и его приближенных. Полностью изменились пельтасты Филипповой армии. При Киноскефале они выстроились бок о бок с фалангой и даже удвоили ее глубину. Следует, видимо, согласиться с предположением Уолбэнка относительно того, что эти пельтасты были на самом деле гипаспистами. Невозможно сказать наверняка, были ли у них копья или пики, так как в этом вопросе источники противоречат друг другу. Ливии назвал таких пельтастов кетратами — Цезарь называл этим словом легковооруженные испанские войска. Если Харманд прав, то именно их — воинов в легких доспехах с круглыми щитами — мы видим на рельефах из Осуны в Испании. В 219 г. до н.э. у Филиппа было пять тысяч таких пельтастов. Самым важным изменением, которое произошло в армии со времен Александра Македонского, стал перенос акцента с конницы на пехоту. В армии Александра пропорция между всадниками и пешими воинами составляла примерно 1:6, а в позднемакедонской армии — 1:20. Этому не следует слишком уж удивляться — в битве при Херонее в 338 г. до н.э. пропорция была 1:15. Для высокого количества конницы в армии Александра существовала весомая причина — мобильность его армии стала ключом к завоеванию Персии. Хорошо известно, что у персов не было ничего, равного греческой пехоте, но фаланга могла разгромить лишь тех, кого могла догнать. Битву при Херонее выиграла для Филиппа его фаланга, но именно ему обязана своей перестройкой и увеличением числа македонская конница. Причина этого одна — планируемый поход на Персию, где коннице могли быть предоставлены большие возможности. Хотя в Азии всадники продолжали играть существенную роль еще на протяжении ста лет, в Европе фаланга сражалась с фалангой, и конница вновь заняла место вспомогательных войск уже вскоре после смерти Александра. Фалангу македонского типа взяли на вооружение Эпир и все старые города-государства, а поскольку от нее зависел исход сражения, появилась тенденция делать ее все более тяжелой и менее маневренной. Старые названия отрядов армии Александра все еще встречались в Сирии и Египте в конце III — начале II вв. до н.э. Как и следовало ожидать, у Антиоха и у Птолемея были собственная агема и царская ила в коннице. Полибий также упоминает и гипаспистов, но были ли они на самом деле, сказать затруднительно. У Антиоха был отряд агриан,

который, должно быть, был набран с северных рубежей Македонии. Несомненно, что они просто оставили себе название существовавшей прежде боевой единицы. После смерти Александра отряд ветеранов с «серебряными щитами» оказался под командованием Эвмения, а по его смерти они отошли к Антигону. Здесь след аргираспидов теряется. Выжить они могли, только если были постоянным отрядом, в котором служили ветераны, переходившие туда из других подразделений. В противном случае аргираспиды просто вымерли. Сотню лет спустя Антиох, потомок Селевка, который сместил Антигона, имел отряд в десять тысяч воинов, «вооруженных по македонскому обычаю». У большинства из них были «серебряные щиты». Они не входили в состав его двадцатитысячной фаланги, и у нас возникает большое искушение предположить, что это были гипасписты. Разумеется, в армии Антиоха были гипасписты, так же как была у него и агема, которая упоминается при осаде Сард.

1 — эллинистический шлем с большого алтаря в Пергаме. Ок. 170 г. до н.э.
 2 — эллинистический шлем из святилища Афины. Пергам. Ок. 170 г. до н.э. Оба находятся в Берлине.

3 — эллинистический шлем из Брястовиц в Болгарии. Вероятно, III в. до н.э. Софийский археологический музей.
 4 — эллинистический шлем. III в. до н.э. Лувр.

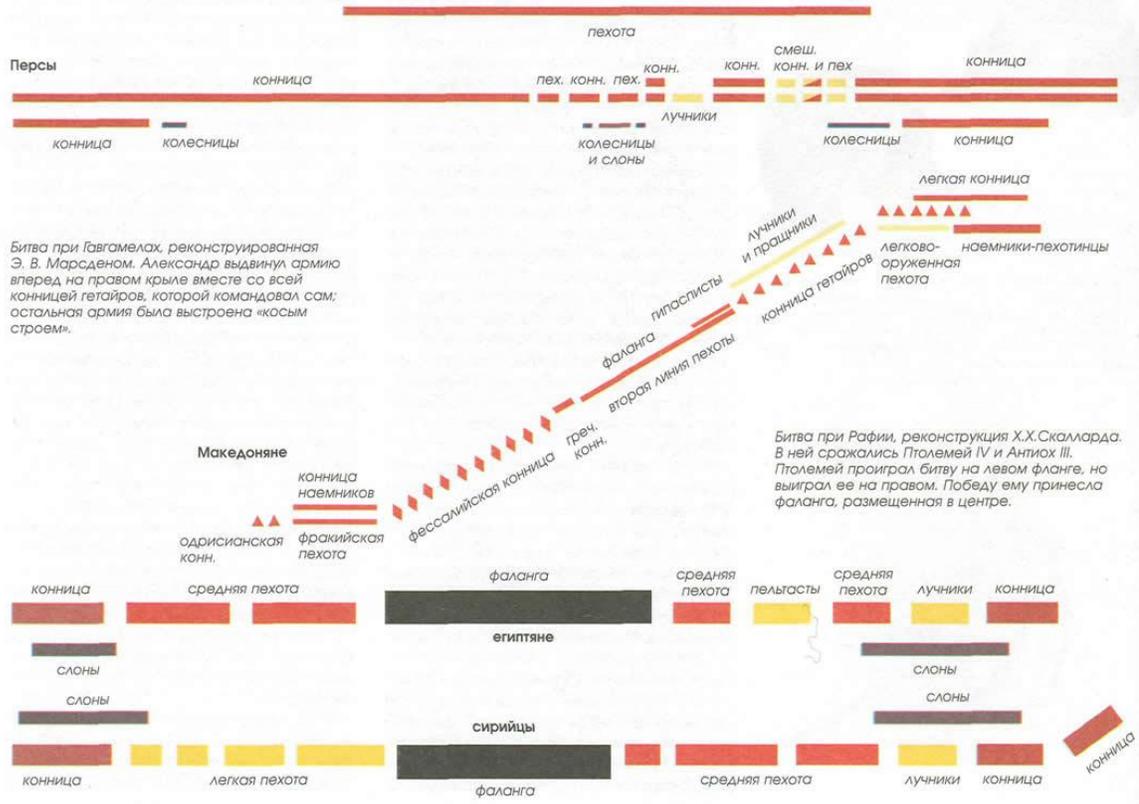

5 — воин, изображенный на этрусской урне из Вольтерры. Ок. 200 г. до н.э. Флорентийский археологический музей. На воине стеганный льняной панцирь, на котором металлические чешуйки прикрывают грудь, плечи и живот.
 5а — деталь панциря.

Армия на поле битвы

Когда армия находилась на марше на вражеской территории, ее возглавлял специальный отряд, составленный из легковооруженных воинов. Филипп Македонский обычно использовал для этого дела своих фуражиров, к которым присоединились «первопроходцы» — их функцией была расчистка дороги. Позади них следовала фаланга, по обеим сторонам от которой располагались две колонны легковооруженных пехотинцев, чьей задачей было отражение атак с фланга. Если нападение угрожало только одному из флангов, то при необходимости на нем могли сосредоточиться все легковооруженные воины. Из них же состоял и арьергард. У Филиппа на этом месте обычно располагались критяне, о которых Полибий отзывается как о самых лучших стрелках. Обоз размещался в максимально удаленном от любого возможного нападения месте. Например, при угрозе спереди его ставили сзади, а при отступлении он встал бы впереди всех. При ожидании атаки с фланга обоз размещался вдоль всей линии фаланги с противоположного фланга. При выборе места для устройства лагеря македоняне выбирали участок земли, имевший больше всего естественных препятствий. Полибий критикует греков, которые ленились обустроить свой лагерь так, как делали это римляне; непохоже поэтому, чтобы последние заимствовали представление о его устройстве от Пирра, когда захватили его лагерь в Беневентуме, как сообщают о том Ливии и Фронтин. Однако при необходимости македоняне умели укрепляться, особенно если они намеревались остаться в каком-либо месте на продолжительное время. Как и римляне, они выкапывали ров и сооружали земляной вал с частоколом. Колья делались из разветвленных древесных сучьев и устанавливались на некотором расстоянии друг от друга. К таким укреплениям Полибий относится весьма критически, указывая, что два-три атакующих могли ухватиться вместе за один кол и вытащить его, а затем с легкостью пройти в образовавшийся просвет. Возможно, македоняне и не устраивали лагерь столь замечательно, как римляне. Зато они выставляли на подходах к нему наблюдательные посты, чего римляне не делали практически никогда. Организация постов возлагалась на тетрархии, а их командиры должны были осуществлять проверки. Вероятнее всего, эти обязанности исполнялись по расписанию, как это было и в римской армии. В амфиполисских уложениях особо отмечается, что по ночам посты следует обходить, не зажигая огня, — для того чтобы не предупредить их о своем появлении заранее. Построение для битвы осталось в целом тем же самым — фаланга становилась в центре, а по бокам ее становились пельтасты, легковооруженные воины и конница. Разница заключалась в том, что теперь основной акцент сражения переместился с флангов в центр.

В 217 г. в сражении при Рафии молодой Антиох III Сирийский решил, несомненно, подражая Александру Македонскому, атаковать конницу египтян и вытеснил ее с поля боя. Однако, преследуя ее, он столь удалился от места битвы, что к тому времени, когда он вернулся, сражение уже закончилось — и не в его пользу. Птолемей, казалось, проигрывавший, возглавил атаку фаланги. Вдохновленная присутствием своего царя, она вытеснила сирийцев с поля боя. Когда туда возвратился убежденный в собственной победе Антиох, Птолемей уже завладел всем полем сражения, а сирийская пехота спешно покидала его окрестности. Птолемей приказал снять доспехи с мертвых врагов, собрать и сжечь трупы собственных воинов. Антиоху же пришлось униженно просить о перемирии для того, чтобы похоронить своих. Изредка фалангу могли разделить на отдельные отряды, между которыми помещали других воинов. Таким образом поступил в Италии Пирр, а Антигон Досон сделал так со своими «серебряными щитами» в сражении при Селласии. До начала сражения перед собравшимися войсками мог проехать их полководец, которого сопровождали его командиры и друзья. Он напоминал солдатам о былых успехах и призывал храбро сражаться, указывая на преимущества, даруемые победой (то есть в основном на будущую добычу). В случае с Птолемеем и Антиохом, когда оба молодых правителя только заняли трон и вряд ли могли уже похвастаться какими-нибудь достижениями, речь могла

сосредоточиться на обещаниях на будущее. Сигналом для начала битвы мог служить поднятый стяг. Затем раздавался воинский клич, который мог звучать не один раз. Так обстояло дело, например, в сражении при Габиене в 316 г. до н.э., где столкнулись две македонские армии. Они издавали свой воинский клич по очереди несколько раз. Ожидая приказа к выступлению, фалангит стоял, уперев копье в землю и удерживая его в вертикальном положении правой рукой. Щит его висел на ремне, перекинутом через шею и левое плечо. Когда звучал приказ приготовиться, он перевешивал щит вперед и просовывал левую руку в скобу. Затем он поднимал левую руку до уровня груди и перехватывал пику на уровне головы. По команде «выровнять пики» его правая рука шла вниз, покуда плечо не выпрямлялось, а затем пика наклонялась, пока не вставала параллельно земле на уровне пояса. Приказ к выступлению подавался сигналом трубы. Если местность была слишком пересеченной для нормального продвижения и армия рассыпалась — как это случилось в битве при Селласии, — сигнал к выступлению подавался флагами: белым для пехоты и красным для конницы. Затем его могли повторить трубачи, приставленные к каждой спейре. Начиналось сражение обычно на флангах. Идя в битву, фаланга обычно выстраивалась открытым порядком, при удвоенной глубине рядов. Достигалось это перемещением каждого второго лоха назад, за расположенный справа от него ряд. Достигнув вражеского строя, этот лох возвращался на свое место и формировал сомкнутый строй. Такой маневр применялся из-за больших сложностей, связанных с передвижением по пересеченной местности сомкнутым строем, когда недостаток места не позволял обходить естественные препятствия. Если места для того, чтобы построиться фалангой заранее, еще до прихода на поле боя, было недостаточно, то продвижение к нему могло осуществляться, как то предполагал Полибий, в виде сдвоенной или счетверенной фаланги. При этом та часть фаланги, что размещалась позади, разворачивалась затем в фланги. Если путь к месту сражения был каким-либо образом ограничен, фаланга могла построиться, а затем развернуться в маршевую колонну; при этом все командиры оказывались на одной стороне колонны, а все ураги — на противоположной стороне. О таком построении упоминает Асклепидот, а Полибий почти наверняка описывает именно его, рассказывая о третьей битве при Мантинее в 207 г. до н.э. Десятью годами позже в сражении при Киноскефале речь также идет именно о нем. В битве при Киноскефале Филипп, развернув правый фланг, приказал своим фалангитам и пельтастам удвоить глубину рядов и сомкнуться вправо. Для этого необходимо было отвести назад каждый второй ряд и выстроить его позади оставшегося на месте ряда справа. При этом глубина фаланги удваивалась, а ряды в ней

стояли открытым порядком. Затем самый правый сдвоенный ряд оставался на месте, а остальной фланг поворачивался направо и смыкался. Каждый следующий ряд делал на шаг больше, чем ряд впереди, так что они закончили перестроение, отделенные друг от друга этим шагом. Затем они повернулись лицом к противнику. Если враг появлялся сзади, фаланге приходилось поворачиваться кругом. Однако в результате такого маневра впереди оказались бы ураги, а все командиры стояли бы позади. Для исправления ситуации могли применять контрмарш, который исполнялся любым из трех описанных ниже методов. Командиры ряда могли оставаться неподвижными, покуда остальные воины строились перед ними, а затем весь ряд поворачивался кругом. Так обычно поступали македоняне. Асклепиодот от этого способа был не в восторге, так как он слишком походил на отступление. Он предпочитал способ, которым пользовались спартанцы. При нем на месте оставались ураги, а все остальные строились позади них и поворачивались кругом. В этом случае перестроение походило на наступление. Существовал и третий способ, персидский, или критский. При нем командиры и воины с промежуточными званиями просто менялись местами. При этом ни наступления, ни отступления не происходило. Однако каким бы из перечисленных выше методов ни пользовались, результат был один и тот же — командиры оказывались на левом конце подчиненных им единиц, а не на правом. Исправить это можно было бы контрмаршем рядов каждой единицы. Разумеется, можно было передвинуть контрмаршем всю фалангу или ее фланг, но поступать так перед лицом противника стало бы настоящим самоубийством. Поэтому такие маневры следует рассматривать как предназначенные исключительно для парадов. В любом случае сам по себе факт наличия командиров слева, а не справа особых неудобств причинить не мог. Обычно каждая спейра могла передвинуть контрмаршем свои ряды, если в том возникала необходимость. Если возникала необходимость построить фалангу эшеленом — клином или ступенчато, — необходимый строй достигался при помощи ступенчатого расположения спейр, а не разворачивания рядов под углом или, хуже того, по изгибу. В битве при Селласии Антигон разделил свою фалангу на две части и разместил их одну позади другой. Начала атаку передняя фаланга, но когда ее стали отеснять, Антигон приказал македонянам сомкнуться «в их особенный строй двойной фаланги с собранной воедино массой пик». Этот строй сумел отеснить лакедемонян с их позиций. Такое описание подходит только к одному маневру. Очевидно, что Антигон поставил вторую фалангу в промежутки между рядами первой и приказал идти в наступление с сомкнутыми щитами — так, как поступил Александр в битве при реке Гидасп. Полибий перечисляет своим читателям преимущества и недостатки

фаланги для того, чтобы объяснить, почему македоняне проиграли сражение при Киноскефале. В идеале ничто не могло противостоять наступающей фаланге. Но по-настоящему эффективно фаланга могла действовать только на идеально ровной земле, где не было канав, расселин, деревьев, гряды холмов или водных препятствий, которые могли нарушить строй и лишить фалангу ее мощи. При Пидне гибкие римские манипулы сумели пробиться через разрывы, которые были в фаланге, и развалить ее. Фаланга была беззащитна против таких действий, поскольку сарисса бесполезна в ближнем бою. Отягощенные своими пиками македоняне не могли повернуться и отразить атаку с любого направления. Фалангиты, которые хотели показать, что готовы сдаться или дезертировать, обычно поднимали свои сариссы вверх. Когда битва заканчивалась, войско собирали сигналами трубы. Победитель забирал оружие и доспехи убитых врагов и хоронил своих покойников. Захваченное оружие обычно вешалось в портиках храмов, а в святилище могли поместить щиты с благодарственной надписью в честь победы. Полибий рассказывает забавную историю, которая произошла с посвященными щитами после осады этолийцами Медиона. Осада практически заканчивалась, но в преддверии выборов этолийский полководец боялся, что его сместят до того, как он захватит город, и все почести достанутся другому. (Такое довольно часто случалось в военной истории как Греции, так и Рима.) Для того чтобы успокоить полководца, не умалив в то же время заслуг того, кто мог бы стать его преемником на этом посту, было решено прибегнуть к компромиссу. На щитах решили поместить надпись о том, что взяли их «этолийский полководец и кандидаты на этот пост в будущем году». К большой неожиданности для этолийцев, медионцам удалось снять осаду. Они решили посмеяться над этолийцами и оставили на своих щитах точно такую же посвятительную надпись, заменив лишь на «взяли у этолийского полководца и кандидатов...».

ИТАЛИЯ И ЗАПАДНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. Подъем Рима (800 — 275 гг. до н.э.)

Введение

Подъем Рима отнюдь не был молниеносным. Это был медленный, болезненный процесс со множеством отступлений. Но именно благодаря тому, что процесс этот шел так неспешно и прерывался длительными периодами консолидации, возникшая в результате Римская империя оказалась столь долговечна. Италия стала первой из имевших естественные границы областей Европы, которая сумела объединиться. Ни Филипп Македонский, ни Александр, ни их многочисленные преемники так и не сумели установить полный контроль над всей Грецией. Рим затратил на установление власти над Италией 560 лет, однако, единожды установив там свою гегемонию, он уже не страшился ее потерять. Даже война, которая разразилась между Римом и его союзниками в I в. до н.э., была вызвана не желанием разорвать союз, а борьбой за право римского гражданства для италийцев неримского происхождения. Для того чтобы поколебать единство Италии, потребовалось влияние извне — вторжение варваров, произошедшее более пятисот лет спустя. Римляне в отличие от греков создавали свое оружие, организацию и тактику армии не самостоятельно. Они заимствовали чужие находки и адаптировали их к своим условиям. Для того чтобы понять процесс развития римской армии, следует изучить народы, с которыми сражались римляне, и попытаться определить, от кого и чему они научились. Нашим главным источником сведений по этому периоду является римский автор Тит Ливий, который был замечательным писателем, но весьма посредственным историком. Будучи консерватором и патриотом, он возлагает вину за многие ошибки Рима на низшие слои общества, которые боролись тогда за признание своих прав. Тит Ливий постоянно затушевывает факты, которые говорят не в пользу Рима, он уделяет мало внимания топографии и военной тактике, свободно заменяет древние термины на современные ему, без малейшего почтения к точности. Хуже всего то, что он постоянно использует источники, о которых должен был точно знать, что они недостоверны. Чрезвычайно полный рассказ о начальном периоде римской истории оставил нам Дионисий Галикарнасский. Хотя он во многом отражает те же события, что описаны у Ливия, Дионисий значительно больше ценит военную тактику. Поскольку он пользуется греческой военной терминологией, зачастую бывает легче представить, что именно он имел в виду. К сожалению, его история становится фрагментарной уже к началу V в. до н.э., так что примерно с 475 г. до н.э. до самого начала I Пунической войны в 264 г. мы почти полностью

оставлены на милость Ливия. По счастью, мы располагаем достаточно подробными археологическими данными, при помощи которых можно воссоздать довольно точную картину этого начального периода истории — по крайней мере, в том, что касается доспехов и оружия.

Борьба за Италию

История Рима начинается в середине VIII в. до н.э. По традиции, ее ведут с 753 г. до н.э. Рим обязан своим возникновением реке Тибр и изначально был одной из маленьких деревушек, во множестве расположившихся на окрестных холмах. Он находился на левом берегу реки, возле брода, и, очевидно, появился там из-за того, что на купцов, переправлявшихся торговать в южную Италию, можно было наложить пошлину. Тибр берет свое начало в Апеннинах, неподалеку от Ареццо. Там же начинается еще одна река, Арно (др. Арн), которая течет на запад и впадает в Тирренское море близ Пизы. Тибр же на протяжении примерно двухсот километров течет на юг, а затем поворачивает на юго-запад и впадает в море у Остии. Между двумя этими реками простирается Этрурия. В VIII в. до н.э. все население Этрурии было рассеяно по множеству маленьких деревень. Там процветала развитая культура железного века, известная под названием вилланова. В VII в. до н.э. в Этрурии образовался могущественный правящий класс. Подобно тому, как случилось это в Греции, группы деревень были объединены и образовали такие сильные города-государства, как Вейи, Цере и Тарквинии. Этруски были отличными мореходами и вполне могли приплыть в Италию с востока. Их морские капитаны вскоре создали в западном Средиземноморье торговую империю и вступили в конфликт с другими претендентами на право ведения этой торговли — финикийцами, базой которых был Карфаген, расположенный на северном побережье Африки. Другими их соперниками были греки, которые колонизовали южное побережье Италии и восточную Сицилию. Одной такой греческой колонией были Кумы, расположенные к западу от Неаполя. Греки начали вмешиваться в этрусскую торговлю с востоком. Кораблям этрусков приходилось буквально проходить сквозь строй их колоний. Эта торговая война вскоре превратилась в жестокий конфликт между двумя нациями. В конце VII в. этруски пробили себе путь через Тибр, захватили римские деревни и проложили дорогу по суше, через Лаций. Они двинулись на юг, в Кампанию, миновали Кумы и отрезали их от остальной страны. В Кампании они захватили несколько прибрежных городов, включая Помпеи и Сорренто, и основали большое военное поселение в Капуе, к югу от реки Вультурн. В Риме обосновался этрусский военный вождь. Он объединил окрестные деревушки на холмах в город — так, как делалось это в Этрурии. В течение последующего столетия, при трех этрусских правителях, Рим процветал. Он стал главным городом Лация. Этруски достигли пика своей

мощи, когда объединились с карфагенянами в борьбе с общим врагом — греками, и в морской битве у Корсики в 524 г. до н.э. вынудили фокийских греков оставить колонию в Алалии, получив, таким образом, контроль над островом. Но век этрусской славы был краток. Хотя они изолировали Кумы, продвинувшись на юг, в Кампанию, поставить греческий город на колени этрускам не удалось. По правде говоря, в 524 г. до н.э. они потерпели от куманцев серьезное поражение на суше. Спустя четырнадцать лет, возможно, по наущению тех же куманцев, восстали латиняне. Рим изгнал этрусского правителя Тарквиния Гордого. Для этрусов это восстание было чрезвычайно неприятным, так как теперь римляне закрыли им брод через реку. Тарквинии попытался усмирить восставших при помощи Тарквинии и Вейев. Последовавшее затем сражение ничего не решило окончательно, но римлянам для того, чтобы устроить триумф, было достаточно и самого факта, что они выжили. Тогда за дело взялся Ларе Порсена из Клузия (совр. Кьюзи). Он собрал крупные силы этрусов, их союзников и наемников и предпринял быстрый поход на Рим, надеясь застать его жителей врасплох. Однако римляне понимали, что атака будет внезапной, и подготовились к тому, чтобы удерживать проход через реку. Граждане вооружились, а на Яникуле, холме, расположенном на этрусском берегу реки, была выстроена крепость, которая контролировала подходы к мосту. Но, несмотря на все приготовления, врасплох их все-таки застали. Похоже, что римляне так никогда и не догадались, сколь, полезным может быть существование разведчиков. Их история буквально пестрит несчастьями, которых легко было бы избежать, будь у них должным образом налажена разведка. Этруски подобралась к ним незаметно, с ходу захватили Яникул и двинулись к мосту. Римляне в панике повернули и бежали. Патриотически настроенный Ливии сообщает нам, что Гораций и два его спутника (у которых, любопытно заметить, этрусские имена) удерживали врага, покуда их сограждане рубили мост, и таким образом спасли город. Однако более просвещенные римляне все же вынуждены были признавать, что город пал. Армия Порсены прошла через Лаций и двинулась на Арицию, центр сопротивления латинян. Куманские греки, увидев для себя неплохую возможность для нападения, также вышли на поле сражения. Этрусская армия оказалась между двух огней и была уничтожена. Теперь этруски лишились возможности пользоваться наземным путем к своим южным колониям и вынуждены были поддерживать контакт с ними только по морю. Однако в 474 г. до н.э. они потерпели еще одно сокрушительное поражение от греков — в морском сражении при Кумах. В результате города Кампании оказались полностью изолированными. Однако по иронии судьбы не прошло и пятидесяти лет, как и этрусская Капуя, и греческие Кумы попали в

руки самнитов. Какое-то время Рим отчаянно сражался, пытаясь сохранить контроль над Лацием — тот, что был у него при этрусских правителях. Однако этрусков разбили латины, а не римляне. В начале V в. до н.э. Рим, осознав все неудобства своего положения, был вынужден наравне с другими городами Лация подписать договор Кассия. В течение последующих восьмидесяти лет латины сражались за свое существование с пришедшими с востока вольсками и эквами, которых вынудила спуститься вниз с гор на равнины Лация экспансия самнитов. Эти суровые горцы постепенно прокладывали себе путь на юг через Апеннины, тесня все перед собой. В середине V в. они обрушились на южную Италию, разоряя Кампанию, Апулию и Луканию. В 431 г. Латинский Союз разбил эквов и оттеснил назад вольсков, а ближе к концу века латины почувствовали себя в силах обратиться к южной Этрурии. Тем временем этруски, которые искали новые выходы для своей торговли, обосновались у Болоньи, в долине реки По (др. Пад). Их колония, основанная там около 500 г. до н.э., открыла дорогу к Спине — порту, расположенному на Адриатике. Однако и этот путь, так же как и южный, был обречен. Уже в течение некоторого времени в долине По селились кельты из центральной Европы, которые прошли туда через Альпы. Миграция постепенно усиливалась, и к концу столетия на этрусков стали напирать как с севера, так и с юга. В это время Рим, который занял в Латинском Союзе главенствующее положение, срочно организовал полновесное нападение на Вейи. В 396 г. до н.э., после длительной осады, город сдался. Однако напор латинян на южную Этрурию возымел, как оказалось, неприятные последствия для них самих. Этруски, которым пришлось сражаться одновременно на двух направлениях, не сумели устоять ни на одном из них. Меньше чем через десять лет после падения Вейев в Этрурию ворвались кельты, которые затем дошли по долине реки Тибр до самого Рима. Навстречу северным варварам были отправлены легионы, но они потерпели поражение в последовавшей битве на Аллии (приток Тибра), а город на холмах был захвачен и разграблен. Это был тяжелый удар для Рима, в результате которого он вынужден был временно расстаться со своим главенствующим положением в Латинском Союзе. Со временем ему удалось оправиться от него, но вот для этрусков нашествие варваров стало началом конца. Латинский Союз потерял свои опорные точки в южной Этрурии и затратил три года на то, чтобы вернуть их. Эта кампания привела к конфликту с Тарквиниями и несколькими другими этрусскими городами, которые начали страшиться растущей мощи латинов. Тарквинии дважды брались за оружие — в 388 и 386 гг., — но так и не сумели оттеснить их. В 359 г. Тарквинии организовали вторжение на контролировавшиеся латинами земли Этрурии. Двумя годами позже к войне

присоединились Фалерии, а на следующий год — и все остальные члены этрусской федерации городов. Началась кровопролитная, безжалостная война, в которой обе стороны пленных не брали. Наконец в 351 г. до н.э. Союз предпринял решительное наступление и сумел поставить Тарквинии и Фалерии на колени. Для этрусков, сдерживавших наступление кельтских племен с севера, было чрезвычайно трудно сосредоточить усилия на одном направлении. В 350 г. Болонья оказалась не в силах выдерживать более напор кельтов, и главенству этрусков в долине реки По пришел конец. Теперь внимание Латинского Союза обратилось на юг, к племенам вольсков, которые все еще угрожали ему. В результате последовавшей кампании они были вынуждены подчиниться. Отныне Союз контролировал всю западную Италию — от южной Этрурии до северной Кампании. Но вопрос о том, кто же контролировал латинов — Союз или Рим — так и оставался открытым. В 340 г. началась борьба за это окончательное господство. Три года шла жестокая война, к концу которой Рим сумел доказать, что именно он является полноправным хозяином. С этого момента история Италии стала историей Рима. Последняя война с вольсками столкнула Рим лицом к лицу с самнитами, жившими по реке Лирис. В 354 г. до н.э. они подписали мирный договор, по которому Рим обязался выставлять помощь в борьбе с общим врагом — вольсками, а в 343 г. между самнитами и латинами начались военные действия. Они длились более пятидесяти лет. Первую из так называемых самнитских войн едва ли можно назвать чем-то более серьезным, чем серией мелких стычек, произошедших из-за того, что обе стороны желали установить контроль над Кампанией. По-настоящему серьезный конфликт разразился только через пятнадцать лет, но он был неизбежен. В 328 г. до н.э. римляне основали колонию Фрегеллы на самнитском берегу Лириса. В ответ самниты устроили заговор в Неаполе и вывели город из числа союзников Рима. Последний только ожидал повода начать войну. Первые годы конфликта снова характеризуются сериями мелких стычек, которые не имели серьезных результатов: самниты опасались сталкиваться с римской пехотой на равнинах, а римляне, в свою очередь, не жаждали связываться с проворными горцами на их территории. Спустя семь лет с начала таких боев римляне решились вторгнуться в Самний; этот поход закончился для них позорной неудачей. В 321 г. два консула объединили все свои силы и двинулись на Самний. Однако объединенная армия попала в засаду в Кавдинском ущелье и вынуждена была сдаться. Легионеров отпустили после того, как они «прошли под ярмом», заставив предварительно оставить все свое имущество. Это «ярмо» представляло собой подобие ворот, составленных из двух копий, воткнутых в землю, и третьего копия, привязанного к ним сверху на такой высоте, что

пройти под ним можно было только согнувшись. Римляне сами часто подвергали побежденных врагов этой унижительной процедуре, а потому должны были особенно ненавидеть такой символ поражения и страстно желали отомстить за него. В течение пяти лет они сохраняли «Кавдинский мир», но к 316 г. их терпение истощилось и мирный договор был признан недействительным на том основании, что консулы якобы не имели права его подписывать. Война началась сразу на трех фронтах — одна армия действовала в Кампании, другая севернее, в долине Лириса, а третья перешла через Апеннины на побережье Адриатики и двинулась на юг на соединение с апулийцами. Самниты атаковали с ошеломительной быстротой и полностью превзошли римлян. Удерживая на месте армии в Апулии и долине Лириса, они миновали кампанскую армию и устремились на север. Римляне срочно передали власть диктатору, который собрал все имевшиеся силы и двинулся на юг. Он отдал половину войск под командование своего заместителя, начальника конницы, для того, чтобы прикрыть дорогу по побережью (будущую Аппиеву дорогу), а сам отправился по Латинской дороге, проходившей меж гор. Армия самнитов, которая до этого направлялась к Латинской дороге, сменила курс, перешла через горы и встретилась с начальником конницы у Терацины. Римляне были буквально сметены, а их командир убит. Южные союзники Рима восстали, и самниты вторглись в Лаций. Они добрались до Ардеи, которая находится всего в 30 км от Рима, уничтожая на своем пути урожай и разоряя окрестности. Римский сенат в панике отозвал часть войск из долины Лириса. Самниты воспользовались этим, тут же перешли через реку и атаковали ослабленную римскую армию. Римляне отступали. На севере наблюдались волнения среди их центральноиталийских союзников. Если бы они откололись, римская армия в Апулии оказалась бы отрезанной. В этот момент случилось событие, которого не могла предугадать ни одна из сторон. Города греков в южной Италии и на Сицилии часто обращались к греческим полководцам с просьбами о помощи против врагов. На этот раз такой призыв раздался из Сиракуз, а ответил на него спартанец Акротат. По пути на Сицилию он мимоходом вмешался в дела, происходившие в Иллирии, потом на короткое время остановился в Таренте. Самниты заколебались, опасаясь, что он может повернуть против них свое войско. Этих колебаний римлянам хватило для того, чтобы склонить чашу весов на свою сторону. Они контратаковали, бросив все силы на вторгнувшихся самнитов, и опрокинули их. В тот момент они были как никогда близки к победе, но потребовалось еще десять лет, чтобы медленно затухавшая война погасла окончательно. В 311 г. в нее включились несколько этрусских городов, однако их вскоре с легкостью победили. Дело могло повернуться совсем по-другому, включись

они в войну на три года раньше. В 304 г. самниты запросили мира и заключили договор, потеряв не так уж много. Мир продлился всего шесть лет. В 296 г., после уже ставшего привычным двухлетнего периода мелких стычек, самниты вновь устремились на север. На этот раз самнитская армия двинулась через Апеннины на соединение с войсками этрусков, умбров и галлов. Целью объединенной атаки союзников был Рим. Однако к тому времени этруски уже не являлись той мощной силой, что прежде. В 311 г. они организовали нападение на римскую крепость в Сутрии, однако их с легкостью отогнали от нее, после чего Кортона, Перузия и Арреций вынуждены были заключить союз с Римом. Сейчас у них появилась реальная возможность избавиться от навязанных отношений. Для Рима настало время серьезных испытаний — прежде ему приходилось встречаться с врагами только один на один, а теперь предстояло бороться с их объединенными силами. Но, подобно грекам, италийцы практически не могли действовать в согласии друг с другом. Самниты и галлы сразились с римскими легионами в долгой, изматывающей битве при Сентине — и проиграли ее. Этруски и умбры не явились, и это стоило им независимости, поскольку они проиграли войну вместе с потерпевшими поражение самнитами. В течение первой половины III в. до н.э. остальные этрусские города были либо разгромлены, либо принуждены вступить в союз с Римом. В 280 г. пали Вульчи, а в 265 г. до н.э. — Вольсинии; римляне основали колонии в самом сердце Этрурии, и былым дням ее славы пришел конец. Битва при Сентине не только положила конец самнитам, но и отметила начало нового длительного противостояния Рима — на этот раз с кельтами. Они сильнее всех прочих народов пострадали затем в годы экспансии Римской империи на север. В 284 г. до н.э. галлы-сеноны, то самое кельтское племя, что разграбило Рим за сотню лет до этого, оставило свои земли на побережье Адриатики к северу от Анконы, перешло через Апеннины и вторглось в Этрурию. Происходило все это в рамках одного большого процесса миграции кельтов, того самого, что поверг Фессалию и привел Македонию в состояние хаоса. Римская армия, которая отправилась на север для того, чтобы встретить захватчиков, потерпела сокрушительное поражение и потеряла 13 тысяч человек. В ответ на это римляне перешли через горы, вторглись в родные земли сенонов и выдворили все племя из Италии Бойи, которые захватили у этрусков Болонью и поселились в ее окрестностях, также отправились за Апеннины, но были разбиты в центральной Этрурии. На следующий год они вновь преодолели горы и вновь были разгромлены. На этот раз они запросили мира, а римляне, которые были слишком заняты ситуацией в центральной Италии, согласились подписать договор. Мир продлился пятьдесят лет. С падением

Самния Рим стал контролировать практически всю материковую Италию. Вне его влияния оставались лишь греческие города юга, на которые он и стал усиливать давление, принуждая вступить в союз с собой. Немедленным результатом такой политики стал призыв Тарентом эпирского царя Пирра, состоявшего в родстве с Александром Македонским. В 280 г. до н.э. он пересек Адриатику и высадился в южной Италии с ударным отрядом в 25 тысяч человек и 20 слонов. Он хотел объединить всех врагов Рима на юге, но римляне опередили его и сами отправили навстречу Пирру 25 тысяч легионеров. В битве при Гераклее им впервые пришлось встретиться с устрашающей фалангой македонцев. Римляне были разбиты и потеряли почти треть своей армии, но им удалось нанести врагу такие потери (а Пирру было нелегко заменить утраченных людей), что выражение «Пиррова победа» стало означать победу, доставшуюся непомерно дорогой ценой. На следующий год Рим снарядил против захватчика отряд в 40 тысяч человек, но в этот раз Пирра поддерживали южные италийцы. Второе сражение продлилось два дня, однако результат у него был практически тот же самый, что и у первого. Удрученный потерями царь отбыл на Сицилию, дабы помочь местным грекам в борьбе с карфагенянами. Последние поспешно заключили союз с Римом. Эпирский полководец практически выбил карфагенян с острова, так что их последним опорным пунктом на острове стала гавань Лилибей на его западной оконечности. Однако перспектива длительной осады лишила эфирца всего его энтузиазма, и Пирр решил возвратиться в Италию. За те два года, что Пирра не было в Италии, римляне сумели добиться многого. Прежде всего они вынудили подчиниться самнитов и луканцев, так что эфирский царь остался теперь в одиночестве. Карфагенский флот напал на корабли Пирра, когда они пересекали Мессинский пролив, и лишил его половины судов. Покуда Пирр шел на север с оставшимися у него силами, войско атаковал гарнизон из Регия, и эфирцы понесли существенные потери. Пирр наконец прибыл в Тарент с остатками своей потрепанной армии и, собрав все войска, какие только смог, отправился на север для решительного сражения с римлянами. Дороги в центральную Италию охраняли две римские армии, которые действовали самостоятельно. Пирр миновал ближнюю из них, устремившись в атаку на более слабую, которая стояла близ Беневента. Он шел всю ночь, надеясь занять выгодную позицию раньше, чем римляне обнаружат его приход, однако прибыл на место слишком поздно, и они успели развернуть свои силы до того, как он смог атаковать. И вновь Пирр упустил победу, в которой так нуждался. Узнав о приближении второго консула, он удалился в Тарент, откуда вскоре отплыл в Эпир. Пирр так и не был разбит, однако он проиграл войну и к тому же потерял две трети своей

армии. В римской военной истории война с Пирром является одним из ключевых моментов. Ганнибал считал Пирра вторым из величайших полководцев после Александра Македонского. Жаль, что до наших дней не дошло ни рассказов очевидцев о его кампаниях, ни его трактатов о военном искусстве. Все, что мы имеем, — это повествования Ливия, Плутарха и Дионисия, которых явно недостаточно. Опыт, который приобрели римляне в ходе войны с Пирром, был поистине бесценным. Теперь они могли, вероятно, считаться лучшими воинами в Средиземноморье.

Италийские военные системы. Времена Ромула

Группа воинов VIII в. до н.э., относящихся к культуре вилланова. Такое оружие могло быть у Ромула. Только самые богатые могли позволить себе иметь шлемы и нагрудные пластины, которые делались из ковanej бронзы и украшались чеканным рисунком.

Общины, которые обосновались на холмах Рима в VIII в. до н.э., были, наверное, во многом похожими на этрусские. Все они находились под влиянием культуры вилланова, центр которой размещался в Этрурии, но ареал был значительно шире — от долины реки По на севере до Кампании на юге. Во времена Ромула воины сражались пешими, а оружием их были копья, дротики, мечи, кинжалы и топоры. Только самые богатые могли позволить себе доспех, ограничивавшийся чаще всего шлемом и небольшой пластиной, которая прикрывала лишь грудь. В Гротта Грамичиа, близ Вейев, был обнаружен фрагмент украшенной чеканным рисунком поножи, но, насколько известно автору, это единственный экземпляр, найденный в центральной Италии. Щиты (все одного типа — с расположенной в центре ручкой) варьировались в размерах от большого, ростового, до маленького круглого. Похоже, что колесницами в VIII в. еще не пользовались, но знаменитая находка в гробнице Реголи-ни-Галасси, близ Цере, позволяет сказать, что век спустя они уже были известны. Возможно, колесницы завезли в Италию с востока в рамках происходившего в начале VII в. до н.э. процесса ориентализации. В связи с этим можно упомянуть рассказ Плутарха о Ромуле (правда, неизвестно, насколько он достоверен): убив Акрона, царя ценинского, Ромул устроил торжественную процессию, в которой прошествовал, положив на правое плечо оружие побежденного. Следует обратить внимание на тот факт, что он не ехал в колеснице, как делали это триумфаторы более позднего времени. Похоже, что колесницы появились в Риме только с этрусским завоеванием, в конце VII в. до н.э., да и тогда использовались лишь в

торжественных шествиях. Сражались римские пешие воины в строю, вероятно, отдаленно напоминавшем фалангу. Мечи того времени варьируются от длинного рубящего оружия до более короткого колющего. Длинные мечи относятся в основном к «антенному» типу, который был назван так из-за литой бронзовой рукояти, наверху которой украшали спиральными завитками. Длина клинка, который делался большей частью из бронзы (хотя найдено и несколько железных мечей) была от 33 до 56 см. Большинство этих мечей с «антеннами» были колюще-режущим оружием; у некоторых экземпляров имеется вытянутое острие, пригодное только для колющих ударов; известно несколько мечей со слегка искривленным клинком, напоминающим саблю, который был пригоден только для рубящих

ударов. Появились мечи антенного типа в центральной Европе и тесно связаны с позднемикенскими мечами II типа. Все кинжалы можно приблизительно разделить на три типа — по форме клинка. У большинства из них он листовидной формы; у некоторых экземпляров прямой клинок сужается на расстоянии примерно две трети до острия, которое приобретает из-за этого стилетообразную форму; у последнего типа клинок треугольный. Длина самого клинка, который мог быть как бронзовым, так и железным, варьировалась от 25 до 41 см. Рукояти изготавливались из дерева, кости или даже камня, но никогда не бывали бронзовыми; заканчивалась рукоять T-образным навершием, форма которого позволяет отнести эти кинжалы к позднемикенскому типу. На самом деле это так называемое T-образное навершие — всего лишь металлический язычок, на который насаживалась рукоять; чаще всего это единственное, что от нее осталось. Само же навершие обычно имело форму выпуклого диска. Ножны для более коротких мечей и кинжалов изготавливались обычно из ковanej бронзы и имели литой бронзовый наконечник. Форма частей, из которых эти ножны состояли, позволяет предположить, что основа ножен была деревянной, как и у более поздних римских экземпляров. Иногда ножны украшали сложной гравировкой, а на некоторых встречается штампованный узор, воспроизводящий рисунок прошитой кожи. Вероятно, что именно кожа была самым распространенным материалом для изготовления ножен. Меч антенного типа, который был найден в Тарквиниях в Этрурии (5), все еще находился в частично уцелевших деревянных ножнах, скрепленных бронзовой проволокой. Наконечник у них был бронзовый. Найдено также еще несколько бронзовых наконечников от ножен мечей антенного типа. Возможно, такие деревянные ножны обтягивали кожей. Устье ножен — как у мечей, так и у кинжалов — всегда изготовлялось отдельно и чаще всего до наших дней не сохранилось. Причина этого заключается в материале, которым была толстая кожа или дерево. Известно, однако, несколько экземпляров, выполненных из бронзы и кости. Прямо под устьем можно разглядеть отчетливо видимый пробел в узоре (8), и он позволяет предположить, что именно в этом месте ножны крепились к перевязи. Найдено довольно много бронзовых копейных наконечников и подтоков. Однако они могли изготавливаться и из железа — как и мечи, и кинжалы. Несколько обнаруженных в гробницах копий остались в том же положении, в каком их туда поместили. Это предоставило ученым возможность измерить длину копий (поскольку древко не сохранилось). Она равняется 1,45—1,85 м. Размер наконечников бывает самый разнообразный: от полуметровых гигантов (экземпляр, найденный в Марино, Лаций, — 56 см длиной) до менее чем десятисантиметровых крошек, которые

предназначались для дротиков. Бронзовый наконечник дротика (14), насаженный на длинную тонкую трубку, является предшественником римских метательных копий гаста велитарис (hasta velitaris) и пилума (pilum).

1 — бронзовый меч с «антеннами» из фермо. 2 — меч антенного типа с бронзовыми ножнами из Фермо. 3 — бронзовый саблевидный меч антенного типа из Болоньи, 4,6,7 — бронзовые наконечники ножен мечей антенного типа. 5 — фрагменты деревянных ножен меча антенного типа. Ножны обмотаны бронзовой проволокой и имеют бронзовый наконечник. 8 — железный кинжал с костяной рукоятью и бронзовыми ножнами с костяным устьем из Вейев. 9,9а — бронзовый кинжал и ножны из Тарквиний. 10 — бронзовый наконечник копья и проволока, крепившая его к древку. Вейи. 11,12 — бронзовые наконечник и подток копья из Тарквиний. 13 — гигантский бронзовый наконечник из Тарквиний. 14 — бронзовый наконечник для дротика, найденный в Лации. 15 — бронзовый топор из Тарквиний. Масштаб 1:5.

1 — шлем с металлическим гребнем, относящийся к культуре вилланова; возможно, он происходит из южной Этрурии. Сейчас находится в Британском музее.
2 — голова статуэтки из Эсте, по которой отчетливо видно, как именно носили такой шлем.

5 — полукруглый «шапковидный» шлем с литым держателем для гребня. Происхождение неизвестно. Музей Карлсруэ, Германия.
6 — панцирь, сделанный в виде накидки, из Нарции, Этрурия. Музей Филадельфийского университета.

Все бронзовое оружие отливалось из расплавленного металла. Изделия из железа приходилось ковать, так как не было возможности получить температуру, необходимую для литья. На самом деле кованое железо значительно прочнее литого, а вот бронза — наоборот. В Италии нашли примерно 30 различных типов шлемов, относящихся к культуре вилланова. Больше половины из них имеют металлический гребень (1), похожий на разросшийся держатель для гребня в шлемах центральноевропейского типа. Изготавливали такой шлем из двух частей, которые соединяли по кромке гребня. Одна половина шлема делалась немного больше другой, и выступающая кромка загибалась вверх меньшей половины, закрепляя ее. Нижняя кромка шлема впереди и сзади также заходила друг на друга и соединялась заклепками. Места соединений усиливались двумя прямоугольными пластинками, которые также склепывались вместе. Как и все доспехи того времени, шлемы были украшены выпуклыми шишечками. Три длинных шипа, которые выходят из усиливающих пластин,

расположенных на стыке шлема спереди и сзади, несут чисто декоративные функции. Их отчетливо видно на статуэтке из Реджо-нель-Эмилия, благодаря которой становится ясно, как именно носили такой шлем. Двойной кант по нижнему краю шлема на статуэтке должен, по идее, изображать толстый подшлемник. Большинство шлемов этого типа, так же как и более поздние римские шлемы, по размеру явно больше того, что требуется голове — так что похоже, что у них были толстые подшлемники, скорее всего войлочные. Другим распространенным типом шлема был «колоколовидный» (5). У большинства известных экземпляров имеется литой бронзовый держатель для гребня с просверленным отверстием, в которое вставлялся крепивший гребень шплинт. Такой тип был очень популярен за пределами Италии, особенно во Франции и на Балканах; в эту же группу можно отнести и шлем конца XV в. до н.э., найденный в Кноссе. В Фермо, близ Анконы, был обнаружен уникальный образец такого шлема, у которого держатель для гребня выполнен из свернутого трубочкой листа бронзы (4). Самой распространенной формой защиты корпуса воина служили небольшие квадратные бронзовые пластины (8 и 9), которые вешались на грудь или на спину. Размер нескольких найденных образцов варьируется от 15 до 22 см. Сейчас обнаружены буквально сотни нагрудных пластин круглой формы, но похоже, что все они относятся к более позднему времени и их, возможно, следует считать частью этрусского доспеха. Считается, что одна из двух известных кирас альпийского типа найдена в Италии, однако точно ее происхождение не установлено. В Нарции, Этрурия, был обнаружен искусно сделанный панцирь в виде накидки (6). Нашли его вместе с украшенным гребнем шлемом, который принадлежит культуре вилланова и, по датировке Хенкена, относится к концу VIII в. до н.э. Этот панцирь состоит из передней и задней части, намертво скрепленных на плечах; фиксировался он при помощи ремешков, проходивших под мышками. До наших дней дошло несколько поясных пряжек и пластинок (9 и 10). Застежка пояса обычно состояла из прямоугольной пластинки с двумя-тремя прикрепленными к ее краю кольцами и другой такой же пластинки с прикрепленными к краю двумя-тремя крючками. Сам пояс обычно был кожаным. На странице 98 находится рисунок этрусской пряжки более позднего времени, в которую превратились застежки этого типа. Сам пояс нередко украшали накладными пластинками. Известны находки более чем восьмидесяти круглых бронзовых щитов италийского происхождения, диаметр которых колеблется между 50 и 97 см. Датируются они примерно VII в. до н.э., все выполнены из бронзы, украшенной чеканкой, и восходят, должно быть, к тем же щитам центральноевропейского типа, что и греческие, времен темных веков,

круглые щиты с расположенной в центре ручкой. Те образцы этого типа, что обнаружены в центральной Европе, датируются примерно концом второго тысячелетия до новой эры. Они не имели деревянной основы, как того следовало бы ожидать. Вместо этого ручка и крепления для ремней приклепывались непосредственно к бронзе с внутренней стороны щита. Иногда толщина бронзы была столь мала, что в процессе изготовления щита ее могли пробить насквозь. Их конструкция аналогична конструкции бронзовых аргивских щитов, найденных в Олимпии, а назначение было явно исключительно церемониальным. Когда одного знаменитого британского археолога спросили, что он думает о щитах этого типа, ученый ответил: «Конечно, ими могли пользоваться и в битве, при необходимости, — в крайней нужде и за крышку от мусорного бака ухватишься». Но пустые замечания вроде этого, как и предположения, что такими щитами можно было отклонять удар, мало что дают нашему представлению об античном военном искусстве. В бою подобный щит был бы совершенно бесполезен. Тем не менее образцом для таких щитов могли быть вполне функциональные экземпляры, деревянные или плетеные, которые обтягивались сыромятной кожей. Как известно, договор Рима с Габиями был записан на деревянном щите, обтянутом бычьей кожей. Такие деревянные щиты могли украшаться металлическими бляшками. В принципе все защитные доспехи того времени могли восходить к толстой коже или плетенке, на которые насаживались бронзовые бляшки — именно так можно объяснить наличие на доспехе выпуклых шишечек. Существовал еще один тип щита, который был, вероятно, известен с эпохи бронзы. Это ростовой овальный щит с вытянутым умбоном с ребром; он был известен под названием скутум (scutum) и использовался легионерами со времен поздней республики. В Этрурии, близ Ветулонии, в одной из могил некрополя Поджоалла Туардия, которая относится к VIII в. до н.э., найдено скульптурное изображение щита, практически ничем не отличающегося от более позднего римского скутума. Овальные щиты похожего типа, но без умбона с ребром, обнаружены также в долине реки По и в Австрии. Эта разница имеет достаточно важное значение, поскольку позволяет точно определить, что скутум происходит из Италии. То, что им продолжали пользоваться на протяжении длительного времени, подтверждается находкой умбона V в. до н.э. в Мальпассо, в центральном высокогорье Италии.

Этрусско-римская армия VI в. до н.э.

3 — изображение шлема с рис. 1, показывающее конструкцию. После того как две половины шлема соединяли, сверху приклепывали пластинки А и В.
4 — полукруглый «шапковидный» шлем с бронзовым держателем для гребня в виде трубки. Найден в Фермо, близ Арконы.

7 — бронзовая нагрудная пластина из Тарквинии.
8 — бронзовая нагрудная пластина из Лация.
9 — бронзовая пряжка пояса из Терни.
10 — фигурная бронзовая пластинка пояса из Альтри. Все эти изображения даны в масштабе 1:5.

Каждый этрусский город, как и греческий полис, имел свою армию. Города состояли в союзе, но вместе действовали очень редко, что и было их главным слабым местом. Иногда какие-нибудь из них могли объединиться для отдельного похода, так как это скорее всего было сделано для завоевания юга. Однако большую часть

7 — бронзовая нагрудная пластина из Тарквинии.
 8 — бронзовая нагрудная пластина из Лация.
 9 — бронзовая пряжка пояса из Терни.
 10 — фигурная бронзовая пластинка пояса из Альтри. Все эти изображения даны в масштабе 1:5.

своих сил они тратили на борьбу друг с другом. В VII в. до н.э. этруски переняли греческую тактику, а вместе с ней и греческую фалангу. Можно с уверенностью сказать, что они приняли на вооружение «архаический лох» с построением 12 на 8 гоплитов и четырьмя урагами. Это практически наверняка было именно так, поскольку подразделения этрусско-римской армии назывались центуриями. Подобно более поздним римлянам, этруски во многом полагались на войска, которые поставляли им завоеванные либо находящиеся с ними в союзе земли. Те, кто настаивает на восточном происхождении этрусков, могут вспомнить в качестве параллели персидскую армию. Римская армия этого периода представляла собой, вероятно, типичную этрусскую армию. При первом этрусском царе, Тарквинии Древнем, эта армия состояла из трех частей: этрусков (которые формировали фалангу), римлян и латинян. Последние сражались так, как привыкли, — в свободном строю, используя копья, топоры и дротики, и ставили их обычно на флангах. Как Ливии, так и Дионисий Галикарнасский рассказывают о реорганизации в этрусско-римской армии, которую провел в середине VI в. Сервий Туллий. Оба рассказа практически идентичны и

восходят, вероятнее всего, к Фабию Пиктору, который написал историю Рима около 200 г. до н.э. Похоже, что его информация основана на подлинных документах. То, что такие ранние документы или их копии действительно существовали, подтверждается Полибием, который видел текст первого договора с Карфагеном, заключенного около 509 г. до н.э. Он рассказывает, что документ был написан на архаичной латыни, которую можно было понять лишь частично. Сервий Туллий, второй из этрусских царей, пытался, возможно, из-за своего латинского происхождения, объединить всех жителей, реорганизовав армию по имущественному цензу взамен происхождения. Все население было разделено на шесть разрядов. Первый из них, который состоял из самых обеспеченных людей, формировал 80 центурий, или лохов. Скорее всего большую часть этого разряда по-прежнему составляли этруски. Воины этого разряда должны были иметь шлем, щит, поножи, панцирь, копье и меч. Ливии, говоря о щите, использует слово *clipeus*, «клипеус», а Дионисий описывает его как аргонийский (аргивский) щит. Несомненно, что оба они имеют в виду доспех и оружие гоплита, а следовательно, эти 80 центурий формировали фалангу. Первому разряду были приданы две центурии оружейников и строителей (их называли *fabri*, «мастера»), которые в сражении не участвовали. Вторым разряд составляли 20 центурий. Вооружение этих воинов было таким же, как и у первого, но они не имели панцирей и вместо аргивского щита носили skutum. Как Дионисий, так и Диодор утверждают, что щит этот был прямоугольным или по меньшей мере четырехугольным, что побудило некоторых ученых к утверждению, что прямоугольным skutumом времен ранней империи пользовались и на протяжении всего периода республики. В этом вопросе на помощь пришла археология, причем весьма примечательным способом. Болонья являлась пограничным этрусским городом и находилась примерно в том же

положении, что и Рим, но только на северном рубеже. Там была обнаружена Кертосская ситула, бронзовый ковш, относящийся примерно к 500 г. до н.э. Эта ситула украшена чеканкой, изображающей фигурки воинов с аргивскими, овальными и прямоугольными, щитами. Вероятнее всего, эти фигурки представляют этрусков и их северных союзников. Эта находка позволила сделать вывод, что наряду с традиционными овальными щитами в то время использовались и прямоугольные щиты, которые могли представлять собой вариант обычного овального skutuma. Третий разряд также подразделялся на 20 центурий. Вооружение этих воинов было таким же, как и у второго разряда, за исключением поножей. Точно так же делился на 20 центурий и четвертый разряд. Ливии сообщает, что их вооружение состояло из копья и дротика, в то время как Дионисий оснащает их

скутумом, копьем и мечом. Пятый разряд составлял 30 центурий. Согласно Ливию, они были пращниками, тогда как Дионисий утверждает, что и пращниками, и метателями дротиков. Он же добавляет, что сражались они вне строя. К пятому же классу были приписаны две центурии горнистов (cornicines) и трубачей (tubicines). Остальное население, то есть самые бедные его слои, было освобождено от службы. Армия делилась на две части, служивших согласно возрасту. Ветераны составляли внутренний гарнизон, как это было и в Греции; те же, кто находился в расцвете сил, участвовали в военных кампаниях. Такова была структура этрусско-римской армии, где фалангу составляли дважды по 40 лохов, а поддержку обеспечивали дважды по 45 центурий с последовательно облегчавшимся вооружением, оснащение и способ боя которых были традиционно италийскими. В этом случае разница в описании, представленном обоими источниками, минимальна и не дает повода усомниться в общей его справедливости. Фабий Пиктор писал свою историю по-гречески, а потому, пожалуй, справедливо будет предпочесть рассказ Дионисия труду Ливия. Вероятно, второй, третий и четвертый разряды сражались на флангах подобно тому, как делали это союзники до реформы Сервия. Ливии, однако, утверждает, что они формировали второй, третий и четвертый ряд в боевом порядке. В каком-то смысле все римские граждане должны были составлять центральную часть войска, и скорее всего такой порядок был прототипом легиона времен середины республики, когда различные типы войск последовательно размещались в боевом строю. Как бы то ни было, трудно представить, как могло такое построение выглядеть на деле, если впереди размещалась фаланга.

Щит культуры вилланово из Бизенцио, близ Флоренции

1 — лицевая сторона щита с круглым умбоном и тремя заклепками над и под ним, на которых держится ручка. Масштаб 1:6.

2 — обратная сторона щита с ручкой.

Подвески — видимо, крепления для ремней.

3 — поперечный разрез. Видно деревянная основа ручки.

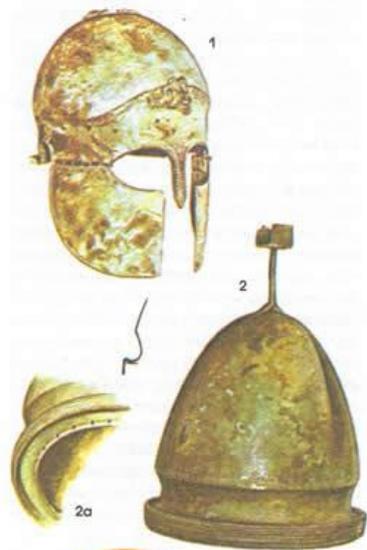
4 — ручка.

Центурии фаланги должны были подразделяться по меньшей мере на четыре эномотии. Когда возникала необходимость в созыве армии, каждая центурия поставляла то количество людей, которое было необходимо в соответствии с требующимся размером армии. Так, например, при необходимости созвать десятитысячную армию каждая центурия должна была снарядить две эномотии, или 50 человек. Для этого раннего периода разделение армии на центурии имело огромное политическое и военное значение, и, хотя в политической сфере прежняя структура еще сохранялась, армия постепенно начала адаптировать ее к собственным нуждам. Вместе с изгнанными из Рима этрусками должна была уйти и значительная часть воинов первого класса. Это не могло не сказаться на боеспособности римской армии. Ливии пишет, что круглый щит (а значит, и фаланга) применялся вплоть до ввода платы за службу в конце V в. На смену царю на посту верховного военачальника пришли два претора, каждый из которых командовал половиной армии. Институт преторов просуществовал примерно до середины IV в. до н.э. Видимо, должность претора — командира ветеранов — сохранялась и позднее под названием *praetor urbanus*, однако теперь его обязанности относились исключительно к сфере судебной власти. Очевидно, что к IV в. Рим не обладал специальной армией, предназначенной для защиты города. Два главных магистрата назывались теперь консулами, а слово «преторы» применялось для обозначения

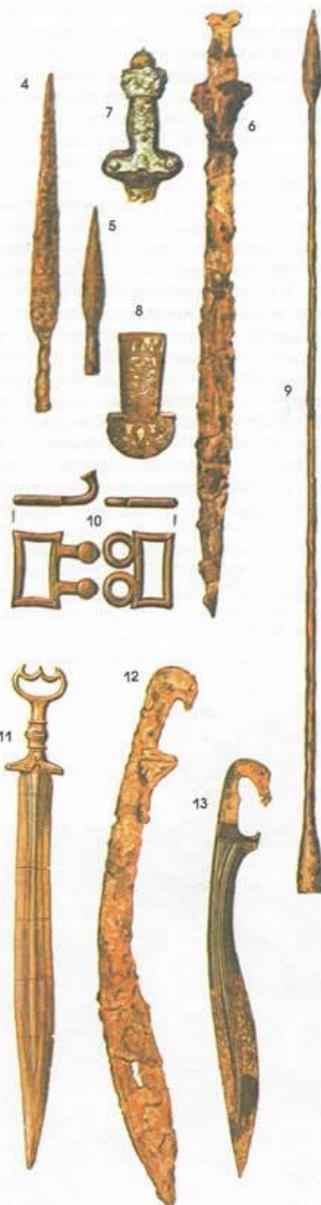
магистратов второго разряда; ко временам Полибия их число увеличилось до шести человек.

Вооружение

Шлемы из этрусских гробниц.
 1 — греческий, халкидийского типа. Флоренция, Археологический музей.
 2 — италийский, типа негау.
 2а — вид изнутри на нижний край шлема (2), на котором можно разглядеть обод с отверстиями, предназначенный для крепления подшлемника. Музей Вилла Джулия, Рим.

3 — типичные этрусские доспехи и оружие. Реконструкция доспеха выполнена по смешанному доспеху, найденному в «Гробнице вазона» в Вульчи. Он состоит из аргийского щита, греко-этрusco-италийского панциря и италийского шлема типа негау.

15 и 16 — верхняя и обратная сторона нагрудной пластины.
 17 — обратная сторона нагрудной пластины, на которой виден способ ее крепления.

4 — наконечник копья типично этрусской формы из Кьюзи (Клузиум).
 5 — этрусский наконечник для дротика.
 6 — этрусский меч, сделанный по типу греческого меча голпита. Из Алалии, Корсика.
 7 — рукоять подобного же меча, выполненная из дерева и железа из Лорето Апрутино.
 8 — наконечник нажег аналогичного меча. Бронза, выложенная изнутри костью. Центральный римско-германский музей, Майнц.
 9 — заканчивающийся трубкой наконечник пилума из Вульчи. Ватиканский музей.
 10 — типичная этруская пряжка пояса.
 11, 12, 13 — эволюция кривого меча.
 11 — меч культуры виланова из Эсте.
 12 — этрусский меч из Алалии на Корсике.
 13 — испанский меч (falcata). Британский музей.
 14 — роспись из Чери, на которой изображен воин в греческом шлеме и с этрусской круглой нагрудной пластиной.

Воины фаланги (первый разряд) были вооружены по греческому образцу и носили круглый аргийский щит, бронзовый панцирь, поножи, шлем, копье и меч. Но хотя этруски приняли тактику и вооружение фаланги, в их гробницах находят доспехи и вооружение традиционного типа, включая

топоры, которыми едва ли можно пользоваться при тесном строе. Возможно, такое оружие клали в гробницу просто по обычаю. С другой стороны, его вполне можно было применять в поединках один на один — таких, какой показан на скульптурном изображении двух гоплитов из Фалерии Ветерес. Они полностью вооружены по греческому образцу, за исключением кривого кинжала, который сжимает один из бойцов. Однако, какова бы ни была причина для включения именно такого оружия в состав погребального снаряжения, в фаланге его использовать определенно не могли. Наличие у фаланги италийского доспеха едва ли могло серьезно помешать ее успешному функционированию. Как находки из гробниц, так и изображения подтверждают, что им активно пользовались. На росписи из Чери изображен гоплит в халкидийском шлеме и круглых этрусских нагрудных пластинах. На другом изображении — из Кьюзи — показан гоплит в полном греческом снаряжении, но в шлеме, украшенном перьями по италийскому образцу. Находки из могилы воина в Вульчи (около 525 г. до н.э.) представляют собой пример типичного смешанного вооружения: аргивский щит, италийский шлем типа негау и греко-этруссские поножи. Несмотря на очень широкое распространение греческого панциря, известно множество находок круглых нагрудных пластин, причем все они, кажется, относятся к первой половине VII в. —возможно, еще до введения фаланги. Однако датировка их существенно затруднена, поскольку происхождение многих из них остается неизвестным. Роспись из Чери, что уже упоминалась выше и которую никак нельзя датировать ранее, чем концом VI в., показывает, что этим же типом доспеха продолжали пользоваться и впоследствии, много позже VII в. Такие же диски изображены на ассирийских барельефах, а более поздние экземпляры обнаружены как в Испании, так и в центральной Европе. Очень похоже, что они восточного происхождения. На росписи из Чери видно, что нагрудные пластины крепились ремнями, вероятно, кожаными. На обратной стороне таких пластин обычно имелось три петли наверху и одна внизу, которые были предназначены для присоединения к ремням. Самым типичным из всех шлемов, которыми пользовались тогда в Этрурии, являлся шлем типа негау, названный так по имени деревни в Югославии, около которой найдено много образцов последнего. Очень интересный экземпляр такого шлема обнаружили в Олимпии, и теперь он находится в Британском музее. Надпись на шлеме сообщает, что его посвятил в храм Гиерон, сын Дейноменеса, и жители Сиракуз, которые захватили его у этрусков в морском сражении при Кумах в 474 г. до н.э. Самый ранний образец шлема этого типа, который поддается датировке, происходит из «Гробницы воина» в Вульчи (ок. 525 г. до н.э.). Ими продолжали пользоваться, не внося в конструкцию никаких изменений, вплоть до IV, а возможно, и до III вв. до

н.э. К внутренней стороне нижней кромки этого шлема приделывалось плоское бронзовое кольцо с отверстиями по внутреннему краю, которое предназначалось для крепления подшлемника; это было необходимо для того, чтобы шлем плотно сидел на голове.

Появился этот тип в процессе эволюции целой группы шлемов VI в., которые в данной книге все фигурируют под общим названием сосудобразные (точнее, напоминающие по форме горшок) шлемы. У шлемов этого типа обычно имелся гребень, который шел продольно по верхнему ребру всего шлема. Известно, однако, несколько экземпляров, у которых основание для гребня располагалось поперек (2). Именно такой шлем носили римские центурионы, он же показан на статуэтке спартанского гоплита; имеется держатель для поперечного гребня и на нескольких шлемах, обнаруженных в Олимпии. Невозможно определить сейчас, имел ли такой гребень какое-либо особое значение. Непохоже, чтобы их носили

просто старшие по званию — ведь тогда большинство дошедших до нас шлемов должно было бы принадлежать именно им, поскольку для посвящения в храмы брали только лучшие. Существует большое искушение сделать вывод, что поперечный гребень был знаком отличия лохагов; тогда становится ясно, почему его переняли центурионы. В Италии найдено несколько поножей греческого типа. Самый распространенный тип основывается на греческом стиле VI в., без анатомически оформленного колена. Поножами такой формы продолжали пользоваться столько же, сколько и шлемом типа негау (т.е. до IV — III вв.), и их часто находят вместе. Значительно дольше, чем в Греции, оставались в Этрурии популярными и защитные доспехи на бедра, лодыжки и ступни, какими пользовались в VI в. до н.э. Значительно более долгий срок просуществовали там и наручи. В течение этого времени этруски приняли на вооружение греческий меч, находки которого на территории Этрурии весьма многочисленны. Изогнутый меч, или копис (kopis), который был распространен в Греции и Испании с VI по III вв. до н.э., возможно, ведет свое происхождение из Этрурии, поскольку именно там были обнаружены экземпляры, относящиеся к VII в. до н.э. Бронзовая сабля из Эсте в северной Италии могла быть предшественницей этого страшного оружия. Это говорит в пользу его италийского происхождения. Этруссские и ранние греческие мечи этого типа были длинным рубящим оружием с длиной клинка около 60—65 см. Более поздние македонские и испанские образцы были коротким рубяще-колющим оружием, длина клинка которого не превышала 48 см. В Этрурии находят множество самых разнообразных наконечников для копий. Широко встречаются длинные наконечники типа вилланова. В гробнице V в. в Вульчи был обнаружен длинный наконечник пилума, заканчивающийся предназначенной для крепления на древке трубкой (9). Следовательно, этим видом оружия в то время уже пользовались. На протяжении IV и III вв. до н.э. Этрурия продолжала следовать грекам в том, что касалось вооружения, а потому приняла и их позднеклассический стиль. На саркофаге амазонок и на гробнице Джильоли (оба памятника находятся в Тарквиниях) встречаются изображения фракийских шлемов IV в. до н.э. В то время все еще пользовались жесткими льняными панцирями, но зачастую покрывали их металлическими пластинками. Такие прямоугольные, находящие друг на друга пластины ведут свое происхождение из Ассирии; их можно хорошо разглядеть на фресках и на знаменитой статуе Марса из Тоди. На протяжении всего III в. жесткому панцирю из простеганного льна пытались придать большую гибкость. Обычно лен оставляли незакрытым только у пояса и на бедрах, а все остальное — грудь, плечи и спину — усиливали металлическими

пластинками. Нижнюю часть живота на них часто прикрывали полукруглые пластины, очень похожие на греческие «митры». Их также покрывали металлическими чешуйками. Изображения таких панцирей часто встречаются на лепных погребальных урнах III в. до н.э. В это же время на урнах появляются и изображения кольчуг. Обычно они сделаны по тому же принципу, что и льняной доспех, и представляют собой приспособление старого доспеха под новый тип воинского снаряжения. Вместе с кольчугой иногда носили и полукруглую нижнюю пластину; такое сочетание скорее всего кельтского происхождения. На этрусских скульптурах часто встречается изображение анатомического панциря, который обычно раскрашивался серой краской. Это совсем не обязательно должно обозначать, что их изготавливали из железа; скорее всего такие панцири серебрили или покрывали оловом — именно так продолжали делать позднее в римской армии. Хотя скульптурные изображения анатомических панцирей очень близки по форме к южноиталийским образцам, те экземпляры, что дошли до нашего времени, сильно от них отличаются. Изображение мускулов на них сильно стилизовано, что позволяет легко определить их этрусское происхождение. В VI в. этруски и другие италийские народы на какое-то время приняли так называемый итало-коринфский тип шлема. Произошел он от шлема коринфского типа, но носился подобно колпаку на макушке. Вероятно, впервые он появился в Апулии. В течение последующих веков именно этот тип чаще всего встречается на различных изображениях и статуях, однако у нас нет никаких археологических свидетельств того, что итало-коринфский шлем просуществовал дольше, чем до V в. до н.э. Начиная с первой половины IV в. до н.э. в Италии начинает чувствоваться новое влияние, кельтское. Сеноны, которые пришли в Италию около 400 г. до н.э., возможно, принесли с собой и шлем монтефортинского типа. Его быстро переняли этруски, самниты и римляне. Начиная с IV в. до н.э. этот тип становится наиболее распространенным на всей территории Италии. На барельефах относящейся к IV в. гробницы в Черветери изображены шлемы, имеющие характерные нащечники с вырезанным зубцом. Известны экземпляры, где нащечники выполнены в виде трех дисков. Происхождение этой разновидности будет рассматриваться на стр. 120. К III в. до н.э. «трех-дисковый» тип был полностью вытеснен «зубчатым», который продолжал использоваться вплоть до начала I в. н.э. Сопоставив значительное число находок шлемов именно этого типа и преобладание итало-коринфских шлемов на изображениях и памятниках, можно сделать предположение, что последний тип служил знаком ранга и носили его большей частью офицеры. К этому же времени можно отнести и большое количество очень грубо сделанных

шлемов аттического типа со следами глубокой бороздки по нижнему краю, которые находят по всей Италии. Возможно, что они восходят к типу негау. Полный этрусский доспех был обнаружен в гробнице Семи Комнат в Орвието, рядом с озером Больсена. Он состоит из характерного этрусского анатомического панциря, поножей позднеклассического типа, аргивского щита и шлема монтефортинского типа с нащечниками в форме трех дисков. Изменения произошли и в области вооружения. Хотя гоплитским мечом все еще продолжали пользоваться, на смену копьё пришел тяжелый дротик (или метательное копьё) пилум. Он стал главным наступательным оружием римского легиона. У пилума был длинный железный стержень, который крепился к древку, насаживаясь на него окончанием в виде трубки, острого жала (хвостовика) или плоского язычка, крепившегося к деревянному древку одной-двумя заклепками. Пилумом с трубкой, видимо, пользовались в начале IV века, хотя археологические данные не очень надежны. Тип с острым хвостовиком впервые появляется в северной Италии в V веке. Пилум с плоским язычком, по-видимому, изображен на стенной росписи в гробнице Джильоли в Тарквиниях, восходящей к временам первого конфликта Рима с Тарквиниями в середине IV века до н.э., но наиболее ранняя археологическая находка восходит к концу III в. и была сделана в Теламоне, в Этрурии. Происхождение этого типа неясно — гробница Джильоли появилась ранее самнитских войн, а потому непохоже, чтобы римляне заимствовали этот тип у самнитов, как то считалось прежде.

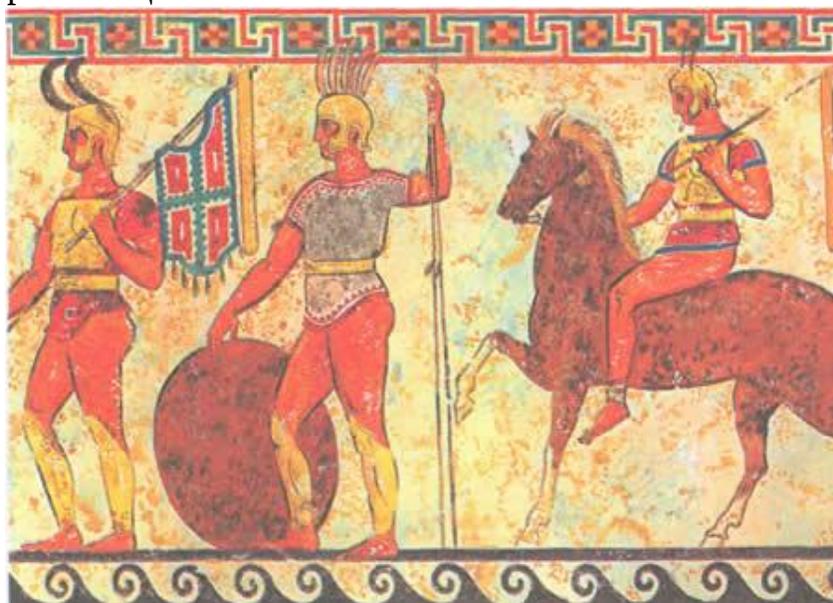
Эквы, вольски и родственные им народы

В начале V в. до н.э. Риму пришлось вплотную столкнуться с жителями гористых районов центральной Италии — эквами и вольсками. Это всего лишь два из многочисленных воинственных племен, которые вместе с сабинянами и самнитами жили в долинах Апеннинских гор. Апеннины образуют хребет всего Апеннинского полуострова, простираясь от Альп на севере до самой нижней его оконечности на юге.

Центральную часть этого горного массива занимали племена, которые можно довольно условно объединить под названием оски. Эти народы служили в этрусских армиях в качестве союзников либо наемников. Раскопки на месте некрополей VI—V вв. до н.э. в Альфедене, что в 130 км к востоку от Рима, и в Камповалано ди Кампли близ Терамо на восточной

стороне Апеннин предоставили нам богатый материал по оружию и доспехам. Эти находки вместе со знаменитой статуей воина из Капестрано, что в 30 км от Л'Аквилы, позволяют нам получить достаточно точное представление о том, как выглядел представитель горных народов. На капестранском воине имеется маленький круглый нагрудник и соответствующая ему наспинная пластина, соединяющиеся при помощи широкой перевязи, которая идет через правое плечо. На голове у него шлем с гребнем и невероятных размеров полями. Вооружен воин двумя дротиками с петлями для метания, топором и мечом, который он прижимает к груди. В Альфедене и Камповалано ди Кампли обнаружено несколько экземпляров таких круглых пластин, которые соединялись при помощи крепившейся на петлях металлической перевязи. Еще несколько образцов подобного же защитного доспеха обнаружили в расположенных на значительном удалении друг от друга местах — Анконе, Казерте в Кампании и Алерии на Корсике. Все они изготовлены из бронзы и подбиты железом. Представленный в книге экземпляр нашли в Альфеденском некрополе; его диски 23,5 см в диаметре (диаметр мог варьироваться от 20 до 24 см), что значительно больше тех, которые изображены на статуе из Капестрано. Эти диски, которые, очевидно, происходят от более ранних этрусских, обычно украшались шишечками и изображением мифического двухголового фавна. На некоторых экземплярах присутствуют выгравированные рисунки. Железная основа, которая обычно представляла собой два полукруглых фрагмента с разрезом в центре, закатывалась через край на переднюю часть диска и там расплющивалась молотком.

8 — панчи из Камповалано ди Кампли.
9 — защитная пластина для горла из Альфедены.
10 — наплечник из Альфедены.
11 — наруч на нижнюю часть руки из Альфедены.

12 — воин, вооруженный топором и двумя дротиками. Застежка из Ваца.
13 — воин с двумя дротиками и скулулом с ребром. Ситуа из Арноальди.
14 — железный умбон щита. Югославия. Масштаб 1:10.

15 и 22 — наконечники дротиков из Камповалано ди Кампли.
16—21 — наконечники копий из некрополя Камповалано. Для этой территории обычными были наконечники трехгранной и четырехгранной форм.
17 — это наконечник в греческом стиле, а 20 близок к микенскому типу, который чуть ли не на 800 лет старше.
23—25 — подпки копий из Камповалано. Они зачастую имели длинное острие.
26 — навершие булавы из Камповалано.
27, 28 — кинжал «антенного» типа с железными ножнами и цепочкой для прикрепления к поясу. Из некрополя в Камповалано.
28а — реконструкция этой цепочки.
29 — нож, который носили вместе с ножнами меча. Он был найден лежащим сверху ножен, изображенных на стр. 63, номер 7.
30 — железный наконечник ножен, выложенный внутри косяка. Из Камповалано.
31, 32 — меч и ножны (железные, выложенные косяком), которые почти повторяют оружие, показанное на изображении воина из Капестрано. Из Альфедены. Все изображения на рис. 15—32 даны в масштабе 1:10.

119

Широкая, проходящая через плечо перевязь в 30 см длиной изготовлена из трех бронзовых пластин, отделанных железом. Они соединялись железными петлями, которые были приклепаны к пластинам. К заднему диску перевязь крепилась при помощи петли, а к переднему — крючком. В нужном положении доспех удерживался двумя широкими ремнями, которые перекидывались через плечи, и двумя более узкими, которые проходили под мышками. Все они четко видны на статуе из Капестрано. Известно множество находок шлемов с широкими полями, но все они уже тех, что на шлеме воина из Капестрано. Наиболее распространенным был шлем «горшкового» типа, который встречается на территории всей центральной и северной Италии, а также на побережье Адриатики, в северной Югославии. Похоже, что эти «горшковые» шлемы никак не связаны с более ранними шлемами культуры вилланова. Исходя из того, что аналогичные шлемы найдены на территории современных Австрии и Чехословакии, можно

предположить, что центр их распространения находился в северной Югославии. Наиболее ранний тип изготовлялся в форме круглой шапки, нижний край которой был выгнут наружу. У таких шлемов часто имеются круглые шишечки, приклепанные по бокам, а также держатель для гребня на макушке и дополнительные крепления к нему спереди и сзади. Эти шлемы были широко распространены в центральной Италии, есть даже экземпляр, найденный в Риме. Номер 2 представляет собой тип, зоной распространения которого были северная Италия и Югославия. Наиболее известен шлем из Сесто Календе, у подножия Апеннин. Этот шлем состоял из четырех склепанных между собой частей. Подобно более ранним экземплярам, у него есть держатель для гребня и приспособления для крепления гребня впереди и сзади. Вероятно, именно он изображен на нескольких фигурках с Кертооской ситулы. Номер 3 необычен — известно лишь два таких экземпляра. Происхождение его неизвестно, ныне он находится в Ватиканском музее. Интерес представляют его необычайно широкие поля, очень похожие на те, что на шлеме капестранской статуи. У него есть четко выраженная выемка, предназначенная для гребня, которую скорее всего заимствовали у шлема иллирийского типа. Это очень характерная черта югославских «горшковых» шлемов. Тип 4 был широко распространен по всей северной Адриатике и в долине реки По. Очевидно, он принадлежит к той же группе, что и тип негау, однако обычно он значительно шире в верхней части. Номер 5 получил название «каннский» шлем, так как две находки этого типа были сделаны на месте поля битвы при Каннах, где Ганнибал в 216 г. до н.э. разбил римлян. Долгое время считали, что эти два шлема, которые находятся в Британском музее, относятся как раз к этой битве, поэтому их использовали для классификации и датировки других экземпляров. По счастью, в гробнице в Камповалано был обнаружен прекрасно сохранившийся экземпляр такого шлема, который позволил отнести эти шлемы к концу VI столетия. Известно десять таких шлемов (и половина из них неизвестного происхождения); вероятно, область их распространения следует ограничить побережьем Адриатики между Анконой и Бари. Всех их характеризует наличие канавки для гребня в передней части, четко выраженного сужения в нижней части, как на типе негау, и две полукруглые шишечки, прикрепленные с обеих сторон. Они выполнены из кованой бронзы, залиты свинцом и посажены на железный диск. На Кертооской ситуле изображен еще один особый тип шлема, который был составлен из круглых выпуклых пластинок или дисков (6а). Образец такого шлема найден в Югославии (6). Их изготовляли из бронзовых дисков, насаженных на каркас, сплетенный из прутьев. Пропуски между дисками заполняли бронзовыми же заклепками. В Югославии

находили панцири, изготовленные тем же способом. Последний из представленных типов шлема (7) изображен на Болонской ситуте (7а) и по форме является коническим. Он не был распространен столь широко и, разумеется, был менее эффективен, чем шлемы с широкими полями, но несколько экземпляров нам все же известно. Тот, что представлен в данном издании, был найден в Оппеано, близ Вероны. Он сделан из двух частей, которые соединены при помощи заклепок, и имеет литую бронзовую верхушку. С внутренней стороны шлема имеются две маленькие бронзовые петли для крепления подбородочного ремня. Другие типы шлемов обычно также удерживались в требуемом положении при помощи подбородочного ремня, который, как правило, крепился к подшлемнику; его часто можно разглядеть на ситутах. На капестранском воине есть защитная пластина для горла — в Альфедене был обнаружен очень близкий ей экземпляр. На левой руке статуи выше локтя виден защитный браслет. Такие же браслеты находят на левом предплечье воинов в гробницах Альфедены, что заставляет нас припомнить историю Тарпеи — римской девушки времен Ромула, которая предала сабинянам Капитолий в обмен на золотые браслеты, что те носили на левой руке. В старых легендах так часто скрывается зерно правды, что даже продолжение этого рассказа может содержать несколько ее крупиц. Сабиняне, вероятно, говорили по-оскански и скорее всего испытывали существенные затруднения, пытаясь понять, что именно хотела Тарпея, когда указывала на то, что они носят на левой руке, а посему предложили ей свои щиты. У воина из Капестрано щита нет, не нашли никаких остатков его и в ходе раскопок. Скорее всего это свидетельствует о том, что он пользовался неметаллическим щитом, одной из разновидностей скутума. Изображение с нагрудной пластины из Анконы, что находится севернее, показывает нам упавшего воина, который сжимает аргивский щит. Район Анконы предоставляет многочисленные свидетельства того, что в этой местности пользовались полным комплектом снаряжения гоплита, однако для центральных регионов Италии таких свидетельств нет. Влияние греческого доспеха там было весьма ограниченным — из всех гробниц, раскопанных в Альфедене и Камповалано, только в одной есть хоть какое-то греческое снаряжение: уникальный оско-коринфский шлем и греческие поножи VI в. до н.э.. Обе находки происходят из гробницы в Камповалано. Эти поножи являются исключением, и воин из Капестрано, разумеется, их не имел. Дальше на север, возможно, под влиянием греков и этрусков, поножи становятся обычной составляющей доспеха; были они найдены и в знаменитой гробнице воина в Сесто Календе. Очень простые наручи для верхней и нижней части руки обнаружены в Альфедене. Однако находка эта

единичная. Обычно доспех состоял лишь из панциря и шлема. На статуе воина из Капестрано изображен богато украшенный меч, который свисает с крепивших защитные пластины ремней с правой стороны. Практически идентичный ему был найден в Альфедене — один из большого числа обнаруженных мечей и ножен. Все они греческого гоплитского типа и, возможно, были впервые переняты этрусками. Длина их клинка варьируется от 60 до 70 см. Рукояти таких мечей, а также наконечник и устье ножен изготавливались из покрытой железом кости. Такое железное покрытие было зачастую украшено прорезным узором, сквозь который проглядывала кость. Так же делались рукояти римских кинжалов времен ранней империи. Бесчисленные остатки мечей греческого гоплитского образца, которые встречаются от долины реки По до Апулии и от Адриатики до Корсики (не говоря уже о землях Бруттия, Лукании, Кампании и Сицилии, которые находились под прямым греческим влиянием), не оставляют сомнений в том, что именно этот тип преобладал в Риме и на землях Латинского Союза до ввода в III в. до н.э. испанского меча. На статуе из Капестрано можно разглядеть небольшой нож, прикрепленный спереди к ножнам. Такие ножи, длина лезвия которых колебалась между 20 и 25 см, находили лежащими поверху ножен мечей в гробницах Камповалано. В некоторых гробницах обнаружены железные кинжалы с железными же ножнами и цепочкой для крепления к поясу. Длина их клинка составляла 25—30 см. У большинства этих кинжалов имеются четыре стержня, выступающих вокруг навершия, что может служить признаком их центральноевропейского происхождения. До наших дней дошло множество различных наконечников копий, отражающих многообразие влияний, сошедшихся в центральной Италии. Существуют экземпляры, являющиеся вариантами микенского, греческого и виллановского типа, в то время как другие не восходят ни к одному из них. Из этих последних типов наиболее характерными являются трех- и четырехгранные. Размер их варьируется от крошечных трехгранных наконечников дротиков, менее 8 см длиной, до огромных четырехгранных наконечников копий, превышающих 80 см. Как у копий, так и у дротиков были подтоки. Так как многие копья обнаружены в гробницах в том положении, в каком их туда положили, мы можем определить их длину — от 1,6 до 2,6 м.

Самниты с побережья, несущие знамена. Из Пестума в Аукании. Музей Неаполя, Возможно, эту роспись можно датировать началом IV в. до н.э. У двух воинов имеются квадратные нагрудные пластины. На изображении всадника можно разглядеть защищающие лодыжки поножи.

В заключение рассказа об этом периоде истории следует сказать несколько слов о людях, обитавших в долине реки По во времена этрусской экспансии на север от Апеннин. Хотя их влияние на этрусков было скорее всего очень мало, они имели существенное значение для вторгшихся кельтских племен, которые, в свою очередь, оказали громадное влияние на римлян. На протяжении VI—V вв. до н.э. к югу от Альп существовала ярко выраженная специфическая культура. Территория ее распространения включала всю долину реки По и северо-западную Югославию. У этих людей существовала особая форма искусства, которая известна археологам под названием «ситульная». Ситулы представляют собой большие бронзовые сосуды, богато украшенные рельефными изображениями; среди них часто встречаются воины и колесницы. Благодаря этим изображениям, а также оружию и доспехам, найденным в гробницах, мы имеем возможность достаточно точно воссоздать облик североиталийского воина VI—V вв. «Горшковый» шлем был наиболее распространенным типом и на севере страны. В течение V в. он был постепенно вытеснен типом негау. На ситулах показаны щиты всевозможных форм и размеров, начиная от круглых аргивских щитов и заканчивая овальными и прямоугольными ростовыми. Железный умбон несомненно, принадлежал именно такому щиту. Судя по его форме, щит был выпуклым. Фигурку с Арноальдской ситулы часто считают изображением захватчика-кельта, что вполне вероятно. Но, судя по его шлему, двум копьям или дротикам, тунике и щиту с вытянутым умбоном, он вполне мог быть и италийцем. Прошло немного времени, и как щитом, так и шлемом этого типа действительно стали пользоваться кельты долины По, которые, несомненно, переняли их у италийцев. Похоже, металлических панцирей у них не было, а ситулы подтверждают также отсутствие льняных. На территории Югославии продолжали существовать панцири, покрытые бронзовыми бляшками, и, возможно, они были занесены и в долину По, однако никаких свидетельств в пользу этой версии не существует. В долине По повсеместно встречались гоплитский меч и кинжал с четырьмя «антеннами», однако там ощущалось сильное трансальпийское влияние, а потому многие наконечники для копий и мечи отвечают скорее центральноевропейским характеристикам. К северу от Апеннин трех- и четырехгранные наконечники копий, характерные для центральной Италии, были распространены мало. Воины на ситулах обычно вооружены одним-двумя копьями, а иногда и топором. При наличии двух копий разумно предположить, что они были метательными. Присутствие колесницы на похоронах воина было общепринято. На ситулах колесницы обычно встречаются в церемониальных сценах, и непохоже, чтобы ими пользовались в сражениях. В то же время там часто встречаются фигурки

сражающихся всадников. На пряжке из Вача изображены два всадника, бьющихся копьями и топорами. На одном — «горшковый» шлем, но щиты отсутствуют у обоих. Есть похожее изображение лишённого щита всадника с топором и на Кертосской ситуде. Исходя из этого, можно предположить, что около 500 г. до н.э. у всадников щитов не было. Однако некоторое время спустя ситудла Арноальди показывает нам всадника в «горшковом» шлеме старого типа, но вооружённого двумя дротиками и со щитом аргивского типа.

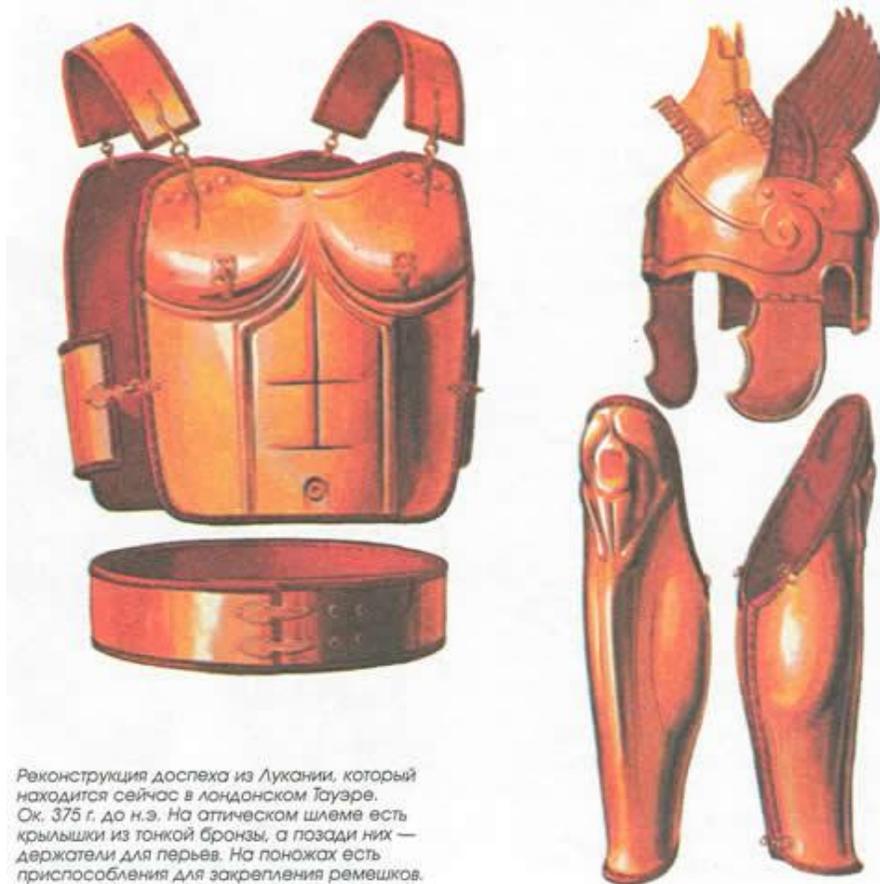
Самниты

1 — самнитский аттический шлем из Британского музея. Это была наиболее распространенная форма. 2 — Самнитский аттический шлем из Капелла Сант-Анджело в Риме. 3 — Держатель для перьев. 4 — самнитский «трехдисковый» нащечник из Бовиано. Неаполитанский археологический музей. Нащечник выполнен по образцу характерного трехдискового самнитского панциря, такого, как на воине, изображенном наверху (см. также панцирь на стр. 111). 5 и 6 — изображения самнитов с большими щитами и дротиками. 7 — изображение рубящего меча с односторонней заточкой (копис). 5, 6 и 7 хранятся в Неаполитанском музее. 8 — реконструкция облика самнитского воина IV в. до н.э.

С поражением вольсков, которые занимали Лепинские и Авзонские холмы, обрамляющие Лаций на востоке, Латинский Союз вступил в прямой контакт с самнитами, жившими вдоль реки Ли-рис. Самний представлял собой плоскогорье, ограниченное реками Сангро на севере и Офанто на юге.

Именно с населявшими эту местность людьми велись самнитские войны. Однако территория, занятая родственными самнитам племенами, была значительно шире. Вскоре после 500 г. до н.э. вследствие оседания этрусского влияния на юге, самнитские племена просочились на прибрежные равнины. В течение следующего века они заняли весь юг — от Кампании до самой оконечности Италии. В 423 г. пред ними пала этрусская колония Капуя, а спустя два года был захвачен и греческий город Кумы — тот самый, что веком раньше сыграл столь важную роль в разгроме Ларса Порсены. Точно так же была занята и Апулия на восточном побережье. Самниты смешивались с местным населением и вскоре породили независимые племена смешанной культуры, на которых сильное влияние оказали колонизовавшие побережье до них греки. В середине IV в. до н.э., возможно, в ответ на стремительную экспансию Латинского Союза самниты попытались принудить своих родичей в Кампании присоединиться к Самнитской федерации. В 343 г. Латинский Союз, который был не меньше обеспокоен экспансией федерации, вмешался, дабы поддержать независимость Кампании; так началось противостояние этих двух сил. Многолетнюю войну, которая началась в 343 г., историки делят на три части: первая, вторая и третья самнитские войны. Рассказ Ливия о первой самнитской войне настолько ненадежен, что многие

Реконструкция доспеха из Лукании, который находится сейчас в лондонском Тауэре. Ок. 375 г. до н.э. На аттическом шлеме есть крылышки из тонкой бронзы, а позади них — держатели для перьев. На поножах есть приспособления для закрепления ремешков.

исследователи пришли к заключению, что такой войны не было совсем. Точно известно, что ни одна из сторон в ходе войны ничего не выиграла — и в этом смысле Латинскому Союзу повезло больше. Война продлилась только три года, а за ней последовала борьба за главенствующее положение между Римом и его союзниками. Основной конфликт начался в 328 г. и продолжался, с шестилетним перерывом, до 290 г. Хотя исторические данные об этих годах можно считать небогатыми, со свидетельствами археологии дело обстоит значительно лучше, особенно в том, что касается оружия. Некоторую проблему представляют частые трудности с датировкой предметов, но они не мешают получить представление о том, как мог выглядеть самнитский воин. Ливии оставил подробный рассказ об армии самнитов, в котором он говорит, что делилась она на две части: у одной щиты были золотые, а у другой — серебряные. «Серебряные щиты» носили белые льняные туники, и у них были серебряные ножны и серебряные перевязи к ним. У «золотых щитов» были многоцветные туники, золотые ножны и перевязи. У воинов имелись нагрудные пластины, которые Ливии называет «губчатыми» (*spongia*). Это можно было бы трактовать как кольчугу, хотя такое определение и является анахронизмом. У самнитских воинов был шлем с гребнем и поножи на левой ноге. Далее Ливии

описывает их щит, говоря, что был он широким и плоским наверху, для того чтобы защищать грудь и плечи, но книзу сужался. У этого описания нет ничего общего с данными, которые предоставляют нам археология и изобразительное искусство того времени, а следовательно, тому, кто хочет получить реальное представление о самнитском воине, на него полагаться не стоит. В данном случае следует подвергнуть сомнению целый кусок из «Истории» Ливия. Он совершенно нелепым образом заявляет о том, что серебряный и золотой отряды, которые заставляют вспомнить о македонских боевых единицах, были созданы специально для кампании 309 г. По поводу всего остального описанного Ливием снаряжения можно было бы отметить, что воспроизводит он облик так называемых самнитских гладиаторов своего времени. До нас дошли скульптурные изображения этих гладиаторов, которые носили овальный skutum со срезанной верхушкой. К сожалению, абсолютно достоверных изображений самнитских воинов не существует. Те самниты, что переселились на побережье, тесно контактировали с греками, а потому их вооружение несет на себе сильный отпечаток греческого влияния. Известны сотни изображений береговых самнитов; проблема состоит в том, что трудно определить, какие элементы их вооружения греческие, а какие — самнитские. Практически у всех этих воинов аргивский щит, однако роспись из Капуи изображает всадника, держащего в руке отчетливо различимый skutum, который он явно только что захватил. На фрагментах фрески из Неаполя видны сражающиеся воины с большими овальными щитами, лишенными той широкой внутренней кромки, что характерна для аргивских щитов. Описывая построение к битве при Аскуле в 279 г., Дионисий Галикарнасский использует для названия самнитских щитов слово «thureos» — то же самое, что и для ранних римских щитов, которые Ливий называет словом «скутум». Саллюстий пишет, что во времена поздней республики самниты из Лукании пользовались сплетенными из лозы щитами, обтянутыми овечьими шкурами. Такой щит, похоже, представлял собой облегченный вариант skutuma. Несмотря на то что самниты, жившие на побережье, бесспорно, пользовались аргивским щитом, имеющиеся у нас немногочисленные данные указывают на то, что на территории самого Самния и на высокогорьях Лукании в употреблении был skutum. На частично сохранившейся фреске из Неаполя изображены и дротики с петлями для метания. Воинов обычно изображали с двумя дротиками. Иногда они довольно длинные, что дает возможность поспорить, не копьё ли это. Самый простой ответ заключается в том, что если их два, то хотя бы один должен быть метательным. Время от времени встречаются изображения лишь одного предмета, и вот тогда это, без сомнения, копьё. Настенные

росписи подтверждают, что основными типами наконечников, известными по находкам в Альфедене и Камповалано (включая четырехгранный и трехгранный тип), продолжали пользоваться и в IV в. На фрагменте росписи гробницы в Неаполе можно увидеть четкое изображение наконечника трехгранного типа. Там же изображен и копис, что весьма необычно, потому что на других фресках, где присутствуют воины, мечей нет совсем. Все изображенные воины носят широкие пояса и шлемы, обычно аттического типа, украшенные гребнем и перьями. На некоторых имеются поножи — они встречаются даже на изображении всадника, — на других есть защитные пластины. Они обычно треугольные по форме и украшены рельефным изображением трех дисков. На фреске с «возвращающимися воинами» изображены квадратные нагрудные пластины, но это единичный случай. На этой же фреске присутствуют изображения штандартов в виде флагов, которые известны по вазовой живописи; их могли нести как пешие воины, так и всадники. Отдельного упоминания заслуживает один уцелевший с тех времен экземпляр. В 1859 году Лувр приобрел маленькую бронзовую статуэтку воина, который соответствует всем разобранным выше характеристикам: у него шлем аттического типа с отверстиями для гребня и перьев, кираса с тремя дисками, широкий пояс и поножи. К сожалению, у него не осталось ни дротиков, ни щита. Эту статуэтку, как полагают, нашли на Сицилии; она очень примитивна и явно не имеет ничего общего с работами греческих мастеров. Тот факт, что ее действительно могли найти на Сицилии, особенно серьезного значения не имеет, поскольку она могла попасть на остров с одним из самнитских наемников. Все говорит о том, что это единственное сохранившееся до нашего времени достоверное изображение самнитского воина. Так можно подтвердить, а иногда и уточнить информацию, которую предоставляют нам живопись и скульптура, сопоставив ее с данными археологии. По всей центральной и южной Италии находят множество широких бронзовых поясов. Что бы ни носил самнит, кампанец, луканец или апулиец, на нем всегда был пояс, который являлся, кажется, прямо-таки символом взрослого мужчины. В ширину такие пояса были от 8 до 12 см и застегивались на два крючка, которые входили в отверстия на противоположной стороне. На поясах обычно было три пары таких отверстий, так что подогнать его по фигуре не составляло большого труда. Крючки, как правило, крепились при помощи пластинки в виде пальмового листа, которая приклепывалась к поясу. Хотя разнообразие форм таких пальмовых листьев было велико, большинство крючков подпадает под этот общий тип. Известно несколько экземпляров длинных и узких крючков, которых в таком случае было не два, а четыре или пять. Иногда пластинка принимала антропоморфную форму; есть несколько красивых образцов, где

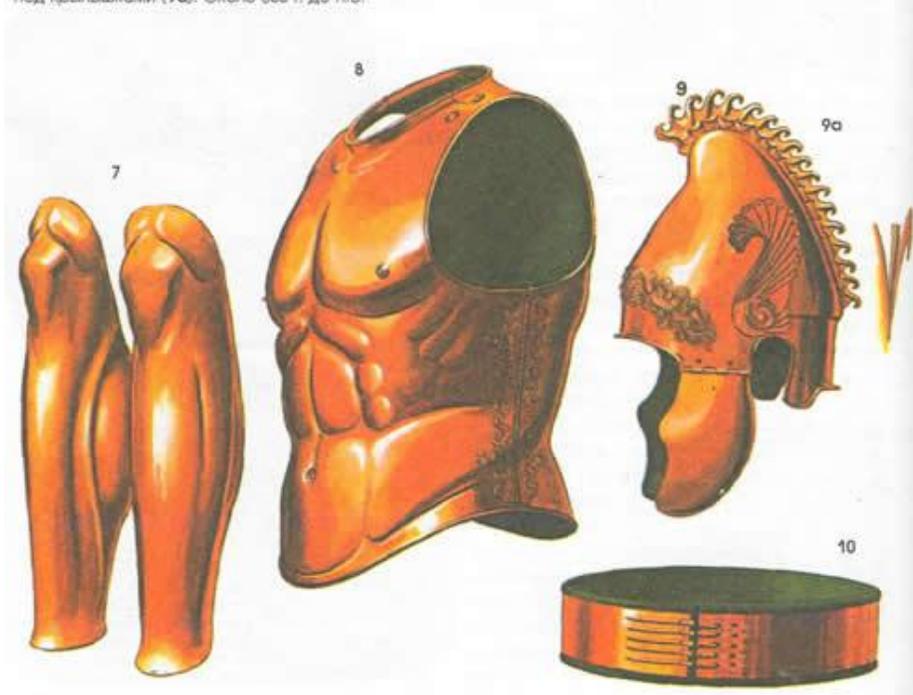
крючку была придана форма слоновьей головы с хоботом. Их датируют временем сразу после окончания войны с Пирром.

1—3 — реконструкция доспеха из Пестума, Лукания, ок. 300 г. до н.э. Он состоит из трехдискового панциря, атического шлема с крыльшками и держателями для перьев и самнитского пояса. Музей Пестума.

4 — конический шлем из Апулии, который находится сейчас в Неаполитанском музее. 5 — итало-коринфский шлем из Мельфи, Апулия. 6 — изображение воина в итало-коринфском шлеме с саркофага амазонок в Тарквиниях.

7—10 — реконструкция доспеха из Канверсано, в Апулии. Музей Бари. На шлеме атического типа есть держатели для перьев, спрятанные под крыльшками (9а). Около 350 г. до н.э.

В нескольких случаях отверстие на противоположной стороне пояса меняли на колечко, также прикрепленное к поясу при помощи

пластинки в виде пальмового листа (3). Пояс подбивали кожей, которая была прошита, как на изделиях времен греческой архаики. Археологам хорошо известны трех-дисковые панцири, изображения которых встречаются на многих кампанских вазах. Сейчас их существует в мире примерно 15 штук, включая один из Альфедены, расположенной на центральном плоскогорье, и еще один — из Пестума в Лукании. Следовательно, пользовались ими как в Самнии, так и на побережье. Приведенный в этой книге экземпляр обнаружен в Альфедене. Он полный, за исключением одной утраченной наплечной пластины, и очень показателен, поскольку имеет плечевые и боковые пластины, крепившиеся к передней и задней пластинам при помощи колец и крючков. Плечевые пластины (в тех случаях, когда они сохранились) соединяются петлями в центре. (Те пластины, что на образце из Карлсруэ — декоративные, поскольку они слишком коротки и не достают до наспинной пластины.) Наплечники двух панцирей из Неаполя не только соединяются петлями в центре, но и прикрепляются к передней и задней пластинам при помощи петель. У верхней кромки передней и задней пластин всегда имеется приклепанная к ним для усиления полоска бронзы. Известно несколько

богато украшенных образцов панцирей этого типа. Самый красивый из них был найден в гробнице Ксур-эс-Сад в Тунисе. Возможно, его захватил с собой обратно в Африку один из солдат Ганнибала. Происхождение этого типа достаточно туманно. Он должен быть каким-то образом связан с круглыми нагрудными пластинами, какие носили в VI в. до н.э. На вазах его начали изображать с середины IV в., а наиболее ранний из поддающихся датировке доспехов — тот, что из Альфедены, — не мог быть изготовлен раньше конца IV в. На панцире из Лувра только два диска, но это мистификация, поскольку правый диск был удален, а по кромке среза пробиты отверстия для креплений, что должно было придать панцирю естественный вид. На самом деле на нем можно увидеть левый и нижний диски с местом для крепления боковых пластин. На верхней стороне левого диска можно разглядеть фрагмент усиливающей пластины, которую помещали на все панцири этого типа. На настенной росписи из Пестума, известной под названием «Возвращение воинов», изображены люди с квадратными нагрудными пластинами, которые украшены изображением рельефных мускулов торса. Несколько образцов такого доспеха дошло и до наших дней. Наиболее сохранившиеся нагрудная и наплечные пластины хранятся в Британском музее и показаны здесь на иллюстрации. Панцирь этого типа можно полностью реконструировать, воспользовавшись этим экземпляром и фреской из Пестума. Длина его составляет всего 29 см, что значительно меньше того, что необходимо для торса обычного мужчины. Такой же размер и у всех остальных образцов; на основании этого можно сделать вывод, что ни грудные, ни брюшные мышцы, изображенные на доспехе, не должны были соответствовать реальным мышцам владельца. Задачей двух пластин было защитить грудь и спину воина выше широкого пояса — так, как показано это на фресках. Наплечные пластины, без сомнения, аналогичные тем, что были у трехдискового панциря, прикреплялись к передней и задней пластинам при помощи колец, а боковые пластины, которые видны на фресках, закреплялись у задней пластины петлями и к передней пристегивались крючками. Ширина этих боковых пластин определялась шириной петель и составляла 11,5 см. На нескольких экземплярах петель сзади нет, а следовательно, боковые пластины на них были отдельными. Все пластины подбивались кожей, которая заворачивалась на внешний край и там закреплялась. Следы этого крепления можно разглядеть и сейчас. Датировка таких панцирей очень затруднена из-за отсутствия точной информации об их происхождении. Настенную роспись из Пестума можно датировать временем, когда город был занят самнитами, т.е. 390—273 гг. до н.э. Большинство ученых относит эти панцири к более раннему времени — вероятно, к первой половине IV в.

Украшение в виде изображения мускулов является, несомненно, результатом греческого влияния и перешло на них с анатомических панцирей. Однако такие же панцири, но без подобного украшения, впервые появились где-то на центральных возвышенностях Италии; они местного происхождения, и римляне продолжали носить их еще во времена Полибия.

Замечательно декорированный трехдисковый панцирь из гробницы в Ксур-эс-Сад, Тунис. Сейчас находится в музее Бардо. Тунис. Он, несомненно, был изготовлен южноиталийскими мастерами. Очень похожий экземпляр имеется в Неаполе.

В Неаполе находятся сейчас два более поздних экземпляра, восходящие, вероятно, ко времени самнитских войн. На первый взгляд они

кажутся «анатомическими» панцирями, но на деле слишком малы для этого и требуют дополнительных наплечных и боковых пластин. До наших дней дошло много самнитских шлемов. Их легко узнать благодаря держателям для перьев. Обычно они представляют собой видоизмененный греческий халкидский шлем с прикрепленными на петлях нащечниками, но без защитной пластинки для носа. В дальнейшем этот тип будет фигурировать под названием самнитско-аттический. Его переняли у греков побережья, а затем он начал медленно проникать в глубь страны, однако большая часть находок все же приходится на прибрежные районы. На сцене появляется еще один тип шлема. В течение IV в. до н.э. по всей Италии стал постепенно входить в употребление монтефортинский тип кельтского шлема, несколько экземпляров которого обнаружили в центральном горном районе. Прекрасный экземпляр такого шлема с зубчатыми нащечниками и железным держателем для перьев с пятью трубками находится сейчас в Лувре. Нащечник, один из нескольких, что нашли в Бовиане, в самом центре Самния, по виду идентичен панцирям с тремя дисками. На кельтских шлемах монтефортинского типа нащечники того же типа, за исключением петель — на кельтских всегда имеется только одна металлическая петля на каждой стороне, которая образует соединение, а на данном экземпляре — соединение из пяти петель. Это означает,

Вождь сенонов. Ок. 300 г. до н.э. На переднем плане изображен вождь в искусно сделанном шлеме. Несколько экземпляров таких шлемов было обнаружено в некрополе в Монтефортино, откуда и пошло наименование этого типа. Должно быть, их носили только вожди. Эти шлемы изготовляли целиком из железа или из железа и бронзы, хотя известно несколько штук, сделанных целиком из бронзы. На изображенном здесь шлеме вождя имеется составной железный держатель для гребня, который прикреплялся к макушке. Простые воины, изображенные на втором плане, сражались обнаженными. Именно сеноны разгромили Рим в начале IV столетия и с тех пор представляли для него постоянную опасность. Чуть более века спустя римляне вторглись на их земли в пограничных областях близ Ариконы и вытеснили их за пределы Италии.

что произошел он, вероятно, от аттических шлемов. Два выступа А — А, что выходят из сторон панциря для того, чтобы закрепить на них застежки боковых пластин, появляются и на нащечниках, но никакой практической функции не несут. Из этого следует вывод, что сначала появились панцири, а не наоборот. Вывод этот очень важен, так как всегда считалось, что такой тип нащечников — кельтского происхождения. Важно отметить, что эти выступающие фрагменты «трехдисковых» нащечников были первым элементом, от которого кельты отказались. Все поножи, которые можно разглядеть на уцелевших рисунках, относятся к классическому греческому типу и были скорее всего заимствованы у греков с побережья. Как и шлемы, они медленно просачивались в глубь страны, где факт их применения подтверждается луврской бронзовой статуэткой самнитского воина. На экземплярах, обнаруженных в Лукании и Апулии, сохранились колечки, к которым привязывались ремешки, фиксировавшие поножи на ноге. Римляне позднее пользовались этим же способом. В Лукании было обнаружено несколько полных комплектов доспехов. Один из них сейчас находится в лондонском Тауэре. Он состоит из шлема с крылышками, квадратных нагрудной и наспинной пластин, поножей и пояса. Это старая находка, и сейчас невозможно сказать о ней ничего, кроме того, что она из Лукании. Поножи, которые можно отнести к позднеархаическому типу, хотя сделали их, конечно, гораздо позже, имеют сзади завязки. Шлем — аттического типа, с крылышками из тонкой листовой бронзы, держателями для перьев в виде свернувшихся змей и поднятым основанием для гребня. Он очень похож на тот шлем, что носит всадник из Капуи, изображенный на рис. Датировать такой доспех можно первой половиной IV в. Второй доспех, состоящий из крылатого шлема, «трехдискового» панциря и пояса, нашли недавно в Пестуме. Как и на предыдущем экземпляре, у шлема есть крылышки из тонкой листовой бронзы и трубочки-держатели для перьев, размещенные за ними. Как шлем, так и панцирь несут на себе отпечаток общего упадка и, возможно, датируются временем римского завоевания, т.е. ок. 273 г. до н.э. Апулийцы находились под значительно большим влиянием греков, нежели их родичи на западном побережье Италии. Замечательный доспех, который нашли в Конверсано, близ Бари, состоит из пары позднеклассических греческих поножей, греческого анатомического панциря, украшенного крылышками шлема и, конечно, самнитского пояса. Волнообразный узор по бокам панциря, который часто встречался у самнитов, сочетался с гребенкой в виде волн на шлеме, которая служила основой для гребня. Такой шлем был промежуточным вариантом между самнитско-аттическим и фракийским типами. Как и на остальных шлемах, крылышки на нем сделаны из листовой

бронзы и имеют закрепленные позади держатели для перьев. Датировать этот доспех можно концом IV — началом III в. до н.э. В Апулии были популярны и другие греческие стили. Там находят конические шлемы IV в., изображения которых часто присутствуют и в местной вазовой живописи. Похоже, что именно в этих местах появился в VI в. до н.э. так называемый итало-коринфский шлем. В этой местности, кроме греческого и самнитского, ощущалось и сильное кельтское влияние. Когда бы ни вторгались кельты в центральную Италию, а в IV в. они проделывали это регулярно, заканчивалось вторжение обычно на пшеничных полях Апулии. Возможно, что некоторые из них даже поселились там. Известно несколько шлемов смешанного типа с этой территории, а в могиле середины III в. до н.э., раскопанной в Канозе, нашли одновременно и анатомический панцирь, и кельтский шлем. Итак, в заключение можно сказать, что южноиталийский горец IV в. до н.э. являл собой легковооруженного метателя дротиков или копейщика с легким ростовым щитом, близким skutumu. Вероятно, шлемы и широкие пояса были у всех воинов, в то время как металлические панцири и поножи имелись лишь у наиболее состоятельных классов. Бесполезно пытаться выделить какие-нибудь сведения об организации или тактике самнитов из беспорядочного нагромождения противоречивой информации, которую дают Ливии и Дионисий. Ливии называет подразделения самнитской армии легионами, в то время как Дионисий именуется их боевой строй фалангой, что никак не проясняет ситуацию. Скорее всего ни тот ни другой не имели реальной информации о том, как назывались части армии самнитов, а потому воспользовались привычной терминологией. Вооружение самнитов говорит о том, что сражались они скорее всего свободным строем, а их способность обойти римлян в бою или обогнать на марше подтверждает, что они были значительно легче вооружены и менее плотно построены, чем легионы или греческая фаланга. Может показаться удивительным тот факт, что самниты, выходцы из горного края, были лучшими в Италии всадниками. Равнины Кампании взрастили мощную конницу, которая в конце III — начале II вв. до н.э. формировала костяк конных соединений римлян. Эти всадники изображены на нескольких кампанских и северолуканских росписях. Еще одно замечательное изображение существовало в Капуе, но, к сожалению, оно пострадало в ходе Второй мировой войны. Лошадь на этом рисунке снабжена наглавником, украшенным перьями. На другом рисунке, из Пестума, на коня надета какая-то разновидность нагрудника. В Неаполитанском музее есть обе разновидности защитных доспехов для лошади. Всадники на изображениях вооружены точно так же, как и пешие воины, — на некоторых даже есть поножи в виде защитных браслетов на лодыжках. Это достаточно

примечательная черта, учитывая, что у нас нет никакой информации о том, чтобы всадники или пехотинцы носили какие-либо защитные браслеты на

Вождь сенонов. Ок. 300 г. до н.э. На переднем плане изображен вождь в искусно сделанном шлеме. Несколько экземпляров таких шлемов было обнаружено в некрополе в Монтефортино, откуда и пошло наименование этого типа. Должно быть, их носили только вожди. Эти шлемы изготавливали целиком из железа или из железа и бронзы, хотя известно несколько штук, сделанных целиком из бронзы. На изображенном здесь шлеме вождя имеется составной железный держатель для гребня, который прикреплялся к макушке. Простые воины, изображенные на втором плане, сражались обнаженными. Именно сеноны разграбили Рим в начале IV столетия и с тех пор представляли для него постоянную опасность. Чуть более века спустя римляне вторглись на их земли в пограничных областях близ Ариконы и вытеснили их за пределы Италии.

руках.

Кельты

Кельты расселились почти по всей Западной Европе из южной Германии. К началу V в. до н.э. они жили на территории современной Австрии, Швейцарии, Бельгии, Люксембурга, в отдельных частях Франции, Испании и Британии. В течение следующего столетия они перешли через Альпы и вторглись в северную Италию. Первым племенем, которое прибыло в долину реки По, были инсубры. Они поселились в районе Ломбардии, сделав своей столицей Милан. За ними последовали племена бойев, лингонов, кеноманов и другие, которые завоевали большую часть долины р. По и в конечном счете вытеснили этрусков обратно за Апеннины. Последним из прибывших племен были сеноны, которые спустились к Адриатике и обосновались в прибрежной зоне к северу от Анконы. Это было то самое племя, что разграбило Рим в начале II в. Название «кельты», которым мы пользуемся сегодня, пришло из греческого языка — «kel-toi», однако римляне именовали народ, пришедший из долины По и Франции, галлами (Galli). В течение IV в. кельты начали продвигаться на Балканы, а в начале III в. не преминули воспользоваться отсутствием в то время сильной власти в Македонии и Фракии. Опустошив обе страны, они вторглись в Малую Азию и наконец осели в Галатии. Эти последние племена обычно называют галатами. В течение IV в. галлы постоянно совершали опустошительные набеги на земли центральной Италии. Этрускам, латинам и самнитам обычно удавалось их оттеснить, и они стекались в Апулию, где, возможно, основали постоянные поселения. Ни с одной другой народностью не обращались римляне так, как с кельтами. Они систематически устраивали их массовые избиения в северной Италии, Испании и Франции. Отвоевывание у кельтов долины По, которое произошло после войны с Ганнибалом, сопровождалось такой жестокостью, что в середине II в. до н.э. Полибий мог сказать, что кельты остались лишь «в немногих местах за Альпами». Большая часть наших сведений о кельтах исходит, к сожалению, от их врагов — греков и римлян. Диодор, сицилийский историк, живо описывает разноцветную одежду воинов, длинные усы и волосы, которые кельты мочили в известке для того, чтобы они стояли торчком, подобно конской гриве. Поначалу римляне дико боялись кельтов, казавшихся великанами по сравнению с ними. Однако с течением времени, узнав слабые места кельтов и научившись пользоваться ими, римляне стали относиться с презрением к буйным варварам. Этот подход очень точно отражается в рассказе Ливия о кельтских войнах.

Однако, сколь бы ни велико было это презрение, при наличии хорошего полководца кельты были прекрасными воинами. Именно они составляли половину армии Ганнибала, которая в течение 15 лет

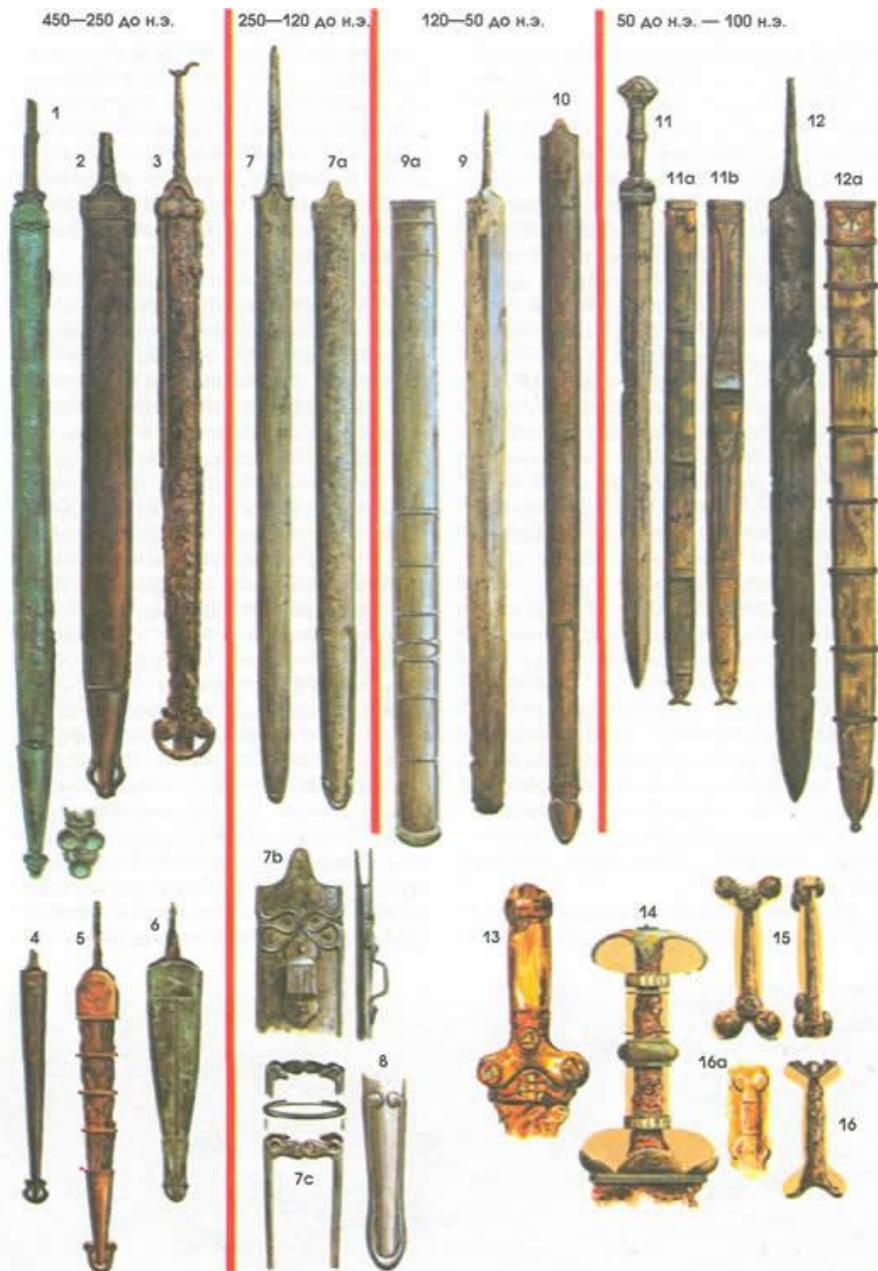
1 — скульптурные изображения с арки, которая находится в Оранке, на юге Франции. На них можно разглядеть карнижы, флаги и штандарты с изображенными животнык. Последние два предмета были позднее введены в римской армии.
 2 — голова карнижса, наиболее распространенной формы кельтской трубы, из Десфорда, Шотландия (см. Гундеструтский котел на предыдущей странице).
 3 и 4 — наконечники копий, украшенные узором. Это обычная находка среди предметов, принадлежавших кельтам; возможно, они использовались на штандартах. Сравните их со значком бенефициария на стр. 221.
 5 — скульптуры из Бормио в северной Италии, изображающие кельтских знаменосца и горниста. На гробнице римского знаменосца III в. н.э., обнаруженной в Карраубурге, близ Адрианова вала, изображен щит, практически идентичный тому, что был у знаменосца из Бормио.

одерживала верх над легионами Рима. Позднее римляне осознали ценность этих людей, и они столетиями пополняли ряды их армии. Большинство ранних обществ, не исключая архаическую Грецию и Рим, имеет отдельный класс воинов. Не были в этом смысле исключением и кельты. Их воины были выходцами из социальных групп, которые можно охарактеризовать как средние и высшие слои общества. Именно они сражались в битвах, в то время как бедняки, по словам Диодора, служили оруженосцами либо правили колесницами. Кельт был воином в героическом смысле этого слова. Он не слишком ценил свою жизнь. Он жил ради войны, однако свойственное ему безудержное восхваление храбрости вкупе с отсутствием дисциплины часто приводило к поражению. В пятой книге своего труда Диодор приводит подробное и, возможно, довольно точное описание кельтского воина. Однако следует помнить, что между первым столкновением Рима с кельтами в битве при Аллии и завоеванием Галлии Цезарем — временем, когда писал Диодор, — прошло 350 лет. За это время многое изменилось как в оружии, так и в тактике. Здесь приводится краткое изложение Диодорова описания, которое иногда выглядит анахроничным, а затем будет рассказано и об этих изменениях. Итак, кельтский воин, по Диодору, был вооружен длинным мечом, носимым на цепи на правом боку, а также копьем или дротиками. Хотя большинство воинов предпочитали сражаться обнаженными, некоторые носили кольчугу и бронзовый шлем. Последний часто украшали рельефными фигурками, рогами или накладками, изображавшими зверей или птиц. У воина был длинный, в человеческий рост, щит, который мог украшаться рельефными бронзовыми

фигурками. В сражениях против конницы кельты применяли боевые колесницы. Вступая в бой на своей двуконной колеснице, воин сперва метал дротики, а затем, подобно героям Гомера, спускался с колесницы и сражался мечом. Перед битвой воины (Диодор имеет в виду зачинщиков) выступали из строя, потрясая оружием, дабы внушить страх противнику, и вызывали самого храброго из противников на одиночный поединок. Если вызов принимался, зачинщик в подлинно варварском духе мог разразиться песней, в которой он восхвалял дела своих предков, хвастался собственными подвигами и всячески оскорблял противника. Римляне чтили тех своих полководцев, которые принимали вызов и поражали кельтского зачинщика в одиночном поединке. Им предоставлялась честь посвятить лучшую часть своей добычи (*prima spolia*) в храм Юпитера Феретриуса («Податель добычи» или «Несущий победу»). Существовали также *secunda spolia* и *tertia spolia* (вторая и третья часть посвящаемой добычи), что зависело от ранга победителя. Рассказывали, что живший в IV в. Тит Манлий сумел победить в поединке огромного кельта и сорвал с его шеи золотую гривну (торквес), заслужив, таким образом, прозвище Торкват. Наиболее примечательным из всех этих героев был Марк Клавдий Марцелл, который убил в поединке галльского вождя Виридомара в 222 г. до н.э. Он стал затем самым удачливым из всех римских полководцев, что воевали с Ганнибалом во время его италийской кампании. Убив противника, кельтский воин отрезал ему голову и подвешивал ее на шею своего коня. Затем он мог снять с убитого доспех и приказать оруженосцу унести запятнанный кровью трофей, в то время как сам он пел над поверженным врагом боевую песнь. Трофей затем прибывался к стене его жилища, а головы наиболее отличившихся врагов бальзамировались в кедровом масле. Голова консула Луция Постума, убитого кельтами в долине По в 216 г., была выставлена в храме. Раскопки, которые велись в Энтремонте, показали, что отрубленные головы были не просто трофеем, а частью религиозного ритуала — они располагались там в особых нишах вокруг церемониального входа. Перед тем как перейти к подробному описанию кельтского снаряжения, следует сделать несколько общих замечаний по поводу военного дела у кельтов. Все античные авторы сходятся на том, что кельты не слишком ценили стратегию и тактику. Полибий обвиняет их в том, что они не имели ни плана кампании, ни особых суждений о том, как ее следует проводить; он добавляет, что все, что они творили, делалось под влиянием сиюминутных побуждений. Может создаться впечатление, что кельты сражались, подобно какому-нибудь сброду, наваливаясь всей толпой. Однако наличие среди кельтских трофеев штандартов и труб, изображенных на арке в Оранже, может говорить о том, что у них существовала достаточно строгая организация. Цезарь описывает,

как пилумы пронзали сомкнутые щиты кельтов. Это может относиться только к тесному строю типа фаланги. Такое построение в принципе не было свойственно кельтам, а следовательно, они могли использовать разные виды построений. В пользу этого предположения говорит и Полибиево описание битвы при Теламоне. Кельты оказались зажатыми между двумя римскими армиями, а потому построились спина к спине, обратившись на обе стороны так, что глубина строя составила четыре человека. Полибий восхищается этим строем и говорит, что даже в его дни, 75 лет спустя, спорили, у какой из сторон была более сильная позиция. Ни одну из армий кельтов нельзя было атаковать с тыла, и, не имея пути к отступлению, кельты были вынуждены стоять насмерть. Римляне же были напуганы этим безупречным строем, а также диким грохотом и шумом, который издавали кельты. И действительно, у них было бесчисленное множество горнистов и трубачей, и вдобавок все воины одновременно выкрикивали свои боевые кличи. В завершение Полибий говорит, что кельты уступали римлянам только вооружением, поскольку имели менее качественные мечи и щиты. Существует множество изображений кельтских штандартов, горнов и труб. Наиболее распространенная труба называлась «карникс». Это был длинный инструмент, украшенный на конце головой какого-нибудь животного, расположенной под прямым углом к самому инструменту. Они изображены на Гундеструпском котле и на арке в Оранже. Голова карникса была обнаружена в Деск-форде, Шотландия. Первоначально у него были подвижная нижняя челюсть и деревянный язык, который производил глухой рокошущий звук, когда в инструмент дули. Саму трубу от карникса нашли в Таттершалл-Бридж, в Линкольншире. Подтверждает Полибий и использование рога, изображение которого можно встретить на рельефе из Бормио, северная Италия. Горнист на этом рельефе несет круглый щит с вытянутым умбоном, по типу близкий к тому, каким пользовались всадники. Там же есть и знаменосец в рогатом шлеме типа негау и со щитом сложной формы. Подобный щит можно встретить на надгробии римского помощника знаменосца с Адрианова вала. Необычной формы копейное острие со значка из Бормио, а также использование очень по-кельтски выглядевших эмблем, явно восходящих к кельтским копейным наконечникам, в качестве значков бенефициариев в поздней римской армии, подводит нас к заключению, что эти наконечники и были предназначены для штандартов. Несколько экземпляров их было обнаружено в Ла-Тен (3, 4). Сами флажки кажутся близкими римской вексилле, а значки с изображениями животных похожи на те, что были на эмблемах римских легионов. Они изображены на арке из Оранже и не оставляют сомнений в том, что римляне переняли их именно у кельтов. Существовало четыре типа кельтских воинов: тяжелые пехотинцы,

легкие пехотинцы, всадники и бойцы на колесницах. Наличие всех четырех разновидностей засвидетельствовано Полибием. Согласно всем античным источникам тяжелые пехотинцы были в первую очередь мечниками, а легковооруженные — метателями дротиков. Дионисий описывает, как кельты поднимали мечи над головой, вращали ими в воздухе, а затем обрушивали на врага так, будто рубили дрова. Именно это обращение с мечом приводило в такой ужас их противников. Однако римляне вскоре научились справляться и с этим; Полибий сообщает, что они стали принимать первый удар на верхнюю кромку щита, усиленную железной накладкой. От удара по железной кромке меч сгибался, и кельтский воин был вынужден выпрямлять его ногой, что открывало легионеру возможность атаковать временно безоружного противника. Кроме того, легионеры выяснили, что, покуда кельт наносит своим мечом рубящий удар, они могут отразить его щитом и ударить из-под щита в живот.

1—12 — эволюция кельтского меча.
Масштаб 1:8.

1, 2, 3 — мечи и ножны из района Марны во Франции. Музей Сен-Жермен.

4, 5, 6 — кинжалы и ножны из района Марны во Франции. Музей Сен-Жермен.

7 и 7а — меч и ножны из Ла-Тен. Музей Базеля, Швейцария.

7b — обратная сторона 7а, на которой есть петля для подвешивания.

7с — наконечник ножен 7а.

8 — наконечник ножен меча из Франции. Ок. 200 г. до н.э.

9 и 9а — меч и ножны из Порто.

10 — ножны, которые нашли в Темзе неподалеку от Лондона.

11, 11а и 11b — меч, а также передняя и обратная стороны ножен из Эмблтона, Камберленд.

12, 12а — меч и ножны из Йоркшира.

13—16 — рукояти мечей.

13 — из Торп-Брайдингтона, Йоркшир.

14 — из Ход-Хилла, Дорсет.

15 — из долины реки Марны, Франция.

16 — из Гальштатта, Австрия.

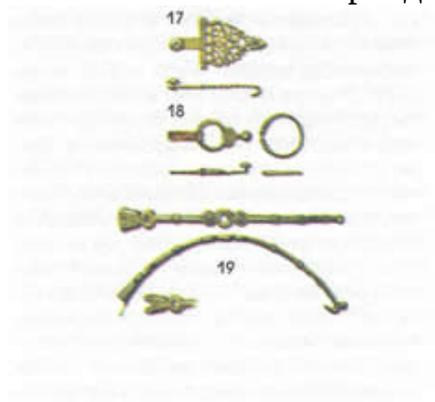
16а — изображение рукояти из Пергама, Турция.

Слова Полибия о том, что меч сгибался чуть ли не пополам — скорее всего преувеличение. Возможно, что такое иногда и случалось, но кельтские

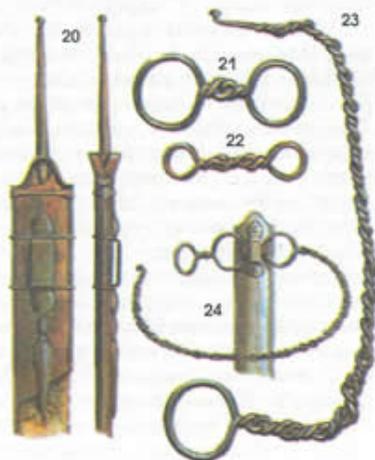
мечи в целом были лучшего качества. Я видел двухтысячелетней древности меч, извлеченный из озера Невшатель и принадлежавший как раз тому времени, о котором пишет Полибий. Его можно было согнуть почти что вдвое, после чего он принимал прежнюю форму. Полибий также упоминает кельтский обычай надевать в битву браслеты. Однако предположение, что тяжелые браслеты того типа, что были найдены в Британии, носили на правой руке, следует оспорить. Вряд ли они удержались бы на руке, особенно на верхней ее части, когда воин вращал мечом. Диодор подчеркивает длину кельтских мечей по сравнению с короткими (вероятно, греческими или римскими). Несколько преувеличенная длина фигурирует и в других античных источниках. Это не совсем так, поскольку во времена кельтского господства, т.е. примерно в 450—250 гг. до н.э., их клинки были достаточно короткими, достигая примерно 60 см — не длиннее тех, какими пользовались в то время этруски и римляне. Более длинные мечи вошли в употребление лишь с конца III в. до н.э., а пользоваться ими продолжали примерно до I в. до н.э. Кельтские мечи находят буквально сотнями, и в данном издании представлена лишь небольшая их часть. Все мечи разделены согласно принятой системе периодизации латенского периода и имеют соответствующую датировку. Мечи фазы латен I (450—250 гг. до н.э.) имеют длину клинка от 55 до 65 см. Исключение представляет собой 1, у которого она достигает 80 см. Все эти мечи обоюдоострые, с заостренным кончиком и принадлежат к колюще-рубящему типу. Самой характерной чертой этого раннего оружия является особая форма наконечника ножен. В это время были широко распространены кинжалы, форма лезвия которых варьировалась от широкой, близкой к треугольной, до практически стилетной; длина лезвия составляла около 25—30 см. В течение фазы латен II (ок. 250—120 гг. до н.э.) мечи превратились в оружие, которым пользовались для нанесения рубящих ударов. Кончик меча стал закругленным, а длина лезвия постепенно увеличивалась, пока клинки не достигли 75—80 см. Вес такого меча вместе с рукоятью достигал примерно 1 кг. Хотя на Балканах продолжали пользоваться старой формой наконечника ножен, в Западной Европе она стала больше следовать контуру самого меча. Из озера у деревни Ла-Тен в Швейцарии их извлекали буквально сотнями, и хотя можно выявить местные различия, которые сказывались главным образом на форме ножен, латенский тип вполне отражает характерные черты мечей того периода. Ножны (обычно железные) делались из двух пластин. Передняя, которая была чуть шире задней, загибалась вокруг нее по краям. Ножны усиливались декоративной накладкой наверху и наконечником, который укреплял всю конструкцию снизу. Во время фазы латен III (120—50 гг. до н.э.) длина клинка продолжала увеличиваться. У некоторых из найденных

образцов она достигает 90 см. Хотя еще продолжали существовать мечи с заостренным кончиком, преобладать стал скругленный на конце тип. Длинные ножны, которые показаны в этой группе, найдены в Британии. Форма ножен явно восходит к латенской культуре, однако их значительная длина — около 84 см — предполагает, что отнести их следует к более позднему периоду. Завоевание Галлии Цезарем в 55 г. до н.э. положило конец победному шествию кельтских воинов по Европе.

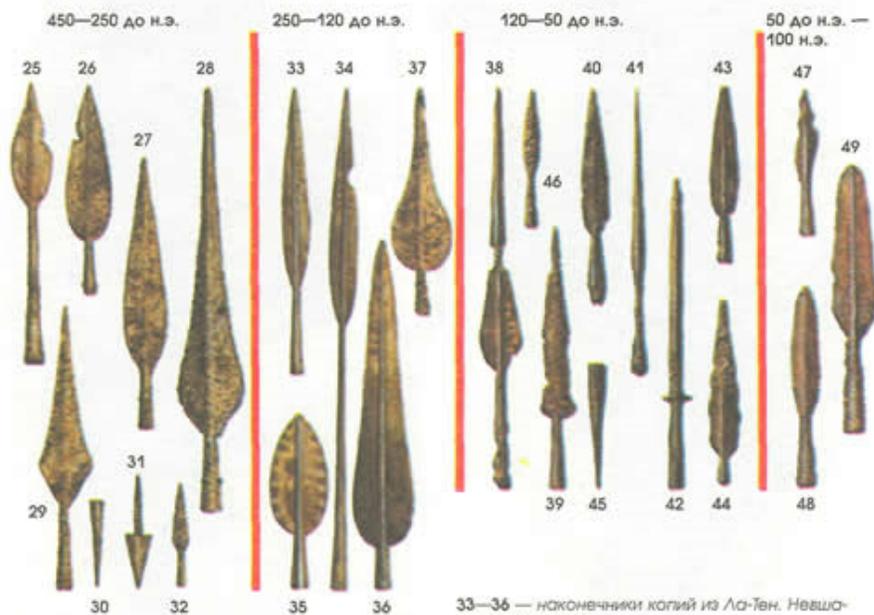
В Британии кельтская субкультура продержалась еще 150 лет. Клинки мечей этого периода (фазы латен IV) обычно короче,

17—19 — кельтские застёжки для пояса. Все они с кожаных поясов.
17 — из Эсте в северной Италии. IV — III вв. до н.э. Музей Эсте.
18 — из Ла-Тен, III — II вв. до н.э. Невшательский музей.
19 — застёжка I в. до н.э. Центральный римско-германский музей, Майнц.
20 — обратная сторона ножен из северной Италии, на которой видна петля для подвешивания. Миланский музей.
21, 22, 23 — части цепей (или поясов) для мечей из Ла-Тен.

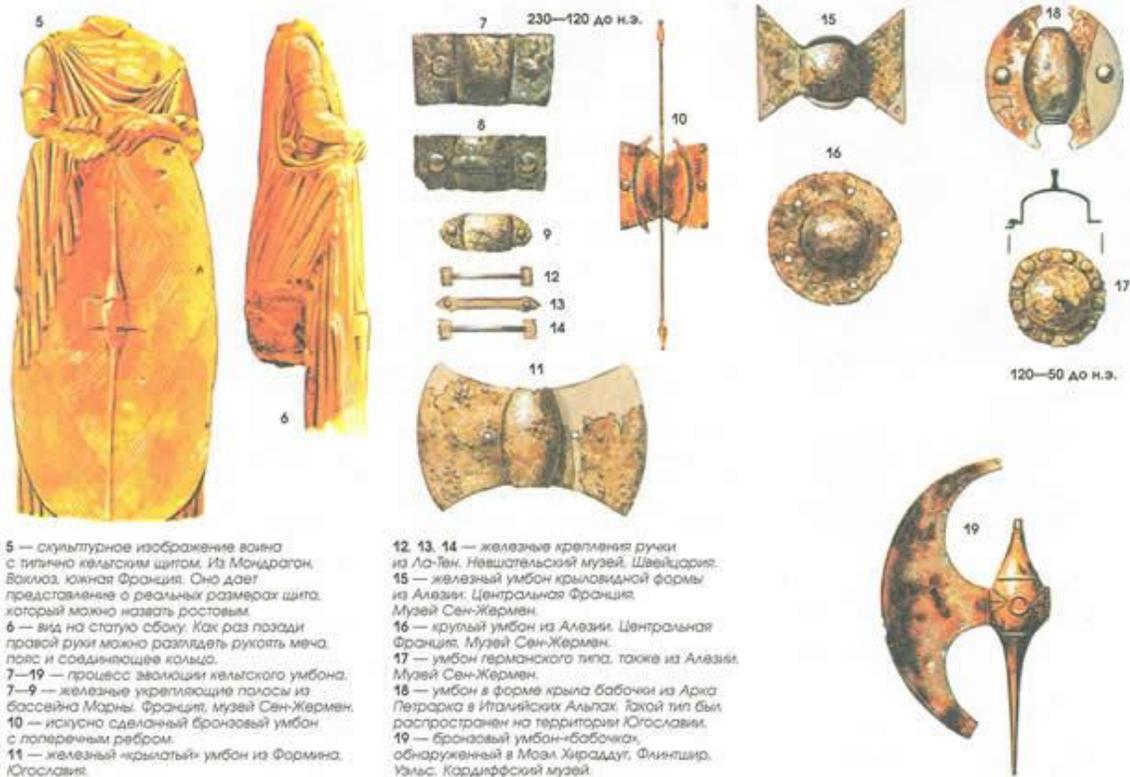

24 — способ подвешивания меча: длинный кусок цепи (23) присоединялся при помощи ремешка к более короткому куску; ремешок при этом проходил через петлю на ножнах. Меч помещался на правое бедро, цепь оборачивалась вокруг пояса и застегивалась впереди на крючок.

25—49 — кельтские наконечники копий и дротиков.
25—29 — наконечники копий.
30, 31 — подтоки копий.
32 — наконечник дротика.
Экземпляры 26, 29 и 30 — из бассейна Марны во Франции. Музей Сен-Жермен; 38 — из северной Италии. Происхождение 25, 27, 31 и 32 неизвестно. Сейчас они находятся в музее Сен-Жермен.

33—36 — наконечники копий из Ла-Тен. Невшательский музей.
37 — наконечник копья из бассейна Марны во Франции. Музей Сен-Жермен.
38—44 — наконечники копий, обнаруженные в процессе раскопок на месте Алезии, где Цезарь осаждал Верцингетора. Центральная Франция. Музей Сен-Жермен.
45 — подток копья из Алезии. Музей Сен-Жермен.
46 — наконечник дротика из южной Британии.
48, 49 — наконечники копий из Камвлана, Шотландия.

5 — скульптурное изображение воина с типично кельтским щитом. Из Мондрагон, Воклюз, южная Франция. Оно дает представление о реальных размерах щита, который можно назвать ростовым.
6 — вид на статую сбоку. Как раз позади правой руки можно разглядеть рукоять меча, пояс и соединяющее кольцо.
7—19 — процесс эволюции кельтского умбона.
7—9 — железные укрепляющие полосы из бассейна Марны, Франция, музей Сен-Жермен.
10 — искусно сдвоенный бронзовый умбон с поперечным ребром.
11 — железный «крылатый» умбон из Формена, Югославия.

12, 13, 14 — железные крепления руки из Ла-Тен, Невшательский музей, Швейцария.
15 — железный умбон крылатой формы из Алезия, Центральная Франция, Музей Сен-Жермен.
16 — круглый умбон из Алезия, Центральная Франция, Музей Сен-Жермен.
17 — умбон германского типа, также из Алезия, Музей Сен-Жермен.
18 — умбон в форме крыла бабочки из Арка Петрарка в Итальянских Альпах. Такой тип был распространен на территории Югославии.
19 — бронзовый умбон-бабочка, обнаруженный в Мозе Херрадуг, Фландрия, Уэльс, Кардифский музей.

чем были раньше, в пределах 55—75 см. Типичным образцом ножен того времени могут служить те, что нашли в Эмблтоне в Камберленде (Па), с характерным раздвоенным кончиком. Рукояти мечей, которые делались из дерева, кожи или других нестойких материалов, до наших дней практически никогда не сохраняются. Традиционная рукоять была Х-образной формы, своего рода отголосок ранних «антенных» типов гальдтаттского периода. Такая рукоять изображена на победном фризе в Пергаме среди других трофеев, взятых у галатов (16а). Подобная же форма легко угадывается у рукояти более раннего меча из Гальптатта в Австрии (16) и у меча фазы латен II из Сен-Мор леФосс из долины р. Марны во Франции (15). Рукоять меча из Торп-Брайдлингто-на в Йоркшире (13) относится к более позднему времени, но все еще несет в себе отголоски традиционной формы. Иногда такие рукояти делались в форме человеческой фигурки с поднятыми вверх руками. На более поздних рукоятях латен IV часто сказывалось сильное римское влияние, как на экземпляре из Ход-Хилла в Дорсете. Диодор сообщает, что кельты носили мечи на правом боку, на железной или бронзовой цепочке. Много обрывков таких цепочек действительно находят вместе с ножнами. Длина этой цепи была обычно 50—60 см, на одном ее конце имелось кольцо, а на другом — крючок (см. рис. 23). Обычно к ней прилагался еще кусок цепочки, чем-то напоминающий конские удила (21, 22). Описание Диодора в этом месте несколько неверно, поскольку это были

не части цепи-перевязи, а части пояса, на котором, собственно, и висел меч. Более длинный кусок цепи образовывал заднюю и левую части пояса; к кольцу прикреплялся ремешок, который проходил через петлю на задней стороне ножен (24) и затем привязывался к одному из двух колец на коротком куске цепочки. Получившийся пояс застегивался затем на оставшееся кольцо при помощи крючка. Пояса обычно изготавливали из кожи; в этом случае к ножнам точно так же прикреплялись два кольца, а на смену длинной цепи приходил кожаный ремень с застежкой. Несколько образцов таких застежек вместе с кусками кожаных поясов, к которым они крепились, было извлечено из озера у Ла-Тен. Обычно они делались в виде крючка, который пристегивался к кольцу на другом конце пояса. Более ранние застежки представляли собой треугольные пластинки, зачастую богато украшенные, с язычком на одном конце, который крепился к кожаному поясу; на другом конце пояса был крючок (17). Относящиеся к латен II образцы из Ла-Тен значительно проще — кольцо и крючок. Позднее крючок с кольцом развились в более распространенный крючок с пластиной. На третьей фазе латенского периода крючок зачастую бывал очень длинным, иногда даже из нескольких частей с соединявшими их петлями. Однако его оформление четко свидетельствует, что произошел он от застежек предшествующего периода (19). Кельты славились прежде всего как мечники, однако у Диодора присутствует описание их копий. Наконечники копий и дротиков постоянно встречаются и в воинских захоронениях. Это создает некоторую проблему, поскольку наличие копья должно свидетельствовать о том, что меч не был главным оружием кельтов. Однако это противоречит всем античным источникам. Некоторые полагают, что наконечники копий, найденные в погребениях, на самом деле принадлежали дротикам. Но, не говоря уже о том, что некоторые из этих наконечников слишком велики для дротиков, в Ла-Тен было обнаружено три полных копья — и наконечники, и подтоки. Их длина составляет 2,5 м, что никак

Кельтский вождь из Галлии времен Цезаря. На нем железный шлем и кольчуга. На правом боку висит длинный меч. В это время мечи могли достигать одного метра в длину. Позади него — кельт из Британии; его волосы вымазаны известкой, а кожа разрисована синей краской, полученной из вады. У большинства кельтов не было доспехов. Они мазали волосы известкой и зачесывали их ото лба назад так, чтобы они падали на лошадиную гриву. Изображения кельтов с такой причёской встречаются на множестве монет. Стремление заставить волосы стоять дыбом, как у разъяренного зверя, восходит к первобытным временам и, возможно, объясняет возникновение гребня из канского волоса на шлемах. Римляне относились к кельтам особенно жестоко. Они систематически уничтожали их в северной Италии, Испании и Франции. Отсоединение у кельтов долины р. По, которое провели римляне вскоре после войны с Ганнибалом, существенно сузило сферу обитания кельтских племен.

не соответствует дротику. Еще больше запутывает дело тот факт, что наконечники у всех этих копий сравнительно маленькие — значит, из всего числа найденных наконечников копьям может принадлежать значительно больше, чем считалось до этого. Проблема кажется неразрешимой, поскольку для человека с копьем, которое нельзя метнуть, меч может являться только вторичным оружием. Единственное заключение, к которому можно прийти в данном вопросе, состоит в том, что, хотя кельтский воин и

был в первую очередь мечником, он мог сражаться и копьем. Диодор упоминает о наконечниках в локоть длиной (около 45 см) и даже больше. Это не преувеличение: во всех трех периодах встречаются наконечники такого размера. Один гигантский экземпляр из Ла-Тен достигает 65 см (34). Формы наконечников бывают самые разнообразные. Наиболее типичные для кельтов были широкими у древка, а затем, плавно изгибаясь, сужались к острию. Диодор упоминает наконечники дротиков с волнистым острием, которые не только впивались в плоть, но и разрывали ее. Такие наконечники (см. рис. 44) находят как в фазах латен II, так и латен III. Везде, где кельты сталкивались с римлянами, они заимствовали у последних пилум с трубкой, насаживавшейся на древко. Их находят на месте многих кельтских поселений в южной Европе. Возможно, именно этим объясняется замечание Диодора о том, что их наконечники дротиков длиннее, чем мечи других народов. Так что, может быть, наконечник копья из Ла-Тен (34), о котором говорилось выше, на самом деле принадлежал дротику. Диодор сильно преувеличивает, когда говорит, что кельтский щит был высотой с человека. В Ла-Тен нашли остатки трех щитов примерно в 1,1 м высотой. Это довольно показательно, потому что щиты на известных скульптурных изображениях кельтов достают чуть выше пояса, если стоят на земле. Три латенских экземпляра, которые, к сожалению, сейчас распались на кусочки, были изготовлены из дуба. Их толщина в центре составляла примерно 1,2 см и слегка утончалась к краям. На двух из них есть вертикальное ребро италийского типа. На третьем оно не сохранилось. Умбон выпуклый — для того, чтобы рука могла свободно держать рукоять. Последняя делалась из отдельного куска дерева, обычно укрепленного железной полоской, и прибивалась к щиту с внутренней стороны. Поперек выпуклости прибивалась прямоугольная железная пластина, которая должна была обеспечивать дополнительную защиту руки. Щиты этого типа находили также в Дании и Ирландии. Они были покрыты шкурой, и у нас нет оснований сомневаться, что латенские щиты также обтягивались шкурой, а может быть, войлоком — голое дерево трескалось бы от рубящих ударов. Похожие, ничем не обтянутые деревянные щиты находят в корабельных погребениях в Норвегии. Это заставляет задуматься: не делали ли их специально для похорон и других церемоний, как поступали в архаической Греции и Италии? В любом случае, очевидно, необтянутый деревянный щит был бы бесполезен в битве. На тех кельтских щитах, что изображены на победном фризе из Пергама, присутствует, похоже, обтяжка из кожи. Она могла быть на обеих сторонах и удваивалась на кромке для того, чтобы укрепить ее. На экземпляре из Клонура Таунленд, Типперери, Ирландия, есть кромка щита, целиком изготовленная из кожи и прошитая через щит.

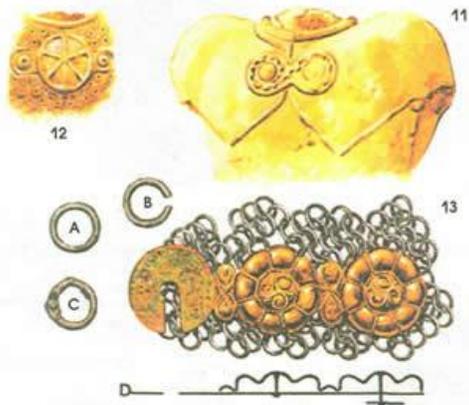
Находили и металлическую кромку. Щит латенского типа с покрытием из шкуры мог весить примерно 6—7 кг (дерево около 4 кг, шкура — около 2 кг, а металлический умбон — около 250 г.). Древние, несомненно, знали, что дуб можно укрепить обжиганием, и, конечно, подвергали щиты термической обработке. Происхождение этого типа щитов остается туманным. Сходство между римским skutumом и кельтским щитом настолько велико, что они, должно быть, имели общие корни. Впервые кельтский щит появляется на рисунке с ножен галыптаттского периода, около 400 г. до н.э., в то время как skutum становится известен на 300 лет раньше. Единственное возможное в таком случае заключение состоит в том, что кельты переняли италийскую форму щита, когда вторглись в Италию в V в. до н.э. Затем они стали пользоваться им и по другую сторону Альп. Кроме того, галыптаттские ножны могли быть вывезены от кельтов северной Италии. Невозможно согласиться с утверждением, что кельты вообще не были знакомы со щитом до прихода в Италию, поскольку кельтская тактика требует его наличия. По серии умбонов, изображенных выше, можно проследить их эволюцию от простых полосок III в. до н.э. до тщательно проработанных умбонов-«бабочек» I в. н.э., найденных в Британии. Хотя все они, кроме изображенного на рис. 19, были обнаружены в континентальной Европе, практически всегда находятся соответствующие им британские экземпляры. Большая часть кельтских щитов имела овальную форму, хотя на изображениях и среди археологических находок попадаются прямоугольные, шестиугольные или круглые экземпляры. Те же изображения говорят о том, что щиты украшали различными символами, рисунками животных или геометрическим орнаментом. Диодор утверждает, что украшения эти были бронзовыми, но скорее всего их просто рисовали краской. Возможно, что историк имел в виду изысканные бронзовые щиты того типа, что был обнаружен в Британии, однако их явно использовали только для церемоний, а не для битвы. Описание кельтского шлема, данное Диодором, не слишком соответствует тем данным, что предоставляет нам археология. Все описанные им шлемы сделаны из бронзы, с крупной фигуркой на верхушке, благодаря чему их владельцы казались значительно выше своего роста. Далее он рассказывает, что иногда эти фигурки имели форму рогов, которые прикреплялись к шлему так, что казались одним целым с ним, а иногда им придавали вид передней части птичьего или звериного туловища. Шлемы, которые могут приблизительно соответствовать этому описанию, действительно были обнаружены, однако они не являются наиболее типичными представителями своей группы. Давайте сначала рассмотрим самые характерные из них. Множество шлемов найдено в той области Италии, которая была населена се нонами (часть

Атлантического побережья между Анконой и Римини). У всех них есть козырек в тыльной части, который предназначался для защиты шеи. Шлемы такого типа обычно называют монтефортинскими — по тому погребению, где их впервые обнаружили. Можно легко проследить связь этого типа шлема с теми, которыми пользовались во Франции и Австрии в V в. до н.э. Изготавливались они из бронзы и были вытянуты вверх. Вероятно, в Италии этот тип шлема появился вместе с сенонами. Там он превратился в шлем монтефортинского типа, сохранив назатыльник и довольно длинную верхушку, хотя сам шлем приобрел значительно более округлую форму. Изображения 5, 6 и 7 представляют шлемы, обнаруженные в принадлежавших сенонами погребениях и датируются периодом до 282 г. до н.э. — времени, когда это кельтское племя было окончательно вытеснено римлянами. Обычно их относят к концу IV — началу III вв. до н.э. Шлемы, извлеченные из Сенинских погребений, обычно изготовлены целиком из железа или из железа и бронзы и лишь изредка — полностью бронзовые. У некоторых из них есть сложное составное крепление для гребня, которое сделано из железного держателя, зафиксированного на макушке шлема.

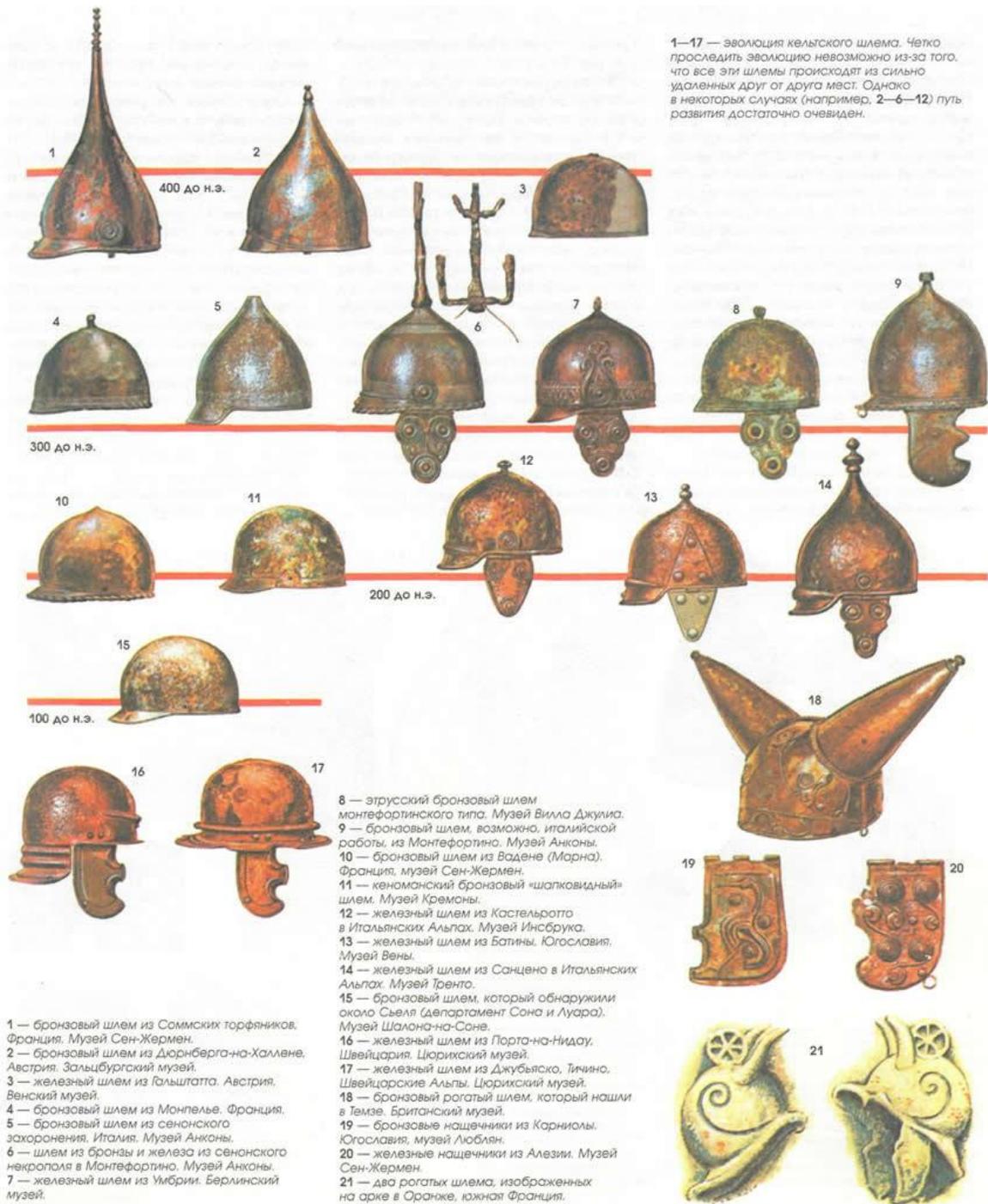

1 — бронзовый кельтский конический шлем из Апулии. Украшения на шлеме кельтские, но общий стиль — апулийский. В Италии было обнаружено несколько шлемов с вырезанными из тонкой листовой бронзы деталями, напоминающими рога. Музей Бари.
2 — рог с такого же шлема. Британский музей.
3 — монета из Франции, на которой изображен кельт с намоченными в известке волосами.
4 — кельтский шлем типа негау из Альп. Он практически идентичен раннеиталийскому типу, за исключением гребневидного поперечного выступа.

4а — внутренняя часть нижнего края, на которой показано, как закреплялся подшлемник.
5, 6 — вид спереди и сзади на статую воина из Грезано, близ Нима на юге Франции. Эта статуя, которую можно датировать IV в. до н.э. — докельтская. На воине либо передняя и задняя нагрудные пластины, закрепленные ремешками, либо панцирь с декоративными элементами в форме этих пластин. Нимский музей.
7 — деталь поясной пряжки с рис. 5.
8 — поясная пряжка того же типа, что и у воина из Грезано, найденная в Алерии, на Корсике. Это не кельтский тип.
9, 10 — две головы в капюшонах из Сент-Анастаси, Франция. Нимский музей.

11 — скульптурное изображение кольчуги с наплечной накидкой из Энтремонта, на юге Франции. Это традиционный кельтский тип.
 12 — пряжка с подобного же изображения.
 13 — часть кельтской кольчуги с застежкой, удерживавшей накидку. Из Киумешти в Румынии. Масштаб 1:2. А, В, С — три типа колечек, использовавшихся в киумештской кольчуге, подлинный размер. D — поперечный разрез застежки.
 14 — статуя кельтского воина позднего времени из Вашера на юге Франции. Он облачен в кольчугу в италийском стиле.
 15 — статуэтка кельта из северной Италии в кольчуге италийского типа.
 16 — скульптурное изображение кольчуги из Пергама, Турция.

1—17 — эволюция кельтского шлема. Четко проследить эволюцию невозможно из-за того, что все эти шлемы происходят из сильно удаленных друг от друга мест. Однако в некоторых случаях (например, 2—6—12) путь развития достаточно очевиден.

1 — бронзовый шлем из Сомских торфяников, Франция, Музей Сен-Жермен.
 2 — бронзовый шлем из Дюрнберга-на-Халлене, Австрия, Зальцбургский музей.
 3 — железный шлем из Гальштатта, Австрия, Венский музей.
 4 — бронзовый шлем из Монпелье, Франция.
 5 — бронзовый шлем из сенонского захоронения, Италия, Музей Анконы.
 6 — шлем из бронзы и железа из сенонского некрополя в Монтефортино, Музей Анконы.
 7 — железный шлем из Умбрии, Берлинский музей.

8 — этрусский бронзовый шлем монтефортинского типа, Музей Вилла Джулиа.
 9 — бронзовый шлем, возможно, италийской работы, из Монтефортино, Музей Анконы.
 10 — бронзовый шлем из Вадене (Марна), Франция, музей Сен-Жермен.
 11 — кенноманский бронзовый «шапковидный» шлем, Музей Кремоны.
 12 — железный шлем из Кастельротто в Итальянских Альпах, Музей Инсбрука.
 13 — железный шлем из Батини, Югославия, Музей Вены.
 14 — железный шлем из Санцено в Итальянских Альпах, Музей Тренто.
 15 — бронзовый шлем, который обнаружили около Сьеля (департамент Сона и Луара), Музей Шалона-на-Соне.
 16 — железный шлем из Порто-на-Нидо, Швейцария, Цюрихский музей.
 17 — железный шлем из Джубьяско, Тичино, Швейцарские Альпы, Цюрихский музей.
 18 — бронзовый рогатый шлем, который нашли в Темзе, Британский музей.
 19 — бронзовые нащечники из Карниолы, Югославия, музей Любляна.
 20 — железные нащечники из Алезии, Музей Сен-Жермен.
 21 — два рогатых шлема, изображенных на арке в Оранже, южная Франция.

Вероятно, по обеим сторонам у такого шлема были украшения из перьев, а на макушке — гребень из конского волоса. Нащечники у этого типа практически всегда «трехдисковый» формы (см. рис. б) и, возможно, были переняты у италийцев. Их стиль настолько напоминает самнитские нагрудные пластины (см. стр. 108), что в происхождении трудно усомниться. В III в. до н.э. форма этих нащечников упростилась, они стали треугольными, с тремя «шишечками». Италийцы быстро переняли шлем

монтефортинского типа. На экземпляре, обнаруженном в Болонье, есть этрусская надпись, что позволяет датировать его временем до ухода этрусков из долины По в середине IV в. до н.э. Встречаются такие шлемы и на рельефах из могилы IV в. в Черветери. Нащечники на обоих шлемах имеют ярко выраженный зубец. В Этрурии находили и «трех-дисковый» тип, однако он, кажется, существовал не дольше IV в. до н.э. Один экземпляр шлема с «зубчатыми» нащечниками нашли в Монтефортинском некрополе, но он скорее всего привозной. Монтефортинский тип шлема получил широкое распространение по всему кельтскому миру: номер 13 обнаружили в Югославии, а практически полный его галатский аналог изображен на победном фризе в Пергаме. Хотя кельты были практически полностью вытеснены из Италии к первой четверти II в. до н.э., монтефортинский тип все еще продолжал существовать в долинах Альп. Найденные там образцы (см. 12, 14) изготовлены исключительно из железа и имеют отдельно сделанный назатыльник, который приклепывался затем к шлему. Нащечники окончательно отошли от изначального варианта, но все еще остаются основной характерной чертой этого типа (14). Монтефортинский тип был наиболее удачной из всех существовавших конструкций шлема и использовался в римской армии на протяжении почти что четырех веков, не претерпев при этом существенных изменений. По самым осторожным подсчетам, было, должно быть, изготовлено порядка трех-четырёх миллионов таких шлемов. Существовал второй тип шлема, очень близкий к монтефортинскому, но без «шишечки» на макушке (10, 11, 15). Его обычно именуют тип «кулус», по первому найденному во Франции экземпляру I в. Хотя он не пользовался таким же успехом, как монтефортинский, но в I в. до н.э. получил довольно широкое распространение и, возможно, стал предшественником шлема римских легионеров I в. н.э. Происхождение типа кулус может быть столь же древним, как и у монтефортинского — один из таких шлемов нашли в сенонском захоронении, а галынтаттский экземпляр можно датировать 400 г. до н.э. На некоторых шлемах имеется нечто вроде крыловидных украшений по бокам. Похоже, что появился этот тип в Италии, вероятнее всего, под влиянием крылышек с самнитских шлемов. Такие шлемы были популярны на Балканах в III—II вв. до н.э.; есть их изображения и на победном фризе из Пергама, в Малой Азии. Один экземпляр был найден в Амфревилле, северная Франция, однако он мог быть привезен откуда-либо. На арке из Оранжа (21) изображены рогатые шлемы, которые заставляют вспомнить рассказ Диодора. Вновь обратившись при этом к рельефу из Бормио, мы можем сделать предположение, что это могли быть шлемы знаменосцев. В Италии обнаружили несколько экземпляров с вырезанными из тонкой

листовой бронзы частями, напоминающими рог. Совершенно изумительный образец рогатого церемониального шлема нашли в Темзе неподалеку от моста Ватерлоо (18). Очень редки шлемы, украшенные фигурками животных, — такие, как описанные Диодором. В сущности, нам известен только один экземпляр. Его обнаружили в Киумешти, в Румынии. Это шлем батинского типа (13), с изображением птицы на вершухе. Распростертые крылья птицы были сделаны на петлях, так что они, должно быть, хлопали на скаку, когда хозяин шлема несся в битву. В нескольких кельтских погребениях в северной Италии были обнаружены этрусские шлемы типа негау. То, что кельты переняли этот тип, подтверждают находки нескольких экземпляров шлемов негау кельтской формы на территории Центральные Альп. Два новых типа шлема появились в I в. до н.э. Они родственны друг другу и обычно объединяются в агенпортский тип. Агенский тип (17) напоминает шляпу-котелок с полями, а у портского типа при таком же «котелке» присутствует довольно большой назатыльник, который приклепывался к шлему (16). На обоих шлемах нащечники были нового типа — того, что был позднее заимствован римлянами. Портский тип стал прямым прототипом имперского галльского шлема I в. н.э. Образцы таких шлемов,

1 — надгробие из Падуи, в северной Италии, на котором изображена кельтская колесница с бортами из двух полукругов. Ок. 300 г. до н.э.
 2 — монета времен Цезаря, на которой есть изображение кельтской колесницы с такими же бортами.
 3, 4 — кельтское ярмо и колесо из Ла-Рен, Невшательский музей, ок. 200 г. до н.э.
 5—17 — металлические детали колесницы из колесничьих захоронений во Франции. Музей Сан-Жермен.
 5, 6, 13 — крепежные элементы упряжи.
 7 — колпачок ступицы с чешкой.
 9 — зажим для обода колеса.
 10, 11 — бронзовые украшения.
 12 — удила.
 14, 17 — чешки.
 15 — направляющее кольцо.
 8, 16 — соединительные элементы с проушиной неясного назначения.

целиком железных, находили в северной Югославии, в Центральных Альпах, в Швейцарии, в центральной и юго-западной Франции. Места, где их обнаруживали, отличаются одной особенностью — они расположены вдоль границ римских владений начала I в. до н.э. Нащечники кельтского типа из Алезии в центральной Франции, датированные I в. до н.э. (20), являют собой странную смесь классического итальянского типа с украшениями в виде «шишечек» и старого «трехдискового» типа. Подобными же характеристиками обладают нащечники более раннего времени, из северной Югославии (19). Известны находки и конических

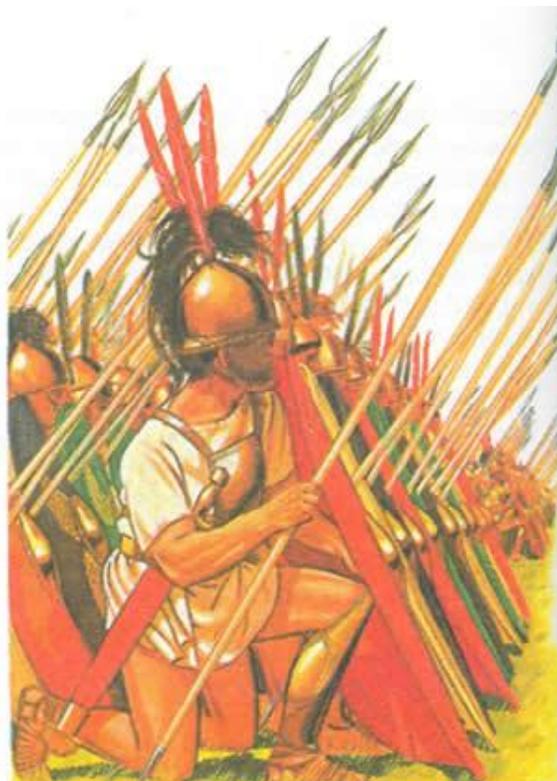
шлемов греко-италийского типа с кельтскими украшениями. Все они, похоже, происходят из Апулии — области в южной Италии. Декоративные элементы в виде колес, размещенные на верхушке шлема, практически идентичны тем, что изображены на арке в Оранже. Даже в северной Италии, где находят значительное количество шлемов, большая часть кельтов доспехов, должно быть, не имела. Диодор сообщает нам, что эти воины мазали голову известкой, а затем зачесывали волосы к затылку так, чтобы они стали похожи на гриву лошади. Этот тип прически изображен на нескольких монетах. Попытка заставить волосы встать, подобно шерсти разъяренного зверя, восходит к очень древним временам. Быть может, именно так возник гребень из конского волоса на шлемах. На некоторых статуях, обнаруженных к западу от Роны, можно разглядеть необычный головной убор, похожий на колпак с гребнем. Быть может, это докельтский тип; кроме того, он обнаруживает большое сходство с колпаком с Осунского рельефа в Испании. Вероятно, защитным доспехом кельты пользовались мало. От раннего периода (420—250 гг. до н.э.) до нас дошло лишь несколько бронзовых дисков, которые могли быть нагрудными пластинами, но являлись скорее всего декоративными украшениями конской сбруи. Статуя из Грезана на юге Франции, которую датируют IV—III вв. до н.э., изображает воина в чем-то, что может быть квадратными нагрудной и наспинной пластинами, закрепленными ремешками. Возможно также, что это полный панцирь с декоративными элементами в виде этих пластин. Статую нельзя назвать типично кельтской; вполне вероятно, что она вообще не имеет к ним отношения. Шлем-колпак, похожий на те, что нашли в Сент-Анастази, в этом же регионе, вполне мог возникнуть и у иберов, так что параллели в этом случае следует искать не во Франции, а в Испании. Застежка пояса статуи —общего для южной Франции и Корсики докельтского типа. Тот образец нашли в Алерии, на Корсике. Примерно около 300 г. до н.э. была изобретена кольчуга. Несмотря на то что у кельтов не было пристрастия к доспеху, все говорит о том, что именно они изобрели его самую удачную форму. Называет кольчуги кельтскими и Страбон. Самые ранние экземпляры кольчуг найдены в кельтских захоронениях, и именно кельты были лучшими кузнецами в античном мире. Доспех, изображенный на нескольких статуях воинов из южной Франции, считали ранее кожаным, однако скорее всего это кольчуга. Поскольку кольчуга была чрезвычайно дорогой вещью, пользовались ею практически исключительно представители аристократии. На различных статуях облаченных в кольчуги воинов, которые находят в южной Франции и северной Италии, изображены два типа этого доспеха: у одного из них имеются широкие наплечники в виде накидки, второй тип выполнен по форме греческого льняного панциря

без такой «пелерины». Вероятно, исконно кельтским был все же первый тип. В захоронении III в. до н.э. в Киумешти, в Румынии, вместе с «птичьим» шлемом были обнаружены и фрагменты кольчуги. Вероятно, они представляют собой остатки двух разных кольчуг, поскольку одна из них состоит из чередующихся рядов штампованных (А) и соединенных встык (В) колец, в то время как на второй кольчуге кольца второго типа — заклепанные. Такое плетение значительно более надежное. Диаметр колец составляет примерно 8 мм. Возможно, кольчуга с соединенными встык кольцами предназначалась исключительно для церемониальных случаев, что хорошо увязывается с присутствием необычного шлема. К первой кольчуге присоединялась бронзовая пряжка для наплечной части, украшенная розетками. На части D рисунка показано, что один конец пряжки прикреплен к одной половине накидки заклепкой, центральная розетка — чисто декоративная, а противоположный конец, должно быть, крепился крючком к другой части позади такой же розетки. Такая застежка могла быть у кольчуги с накидкой. Наплечники кольчуги в форме греческого льняного панциря пристегивались к груди; при длинных наплечниках такая застежка стесняла бы движения рук. Поэтому для того, чтобы обеспечить свободу движения рук, важно было не пристегивать пряжку к вороту кольчуги. Пряжки, изображенные на скульптурах с юга Франции, такую возможность дают. Перед тем как перейти к следующей теме, необходимо сделать несколько комментариев к замечанию Диодора о том, что некоторые галлы шли в битву обнаженными. В раннюю эпоху, несомненно, так и было, но большая часть описания Диодора относится ко временам более поздним. В битве при Теламоне в 225 г. до н.э. гезаты, которые перешли через Альпы с территории Швейцарии для того, чтобы сразиться на стороне кельтов, были примечательны для Полибия потому, что все еще придерживались этого обычая в отличие от остальных галлов. Последние были в штанах и легких плащах. Во времена Цезаря кельты сражались полностью одетыми. Рассказывая о событиях, предшествовавших битве при Теламоне, Полибий говорит, что в армии галлов было 20 000 конницы и колесниц. Это последнее упоминание об участии колесниц в боевых действиях в континентальной Европе. Вновь они появляются только в 55 г. до н.э., когда Цезарь вторгся в Британию. Диодор пишет, что колесницы эти влеклись двумя лошадьми и могли нести возницу и воина. В битве воин сначала метал дротики с колесницы, а затем сходил к ней и сражался пешим. Похоже выглядит и рассказ Цезаря о британских колесницах. Оба автора отмечают одну немаловажную вещь — использовались колесницы против конницы. Это позволяет разрешить множество вопросов, поскольку очевидно, что сражаться так против пешего строя можно только в качестве застрельщиков.

Цезарь восхищается искусством колесничих. Он рассказывает о воинах, которые могли пробегать по дышлу и вставать на ярмо. Несколько захоронений с колесницами обнаружено во Франции. К сожалению, большую часть экипажей разобрали перед тем, как поместить в могилу, однако там сохранилось множество металлических деталей. Среди них есть соединительные элементы для постромок. Их длина может свидетельствовать о том, что крепились они непосредственно к оси. В этом положении их и находили в могилах. Серии колец, которые располагались на уровне груди лошади, пристегивались, вероятно, к подпруге и служили для направления этих постромок. Захоронения богаты и другими фрагментами, среди которых есть колесные чеки (14, 17) и направляющие кольца для вожжей, которые крепились к ярму. Из озера у Ла-Тен извлекли очень хорошо сохранившееся ярмо (3) и колесо с железным ободом (4). Все фрагменты, которые показаны здесь, относятся к разным периодам и приведены лишь затем, чтобы показать конструкцию колесницы. Предметы на рис. 5 и 13 тоже относятся к разным периодам, однако назначение их, по всей видимости, было одинаковым. Вплоть до совсем недавнего времени облик кельтской колесницы можно было восстановить только по изображениям на монетах. Изображенные на них экипажи имеют боковины, составленные из двух полукругов. Несколько лет назад в Падуе, на севере Италии, обнаружили каменное надгробие с изображением колесницы такого же типа, двух людей в ней и щита, уложенного на бок. Оба полукруглых боковых фрагмента на этом рельефе изображены спереди щита, а это может означать только одно — оба они находились на одной стороне. Хотя такое расположение выглядит несколько странным, археологические находки его подтверждают. Расстояние между колесами в колесницах из французских захоронений составляет чуть больше метра, что значительно меньше, чем у кипрской колесницы (от 1,3 до 1,7 м), на которой возница и воин стояли бок о бок. Это означает, что кельтский воин размещался позади возницы, как то и показано на монете Гостилия, а это требует большей длины колесницы и удвоенной длины сторон. Большая длина требовалась и для того, чтобы разместить в колеснице лежащего воина — так, как было сделано это во французских могильниках. После завоевания Галлии кельтские всадники заняли важное место в римской армии. Однако существует мнение, что настоящей конницы у кельтов не было и перед боем они сходили с коня и сражались пешими. Именно так поступили кельты, испанцы и римляне в битве при Каннах (216 г. до н.э.). Однако причина этого могла заключаться в существенном недостатке места. Замечание Ганнибала, которое записано у Ливия, позволяет предположить, что обычной практикой такое не предусматривалось: когда карфагенский полководец услышал о том, что

Павл приказал коннице спешиться, он сказал, что с тем же успехом их можно было бы вести в бой и в цепях. Такое высказывание подразумевает бесполезность применения в бою спешенной конницы. По правде сказать, довольно трудно представить большое количество спешившейся для сражения конницы. Поступи римляне так, замечание Полибия о взятом на вооружение греческом копье, которое не вихляло при атаке, было бы бессмысленным. О кельтской коннице времен ранней империи постоянно говорится, что она сражалась верхом. Поэтому следует сделать вывод, что настоящая конница у кельтов все-таки была. Найдено немало кельтских удил, большая часть которых имеет трензельные кольца. Скульптурное изображение показывает нам всадника, служившего у македонян в битве при Пидне (168 г. до н.э.). Круглый щит — не римский и не греческий, следовательно, это кельтский конный щит. Скульптурное изображение (23) на стр. 125 представляет кельта, направляющего коня на упавшего грека. На лишенной всадника лошади — седло греческого образца. Кельты пользовались таким же седлом, что и поздние римляне. Этот тип, характеризующийся наличием раздвоенной передней и задней луки, изображен на Гундеструпском котле и на монументе Юлия в Сен-Реми, который датируется концом I в. до н.э. На последнем показана битва между римлянами и кельтами. Одна из лошадей упала и сбросила своего всадника; это, должно быть, кельт, потому что на триумфальных римских памятниках никогда не изображали гибели римских солдат. Следовательно, седло с раздвоенными луками — кельтское, а не римское. На Гундеструпском котле видны также диски, которыми украшали лошадей кельты. Несколько таких экземпляров, изготовленных из серебра, нашли в северной Италии; римляне переняли и эти фалары.

Римско-латинская армия IV в. до н.э.

Покуда гастаты и принципы сражались, триарии становились на правое колено, наклоняли вперед копья и прикрывались слева щитами так, чтобы защититься от вражеских метательных снарядов. Они вступали в бой, только если и гастаты, и принципы оказывались разгромленными.

Мирный договор Кассия 490 г. до н.э. ввел Рим в состав Латинского Союза, и в течение следующих 160 лет развитие его военной системы шло параллельно с остальными латинскими государствами. Ливии уверяет, что военная организация латинян и римлян была одинаковой к моменту, когда Рим выдвинул требования о признании своего господства в Союзе (Латинская война 340—338 гг. до н.э.). Он был, несомненно, прав, хотя и немного увлекся, рассказывая, что в битве примипил (*primus pilus*, т.е. старший центурион легиона) находился напротив вражеского примипила — им следовало бы находиться на противоположных концах своих легионов. Однако здесь Ливии снова дает нам ценную возможность разобраться в организации легиона. Все легионеры были снабжены теперь овальными италийскими щитами, skutumami. Вместо фаланги легион строился новым боевым порядком, в три линии. Задняя линия состояла из 15 рядов (*ordines*),

каждый из которых делился на три части, вексиллы (*vexilla*). Впереди стояли лучшие из ветеранов, триарии (*triarii*). За ними молодые, не столь отличившиеся воины, рорарии (*rorarii*), а за ними — наименее надежные солдаты, акцензы (*accensi*). На деле это означает резерв. Триарии были вооружены копьями, но о вооружении остальных Ливии ничего не говорит. Каждая из трех вексилл состояла из 60 человек, двух центурионов и знаменосца-вексиллария (*vexillarius*), который нес похожий на флаг штандарт, вероятно, похожий на те, что были у самнитов. Средняя линия состояла из 15 единиц, манипулов, тяжелой пехоты (принципы, *principes*). Это были сливки армии — бойцы в самом расцвете сил. Передняя линия также состояла из тяжелой пехоты (гастатов, *hastati*), однако ее составляли более молодые воины; они тоже делились на 15 манипулов. Манипулу гастатов придавалось по 20 легковооруженных воинов (левисы, *leves*), у которых были копье и дротик. Каждая единица задней линии состояла из 186 человек; в каждой единице принципов и гастатов должно было находиться чуть больше 60 воинов — все они, вероятно, состояли из вдвоенных центурий. При расчете в 30 человек на центурию плюс командиры и числящиеся вне ряда помощники командира, знаменосцы, горнисты и т.п. мы получаем общее количество в пять тысяч воинов — легион. Ливии ничего не говорит о вооружении принципов и гастатов. Во времена Полибия у них были метательные копья — пилумы — и мечи. Поскольку известно, что пилумами в это время действительно пользовались, приходится признать это утверждение правильным. Большинство ученых не согласно с данным Ливией описанием или же старается «подогнать» его под рамки легиона более позднего времени. Однако римская армия постоянно находилась в процессе развития и совершенствования, и было бы очень странно, если бы она не претерпела никаких изменений между 340 и 150 г. до н.э. Армию Ливия можно представить находящейся на полпути от этрусской (ок. 550 г. до н.э.) к описанной у Полибия (ок. 150 г. до н.э.). Неправы те, кто говорит, что Ливии изменил общую картину; обычно он приближал описание событий к своему времени, модернизировал их, но не в этом случае. Здесь он изо всех сил пытался донести до читателя обнаруженную информацию в максимально неизменном виде. Возможно, он слегка приукрасил ее местами, но во всех остальных аспектах перед нами находится реальное описание. Пытаться же подогнать его под рассказ Полибия, написанный двумя веками позже, означает на деле следовать обычной манере Ливия. Здесь же данная Ливией картина слишком туманна и сложна, чтобы быть неправдой. Историк сообщает, что от круглых щитов (клипеусов) отказались примерно в то время, как легионеры стали получать плату, т.е. во время осады Вейев в начале IV в. до н.э. говорит он и об отказе

от фаланги. Причиной этому мог быть тот факт, что в битве при Аллии ее буквально втоптали в землю; возможно, с этим связан и переход армии на более крупные щиты — skutумы, усиленные железной кромкой. Армия времен Сервия состояла из двух частей, в каждой из которых было 40 центурий гоплитов и 45 центурий легковооруженных воинов. И видимо, не случайно в легионе Ливия, где гоплитов уже не было, насчитывается 45 боевых единиц (15 рядов в задней линии и по 15 манипулов в средней и передней линии). В это время все еще существуют следы старой системы цензового деления, однако похоже, что воины первого, второго и третьего разрядов образуют одну группу, в рамках которой делятся не по имущественному цензу, а по возрасту. Самые молодые становятся гастатами, находящиеся в расцвете сил — принципами, а старшие — триариями. Рорарии, похоже, набирались из представителей четвертого разряда, а акцензы и левисы, которых было сравнительно много, относились к пятому разряду. Не следует удивляться размеру центурии — на раннем этапе развития армии он мог меняться вместе с изменением размеров самой армии. Во времена Полибия центурия триариев состояла всего из 30 человек. Основным поражающим оружием легионера новой армии теперь, должно быть, сделалось метательное копье (пилум). Триарии, рорарии и акцензы все еще оставались обычными копейщиками, однако около трети всей армии продвинулось теперь вперед, вооружившись пилумами для того, чтобы поражать приближающегося противника. Три линии войска теперь располагались в шахматном порядке. Впереди стояло 15 центурий гастатов, между которыми были равные промежутки. За ними следовали принципы, построенные так, чтобы эти промежутки закрыть. Таким же образом были выстроены и воины задней линии — они прикрывали промежутки в линии принципов. Начинали сражение застрельщики-левисы, которые стремились нарушить боевой порядок противника при помощи легких дротиков. Когда противоположная сторона начинала наступление, легковооруженные воины отступали в промежутки в строю, и в бой шли гастаты. Вначале они метали пилумы, а затем шли на сближение с противником для того, чтобы сойтись врукопашную. Если гастаты оказывались не в силах разбить врага, они тоже отступали в промежутки строя между отрядами принципов. Если разбитыми оказывались обе линии, гастаты и принципы отступали за триариев, которые смыкали ряды; затем вся армия отступала. Ливии предполагал, что триарии также участвовали в наступлении, но это можно считать попыткой замаскировать тот факт, что и римская армия иногда проигрывала сражения. Старая римская поговорка «дело дошло до триариев» означала, что все обернулось как нельзя хуже. Покуда гастаты и принципы сражались, триарии опускались на одно колено, выдвинув вперед левую ногу. Они

прислоняли свои большие овальные щиты к левому плечу так, чтобы те прикрывали их от вражеских метательных снарядов. Подток копья был воткнут в землю, а наконечник наклонно выставлен вперед «подобно частоколу» — как говорил Ливии. Триарии не вступали в бой, покуда все остальные части армии не оказывались разбиты. Следует отметить, что знамена располагались за задней линией, так что отступавшим отрядам было видно, к которому из рядов им следует отходить. Ливии не говорит, сколько центурионов приходилось на каждый манипул принципов и гастатов — один, два или вовсе ни одного. Римляне, должно быть, не раз терпели поражения в первые 200 лет существования республики. Патриотически настроенный Ливии обычно говорит в таких случаях, что сражению «помешала плохая погода». Самое крупное поражение выпало на долю римлян в битве при Аллии (390 г. до н.э.). Возможно, именно из-за этого (особенно из-за последнего сражения) легион IV в. до н.э. имеет ярко выраженный оборонительный характер. Достаточно подвижный строй гастатов—принципов появился, очевидно, в ответ на легкие и подвижные армии кельтов и самнитов. Отряды метателей копий на переднем фланге были специально рассчитаны на то, чтобы противостоять атаке кельтов.

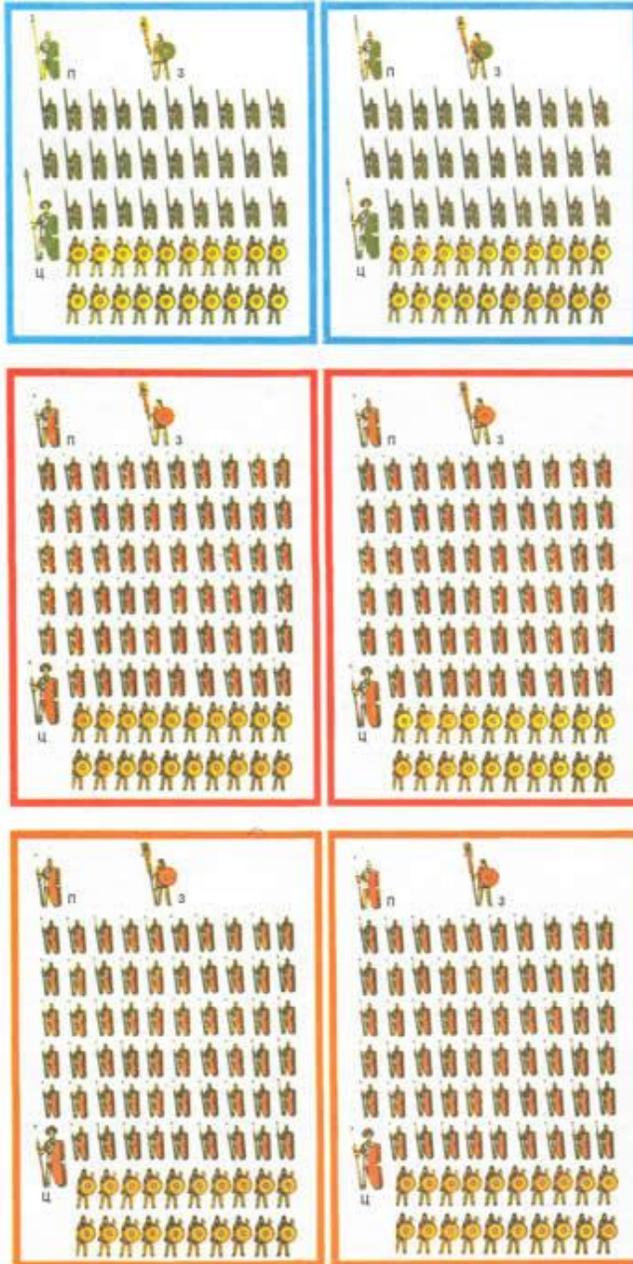
Рим в 275—140 гг. до н.э. Римская армия в 160 г. до н.э.

Двадцать второго июня 168 г. до н.э. римляне разбили македонян в битве при Пидне. Родина Филиппа и Александра Македонского превратилась отныне в римскую провинцию. Несколько греков из числа тех, что находились среди македонцев на поле битвы, после сражения были отправлены в Рим. Был среди них и историк Полибий. Его поместили под охрану Сципионов, а затем он сделался близким другом Сципиона Эмилиана, сопровождая его в походах. Для того чтобы его греческие читатели могли понять, как функционировала римская армия, Полибий взял на себя труд описать самые мелкие детали. Эта скрупулезность описания отсутствует в другом труде, который стал для нас важным источником информации, — Цезарь рассчитывал на то, что его читателям многое знакомо и понятно. Данное ниже описание строится практически исключительно на рассказе Полибия.

Набор армии и ее организация

В начале каждого года избирались два главных магистрата (консулы). В обычных условиях в распоряжении каждого консула было два легиона, т.е. 16—20 тысяч пеших воинов и 1500—2000 всадников. Около половины всех пеших и четверти конных воинов были римскими гражданами. Остальные набирались из числа союзников Рима. В случае крайней опасности армии обоих консулов отдавались под контроль диктатору, полномочия которого обычно длились шесть месяцев. Диктатор обычно назначал и своего заместителя (*magister equitum*), который был начальником конницы. Избранные консулы назначали 24 военных трибуна. Десять из них были старшими, их срок службы должен был составлять не менее десяти лет; остальные 14 должны были прослужить не менее пяти лет. Первые два из избранных старших трибунов назначались в первый легион, следующие три — во второй, следующие два — в третий и следующие три — в четвертый. По такому же принципу назначали и младших трибунов: первые четыре — в первый легион, следующие три — во второй и т.д. В результате в каждом легионе было по шесть трибунов. Как и у греков, служба в армии считалась почетной и была недоступна людям малоимущим. Каждый год в назначенный день все граждане, могущие нести службу, собирались на Капитолии. Там их разделяли согласно имущественному цензу. Наиболее бедных отправляли служить во флот. Следующую группу (с имущественным цензом в 400 драхм) приписывали к пехоте, самые же богатые отправлялись в конницу. Необходимые туда тысячу двести человек цензоры выбирали еще до начала основной призывной кампании. К каждому легиону приписывалось по 300 всадников. Срок их службы составлял десять лет, у пехотинцев он равнялся 16 годам — покуда они не достигали возраста в 46 лет. В случае большой опасности этот срок могли увеличить до 20 лет. Тех, кого отобрали для службы в пешем войске, делили по трибам. Из каждой трибы отбирали четырех человек примерно одного возраста и телосложения, которые представляли перед трибунами. Первым выбирал трибун первого легиона, затем второго и третьего; четвертому легиону доставался оставшийся. В следующей группе из четырех новобранцев первым выбирал солдата трибун второго легиона, а первый легион забирал себе последнего. Процедура продолжалась, покуда не набиралось 4200 человек для каждого легиона. В случае опасного положения число воинов могло быть увеличено до пяти тысяч. Следует указать, что в другом месте Полибий говорит, что легион состоял из четырех

тысяч пеших воинов и двухсот всадников, а возрасти это количество могло до пяти тысяч пеших и трех сотен конных легионеров. Было бы несправедливо сказать, что он сам себе противоречит — скорее всего это приблизительные данные. Набор завершился, и новички приносили клятву. Трибуны выбирали одного человека, который должен был выступить вперед и поклясться повиноваться своим командирам и в меру всех своих сил исполнять их приказы. Затем все остальные также делали шаг вперед и клялись поступать так же, как он («*Idem in me*»). Затем трибуны указывали место и дату сбора для каждого легиона так, чтобы все оказались распределены по своим отрядам. Покуда проходил набор рекрутов, консулы отправляли приказы союзникам, указывая требовавшееся от них количество войска, а также день и место встречи. Местные магистраты набирали рекрутов и приводили их к присяге — так же, как и в Риме. Затем они назначали командира и казначея и давали приказ выступать. По прибытии в назначенное место новобранцев вновь делили на группы в соответствии с их богатством и возрастом. В каждом легионе, состоявшем из четырех тысяч двухсот человек, наиболее молодые и бедные становились легковооруженными воинами — велитами. Их было тысяча двести. Из оставшихся трех тысяч те, что помоложе, формировали первую линию тяжелой пехоты — 1200 гастатов; находившиеся в полном расцвете сил становились принципами, их также было 1200. Старшие по возрасту формировали третью линию боевого порядка — триариев (их еще называли пилами). Их насчитывалось 600 человек, причем независимо от того, какого размера был легион, триариев всегда оставалось шесть сотен. Число людей в других подразделениях могло пропорционально увеличиваться. Из каждого вида войска (за исключением велитов) трибуны выбирали десятерых центурионов, которые, в свою очередь, избирали еще десять человек, которые также именовались центурионами. Избранный трибунами центурион являлся старшим. Самый первый центурион легиона (*primus pilus*) имел право участвовать в военном совете вместе с трибунами. Выбирали центурионов, исходя из их стойкости и отваги. Каждый центурион назначал себе помощника (*optio*). Полибий именует их «урагами», приравнивая к «замыкающим строй» греческой армии. Трибуны и центурионы делили каждый вид войска (гастатов, принципов и триариев) на десять отрядов-манипулов, которые нумеровались числами от одного до десяти. Велиты распределялись поровну среди всех манипулов. Первым манипулом триариев командовал примипил, старший центурион.

Когорта легиона состоявшего из 4200 человек — по описанию Полибия. Его рассказ, включающий малейшие подробности об организации римской армии, представляет большую ценность для реконструкции легиона того времени. Эта единица состояла из трех манипулов, в каждый из которых входило по две центурии. Манипул был самой мелкой независимой единицей легиона. Каждый манипул триариев состоял из 60 ветеранов и 40 приданных им застрельщиков-велитов. Каждый манипул принципов и гастатов состоял из 120 тяжелых пехотинцев и 40 велитов. Ц — центурион, З — знаменосец П — помощник центуриона.

Итак, перед нами предстает легион, состоящий из 4200 пеших воинов, разделенный на 30 манипулов — по 10 у гастатов, принципов и триариев соответственно. У первых двух групп строение было одинаковым — 120 человек тяжелой пехоты и 40 велитов. У триариев было 60 тяжелых пехотинцев и 40 велитов. Каждый манипул состоял из двух центурий, однако они не имели самостоятельного статуса, поскольку самой малой тактической единицей считался манипул. Центурионы назначали двух самых лучших воинов знаменосцами (*signiferi*). В этрусско-римской армии было две центурии горнистов и трубачей, из расчета по одному на центурию. В описании Полибия о таком соединении ничего не говорится, однако горнистов и трубачей он упоминает постоянно. Похоже, что теперь в каждом манипуле был и горнист, и трубач. В случае необходимости один манипул гастатов, один манипул принципов и один манипул триариев могли действовать вместе; тогда их именовали когортой. Как Полибий, так и Ливии начинают пользоваться этим термином на последних этапах второй Пунической войны, называя этим словом тактическую единицу легионеров. Во II в. до н.э. термин стал часто применяться для названия соединений союзников — например, когорты из Кремоны, когорты марсов и т.д. Как соотносился этот легион II в. с легионом времен Латинской войны (340—338 гг. до н.э.)? Армия Полибия разделена на 30 мани-пулов: 10 гастатов, 10 принципов и 10 триариев. Прежние рорарии полностью исчезли, вследствие чего легион уменьшился с 5000 человек до 4200. Тысяча двести легковооруженных акцензов и левисов, которых называли теперь велитами, оказались распределены между 30 манипулами. В манипуле триариев все еще насчитывалось 60 человек. Манипулы принципов и гастатов были удвоены, что хорошо отражает новый агрессивный характер легиона — отныне он не боролся за свое существование, а завоевывал мир.

Доспехи и вооружение

Легионеры были вооружены колюще-рубящим мечом (*gladius hispaniensis*, испанским гладием). Два наиболее ранних экземпляра такого меча было найдено в Смихеле, в Словении, и датируются они примерно 175 г. до н.э. Они имеют слегка сужающиеся клинки длиной 62 и 66 см. Как должно следовать из названия, впервые такие мечи появились в Испании и были, возможно, вариантом кельтского меча с заостренным и удлиненным кончиком. Должно быть, их приняли на вооружение в ходе второй Пунической войны, поскольку мечи из Смихеля точно не являются колющим оружием, которым, по описанию Полибия, пользовались в Галльской войне 225—220 гг. до н.э. Однако мечи эти вполне подходят под описание оружия, способного снести человеку голову или выпустить наружу внутренности — о нем писал Ливии, рассказывая о второй Македонской войне 200—197 гг. до н.э. Полибий ничего не говорит о кинжалах, однако в процессе раскопок на месте римских лагерей конца II в. до н.э. близ Нуманции, в Испании, было обнаружено несколько экземпляров, явно восходящих к испанским прототипам. У гастатов и принципов было также по два метательных копья. В то время существовало два основных типа пилума, которые различались способом крепления железного наконечника к деревянному древку. Они могли просто насаживаться на него с помощью расположенной на конце трубки либо имели плоский язычок, который закреплялся на древке одной-двумя заклепками. Первый тип имел долгую историю и был широко распространен, его находили в кельтских захоронениях северной Италии и в Испании. Собственно, римские экземпляры варьируются в размерах от 0,15 до 1,2 м. Самый короткий был, возможно, дротиком велитов, «гаста велитарис». Полибий пишет, что он сгибался от удара, поэтому его нельзя было подобрать и бросить обратно. Наиболее ранние экземпляры с плоским язычком нашли у Теламона, в северной Этрурии. Возможно, что они лежали там со времен битвы в 225 г. до н.э. Они были очень короткими, всего 25—30 см длиной; похожие на них короткие дротики находили также у Смихеля в Словении (ок. 175 г. до н.э.) и у Эфира в Греции (ок. 167 г. до н.э.). Более длинные экземпляры — до 57 см — также были обнаружены в Смихеле, а дротик 74 см нашли у Нуманции в Испании (153—133 гг. до н.э.). У многих дротиков этого типа есть загибающаяся кромка по краям плоской части. Она охватывала древко для того, чтобы обеспечить лучшее прилегание к нему наконечника. У самых ранних экземпляров наконечник пилума был таким

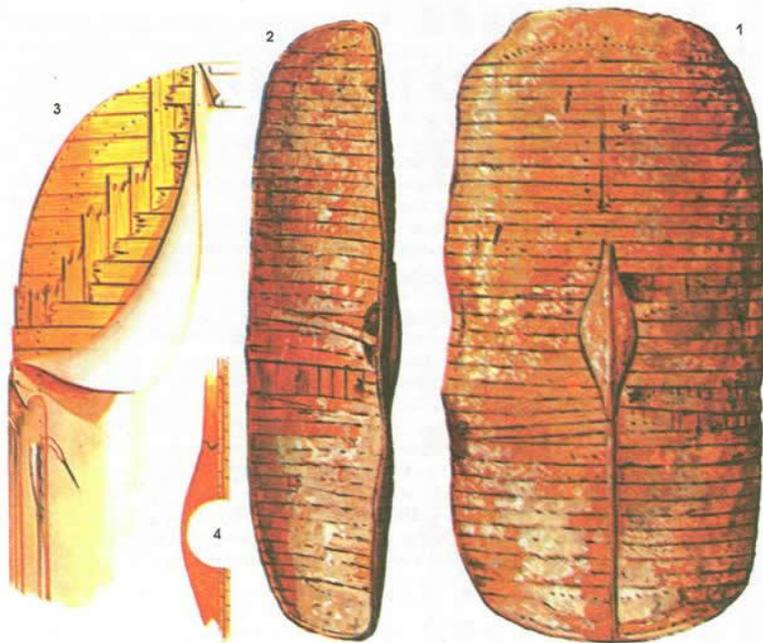
же, как у дротика, однако затем он постепенно принял ставшую традиционной пирамидальную форму — она хорошо известна со времен ранней империи. Острие часто было зазубренным. Назначение длинных пилумов совершенно очевидно — они должны были пронзить щит и ранить державшего его вражеского воина. Короткие пилумы с плоскими язычками имели другое назначение — возможно, что именно их называли «*pilum muralis*»: это было оборонительное оружие, которое метали с вала в случае осады. У всех тяжелых пехотинцев был skutum — большой изогнутый щит в два с половиной фута (ок. 75 см) шириной и четыре фута (ок. 1,2 м) высотой. Согласно Полибию, его изготавливали из двух склеенных вместе деревянных пластин, которые обтягивали вначале грубой тканью, а затем телячьей кожей. На нескольких монументах времен республики показан именно такой щит. Как и в более ранние времена, он имеет овальную форму с овальным умбоном и длинным вертикальным ребром. Щит такого типа обнаружили в Каср-Эль-Харит в Фаюмском оазисе, в Египте. Вначале его посчитали кельтским, однако он, без сомнения, является римским.

Римское оружие II в. до н.э. Масштаб 1:8.
 1—4 — пилумы с плоскими язычками из Смихеля в Словении.
 1 — возможно, это «пилум муралис».
 5 — пилум с плоским язычком из Рениеблас в Испании.
 6 — зазубренное острие пилума из Рениеблас в Испании.

7—9 — пилумы с трубками на конце из Рениеблас/Нуманции в Испании.
 9 — возможно, это «гаста велитарис».
 10 — реконструкция «гаста велитарис», пилума с плоским язычком и пилума с трубкой.
 11—12 — два гладиуса, найденные в Смихеле, Словения.
 13—14 — кинжал и ножны из Нуманции.

Этот щит, высота которого составляет 1,28 м, а ширина 63,5 см, сделан из березовых пластинок. Девять-десять таких тонких пластинок шириной в 6—10 см раскладывали продольно и прокладывали с обеих сторон слоем более узких пластинок, уложенных перпендикулярно первым. Затем все три слоя склеивали. Так формировалась деревянная основа щита. У кромки его толщина составляла чуть меньше сантиметра, увеличиваясь к центру до 1,2 см. Покрывали такие щиты войлоком, который у кромки складывали вдвое и прошивали через дерево. Ручка щита была горизонтальной и держалась полным хватом. Этот тип ручки отчетливо виден на многих римских памятниках. Полибий добавляет, что у такого щита был железный умбон и железная обивка вдоль верхней и нижней кромок.

1,2 — вид щита из Фаюмского оазиса в Египте — спереди и в три четверти сзади. Каирский музей. Этот щит, в 1,28 м высотой и 63,5 см шириной, изготовлен из трех слоев березовых пластинок, обтянутых войлоком. Реконструкция щита, изготовленная автором книги, весила около 10 кг. Это совпадает с весом реконструированного щита из Донкастера. 3 — реконструкция части щита, на которой видно его устройство и то, как подворачивался вдвое и прошивался войлок у кромки. 4 — разрез умбона.

5 — шлем монтефортинского типа из Каноза ди Пулья, ок. 200 г. до н.э. Музей в Корлсруэ. Основание для гребня (А) заполняли свинцом для того, чтобы закрепить фиксировавший его шплинт. С внутренней стороны на затылке находилось двойное кольцо (В), ремешки от которого проходили под подбородком и крепились к крючкам на нащечниках (С).

7

7 — фигуры с монумента Эмилия Павла в Дельфах. На воинах кольчуги, сделанные в форме греческого льняного панциря.

6

6 — скульптурное изображение с позднеэтрусской урны из Вольгерры. Музей Вольгерры. Ок. 150 г. до н.э. На нем показан итало-коринфский шлем с гребнем и перьями. Шлемом такого типа могли пользоваться в это время и в римской армии.

Несколько лет назад я изготовил точную копию фаюмского щита, которая весила чуть больше 10 кг. Вес этот признали совершенно невероятным на том основании, что никому не по силам было бы управляться с таким тяжелым щитом. Однако в Донкастере недавно обнаружили остатки щита, реконструкция которого оказалась примерно такого же веса. Римский щит того времени предназначался для того, чтобы защитить тело легионера, маневрировать им не требовалось. При наступлении легионер держал его на

выпрямленной руке, опирая на левое плечо. Добравшись до противника, он обрушивал на него вместе со щитом вес всего тела и пытался опрокинуть его. Затем он ставил щит на землю и, пригнувшись, сражался из-за него. Четырехфутовая высота щита была скорее всего регламентированной, поскольку при осаде Нуманции Сципион Эмилиан сурово наказал солдата, у которого щит оказался большего размера. Доспехи принципов и гастатов состояли из небольшой квадратной нагрудной пластины примерно 20x20 см, которую называли нагрудником, и поножей на одну ногу. Эту последнюю особенность подтверждает и Арриан в своем «Искусстве тактики». Он пишет: «...в римском стиле поножи на одну ногу, дабы защитить ту из них, которую в битве выставляют вперед». Имеется в виду, разумеется, левая нога. Нагрудник восходит к квадратной нагрудной пластине IV в. до н.э. До наших дней ни одна пластина не сохранилась, хотя в Нуманции нашли остатки круглой пластины такого же типа. У более состоятельных легионеров была кольчуга. Внешний вид такой кольчуги, которые делались по образцу льняных панцирей, можно разглядеть на победном монументе Эмилия Павла, установленном в Дельфах. Он был воздвигнут после победы римлян над Македонией в 168 г. до н.э. Такие кольчуги были очень тяжелыми и весили около 15 кг. Свидетельство этой тяжести можно найти в рассказе о битве при Тразименском озере — солдаты, которые пытались спастись тогда вплавь, шли ко дну, влекомые весом своего доспеха. У гастатов и принципов был бронзовый шлем, украшенный тремя вертикальными перьями черного или темно-красного цвета, высота которых была около 45 см. Полибий говорит, что они предназначались для того, чтобы заставить воина казаться в два раза выше своего настоящего роста. Наиболее распространенным в это время был шлем монтефортинского типа, ведущий происхождение от кельтских шлемов IV и III вв. Замечательный экземпляр такого шлема есть в Германи, в музее Карлсруэ. Его пятили в Каноза ди Пулья, городе, к которому бежали множество легионеров после разгрома при Каннах в 216 г. Шлем действительно относится к этому периоду, и очень заманчиво считать, что он принадлежал одному из каннских легионеров. У шлема этого типа было отверстие в наверху. Наверху заливалось свинцом, и в него вставлялся шпиль, удерживающий гребень из конского волоса. Под нащечником находилось двойное кольцо, к которому прикреплялись два ремешка. Они перекрещивались под подбородком и пристегивались к крючкам на нащечниках, удерживая шлем в одном положении. Памятники подтверждают, что в это время продолжали пользоваться шлемом итало-коринфского типа, а находка в Геркулануме самнитско-аттического шлема I в. до н.э. свидетельствует о том, что и этот тип все еще был широко распространенным. Шлемы обычно носили с

подшлемником. На кельтском экземпляре монтефортинского типа, который хранится в Любляне, все еще видны остатки такого подшлемника, сделанного из войлока — самого распространенного для этой цели материала. Вооружение триариев было таким же, как у гастатов и принципов, за одним исключением: вместо пилумов они использовали длинные копья — гасты (hastae). У велитов был меч, дротики и круглый щит (парма, penna) около 90 см диаметром. Дротики, «гаста велитарис», представляли собой уменьшенную копию пилума; их железная часть составляла 25—30 см, а деревянное древко было в два локтя (ок. 90 см) длиной и примерно в палец толщиной. Из доспехов велиты носили лишь простой шлем, иногда с какой-нибудь отличительной чертой, например, покрытый волчьей шкурой. Делалось это для того, чтобы центурионы могли узнать велитов на расстоянии и видеть, насколько хорошо они сражаются.

Конница и союзники

Триста всадников были разделены на десять турм, по 30 человек в каждой. В каждой турме было три декуриона, которых выбирали трибуны, и трое замыкающих (optioes). Можно предположить, что эти единицы по 10 человек были рядами, а значит, конница строилась шеренгой в пять или десять человек глубиной — в зависимости от обстоятельств.

8 — римский всадник с монумента Эмилия Павла в Дельфах, 168 г. до н.э. На войне кольчуга, напоминающая ту, что была у пехотинцев, но с разрезами по бокам для того, чтобы он мог сесть на лошадь.

9 — римский всадник времен республики, изображенный на рельефе с Курцияева озера на Форуме в Риме. На нем шлем с гребнем и короткий анатомический панцирь с птеригами; в руке он держит тиглиный щит римской конницы — парма эквестрис.

Турма конницы, состоявшая из трех декурий, каждая под начальством декуриона, который возглавлял свой ряд. В каждом ряду был также и замыкающий, который поддерживал порядок. А — декурион, 3 — замыкающий.

Командовал турмой первый из избранных декурионов. Вооружены всадники были по греческому образцу, они имели доспех, круглый щит (парма эквестрис) и прочное копьё с заостренным подтоком, которым можно было продолжать сражаться, если копьё ломалось. Римские всадники на памятнике в честь победы Эмилия Павла, установленном в Дельфах (168 г. до н.э.), носят кольчуги,

практически аналогичные тем, что были у пеших воинов. Единственное исключение — разрез на бедрах, который позволял сидеть на лошади. Характерные щиты италийской конницы можно разглядеть на многих монументах. Трибуны распускали легионеров по домам, приказав им вооружиться в соответствии с той частью, в какой они должны были служить. Союзники также формировали отряды в четыре-пять тысяч человек, к которым присоединялись 900 всадников. К каждому из легионов приписывался один такой отряд, так что под словом «легион» следует понимать боевую единицу примерно в 10 000 пеших воинов и около 1200 всадников. Организацию войска союзников Полибий не описывает, но она скорее всего была схожа с римской, особенно у латинских союзников. В обычной армии, состоящей из двух легионов, римляне сражались в центре, а два отряда союзников (их называли алами, т.е. крыльями — *alae sociorum*) — на флангах. Один отряд назывался правым крылом, а другой — левым. Каждым крылом командовали три префекта, которых назначал консул. Треть лучшей конницы союзников и пятая часть их лучших пехотинцев отбирались для того, чтобы образовать особую боевую единицу — экстраординариев (*extraordinarii*). Они были ударной силой для особых поручений и должны были прикрывать легион на марше. Вначале солдаты не получали платы, но со времен длительной осады Вейев в начале IV в. легионерам начали платить. Во времена Полибия римский пехотинец получал два обола в день, центурион—в два раза больше, а на долю всадника приходилось шесть обол. Римский пехотинец получал довольствие в виде 35 л зерна в месяц, всадник — 100 л пшеницы и 350 л ячменя. Разумеется, большая часть этого продовольствия шла на прокорм его лошади и конюха. Фиксированная плата за эти продукты вычиталась квестором из жалованья как пешего, так и конного воина. Вычеты делались также за одежду и требующие замены предметы экипировки. Пехота союзников также получала 35 л зерна на человека, а всадникам доставалось только 70 л пшеницы и 250 л ячменя. Однако эти продукты были для них бесплатными.

Подготовка

Собравшись в месте, установленном консулом, новые легионы проходили суровую «тренировочную программу». Девяноста процентам солдат уже доводилось служить в армии, но и они нуждались в переподготовке, новобранцам же было необходимо пройти базовое обучение. Во времена империи их заставляли «сражаться со столбом», используя утяжеленное оружие (см. стр. 218); несомненно, что-то похожее должно было иметь место и в период республики. Хорошее представление о том, как выглядел процесс переподготовки опытных солдат, можно получить из рассказа Полибия. Такую переподготовку устроил для своих воинов Сципион после того, как захватил Новый Карфаген (209 г.). В первый день солдатам нужно было пробежать шесть километров в полном снаряжении. На второй день они чистили доспехи и оружие, которое проверяли их командиры. На третий день они отдыхали, а на следующий день — упражнялись с оружием. Для этого использовали деревянные мечи, обтянутые кожей. Во избежание несчастных случаев кончик меча был снабжен насадкой. Острия дротиков, которыми пользовались для упражнений, также были защищены. На пятый день солдаты опять пробегали шесть километров в полном снаряжении, а на шестой вновь занимались своим оружием, и т.д.

На марше

Завершив обучение, армия выступала навстречу врагу. Порядок снятия с лагеря был строго регламентирован. По первому сигналу трубы сворачивались палатки консула и трибунов. Затем солдаты складывали собственные палатки и снаряжение. По второму сигналу они нагружали вьючных животных, а по третьему колонна выступала в путь. Помимо собственного снаряжения, каждый солдат был обязан нести связку колев для частокола. Полибий говорит, что это было не очень трудно, потому что длинные щиты легионеров висели на кожаных ремнях на плече и единственными предметами в их руках были дротики. Два, три или даже четыре кола можно было связать вместе и также повесить на плечо.

1 — римский землемер, который использует грому (groma) для того, чтобы разметить лагерь. Грома позволяла землемеру составить прямоугольную сетку, а затем отметить копиями эту сетку на месте для лагеря. Изображенный здесь прибор реконструирован по частям, обнаруженным в мастерской бронзолитейщика в Помпеях, которому его отдали для починки.
2 — этрусский рог (cornu) IV — III вв. до н.э. Музей Вилла Джулия. Практически такой же рог можно видеть на скульптурах из Осуны, Испания.

Обычно колонну возглавляли экстраординарии. За ними следовало правое крыло союзников вместе со своим обозом; затем следовал первый легион и его обоз, а затем второй легион. Он вел за собой не только свой обоз, но и вьючных животных левого крыла союзников, которое формировало арьергард. Консул и его телохранители — конные и пешие воины, специально отобранные из числа экстраординариев, — вероятно, ехали во главе легионов. Конница могла составлять арьергард своего соединения или размещаться по обеим сторонам обоза для того, чтобы следить за животными. При наличии опасности сзади экстраординарии формировали арьергард. Следует иметь в виду, что 600 всадников-экстраординариев двигались рассыпанным строем и осуществляли разведку — независимо от того, был ли это авангард или арьергард. Оба легиона, а также оба крыла союзников через день менялись местами — так что впереди были то правое крыло и первый легион, то левое крыло и второй легион. Это позволяло всем по очереди пользоваться преимуществами в добыче свежей воды и фуража. В случае, если опасность заставала легион на открытой местности, гастаты, принципы и триарии шли тремя параллельными колоннами. Если атака ожидалась справа, то первыми

с этой стороны становились гастаты, за ними принципы и триарии (см. стр. 141). Это позволяло в случае необходимости развернуться в стандартный боевой порядок. Обоз становился слева от каждой колонны. При угрозе атаки слева гастаты строились с левой стороны, а обоз с правой. Такая система выглядит как вариант развития македонской. Разворот в боевой строй мог быть осуществлен лучше всего, если бы манипулы маршировали не колоннами, а шеренгами — так, как поступали македонцы. В этом случае первая шеренга уже была готова при необходимости встретить врага, а рядам не было нужды разворачивать строй. Если основной строй центурии был в шесть шеренг по десять человек (см. стр. 141), то солдаты могли маршировать по шесть в ряд. Именно так они и делали во времена империи. В день армия могла пройти расстояние около 30 км, но в случае необходимости была способна продвинуться значительно дальше. Среди тех, кто шел вместе с авангардом для того, чтобы убедиться, что путь открыт, были специалисты по наведению переправ. Полибий упоминает их, рассказывая о том, как Сципион пересек р. Тицин зимой 218 г. до н.э.

Лагерь

Когда колонна приближалась к месту, где располагался противник, один из трибунов и ответственные за выбор места для лагеря центурионы отправлялись вперед, чтобы изучить местность и выбрать место для лагеря. Они искали подходящий кусок открытой местности примерно 800x800 метров, желательно на возвышенности. Место должно было не давать укрытия врагу и иметь выход к источнику воды. Выбрав место для лагеря, они находили точку, с которой лучше всего была видна вся его будущая территория, и ставили там белый флажок. Так обозначалось место для палатки консула (преторий, *praetorium*). Название это было старое и напоминало о временах, когда два старших магистрата назывались преторами. Вокруг этого флажка отмерялась территория примерно в 30x30 м. С той стороны от претория, где были лучше возможности водоснабжения и фуражирования, ставили красный флажок. Это была сторона, с которой размещались легионы. В пятнадцати метрах от этой стороны квадрата ставили еще один красный флажок — он отмечал ряд палаток трибунов, вход которых был обращен в сторону, противоположную преторию. В сотне футов перед палатками трибунов вновь помещали красный флажок и проводили линию, параллельную палаткам трибунов. Позади этой линии и размещались легионы. В центре проведенной линии трибун ставил свой измерительный инструмент (*groma*) для того, чтобы замерить все остальное. Этот инструмент позволял ему провести прямоугольную сетку и отметить копьями две главные улицы лагеря. Первая из них, *via principalis*, проходила между линией палаток трибунов и линией, вдоль которой размещались легионы. Вторая улица, *via praetoria*, шла от точки, на которой был размещен измерительный аппарат — напротив претория — через весь лагерь, под прямым углом к первой улице. После того как были отмечены улицы, размечалось место для рва и вала. В обычных условиях походный лагерь окружался рвом около метра глубиной. Земля вытаскивалась наружу, обкладывалась дерном и выравнивалась так, чтобы образовать невысокий вал. Легионы строили переднюю и заднюю стенки укрепления, а союзники — боковые. Каждому манипулу отводился свой участок работы. Центурионы проверяли, чтобы исполнялась она качественно, а два трибуна наблюдали за процессом строительства каждой стороны в целом. Если ставить лагерь приходилось непосредственно перед лицом врага, то укрепления были значительно более мощными. Обоз размещали позади линии вала, а велиты, конница и половина тяжелой пехоты строились перед

линией будущего укрепления в боевом порядке. Позади этой живой стены вторая половина войска начинала возводить укрепления. Легионеры выкапывали ров в три метра глубиной и в четыре шириной. Вынутая земля поднималась на внутреннюю сторону и укладывалась на высоту примерно 1,25 м; передняя сторона вала обкладывалась дерном. Ров (*fossa*) и вал (*agger*) тянулись примерно на 700 м. По мере того как работы по строительству вала подходили к концу, консул мог отзывать пехоту из охранения, манипул за манипулом. Однако конница не входила внутрь лагеря, покуда не был завершён частокол. Каждый солдат нес два или три кола, которые он втыкал на валу так, чтобы образовать частокол. На вал длиной 3000 м приходилось 40—50 тысяч кольев, что означает от 13 до 16 на метр. Колья эти вырезались так, чтобы на них осталось от двух до четырех боковых ветвей от послужившего материалом дерева. Все эти ветви заострялись на концах. Помещали колья так, чтобы ветви сильно переплетались: было нелегко просто определить, какому колу какая ветвь принадлежит, не говоря уже о том, чтобы выдернуть его. Из-за этой же плотности установки за один и тот же кол сложно было хвататься более чем одному человеку — нападавшие впустую изранили бы руки. Установив защитные укрепления, легионеры начинали ставить лагерь. Поскольку порядок размещения был всегда одинаковым, каждый человек точно знал, где поставить свою палатку. Два легиона размещались позади «*виа принципалис*» и по обеим сторонам от «*виа претория*». Конница размещалась лицом к *виа претория*, турма за турмой. Первая из них стояла напротив претория, а десятая — рядом с валом. Триарии стояли следом за конницей и спиной к ней, первый манипул рядом с преторием. Таким образом, примипил каждого легиона был ближайшим центурионом к палатке главнокомандующего. Перед палатками триариев проходила другая дорога, шириной в 15 метров. Вдоль нее, лицом к триариям и спиной к гастатам, размещались принципы. Таким же образом, еще через 15 м, лицом к гастатам, стояла конница союзников, а за ней — союзная пехота. При разбивке лагеря между пятым и шестым манипулами и турмами оставляли пространство в 50 футов (римский фут равен примерно 29 см). Это было место для еще одной поперечной улицы, *via quintana*. Все улицы отмечались воткнутыми в землю копьями. Позади палаток трибунов, рядом с преторием, находился форум (рыночная площадь лагеря), а с другой стороны от претория — палатка квестора (*quaestorium*), отвечавшего за поставки припасов. Позади квестория и форума размещались охрана консула из числа экстраординариев и добровольцы, которые исполняли поручения консула. Они постоянно следили за его безопасностью. Оставшаяся часть экстраординариев становилась позади претория тем же порядком, что и

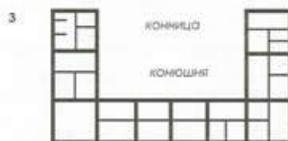
остальные, конница — лицом к центральной дороге. За экстраординарными, в противоположных углах лагеря, размещались чужеземные войска или войска союзников. Для обычной армии, состоящей из двух легионов по 4200 человек, не считая союзников, на каждый манипул или турму полагалось пространство в 100x100 футов. Триариям давали участок в 100x50 футов. Для легионов в 5000 человек предоставлялось большее количество места — в соответствующей пропорции. Первая палатка на любом из концов каждого манипула, т.е. самая ближняя к дороге, принадлежала центуриону. Если два консула объединяли свои силы, то армии располагались спина к спине, разместив легионы на обоих концах лагеря. Раскопки на месте кварталов манипулов у Нуманции дают нам некоторое представление о том, как выглядело их размещение. Две центурии располагались лицом внутрь по сторонам квадрата. На внутреннем конце размещались загоны для животных. На местах военных лагерей времен империи было обнаружено множество остатков палаток. У нас нет причин сомневаться, что во времена республики они были примерно такими же. Каждая палатка легионеров занимала площадь 10x10 футов, включая место для растяжек. Делали палатки из кожи, и в каждой было достаточно места для восьми человек со всем снаряжением. Палатки командиров, так же как и палатки простых легионеров, можно видеть на колонне Траяна. Ров и вал с частоколом строились на расстоянии в 200 футов от палаток и окружали всю территорию лагеря.

Лагерные обязанности

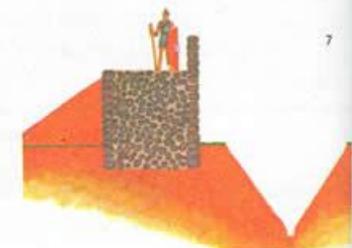
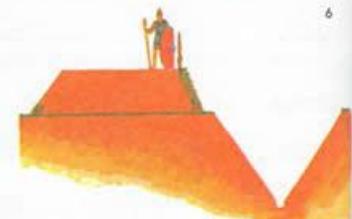
После того как лагерь был окружен рвом, трибуны приводили к клятве всех в нем, включая рабов. Каждый человек клялся ничего не красть из лагеря и приносить все, что он найдет, к трибуну. Обязанности по лагерю распределялись между манипулами принципвов и гастатов.

Римская армия строит укрепления. Все велиты, всадники и половина тяжелой пехоты выстроились между валом и врагом. Обоз помещен позади вала.

1—3 — планы размещения манипулов, снятые с римского лагеря в Нуманции, в Испании. Стойла животных размещались в задней стороне квадрата, между жилыми помещениями.
4 — реконструкция одного из кварталов манипулов в Нуманции, Испания. Легионеры расквартированы по обеим сторонам, помещение центуриона — на ближнем конце. Позади находится стойла для бычьих животных.
5 — обычный лагерь на марше.
6 — лагерь на марше, но в виду врага.
7 — укрепленный камнем вал из Нуманции, Испания.

Два манипула из каждого легиона должны были следить за чистотой на виа принципалис, потому что днем в этом проходе шириной в сто футов собирались солдаты. Этим манипулам полагалось подметать улицу и поливать ее водой. Три из оставшихся 18 манипулов назначались по жребию к каждому из трибунов. Эти приписанные к трибуну манипулы по очереди несли трехдневные дежурства. Они отвечали за установку его палатки и за выравнивание земли вокруг нее, охраняли любое нуждающееся в этом имущество трибуна и несли стражу у входа и с противоположной стороны, там, где находились лошади. Каждый манипул триариев должен был выставить одного охранника для той турмы, позади которой размещался. В его обязанности входило не только общее наблюдение, но и присмотр за лошадьми — они не должны были пораниться, запутаться в привязи или отвязаться и устроить беспорядок в лагере. Наконец, каждый манипул по очереди отвечал за охрану палатки консула. Велиты были освобождены от обязанностей тяжелых пехотинцев, хотя и квартировали вместе с ними — они отвечали за охрану вала. В лагере было четверо ворот — на концах каждой из главных улиц; охрану каждого входа осуществляла стража из десяти велитов. Помимо уже упомянутых караулов, три поста выставляли ночью у складов на квестории, и по два — у палаток легатов и остальных членов военного совета. Полибий ничего конкретного об этих палатках не говорит, но они, вероятно, размещались позади палаток трибунов среди добровольцев, за квесторием и форумом. Назначалась стража и в каждом манипуле. Она состояла из четырех человек — по одному на каждую из четырех ночных страж. Во время вечерней трапезы трубачи и горнисты, стоя у палатки консула, давали сигнал. Вслед за ним один из помощников командира манипула отводил часового, которому выпало стоять первую стражу, в палатку дежурного трибуна. Трибун выдавал каждому табличку с определенным значком, она называлась тессера (tessera), и отправлял обратно на пост. Из десятого манипула каждого класса воинов и из десятой турмы конницы — все они размещались в дальнем конце лагеря, возле вала, — выбирали одного человека. Он освобождался от всех обязанностей по охране, однако должен был каждый вечер, на закате, являться в палатку дежурного трибуна и получать пароль. Пароль был записан на деревянной табличке. Затем он возвращался в свой манипул и при свидетелях показывал табличку старшему центуриону следующего манипула. Затем он передавал пароль в следующие манипулы — покуда табличка не доходила до командира первого манипула или турмы, откуда должна была вернуться к трибунам еще до наступления темноты. Рано утром главный декурион первой турмы каждого легиона давал одному из своих помощников приказ отобрать четырех человек для инспекции ночной стражи. Вечером того же

дня ему следовало сказать старшему декуриону следующей турмы, что в его обязанности входит выделить очередную четверку инспекторов. Выбранные люди тянули жребий, распределяя ночные стражи, а затем отправлялись к трибуну, от которого получали письменные распоряжения, какие посты и в какое время им следовало посетить. После этого все они переходили через виа принципалис и ожидали у палатки старшего центуриона или второго центуриона, которые по очереди отмечали ночные стражи. В назначенное время раздавался сигнал горна, который отмечал начало каждой стражи. В течение первой стражи тот солдат, на чью долю выпадала эта обязанность, отправлялся проверять указанные в его приказе посты и забирал у каждого стража выданную ему табличку. Инспектора сопровождали несколько друзей, которые выступали в качестве свидетелей. Если он обнаруживал, что часовой заснул или отлучился со своего поста, инспектор призывал друзей засвидетельствовать это, а затем шел дальше. Ливии, вероятно, следуя Полибию, дает очень живописную картину легионера, который спит на посту, не снимая шлема, положив подбородок на край щита и подпираясь пилумом. Ливии утверждает, что с этого времени (168 г. до н.э.) часовым запрещено было иметь щиты. Другие проверяющие совершали свои обходы во время следующих страж и посещали другие посты. На рассвете они докладывали обо всем трибуну. Если все тессеры были собраны, то их без лишних вопросов отпускали. В противном случае трибун определял, какой из них не хватало. Затем он вызывал центуриона провинившегося манипула, который приводил с собой человека, бывшего в тот день на посту, а инспектор звал своих свидетелей. Трибунал немедленно собирал военный суд, который состоял из всех трибунов, и судил часового. В случае признания виновным солдата приговаривали к избиению дубинками до смерти, такое наказание называлось «фустуарий», *fustuarium*. Нерадивого воина выводили вперед, и трибун касался его дубинкой. Затем его же товарищи забивали его дубинками или забрасывали камнями; если оказывалось, что вина за незабранную тессеру лежит на инспекторе, то он подвергался аналогичному наказанию. Оно же предназначалось для помощника командира или командира турмы, если они не отдавали должных приказов или не информировали следующую турму об их очереди проводить инспекцию. Полибий сухо замечает, что «ночные стражи в римской армии несут самым строгим образом». Избиение дубинками было наказанием за воровство в лагере, за лжесвидетельствование, за попытку улизнуть от обязанностей путем намеренного нанесения себе ран, а также за уличение в одном и том же проступке три раза. Таково же было наказание за трусость, за брошенный в бою меч или щит, за ложь трибуну в рассказе о собственных подвигах в сражении. Если виновным в трусости перед лицом

врага оказывался целый отряд, то казни в нем подвергался каждый десятый воин (децимация). Трибуны собирали легион и выводили вперед тех, кто был виновен в том, что покинул шеренги. Их выстраивали, а затем отбирали по жребию десять процентов; попавших в это число людей забивали камнями или дубинками. Остальных переводили на ячмень вместо пшеницы, а ставить свои палатки им следовало за пределами вала — на незащищенной территории. Все выжившие после битвы при Каннах легионеры вынуждены были есть ячмень и весь год ночевать вне лагеря. За менее серьезные преступления трибуны имели право назначать штраф, требовать поручителей и пороть провинившихся. Римляне не только наказывали нарушителей суровой дисциплины, но и, подобно македонцам, имели систему поощрений. Наградой за выдающуюся храбрость являлся золотой венок. Такие венки вручались первому, кто взбирался на крепостную стену во время осады города (*corona muralis*) или штурма лагеря (*corona vallaris*). После захвата Карфагена Сципион наградил золотым венком сразу двоих — центуриона легиона и солдата абордажной команды, которые первыми взобрались на верх стены. Человек, который спас жизнь другого воина, независимо от того, союзник это или римлянин, награждался дубовым венком (*corona civica*), который вручал ему спасенный. До конца жизни он должен был относиться к своему спасителю как к родному отцу. Ливии пишет, что Минуций Руф, командир конницы, именно так относился к диктатору, Фабию Максиму Кунктатору, который спас его от Ганнибала при Герунии в 217 г. Человека, который, подобно Фабию, спас армию, обычно награждали *corona obsidionalis* (букв. «венок за освобождение от осады»). Этот травяной венок был самой желанной из всех наград. Плиний Старший, который писал в I в. н.э., смог насчитать только восьмерых награжденных им людей. Награды получали и особенно отличившиеся застрельщики: тот, кто ранил противника при таких обстоятельствах, получал копье. Пехотинец, убивший врага и сорвавший с него доспех, награждался чашей. Проявивший храбрость всадник мог получить какой-нибудь предмет конской экипировки.

День сражения

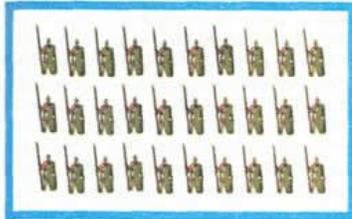
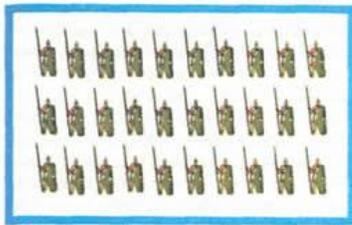
На рассвете каждого дня трибуны собирались в палатке консула. Затем они передавали полученные от него приказы ожидавшим у палатки центурионам и декурионам. Те же, в свою очередь, доносили приказ до солдат. Консул, подобно греческим полководцам, каждое утро приносил жертву, а сопровождавший войско авгур толковал знамения. Когда было окончательно решено дать сражение, у палатки консула помещали привязанный к копьё пурпурный плащ — свидетельство того, что битва неминуема. Получив приказ, легионы строились внутри укрепления, перед лагерем, и покидали его через преторские ворота. Союзники собирались перед двумя боковыми сторонами вала, напротив своих палаток, и выходили через главные ворота на каждой из сторон. Благодаря этому они, выйдя, сразу занимали свои позиции справа и слева от легиона. Конница покидала лагерь через декуманские ворота и затем продвигалась на свое место на правом и на левом крыле. Конница римлян становилась на правом фланге, а конница союзников — на левом. Если консулы объединяли свои армии, все легионы, должно быть, размещались в центре, так как основной римской тактикой было нанесение мощного удара в центре. Судя по тому, как действовали римляне против Ганнибала и его обходных маневров, специально созданных им для борьбы с легионами, можно сделать вывод, что римские полководцы другой тактики не признавали, по крайней мере, до того времени. От нее не отказались даже после Ганнибала, поскольку она не требовала от полководца никаких тактических способностей. Римские армии выигрывали сражения благодаря тому, что легионер был лучшим солдатом. При построении боевым порядком гастаты образовывали первую линию, принципы — вторую, а триарии — третью. Как и в легионе IV в., описанном Ливием, между манипулами оставались пропуски для перестроений шириной в один манипул. Между турмами конницы также были промежутки, необходимые для перестроения и маневра. Эти промежутки между манипулами больше всего затрудняют понимание такого построения. Действительно ли гастаты и принципы сражались, имея разрывы в строю, как считал, быть может, ошибочно, Полибий? Или же они смыкали свои ряды, как описанные Ливием триарии (см. стр. 128)? Некоторые комментаторы предполагают, что солдаты в каждом манипуле «продвигались» вперед, дабы заполнить промежутки. С этим совершенно невозможно согласиться. Во-первых, существовала общая тенденция смыкаться, заваливаясь на правую сторону, потому что каждый стремился

прикрыться и щитом своего соседа (центурионов набирали из людей, способных противостоять этому). Во-вторых, солдатам пришлось бы отходить от противника для того, чтобы «оттянуться» обратно при смене линий. В поисках ответа на вопрос нам следует вернуться к тому методу, которым пользуется Полибий для описания действий римлян. Дело в том, что Полибий с большой тщательностью описывает все случаи, когда римляне применяли что-нибудь совершенно чуждое грекам, например, их пехотные щиты, их лагеря и абордажные мостики на кораблях. Но он практически не затрагивает в своем описании то, что римляне позаимствовали у греков — например, снаряжение конницы. Возможно, что объяснение следует искать в греческой системе. Греки заполнили бы пропуск путем простого выдвигания вперед задней половины боевой единицы. Каждый манипул состоял из двух центурий. Полибий пишет, что старший центурион стоял справа. Однако из других источников нам известно, что центурионов именовали передний (prior) и задний (posterior), а не правый и левый, как войска союзников, размещавшиеся на противоположных флангах. Проблема легко решается, если представить, что центурии становились одна за другой. Как только сражение начиналось, задняя центурия подтягивалась на свободное место и заполняла строй. В битве при Каннах, говорит Полибий, глубина манипулов во много раз превышала их ширину. Такое описание было бы невозможным, если бы центурии стояли бок о бок, но оно вполне логично, если они размещались одна за другой — передняя и задняя.

Манипулы в бою

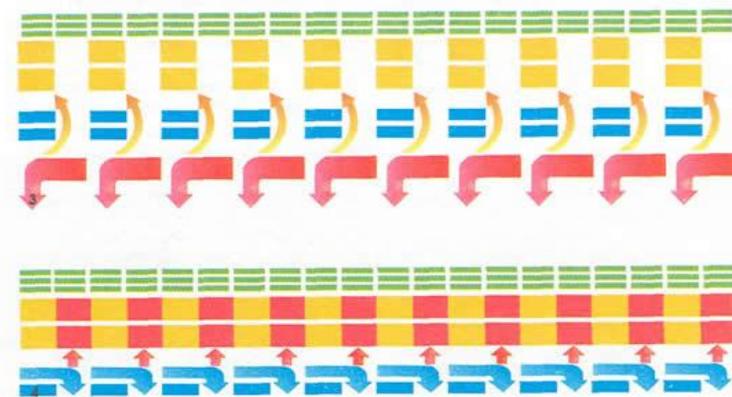
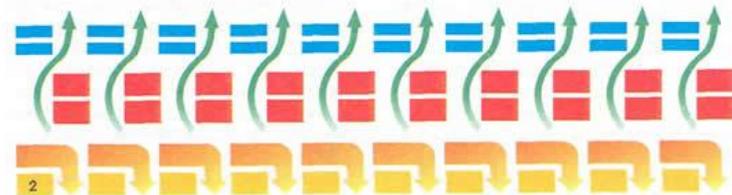
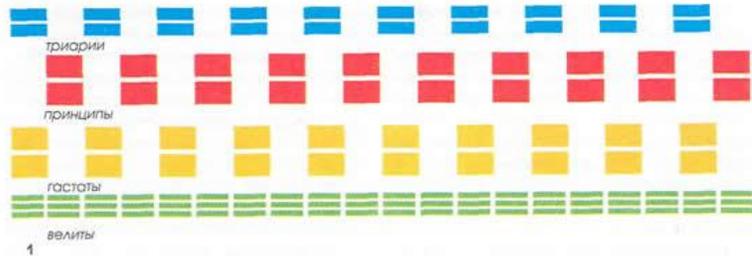
Здесь я попытаюсь реконструировать стандартную последовательность боя. Покинув лагерь, легион строился в три непрерывные линии, где центурии становились бок о бок. Перед битвой консул обращался к своим воинам. Он напоминал им, что они сражаются за свои дома, и вспоминал прошлые победы. Обычно он умалял врагов, указывая, что поражение их — в руках римлян. По сигналу задние центурии поворачивались кругом и вставали позади своих передних центурий, открывая пропуски в боевом порядке. Когда подавался сигнал к началу сражения, велиты покидали свои манипулы, проходили через эти промежутки и бежали вперед, осыпая наступающего противника дротиками. Целью застрельщиков было нарушить вражеский строй в преддверии наступления тяжелой пехоты. Полибий описывает этот маневр в рассказе о битве при Теламоне. Если легковооруженных солдат на передней линии имели обе стороны, такая тактика оказывалась нейтрализованной, а битва начиналась с мелких стычек. Когда противник оказывался в зоне действия тяжелой пехоты, трубы подавали сигнал к отступлению, и велиты отступали через те же пропуски в строю. Затем они ставились позади триариев или отправлялись на фланги, к коннице. Там они обычно размещались в промежутках между турмами. Задние центурии гастатов продвигались теперь вперед, чтобы закрыть промежутки, и начинали стучать своими пилумами о щиты, будто им не терпелось схватиться с врагом. Звучали трубы, гас-таты издавали боевой клич и под одобряющие крики остальной армии бросали вначале легкий, а затем более тяжелый пилум. В момент замешательства врага, который следовал за этим градом метательных копий, гастаты вынимали мечи и кидались на противника. Они старались сшибить его с ног ударом щита, на который бросали весь вес своего тела. Затем они опирали щит о землю, по-прежнему прислонившись к нему левым плечом, и сражались с противником из-за щита. Иногда для того, чтобы сломить строй противника, хватало одного наступления гастатов. Если оно оказывалось безуспешным, трубы давали сигнал к отступлению сразу после того, как утихал первый пыл. Задние центурии отходили от врага и продолжали отступать, покуда не равнялись с замыкающими передней центурии; затем они поворачивались направо, обратив щиты к противнику, и шли на свое место позади передней центурии. После чего вся линия отступала, проходя через промежутки в строе принципов. Последние, лучшие воины в армии смыкали теперь свои ряды и по сигналу трубы начинали наступление. Обычно этого хватало для

того, чтобы расстроить ряды противника и обратить его в бегство. Преследовать отступающего противника отправлялась конница и велиты. Если, однако, принципы терпели поражение и битва казалась проигранной, гастаты нарушали строй, отступая в промежутки в строю триариев, а затем вновь восстанавливали свои ряды. Теперь сигнал к отступлению подавался принципам, и им нужно было вновь открыть промежутки строя. Потом они отступали мимо триариев, которые могли продвинуться вперед для облегчения отступления. Зайдя за триариев, принципы становились в промежутки между манипулами гастатов. Задние центурии триариев двигались к передним, смыкая ряды, и вся армия имела возможность организованно отступить под прикрытием их копий. Если какой-нибудь из манипулов оказывался рассеянным во время сражения, солдаты имели возможность вновь построиться у своих штандартов, как произошло это в битве при Герунии в 217 г. до н.э. Остается открытым вопрос о глубине манипула. При 60 тяжелых пехотинцах на центурию может быть лишь три разумных способа построения — по 3, по 6 или по 12 человек в глубину. Каждый из них формируется удваиванием предыдущего. Стандартный порядок следования на марше — по шесть человек в ряд (см. стр. 135) — подтверждает, что основным был строй в шесть на десять воинов. Если считать стандартным построение в шесть человек в глубину и десять в ширину, а затем прибавить к ним 20 приписанных к манипулу велитов, мы получим старый добрый строй в восемь человек в ряд. Он был стандартной мелкой единицей римской армии и назывался контуберний (*contubernium*), или жилая палатка. Вероятно, что те, кто стоял в одном ряду, жили в одной палатке для того, чтобы поддерживать отношения товарищества; современные учебники военного дела называют это «динамикой малых групп». У каждого есть свое место в шеренге и в ряду точно так же, как есть место в лагере. Онасандр подтверждает это, когда говорит о том, как приятно смотреть, как солдаты подбегают и занимают свое место в строю. Поскольку писал он это в I в. н.э., вряд ли это описание какой-нибудь еще армии, кроме римской. Тот солдат, который занимал почетное место в передней шеренге, был, возможно, и старшим по палатке.

Манипул триариев, размещенный обычным строем по десять человек в ряд.

Манипул гастатов, построенный по десять человек. Такое же стандартное построение могли принять и принципы.

Тактика манипула

Первая фаза

Легион выстроен в три линии, передние центурии бок о бок с задними. Впереди находятся гастаты, позади — триарии. Задняя центурия по команде отходит и занимает место позади своей передней центурии, открывая промежутки в строю. Велиты покидают свои манипулы и выстраиваются перед легионом.

Вторая фаза

Велиты начинают сражение, пытаются нарушить строй наступающего противника. Затем они отступают через промежутки, гастаты смыкают ряды и начинают наступление.

Третья фаза

Если гастаты встречают серьезный отпор, их задние центурии отходят от врага и открывают промежутки строя для того, чтобы пропустить через них принципов. Они, в свою очередь, смыкают ряды и наступают.

Четвертая фаза

Если и принципы терпят поражение, их задние центурии открывают промежутки в строю. Теперь они могут поменяться местами с гастатами, дав им еще одну попытку одолеть противника, либо отступить через промежутки в строю триариев. После этого маневра задние центурии триариев «вдвигаются» в промежутки и образуют сомкнутый строй типа фаланги. Затем вся армия может организованно отступить, находясь под прикрытием их копий.

Когда количество людей в легионе возрастало до пяти тысяч, добавочных солдат могли ставить для увеличения глубины строя гастатов и принципов с шести до восьми человек. В трех случаях, когда, как нам известно, легион состоял из пяти тысяч воинов — при Теламоне, при Каннах и при Пидне, — это было связано с тем, что легионам приходилось противостоять особенно жестокому натиску или требовалось прорваться, используя простой перевес в численности. Манипул мог стоять открытым строем, когда на каждого легионера приходилось по 6 футов, или сомкнутым — по 3 фута. Способ

перестроения из открытого строя в сомкнутый был, возможно, таким же, как у греков — вторая половина каждого ряда вставала в пространство между рядами. Из сравнения, которое делает Полибий между фалангой и легионом, следует, что римляне обычно сражались открытым строем, шесть футов места на каждого, поскольку он пишет, что на каждого римлянина приходилось по десять копий. Из этого следует, что сомкнутый римский строй был их аналогом тесного щитового строя македонцев, где на каждого гоплита приходилось по полтора фута. Хотя относительно шести футов Полибий скорее всего прав, римляне должны были становиться тесным строем при необходимости мощного прорыва, как, например, при Требии и при Каннах. Тогда они могли в полной мере воспользоваться преимуществами своей общей массы. Следует сказать несколько слов о метании пилума. Предположение, что легионер втыкал тяжелый пилум в землю, покуда метал более легкий, а затем бежал обратно, чтобы забрать его, звучит слишком дико и обсуждения не заслуживает. Быть может, он нес тяжелый пилум с внутренней стороны щита, зацепив его широкой частью там, где металл соединяется с деревом, за верхнюю кромку. В таком случае древко пилума можно было бы держать прижатым к щиту при помощи большого пальца левой руки. Я пробовал этот способ — широкая часть пилума словно нарочно создана для такой транспортировки, — но следует признать, что удерживать древко большим пальцем было очень сложно. Быть может, на пилуме был ремешок или переносной ремень щита оборачивали вокруг него и крепили к рукояти. Длинное тонкое железное острие пилума сгибалось от удара, и его нельзя было метнуть обратно. Если дротик проходил мимо цели и застревал в щите, зазубренное острие не давало его выдернуть, что чрезвычайно затрудняло пользование щитом.

Рим в 275—140 гг. до н.э. Великие войны

Отныне Рим контролировал всю Италию. Его легионы сумели одолеть македонскую фалангу, которой руководил один из лучших полководцев античности, и доказали, что они в силах противостоять всем известным тогда в мире военным системам. На юге римляне поглядывали теперь через Мессинский пролив — на Сицилию. Римская экспансия на юг неизбежно должна была привести к столкновению с крупнейшей морской державой того времени — Карфагеном. Он не только контролировал побережье Африки вплоть до Гибралтарского пролива, юго-восточную Испанию и Сардинию (там у него было пять колоний), но и владел западной Сицилией. Восточная часть острова находилась в руках сиракузских тиранов, а также группы бывших наемников, известных как мамертинцы, которые четвертью века раньше захватили город Мессана (совр. Мессина). Сиракузцы теснили мамертинцев и уже готовились осадить Мессану, когда в войну вмешались карфагеняне. Они стремились не допустить попадания пролива под контроль Сиракуз, а потому пришли на помощь Мессане, поставив там свой гарнизон. Однако в 264 г. до н.э. мамертинцы подчинились римлянам: они не хотели видеть город оккупированным ни Сиракузами, ни Карфагеном и в то же время оценили степень свободы, какой обладал расположенный на противоположном берегу пролива Регий, союзник Рима. Рим понимал, что принятие этого предложения равносильно объявлению войны как Сиракузам, так и Карфагену, однако все же решился его принять. Для того чтобы поставить в Мессане свой гарнизон, на юг был отправлен морем небольшой отряд во главе с военным трибуном. Карфагеняне, чей флот патрулировал тогда пролив, не горели желанием вступать в войну, а потому предприняли лишь слабую попытку помешать римлянам войти в город. Как только последние прибыли на место, мамертинцы вышвырнули карфагенян из Мессаны. Карфаген отреагировал на события отправкой на остров армии, которая прошла вдоль южного побережья, объединилась со своим бывшим соперником — Сиракузами — и выступила к Мессане. Тем временем римская армия под командованием консула прибыла в Регий и переправилась через пролив. Так началась самая длинная и самая горькая война в истории Рима. На протяжении следующих 120 лет городу пришлось выдержать три войны с карфагенянами, в которых Рим потерял 250 тысяч человек. Войны эти завершились полным уничтожением Карфагена и его жителей.

Карта, на которой изображен театр военных действий I Пунической войны, В руках Рима находится вся Италия, в то время как Карфаген владеет Северной Африкой, западной Сицилией и Сардинией. Направленная на юг экспансия Рима должна была неизбежно привести его к конфликту с Карфагеном.

Наиболее ранний рассказ об этих войнах мы встречаем у греческого историка Полибия, который составил его во время III Пунической войны. У него был сравнительно большой военный опыт вкупе с ясным пониманием стратегии и тактики. К сожалению, немалая часть его труда до нас не дошла. Практически непрерывный отчет о событиях от начала II Пунической войны в 218 г. до н.э. до 167 г. до н.э. дает Ливии; после этого периода его труд также утрачен. Как уже говорилось выше, Ливии был «кабинетным историком» и не имел нормального представления ни о стратегии, ни о тактике. Существенная часть его материалов взята у Полибия, однако он часто дополнял греческого историка сведениями, почерпнутыми из других, худших источников, чем немало портил свой рассказ. Существует и третий источник — это александрийский историк Аппиан, живший во II в. н.э. Он написал историю войн Рима, и его трудом в принципе можно пользоваться для того, чтобы заполнить пропуски, имеющиеся у Полибия и Ливия. Однако как источник Аппиан не слишком надежен, доверять ему можно только в тех случаях, где его рассказ совпадает с тем, что сказано у Полибия. В данной книге рассматривается в первую очередь информация, находящаяся у Полибия; другие же источники зачастую полностью опускаются. В использовании Полибия в качестве исторического источника

есть, однако, один отрицательный момент. Греческого историка привезли в Рим после битвы при Пидне в 168 г. до н.э. В Риме он жил в семье Сципионов и стал близким другом Сципиона Эмилиана, сына Эмилия Павла, победителя при Пидне, и внука Павла, убитого в битве при Каннах. Когда брак его отца распался, Эмилиана усыновили Сципионы, а его брата — семья Фабия Максима. Полибий не мог анализировать поступки представителей этих семей со своей обычной критической позиции, поскольку был связан с ними. Рассказывая о деяниях Сципионов, Павлов и Максимов, Полибий чувствовал себя обязанным во всем следовать их семейным преданиям, а потому ему приходилось в некоторых случаях «подгонять» другие имевшиеся у него источники под свой рассказ. Ни Сиракузы, ни Карфаген не чувствовали себя в силах справиться со сложившимся положением, а потому, обменявшись с римлянами мелкими стычками, отошли от Мессаны. На следующий, 263 г. Рим отправил на остров обоих консулов, и пролив пересекла вторая армия. Консулы решили вначале сокрушить Сиракузы, а затем уже иметь дело со значительно более грозными карфагенянами. Однако, когда римляне подошли к греческому порту, сиракузцы, увидев, что дело складывается не в их пользу, решили сдаться. В течение следующего года консулы продвинулись по южному побережью до Агригента, где собрались основные силы карфагенян, и осадили город. Последние попытались снять осаду, однако столкнулись с серьезным отпором и в итоге потеряли город. Агригент (совр. Агридженто) был греческим, а не карфагенским городом, но, несмотря на это, римляне разграбили его, а жителей продали в рабство. Такая жестокость была обычным делом для военного времени, но в данном случае оказалась совершенно непродуктивной, поскольку вызвала открытую враждебность других городов. Римлянам приходилось сражаться за каждый метр там, где они могли бы пройти с миром. Тем временем вдоль берегов Сицилии и Италии свободно рыскал флот пунийцев, которому даже удавалось вновь подчинять себе небольшие города. Римляне ясно понимали, что для того, чтобы сражаться с Карфагеном на равных, им необходимо выйти в море. В одной из мелких стычек переправлявшиеся на Сицилию римляне сумели захватить вытасченный на берег пунийский корабль, который и послужил им моделью для строительства собственных судов. В течение двух месяцев они спустили на воду 120 кораблей. Отдавая себе отчет в том, что у неопытной команды нет никаких шансов превзойти опытных карфагенских моряков, римляне изобрели абордажный мостик с крюком на конце, прозванный солдатами «вороном» (*corvus*). Они рассчитывали прицепляться с его помощью к кораблю противника так, чтобы получить возможность пустить в бой своих непобедимых легионеров. Римляне отправились на юг со своим

построенным из сырого дерева флотом, ведомым плохо знакомыми с новым делом людьми. Их первые 17 кораблей, включая тот, на котором плыл один из консулов, сразу же пали жертвой карфагенян. Остальные сцепились с флотом пунийцев в заливе Милаццо и вопреки всем ожиданиям одержали весомую победу, которая предоставила им контроль над морем. Основной причиной этой победы можно считать «воронов», к которым карфагеняне были совершенно не готовы. Теперь карфагеняне осознали, что им придется иметь дело с превосходящей их римской пехотой как на суше, так и на море, и приготовились защищаться. Война превратилась в череду осад. К 256 г. римляне довели количество своих кораблей до 330 штук и решили разрешить сложившуюся на Сицилии ситуацию радикальным способом — переносом боевых действий в Африку. Консул Атилий Регул высадился на расстоянии примерно четырехдневного перехода от Карфагена с 15 000 пеших воинов и 500 всадниками и немедленно вступил в бой. Дважды в течение следующих месяцев он громил плохо обученное карфагенское войско и к концу кампании того года смог устроиться на зимние квартиры в Тунисе, откуда было рукой подать до великого города. Зимой карфагеняне запросили мира, но Регул выставил настолько тяжелые условия, что им не оставалось ничего, кроме как из последних сил продолжить борьбу. Отчаявшиеся карфагеняне пригласили для подготовки армии спартанского военачальника Ксантиппа. Его деятельность произвела на карфагенян такое впечатление, что они поручили ему командование армией. Весной он вывел свои войска навстречу римлянам и провел сражение. Ксантипп выстроил в центре фалангу и 100 боевых слонов, а на флангах разместил 4000 конницы. Сотня слонов нарушила римский строй, а идущая за слонами фаланга оттеснила смешавшиеся ряды легионеров. Тем временем африканская конница оставила фланги римлян без прикрытия, а затем атаковала легионы с тыла. Спаслось лишь две тысячи человек, а пятьсот солдат вместе с консулом Регулом попало в плен. Но самое худшее было еще впереди. Для того чтобы подобрать выживших, был послан флот; на обратном пути он попал в сильный шторм, пережило который всего 80 кораблей. Людские потери составили примерно 100000 жизней. Со свойственным им стоицизмом римляне отреагировали на несчастье постройкой другого флота, но двумя годами позже они потеряли при похожих обстоятельствах еще 150 кораблей. К 251 г. их силы настолько истощились, что они смогли снарядить всего 60 кораблей и вынуждены были уступить господство на море Карфагену. Они сомневались, что будут в состоянии когда-либо постоянно властвовать на море, а потому решили закрыть Сицилию для карфагенян путем захвата их главных портов на острове. Таковых было три — Панорм (совр. Палермо) на северном побережье, а также Дрепана (совр. Трапани) и

Лилибей (совр. Марсала) на западной оконечности Сицилии. Римляне начали с того, что прошли по северному побережью и взяли Панорм, главную из колоний пунов. В 250 г. до н.э. римляне предприняли титаническое усилие и набрали команды для 240 кораблей. Соединенными усилиями армии и флота они нанесли удар по Лилибею и блокировали его. Попытка взять Дрепану, которую предприняли римляне на следующий год, обернулась бедой — погибла почти сотня боевых кораблей. В результате еще одного столкновения со стихией консул, который сопровождал вспомогательный флот, потерял еще 120 боевых кораблей и около 800 вспомогательных судов. Рим вновь остался без флота. Продовольствие римлянам, осаждавшим Лилибей, доставлялось через всю Сицилию, что было очень неудобно, особенно учитывая постоянные нападения карфагенян. Чтобы хоть как-то изменить ситуацию, римляне организовали атаку и захватили гору Эрике, господствовавшую над Дрепаной. Благодаря этому они сумели проложить новый путь для доставки припасов и вдобавок лишили опасную карфагенскую конницу возможности свободно действовать прямо из порта пунов. Обе стороны были сильно истощены войной, и в течение 248 г. довольствовались тем, что сохраняли свои позиции. Однако на следующий год карфагеняне решили проявить инициативу в решении сложившейся ситуации и назначили главнокомандующим своих островных сил молодого талантливого полководца Гамилькара Барку. Он отдавал себе отчет в том, что снять римскую осаду с двух западных портов напрямую невозможно, но надеялся добиться отвода римских армий от Лилибея и Дрепаны путем организации набегов на побережье Италии. Когда же этот его план успехом не увенчался, Гамилькар захватил гору на северном побережье, расположенную между Панормом и Дрепаной. С этой точки он мог продолжать морскую войну, угрожая в то же время римским путям снабжения. Практически три года Гамилькар Барка проводил отсюда свои рейды. В 244 г. он осуществил дерзкое нападение на римские позиции на г. Эрике. Для того чтобы контролировать все движение в Дрепану и из Дрепаны, римляне построили два форта — один на вершине горы и еще один у ее подножия, на юго-западной стороне. Гамилькар же смог укрепиться между ними, расколов их силы и вдобавок отрезав пути доставки припасов верхнему форту. Два года удерживал он эту опасную позицию, покуда небрежение и недостаток энергии со стороны его собственного правительства не привели к завершению войны. Недостаточно успешный ход войны оказал плохое влияние на Карфаген, а упадок духа сказался и на эффективности работы интендантского ведомства. Вскоре осажденный гарнизон начал ощущать недостаток продовольствия, доставка которого все задерживалась. Римляне же, напротив, совершили последнее

усилие и заложили новый флот. Летом 242 г. они отправили на юг 200 кораблей. Не зная об этом, карфагенская эскадра отплыла в Карфаген для того, чтобы сопровождать долгожданные корабли с припасами. Результатом этого стал захват римлянами гавани Дрепаны. Когда суда пунов наконец подошли к западной оконечности острова, римский флот перехватил и сокрушил его в сражении при Эгатских островах (241 г. до н.э.). Это событие стало переломной точкой в ходе войны. Голодавшим гарнизонам обоих городов ничего не оставалось, как сдаться на милость победителей. Гамилькар постарался выторговать как можно больше, однако по условиям мирного договора Карфагену пришлось полностью оставить Сицилию и выплатить существенную контрибуцию. Обе стороны понесли в этой войне огромные потери. Полибий подсчитал, что римляне потеряли в ней около 700 кораблей, а карфагеняне — около 500.

Театр военных действий II Пунической войны — самого тяжелого военного конфликта в истории Рима. В то время Рим владел Италией, Сицилией, Сардинией и Корсикой. Карфагену принадлежала Северная Африка, юго-восточная Испания и Балеарские о-ва.

После войны наемники, служившие на острове, потребовали от Карфагена своей платы, а когда ее не последовало, взбунтовались. Правительство города совершенно не справлялось с ситуацией, и только опыт Гамилькара Барки, жестоко подавившего мятеж, спас карфагенян от

полнейшего поражения. Воспользовавшись ситуацией, Рим захватил Сардинию, цинично нарушив только что данные клятвы. Положение, в котором оказался Карфаген, было поистине отчаянным: бросив все силы на то, чтобы сохранить свое положение на Сицилии, он потерял не только все колонии у берегов Италии, но и богатые людскими и материальными ресурсами владения в Испании. Гамилькара Барка, недовольный политикой собственного правительства, предавшего армию на Сицилии, предложил свои услуги для повторного завоевания Испании. В 237 г. он навсегда покинул родину, увозя с собой своего сына, молодого Ганнибала. Восемь лет спустя он погиб в бою, после того как вновь захватил юго-восточную часть Иберийского полуострова. Имела свои интересы в Испании и греческая колония Массилия (Марсель), расположенная на территории южной Франции. Массилийцы были отчасти виновны в испанских потерях Карфагена. Колония была в числе союзников Рима, и нет сомнения в том, что он с одобрением отнесся к ее иберийской кампании. Все это должно было оказать существенное влияние на развитие войны на Сицилии и, вероятно, было причиной того, почему Карфаген не смог заплатить наемникам после войны. Теперь же, когда армия пунов продвинулась на север, в глубь иберийского полуострова, торговые фактории массилийцев оказались отрезанными от остальной территории. Если бы карфагеняне пошли дальше, за р. Ибер (совр. Эбро), реальная опасность стала бы угрожать колониям Массилии — Роде и Эмпориям (совр. Ампурьяс), к югу от Пиренеев. Массилийцы обратились к Риму с просьбой о помощи, и Рим, невзирая на собственные проблемы, связанные с подготовкой к встрече кельтского вторжения, отправил в Испанию посольство, которое ухитрилось убедить преемника Гамилькара, Гасдрубала, согласиться на довольно безобидное соглашение не расширять границы карфагенских владений за Эбро. Причина столь быстрого достижения договоренности заключалась в том, что Эбро течет на юго-восток, поэтому примерно 95 процентов испанской территории оставалось открытым завоеванию. Пятью годами позже Гасдрубал пал от руки убийцы и предводителем войска был избран Ганнибал, сын Гамилькара, который за шестнадцать лет до того приехал в Испанию вместе с отцом. Между тем Рим продолжал постепенное продвижение на север в Италии. Его легионы переправились через Арно и стали наступать на земли лигурийцев, которые занимали все приморье — от Арно до Роны. К 230 г. в руках римлян оказался участок побережья до Специи. На восточном побережье появилась в 268 г. до н.э. вторая колония в Аримине (совр. Римини), севернее существовавшей примерно с 285 г. Сены Галлика (Сенигаллия). В конце 230-х гг. римляне решили заселить земли, пустовавшие уже около пятидесяти лет. Кельты, негодуя на это продвижение

римлян по направлению к долине р. По, начали подготовку к массированному вторжению на полуостров. Оно несколько задержалось из-за внутренних разногласий между племенами, но к 226 г. до н.э. все было практически готово. Именно перед лицом этой угрозы заключили римляне иберийское соглашение с Гасдрубалом. В 225 г. до н.э. кельтская армия в 70 000 человек перешла через Апеннины. Время для вторжения они выбрали не слишком удачное, потому что не занятый ничем другим Рим смог бросить все свои силы на то, чтобы отразить нашествие. Римляне опасались его, однако у них было достаточно времени на подготовку. К боевым действиям было подготовлено четыре армии. В распоряжении каждого консула находилось четыре легиона, то есть примерно 50 000 пехотинцев и 3200 всадников. Одна из армий вела боевые действия на Сардинии. Другая была отправлена к Аримину (Римини) для того, чтобы охранять Фламиниеву дорогу, ведущую на юг. Третья армия, такая же по численности, охраняла Рим. Четвертая, состоявшая из 50 000 пеших воинов и 4000 всадников, набранных из сабинян и этрусков, была отдана под командование одному из преторов и прикрывала земли Этрурии. Вероятно, она стала в районе Ареццо. Так мы в первый раз видим то громадное количество войска, которое Рим был в состоянии выставить одновременно. Кельты не ударили там, где их ожидали—у Аримина, — а прошли через Апеннины в Этрурию и атаковали расположенную там армию. Вовремя пришедшие на помощь легионы из Аримина сумели предотвратить массовое избиение римлян, и кельты, по пятам преследуемые римской армией, отступили к побережью. Добравшись до берега, они отправились на север, и тут их передовые отряды обнаружили, к немалому своему удивлению, армию другого консула, которая переправилась с Сардинии в Пизу и шла на юг, к Риму. Сражение, в котором кельты храбро сражались до самого конца, произошло в 140 км севернее города, близ Теламона. Так миновала угроза еще одного вторжения, и римляне поклялись, что оно будет последним. Теперь их легионы сами вторглись в долину По. Первыми им удалось подчинить себе бойев, которые жили к югу от По. На следующий год (223 г. до н.э.) консул Фламиний, которого впоследствии убил Ганнибал в битве при Тразименском озере, перешел через По и вынудил инсубров дать бой около Бергамо, в котором их армия была разгромлена. Сенат отказался выслушать мольбу галлов о мире, требуя лишь безоговорочного подчинения. В 224 г. 30 000 гезатов (то самое племя, воины которого сражались обнаженными) переправились через Альпы для того, чтобы помочь своим родичам в долине По. Римляне осадили инсубрский город Ацерры, к северу от По, и кельты, которые стремились оттянуть от него римские легионы, атаковали провиантские склады в Кастеджио, в 50 км западнее Пьяченцы. На помощь

городу бросился один из консулов, Марк Клавдий Марцелл, возглавивший отряд из конницы и легковооруженных воинов. Галльский вождь Виридомар вызвал его на поединок, и Марцелл, которому было около 50 лет, принял бой и победил. Отбив атаку, Марцелл перешел через По и, объединившись с другим консулом, который тем временем взял Ацерры, сокрушил Милан. С падением этой главной крепости инсубры вынуждены были капитулировать. В течение двух следующих лет римляне подавили очаги сопротивления в верхней части Адриатики, и к концу 220-х гг. до н.э. в их руках находилась практически вся Италия, за исключением Генуэзского залива. Чтобы закрепить за собой завоеванные земли в долине По, были основаны две колонии — одна на северном берегу, в Кремоне, на землях инсубров, а другая — на южном, в Плаценции, на землях бойев. Со времен захвата Сардинии Рим обрел полный контроль над Тирренским морем. При наличии крупного флота, который появился в результате войны с Карфагеном, это был существенный шаг к власти над Адриатикой. Народы, населявшие восточную ее часть — самыми многочисленными из них были иллирийцы, — жили в основном за счет пиратства. В тех краях их легкие суда (лембы) были грозой всех торговцев. Во второй половине III в. до н.э. могущество Иллирии, а с ним и наглость ее пиратов существенно возросли. К сожалению, морская мощь греческих государств в III в. пришла в упадок, а потому ни одно из них не способно было справиться с ситуацией. Даже Македония, которая по традиции поддерживала порядок на севере, не хотела, да и не могла что-либо предпринять. Рим не испытывал большого желания вмешиваться в мелкий конфликт такого рода, однако под давлением италийских купцов, чьи корабли, отправлявшиеся из Брундизия, постоянно грабили, отправил в Иллирию посольство и потребовал прекратить нападения. Получив резкий отпор от иллирийской царицы Тевты, Рим вторгся в 229 г. на территорию Иллирии и захватил кусок земли, лежавший напротив Брундизия, примерно соответствующий побережью современной Албании. Он стал первым приобретением Рима, действительно находившимся за пределами Италии. Это были ворота к Греции, которые в последующие годы оказались поистине бесценными для Рима. В 220 г. до н.э. в Иллирии снова разгорелись волнения, которые потребовали вмешательства обоих консулов, и продолжались вплоть до 219 г. Теперь сцена была подготовлена для важнейших событий 218 г. до н.э., событий, которые вовлекли Рим в самый знаменитый его конфликт. Война с Ганнибалом стала переломной точкой римской военной истории. Рим вступил в нее всего лишь одним из средиземноморских государств, а закончил через 16 лет государством с самой большой военной мощью в

мире. Эта война стала кульминационной точкой военных достижений Рима, и ему никогда больше не приходилось встречаться с таким испытанием.

Подготовка ко второй войне

В 221 г. до н.э., в возрасте примерно 26 лет, Ганнибал был избран командиром карфагенской армии в Испании. Его отец годами мечтал продолжить войну с Римом. Должно быть, он ночи напролет просиживал у лагерного костра с тремя своими сыновьями — Ганнибалом, Гасдрубалом и Магоном, — обсуждая тактику, которая могла бы сломить могучие легионы римлян. Постепенно она начала вырисовываться, однако со смертью Гамилькара планы его были отложены. В отличие от преемника Гамилькара, склонного к дипломатии Гасдрубала, Ганнибал был истинным сыном своего отца. Многие годы он вынашивал план отомстить римлянам и теперь, закрепившись на большей части Пиренейского полуострова, был как никогда близок к осуществлению своего намерения. Без сомнения, командуй он армией в 225 г., он вторгся бы в Италию во время войны с кельтами. Ганнибал знал, что в Испании римляне могли рассчитывать на поддержку многих завоеванных карфагенянами племен, что существенно подорвало бы его позиции, в то время как в Италии дело обстояло бы наоборот. На Апеннинском полуострове армия пунов могла бы получить помощь от всегдашних врагов римлян — кельтов, самнитов и этрусков. В результате Рим очутился бы в изоляции. Со времен первой войны римляне обладали бесспорным преимуществом на море, но для Ганнибала это не имело большого значения, потому что в долину По, где его ожидала бы самая большая поддержка, дорога была только одна — сушей. Но до того, как отправиться туда, Ганнибалу нужно было расчистить путь до Пиренеев по побережью.

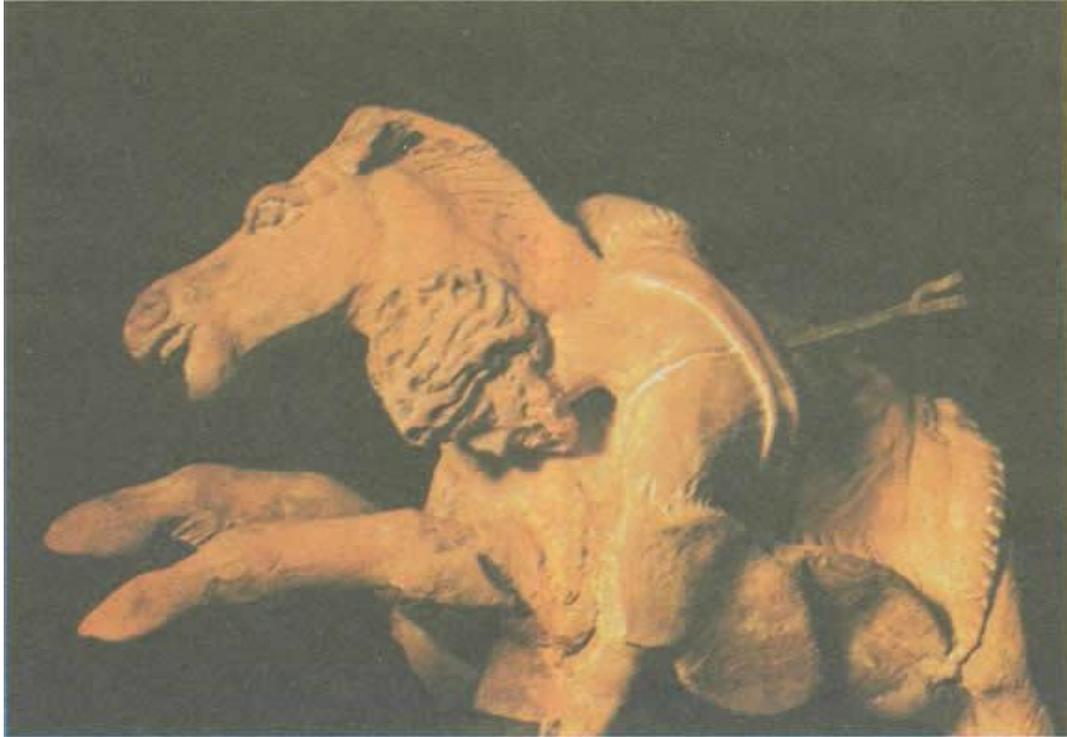

Фриз с изображением карфагенского оружия с триумфального памятника, обнаруженного в Тунисе, Возможно, изображенный панцирь — на самом деле кольчуга. Щит справа — североафриканского типа; таким могли пользоваться в ливо-финикийской фаланге.

Примерно в 270 км к северу от Нового Карфагена (совр. Картахена) находилась высокогорная крепость Сагунт (Сагунто), которая контролировала дорогу по побережью. Она представляла большую опасность для коммуникаций любой армии, собиравшейся вторгнуться в северную Испанию, а потому ее следовало захватить. Было важно не допустить, чтобы римляне пользовались ею в качестве опорного пункта, доставляя все необходимое морем. Непонятно, по какой причине, — во всяком случае, античные авторы этого не объясняют, — Сагунт, расположенный в 140 км к югу от Ибера, находился под защитой Рима. Возможно, у него были торговые связи с Массилией, и именно массилийцы попросили римлян оказать ему поддержку. Ганнибал не сомневался, что нападение на город приведет к конфликту с Римом. Для карфагенского полководца было чрезвычайно важно выиграть время, потому что римляне могли опередить его и высадить армию в северной Испании до того, как он начнет свое вторжение. Между тем Ганнибалу было необходимо упрочить свои позиции в Испании, поэтому он провел две кампании в центральном горном районе страны, продвинувшись на северо-запад до границы современной Португалии. Ганнибал должен был узнать об Иллирийской войне Рима, после того как вернулся из второй из своих кампаний, осенью

220 г. до н.э. В военном конфликте были заняты армии обоих консулов, и карфагенянин понял, что час пробил. Организовав нападение на Сагунт, Ганнибал начал новую войну с Римом. Несомненно, он именно на это и рассчитывал и действовал в рамках заранее разработанной общей стратегии. Точно так же был заранее спланирован и его поход в Италию — предприятие такого масштаба не может осуществиться под влиянием момента, как пишут многие комментаторы, оно требует детальной разработки. Первым шагом к осуществлению разработанного Ганнибалом плана стало взятие Сагунта. Весной 219 г. до н.э. он организовал мощную атаку на город и после восьмимесячной осады захватил его. Римляне отправили в Карфаген ультиматум; его отклонили, и весной 218 г. до н.э. было объявлено о начале войны. Осенью 219 г. Ганнибал устроился на зимние квартиры в Новом Карфагене. Он распустил на зиму испанские войска по домам и приготовился поручить управление страной своему младшему брату Гасдрубалу. Вначале он позаботился об обеспечении охраны Карфагена, отправив в Африку 13 850 человек испанских пехотинцев, 1200 всадников и 870 пращников с Балеарских островов. Для защиты Испании предназначались 12150 пехотинцев, 500 балеарских пращников и 2550 всадников; оставил он брату и 21 слона. Точность этих цифр подтверждает Полибий, который обнаружил их на бронзовой табличке, оставленной Ганнибалом на Лацинском мысе в южной Италии. К тому времени карфагенский полководец уже договорился с кельтами долины По и к тому же отправил посланцев к вождям кельтских племен в Альпах — чтобы получить разрешение на проход через горы. Ранней весной его вестники возвратились с подтверждением обещанной поддержки. Теперь Ганнибал собрал громадную армию из 90 000 пехотинцев, 12 000 всадников и примерно 40 слонов, приготовившись силой проложить себе путь через северную Испанию. Подробного описания его армии Полибий не дает, однако она должна была состоять из того ядра, с которым Ганнибал намеревался вторгнуться в Италию, и «расходного материала». Можно с достаточной долей точности вычислить, что армия Ганнибала состояла примерно из 20 000 человек африканской пехоты, 70 000 испанской пехоты, 6000 нумидийских всадников и 6000 человек испанской конницы, при этом «расходным материалом» были испанские части. Большую часть сражавшихся за Карфаген солдат составляли наемники-чужеземцы, однако ядро войска — как пешего, так и конного — состояло из воинов смешанного ливийско-финикийского происхождения. Полибий, который сообщает об этом, не указывает, однако, сколько их было. Возможно, что ответ на этот вопрос находится во встроженных в стены Карфагена казармах, о которых писал Аппиан. Они предназначались для 20 000 пехотинцев и 4000

всадников. В IV в. до н.э. у Карфагена было народное ополчение, включавшее и Священный отряд в 2500 человек, однако после сокрушительного разгрома в сражении при реке Кримис в 339 г. до н.э. он был расформирован. С этого времени Карфаген полностью вверил свою защиту наемникам. Еще сравнительно недавно нам ничего не было известно о том, какими доспехами пользовались карфагеняне, однако несколько лет назад в Хемту, Тунис, были раскопаны руины сооружения, украшенного фризом с изображением панцирей и щитов. Панцири эти почти наверняка были на самом деле кольчугами, очень похожими на те, что носили военачальники в эллинистических государствах. На фризе представлено два типа щитов — овальной формы, каким пользовались кельты и испанцы, и круглый; последний был доселе неизвестен. Он круглой формы и чем-то напоминает аргивский щит, но со вставленным в центр круглым диском и закругленной внутренней частью обода, тогда как у аргивского щита она образует угол к плоскости. Щиты эти очень похожи на грубые изображения нумидийских щитов на колонне Траяна и на североафриканских надгробиях; вероятно, именно этим типом щита пользовались нумидийские всадники. Однако на памятнике из Хемту они изображены как трофеи, и, вероятно, это были захваченные доспехи. Возможно, это был памятный знак, *trouaem*, построенный в честь победы нумидийцев и их римских союзников над карфагенянами в 146 г. до н.э. Если это действительно так, то тогда круглые щиты должны были принадлежать ливо-финикийской фаланге.

Ливо-финикийская пехота формировала фалангу македонского типа, которая, если понимать Полибия буквально, была организована в «спейры». Возможно, назывались эти подразделения как-то иначе, но они, несомненно, были того же размера. Фалангиты должны были пользоваться типичным оружием эллинистического пешего воина. В нескольких случаях Полибий говорит о легковооруженных копейщиках Ганнибаловой армии. Они использовались там, где обычно применялись легковооруженные войска. С одной стороны, речь здесь могла идти о более легковооруженных воинах, стоявших в задних рядах, с другой же — отражать тот факт, что только тяжелая пика делала фалангита таким неуклюжим. После битвы при Тразименском озере (217 г. до н.э.) Ганнибал снабдил своих африканцев лучшими из захваченных у римлян доспехов — кольчугами, и все же Полибий продолжает говорить о легковооруженных копейщиках. Таким

образом, он не подразумевает под ними легкую фалангу, как предполагали

многие.

Реконструкция облика нумидийского всадника, сделанная на основе рельефов с колонны Траяна и описания Полибия. На лошади нет ни узды, ни поводьев, и всадник управляет ею только ногами. Нумидийцы, лучшая легкая конница античного мира, очень походили на американских индейцев XIX в, Они не годились на роль ударных войск, но были отличными застрельщиками и безжалостными преследователями отступающего противника. Хотя в битве при Каннах нумидийцы не смогли разгромить римскую конницу, они немедленно бросились в погоню за ней, как только испанцам и кельтам удалось обратить ее в бегство.

На скульптурном изображении карфагенского гребного судна, показанном на, есть штандарт, увенчанный диском и полумесяцем. Этот символ встречается настолько часто, что можно предположить, что он был штандартом Карфагена. Вряд ли можно считать простым совпадением тот факт, что эти же знаки появились на значках римских манипулов времен империи — возможно, римский *signum* ведет происхождение именно от них.

Основную часть карфагенской армии составляли наемники-чужеземцы — кельты, испанцы, жители Балеарских островов (знаменитые пращники), лигурийцы, греки (в основном беглые рабы и дезертиры); больше всего там было североафриканцев. На все эти войска должна была распространяться принятая в Карфагене дисциплина, и следовало бы ожидать, что командовали ими карфагенские военачальники. Однако из рассказа Полибия об осаде Лилибея в ходе I Пунической войны ясно следует, что служили наемники под командованием своих собственных офицеров, потому что старшие командиры наемников попытались предать город в руки римлян. Вероятно, карфагеняне осуществляли командование на среднем (батальонном) уровне — подобно римлянам времен поздней республики. Выдающийся успех армии Ганнибала, которая на 50 процентов состояла из кельтов, во многом обязан именно этой карфагенской системе. Она не пыталась ввести однообразие — каждое племя сражалось в соответствии с собственными традициями, и вводить в бой его требовалось так, чтобы извлечь из этого максимальное преимущество. Не менее примечательным было отношение армии к своему полководцу: несмотря на свое разношерстное происхождение, войска 15 лет служили Ганнибалу, не предпринимая ни малейших попыток мятежа. Постыдная история, рассказанная Диодором — что Ганнибал якобы приказал перебить тех наемников, кто не отправился с ним в Африку, — полная выдумка. Он просто не мог переправить туда хоть сколько-нибудь значительное количество своих людей, потому что не имел флота. Причем даже при наличии большого количества кораблей он не смог бы избежать нападений римского флота. Вероятно, римляне предложили большей части оставшейся Ганнибаловой армии какое-то соглашение, а затем перебили их.

Южноиталийская терракотовая статуэтка, изображающая раненого нумидийского всадника. Лувр. Справа: Нумидийские всадники, изображенные на колонне Траяна. Все снаряжение лошади ограничивается ремешком на шее, который застегивает на ней изображенный в правом верхнем углу всадник. Хотя размер лошадей явно преуменьшен, эти животные были невысокими — не больше современных крупных пони, У всадников были щиты североафриканского типа, что подтверждается несколькими грубыми скульптурными изображениями из Северной Африки.

Помимо ливо-финикийской фаланги и большого числа африканских отрядов, которые набирал Карфаген, на службе у него находилась нумидийская конница, о которой стоит поговорить особо. Территория Нумидии примерно соответствует современному Алжиру. В те времена в Северную Африку еще не был завезен верблюд, зато была повсеместно распространена лошадь. Кочевые племена практически всю жизнь проводили на коне. Они не использовали ни удил, ни поводьев и ездил без седла. Подобно американским индейцам, эти воины представляли собой превосходную легкую конницу. Фактически они были столь хороши, что тот, кому они служили, мог выиграть войну за Северную Африку. Самым большим достижением Сципиона Африканского было то, что в конце войны с Ганнибалом ему удалось убедить нумидийцев перейти на сторону римлян. Эта смена сторон окончательно решила дело.

Испанское вооружение IV—II вв. до н.э.
 1 — саунион — тяжелый железный дротик с зозубренным острием. Из Альмединильи.
 2 — наконечник дротика типа пилума из Аркабриги.
 3 — наконечник копья из Альмединильи (Кордова).
 4 — фальката (falx) из Альмединильи.
 5 — прямой колюще-рубящий меч (gladius hispaniensis) из Агвила-де-Ангвита.
 6 — кинжал из Альмединильи.
 7 — испанский кинжал из Нуманции.
 8 и 9 — подтоки копий.
 10 — нож такого типа прикреплялся к ножнам фалькаты.
 Все оружие изображено в масштабе 1:8.

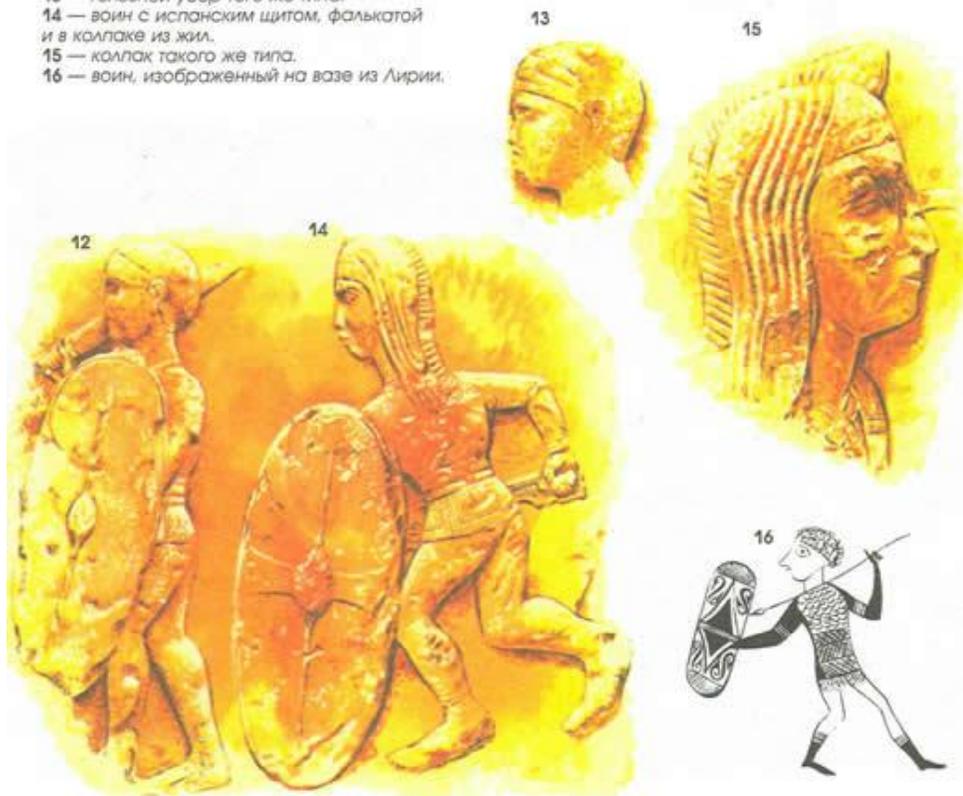

11 — надгробие испанского наемника, обнаруженное в Тунисе, на котором изображены его щит, шлем, меч и два копья.

Когда в конце II в. до н.э. римляне вступили в войну с нумидийцами, последние оказались настолько опасным противником, что погубили карьеру множества римских полководцев:

нумидийцев никак не удавалось разбить окончательно. Нумидийская конница была бесполезна в качестве ударной силы, но, подобно этолийцам, они были превосходными застрельщиками и преследователями отступающего противника. В битве при Каннах они не смогли разгромить конницу римских союзников, но, как только кельты и испанцы сделали это, нумидийцы бросились в погоню. Нумидийцы были похожи на конных пельтастов. Их тактика заключалась в том, чтобы подобраться к противнику, метнуть дротики, а затем отойти, не вступая с ним в тесный контакт. Карфагеняне постоянно пользовались ими при необходимости отеснить врага на неудобные позиции или подвести его к засаде. На колонне Траяна в Риме нумидийцы изображены преследующими да-ков. На лошадях нет ничего, кроме ремешка вокруг шеи. Всадники в коротких туниках носят круглые щиты, но не имеют доспехов. В относящейся ко II в. до н.э. гробнице человека из высшей знати в Эс-Сумаа в Алжире нашли железные наконечники дротиков и меч с клинком примерно в 60 см длиной.

12—15 — рельефы из Осуны в южной Испании.
 12 — мечник со щитом кельтского типа
 и в головном уборе из жила.
 13 — головной убор того же типа.
 14 — воин с испанским щитом, фалькатой
 и в колпаке из жила.
 15 — колпак такого же типа.
 16 — воин, изображенный на вазе из Лирии.

Вторыми после африканцев ставили карфагеняне испанцев. Они происходили из юго-восточной Испании и были скорее всего кельтиберами — племенем смешанного кельтско-испанского происхождения. Испанская пехота и конница составляла малую, но очень важную часть армии Ганнибала. Из 20 000 пехотинцев, достигших Италии, 8000 были испанцами. Существовало три типа пеших воинов, объединенных под общим названием «испанцев», — мечники, метатели дротиков и пращники. Последние происходили с Балеарских островов, расположенных у восточного побережья Испании, и были знамениты своим умением метать тяжелые камни. Полибий говорит, что у мечников были большие щиты кельтского типа и короткие колюще-рубящие мечи. Носили они белые туники, окаймленные пурпурной полосой. На скульптурных изображениях из Осуны, в южной Испании, изображены воины, хорошо соответствующие описанию Полибия. Второй тип пехотинцев, который, вероятно, составляли метатели дротиков, упоминается у Диодора. Вооружены они были круглыми щитами и, возможно, представляли собой то же самое, что легковооруженные отряды, которые Цезарь называет цетратами. Ливии использует это слово при описании пельтастов армии Филиппа V. Их изображения также можно встретить на

осунских рельефах — на их щитах есть расположенный в центре умбон, а сами воины одеты в просторные туники чуть выше колена.

17 — бронзовая фигурка испанского всадника III в. до н.э. в головном уборе из жил. Он вооружен круглым щитом и фалькатой. Музей Валенсия де дон Хуан, Мадрид.
18 — вид спереди на фигурку, позволяющий разглядеть, как держали такой щит, а также широкий пояс воина.
19 — скульптурное изображение лошади, на котором видны удила и потник. Из Эль-Сигаррелехо. IV в. до н.э. Собрание Ср. Э. Куадрадо, Мадрид.

Испанский меч обрел бессмертие после того, как его взяли на вооружение римляне. Меч легионера, *gladius hispaniensis*, был прямым остроконечным мечом (5). Однако наиболее распространенным в Испании типом оружия была изящно изогнутая фальката (4). Это был колюще-рубящий меч, приблизительная длина клинка которого составляла всего около 45 см. Судя по фрагменту статуи (его на рисунках нет), этот меч помещался на левом боку. Иногда к его ножнам прикреплялся короткий нож. Найдено много кинжалов (6, 7), которые были предшественниками римского кинжала. Испанцы пользовались также коротким пилумом, но самым необычным их оружием был саунион (1). Это был дротик с зазубренным наконечником, который целиком изготовлялся из железа.

20 — реконструкция облика испанского всадника времен Ганнибала. Он носит головной убор из жил и белую туннику, окаймленную темно-красной полосой. Он вооружен круглым щитом с расположенной в центре ручкой, копьем и фалькатой.

21 — реконструкция облика испанского пехотинца времен Ганнибала. В начале своей кампании карфагенский полководец собрал их более 70 000, они служили основным «расходным материалом». На пехотинцев украшенный гребнем из конского волоса колпак из жил и отороченная темно-красным белая тунника. У него есть кельтиберский овальный щит с вертикальным ребром, копье, саунион и фальката. Вместо последней он мог быть вооружен обоюдоострым прямым испанским мечом.
22 и 23 — два типа испанских удил, найденные в Авила-де-Ангита в южной Испании.

Некоторые воины, изображенные на осунских рельефах, носят поразительный головной убор, украшенный гребнем. Греческий географ Страбон писал, что иберийцы носили изготовленные из жил шапки, и это описание больше всего подходит к изображению, а гребень доказывает, что это не могли быть

волосы солдата. Эти колпаки очень похожи на те, что есть на скульптурах из южной Франции. Шапки, помеченные номерами 12 и 13, должно быть, представляют собой упрощенный вариант такого колпака. Носили их цетраты. Известны находки нескольких бронзовых шлемов, но они очень редки. Современному читателю испанская конница, так же как и римская или кельтская, может показаться несколько странной — очевидно, эти всадники зачастую сходили с коней и сражались пешими. Иногда они могли ехать вдвоем на одной лошади, при этом перед битвой один из воинов соскакивал. У испанских всадников были маленькие круглые щиты с расположенной в центре ручкой, похожие на те, что были у цетратов.

Реверс карфагенской монеты времен Ганнибала с изображением африканского слона, которого легко узнать по большим ушам и спине с прогибом. Из Картахены.

Всадник на изображении одет так же, как пешие воины, и, вероятно, головной убор у него того же типа. В правой руке он держит фалькату. Лошадь, изображенная на рис. 19, имеет уздечку и потник, который удерживается на месте одной подпругой. На статуях иногда можно разглядеть что-то вроде седла эллинистического типа. Удила были нескольких типов. Самые распространенные имели трензельные кольца (23) либо псалии в форме полумесяцев. Судя по многочисленным изображениям слонов на карфагенских монетах, боевые животные, которые использовались в пунических армиях, принадлежали к африканской разновидности. Карфагеняне охотились на лесных слонов в Марокко, а также на окраине Сахары, в оазисе Гадамес, что в 800 км южнее Карфагена. Эти слоны появились в первой войне с Римом, при осаде Агригента в 262 г. до н.э., и выставляли их против как пехотинцев, так и конницы. Слоны произвели сильное впечатление на римлян, и в течение долгого времени те не осмеливались противостоять им. В 255 г. до н.э. слоны буквально втоптали в грязь легионы Регула в битве на Баградских равнинах. Но в 250 г. при осаде Палермо римлянам удалось захватить нескольких животных, и они наконец вновь обрели уверенность в себе. У этих слонов, как и у более крупных африканских саванных слонов, есть прогиб на спине, так что карфагеняне ездили на них верхом, как на лошади.

Карта, иллюстрирующая компанию Сципиона и Ганнибала осенью 218 г. до н.э. Долина По была только что завоевана римлянами, которые основали две новые колонии в Плаценции и Кремоне.

Закончив покорение земель к северу от Эбро, Ганнибал оставил там Ганнона с гарнизоном из 10000 пеших и 1000 конных воинов, поручив ему охрану прохода. Оставив все тяжелое снаряжение, включая осадные машины, он перешел через Пиренеи с 50 000 пехотинцев, 9000 конницы и слонами. Римляне также собирались вести войну за морем на два фронта, и два избранных на 218 г. консула тянули жребий о том, кому какая провинция достанется. Тиберий Семпроний Лонг вытащил Африку, а Публий Корнелий Сципион — Испанию. Покуда консулы набирали свои легионы, они отдали приказ об основании двух колоний в долине р. По — в Кремоне и Плаценции. В каждую из них отправилось по 6000 человек, которые должны были в 30-дневный срок доложить о своем прибытии. Не успели обе новые колонии обосноваться на месте, как бои и инсубры, воодушевленные скорым приходом Ганнибала, восстали. Они атаковали размещенный там легион, находившийся под командованием претора. У Полибия этот легион именуется четвертым. Единственный вариант, при котором он мог иметь такой номер, предполагает, что это был легион с кампании прошлого года, которому приказано было остаться на зиму в долине По. Поскольку он является первым упомянутым в связи с этой войной легионом, в дальнейшем он ясности ради и будет называться первым. Все остальные легионы будут нумероваться в соответствии со своим появлением. Возможно, восстание галлов было инспирировано Ганнибалом для того, чтобы задержать Сципиона — консулу пришлось отправить один из собранных легионов (второй) в долину По и потребовать взамен него подкрепления от союзников. Громадные людские ресурсы Рима оказались

решающим фактором в войне. Полибий приводит сведения, которые приказал собрать сенат в 226 г. до н.э. перед угрозой галльского вторжения. Согласно им Рим мог выставить 700 000 пеших воинов и 70 000 всадников. Из этого числа 150 000 пехотинцев и 26 000 всадников были из Самния, Лукании и Калабрии — регионов, утраченных римлянами после битвы при Каннах. Две армии подготовились к выступлению в начале лета. Лонг, у которого было 160 квинкверем и два легиона, третий и четвертый, отправился в Лили-бей на Сицилии, дабы начать оттуда вторжение в Африку. Сципион, у которого было 60 пентер, отплыл вдоль побережья Лигурии в Марсель и бросил якорь у восточного устья Роны; под его командованием находились пятый и шестой легионы.

Переход в Италию

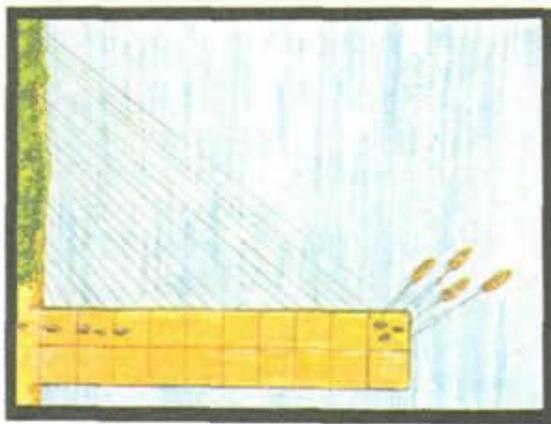
Путь Ганнибала из Испании в Италию служит предметом жесточайших споров. Я затратил много лет на поиски всех возможных дорог и пришел к выводу, что за исключением известного отклонения в начале похода через Альпы, когда он хотел оторваться от армии Сципиона, Ганнибал избрал максимально прямой путь, ведущий в долину По из Испании: вверх по долине Дюранса и вниз по долине Дора Рипариа в район Турина. Вначале я даю описание этого перехода, а в конце подробно разбираю вопрос достоверности этой реконструкции.

Слоны, которых перевозят на плотах через Рону. Полибий рассказывает, что несколько животных упало в воду, но сумело перебраться через реку, держа хоботы над водой. Правда, погонщики, к сожалению, утонули.

Пока Ганнибал еще прокладывал себе путь через северную Испанию, Сципион добрался до устья Роны. Там он остановился, ожидая донесения разведчиков о том, что происходит к северу от Эбро. Он знал, что Ганнибал пересек реку, но, поскольку надежной информации у него не было, римский полководец не решился произвести высадку войска. Следующие полученные Сципионом вести гласили, что Ганнибал перешел Пиренеи и движется через южную Галлию, намереваясь, возможно, атаковать Марсель и разрушить этот перевалочный пункт римлян. Сципион решил остаться на месте и встретить противника на дружественных землях. В таком случае позади него оставался Марсель, а линии коммуникации с Италией не слишком удлинились. Между тем Ганнибал двигался по направлению к Роне вдоль побережья. Эта дорога идет вдоль края болотистого побережья до Люнеля, а затем отклоняется на северо-восток к Ниму для того, чтобы избежать болот, расположенных в дельте Роны. Затем она поворачивает прямо на восток и доходит до Роны у Бокера. Оттуда путь идет по долине Дюранса в Альпы и следует через Монженеврский перевал, от которого спускается вниз, в Италию, по долине Дора Рипариа. Лазутчики Ганнибала доложили о том, что Сципион расположился в устье Роны, а потому он продолжил движение на северо-восток. Карфагенянин желал избежать стычки во время переправы через реку, рассчитывая пересечь ее у

Авиньона. В этом случае между ним и Сципионом оказывалась река Дюранс, которая впадает в Рону с востока.

Мол, составленный из двойного ряда восьмиметровых плотов, привязанных к деревьям на западном берегу Роны. Слонов заманивали на плоты, пуская вперед самок. Когда они доходили до крайнего плота, его отвязывали и тянули до противоположного берега при помощи гребных лодок.

Добравшись до реки, карфагеняне скупили у местных жителей все пригодные для переправы средства. Таковых оказалось довольно много, поскольку обитатели тех мест промышляли речной торговлей. Через два дня они собрали достаточное количество лодок, но на противоположном берегу войско ожидало недружелюбно настроенное племя. Ганнибал понимал невозможность начать переправу перед лицом противника, а потому на третью после своего прибытия ночь отправил отряд с проводниками из местных для того, чтобы они перешли через реку выше по течению. Отряд поднялся на 40 км вверх, до места, где Рона разделяется на два рукава, образуя в середине остров. Там они отдыхали в течение дня. Еще две ночи ушло у них на то, чтобы дойти до места, откуда можно было атаковать расположившегося на восточном берегу реки противника. Незадолго до рассвета, на пятую ночь своего пребывания у реки, Ганнибал посадил на лодки легкую конницу и легкую пехоту. Более крупные суда переправлялись выше по течению для того, чтобы ослабить напор волн. Двое людей на корме каждой лодки держали поводья шести-семи коней, которые переправлялись вплавь. Когда варвары увидели приготовления карфагенян, они высыпали из своего лагеря и столпились на берегу. Увидев поданный дымом сигнал с противоположного берега, Ганнибал приказал своим воинам начать переправу. Те, кто еще оставался на берегу, криками подбадривали товарищей, а галлы, потрясая мечами, издавали боевые кличи и хвастались былыми подвигами. Как только первые лодки добрались до берега, часть уже находившегося на той стороне отряда атаковала галлов с тыла, а остальные подожгли пустой лагерь. Захваченные врасплох кельты бежали, не сумев ничем помешать переправе. До конца дня

Ганнибал сумел переправить остаток армии и разбить лагерь на восточном берегу реки. Оставалась только одна серьезная проблема — перевезти через Рону слонов. На следующий день он отправил 500 нумидийских всадников с приказом пересечь Дюранс и разведать местонахождение и число римлян. Между тем перед карфагенским войском предстали несколько кельтских вождей, которые перешли Альпы, чтобы встретить армию Ганнибала. Они ободрили воинов рассказом о теплом приеме, ожидающем их по ту сторону Альп, и обещанием провести их через горы самой легкой дорогой. Тем временем Сципион, который получал от своих лазутчиков противоречивые доклады, отправил на разведку конницу. Наткнувшись на нее нумидийцы развернулись и карьером поскакали обратно, чтобы доложить Ганнибалу. Римская конница приняла это отступление за бегство и отправилась в погоню за нумидийцами, добравшись чуть ли не до самого лагеря Ганнибала на восточном берегу Роны. Затем они поспешно поскакали обратно к Сципиону. Ганнибал, полагавший, что его нумидийцы столкнулись с отрядом римской конницы, следующим впереди легионов, вынужден был принять немедленное решение. Принятая Ганнибалом общая стратегия требовала того, чтобы он добрался до Италии со свежим войском, а потому карфагенский полководец не мог позволить себе рисковать, устраивая сражение в долине Роны. Поскольку дорога через Дюранс оказалась закрыта, Ганнибалу жизненно важно было оторваться теперь от Сципиона. Он приказал своей пехоте и обозу с рассветом отправиться вверх по Роне, а конницу выставил вдоль северного берега Дюранса; задачей последней было помешать противнику переправиться через реку. Теперь, выставив охрану позиций, можно было заняться перевозкой слонов. Слоны были напуганы видом широкой (от 200 до 500 м) и быстрой реки. Для их переправы было построено множество очень прочных плотов примерно семи метров шириной. Их связали по два в ряд и пришвартовали к речному берегу. Затем, присоединяя к ним все новые пары, соорудили примерно 15-метровой ширины мол. Плоты удерживались на месте веревками, привязанными к расположенным на берегу деревьям. Мастерам удалось вывести этот мол в реку примерно на 60 м. К концу мола было привязано два крепких плота, а веревки, удерживавшие их на месте, можно было легко обрубить. Настил плотов был прикрыт землей, и они казались продолжением ведущей к реке тропы. Слонов заманили на них при помощи двух самок, которых вели первыми. Как только животные достигли крайних плотов, удерживавшие их на месте канаты обрубили, и лодки с гребцами отбуксировали слонов к другому берегу. Вначале слоны испуганно топтались на плотках, но затем, увидев, что вода окружает их со всех сторон, животные собрались в центре и застыли в ужасе. Таким образом удалось

переправить большую часть животных, хотя несколько из них свалились в воду на самой середине реки, утопив погонщиков. Полибий настаивает на том, что самим слонам удалось добраться до противоположного берега, потому что они подняли хоботы и, набирая через них воздух, прошли по дну реки. Предположение выглядит маловероятным, особенно если учесть глубину реки и силу течения — хотя еще никому не приходило в голову проверить высказывание Полибия, бросив слона в Рону. Закончив переправу слонов, Ганнибал отозвал конницу, поставил ее в арьергарде вместе со слонами и отправился догонять пехоту. Все приготовления Ганнибала были на самом деле не нужны, поскольку Сципион не двигался с места. Его конница достигла лагеря пунов во второй половине дня, и вряд ли они сумели добраться до своего собственного раньше, чем на следующий день. Неизвестно, что именно побудило Сципиона действовать — известие ли о том, что Ганнибал не воспользовался обычной переправой через Рону, или просто чувство, что что-то упущено. Как бы то ни было, он немедленно погрузил на корабль все имущество и ненужное снаряжение и быстро отправился со своими людьми на север. Однако до места переправы они сумели дойти только спустя три дня с того времени, как Ганнибал покинул его. Полибий пишет, что Сципион «был очень поражен», когда увидел брошенный лагерь. Римскому полководцу было чему изумляться — ведь только тогда он понял, что Ганнибал направляется в Италию. Можно представить, что чувствовал консул, направляясь обратно к побережью. Он упустил Ганнибала, и теперь перед последним простиралась практически беззащитная Италия. Добравшись до моря, Сципион приказал своему брату вести армию в Испанию в соответствии с указаниями сената. Сам же он поспешил отплыть обратно в Италию. Карфагенская армия без остановок шла на север четыре дня. Затем ее догнали оставленные позади лазутчики, которые должны были следить за передвижениями Сципиона, и доложили, что опасность миновала. Четырехдневный переход привел карфагенян к месту слияния Роны и Изера, примерно в 130 км от места, где впадал в нее Дюранс. Территорию в форме треугольника, которая находилась между Изером и Роной, называли Островом. С двух сторон ее ограничивали Рона и ее мощный приток — Изер, которые надежно отрезали ее от юга, запада и севера; с востока же ее окаймляли практически непроходимый Шартрезский горный массив и гора Мон-дю-Ша. На Острове кипела в это время гражданская война, в которой сражались за власть два брата. Вмешавшийся в борьбу Ганнибал изгнал одного из братьев, и благодарные «островитяне» снабдили его армию изрядным количеством зерна и других припасов, поменяли изношенное снаряжение и выдали достаточное количество теплой одежды. Последнее было особенно необходимо для перехода через Альпы,

поскольку уже наступила осень и ночами стало сильно холодать. Когда армия готова была продолжить поход, «островитяне» отправили с ними сопровождение, охранявшее арьергард карфагенян при проходе через земли аллоброгов, особенно свирепого кельтского племени. Зимой Ганнибал заплатил крупную сумму за охрану пути по долине Дюранса для своей армии; теперь, когда Сципион более не преследовал его, карфагенскому полководцу было необходимо вернуться туда. «Островитяне», должно быть, сообщили ему, что он легко сможет вернуться на намеченный путь, если пройдет через один из невысоких перевалов, отделяющих верхнее течение р. Драк от долины Дюранса. Благодаря этому он мог выйти на первоначальную дорогу у Шоржа, срезав крюк в 150 км, который пришлось бы сделать, если бы он решил вернуться к устью Дюранса. На новом маршруте ему следовало идти вдоль Изера, огибая северную оконечность Веркоров, а затем следовать вдоль его притока, Драка, до его истока. В течение десяти дней армия медленно следовала вначале вдоль Изера, а затем вдоль Драка, запасаясь по пути продовольствием, ибо впереди ее ожидали трудные времена. Они начали подъем в том месте, где Драк дошел до гор. Здесь «островитяне» покинули их, и армия медленно начала взбираться по пологому подъему, ведущему к видневшемуся вдали перевалу. Покуда войско Ганнибала шло по равнине, аллоброги, которые опасались «островитян» и конницы, не решались трогать его. Однако теперь кельты увидели, что армия растянулась вдоль узкого прохода, а потому заняли господствовавшие над ним высоты. Кельты принялись, по своему обычаю, похваляться перед боем — и легко были обнаружены. Между тем, сохрани аллоброги свои позиции в тайне до подхода Ганнибала, они легко нанесли бы ему серьезный урон. Ганнибал приказал войску остановиться, разбил лагерь на плоской земле перед проходом и отправил своих кельтских проводников на разведку. Вскоре после заката они вернулись и доложили, что аллоброги покидают на ночь свои посты и удаляются на ночлег в ближайшее селение. На следующий день Ганнибал передвинул лагерь вперед по дороге к проходу, насколько это было возможно, и остановился вблизи своего противника. Ночью он приказал части своего войска занять оставленные противником позиции. На следующее утро через проход двинулось остальное войско. Вначале аллоброги примирились с тем, что дело проиграно, но когда они увидели медленно тянувшийся через проход обоз, их жадность пересилила осторожность, и они атаковали его с нескольких точек. В этом месте Драк протекает сквозь глубокое ущелье и тропа опасно жмет к склону горы. В таком ограниченном пространстве достаточно малейшего замешательства для того, чтобы животные потеряли опору и сверзлись в расположенную внизу пропасть. Атака варваров ввергла

обоз в полный хаос, а обезумевшие от ран лошади метались, сбрасывая в пропасть других животных. Ганнибал понял, что ему грозит опасность потерять все припасы, поэтому он, взяв охранявших ключевые высоты воинов, сумел захватить верх ущелья и организовать оттуда контратаку, в ходе которой добрался до своих несших серьезные потери отрядов. Наконец всей армии удалось миновать теснину и захватить городок, откуда явились аллоброги. Там они нашли достаточно много зерна и скота — его оказалось довольно всему войску на два или три дня. Отдохнув там до конца дня, армия продолжила путь на следующее утро. Теперь путь был намного легче, ибо пролегал по выющейся между полями дороге. На второй день они миновали Коль-де-Манс и спустились в широкую открытую долину Дюранса. К четвертому с выхода из города аллоброгов дню (шестому дню восхождения) армия миновала кельтские крепости в Шорже и Эмбруне, которым заплатили предыдущей зимой, и подходила к устью Гиля. Там их ожидали местные жители, пришедшие из верхней части долины с ветвями оливы и венками в знак мира. Скорее всего они на самом деле были ивовыми, ибо это дерево в тех краях встречается часто в отличие от оливы. Люди эти предложили провести армию через следующий, особенно трудный участок пути. Ганнибалу все это показалось подозрительным, но отклонить предложение он не рискнул. В качестве предосторожности полководец поставил впереди конницу, а в арьергарде — пехоту, поместив обоз в центре. Армия, которая несколько дней двигалась по открытой местности, вновь начала втягиваться в горы. На восьмой день пути они дошли до места, как раз к северу от современного Л'Аржантьер-ла-Бессе, где Дюранс течет по узкому ущелью. Дорога там прижимается к холму, и войску вновь пришлось вытянуться вдоль узкой тропы. Армия везла с собой изрядное количество золота, предназначавшееся наемникам, которых Ганнибал собирался набрать в Италии. Его сопровождение для пущей сохранности было доверено африканской пехоте. Местные жители, несомненно, прослышали о золоте и выбрали местом для засады это ущелье. Едва конница и большая часть обоза миновали самое опасное место ущелья, как сверху на них посыпались громадные валуны и камни поменьше, предвещавшие начало атаки. За ущельем дорога вновь спускалась в долину, но на самом выходе из него, с восточной стороны, нависал громадный скальный выступ, оставлявший лишь очень узкий проход. Когда начали сгущаться сумерки, конница и обоз как раз миновали эту точку. В это время атакующие кельты спустились в долину, разделив армию на две части и заперев пехоту, а вместе с ней и Ганнибала в теснине. Ночь они провели на голых камнях ущелья, но на следующее утро утраившиеся конницы кельты отступили, и армия сумела выйти на широкое открытое пространство в верхней точке

перевала, примерно в 20 км от прохода. Там они встали лагерем на два дня, чтобы дать время отставшим. Восхождение заняло у армии пунов девять дней. На перевале уже начал собираться снег, и дух воинов пал. Для того чтобы поднять его, Ганнибал указал на другую сторону перевала, в направлении Италии, обозначая не только долину По, где ожидали их дружественные кельты, но и сам Рим. Позже, когда годы перенесенных испытаний затуманили память ветеранов, они действительно поверили, что видели с верхней точки перевала Италию и даже Рим.

Вид на место второй засады — в точке, где Дюранс проходит через узкое ущелье. Скальный выступ находится слева. Именно там армия Ганнибала была разделена мощной атакой кельтов на две части.

На следующий день армия пунов свернула лагерь и начала спуск. Проход был узким, и им вновь пришлось двигаться вдоль края пропасти. Тропу покрывал снег, и все, кто делал неверный шаг, срывались и летели вниз. Местами свежий снег накладывался на тот, что остался от прошлой зимы. Тогда ноги солдат проваливались сквозь тонкое покрывало нового снега и скользили по плотному слою старого. Копыта коней, напротив, пробивали старый снег и застревали в нем. Затем ситуация сильно ухудшилась из-за прошедшего недавно обвала, который снес примерно трехсотметровый участок тропы. Ганнибал попытался спуститься другим путем, но это оказалось невозможным. Армии пришлось разбить лагерь на перевале и заняться восстановлением дороги. Отправленные на эту работу нумидийцы сумели, сменяя друг друга, пробить за день тропу, достаточную для прохода лошадей и вьючных животных. Их отправили на

расположенные внизу пастбища, которые были свободны от снега. Но только через три дня и три морозных ночи дорога стала достаточно широка, чтобы провести по ней слонов. Дорога стала значительно легче после того, как они добрались до дна пропасти. Тремя днями позже оборванные остатки огромной армии, которая отправилась из Карфагена пять месяцев назад, пошатываясь, ввалились в долину По.

Климат

До того как приняться за изучение пути Ганнибала сквозь южную Галлию и через Альпы, следует рассмотреть климат того времени. Сейчас принимают как данность, что Ганнибал шел через очень высокий перевал, те, кто утверждает, что климат тогда был практически такой же, как и сейчас. Но подтверждается ли чем-нибудь это утверждение? В 1966 году были опубликованы избранные труды выдающегося метеоролога Х. Х. Лэмба, озаглавленные «Изменяющийся климат». Данное там описание климатических условий во времена Ганнибала сильно отличается от нынешних и представляет особую ценность благодаря тому факту, что ученый ничуть не интересовался переходом Ганнибала через Альпы. Вот как вкратце выглядела, согласно Лэмбу, доисторическая и античная Европа. Сухой и теплый период между 4000 и 2000 гг. до н.э., наставший после ухода льда последнего ледникового периода, известен под названием «постледникового климатического оптимума». В это время температура в мире была на 2—3 градуса Цельсия выше нынешней. Однако в последующее тысячелетие климат ухудшился. Между 900 и 500 гг. до н.э. температура быстро упала примерно на 3 градуса Цельсия ниже современной отметки. За понижением температуры последовали проливные дожди. Уровень осадков тогда достиг небывалых отметок, и засушливые земли южного Средиземноморья процветали. Но то, что было благословением для Греции, Италии и Испании, оказалось проклятием для всей остальной Европы. Примерно к 400 г. до н.э. уровень осадков достиг максимума. Все низменности вначале превращались в болота, а затем просто затоплялись. Известные с доисторических времен пути оказались закрытыми, а главным видом транспорта стал водный. Из-за понизившейся температуры не только сильно упал уровень испарения в низинах, но и значительно вырос уровень повторного оледенения высокогорных мест. Это означает, что одновременно с ростом болот в долинах увеличивался и размер ледников. Невероятной силы дожди привели к переполнению озер Швейцарии — уровень воды в Баденском озере вырос на десять метров, величина почти что невозможная, если учесть, что из этого озера вытекает Рейн. Озерные жители вынуждены были оставить свои деревни и никогда больше туда не вернулись. На южную Европу обрушилось несколько последовательных волн из согнанных со своих привычных мест обитания племен. Наиболее существенным результатом переселения стало вторжение кельтов в Испанию и Италию. Эта миграция не прекращалась вплоть до

времен завоевания Галлии Цезарем в I в. н.э. Начиная с этого времени температура начала медленно повышаться, пока не достигла своей максимальной отметки между 800 и 1000 гг. до н.э. Затем она вновь начала падать, вызвав «малый ледниковый период», который длился между XVI и XIX вв. Довольно бессмысленно говорить далее о находках средневековых или в нашем случае римских копей, которые стали доступны после отступления льдов «малого ледникового периода», поскольку никто не спорит, что во времена Римской империи и позже температура была выше. Климат XVII в., вероятно, сильно походил на тот, что был во времена Ганнибала. Подтверждают это и слова Полибия о том, что перевалы в Альпах были круглый год покрыты снегом. Видимо, это относится и к самым низким из них, поскольку именно ими больше всего пользовались. Пишет он и о затопленных болотистых землях в районе Флоренции, через которые пришлось идти Ганнибалу, когда он вторгся в центральную Италию в 217 г. до н.э. Все это хорошо вписывается в данную Лэмбом картину и должно учитываться при изучении пути Ганнибала в Италию.

Историки

Существует множество рассказов о походе Ганнибала из Испании в Италию, причем каждый из авторов, преследуя свои собственные цели, отправляет Ганнибала другим путем. Качество этих рассказов варьируется от вполне научного до совершенно смехотворного. Еще больше имеется комментаторов, в число которых входят Марк Твен, Наполеон и сэр Гэвин де Бир, который был директором Музея естественной истории в Лондоне. Автор данной работы провел много лет, исследуя на месте многочисленные возможные маршруты, и полагает, что настало время подойти к изучению данного вопроса по-новому. О переходе повествуют как Полибий, так и Ливии. Принято считать, что рассказ Ливия полон искажений и что он, вероятно, смешивал два противоречивших друг другу источника. Поскольку согласовать оба рассказа не представляется возможным, рассказ Ливия в данном исследовании рассматриваться не будет и оно основано полностью на Полибии. Перед тем как обратиться к исследованию маршрута Ганнибала, всем комментаторам следует внимательно прочесть то место из Полибия, где историк отклоняет все утверждения о том, что Ганнибал пользовался неким неизвестным перевалом, заблудился или избрал особенно трудный путь (Полибий, III, 47, 6—12). Он также говорил, что сам изучил перевал в Альпах «для того, чтобы самому узнать и увидеть». Далее он пишет, что не видит смысла в том, чтобы записывать названия мест, имена которых ничего не значат для его читателей. Из этого можно сделать вывод о том, что, когда он все же указывает это название, он говорит о хорошо известном грекам месте. И наоборот, если Полибий этого названия не дает, причина заключается лишь в том, что оно не было широко известно.

Пути из Испании в Италию

Во времена Ганнибала существовало два главных пути, связывающих Италию и Испанию. Они были известны древним как легендарные «пути Геракла». Один из них шел из Тосканы вдоль лигурийского побережья. Другой проходил через Альпы, начинаясь в долине По. Две дороги встречались на Роне, которую пересекали у Бокер-Тараскона, а затем шли вдоль побережья Испании. Около 118 г. до н.э. путь через Альпы в Испанию сменился на римскую Домициеву дорогу. Возникает вопрос: был ли путь Геракла и Домициева дорога одним и тем же? Нелепо было бы предполагать, что римляне, строя Домициеву дорогу, проложили через Альпы совершенно новый путь. Такая затея не имела бы никакого практического смысла и была совершенно не в духе римлян. Самый простой и удобный путь через горы уже был проложен купцами и странниками, которые путешествовали там веками. Римляне же, видимо, просто выровняли и замостили его. Эта дорога была самым низким, самым широким и самым удобным перевалом через Альпы. К тому же это был кратчайший путь в долину р. По. Расстояние по Домициевой дороге от Нима, который находится к западу от Роны, до Казале Монферрато, расположенного в долине По, где сходились все пути, составляет 481 км. Кратчайший путь через Коль-де-Ларш равен примерно 500 км, а путешествие вверх по долине Изера, через перевалы Малый Сен-Бернар, Клапье или Мон-Сени, увеличит расстояние более чем до 600 км. Это все низкие перевалы, что есть в западной части Альп. Благодаря этим данным, ясно, что путь по Домициевой дороге был самым предпочтительным. Исходя из этих же соображений, так же должен был следовать и путь Геракла. Дорога из Тараскона усеяна кельто-лигурийскими городами и крепостями-оппидумами. Сегустерон (Систерон), Катургий (Шорж), Эбуродунум (Эмбрун), Бригантий (Бриансон) к западу от перевала и Сегузион (Суза) к востоку от него — все это кельтские имена, а следовательно, они существовали еще до того, как римляне построили свою дорогу. Есть оппидумы и близ Апта, и Мон-Дофен и еще два между Маноском и Систероном. Все эти факторы дают исчерпывающие доказательства того, что на месте Домициевой дороги проходил путь еще до римских времен. Подтверждает это и псевдо-Аристотель, живший во второй половине III в. до н.э. — во времена Ганнибала. Он пишет, что при переходе через Альпы приходится платить пошлину живущим вдоль тракта кельто-лигурийцам. Вероятно, что относится это заявление к тому самому южному

пути, поскольку лигурийцы как-то плохо вяжутся с северной дорогой. Таким образом, можно утверждать, что существовал хорошо известный путь из Испании в Италию, который проходил через Альпы. Путем этим пользовались во времена Ганнибала, и шел он там же, где и римская Домициева дорога.

Три контрольные точки Полибия

Рассказывая о путешествии от Пиренеев в долину р. По, Полибий указывает нам три контрольные точки. Первая из них — это дорога от Пиренеев к Роне; вторая — участок земли, именуемый Островом, который располагается между Роной и одним из ее притоков; третья же — это перевал, через который Ганнибал вошел в Италию. Полибий дает наглядное описание второй и третьей точек и ориентиры первой.

1. Дорога к Роне

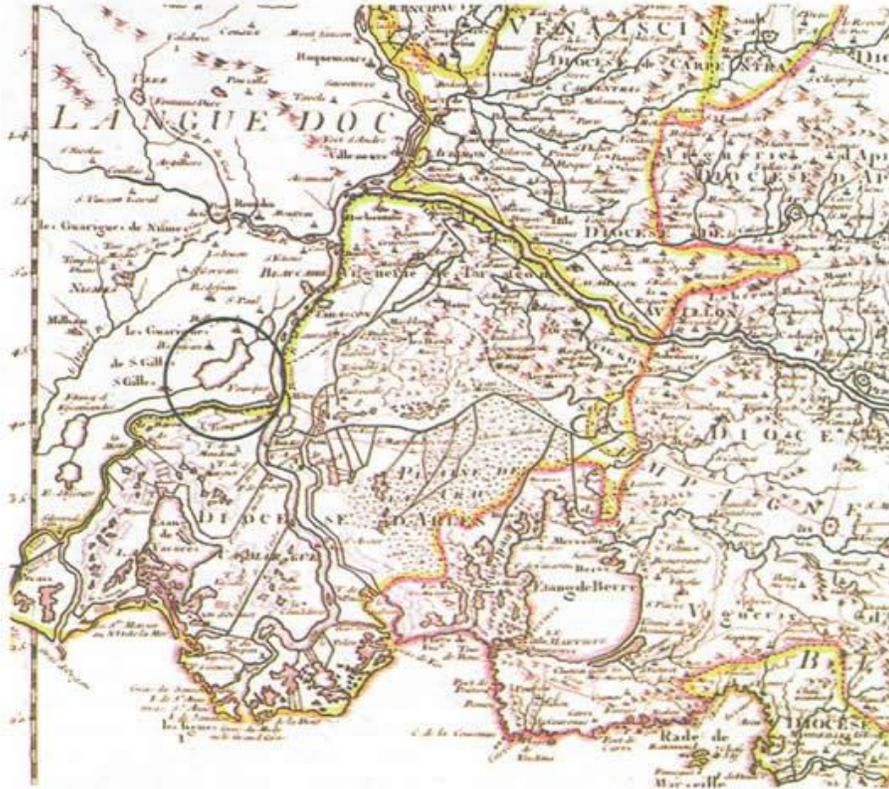
Несомненно, планируя вторжение в Италию, Ганнибал намеревался перейти через Альпы и добраться до долины По по пути Геракла. Зимой 219—218 гг. до н.э. он договорился с племенами, живущими вдоль него, и заплатил им за проход. О походе Ганнибала через Пиренеи нам практически нечего сказать, а вот о том, как его армия двигалась через южную Галлию, кое-что известно. Полибий писал, что дорога от Испании до реки Роны была тщательно измерена римлянами и размечена верстовыми столбами. Благодаря этому замечанию историк, сам того не ведая, предоставил будущим исследователям очень ценную информацию. Благодаря ему мы узнаем, что Ганнибал шел по тому пути, которым позднее стали пользоваться римляне. Констатирует он и тот факт, что римляне, как обычно, замостили и измерили существовавший задолго до них тракт, когда строили знаменитую Домициеву дорогу к западу от Роны. Упоминание о промерах дороги привело к своего рода противоречию, поскольку известно, что осуществил его Гней Домиций Агенобарб («Рыжебородый») в 118 г. до н.э., дата, очень близкая ко времени смерти Полибия. Многие ученые все-таки полагают, что отрывок этот аутентичен и историк сам вставил его в текст незадолго до смерти (см., например, работу Ф. Уолбанка «Комментарии к Полибию», т. 1, стр. 373, и т. 3, стр. 768). Следы римской дороги можно ясно увидеть на восточном берегу Роны, между Монпелье и Нимом. Она идет вдоль гребня возвышенности, огибающей прибрежные болота, примерно в девяти километрах от современной береговой линии. Это ничуть не удивительно, особенно если принять во внимание климатические условия того времени, о которых говорилось выше. Даже в наши дни побережье в тех местах топкое, а береговая линия постоянно меняется, потому что Рона приносит примерно 20 миллионов тонн наносов в год. Большая часть ила относится в западном направлении и образует

отмели и лагуны вдоль побережья до самой Испании. В древние времена береговая линия могла быть значительно ближе к дороге. Полибий указывает расстояния, которые проходила армия Ганнибала. Цифры эти, к большому сожалению, весьма приблизительные, даны с большим разбросом и требуют поправки на каждые 200 стадиев. Если сложить те расстояния, что отмечены у Полибия для каждой отдельной части маршрута, получится, что Новый Карфаген отделяет от Италии расстояние в 8400 стадиев. Сам Полибий, однако, говорит о 9000 стадиев. Вероятно, что промежуточные цифры, данные везде приблизительно, соблазнили его увеличить общий итог, округлив его. Описывая дорогу от Испании до Роны, Полибий пишет также, что римляне поставили на ней дорожные столбы через каждые восемь стадиев. Все расстояния, которые дает Полибий для рассказа о событиях 218— 217 гг., указаны в цифрах, кратных восьми стадиям. Следовательно, он пользовался неким римским источником, считая одну милю равной восьми стадиям (т.е. 200 стадиев примерно равны 37 км), а не восьми с одной третью, как исчисляли ее многие. В данной работе я пользуюсь системой Полибия. Историк сообщает нам, что Ганнибал пересек Рону там, где она течет единым руслом, на расстоянии четырехдневного перехода от моря. Еще он указывает на большое количество лодок, которое Ганнибал смог купить для своего войска.

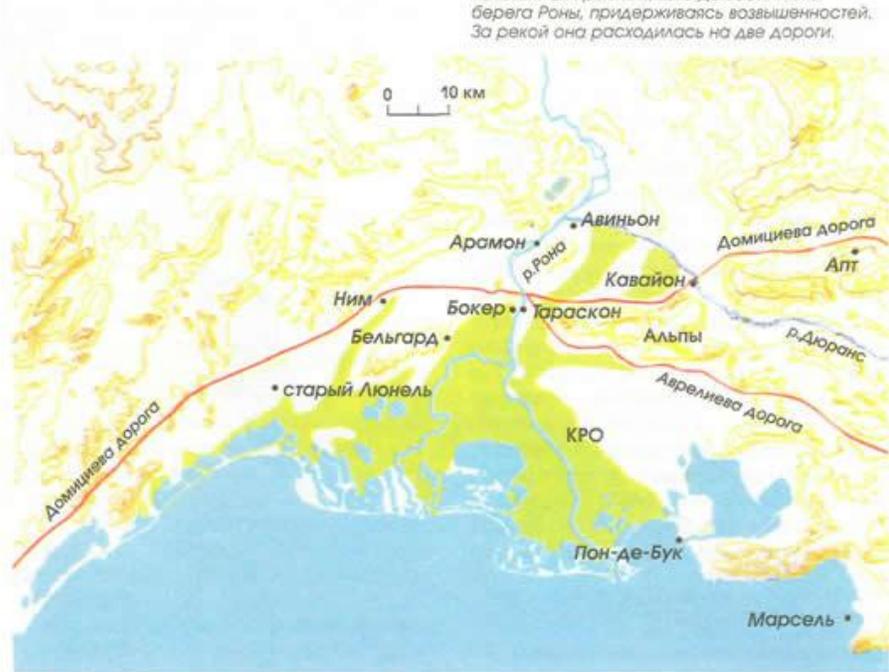
Ученые яростно спорят о месте переправы, и причина этих споров вполне понятна. Дело в том, что затем Ганнибал в течение четырех дней двигался вверх по реке, покуда не добрался до места, именуемого Островом. Каждому из участников спора приходится «сдвигать» переправу в точку, соответствующую тому месту, где, на его взгляд, находился Остров. В данном случае слова Полибия о «примерно четырех днях пути от моря» мало чем могут помочь. Вряд ли он обозначил этими словами расстояние от

устья Роны до точки переправы. Тогда они скорее всего относятся к месту, где армия потеряла море из виду. Такая точка может располагаться близ старого Люнеля, потому что к юго-восток}7 от нее, примерно в 50 км от Бокера, дельта Роны выдается в море. Можно также отклонить предположение, что армия удалилась от побережья в Эг-Морт. Полибий четко говорит о том, что армия следовала по Домициевой дороге, а для того, чтобы добраться от этой дороги до Эг-Морт, нужно вначале пройти 16 км на юг, а затем повернуть обратно к Роне. Следующий вопрос заключается в том, каким образом следует исчислять расстояние дневного перехода. Полибий указывает скорость, с которой продвигалась армия, только один раз. Мы узнаем, что непосредственно перед началом подъема в горы она прошла 800 стадиев за 10 дней. Учитывая поправку на каждые 200 стадиев, мы получаем расстояние в 13—17 км в день. Однако и эта цифра не слишком надежна, поскольку армии наверняка приходилось заниматься поиском провианта. Единственное заключение, которое можно сделать на основе имеющихся данных, носит отрицательный характер — место переправы не могло находиться дальше, чем в четырех днях пути от старого Люнеля.

Копия старой карты дельты Роны, на которой изображено озеро, преграждавшее дорогу из Нима в Арль. Римляне построили через эту болотистую местность виадук.

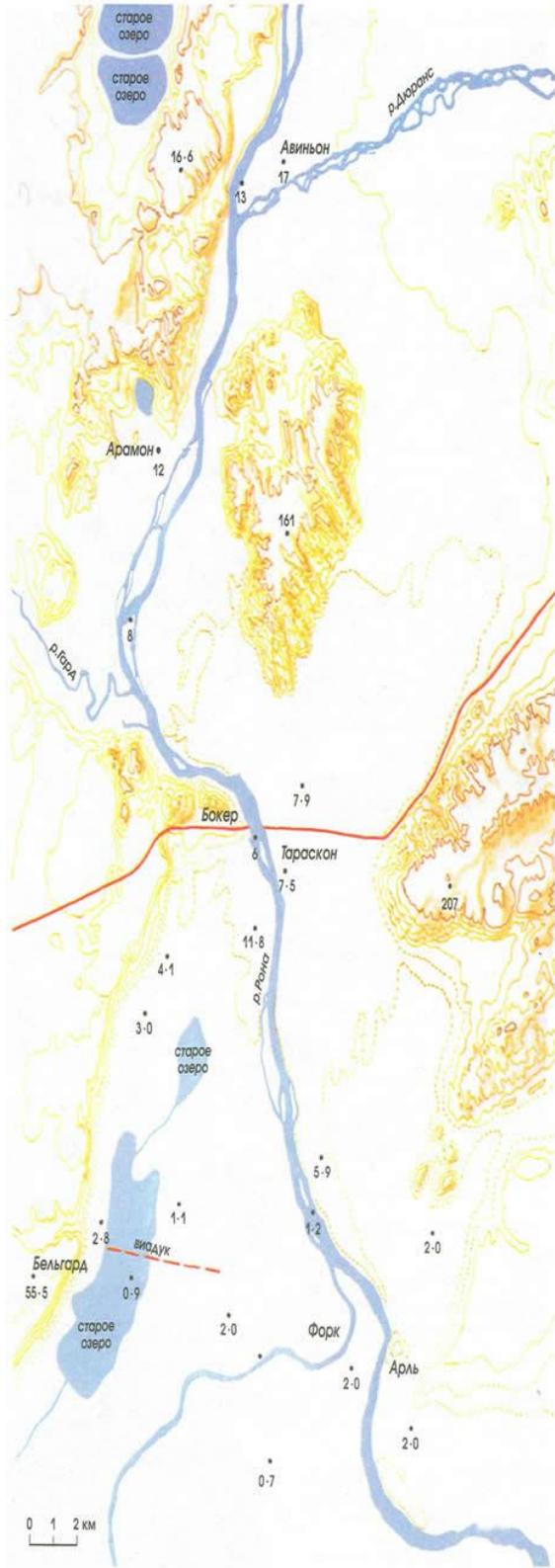
Современная карта дельты Роны, на которой зеленым цветом выделена заболоченная территория. Древняя дорога в Испанию, показанная красным, шла до восточного берега Роны, придерживаясь возвышенностей. За рекой она расходилась на две дороги.

Карта французских Альп, на которой изображено два пути Геракла — древние, проторенные торговые пути (на карте они обозначены

сплошной черной линией), и маршрут, которым следовал Ганнибал, отмеченный черным пунктиром.

Де Бир отстаивает точку зрения, согласно которой Ганнибал перешел через реку у Фурка, что находится выше Арля, в верхней части дельты. Отсюда и его выбор Эг-Морт как места, где армия отошла от побережья. Однако эта теория порождает несколько серьезных вопросов. 1. Там существовала греческая фактория, о которой Полибий непременно упомянул бы. 2. Вряд ли он не указал бы такой четкий ориентир, как верхняя часть дельты. 3. На картах XVII в. показано, что местность между Арлем и Бокером была заболочена. Если принять во внимание климатические условия времен Ганнибала, становится очевидно, что в античные времена дело обстоит так же. Когда римляне строили дорогу из Нима в Арль, им пришлось проводить через болота виадук. Сейчас от него не осталось и следа, однако еще в XVIII в. он был характерной чертой того края. Виадук находился к юго-западу от Бельгарда и вошел в герб города в виде двухпролетного моста, возвышающегося над болотами. Истинная длина этого моста нашла отражение в его названии «le Pont des Arcs», Мост Арок. Очевидно, их количество произвело впечатление на местных жителей, несмотря на то что менее чем в 25 км от него находился другой мост со сложной структурой арок, Pont du Gard. В Бордоском или Иерусалимском путеводителе IV в. мост между Нимом и Арлем фигурирует под названием Pons Aearis, «Медный мост». Говоря о теории де Бира, следует упомянуть еще и о его предположении, что река Дюранс, которая в наши дни впадает в Рону сразу к югу от Авиньона, во времена Ганнибала впадала в нее к югу от Арля. Кроме местность, расположенная к юго-западу от Арля, так усеяна камнями, что привела геологов к мысли о том, что когда-то Дюранс протекал именно там. Они, без всякого сомнения, правы. Вопрос заключается в том, когда это было. Присутствие этих камней отмечали и древние, которые оставили множество объяснений этого факта, но интересоваться нам следует не самими объяснениями, а теми, кто их давал. Из них достаточно будет упомянуть Эхила (525—456 гг. до н.э.) и Аристотеля (384—322 гг. до н.э.) — очевидно, что уже в их время Дюранс там не протекал.

Карта Роны выше дельты, на которой показаны возможные места переправы. До строительства римского виадука переправа к югу от

Бокера—Тараскона была невозможна.

Очевидно, Ганнибал не мог переправиться через Рону южнее Бокера. Полибий сообщает, что расстояние от Эмпорий (Ампурьяса) до Роны составляло 1600 стадиев. Кроме того, он говорит, что Домициева дорога к западу от Роны была тщательно измерена римлянами. Тогда почему он не называет точных цифр, предпочитая довольствоваться приблизительными? Большинство ученых полагает, что место, где говорится о тщательном измерении дороги, было добавлено позже — самим Полибием или его последующим редактором. Однако звучит это не слишком убедительно, потому что Полибий не изменил цифру в 1600 стадиев и не утверждал, что армия переправилась через реку в обычном месте. Расстояние от Эмпорий до Бокера можно узнать из римских дорожных книг времен империи. Составляет оно 199 римских миль, или 295 км. Античный географ Страбон исчисляет его в 194 римские мили, что, при восьми стадиях в миле, составит 1592 стадия. Поскольку приблизительные данные Полибия — 1600 стадиев — допускают погрешность в 99 стадиев, к расстоянию можно добавить еще 20 км. Следующей вероятной точкой переправы может оказаться Арамон, но никаких особых преимуществ перед Бокером у него нет. Еще выше, в 18 км от Бокера, расположен Авиньон, конечная точка, до которой можно прийти по указанным Полибием данным. Это чуть больше 70 км от старого Люнеля — четыре дня хорошего хода. Причина, по которой Ганнибал выбрал для переправы это место, заключается в передвижениях (или, точнее, отсутствии таковых) Сципиона. Полибий говорит, что последний отплыл в начале лета, и у него ушло пять дней на то, чтобы добраться морем до Роны из Пизы. Согласно Варрону современнику Цезаря, который был знаком как с нововведенным юлианским календарем, так и с более ранним римским, лето начиналось на двадцать третий день после того, как солнце входило в созвездие Тельца, и длилось затем 94 дня, т.е. с 9 мая до 11 августа. Даже если принять во внимание гибкость республиканского календаря, вряд ли «начало лета» можно оттянуть дальше конца июня. Другая проблема возникает с датировкой прибытия Ганнибала к Роне. Полибий говорит, что он достиг перевала в Альпах «незадолго до захода Плеяд». Это еще одна астрономическая дата, которую Варрон определяет для нас. Между заходом Плеяд и зимним солнцестоянием проходит 57 дней, а это означает, что происходить он должен в конце октября. Следовательно, Ганнибал достиг перевала примерно в середине этого же месяца. Проследившая его путь в обратном направлении, можно вычислить, что через Рону он переправился приблизительно в конце августа. Из текста Полибия создается впечатление, что Сципион прибыл в дельту Роны в то самое время, как Ганнибал переправлялся через реку. Однако в этом случае куда-то исчезают два

месяца. На то, чтобы добраться от Картахены до Италии, у Ганнибала ушло пять месяцев — следовательно, он должен был выйти из Картахены примерно в середине мая. Но тогда он никак не мог очутиться у Роны в начале июля. Мы уже упоминали раньше тот факт, что Полибий жил в доме Сципиона Эмилиана, бывшего приемным правнуком того самого Сципиона. Очевидно, историк чувствовал себя обязанным следовать существовавшим в принявшей его семье преданиям. Родной дед этого Сципиона и Эмилиана, Эмилий Павл, был во многом ответственен за те несчастья, что постигли Рим в начале этой войны. Но семейные традиции требовали, чтобы ответственность за совершенные ошибки легла на плечи кого-нибудь еще. Как мы увидим дальше, в битве при Требии и при Каннах козлом отпущения стал второй консул. Для того чтобы обелить предков при Роне и Тицине, требовалось переписать историю. Согласно Полибию, Ганнибалу не стало известно о присутствии в устье Роны Сципиона, покуда он не пересек реку. В этом месте историк вновь идет на поводу у семейных преданий Сципионов. Пытаясь прикрыть неудачу полководца в попытке остановить Ганнибала у Роны, он пишет, что Сципион буквально на волосок разошелся с ним. Если Сципион добрался до Роны раньше Ганнибала, значит, Ганнибал узнал об этом и перешел реку выше устья Дюранса, чтобы поместить между собой и римлянами еще одну реку.

2. Остров

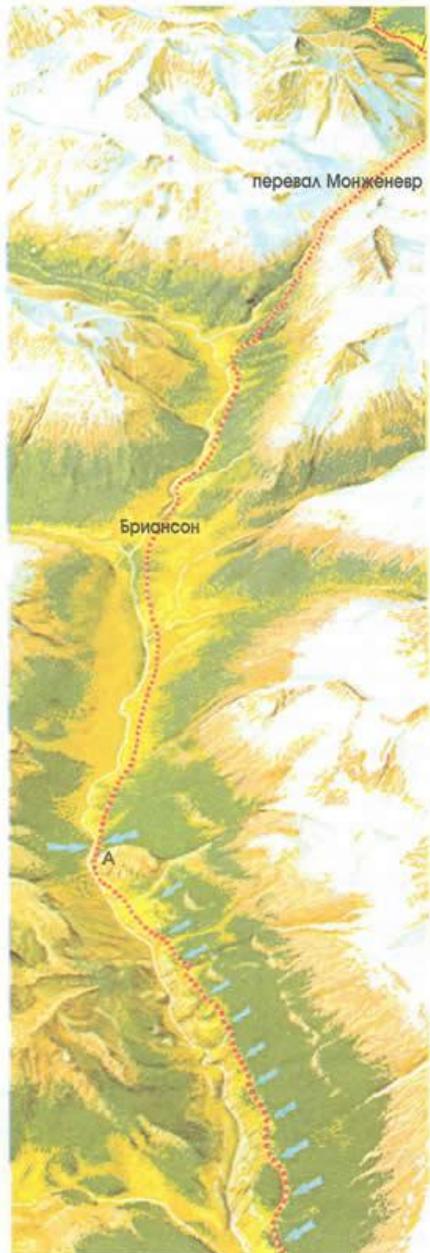
Когда нумидийцы Ганнибала наткнулись на конницу Сципиона, карфагенский полководец наверняка счел, что римские легионы уже близко. По этой причине он отказался от изначального плана идти по пути Геракла, а пошел вверх по течению, надеясь избавиться от Сципиона. Последний добрался до брошенного лагеря при переправе через три дня после того, как его покинули войска Ганнибала; еще через день разведчики доложили, что Сципион повернул обратно к побережью. Четырехдневный переход привел карфагенян к месту, где в Рону впадает еще одна река. Полибий именует ее Скар. Местность, которая располагалась между этими двумя реками, называлась Остров. Она была богата людьми и зерном, а название было вызвано спецификой расположения. По размеру и очертаниям Остров походил на египетскую Дельту — существенное различие заключалось лишь в том, что основание ее составляла «почти непроходимая» горная цепь. Как и любая часть Ганнибалова пути, Остров породил массу споров. Даже мельком взглянув на карту, можно ясно увидеть одно-единственное подходящее месторасположение Острова — участок между Роной и Изером. Тем не менее несколько комментаторов склонны оспаривать его в пользу

другой территории — между Югом и Роной. Их главный аргумент заключается в том, что одним из названий Юга в древности было Экар, что довольно близко к Скару. Следует указать, однако, что латинским названием Изера было Изара, что звучит ничуть не менее похоже. Не может помочь в этом случае и Ливии, который именует вторую реку Арар, а это латинское название Соны. Для Ливия это типично — он легко заменял известными ему названиями те, которых раньше не слышал; профессор Х. Х. Скаллард в своей книге «Сципион Африканский — солдат и государственный деятель», перечисляет не меньше дюжины таких случаев, относящихся к Испании и Северной Африке. Не следует доверять и представленному у Ливия списку племен, мимо которых проследовал Ганнибал. Попытки определить территорию, на которой они обитали, путем сопоставления с территорией галльских племен времен Римской империи бессмысленны из-за постоянно проходившей в долине Роны миграции, в ходе которой каждое племя вытесняло предыдущее вниз по течению. Кроме того, племена воевали между собой. Для времени Ганнибала нельзя быть твердо уверенным даже в том, что территорию современной Швейцарии занимали тогда именно гельветы — что же говорить о других племенах? Ганнибалу удалось вмешаться в возникшую на Острове конфликтную ситуацию и успешно разрешить ее. Именно из-за этого некоторые историки отвергают территорию между Изером и Роной как гипотетическое местонахождение Острова — во времена империи там обитали аллоброги, а Полибий четко говорит о том, что с этим племенем у Ганнибала возникли сложности. На самом деле, как мы только что видели, невозможно точно сказать, где жили аллоброги во времена Ганнибала. Вопрос заключается в том, как именно описана эта территория. Полибий сравнивает размер Острова с дельтой Нила, которая составляла в его дни примерно 15 000 кв. км. Участок между Роной и Изером — примерно 5000 кв. км, а между Роной и Югом — только 700 кв. км. Защитники «Югского Острова» пытаются убедить остальных в том, что, поскольку ни одна из территории не дотягивает до дельты Нила, можно просто не обращать внимания на замечания древних историков относительно ее размеров. Невозможно сказать что-либо определенное о населении, что же касается изобилия зерна, то следует признать, что местность близ Юга более плодородна. В то же время более обширная территория близ Изера способна была дать больше зерна, а во времена Рима обеспечивала могущественных и многочисленных аллоброгов. Последняя и наиболее важная часть описания, данного Полибием, заключается в том, что он называет данную территорию «Островом», говоря о том, что название свое он получил благодаря местоположению. Изер является одним из трех главных притоков Роны; два других — Сола и Дюранс. Остальные по

сравнению с ними незначительны. Юг — небольшая речка, практически пересыхающая летом, когда через нее можно перейти, замочив ноги едва ли по щиколотку. Что же касается находящихся поблизости «почти непроходимых гор», то близ Юга они полностью отсутствуют. Защитники «Югского Острова» пытаются подогнать под это определение горную цепь Баронни, но никак не объясняют критериев, по каким она подходит к нему, поскольку горы эти прорезаны множеством троп и никак не являются серьезным препятствием. В то же время «Изерский Остров» представляет собой настоящую природную крепость. Большая часть этого треугольника ограничена Изером или Роной, а расстояние между ними загорожено Шартрезским горным массивом и горой Мон-дю-Ша. Дополнительным препятствием является Буржское озеро с окружающими его болотами — даже в наше время они простираются до берегов Роны.

3. Перевал

Споры идут по поводу каждой тропинки от Коль-де-Ларш до Семплон в Швейцарии, а потому было бы и скучно, и бесполезно пытаться рассмотреть все имеющиеся в наличии теории. В течение нескольких лет — с 1968 по 1973 год — мы с женой прошли по всем основным предложенным перевалам и внимательно изучили их — так же как и все меньшие перевалы, на которых могла быть устроена первая из засад. Прежде всего мы должны обратить внимание на высоту перевалов. Полибий говорит о том, что горные проходы в Альпах были круглый год покрыты снегом. Должно быть, он включает в их число Монженеврский перевал и Малый Сен-Бернар, поскольку это были единственные проходы в Западных Альпах, которыми пользовались в его время. Это хорошо укладывается в рамки теории Х. Х. Лэмба, согласно которой граница вечных снегов проходила тогда примерно на 1000 м ниже своего нынешнего уровня. Таким образом, все еще покрытому прошлогодним снегом перевалу, по которому шел Ганнибал, вовсе не обязательно было быть очень высоким.

Путь из Л'Аржантьер-ла-Бессе к Монженеврскому перевалу (чуть больше 20 км). Внизу расположено ущелье Дюранса. Здесь армию карфагян, растянувшуюся вдоль склона холма, атаковали с высот кельты. Там, где из склона горы выступает большая скала (А), армия оказалась разделенной на две половины. Ганнибал смог вырваться оттуда на следующее утро и добраться до вершины перевала, на которой стоял лагерем два дня.

Полибий говорит, что он сам переходил через перевал. Это подтверждается его описанием солдат, скользящих по плотно утрамбованному снегу, — оно слишком живое для полученного «из

вторых рук». Из рассказа греческого историка можно выделить несколько основных моментов, которые могут помочь в идентификации перевала. Здесь перечислено шесть пунктов: 1. На перевале должно иметься ущелье примерно на расстоянии дневного перехода от его вершины. Расстояние должно составлять менее 30 км, так как у всех рассматриваемых перевалов (за исключением Коль-де-Ларш) имеется резкий подъем непосредственно перед верхней точкой. 2. Вершина перевала должна быть достаточно просторной для того, чтобы вся армия могла встать на ней лагерем. 3. Спуск должен быть хотя бы частично обращен на север, поскольку на нем скапливались снег и лед. 4. Спуск с перевала должен быть обрывистым. 5. Дальняя сторона перевала должна находиться на расстоянии трехдневного перехода (45—90 км) от равнины. 6. С вершины перевала должна быть видна Италия. Необходимо изучить только семь главных «кандидатов»: А) Коль-де-Ларш (высота 1991 м) удовлетворяет только пунктам 2 и 5. Он обращен с северо-запада на юго-восток. Б) Коль-де-Траверсет (высота 2914 м) — единственный перевал, с которого видна долина р. По. Однако по другим пунктам он удовлетворяет только условию 4. На нем действительно есть теснина (Combe de Queygas), но она расположена примерно в 35 км от верхней точки, а сам подъем очень крутой. Ганнибал, который двигался через враждебные земли, никогда не вошел бы в Комб-де-Кейра — теснину с обрывистыми стенами, которая простирается на 15 км вдоль долины р. Гил. Нужно быть полным безумцем, чтобы повести армию таким путем. Наиболее серьезным возражением против этого перевала служит его высота — на километр с лишним больше, чем у Монженевр. Для того чтобы добраться до Траверсета, нужно перейти сначала через значительно более низкий Коль-де-Круа (выс. 2273 м). На вершине Траверсета расположен узкий выступ, которого едва хватит для десятка человек, не говоря уж об армии. Кроме того, трудно счесть трехдневным маршем расстояние в 20 км от его восточной стороны до начала равнины. Даже если отправиться от него прямо в долину р. По, дистанция не превысит 30 км. В) Монженевр (высота 1850 м). Это перевал, через который проходит Домициева дорога, второй из наиболее низких проходов. Он удовлетворяет всем условиям, за исключением 6. У этого перевала имеется теснина, расположенная в нескольких километрах к югу от Бриансона и примерно в 20 км к югу от его вершины. Дорога идет вдоль высоких покатых стен ущелья, и пройти по ней очень легко — при условии, что наверху не расположился противник. Из всех ущелий именно это лучше всего подходит для того, чтобы «скатывать» валуны на армию карфагенян. На вершине перевала довольно места для лагеря. Из всех проходов только он и Коль-де-Лешелль обращены с юга на север (точнее, с запада-юго-запада на восток-северо-восток). Спуск там

достаточно крутой, причем идет он по территории постоянных оползней — там, где современную дорогу пришлось прикрыть бетонным навесом. Расстояние с этой стороны перевала до Сузы составляет 37 км, и можно сказать, что равнина начинается за несколько километров до нее. Еще 30 км отделяют Сузу от долины реки По у Авильяны. Г) Коль-де-Лешелль (1766 м) — самый низкий перевал в западных Альпах. Он может служить альтернативой Монженевру, поскольку также соединяет долины Дюранса и Дора Рипариа. Быть может, именно этим перевалом воспользовался Помпей, когда отправился в Испанию, так как античные источники сообщают, что он не воспользовался обычным путем. Дорога через Коль-де-Лешелль лишь немного длиннее, чем через Монженевр, и возможно, что до-римская дорога проходила именно через него. Перевал удовлетворяет пунктам 1, 2, 3, 4 и 5, а вершина его находится немногим более 25 км от ущелья, упомянутого в связи с Монженеврским перевалом. Там как раз хватит места для размещения лагеря. Расположен перевал строго с юга на север и имеет очень крутой спуск. Д) Коль-дю-Клапье (высота 2482 м) подходит только под условия 1 и 2. Он находится в направлении с северо-запада на юго-восток. Если прошлогодний снег все еще оставался на южной стороне перевала, то подняться по крутой северной стороне, которая была бы тогда полностью покрыта льдом, просто невозможно. Я попытался пройти по нему в июне 1968 года, до того, как стаяли снега, но не смог вскарабкаться по тропе, ведущей вверх по утесу, обращенному в долину Амбена. Спуск у этого перевала крутой, но не обрывистый. Осенью 1968 года мы с женой заблудились, пытаюсь спуститься с него, но в конечном счете вышли, следуя вдоль высохших ручьев. Долина По не просматривается ни с одной из точек на вершине перевала. Единственный способ увидеть ее — двигаться вдоль склона в направлении Монте Ариа. С дальней стороны перевала можно спокойно добраться до «плоской земли» за несколько часов. Даже если трактовать понятие «плоская земля» исключительно в смысле долины По, то дистанция не составит больше 35 км, причем по ровной местности. Е) Мон-Сени (высота 2083 м) проходит только по 2 пункту. Этот перевал следующий после Коль-дю-Клапье и расположен точно так же. Тем, кто утверждает, что Ганнибал шел через Клапье, следовало бы подумать, почему он не воспользовался Мон-Сени, который и ниже, и проходимее предыдущего. Кроме того, чтобы добраться до него, нет необходимости проходить через ущелье. Даже если Ганнибал отправился через Амбенское ущелье и поднялся на обращенный в сторону долины утес, он легко обнаружил бы, что удобнее будет пройти через Малый Мон-Сени (высота 2182 м) и спуститься по Мон-Сени, как он наверняка и сделал бы. Хотя, быть может, Ганнибал хотел пройти через Клапье потому, что ему, как и мне,

сказали, что оттуда открывается замечательный вид на Италию. Ж) Малый Сен-Бернар (высота 2188 м) подходит по условиям 1, 2 и 3, однако расположен он в 130 км от того, что можно назвать равниной, — слишком далеко для трехдневного перехода. Летом 1979 года экспедиция военных инженеров под руководством лейтенанта инженерных войск Мелвина провела изучение перевалов Клапье — Сени, Монженевр — Лешелль и Траверсет. Их заключение во многом совпадает с моим собственным, однако они добавили, что было бы невозможно ни затащить слонов на перевал Траверсет из-за каменистых осыпей, ни спустить их с него из-за сильной крутизны. По тем же причинам был отклонен и спуск с перевала Лешелль. Используя метод исключения, можно сделать вывод, что самым подходящим перевалом является Монженевр, через который проходила дорога как римского, так и доримского периода. Однако в этом случае следует признать, что вид на Италию, будто бы открывавшийся с перевала, является выдумкой. Вероятно, вдохновляя своих воинов, Ганнибал указал в направлении Италии, а с течением времени вспоминая поход солдаты вообразили, что действительно видели ее оттуда. Есть еще один способ проверки. Согласно античному географу Страбону, Полибию должно было быть известно только четыре пути, ведущих через Альпы. Он перечисляет их так: 1. Дорога через лигурийцев. 2. Дорога к тавринам, которой воспользовался Ганнибал. 3. Дорога через салассов. 4. Дорога через ретов. Все согласны с тем, что перечислены эти проходы с юга на север. Первый из них — это дорога по побережью (т.е. южное ответвление пути Геракла), а третий лежит через Малый Сен-Бернар. Путь, которым воспользовался Ганнибал, расположен между ними. Ф.В. Уолбэнк, автор замечательных комментариев к Полибию, говорит в них, что дорога к тавринам должна была пролегать только через Мон-Сени, Клапье или Монженевр, поскольку лишь они ведут непосредственно к тавринам. Трудно поверить в то, чтобы столь опытный путешественник и исследователь, как Полибий, не знал бы ничего о пути Геракла. В таком случае ему известна была лишь одна дорога, ведущая к тавринам, и она должна была пролегать по пути Геракла. Как мы уже убедились, путь этот не мог проходить ни через Клапье, ни через Мон-Сени. Следовательно, второй из известных путей, тот, которым воспользовался Ганнибал, лежал через перевал Монженевр. Установив, что Остров, вероятно, находился между Изером и Роной, а перевалом почти что наверняка был Монженевр, мы сталкиваемся с другой, казалось бы, неразрешимой проблемой: как Ганнибал добрался из одного места в другое? Существует прямая дорога, ведущая от Гренобля, расположенного на восточном конце Острова, до Бриансона, находящегося у подножия Монженевра. Проблема в том, что по пути эта дорога проходит через очень

сложный перевал Коль-дю-Лотаре (высота 2058 м). Полибий же однозначно утверждает, что Ганнибал не отправился сложной или неизвестной ему дорогой. Есть еще один путь, который, на первый взгляд, не кажется привлекательным. Следуя по нему, необходимо повернуть на юго-восток у Гренобля, пройти через невысокие перевалы Байяр (высота 1248 м) или Мане (высота 1263 м) и вернуться таким образом в долину Дюранса и на путь Геракла. Подход к обоим перевалам лежит через открытые поля. У Ганнибала было только два способа добраться до Италии от Острова, из точки слияния Изера и Роны. Он мог бы продолжить подъем по долине Изера и перейти Альпы через Клапье, Мон-Сени или Малый Сен-Бернар; однако можно было повернуть на юг, вернуться на путь Геракла и пройти через Монженевр. Ясно, что он выбрал последний. Итак, нам остается определить только места обеих засад. Оставив Остров, армия прошла за десять дней 800 стадиев (148 плюс-минус 18 км), следуя вдоль реки. Что только из нее не делали! Одни хотели, чтобы это была Рона, другие — Скар, третьи — помесь Роны и еще какой-то реки. Автор данной работы, не делая выводов более убедительных, чем все предыдущие исследователи, утверждает, что вначале это был Изер, вдоль которого армия шла от места впадения его в Рону до Гренобля, у которого он сливается с Драком; далее карфагеняне отправились в горы, следуя по этой реке. Поскольку расстояние от места переправы через Рону до Острова составляет почти 700 стадиев, а общий переход от Роны до начала подъема Полибий исчисляет в 1400 стадиев, путешествие от Острова до начала подъема не должно быть больше 800 стадиев — в противном случае исправленное число Полибия составит 1600, а не 1400 стадиев. Итак, до начала восхождения на перевал Ганнибал прошел не больше 148 км. Это должно было привести его в область Ла-Мюр. Оттуда дорога должна была стать более сложной, потому что армии пришлось следовать вдоль склонов холмов над ущельями, по которым протекает Драк. Любопытно отметить, как другие комментаторы заставляли Ганнибала проходить через ненужные перевалы ради того, чтобы найти место, подходящее под описание первой засады, — дело в том, что такового не имеется ни на одном из путей. Тем, кто считает, что Ганнибал шел вдоль линии Изер — Арк, приходится утверждать, что верховья Веркоров у Вертепа, а быть может, и место слияния Изера и Арка были заболоченными и дороге приходилось подниматься в горы. Де Бир отправляет Ганнибала через перевал Коль-де-Тримон, несмотря на то что, пройди карфагенин дальше по долине Дрома, он добрался бы в то же самое место более легкой, низкой и короткой дорогой. Для того чтобы добраться в долину Дюранса от Изера, Ганнибалу в любом случае предстояло иметь дело со сложными ущельями Драка, и именно там ал-аллоброги «заняли ключевые высоты»

над тесниной. Выбравшись из ущелья, армия быстро направилась дальше, покуда на четвертый день не встретились со встречавшими ее посланцами от племен. Этот трех-четырёхдневный переход должен был привести карфагенскую армию вниз, в долину Дюранса, возможно, где-то рядом с Эмбруном, т.е. примерно на 90 км. Переход от Ла-Мюра до этой точки вряд ли являлся сложным, поскольку проходил он большей частью через открытые луга. Еще два дня армия продвигалась вперед без особых проблем и добралась до ущелья, по которому протекает Дюранс. Оно расположено к северу от Л'Аржантьер-ла-Бессе, примерно в 55 км вверх по долине. Место это просто идеально подходит для второй засады. Дорога там поднимается в горы и следует над ущельем, прижимаясь к склону горы. Армия могла растянуться вдоль нее на 10—15 км, и именно здесь ее атаковали кельты, сбрасывая сверху валуны. За ущельем дорога вновь спускается в долину, однако почти что сразу путь перекрывает большая скала, выступающая с восточной стороны. В этой точке армию могли легко разделить на две части. Внизу находится ущелье, а к северу виден перевал Монженевр, расположенный примерно в 20 км. Полибий говорит, что расстояние от начала восхождения до равнины долины По составляет около 1200 стадий. Кроме того, он утверждает, что карфагенская армия прошла от Острова до начала подъема 800 стадиев. Если согласиться с большинством исследователей, которые утверждают, что лагерь Ганнибала на Острове находился у слияния Роны и Изера и что именно оттуда он продолжил свой поход, расстояние от Острова до равнин должно составить 2000 стадиев, то есть 370 км плюс-минус 18 км. От слияния Роны и Изера до Авильяны, расположенной на равнине По, приблизительно 386 км. Можно поспорить о том, что «плоская земля» Полибия была расположена где-нибудь за Сузой, потому что долина там расширяется. Разумеется, за этой точкой никаких препятствий на пути уже нет. В таком случае общую дистанцию нужно уменьшить на 30 км. В любом случае, все указанные греческим историком расстояния (Эмпории — место переправы через Рону, Рона — Остров, Остров — равнина) даны по максимальной величине — ведь и у него самого общее расстояние от Картажены составляет 9000 стадиев, на 600 стадиев больше того, что получается при сложении отдельных отрезков пути.

Битвы за долину По

Ганнибал перешел через Альпы за 15 дней, потеряв при этом почти половину армии и большую часть обоза. От Роны он отправился во главе 38000 пеших и 8000 конных воинов (по другим данным, 40 000 пеших и 6000 конных — см. стр. 187). На колонне, установленной в Лацинии, расположенном на противоположном конце Итальянского полуострова, Ганнибал оставил надпись, где говорится о том, сколько людей добралось с ним до Италии. Их число составляет 12000 африканской и 8000 испанской пехоты и не более 6000 всадников. Конечно, в число потерь включены не только погибшие — должно быть, много людей просто дезертировало. Армия была истощена и физически, и морально. И людям, и животным необходимо было поправиться и отдохнуть. Между тем местное племя тавринов, видя жалкое состояние и размер войска Ганнибала, отнюдь не пребывало в уверенности, что он-то и есть тот самый освободитель, кто приведет их к победе над Римом. Вначале Ганнибал попробовал договориться с ними, но когда все доводы никакого действия не возымели, он организовал атаку на их столицу, захватил ее и перебил всех жителей. Довод показался достаточно убедительным, и все остальные местные племена поспешили встать под его знамена. Карфагенский полководец знал, что быстрая победа над расположенными в том регионе римскими войсками будет лучшим способом привлечь к себе людей. С такими мыслями он двинулся дальше, вдоль северного берега реки По. Между тем Сципион вернулся морем обратно в Пизу, перешел Апеннины и принял командование двумя расквартированными в долине По легионами (первым и вторым). Его задачей было задержать Ганнибала до подхода второго консула, которого уже отозвали с Сицилии. Решено было остановить Ганнибала у реки Тицин (совр. Тичино). Этот мощный приток По представлял в то время года серьезное препятствие. Позиция усиливалась отрогом Апеннин, выступавшим в направлении По на южном берегу, у Страделлы, оставляя лишь узкий проход между рекой и горами. За год до этого римляне основали две военные колонии в долине По — одну в Кремоне, а другую в Плаценции (совр. Пьяченца). Несколько лет назад Тенней Франк выдвинул хорошо аргументированное предположение, что изначальное местоположение Плаценции было у Страделлы, в 30 км западнее современной Пьяченцы. В 207 г. колонию осадил Гасдрубал, а в 200 г. до н.э. ее разрушили кельты. Спустя несколько лет, когда римляне вновь завоевали область, они заново основали город. Франк считает, что к тому времени стратегическое значение

местоположения Плаценции уже не было столь существенным, а потому ее разместили на равнине, в центре её сельскохозяйственных угодий. Древний путь через Северную Италию шел по прямой — от побережья Адриатики, близ Римини, до Страделлы. Там он пересекал По между устьями Тичино и Танаро и шел до Ломелло (римский Лавмелл); оттуда он продолжался по северному берегу По до Турина, где соединялся с путем Геракла. Участок реки По между Тичино и Танаро является наиболее удобным для переправы: в любом другом месте пришлось бы вдобавок переправляться через Танаро или Тичино — два главных притока По. Очевидно, что наиболее выгодной точкой для новой колонии было место у переправы, чтобы лишить кельтов возможности отправлять подкрепления своим родичам на южном берегу По. Когда в начале II в. до н.э. римляне строили Эмилиеву дорогу, они следовали этому старому пути от Римини до Фиденцы, откуда было сделано ответвление, связавшее ее с новой колонией в Пьяченце.

Карта долины реки По, на которой указано расположение кельтских племен, и доримская дорога, идущая вдоль Апеннин до самого Адриатического моря у Римини. В 225 г. до н.э. римляне развернули полномасштабную войну с кельтами.

Маловероятно, чтобы Плаценция, будь она расположена на открытой местности, как нынешняя Пьяченца, смогла бы противостоять осаде Гасдрубала. Более того, расположение Кремоны в стратегической точке у слияния По и Адды позволяет предположить существование второй колонии в еще более важном месте — у слияния По и Тичино. Следует признать, что никаких археологических подтверждений того, что колония располагалась в

Страделле, не существует, но с военной точки зрения именно эта позиция представляет наибольший интерес. Подтверждается это и похожим расположением остальных пограничных колоний Рима, например в Синуэссе и Луцерии. Кроме того, рассказ Полибия о следующем сражении, при Требии, вовсе не имел бы смысла в том случае, если бы Плаценция находилась на месте Пьяченцы. Дойдя до Плаценции, Сципион построил из лодок мост через По и переправил своих людей на северный берег Тичино. Римская позиция казалась очень надежной, учитывая 6000 колонистов, удерживавших южный берег реки и основную армию, размещившуюся на северном. Если бы Ганнибалу удалось переправиться на правый берег реки, Сципион имел возможность отправиться за ним следом. Для того чтобы понять то, что произошло дальше, необходимо знать характер Сципиона. На Роне Ганнибал выставил его полным идиотом, и римский консул намеревался сделать все, чтобы этого не случилось вновь. Сципион знал, что карфагенская армия двигалась по дороге вдоль северного берега, однако его уверенность в себе была настолько подорвана событиями на Роне, что он, должно быть, боялся, что Ганнибал ухитрится как-нибудь миновать его, перейти Апеннины и вторгнуться в Этрурию. Поэтому вместо того, чтобы оставаться на практически неуязвимой позиции на Тичино, Сципион переправил армию через реку и двинулся вверх по течению По. На следующий день римляне узнали от своих разведчиков, что карфагенская армия уже близко, и разбили лагерь в 20—30 км к западу от реки — вероятно, к востоку от Ломелло. На следующее утро Сципион взял свою конницу и велитов и осторожно двинулся вперед. Теперь сцена была полностью готова для классической засады, какие Ганнибал устраивал затем Гракху и Марцеллу. Полибий говорит, что Ганнибал также выдвинул вперед конницу и что две армии наткнулись друг на друга. В этом месте он вновь пытается обелить Сципиона. Историк признает, что не успели зелиты метнуть свои дротики, как на них налетела конница карфагенян, а затем добавляет, что нумидийцы обошли римлян с тыла, а затем атаковали. На основании этого можно предположить, что они, очевидно, также находились в засаде. Консул был ранен, а его конница наголову разбита. И после этого Полибий пытается уверить читателей, что противник понес еще большие потери! Римляне бежали за Тичино, перешли реку по мосту и принялись спешно его разбирать. Ганнибал преследовал их до самого берега, но затем отступил, увидев, что мост разрушен. Теперь Сципион окончательно потерял самообладание. Он бросил свои позиции на Тичино, перешел По и встал лагерем у Плаценции. Ганнибал же, который понимал невозможность переправы через По на виду у римлян, отступил вверх по течению и пересек реку вне их досягаемости. Теперь к Ганнибалу пришли все местные племена

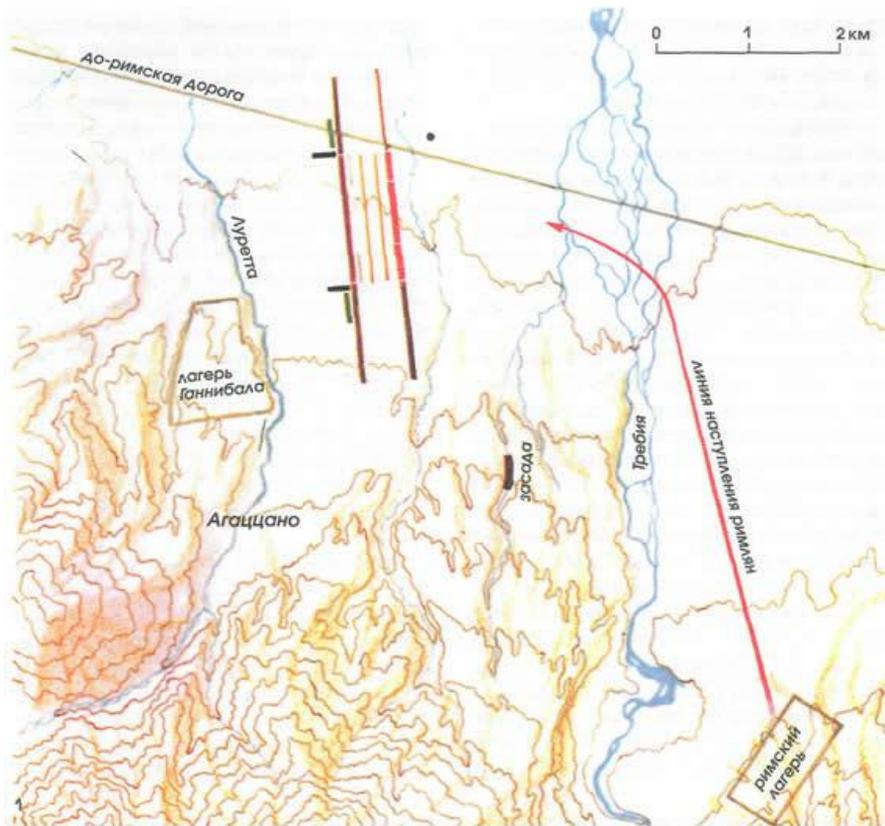
кельтов. Спустя два дня он появился перед Плаценцией и выставил свою армию в боевом порядке. Когда Сципион отказался принять бой, карфагеняне устроили свой лагерь примерно в десяти километрах к западу от колонии.

Карта местности между Домелло и Фиденцей, на которой отчетливо видно стратегическая важность Страделлы. Доримская дорога, обозначенная бледно-желтым цветом, пересекала По между точками впадения в нее Танаро и Тичино.

Незадолго до рассвета на следующий день служившие у Сципиона кельты бежали из его армии к противнику. В типично кельтском стиле они убили вначале нескольких римлян и прихватили с собой их отрезанные головы. Бойи, которые занимали территорию к югу от По, сразу позади позиций Сципиона, перешли теперь на сторону Ганнибала. Консул осознал полную непригодность своей позиции для обороны, так как римская армия оказалась бы в ловушке, двинься бойи в ее сторону. На рассвете следующего дня он оставил лагерь и удалился к реке Требия, расположенной к западу от Плаценции. Отсюда он мог, в самом худшем случае, отступить через Пассо-Делла-Скоффера в Геную, а затем вдоль берега в Тоскану. Как только Ганнибал понял, что случилось, он отправил в погоню нумидийскую конницу. Римлянам повезло, что нумидийцы прежде остановились для того, чтобы поджечь брошенный лагерь, — благодаря этому почти всем им удалось переправиться через реку прежде, чем их настигли африканские всадники. Это отступление за Требию выглядело бы просто невыносимым, будь Плаценция расположена на месте нынешней Пьяченцы, поскольку Требия протекает примерно в пяти километрах к западу от этого города.

Римляне же встали на низких холмах к востоку от Требии, близ современного Ривергаро, прикрывая себе путь к отступлению. Несколькими днями позже до лагеря Сципиона добрался Семпроний, который привел с собой третий и четвертый легионы. Они прошли невероятное расстояние в 1780 км от Лилибея (Марсалы), через Рим и Римини, за 40 дней — примерно по 44 км в день. Для того чтобы дойти как можно быстрее, армию распустили, назначив дату встречи в Римини.

1 — карта, на которой показана позиция карфагенян и римлян при Требии. В ночь перед сражением Ганнибал отправил 2000 человек в засаду, расположившуюся между двумя лагерями. Командование отрядом он поручил своему брату Магону. Рано утром следующего дня он отправил нумидийцев выманить римлян. 2 — римляне выстроились так, как они обычно это делали — легионы в центре, а союзники на флангах. Конница римлян разместилась

на правом, а союзническая — на левом крыле армии. Ганнибал поставил кельтов и испанцев в центре, а слонов поместил впереди обоих флангов. Его африканские части встали на флангах, позади конницы. 3 — карфагенская конница разгромила римскую и расчистила проход африканцам, которые атаковали пехоту союзников с флангов. Несмотря на атаку Магона с тыла, легионы сумели прорваться в центре и спастись.

Спустя некоторое время завязалась одна из тех стычек, в которую каждая из сторон постепенно начинает подтягивать все новые и новые подкрепления.

Ганнибал отозвал своих людей, как только понял, что ситуация может выйти из-под контроля, — он желал провести сражение там, где его великолепные тактические способности позволят ему выиграть битву. Римляне сочли, что карфагеняне отступают, признав поражение, и начали шумно требовать полномасштабного наступления. Ганнибал понял, что его час пробил и Семпрония нужно лишь чуть-чуть подтолкнуть. Пространство между двумя лагерями было довольно плоским и безлесным, однако его пересекали русла нескольких ручьев. Если бы Ганнибал навязал здесь римлянам сражение, им пришлось бы спуститься на равнину, оставив на холмах свой левый фланг. Ночью Ганнибал отправил тысячу пеших воинов и тысячу всадников под командованием своего младшего брата Магона в засаду, туда, где ручьи прорыли овраги в склонах холмов. На рассвете Ганнибал отослал нумидийских всадников тревожить римский лагерь, а остальной армии приказал позавтракать и быть наготове. План его заключался в том, чтобы выманить римлян и дать полновесное сражение, к которому он был готов, а его противники — нет. Но едва ли он ожидал, что все сложится настолько удачно. Сципион все еще страдал от раны, и все командование перешло в руки второго консула. Увидев приближавшихся нумидийцев, Семпроний немедленно двинул против них конницу. За нею последовали велиты, а затем и вся пехота. Нумидийские всадники стали отступать, и римляне бросились в погоню. Они окунулись в ледяную воду вздувшейся от ночного дождя Требии и, спотыкаясь о камни, побрели через реку. Наконец, промокнув насквозь, они вскарабкались на противоположный берег — навстречу несущему снег ледяному ветру. Когда Ганнибал увидел, что римляне перешли Требию, он выставил вперед прикрытие примерно из 8000 копейщиков и пращников, а затем вывел за их спинами и остальную армию. Ганнибал выстроил пехотинцев перед своим лагерем, в полутора километрах от него. Все они были построены в одну линию — около 20 тысяч испанцев, кельтов и африканцев. На флангах впереди разместились слоны, а за ними — конница. Полибий ничего не говорит о том, куда дел карфагенский полководец отряд прикрытия, но он, вероятно, отвел его назад: копейщики встали позади конницы на флангах, а пращников присоединили к стоявшей впереди легкой пехоте. Римляне между тем также вывели свое войско. Полибий сообщает, что построились они обычным порядком — четыре легиона римских граждан (около 16 тысяч человек) встали в центре, а четыре союзнических «легиона» (около 20 000 солдат) — на флангах. Отозванная из бесполезной погони за нумидийцами конница разместилась на обоих крыльях армии. Всадников было около четырех тысяч — немного меньше обычного числа, быть может, из-за потерь, понесенных ранее в засадах. Примерно двадцать пять процентов всадников

составляли римляне, остальную часть — союзники. Тысяча римских всадников заняла позицию на правом фланге, а три тысячи союзников — на левом. Велитов, как обычно, поставили впереди пехоты. Должно быть, римляне не сразу осознали, что происходит. Они только что проснулись и, не успев позавтракать, мокрые и дрожащие от холода, ожидали сигнала к началу сражения. Зазвучали трубы, и легионы медленно двинулись вперед. Когда римская конница отошла, Ганнибал отозвал своих нумидийцев и поставил их рядом с африканскими копейщиками, позади остальной конницы. Затем он двинулся вперед.

Карта северной Этрурии и долины По, на которой показано расположение римских сил в двух стратегических точках — Ареццо и Римини. Путь Ганнибала через Апеннины и южные земли Италии к Тразименскому озеру выделен пунктирной линией.

Первыми вступили в бой легковооруженные войска. Хотя велиты значительно превосходили числом своих карфагенских противников, они истратили большую часть дротиков в погоне за нумидийцами. Те же дротики, что оставались, намокли и в дело не годились. Видя это, Семпроний отозвал велитов, которые отступили в промежутки между манипулами. Убрал своих легковооруженных воинов и Ганнибал. Теперь пришло время тяжелой пехоты, и легионеры устремились в бой, метая пилумы в плотную массу кельтов и испанцев. Теперь в дело вступила и превосходная карфагенская конница, которая полностью оголила фланги легионов, открыв их для атаки африканских копейщиков и нумидийцев,

которые стояли позади конницы. Ганнибал знал, что его центр не сможет долго противостоять мощи легионов, однако на крылья римской армии уже навалились африканские копейщики и нумидийцы. Вступил в бой и Магон, который вывел из засады 2000 всадников и пехотинцев и напал на римлян с тыла, приводя легионы в замешательство. Триариям (их было 2400 человек) пришлось развернуться, чтобы отразить атаку. Хотя римляне в центре сражались довольно успешно, союзников, на которых наступали слоны спереди и копейщики с нумидийцами — с флангов, стало медленно сносить в сторону реки. Римские легионы центра наконец прорвались через испанскую и кельтскую пехоту. Командовавший ими Семпроний решил было, что выиграл сражение, но затем обнаружил, что оказался отрезанным от остальной армии. Шел проливной дождь, и видимость была очень плохая. Римляне не видели способа добраться до своего лагеря, особенно принимая в расчет рыскавшую по полю победоносную карфагенскую конницу, а потому, сомкнув ряды, отступили к Плаценции. Больше всего убитых было среди тех, кто пытался перебраться обратно через реку, — их уничтожили конница и слоны. Однако затем разразилась сильная гроза, которая помогла отступавшим — карфагеняне решили, что преследовать их будет слишком сложно, и вернулись в свой лагерь праздновать победу. Полибий не сообщает ничего конкретного о том, что случилось после сражения. Ливии же рассказывает, что после наступления темноты Сципион с остатками армии переправился через Требию и добрался до Плаценции. Обнаружив, что колония переполнена, он переправился через По и ушел в Кремону. В этом сражении римляне потеряли около 20 000 человек, у Ганнибала потери были незначительными, за исключением боевых слонов, из которых в бурю уцелел только один.

Вторжение в центральную Италию.

Правдивые сведения о том, что происходит в долине По, дошли до римлян не сразу, потому что Семпроний рапортовал о победе. Вскоре, однако, стало очевидно, что обе армии оказались запертыми в Кремоне и Плаценции — они не могли двигаться, покуда в поле оставалась карфагенская конница, а припасы для солдат приходилось доставлять на кораблях по р. По.

Вид на северный берег Тразименского озера с его восточной стороны. Мыс в центре — Поссиньяно. Место, где, как полагает автор, происходило сражение, находится за этим мысом — там, где сейчас расположена деревня Пассиньяно.

В Риме лихорадочно стали пытаться ограничить успех карфагенян. Для того чтобы помешать им вновь утвердиться в Сицилии, туда направлены были седьмой и восьмой, а на Сардинию — девятый легионы. В Тарент и другие города, лояльность которых вызывала некоторые сомнения, поставили гарнизоны — их задачей было не дать пунийцам вторгнуться в южную Италию. В это же время консулы будущего года готовились к обороне центральной Италии. Они набирали новые войска и отправляли припасы в Римини и Ареццо, где собирались занять позиции. Об армиях, расквартированных в Плаценции и Кремоне, Полибий больше ничего не говорит. Ливии же, если только его рассказу о зимних операциях можно

верить, сообщает, что войска из Плаценции перешли через Апеннины в Этрурию, а те, что были в Кремоне, ушли в Римини. В начале следующей весны командование перешло к новым консулам — Гаю Фламинию в Ареццо и Гнею Сервилию Гемину в Римини. Существовало лишь два пути, какими Ганнибал мог пройти в центральную Италию, — первый вел через Апеннины в долину Арно, а второй пролегал по долине По до Римини, затем по долине Метавро в Апеннины и далее через перевал Вилла Кольдеканали (высота 559 м) в долину Тибра. Этот второй путь именовался Фламиниевой дорогой и был значительно легче, но и существенно длиннее первого. Из долины По в долину Арно ведет не менее полудюжины разных путей. Самый легкий из них — старая этрусская дорога, ведущая из Болоньи через Марцаботто в низменность между Пистойей и Флоренцией, которая в те дни могла оказаться заболоченной. Исходя из опыта многочисленных кельтских вторжений, римляне знали, что им следует размещать свои армии в Римини, прикрывая выход из долины По, и в Ареццо, в долине Арно. Карфагенский полководец тщательно изучил все возможные пути в центральную Италию и склонялся к короткому, от Болоньи в Этрурию, но знал о том, что в долине Арно стоит вода. Однако его проводники уверили Ганнибала, что под водой земля твердая и пройти там можно. Весной Ганнибал оставил зимние квартиры и перешел через Апеннины. У него было примерно 45000 пеших и 10 000 конных воинов (эти цифры основаны на том, что у него должно было тогда иметься больше войска, чем на следующий год, в битве при Каннах). Карфагенянин надеялся застать Фламиния врасплох и разбить его до подхода второго консула из Римини. Пунийская армия продвигалась на юг: впереди шли африканская и испанская пехота, а вместе с ними и обоз; затем следовали кельты, а в арьергарде находилась конница. Авангардом командовал сам Ганнибал, который ехал на единственном уцелевшем слоне, а начальником арьергарда был его брат Магон. Кельтов поставили в центре, потому что они были самой ненадежной частью войска и конница могла приглядеть за тем, чтобы они не разбежались. Карфагенская армия легко миновала Апеннины, но на то, чтобы пройти через болота, им понадобилось три дня и три ночи. Большая часть вьючных животных пала, и ночью солдаты взбирались на валяющиеся в грязи трупы с поклажей, чтобы избежать ночевки прямо в жидкой грязи. У Ганнибала случился сильный приступ глазной болезни, остановиться посреди болот для лечения он не мог — армии необходимо было как можно быстрее покинуть нездоровую территорию. В результате он потерял один глаз. Перебравшись через болота, армия на несколько дней остановилась, и разведчики принялись детально изучать окружающую их землю. Ганнибал же воспользовался случаем для того, чтобы навести

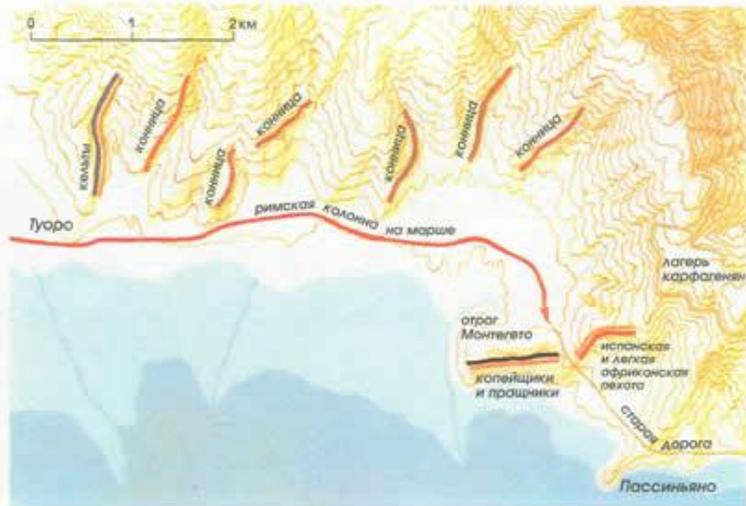
справки о характере консула Фламиния. Полибий говорит, что Ганнибал считал его демагогом — чересчур самоуверенным оратором, который мог красиво вещать перед толпой, но таланта к практическому ведению военных действий не имел. В этом месте греческий историк вновь выражает точку зрения Сципионов. Об опрометчивости Фламиния говорится много, однако большая часть этих рассказов, вероятнее всего, является выдумкой. В 223 г. до н.э. Фламиний одержал убедительную победу над инсубрами, которую Полибий отрицать не может, однако все заслуги приписывает трибунам. Сражение это было примечательным, потому что римляне не пользовались в нем своей обычной тактикой, а выставили против кельтов строй копейщиков. Такое новшество мог ввести лишь командующий, поскольку масштаб инициативы был слишком велик для трибунов. Справедливости ради следует сказать, что Фламиний не был ни лучше, ни хуже любого среднего римского военачальника. Основная слабость римской армии в ходе этой войны заключалась в отсутствии эффективной системы разведки. Фламиний разместил свой лагерь где-то между Фьезоле и Ареццо. Ганнибал вторгся в долину Арно и двинулся к римлянам, а когда консул отказался принять бой, прошел мимо него и углубился на юг, опустошая на своем пути весь край и сжигая фермы для того, чтобы выманить Фламиния. Последний уже отправил к тому времени в Римини просьбу о подкреплении и теперь отдал приказ оставить лагерь и следовать за карфагенянами. Полибий говорит, что трибуны Фламиния умоляли его подождать до прихода второго консула. Историк, с его военным опытом, должно было бы быть понятно, что это чепуха. Фламинию следовало оставаться в контакте с карфагенской армией, но избегать сражения до подхода подкреплений; очевидно, именно это он и пытался сделать. Полибий рассказывает, что Ганнибал двигался по дороге на Рим, при этом по левую руку от него была Кортонна и ее горы, а по правую — Тразименское озеро. Дорога проходила по узкой полоске ровной земли, по обе стороны от которой тянулась гряда холмов. В начале этого прохода возвышался крутой, труднопроходимый холм. Между озером и склоном этого холма находился узкий проход. Там то карфагенянин и устроил засаду. Первая часть этого описания возможна лишь в том случае, если Ганнибал шел по северному берегу озера. Недавно итальянский археолог Джанкарло Сузини тщательно изучил северный берег озера. Он смог доказать, что в античные времена большая часть низменности у северо-западной оконечности озера находилась под водой. Его уровень понизился после того, как в 1421 г. был построен канал, связавший озеро с рекой Несторе. Кроме того, береговая линия увеличилась за счет наносов ручьев, впадающих в озеро на его северной стороне. Если мы примем во внимание все указанные факторы, широкая равнина к северо-востоку от

озера приобретет совсем другой вид. Расположенный в ее центре отрог, на котором стоит сейчас Туоро, как оказалось, доходил в римские времена до самой воды и делил равнину на две части.

Северный берег Тразименского озера и часть Кортонской равнины. Бледно-голубым обозначены места, где-то находящиеся под водой места. Сражение происходило между Туоро и Пассиньяно.

Карта, которую приписывают Леонардо да Винчи. На ней изображено параллельное Тразименское озеро, которое затопило долину Чианы. Это могло произойти лишь в том случае, если глубина озера было 200 м против нынешних 258, поскольку первая цифра — высота водораздела в северо-восточном углу озера.

Расположение войск Ганнибала у холма к востоку от Туоро. Вряд ли карфагеняне расставил свою армию вдоль склонов холмов. Сначала всего он разместил их по долинам, устье от впадения римлян — так, как показано это на рисунке. Едва ли Ганнибал подождет на дымку, которая поднимается от озера по утрам. Он ни за что не расставил бы там свои войска, будь она там ночью.

Я благодарен лейтенанту Мелвину и его команде за то, что они обратили моё внимание на старинную карту участка от Ареццо до Тразименского озера — предположительно ее начертил в конце XV в. Леонардо да Винчи. На этой карте изображено не только само озеро, занимавшее значительно большую площадь, чем сейчас, но и большая часть долины Чианы, к северу от Ареццо, — также затопленная. На основании этого некоторые археологи предполагают, что долина Чианы и Тразимена составляли тогда одно большое озеро. Вряд ли эта теория верна, потому что между обоими

озерами находится водораздел с минимальной высотой в 266 м, а водораздел на северо-восточном конце Валь де Чиана составляет 248 м. Следовательно, при максимальном уровне воды в обоих озерах разница между ними могла бы составить 18 м. Экспедиция лейтенанта Мелвина изучила северную оконечность Тразименского озера и проследила максимальную высоту озера, установив его контуры при 266 м. Их отчет во многом совпадает с выводами Сузини, однако подводит береговую линию ближе к отрогу Монтегето, что к западу от Пассиньяно. По карте, представленной на стр. 173, можно получить представление о том, как выглядел в те времена северный берег. Учитывая более высокий уровень озера, можно предположить, что дорога из Ареццо шла через холмы, которые у Боргетто подходят почти что к самой воде, а затем спускалась на равнину размером примерно два на два километра. Дальнюю сторону равнины ограничивал тот отрог, на котором сейчас расположен Туоро. За ним находилась вторая равнина, которая имела серповидную форму и была около четырех километров в длину и чуть больше километра в ширину в своей самой широкой точке. На восточном конце этой равнины находится отрог под названием Монтегето. Он около 50 м высотой и расположен в направлении кромки воды. Должно быть, вода доходила когда-то до южного склона этого отрога. В полутора километрах от него в озеро выдается скалистый мыс, на котором находится деревня Пассиньяно. Учитывая все осушения и наносы, очень непохоже, чтобы древняя дорога проходила через эту точку с ее доходящими до воды утесами. Недавно в озеро пришлось сбросить тысячи тонн гальки для того, чтобы создать надежную основу для современного шоссе, идущего в Перуджу. За Пассиньяно находится лишь узкий проход между холмами и озером, который расширяется в маленькую равнину на восточном конце озера. Античная дорога, должно быть, уходила в холмы к северу от Монтегето и спускалась к кромке воды в 1500 м за Пассиньяно. Где-то на этом северном берегу и устроил засаду Ганнибал. Для ее местоположения есть три возможности — квадратная равнина к западу от Туоро, серповидная равнина между Туоро и Пассиньяно или очень узкий проход типа Фермопильского, находившийся за Пассиньяно. Несмотря на то что к западу от Туоро были обнаружены кремационные ямы и могилы, местная равнина едва ли подходит под описание Полибия. Греческий историк говорит, что Ганнибал двигался по направлению к Риму. Это может означать лишь одно — он шел к Перудже и Фолиньо для того, чтобы добраться до Фламиниевой дороги. Куда бы ни помещали мы засаду Ганнибала, следует соотносить ее местоположение с дорогой. Карфагенянин поставил свои войска на холмах по обеим сторонам дороги, а значит, место засады не может находиться между отрогами Боргетто и Туоро — вряд ли

дорога на Рим вела на север между тамошними холмами. Узкий проход за Пассиньяно вряд ли может быть искомой точкой, потому что узкая равнина на его восточном конце, исполняющая в таком случае роль Полибиева прохода, едва ли имеет слева «Кортону и ее горы». Нам остается лишь полоска земли между Туоро и Пассиньяно. Если дорога действительно уходила вверх для того, чтобы пересечь Пассиньянский мыс, то местность там соответствует описанию Полибия. Кроме того, в действиях Фламиния в таком случае прослеживается некоторый смысл. Произведя разведку, Ганнибал, вероятно, понял, что лучшим местом для засады был узкий проход типа Фермопил, который располагался за Пассиньяно. Однако он знал, что римляне никогда не вошли бы в него без предварительного осмотра. С другой стороны, вряд ли они стали бы ожидать засады в значительно более открытой местности, еще не доходя до внушающей опасения точки. Лишь так можно объяснить ту слепую уверенность, с какой Фламиний направил свою армию в ловушку. Он наверняка ожидал, что засада будет дальше по дороге. Ганнибал разбил лагерь на обращенном ко входу в теснину холме в восточном конце равнины. Фламиний, в распоряжении которого находились десятый и одиннадцатый легионы плюс остатки третьего и четвертого — всего около 30 000 человек, — дошел до озера ближе к вечеру и вполне мог остановиться на ночлег на Боргеттском отроге. Быть может, он даже видел лагерь карфагенян на холме восемью километрами дальше по северному берегу озера. Римский полководец знал, что по Фламиниевой дороге торопится навстречу к нему второй консул, и наверняка пребывал в радостном настроении — казалось, что Ганнибала зажали между двумя армиями, как восемью годами раньше кельтов при Теламоне. Ночью Ганнибал вышел из лагеря. Луна, должно быть, светила ярко, поскольку карфагенянин испытывал необходимость скрывать передвижения своей армии. Обогнув холмы с другой стороны, он поставил копейщиков (ок. 8000) и пращников (ок. 2000) вытянутой линией вдоль гребня Монте-гето на южной стороне прохода, оставив озеро у них за спиной. Конницу же (ок. 10 000) и кельтов (ок. 25 000) он выстроил вдоль холмов на противоположной стороне прохода, лицом к озеру; их строй доходил до гребня Туоро. Остальную армию — испанскую пехоту (ок. 6000) и легковооруженных африканцев (ок. 4000) — Ганнибал выстроил перед лагерем. Из-за того, что сражение должно было произойти на склоне, метатели дротиков и пращники разместились скорее всего позади тяжелой пехоты. На следующее утро ожидавший подхода второго консула Фламиний решил не отрываться от противника. Поэтому он перешел равнину и миновал гребень Туоро. С озера поднялся густой туман, закрывший холмы. Ганнибал не мог рассчитывать на это, а потому туман никак не повлиял на

его план. Римляне дошли до дальнего конца прохода и начали подъем, когда перед ними появились африканцы и испанцы, перекрывшие дорогу. Римская система разведки местности была настолько неэффективна, что экстраординарии, составлявшие авангард, буквально наткнулись на карфагенян, не успев даже сообразить, откуда они взялись. Вначале римляне вообразили, что столкнулись с арьергардом пунийской армии, но затем они услышали раздающиеся отовсюду звуки труб, подающих сигнал к началу наступления. Ганнибал повел своих воинов в атаку. Головная часть римской колонны подверглась нападению с трех сторон одновременно, однако ей как-то удалось прорваться и уйти. Остальная часть колонны досталась на растерзание коннице. Всадники обрушились на римлян прежде, чем они сумели перестроиться в боевой порядок, и легионеры, возможно, не успели даже метнуть пилумы. Ливии отзывается о действиях Фламиния с большим уважением, чем Полибий. Он говорит, что консул пытался навести порядок в легионах, устремляясь туда, где солдатам приходилось тяжелее всего, и ободряя их. Наконец один из инсубров, Дукарий, узнал консула. Инсубры горели желанием отомстить Фламинию за военную кампанию шестилетней давности, которую он провел на их родине. Дукарий рванулся к консулу, призывая на помощь товарищей по инсубрской коннице. Оруженосец Фламиния пытался защитить его своим телом, но был убит. Добравшись до консула, Дукарий сумел ударить его копьем. Вокруг умирающего Фламиния сплотились три-арии, пытавшиеся не пустить инсубров к телу. Римляне держались три часа, но кельты отрезали им пути отступления по гребню Туоро, и спасения не было. Постепенно они начали отступать к топкому краю озера, спотыкаясь в камышах и скользя по липкой грязи среди квакающих лягушек. Карфагеняне наступали, отрезая легионерам пути к бегству. Одни римляне пытались зайти поглубже в воду — так, что из нее торчали лишь их головы, и стояли там, ожидая неминуемой гибели. Они поднимали руки, взывая к милосердию, но его не было... Другие пытались спастись вплавь и тонули, влекомые на дно весом своих кольчуг. Римский авангард, примерно в 6000 человек, пробивался через ряды противника, покуда не открыл себе путь на гребень холма. Когда туман рассеялся, легионеры сумели оценить масштаб постигшего их разгрома и отступили в этрусскую деревню. На следующий день римлян окружили и принудили сдаться. Потери Ганнибала составили примерно 1500 человек, в основном кельтов. У римлян погибло около пятнадцати тысяч и столько же было захвачено в плен. Карфагенский полководец приказал отпустить всех римских союзников, не взяв с них выкупа. Он мотивировал свой поступок тем, что вел войну с Римом, а не с ними. Точно так же поступил он и при Требии, надеясь подорвать единство италийцев. После сражения Ганнибал

приказал найти тела старших римских военачальников, дабы воздать им последние почести. Нашли около 30 тел, однако Фламиния среди них не было. Возможно, до него добрались кельты и отрезали голову, а быть может, триарии забрали тело с собой в воду, где оно и утонуло под тяжестью собственных доспехов. Известие о случившемся несчастье достигло Рима, и сенат не смог утаить его или смягчить удар. Городской претор созвал народное собрание на форуме, взобрался на трибуну и просто сказал: «Мы потерпели поражение в большой битве». Пораженные люди застыли на месте, потом)7 что римляне не знали крупных неудач со времен Регула. Но это было еще не все. Гней Сервилий Гемин, другой консул, уже выступил на соединение с Фламинием. Он отправил вперед примерно 4000 всадников, потом)7 что армия Фламиния испытывала в них сильный недостаток. Ганнибал, который по своему обыкновению выслал вперед разведчиков, узнал о приближении конницы по Фламиниевой дороге. Он немедленно отправил навстречу им Магарбала с копейщиками и частью конницы. Полибий говорит только, что им удалось уничтожить половину отряда, а на следующий день захватить в плен оставшихся. Ливии еще более лаконичен — он говорит только, что они попали в руки карфагенян. Все это сильно напоминает еще одну устроенную пунийцами засаду. Новость о втором поражении дошла до Рима всего через три дня после первой. Ливии повествует о родственниках, ожидавших новостей о своих близких у городских ворот. Некая женщина, которой сообщили о гибели сына, удалилась домой, дабы оплакать его. Но, как это часто случается, известие было ложным. Когда ее сын добрался до дома, потрясение было настолько сильным, что она умерла у него в объятиях. Этруски не торопились встать под знамена Ганнибала, как он рассчитывал, — времена их войн давно миновали и боевой дух угас. Но карфагенянин возлагал большие надежды на южную Италию. Там еще должны были помнить шестидесятилетней давности события времен Пирра. От Тразименского озера он продолжил свой путь на восток, вышел на Фламиниеву дорогу и двинулся в сторону Рима. Ливии говорит, что он пытался взять Сполето, но отступил. В Терни, что в семидесяти пяти километрах севернее Рима, он повернул на юго-восток, перешел через Апеннины по перевалу Селла ди Корно и вышел на побережье близ Пескары. Там он остановился, чтобы дать передохнуть людям и позаботиться о лошадях, которые сильно пострадали от тягот предыдущего года.

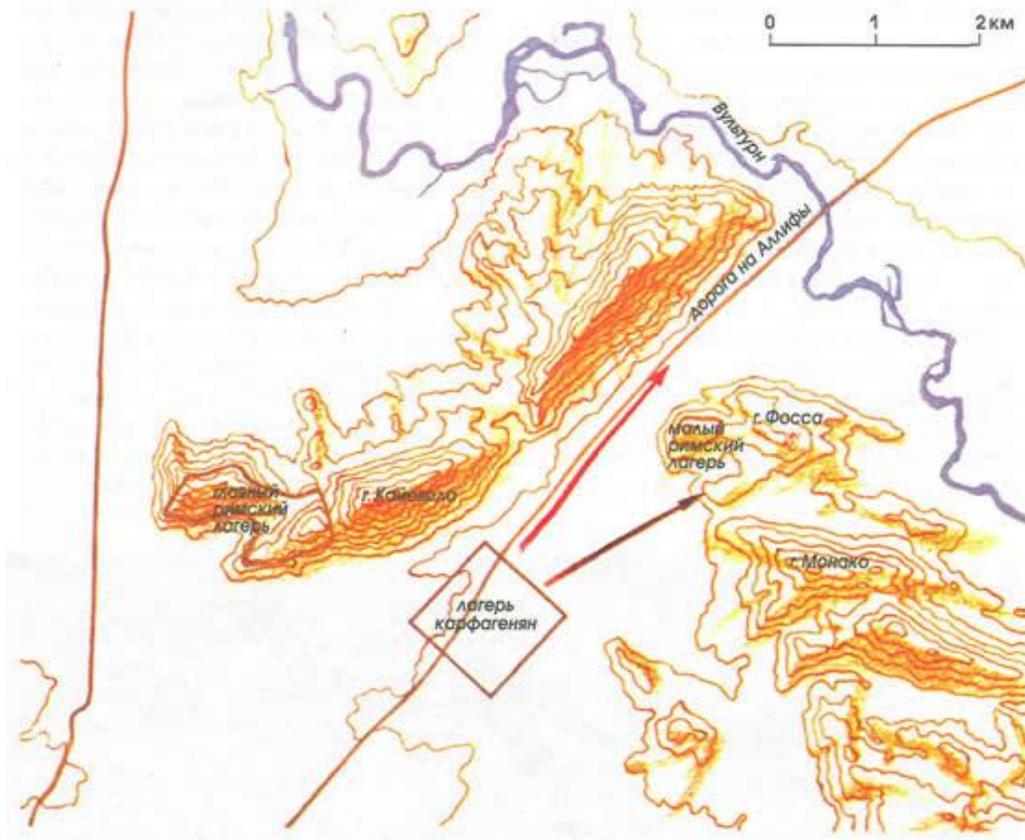

Карта центральной Италии, иллюстрирующая кампанию 217 г. до н.э. Главные дороги обозначены голубым цветом. Путь Ганнибала через Италию в Апулию, а затем в Кампанию и обратно отмечен красным.

При Тривии и Тразимене Ганнибал захватил громадное количество римских доспехов и вооружения, которым воспользовался, отобрав наиболее подходящее, для перевооружения своих африканцев. Они получили главным образом доспехи, а быть может, и мечи. Отдохнув, армия пунов отправилась дальше по побережью — в плодородные земли Апулии. Во времена величайшей опасности римляне возвращались к старому обычаю передачи

на Фламиниевой дороге. У последнего были 12-й и 13-й легионы и остатки первого и второго легионов Сципиона (около 30 000 человек); конницы не было совсем — вся она полегла в битве при Тразименском озере. Фабий отправился на север, навстречу ему, во главе двух спешно набранных легионов — 14-го и 15-го. Два других остались в Риме — по крайней мере, так говорит Ливии. Полибий же утверждает, что Фабий забрал все четыре новых легиона. Это противоречие в наших источниках послужило причиной изрядной путаницы, поскольку затрагивает оно не только тот год, но еще и следующий. Ливии и Полибий опираются на разные источники, но, возможно, происхождение у них общее. Источник Полибия был в курсе, что армия диктатора состояла из шести легионов, но не упоминает остатки разбитых войск Сципиона, а потому «отдает» Фабия все четыре новых легиона. Источник Ливия, наоборот, ссылается на остатки Сципионовых легионов, а потому ему приходится упоминать еще о двух. Единственная трудность заключается в том, что Ливии полностью забывает о легионерах Сципиона и говорит, что в Герунии зимовали четыре легиона. С учетом легионов Гемина общее количество войск у Фабия составило 47 000 пехотинцев и 2500 конницы. Консула же он отправил в Рим с приказом заняться флотом и организовать оборону побережья южной Италии. Согласно Ливию, Фабий повел армию к Тиволи и Палестрине для того, чтобы попасть на Латинскую дорогу к югу от Рима. По какой-то неведомой причине он решил обойти город стороной — быть может, оттого, что Фабий последовал закону, согласно которому римский военачальник не имел права вступать в Рим во главе своих войск. Диктатор прошел по Латинской дороге, затем по Аппиановой, перешел через Апеннины у Беневента и разбил лагерь у подножия холмов близ Эк (Троя), примерно в девяти километра от места, где расположился Ганнибал. Карфагенянин немедленно вывел свою армию, предлагая сражение, но диктатор уклонился от него. Фабий намеревался отказываться от крупных сражений, следуя вместо этого по пятам за армией пунов, сжигая урожай и уничтожая высланные за провиантом отряды и всех отставших. Он надеялся измотать карфагенян и одновременно увеличить свои силы и поднять боевой дух солдат, многие из которых лишь недавно оказались в армии. Было бы неверным сказать, что все они были полными новичками, поскольку большая часть рекрутов, должно быть, участвовала в кельтских войнах. Но в любом случае им требовалось улучшить и подготовку, и дисциплину. Ганнибал разграбил окрестности лагеря Фабия, а когда стало ясно, что диктатор выходить не собирается, карфагенянин решил применить против него столь удавшуюся по отношению к Фламинию тактику. Он провел армию прямо перед носом у диктатора, снова перешел Апеннины и отправился к римской колонии Беневент. Затем он прошел по

северному берегу р. Калоре до города Телезия (Телезе), который по пути разграбил, и спустился на Фалернские поля к северу от реки Вольтурно (др. Вультурн). Фабий следовал за ним на расстоянии одного-двух дневных переходов. Ганнибал полагал, что здесь, в густо населенной Кампании, где было множество городов, Фабий не позволит ему жечь и грабить безнаказанно. Однако он ошибся.

Карта прохода, ведущего из Кампании в долину Вольтурно у Пьетровайрано. Направление отвлекающего маневра Ганнибала с быками показано коричневой стрелкой, направление прорыва — красной.

Фабий занял позицию на холмах, обращенных к равнине, так, чтобы союзники не думали, что римляне совсем их бросили, однако спускаться вниз он не стал. Ганнибал изо всех сил старался выманить диктатора и опустошил все земли к северу от Вольтурно. Настала осень, и, хотя карфагеняне захватили богатую добычу, сады и виноградники Фалернской равнины едва ли смогли бы прокормить их армию зимой. Необходимо было вернуться обратно в Адулию. Но когда они попытались вернуться тем же путем, то обнаружили, что дорога закрыта. Полибий рассказывает, что Фабий выставил 4000 человек на дороге, по которой Ганнибал спустился на равнину, а сам устроил лагерь на холме, обращенном к перевалу. Подошедшему к перевалу Ганнибалу пришлось устроиться у подножия

холма. Он немедленно осознал всю опасность такой позиции и не дал Фабию времени ею воспользоваться. Призвав начальника бывших при армии слуг, он приказал ему собрать как можно больше хвороста и отобрать около 2000 самых сильных быков из числа тех, что вела за собой армия. Затем, созвав всех слуг, он указал на холм между лагерем и перевалом и велел им ждать приказа, по которому им следовало как можно быстрее гнать быков на его вершину. Ганнибал приказал солдатам рано поужинать и отдыхать. В конце третьей стражи (около 3 часов ночи) полководец велел слугам привязать хворост к рогам быков и поджечь его. Затем испуганных животных погнали наверх. Позади быков он поставил легковооруженных копейщиков, приказав им вначале помогать слугам, а затем двигаться по обеим сторонам от них, не позволяя разбежаться в стороны. Потом они должны были занять высоты для того, чтобы суметь отбить любую вылазку римлян. Тем временем сам Ганнибал, во главе тяжелых пехотинцев, устремился к перевалу. За ними следовали конница, захваченный скот, испанцы и кельты. Разбуженные часовыми римляне, стоявшие на перевале, увидели множество поднимающихся вверх факелов, и выступили навстречу противнику, однако быки и копейщики ввергли их в полный хаос. Фабий мог лишь наблюдать за всем из своего лагеря, что он и сделал, вполне в своем духе, оставшись на месте до рассвета. Меж тем Ганнибал, план которого оказался успешнее, чем он сам ожидал, прошел перевал, не потеряв ни людей, ни добычи. При первом свете дня стало ясно, что римляне с перевала атакуют засевших на холме копейщиков, поэтому полководец немедленно отправил им на помощь отряд испанцев. Они бросились на римлян, убили около тысячи человек и позволили копейщикам отступить. Таково краткое содержание рассказа Полибия. Проблема заключается в том, что он недостаточно конкретен, когда говорит о месте, где все это произошло. Историк утверждает, что Ганнибал уходил с Фалернской равнины тем же путем, что и пришел, но говорит об этом пути слишком уж расплывчато. Полибий рассказывает, что, покинув Самний, Ганнибал миновал перевал у горы Эрибиан и устроил лагерь близ реки Афирн (Вольтурно). Однако больше ничего об этой горе не известно. Ливии говорит, что шли карфагеняне через области Аллифы (совр. Алифе), Калатия и Калы (совр. Кальви). Упоминание Калатии — явная ошибка, потому что она была расположена на другом берегу Вольтурно, в центральной Кампании. Быть может, он имел в виду Кайатию (совр. Каяццо), или Каллифы (совр. Кальвизи), или какой-нибудь неизвестный город с похожим именем. Так что Ливии, как это часто бывает, дела не проясняет. Ниже римский историк говорит, что Ганнибал хотел выйти к Казину (совр. Кассино), но проводник не понял его и вывел к Казилину (совр. Капуя). Вся история выглядит

слишком уж нереальной, и Полибий о ней не упоминает. Быть может, правда состоит в том, что Ганнибал хотел уверить Фабия, будто движется на Рим. Для этого он прошел по долине Вольтурно через области Каяццо и Алифе, по направлению к Кассино. Когда же Фабий не пожелал идти за ним следом, Ганнибал свернул на юго-запад, перешел через горы к северу от Монте-Монако и углубился на Фалернскую равнину. Затем он прошел через земли Калы (Кальви) и наконец устроил лагерь на северном берегу Вольтурно. Для того чтобы выяснить правду, следует знать ответ на один вопрос — можно ли пройти на Фалернскую равнину прямо с северного берега р. Калоре? Как Ливии, так и Полибий говорят, что Ганнибал захватил Телезию (совр. Телезе), которая расположена на северном берегу р. Калоре, примерно в семи километрах от ее слияния с Вольтурно. Для того чтобы войти на Фалернскую равнину по северному берегу р. Вольтурно, ему пришлось бы сначала переправиться через нее. Сомнительно, чтобы дорога вообще могла идти вдоль этого берега — на северной стороне реки из основной горной гряды выступает отрог Монте-Раджелло, который вклинивается в Вольтурно в том месте, где она выходит на равнину. Между этой точкой и Каяццо находится низина, которую в наши дни осушили. Исходя из всего сказанного, маловероятно, чтобы там, во-первых, проходила дорога, а во-вторых, чтобы Ганнибал отправился таким путем. В этом случае у него не было других вариантов, кроме как войти на равнину с севера. Дальше рассказ Ливия совершенно «расклеивается». Он помещает за спиной у заблокировавших дорогу на Казилин (совр. Капую) римлян Капую (совр. Санта-Мария-ди-Капуя-Ветере). Другими словами, Ганнибал пытался прорваться на юг. Однако затем, после прорыва, Ливии «отправляет» Ганнибала в лагерь в Алифе, что в 32 километрах дальше по Вольтурно. Все это чрезвычайно неубедительно, но Алифе — единственная точка, на которую мы можем опереться. Когда Ганнибалу удалось уйти, пишет Ливии, Фабий также миновал перевал и устроил лагерь на высотах над Алифе. Очевидно, что нам следует искать какой-нибудь перевал, расположенный примерно в 15 километрах от Алифе. Самой подходящей точкой является промежуток между горами у Пьетравайрано-рано. Поскольку этот путь наиболее удобный и широкий, Фабий должен был бы занять именно его. Однако существует несколько других дорог, почему же Ганнибал ни одной из них не воспользовался? Ответ может заключаться в словах Полибия: «Фабий полагал, что сможет, по крайней мере, захватить их добычу». Если Ганнибал хотел увезти все огромное количество награбленного добра, ему поневоле пришлось бы идти самой легкой дорогой. Иначе его армия слишком растянулась бы и могла сама стать добычей римлян. Римский отряд в 4000 человек стоял, вероятно, на северо-западном отроге горы

Фосса (Монтанья-ди-Бруно), который обращен к перевалу. Остальная армия разместилась на западной стороне горы Кайевола, прикрывая Латинскую дорогу. Ганнибалу же пришлось разместить свой лагерь на плоском пространстве под горой Кайевола и погнать «быков-диверсантов» вверх по юго-западному отрогу горы Фосса. Римский гарнизон развернулся, чтобы встретить их, — и оказался зажатым между отрядом копейщиков и самим Ганнибалом, занявшим позиции у Алифе. Для того чтобы дать копейщикам возможность отойти, карфагенянин отправил испанцев, которые напали на римлян с тыла. Итак, Ганнибал перешел Апеннины, пройдя мимо горы Либурнон. Гора с таким названием неизвестна, однако есть предположение, что читать следует «Тибурнон» (латинское название — Тиферн). Гора Тиферн (современное название Монтанья-дель-Матезе) вздымается над Алифе. Она является самой высокой в этой части Апеннин, и ее местонахождение и размеры позволяют предположить, что это и есть тот самый Либурнон Полибия. Ганнибалу рассказали, что зерно он найдёт в изобилии в окрестностях Луцерии (совр. Лучера) и Геруния и что последний лучше всего подходит для сбора припасов. Находился он в 200 стадиях (ок. 35 км) от Луцерии. Местонахождение Геруния не установлено. Полибий говорит, что город стоял на равнине и захватить его было легко. В пяти километрах к югу от Ларино, у Джерионе, обнаружены руины какого-то города. Однако его расположение — у подножия Апеннин — никак не согласуется с описанием Полибия. Геруний отмечен на знаменитой «Табула Певтингериана», которая является средневековой копией римской дорожной карты. На ней город размещается в восьми римских милях по дороге на Бовиан от места, где она соединяется с береговой дорогой, у Теана. В таком случае, Геруний находился в четырех-пяти километрах к северу от Казальнуово-Монтеротаро, но лишь в 25 километрах от Лучеры. В соответствии с этими расчетами Конмайер помещает Геруний на холме, известном как Колле-д'Арми, в четырех километрах севернее Казальнуово-Монтеротаро. Весной 1979 г. я решил исследовать эту территорию методом шердинга и прошел по дороге, что идет на север вдоль гребня холма, обращенного к недавно распаханым землям, исследуя все подходящие для города места. Гребень холма не дал положительных результатов, покуда я не дошел до поворота на грунтовую дорогу, ведущую в Лучеру. На западном склоне земледельцы выкапывали множество камней, которые складывали в кучи по краям поля. Среди них я обнаружил множество кусков черепицы римского времени. В окрестностях нашлись также два римских саркофага, которые служили колодами для воды, и нечто, что вполне могло оказаться римским колодцем. Черепки покрывали участок примерно в 300 м, который был слегка вытянут к западу от основной гряды холмов, точно напротив

дороги на Лучеру, вероятно, проложенной на месте античной. Все это согласуется с той топографией, какую упоминает Полибий, описывая последовавшую военную кампанию. Из Алифе сюда легче всего добраться, обогнув северный склон Монтанья-дель-Матезе по дороге на Изернию и Бойано, а затем двигаться по дороге на Кампобассо и спуститься в долины рек Тапино и Форторе. Римляне, как обычно, шли, придерживаясь возвышенностей. От Кампобассо они, вероятно, отправились по проложенному по верхушкам холмов пути, где сейчас идет дорога SS Санника (шоссе 87). Между тем Ганнибал разбил лагерь у Геруния. Горожане отказались вступить с ним в союз, а потому он взял город, предав мечу всех его жителей. Стены и дома он, однако, не тронул, рассчитывая превратить Геруний в склад зерна. Затем он устроился на зимние квартиры, укрепив расположенный перед городом лагерь рвом и частоколом. Тщательно проведя оборонительные работы, он отправил две трети армии собирать зерно. Оставшаяся треть охраняла лагерь и обеспечивала охрану фуражиров. Этот порядок действий был общепринятым — Цезарь при Алезии поступал так же. Вскоре подошли и римляне. Фабия отозвали в Рим, для участия в каких-то религиозных церемониях, так что командование принял его начальник конницы — Минуций. Полибий рассказывает, что когда Минуций услышал, что Ганнибал остановился у Геруния и собирает фураж в его окрестностях, «он повернул и спустился с холмов по склону, что ведет к городу. Подойдя к возвышенности на земле Ларина (совр. Ларино), именуемой Калена, он устроил там лагерь..... Как раз перед тем, как SS Санника доходит до Касакаленды, с ней соединяется дорога, что ведет в Бонефро вдоль гребня холмов (высота 606 м). Примерно в трех километрах после Бонефро есть гряда, протянувшаяся на юго-восток. В конце ее расположен холм, именуемый Монте-Кальво (высота 409 м). Холм этот обращен к реке Форторе и находится в семи с половиной километрах от предполагаемого месторасположения Геруния. Полибий утверждает, что холм назывался Калена и что находился он на землях Ларино. В северной Кампании был город Калы (Cales), прилагательное от которого будет Calenum, каленский (Ливий, кн. VIII, 6). В современной форме оно звучит как Кальви. Едва ли предположение, что «Калена» превратилась в современное «Кальво», будет являться большой натяжкой. Любопытно отметить, что город на другой стороне этой гряды именуется Казакалена. Ларино расположен в 17 километрах от Монте-Кальво. Границы его территории определялись, возможно, по рекам Биферно и Форторе — в таком случае Монте-Кальво точно в них входит. На карте изображен участок между Монте-Кальво и Колле-д'Арми (Геруний).

Вид на долину р. Форторе с места, где стоял Геруний. Первый лагерь Минуция находился на заднем плане (в центре). Второй лагерь Ганнибала располагался примерно в средней части фотографии.

Последовавшие затем маневры можно назвать предметным уроком тактики, наглядным материалом из учебника того, как следует увести противника с неприступной позиции — вначале через реку, а затем прямо в засаду. Оставив одну треть солдат заниматься сбором продовольствия, Ганнибал отошел на 16 стадиев (около 3 км) от Геруния и устроился на холме (3), «откуда виден был противник и можно было охранять фуражиров». Эта новая позиция, всего в четырех с половиной километрах от римского лагеря (1), сильно затрудняла им спуск в долину Форторе и нападение на фуражиров. Между двумя лагерями находился холм (2), владея которым Ганнибал мог надежно отрезать римлянам путь на равнину. Поэтому он отправил под покровом темноты отряд в 2000 копейщиков, чтобы занять его. Днем Минуций направил легких пехотинцев выбить пунийцев с холма. Римляне с ходу захватили высоту. Поскольку оттуда можно было контролировать доступ на равнину, Минуций сделал очевидную и вполне разумную вещь — перенес туда лагерь. Следующий ход был за Ганнибалом. Полибий рассказывает о дальнейших событиях с точки зрения римлян, а потому не отражает стратегии карфагенского полководца. Несколько дней, повествует историк, Ганнибал держал все свои силы в лагере, опасаясь находящегося поблизости противника, однако затем он вынужден был отправить часть животных на пастбища и отослать некоторое количество людей за фуражом, так как был убежден, что у его

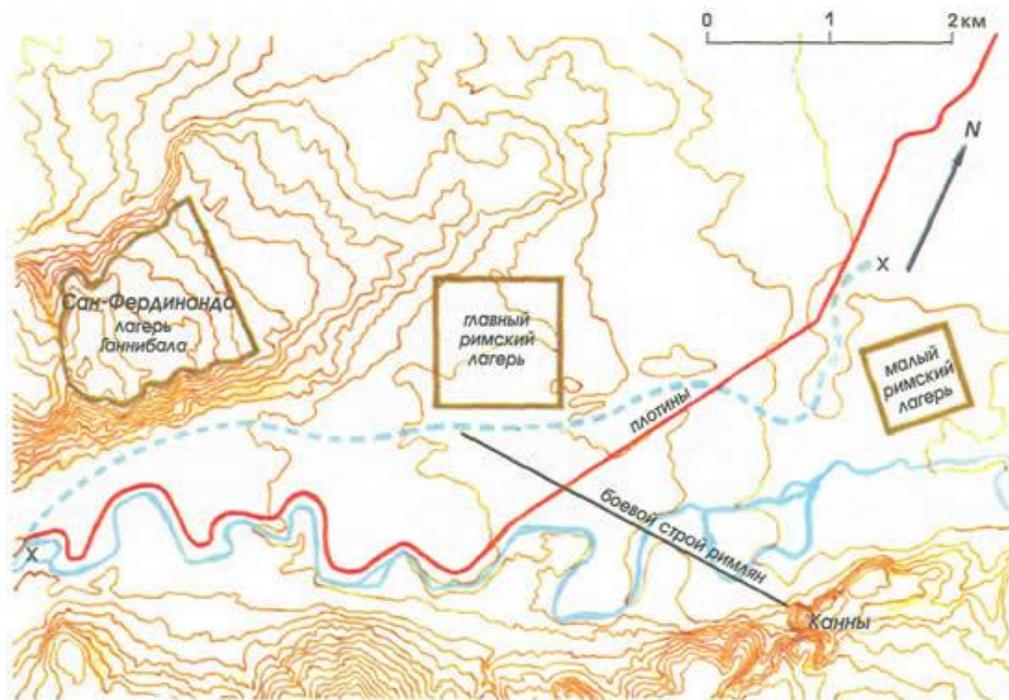
армии и у животных должно быть много еды на зиму. Минуций не был слабоумным, как пытаются уверить нас античные авторы. Когда он увидел, что большая часть Ганнибаловой армии отправилась собирать продовольствие, он подождал до полудня, а затем вывел тяжелую пехоту, поставив ее перед лагерем пунийцев для того, чтобы запереть в нем Ганнибала. Одновременно он разделил свою конницу и велитов на несколько отрядов и отправил их в атаку на фуражиров, приказав пленным не брать. Это был замечательный образец так называемой тактики Фабия, осуществленный на практике значительно лучше, чем удавалось это самому Фабию. Полибий констатировал, что оставшийся с небольшим отрядом в лагере Ганнибал мог только отражать легионеров, не давая им войти в лагерь. Только по возвращении Гасдрубала, который привел 6000 утомленных фуражиров, Ганнибал счел свои силы достаточными, чтобы организовать вылазку и отогнать противника от лагеря. Римлянам удалось убить множество вражеских солдат у лагеря и на полях. Они совершили то, что намеревались сделать, и вернулись в лагерь. Той же ночью Ганнибал отступил на исходные позиции у Геруния. На следующий день увидевший опустевший лагерь римляне перешли через реку и заняли его. Второй раунд остался за Ганнибалом — теперь противник был на его стороне реки. По вполне понятным причинам римляне радовались своему успеху — действительно, Ганнибалу стало теперь очень сложно собирать продовольствие. Раздутый отчет о победе Минуция с большим ликованием встретили в Риме. Поскольку народ был недоволен нерешительными действиями Фабия, было принято совершенно беспрецедентное решение — Минуцию дали такие же права, что и диктатору. Должно быть, воля народа имела сильную поддержку в сенате, иначе на такой шаг никогда не пошли бы. Фабий, который получил прозвище Кунктатор, «Медлитель» — за постоянные промедления в борьбе с Ганнибалом, — поспешил вернуться в армию. Полибий рассказывает, что он предложил Минуцию командовать по очереди (это была обычная римская практика при объединении двух консульских армий) либо же поделить войско. Нам говорят, что Минуций стоял за раздел. Это скорее всего не так. Гораздо вероятнее, что на разделе армии настоял Фабий, которому нужно было безраздельное командование для того, чтобы по-прежнему придерживаться своей стратегии. Минуцию же вполне можно было командовать и через день. Два полководца поделили армию и встали двумя лагерями на расстоянии около 12 стадиев (чуть больше 2 км) друг от друга. Если Минуций остался на своем месте, Фабий мог занять те позиции, что оставил первый военачальник, переправившись через реку(2). Между лагерем Ганнибала перед Герунием и лагерем Минуция (3) находился небольшой холм (4). Карфагенин понимал, что,

если он попробует занять его, Минуций снова попытается согнать пунийцев. Поэтому он подготовил римлянину засаду. Местность вокруг холма была безлесная, но изрезанная канавами и ямами. Ночью Ганнибал отправил 5000 человек смешанной пехоты и 500 всадников занять эти рытвины отрядами по 200—300 человек. Для того чтобы римские фуражиры, отправлявшиеся рано утром за провиантом, не обнаружили засады, Ганнибал на рассвете отправил отряд легковооруженных пехотинцев занять пресловутый холм и таким образом отвлечь внимание от затаившихся воинов. Муниций охотно заглотал приманку и отправил велитов выбить карфагенян с холма. Однако на этот раз Ганнибал не собирался отступать. Стоит отметить, что когда он захватил первый холм, то планировал отступление. Поэтому он отправил тогда своих копейщиков в бой плотным оборонительным строем. В этот же раз у Ганнибала были другие цели. Когда велитам не удалось отбить холм, Минуций послал туда конницу, а затем и сам выступил во главе идущих сомкнутым строем легионов. Все взоры были обращены к ведущемуся на холме сражению, а потому засаду никто не заметил. Ганнибал продолжал посылать в бой все новые подкрепления, дабы не дать сражению затухнуть. Наконец он направил туда остальную пехоту и конницу. Карфагенские всадники смели не только римскую конницу, но и велитов. Велиты начали беспорядочно отступать к тяжелой пехоте, которая уже закрыла промежутки между манипулами, — в результате вся армия оказалась в беспорядке. Прозвучал сигнал, по которому в дело вмешалась засада: возникшие будто из-под земли отряды атаковали римлян с тыла и флангов. Меньшая часть римской армии оказалась под угрозой полного уничтожения. Кунктатор, как всегда осторожный, наблюдал за всем из своего лагеря. Он заранее поднял по тревоге свои легионы и теперь вывел их в поле. Можно представить себе, что почувствовал Муниций, когда услышал, как трубы подают сигнал к выступлению. Его люди были потрепаны столь сильно, что нарушили строй. Теперь же, услышав о приближении Фабия, манипулы вновь собрались у своих знамен и организованно отступили под прикрытием второй армии. Ганнибал понял, что образцово-показательный бой подошел к концу, и отступил в свой лагерь. Согласно Ливию, тем же вечером армия Муниция оставила свой лагерь и отступила к позициям Фабия. Они вошли в лагерь Кунктатора, проследовали по преторианской улице и остановились перед палаткой Фабия. Здесь они воткнули в землю свои штандарты, и Минуций подошел к Фабию, обратившись к нему «Отец», по обычаю избавленного от смерти товарищем по легиону. Таким образом он признал над собой его авторитет. Карфагеняне меж тем возвели вокруг холма частокол и прокопали ров между ним и лагерем. Затем они выставили на нем свой гарнизон, завершив этим действием свою подготовку к спокойной зимовке.

Канны: величайшее поражение римлян

Пришла зима. Закончились шесть месяцев диктаторства Фабия, и власть вновь была возвращена консулам. На место погибшего Фламиния заступил Марк Атилий Регул, сын того Регула, которого карфагеняне разбили в I Пунической войне, — зловещий выбор. На роковой 216 г. до н.э. было избрано два консула — Луций Эмилий Павл и Гай Теренций Варрон. Павл был дедом Сципиона Эми-лиана и принадлежал к той группе людей, действия которых Полибий не критиковал. Посему козлом отпущения за все предстоящие несчастья стал Варрон. Его имя так долго поливали грязью, что невозможно с расстояния в столько веков понять, каков же был этот человек на самом деле. Единственное, что мы в состоянии сделать, — это указать на существенные изъяны в рассказах древних. Комментировать рассказ Ливия о том, как Варрон был избран на свой пост, бесполезно, потому что он изложен таким образом, чтобы представить убедительную предысторию последовавшего затем бесчестья. Двух преторов избрали заочно, поскольку они уже находились при армии. Это были знаменитый Марк Клавдий Марцелл, который командовал пятым легионом на Сицилии, и Луций Постум Альбин — его отправили в долину По с приказом сдерживать кельтов. Был отозван консул предыдущего года, Гней Сервий Гемин, которого диктатор отправил командовать флотом в Лилибее на Сицилии. Его и Регула назначили проконсулами и поставили во главе находившихся у Геруния армий. Для того чтобы довести до полного состава число солдат в уже имевшихся легионах и набрать еще четыре новых, провели рекрутский набор. Вероятно, в Геруний отправили 16-й и 17-й легионы, набранные после Тразименского озера и прошедшие подготовку в Риме. Теперь их общее количество там составляло восемь — по четыре на каждого консула. Два новых легиона (18-й и 19-й) отправили в долину По под командование претора Луция Постума Альбина, а 20-й и 21-й легионы остались в Риме, прикрывая город. Вывод в поле столь большого количества войска (в 16 легионах было около 150 000 человек) означает, что римляне намеревались дать Ганнибалу большое сражение при первом же подходящем случае. В таком случае традиционному повествованию о конфликте Павла и Варрона (первый придерживался тактики Фабия, а Варрон хотел драться) доверять не стоит. Лето было уже в разгаре, когда Ганнибал оставил лагерь и отошел от Геруния. Он продвинулся на юго-восток примерно на 100 километров и дошел до р. Ауфид (Офанто). Там его армия захватила крепость Канны, которую римляне использовали в качестве

продуктового склада. Провиант из нее перевозили в карфагенский лагерь по мере необходимости. Проконсулы узнали об этом, когда находились на расстоянии полуторадневного перехода от позиций Ганнибала (т.е. ок. 40—50 км), и запросили инструкций у сената. Последний уже решил, что крупное сражение необходимо, а потому приказал проконсулам не двигаться с места и отправил на соединение с ними двух консулов. Полибий говорит нам, что никогда прежде римляне не выводили в поле восемь легионов. Он имеет в виду, что тогда в первый раз две консульские армии по четыре легиона каждая были объединены в одну. По информации греческого историка, во времена кельтского вторжения в 225 г. до н.э. существовали консульские армии силой в четыре легиона каждая. Множество комментаторов подвергают цифры Полибия критике и говорят, что карфагенская армия никогда не смогла бы окружить в битве при Каннах 80 000 человек римской армии. Однако расчеты его совершенно логичны, да и у кого, как не у него, были все возможности наилучшим образом вычислить сравнительные возможности карфагенян и римлян — уж конечно, не у современных историков! К этому можно добавить только, что вряд ли римляне смогли бы осуществить свою обычную стратегию «надавливания» на Ганнибала или отрезать ему пути снабжения перед битвой, не имея они численного превосходства. Полибий добавляет, что легионы были доведены до 5000 каждый и что количество конницы было «более шести тысяч». Эта последняя цифра совершенно справедлива, так как Гней Сервий Гемин потерял конницу, приписанную к первому, второму, двенадцатому и тринадцатому легионам, — существенная утрата, восстановить которую было бы очень сложно. Консулы выступили с обращением к армии, дабы ввести воинов в должное состояние духа, затем оставили лагерь и выступили к Каннам. На второй день они оказались в виду позиций Ганнибала и расположились лагерем на расстоянии примерно восьми километров от них. Топография последовавшей кампании и сражения зависит от двух факторов — расположения лагеря Ганнибала и местонахождения реки Офанто.

Топографическая карта местности между Сан-Фердинандо и Каннами. Изолинии на карте аоны с расстоянием в 5 м. Дамбы, сдерживающие разлив реки, выделены красным, Пунктиром обозначено возможное местонахождение старого русла. Линия, вдоль которой римляне выстроили свои войска, отмечена черным отрезком.

На южном конце равнины Фоджия отходит на восток от Апеннин цепь невысоких холмов. Река Офанто, покинув Апеннины, течет к северу от этих холмов. Крепость Канны размещалась на замыкающем эту цепь холме на северном конце гряды и была обращена к реке. Сложность заключается в том, что Полибий четко называет место сражения — около Канн, на южном берегу реки. В том виде, в каком эта местность существует сегодня, это невозможно, поскольку река течет вдоль самых холмов. Офанто много раз меняла свое русло, а потому бессмысленно искать место сражения, опираясь на ее нынешнее местонахождение. Карта на стр. 183 изображает контуры Каннской равнины с пятиметровыми изолиниями. Масштаб разлива реки отражает цепь плотин на ее северном берегу (отмечены красным). Наиболее вероятное речное русло отмечено XX для того, чтобы можно было лучше представить себе поле сражения. Оно будет в этом случае представлять собой равнину примерно в два километра шириной между рекой и холмами. Изучив окрестности, римляне решили передвинуть лагерь поближе к реке, для того чтобы прекратить деятельность карфагенских фуражиров. Ганнибал ответил тем, что отправил легковооруженных солдат и конницу тревожить переправлявшихся на северный берег римлян. Варрон, который

командовал в этот день, бросил вперед отряд тяжелой пехоты, а позже и велитов с конницей для того, чтобы отогнать карфагенян. Должно быть, это были обычные римские силы прикрытия для лагеря, который требовалось разбивать в виду противника. Легионы дошли до реки, переправились через нее под охраной авангарда и встали у брода. Очевидно, весь маневр был направлен на то, чтобы «наводнить» своими войсками окрестности лагеря Ганнибала и помешать ему собирать провиант на северном берегу реки. На следующее утро командование принял Павл. Нам говорят, что он был против предпринятого Варроном наступления, считая его слишком опасным. Однако теперь он перевел одну треть своих войск через реку, и они встали к востоку от брода примерно в трех километрах от главного лагеря и несколько дальше — от лагеря Ганнибала. Если карфагенянин располагался к югу от реки, действия Павла еще отчаянней, чем у Варрона, однако Полибий даже не предполагает, что Ганнибал пытался помешать ему устроить второй лагерь. Учитывая это, а также расстояние между лагерями, можно предположить, что армия пунов размещалась к северу от реки. И действительно, Полибий помещает ее на северном берегу вскоре после сражения и ни разу не упоминает, чтобы Ганнибал переходил реку. Где же мог находиться его лагерь при условии, что он был расположен на северном берегу? Карфагенянин прибыл к Офанто за несколько недель до римлян и имел массу времени выбрать для лагеря самое выгодное место. Ганнибал был чрезвычайно умным полководцем и всегда старался использовать ошибки своих противников, тщательно соблюдая при этом безопасность собственной позиции. Если принять в расчет все вышесказанное, то на северном берегу Офанто найдется только одно подходящее место. Это отрог, на котором расположен сейчас городок Сан-Фердинандо-ди-Пулья. Он плоский, с крутыми склонами на северо-западе и юго-востоке, которые обрываются в реку. Северо-восточный склон полого спускается на равнину, что делает его удобным для конницы. Вряд ли карфагенский полководец мог пропустить такое место — сильно укрепленное от природы, с хорошим спуском на равнину и к тому же прикрывающее долину Офанто, путь к отступлению на случай неприятностей. Если принять эту точку за место лагеря Ганнибала, то можно попробовать определить местоположение римских лагерей (см. карту). Теперь имеет смысл расположение одного из них на южном берегу — для того, чтобы не пускать туда карфагенских фуражиров. Ясно, что это была часть общего плана римлян. В таком случае рассказ о конфликте двух консулов вообще теряет смысл. Ганнибал оказался отрезанным от равнины по обеим сторонам реки, и истощение его запасов провианта стало лишь делом времени. Он собрал армию, для того чтобы произнести перед воинами традиционную ободряющую речь, а затем

двинул вперед передовые части прикрытия, для того чтобы обеспечить безопасный доступ на равнину. Весь следующий день пунийцы полировали доспехи и готовились к битве. Наутро Ганнибал вывел свои войска и предложил римлянам сражение на северном берегу реки. Это означало бы предоставить его коннице громадное преимущество, и римляне мудро отказались. На следующее утро (все античные историки утверждают, что командовал в тот день Варрон) Павл вывел римлян из лагеря на северном берегу реки и перешел через брод. На южном берегу они соединились с легионами Варрона и остальной армией и выстроились в боевом порядке на узкой полоске земли между рекой и холмами. Их правый фланг упирался в реку, а левый — в холмы, что не давало карфагенской коннице возможности их обойти. Полибий вроде бы подтверждает этот выбор места, когда говорит, что римляне поставили свои манипулы теснее обычного и сделали глубину каждого из них во много раз больше фронта. Размер стандартного манипула гастатов или принципов до того, как закрыты промежутки в строю, может меняться от шести шеренг по 20 человек до 24 шеренг по пять солдат в каждой. Должно быть, Полибий имеет в виду как раз последние цифры. Если в легионах было по пять тысяч солдат, глубина строя манипулов гастатов и принципов увеличилась, возможно, до 30 шеренг. Поскольку они, по всей очевидности, намеревались идти на прорыв, легионеры почти наверняка встали сомкнутым строем — по три римских фута на человека. Тогда фронт манипула составлял приблизительно 15 римских футов, а легиона (с допусками на промежутки) — около 300 футов. Общая ширина строя пехоты, включая союзническую, составила бы около 4800 римских футов (около 1500 м). Поскольку задачей римских всадников было любой ценой удержать карфагенскую конницу, они, должно быть, построились максимально глубоким строем — например, по десять человек. Согласно Полибию, при глубине строя в восемь всадников на стадий придется 800 воинов — чуть меньше двух метров на каждую лошадь в ряду. У римлян было чуть больше 6000 конницы, в пропорции один римлянин на трех союзников. Следовательно, римских всадников было около 1600, а союзнической конницы — около 4800 человек. С учетом промежутков между турмами римская конница должна была занимать около 575 м, а коннице союзников потребовалось около 1725 м. В таком случае весь фронт римлян должен был составить немногим больше 3000 м. Максимальная ширина равнины — около двух километров, но если римляне разместились на ней диагонально, лицом на юг, то им удастся там поместиться (см. карту). Это подтверждает и Полибий, когда говорит, что стояли римляне лицом на юг. Десять тысяч римлян осталось охранять лагерь, с приказом атаковать во время сражения лагерь карфагенян. Обычно такую задачу давали триариям.

Их число в армии должно было составить 9600 человек, что вполне согласуется с данными греческого историка. Вопреки распространенному как в наше время, так и в древности мнению, у римлян не было каких-то особых причин полагать, что они могут проиграть это сражение. Все предыдущие поражения были вызваны торопливостью полководцев. На этот раз римляне выбрали место битвы, не оставив Ганнибалу возможности устроить засаду. В других сражениях место определял Ганнибал. Более того, римляне были убеждены, что благодаря удачному расположению им удастся нейтрализовать карфагенскую конницу. Распределение командования существенно проясняет картину. В римской армии времен республики было два почетных поста — во главе конницы граждан и в центре, во главе наступающих легионов. Поскольку считается, что главнокомандующим в тот день был Варрон, было бы логичным увидеть его на одном из этих мест. На деле же центром командовали Регул и Гемин, правым флангом — Павл, а Варрон — левым. Единственное заключение, какое можно из этого сделать, будет состоять в том, что командовал в тот день Павл. Тогда, должно быть, именно Варрон уклонился от сражения на левом берегу реки за день до этого. Увидев строящихся римлян, Ганнибал отправил через реку копейщиков и пращников и построил их в ряд на равнине. Затем, под их прикрытием, он вывел остальные войска. Справа, у подножия холмов, напротив конницы союзников, Ганнибал разместил нумидийцев. Существует возможность довольно точно подсчитать количество его войск. Прибыв в Италию, Ганнибал привел с собой всего 6000 всадников — частью испанцев, частью нумидийцев. Число их возрасти не могло, а учитывая, что нумидийцы встали напротив союзников Рима (4800 всадников), их не могло быть намного меньше. Разумным было бы предложить цифру в 4000 всадников. Испанская конница, которая должна при таком расчете состоять примерно из 2000 человек, и кельты (их могло оказаться около четырех тысяч, так как общее количество конницы Ганнибала составляло 10 000 всадников) разместились у реки. Поскольку их было почти в четыре раза больше, чем римских конных воинов, испанцы и кельты, вероятно, выстроились в четыре линии. Пехота карфагенян состояла из немногим больше 40 000 человек, из которых около 12 000 африканцев и 8000 испанцев, остальные — кельты. Из этих расчетов можно заключить, что легкая пехота составляла примерно такую же пропорцию от всего числа пехотинцев, что и в легионах, — т.е. чуть меньше 30%. Тогда можно предположить, что фаланга состояла примерно из восьми тысяч человек, испанских мечников было около пяти с половиной тысяч, а кельтов — около четырнадцати тысяч. Полибий говорит, что Ганнибал выстроил своих кельтов и испанцев спей-рами попеременно. До этого он один раз упоминал

такой тип построения (когда неравные силы выстраиваются по чередующимся спейрам), описывая битву при Селассии. Там выстроились подобным образом иллирийцы и македонские «медные щиты». Следует предположить, что спейра в этом случае — общий термин, обозначающий отряд, но даже в этом случае она не может превышать определенной численности. Полибий применяет его, когда говорит о манипуле (даже о триариях). Тогда в спейре должно быть человек сто. С другой стороны, он никогда не пользуется этим словом, когда говорит о боевых единицах больше чем в тысячу человек. Их он называет хилиархиями. Так что, видимо, спейрами он называет подразделения не более пятисот воинов. Если испанцы были построены в отряды по 100 человек, то у кельтов могло быть около 250 воинов в каждом подразделении. Но, быть может, Полибий слишком упрощает картину. Для Ганнибала кельты были наименее ценной частью войска — в сражении он потерял их в три раза больше, чем испанцев и африканцев, вместе взятых. Исходя из этого, можно предположить, что центр линии состоял исключительно из кельтов, а стоявшие попеременно кельты и испанцы образовывали фланги. Когда Ганнибал выстроил кельтов и испанцев, он передвинул их центр так, чтобы получился полумесяц, постепенно истончавшийся к концам. Цель у такого построения была одна: сломать мощь римского наступления до того, как в действие будут приведены ударные африканские войска. Это доказывает, что войска у римлян было больше. Африканские копейщики, которые были до этого выстроены вместе с легковооруженными войсками впереди армии и служили силами прикрытия, отошли и построились колоннами на флангах, позади конницы. Передовые воины составляли внутреннюю сторону каждой колонны для того, чтобы, развернувшись вовнутрь, колонна образовала бы фалангу. Во всяком случае, только так можно объяснить их построение в свете последовавших маневров. Канны показали нам только одну сторону такого уникального боевого строя, но у него есть и прекрасные оборонительные свойства: две фаланги можно развернуть вовне для отражения атаки с флангов или повернуть внутрь и задавить наступление в центре, не говоря уже о потенциальной возможности отразить атаку с тыла. Ганнибал использовал такой же строй в битве при Требии, но предпочел быструю победу на флангах усилению центра. Сейчас же он, вместе со своим братом Магоном, находился в наиболее важной точке в центре. Испанской и кельтской конницей командовал Гасдрубал, а нумидийцами на левом фланге — Ганнон. Как обычно, сражение началось со стычек легковооруженных воинов. В самом начале Павл был тяжело ранен камнем, пущенным балеарским пращником. Вскоре в бой у реки вступили испанские и кельтские всадники. Римская конница сражалась храбро, но они не могли

соперничать с кельтами и испанцами, а потому их начали постепенно оттеснять вдоль реки. Римляне стаскивали своих противников с лошадей и продолжали сражение на земле, но ничто не могло закрыть брешь. На другом фланге нумидийцы безуспешно пытались сдвинуть с места конницу союзников, чтобы заставить их отойти от легионов. Римляне решили начать наступление, пока ситуация на правом крыле еще не вышла из-под контроля. Трубы дали сигнал, и велиты начали отходить. Ожидая приказа к наступлению, легионеры начали стучать пилумами о щиты. Ганнибал также приказал отойти своим легковооруженным пехотинцам, а кельты и испанцы приготовились к предстоящему натиску. Велиты миновали промежутки в строе, прозвучал сигнал к наступлению, и задние центурии гастатов продвинулись вперед, чтобы закрыть строй. Раздался новый сигнал трубы, обе стороны подняли клич, и вот среди оглушающих звуков горнов, труб и кар-никсов обе пехоты устремились навстречу друг другу. Кельты и испанцы, стиснув зубы, приготовились встретить первый ураган пилумов, за которым не замедлил последовать еще один. Потрясая щитами в надежде освободить их от застрявших метательных копий, кельты и испанцы бросились на легионеров; воздух гудел от ударов щитов о щиты. Какое-то время они удерживали строй, но затем, задавленные весом легионов, начали отступать. На римскую конницу на берегу реки непрерывно давили, покуда не оторвали ее от легионов. В открывшийся прорыв рванулась стоявшая позади карфагенская конница во главе с Гасдрубалом. Оставив переднюю линию довершать разгром римлян, всадники проскакали в тылу легионов и набросились сзади на конницу союзников. Итальянские всадники не выдержали удара, сломали строй и рассыпались. Легионы все глубже вгрызались в карфагенский центр. Изогнутый строй исчез, и теперь вся линия подалась назад. Центр вначале выпрямился, а затем, по мере того, как в полукруг начали набиваться легионеры, стал прогибаться вовнутрь. Павл увидел безнадежное состояние дел на своем правом крыле и понял, что теперь вся надежда на легионы. Он проехал позади строя и, спешившись, бросился в гущу сражения. Ганнибал, который знал, что для него все зависит от того, сможет ли центр продержаться еще немного, вступил в бой, ободряя своих людей. Шаг за шагом кельты и испанцы отступали. Карфагенский полководец осуществил свой главный план — легионеры оттеснили его центр так далеко, что прошли мимо африканских копейщиков, размещенных на обоих флангах. Оставалось только нанести решительный удар. Копейщики обратились вовнутрь, развернулись из колонны в фалангу и двинулись на фланги римлян. Римская конница на обоих флангах бежала. Оставив нумидийцев разбираться с отступающими, что они всегда прекрасно осуществляли, Гасдрубал отозвал кельтов и

испанцев и набросился на легионы сзади. Манипулы вынуждены были развернуться, для того чтобы встретить атаку с различных направлений. Давление в центре ослабло, и кельты с испанцами получили возможность контратаковать. Это был самый кровавый день в римской истории. Павл был убит, сражаясь в строю. Погибли проконсулы Гемин и Регул, бывший начальник конницы Минуций Руф, у которого был, вероятно, ранг трибуна. На поле остались квесторы обоих консулов и 80 сенаторов. Римляне ушли так далеко вперед, что отодвинулись от брода, поэтому 10 000 оставшихся в лагере человек ничем не могли им помочь. Громадные потери, которые составили, по разным данным, от немногим менее сорока пяти тысяч до семидесяти тысяч человек, позволяют предположить, что легионы потеряли строй и бежали. Кажется невероятным, чтобы они стояли до самого конца, как предполагал Полибий. Разночтения же в цифрах отражают разночтения в количестве участвовавших в сражении человек. Согласно Полибию, 10 000 оставшихся в лагере солдат были захвачены в плен на следующий после сражения день. Еще 3500 пехотинцев и 370 всадников укрылись в ближайших городах. К сожалению, дальнейшая часть рассказа Полибия утрачена, так что проверить соответствие этих цифр по последовавшим событиям невозможно. Хотя цифры Ливия путаные, они все же согласуются с тем, что случилось дальше. После рассказа о плохо согласующихся между собой событиях римский историк говорит, что 10 000 уцелевших собрались в Канузии (Каноза-ди-Пулья). Это верно, потому что впоследствии из них сформировали два легиона. Если верен рассказ Полибия о дебатах в сенате по поводу пленных, то в руках Ганнибала было около 7000 римлян. Можно предположить, что союзников, которых он отпустил без выкупа, было не меньше. Тогда общее количество выживших составит около 25 000, а в списки погибших войдет около 50 000 человек. Эту цифру обычно и считают верной. Среди тех, кто спасся, был и Гай Теренций Варрон. Полибий дает ему самую жестокую эпитафию, вновь отражая семейные предания, на этот раз Павлов. Он говорит, что Варрон обесчестил себя своим бегством и что его деятельность нанесла огромный ущерб государству. Имя Варрона так и не было очищено, и он навечно остался козлом отпущения за битву при Каннах. Однако Ливии пишет, что сенат вышел встречать Варрона, когда он возвратился в Рим, и поблагодарил его за то, что тот не бросил государство. Впоследствии он остался на службе в течение всей войны, хотя и на вторых ролях.

Долгая борьба за утраченные позиции

Известие о катастрофе потрясло Рим. Это был первый и последний раз, когда римлянам пришлось потерпеть столь сокрушительное поражение. В трех битвах Рим потерял около 100 000 отборных войск. Улицы наводнили женщины и дети, оплакивающие погибших сыновей, братьев, отцов и мужей. Сенат был в замешательстве, и на протяжении нескольких дней не предпринималось ровным счетом ничего. Римляне ждали, что в любой момент за стенами появится Ганнибал. И, как это часто случается в подобных ситуациях, одержимая яростью и страхом толпа принялась искать козла отпущения: двух весталок обвинили в нарушении обета девственности; одна из них покончила жизнь самоубийством, другую похоронили заживо. Помимо того, римляне прибегли к наиболее отвратительной из всех искупительных жертв: к человеческому жертвоприношению. На скотном рынке сожгли живьем грека и гречанку, а также мужчину и женщину из числа кельтов. Но в таком состоянии Рим пребывал недолго. Стиснув зубы, сенаторы постановили отвергать все условия и сражаться до конца. Требовался человек, способный вдохновить войска, и судьба его предоставила. В Остии находился легендарный Марк Клавдий Марцелл, претор, командующий флотом. Ему поручили тех, кто остался в живых из числа легионов, сражавшихся при Каннах. Марцелл незамедлительно отправил 1500 солдат из абордажной команды в город для организации обороны и выслал легион солдат абордажной команды в Теан Сидицин (совр. Теано, город в северной Кампании), чтобы обеспечить защиту Латинской дороги в случае, если Ганнибал двинется к Риму. Затем Марцелл передал флот Публию Фурию Филу и форсированным маршем двинулся по суше к Канузию (совр. Каноза-ди-Пулья), где собрались остатки каннских легионов. Варрон, оставшись не у дел, возвратился в город. Провозглашенный диктатор провел мобилизацию, причем набору подлежали все мужчины старше 17 лет. Так были созданы два новых легиона (двадцать второй и двадцать третий). Находившийся в столь отчаянном положении сенат решился на беспрецедентное средство. Были сформированы два легиона добровольцев из числа рабов, которым в качестве вознаграждения за воинскую службу пообещали свободу и гражданство. На тех же условиях были освобождены 6000 преступников. Одержав победу, Ганнибал, придерживаясь своей стратегии, немедленно освободил всех захваченных в плен союзников, а за римлян назначил выкуп. Затем он отослал в Рим представителей из числа пленников, а также своего

посла с предложением их выкупа и условиями мира. Навстречу карфагенскому послу — так, чтобы перехватить его до въезда в Рим, — диктатор отправил ликтора. Послание, обращенное к послу, слово в слово воспроизводило то, что было объявлено Пирру шестьюдесятью годами ранее: «Рим не станет обсуждать условия мира с иноземным врагом на италийской земле». Что до пленных, сенат сообщил им, что Риму не нужны солдаты, сдавшиеся на милость врага, и отказался принять их назад, хотя они готовы были сами заплатить за себя выкуп. Ганнибал продал пленников греческим работоторговцам, но спустя 20 лет, когда Греция попала в сферу влияния Рима, многие из них получили свободу. Последствия битвы при Каннах оказались еще более катастрофическими, нежели поражение само по себе. Практически вся южная область Апеннин переметнулась к противнику. Вся Лукания и Бруттий (Калабрия) перешли на сторону Карфагена. Большая часть Самния последовала их примеру, а основные города Апулии — Арпы, Эки, Салапия и Гердония — вышли из союза. Это повальное дезертирство сократило численность римской пехоты на одну пятую, а конницы — почти на треть. Риму оставалось лишь одно: перейти к выжидательной тактике, избегая генеральных сражений и стараясь измотать карфагенян. Возникло даже присловье: до разгрома при Каннах римские армии шли на битву; после разгрома при Каннах — на войну. Вознамерившись ковать железо, пока горячо, Ганнибал прошел маршем вдоль границ Самния и Лукании по реке Офанто к ее верховьям. Горная крепость Компса (ныне Конца) открыла ему ворота. Ганнибал, оценив выгоды ее местоположения, оставил в Компсе всю военную добычу и лишнее имущество. А затем поделил армию надвое, одну половину отрядил заключать союзы с жителями нагорий, а вторую половину повел дальше, огибая Пицентинские горы с севера. Спустившись в Кампанию, Ганнибал ринулся на Неаполь, в надежде, что этот портовый город перейдет на его сторону и наладится линия сообщения с Карфагеном. Но неаполитанцы ворот не открыли. Во всех городах Италии правящая олигархия (которую поддерживал Рим) и простонародье пребывали в состоянии непрекращающегося противоборства. Насаждая демократию, Ганнибал надеялся разобщить кампанские города. Этим и объясняются его на первый взгляд бессмысленные метания туда-сюда: полководец стремился оказаться в нужном месте в нужное время. Неудачу с Неаполем отчасти искупило дезертирство Капуи, второго из городов Италии, где народ одержал верх и распахнул ворота. Многообещающим кандидатом казалась и Нола, однако, точно так же как и в Неаполе, олигархическая партия непустила карфагенян в пределы города.

Карта южной Италии. Практически вся область к югу от реки Вультурн на западе и мыса Гарган на востоке после сокрушительного разгрома римлян в битве при Каннах перешла на сторону противника.

Тем временем Марцелл явился в Канузий, взял в свои руки командование войсками, сформировал из них два легиона, а затем перевалил через Апеннины, спустился в северную Кампанию и соединился с легионом солдат абордажной команды, отосланным им в Теан. Со своих позиций на склонах потухшего вулкана Монте-Санта-Кроче Марцелл рассчитывал запереть Ганнибала в пределах области к югу от реки Вультурн (совр. Вольтурно) и не подпустить его к Риму. Колония в Синуэссе (совр. Мондрагоне) защищала узкое ущелье между горой Массико и морем, вдоль которого шла Аппиева дорога, ведущая к Риму. Если бы Ганнибал попытался осуществить прорыв именно здесь, Марцеллу не составило бы труда прислать подкрепление через низкий перевал между Монте-Санта-Кроче и горой Массико, контролируемый колонией в Суэсса-Аурунка (совр. Сесса-Аурунка). Единственный мост через Вультурн находился под Казилином (совр. Капуя), причем гарнизон города насчитывал около 1000 итальянцев. Обеспечив себе выгодные позиции, Марцелл стал поджидать прибытия диктатора. Вскоре к Марцеллу явились посланцы из Нолы с предупреждением о возможности народного восстания, в результате которого город сдадут Ганнибалу. Однако до прибытия диктатора Марцелл ничего не мог предпринять. А в Риме диктатор Марк Юний Пера отчаянно пытался собрать силы, достаточные для преодоления кризиса. Только два

легиона, сформированные для защиты города прошлой весной (двадцатый и двадцать первый), были должным образом обучены. К этому добавлялись 6000 освобожденных преступников; эти войска, пусть и необученные, можно было использовать, не считаясь с потерями. Во главе армии общей численностью около 25 000 человек Пера выступил в Кампанию. Диктатор прибыл, и Марцелл обрел свободу действий. Кампания была союзником Рима начиная с IV в., и обе стороны никогда не воевали друг с другом, в результате чего к югу от реки Вультурн колоний основано не было. Ряд колоний контролировали пути на юг, к Кампании; была колония и в Беневенте (совр. Беневенто), в самом сердце Самния. Пока к югу от реки существовали дружественные Риму города, в частности Калатия близ совр. Мадалони, в 40 километрах от Беневента, армию можно было ввести в Самний, не опасаясь нарушить жизненно важные пути сообщения. Сходная система колоний и дружественных городов существовала в Апулии, причем колонии располагались в Луцерии (совр. Лучера), Венузии (совр. Веноза) и Брундизии (совр. Бриндизи). Таким образом, римские армии проникали в самую глубь территорий, контролируемых Карфагеном, не подвергая опасности свои пути подвоза. Это стало решающим фактором в войне. Поскольку кампанские города Капуя и Калатия, последовавшая ее примеру, оказались во власти Карфагена, дорога к Беневенту была отрезана. Так что, отправляясь на помощь Ноле, Марцелл преследовал двоякую цель. Добраться до Нолы напрямую возможным не представлялось: дорога к югу от Вольтурно оказалась в руках карфагенян, чья конница существенно превосходила силы противника. Чтобы сбить Ганнибала с толку, Марцелл отступил от Теана и, скорее всего избрав путь, которым карфагеняне воспользовались годом раньше, перевалил через холмы напротив Алифе, спустившись по Вультурну к Кайатии (совр. Каяццо). Там он переправился через реку, а затем по долине Биферкиа провел армию за холмами на востоке от Капуи через территорию Сатикулы и Требулы и вышел на равнину у Мадалони. Тут Марцелл пересек Аппиеву дорогу и укрепился на хребте над Канчелло, откуда открывается вид на древний кампанский город Свессулу примерно в 12 километрах от Нолы. Так Аппиева дорога к Беневенту открылась снова. Это был стратегический ход исключительной важности: пожалуй, самое значимое из отдельно взятых действий за всю войну. Лагерь над Канчелло, названный в честь его основателя Марка Клавдия Марцелла Кастра Клавдиана, помешал Ганнибалу захватить всю Кампанию и восстановил сообщение с Беневентом. Он служил постоянным местом дислокации войск до тех пор, пока Кампания не была отвоевана окончательно. Ганнибал сознавал, что, пока Марцелл стоит лагерем над Свессулой, на дезертирство Нолы рассчитывать не приходится, и попытался

снова подступиться к Неаполю. Но, приблизившись к порту, он обнаружил, что римляне уже ввели туда войска, подойдя к берегу на кораблях. Рим контролировал море, и это стало решающим фактором: несмотря на повальное дезертирство на юге, все основные гавани остались в руках римлян. Теперь Ганнибал повернул на юг, к Нуцерии (совр. Ночера), которую разграбил и сжег. Затем он снова подошел к Ноле, но Марцелл, предвидя это, заранее занял город. Осознав, что выбрал не лучшее время, Ганнибал снова отступил от Нолы и на этот раз атаковал Ацерры приблизительно в 10 километрах к западу от Нолы. Этот город разделил участь Нуцерии скорее всего только потому, что недостаточная численность войска не позволяла Ганнибалу поставить там гарнизон. Тем временем Марцелл казнил зачинщиков мятежа в Ноле, а затем возвратился в свой лагерь над Свессулой и укрепил его в преддверии зимы. /Две дороги от Рима в южную Кампанию — Аппиева дорога и Латинская дорога — в Калах сходились воедино и пересекали реку Вольтурно под Казилином. Там находился единственный мост через Вультурн; тот, кто удерживал в своих руках Казилин, контролировал и реку. Древний город располагался приблизительно на том же месте, что и его современный двойник, Капуя: на южном берегу Вольтурно, угнездившись на крутой излучине реки. Тут возникает некоторая путаница в названиях: древнюю Капую сарацины сровняли с землей еще в IX в., а обитатели ее перебравшись в Казилин, дав ему привычное для них название. Ганнибал подошел к городу и, видя, что приступом Казилин не взять, осадил город, блокировав его снабжение. Затем, оставив у стен войско, достаточное для того, чтобы удерживать город в осадном положении, Ганнибал отправился на зимние квартиры под Капуей, в четырех километрах далее по дороге. Легенда о том, что зимовка среди капуанского роскошества разлагающе подействовала на войско Ганнибала, уже столько раз бывала развенчана, что возвращаться к этой теме здесь не имеет смысла. Воины Ганнибала больше не выигрывали великих битв только потому, что новой возможности им так и не представилось. В начале весны 215 г. Ганнибал вернулся к осажденному Казилину. Блокада уже начала оказывать эффект; силы изголодавшегося гарнизона были на исходе. Диктатор возвратился в Рим, передав командование Тиберию Семпронию Гракху, начальнику конницы. Гракх, не рискуя вступить в открытый бой, вынужден был беспомощно наблюдать за происходящим. Он попытался ночами сплавлять по реке кувшины с зерном, чтобы осажденные вылавливали их из воды, но карфагеняне вскоре разгадали хитрость и удвоили бдительность. Отчаявшиеся римляне попытались сплавлять орехи, но карфагеняне в ответ перегородили реку сплетенными из лозняка заслонами. Наконец, утратив надежду,

изголодавшийся гарнизон сдался. Ганнибал даровал воинам свободу и поставил в городе собственный гарнизон из 700 человек. Рассказ Ливия о событиях 215 года настолько сбивчив и малоубедителен, что возникает искушение предположить, будто автор все выдумал. Консулами были Гракх, начальник конницы прошлого года, и Луций Постум Альбин, что в качестве претора прошлого года все еще служил в долине По. Альбина избрали заочно, однако сразу после этого и он сам, и два его легиона, восемнадцатый и девятнадцатый, попали в засаду, устроенную кельтами, и были перебиты. В результате долгих закулисных интриг в качестве замены Альбину был избран Фабий, а Марцелл, второй кандидат, стал проконсулом. Трое военачальников обосновались в Кампании, причем Марцелл — в Кастра Клавдиана. Сенат принял решение отправить в ссылку два легиона, сформированных из уцелевших при Каннах; в результате они были высланы в римскую провинцию Сицилию с приказом ночевать, не разбивая лагеря, до тех пор, пока война в Италии не закончится. Их место заняли два сицилийских легиона (7-й и 8-й). Гракх с двумя легионами рабов-добровольцев занял позицию так, чтобы контролировать Аппиеву дорогу у Синуэссы (совр. Мондрагоне). Фабий Медлитель взял на себя командование армией Перы и блокировал Латинскую дорогу у Кал (совр. Кальви). До сих пор в разумности этих мер сомневаться не приходится, но то, что произошло дальше, представляется полным абсурдом. Невзирая на то, что карфагеняне удерживали мост через реку под Казилином, Ливии отправляет не кого иного, как Фабия, через Вультурн, и дальше, под самым носом у Ганнибала, к Кастра Клавдиана, где Фабий замещает Марцелла, велев последнему поставить гарнизон в Ноле. История о победе Марцелла над Ганнибалом под стенами Нолы в равной степени вымышлена, поскольку Полибий утверждает, что до того времени, как Ганнибал покинул Италию, он не проиграл ни единой битвы. Похоже, что у Ливия возникла путаница с хронологией, и, поскольку излагает он события год за годом, год 215 оказался «пустым» и автору пришлось подыскивать что-нибудь, чтобы заполнить пробел. В любом случае ситуация в Кампании осенью 215 года нисколько не изменилась в сравнении с весной. Однако имели место два события, которым суждено было серьезнейшим образом повлиять на ход войны. Филипп V Македонский заключил с Ганнибалом договор о союзе, и скончался Гиерон, владетель Сиракуз, остававшийся верным союзником Рима со времен начала первой Пунической войны. Послы Филиппа попали в руки римлян; в результате римляне узнали о договоре раньше Ганнибала. И немедленно приняли меры: число военных кораблей в Таранто было увеличено до 50 для защиты побережий Адриатики. С приближением осени Ганнибал покинул Кампанию, перевалил через Апеннины и занял Арпы

(город в Апулии). Гракх с двумя легионами рабов-добровольцев двинулся следом и расположился на зимние квартиры в римской колонии Луцерия (совр. Лучера). На следующий год (214) консулами были избраны Фабий и Марцелл. В течение прошлого года Ганнибала удавалось сдерживать, и теперь римляне вознамерились предпринять решающую попытку покончить с противником. В соответствии со стратегией Фабия было решено начать войну на как можно большем числе фронтов, поскольку Ганнибал, располагая весьма ограниченными силами, не смог бы защитить всех своих союзников. Было создано 6 новых легионов, так что общее их число достигло 20; заложили 100 новых кораблей. И снова полем действия для обоих консулов стала Кампания. Марцеллу поручили 22-й и 23-й легионы, а Фабия — 20-й и 21-й. Сын Фабия в качестве претора был послан в Апулию вместе с 7-м и 8-м легионами, с приказом присоединиться к Гракху, который уже находился там с двумя легионами рабов. Таким образом, число легионов в южной Италии увеличилось до восьми. После гибели Постума Альбина в прошлом году римских войск в долине По не осталось; туда направили два новых легиона (27-й и 28-й), чтобы отвлечь кельтов и помешать им высылать подкрепления Ганнибалу. Два каннских легиона находились в Сицилии, а еще один легион, созданный прошлым летом (24-й), был послан на помощь девятому в Сардинию, которую карфагеняне упорно пытались отбить. Варрон, откомандированный в Пицен, область в Италии к северо-востоку от Рима, примыкающую к Адриатическому морю, сформировал двадцать шестой легион прямо на месте, а 25-й легион был отослан для усиления адриатического флота, находящегося в Брундизии (совр. Бриндизи), чтобы надежнее обезопасить римлян от вторжения Филиппа. Два новых легиона (29-й и 30-й) находились в резерве в Риме. Государственные ресурсы иссякли; неоткуда было взять денег для того, чтобы набрать команду на новые корабли. Для того чтобы срочно решить проблему, все состоятельные граждане согласились на вербовку моряков за свой счет. Жители Капуи были встревожены ведущимися в Риме приготовлениями и не сомневались, что именно они станут первой жертвой стремительно набиравшей мощь римской военной машины. Они послали гонцов к Ганнибалу, умоляя о помощи. В ответ Ганнибал снова перешел Апеннины и разбил лагерь близ горы Тифата. И де Санктис, и Кромайер помещают этот лагерь на холмах чуть восточнее самой Тифаты, что представляется разумным: таким образом Ганнибал не только получал доступ на равнину, но и контролировал тыловой путь, по которому Марцелл добрался до Кастра Клавдиана. В прошлом году Ганнибал, заняв те же самые позиции, ощутимо блокировал римские пути подвоза; поэтому осенью, когда Ганнибал отступил в Апулию, Фабий позаботился о том,

чтобы запастись в Кастра Клавдиана побольше продовольствия. Фабий послал Гракху приказ передать командование в Луцерии Фабия-младшему и отправиться в римскую колонию у Беневента, таким образом перерезав Ганнибалу пути подвоза. Здесь впервые видна в действии римская стратегия сдерживания. Этот ход окупился с лихвой уже вскоре после прибытия в Беневент. Ганнон во главе армии из 17 000 пехотинцев (в основном из числа жителей Бруттия и Лукании) и 1200 североафриканских всадников двинулся в наступление по долине реки Калор (совр. Калоре), предположительно рассчитывая встретиться с Ганнибалом в Кампании. Римлянам впервые представилась возможность вступить в бой с частью воинства Ганнибала в отсутствие их прославленного полководца. Ганнон встал лагерем на южном берегу Калора, примерно в четырех с половиной километрах от Беневента. Гракх немедленно перенес лагерь на расстояние в каких-нибудь 1500 м от позиций Ганнона и стал готовиться к битве. Для поднятия боевого духа рабам было обещано, что те, кто будет доблестно сражаться, получают свободу. На следующее утро армии сошлись. Для римлян битва началась удачно, однако вскоре дело застопорилось, потому что рабы — надо полагать, кельтского происхождения — останавливались, для того чтобы отрезать головы поверженных противников в качестве доказательства собственных свершений, а затем снова вступали в бой, удерживая окровавленные сувениры под мышкой правой руки. Осознав, что происходит, Гракх пообещал рабам свободу тут же, на месте, чтобы те продолжали сражаться. С удвоенным пылом рабы ринулись на карфагенян, оглашая воздух боевыми кличами, и оттеснили врагов назад, к лагерю. Наконец они ворвались и в лагерь, убивая всех, кто оказывался на пути. После битвы, выполняя данное слово, Гракх даровал свободу всем подряд, независимо от свершенных подвигов. В Кампании Ганнибал предпринял еще одну попытку захватить Нолу, но в очередной раз Марцелл, обосновавшийся в Кастра Клавдиана, сумел ему помешать. До карфагенянина уже дошли известия о том, что, возможно, ему удастся завладеть Таранто — трофеем куда более завидным, поскольку это означало открыть пути сообщения с Карфагеном и Македонией. Осенью Ганнибал покинул Кампанию и отправился на восток, к греческому порту. С уходом Ганнибала оба консула подошли к Казилину и после недолгой осады отвоевали этот ключевой пункт. Тем временем Филипп пытался закрепиться на иллирийском побережье, чтобы иметь возможность перебросить войска в Италию. Он вывел в Эгейское море флот из 120 легких судов и добрался до залива Авлон напротив Бриндизи на албанском берегу. Эта огромная гавань естественного происхождения идеально подходила для того, чтобы переправлять своих людей на территорию Италии. Здесь Филипп захватил

город Орик, а затем на веслах поднялся вверх по реке Аой (совр. Вьоса) и осадил Аполлонию. Едва известия достигли Бриндизи, Марк Валерий Левин погрузил на корабли 25-й легион, переплыл Адриатику и ввел в осажденный город двухтысячное подкрепление. Затем он блокировал своими кораблями устье реки Аой, отрезав Филиппа от моря. Правитель Македонии оказался в крайне унижительном положении, поскольку ему ничего не оставалось, как только сжечь свои корабли и посуху вернуться в Македонию. Римский флот перезимовал в Орике. Война перекинулась в Грецию. На следующий год центр военных действий в Италии сместился на юго-восток: Ганнибал предпринимал все новые попытки овладеть Таранто. Римляне поставили в городе внушительный гарнизон и были уверены, что сумеют оградить порт от посягательств карфагенян.

Карта, иллюстрирующая распространение войны в Грецию и на Сицилию. Римлянам удавалось отвлекать Филиппа V Македонского ценой самых незначительных затрат — объединив его противников на территории Греции в военный союз.

На Сицилии же ситуация заметно ухудшилась. На трон взошел Гиероним, пятнадцатилетний внук Гиерона. При помощи тонкой дипломатии Ганнибал сумел убедить впечатлительного юношу разорвать союз с Римом и открыть новый фронт в Сицилии. Это война Карфагена, уверял полководец; всем необходимым воюющую сторону обеспечит Африка, а он, Ганнибал, на свободе разберется с неприятностями в Италии. Однако не успела война начаться, как Гиероним погиб от рук убийцы. Риму представился шанс круто изменить ситуацию, и сенат отправил на остров

Марцелла во главе двадцать второго и двадцать третьего легионов. Но они опоздали. Жители Сиракуз, охваченные ненавистью к римлянам, назначили полководцами двух сторонников Ганнибала, Гиппократ и Эпикида, и выслали четырехтысячную армию под командованием Гиппократа на защиту Леонтин (совр. Лентини), сиракузского города у границ римской провинции, примерно в 30 километрах к северо-западу от Сиракуз. Гиппократ использовал войска для того, чтобы разорить границы римской провинции, намеренно пытаясь спровоцировать войну, которая отчасти оттянула бы на себя часть вражеских сил, теснящих Ганнибала в Италии. Марцелл скорее всего прибыл в Сицилию осенью 214 года и провел там зиму, пытаясь урегулировать спор миром. Весной, видя, что жители Сиракуз по-прежнему непреклонны, Марцелл и претор Аппий Клавдий Пульхр взяли штурмом и разграбили город Леонтины. Две тысячи сторонников Карфагена, захваченных после падения города, были биты плетьюми и обезглавлены. Эта мера, как водится, привела к обратным результатам, еще больше настроив население против римлян. Убедившись, что жители Сиракуз по-прежнему не желают идти на уступки, Марцелл дал своим людям пять дней на подготовку, а затем двинулся на город. Он разделил свои силы (и без того очень ограниченные, поскольку вывести из римской провинции каннские легионы ему запретили), поручив Пульхру ведение боевых действий на суше, в то время как сам возглавил флот. При наличии только двух легионов полная блокада представлялась невозможной, так что Марцелл решил одновременно штурмовать город с суши и с моря. Пульхр должен был напасть с севера, в то время как Марцелл вел корабли. Но попытки римлян потерпели крах благодаря гению великого математика и механика Архимеда, который посвятил последние годы жизни организации обороны родного города. В результате стены Сиракуз оцетинились устройствами, что сеяли панику среди осаждавших. Подробный пересказ этого эпизода содержится в разделе, посвященном ведению осад. Оставив Пульхру держать осаду, насколько хватит сил, Марцелл, взяв с собою одну треть всего воинства, отправился отвоевывать остальные островные города, переметнувшиеся к врагу. Каннские легионы, только и мечтавшие восстановить свое доброе имя, обратились к Марцеллу, умоляя принять их на службу. Полководец передал их просьбу сенату; ответ сената гласил, что использовать провинившихся возможно только за пределами Италик. Впоследствии каннские легионы, должно быть, приняли-таки участие в боевых действиях — когда карфагеняне переправили на остров армию, состоявшую из 25 000 пехотинцев, 3000 всадников и 12 слонов, не считая подошедших из Сиракуз 10 000 пехотинцев и 500 всадников. Ситуация на острове существенно ухудшилась в результате новой резни, на этот раз

среди граждан Генны. Многие сицилийцы при виде подобного изуверства перешли на сторону карфагенян. Зимой или весной следующего года (213—212 гг. до н.э.) Ганнибал наконец-то получил доступ в Таранто. В Риме содержались заложники из нескольких городов южной Греции. Когда заложники из Таранто и Туриев попытались бежать, их схватили, высекли плетьюми, а затем сбросили с Тарпейской скалы на Капитолии. И снова жестокость римлян привела к обратным результатам: и Таранто, и Турий были переданы в руки карфагенян. В случае Таранто потеря не явилась столь катастрофичной, поскольку римский гарнизон укрылся в цитадели на оконечности полуострова, блокирующей вход в гавань. Попытки Ганнибала захватить цитадель неизменно терпели неудачу, учитывая возможность снабжения с моря. Наконец был возведен земляной вал, увенчанный стеной, и цитадель оказалась отрезана от остального города. Чтобы спустить корабли на воду, жителям Таранто приходилось тащить их волоком через весь полуостров. Консулами на 212 год стали Флакк, ровесник Фабия Максима, который избирался на эту должность уже дважды, и Пульхр — Марцелл загодя освободил его от обязанностей в Сицилии, чтобы тот мог выставить свою кандидатуру на должность главного магистрата. Были сформированы два новых городских легиона (34-й и 35-й); таким образом, общее число их в действующей армии достигло 25, что означало четверть миллиона человек. Два легиона, проходившие обучение в Риме в течение всего прошлого года, были отправлены в Этрурию на случай, если лигурийские подкрепления попытаются воссоединиться с Ганнибалом. С ресурсами в государстве дело обстояло настолько туго, что консулам с превеликим трудом удавалось набирать рекрутов для поддержания должной численности уже существующих легионов, не говоря уже о том, чтобы сформировать еще два.

Перемены к лучшему.

На протяжении трех лет поля Кампании безжалостно опустошались: и римляне, и карфагеняне систематически уничтожали посевы, чтобы оставить неприятеля без фуража. В результате Капуя, оказавшаяся в весьма стесненных обстоятельствах, выслала гонцов к Ганнибалу, умоляя обеспечить город продовольствием. Карфагенянин отправил Ганнона на север с приказом складировать запасы в долине реки Калор, откуда жителям Кампании предстояло их забрать. Колонисты Беневента сообщили об этом Флакку, и тот двинулся к Апеннинам. Если бы жители Кампании проявили больше расторопности, все бы закончилось хорошо, однако не успели они переправить продовольствие в Кампанию, как к месту событий подоспел Флакк. Консул взял штурмом лагерь Ганнона, захватил запасы провианта и взял в плен немало воинов Ганнона и жителей Кампании. Капуе, лишившейся продовольствия, грозил голод, и римляне не замедлили воспользоваться ситуацией. Пульхр присоединился к Марцеллу в Беневенте, и вместе с 20-м, 21-м, 29-м и 30-м легионами консулы вступили в Кампанию с намерением уничтожить еще не созревший урожай и обложить равнинный город. Поскольку действовать предстояло на открытой местности, римляне неминуемо оказались бы во власти конницы Ганнибала. Поэтому консулы отослали гонцов к проконсулу Гракху (который все еще воевал в Лукании с двумя легионами бывших рабов), настоятельно прося Гракха присоединиться к ним вместе со всей конницей и велитами. Гракх выступил в путь, но по дороге попал в засаду и был убит. Легионы рабов, преданно служившие ему на протяжении четырех лет, решили, что долг свой исполнили, и разбежались. Как и следовало ожидать, в отсутствие прикрытия легионам, направляющимся к Капуе, то и дело приходилось отбивать атаки карфагенской и кампанской конницы, так что потери римлян составили более 1500 человек. Однако армия неуклонно продвигалась вперед — пока через Апеннины не перевалил сам Ганнибал. Тогда, в соответствии со стратегией Фабия римляне отступили: Флакк — к Кумам, Пульхр — в Луканию. Добившись своего, Ганнибал отправился назад в Апулию. Не успел он покинуть место событий, как легионы тут же возвратились. Консул послал гонца к претору Нерону в Кастра Клавдиана-на, прося присоединиться к нему вместе со своими легионами, и римляне принялись окапываться вокруг города. Портовый город Путеолы (ныне Поццуоли) был укреплен Фабием Максимом несколькими годами ранее, чтобы обеспечить снабжение армий, воюющих в Кампании. Теперь в устье

реки Вультурн возвели еще одно укрепление. Надежно обезопасив пути сообщения в трех направлениях — Казилин на севере, Путеолы на юге и крепость в устье Вультурна на западе, — консулы приступили к блокаде Капуи. Вокруг города разбили три лагеря — предположительно на севере, юге и западе, на путях сообщения, — соединив их двойными рядами рвов и валов; первый ряд — чтобы удержать жителей Капуи внутри, второй — чтобы удержать Ганнибала снаружи. Тем временем на Сицилии продолжалась осада Сиракуз. Препятствовать карфагенянам прорвать блокаду становилось все труднее, а взять штурмом Архимедовы укрепления возможным не представлялось. Между римлянами и жителями Сиракуз регулярно велись переговоры по поводу обмена пленными или выкупа. В ходе этих встреч какой-то римский солдат заметил, что в одной своей части стена не так высока, как кажется, и, подсчитав горизонтальные ряды кладки, смог установить точную высоту, каковая оказалась вполне в пределах досягаемости самой длинной римской приставной лестницы. Марцелл, узнав об этом, решил приурочить ночную атаку к празднеству в честь богини Дианы, когда большинство часовых наверняка напьются. Штурм увенчался полным успехом, и Марцелл захватил плато Эпиполы. Оказавшись отрезана от города, крепость Эвриал в западной части плато вскорости сдалась сама, и Марцелл беспрепятственно осадил Ахрадину, восточную часть Сиракуз. Карфагенское воинство заняло южную часть города, не давая римлянам взять ее в окружение. Но в карфагенском лагере, находящемся в нездоровом, заболоченном месте, вспыхнула чума, истребив армию едва ли не подчистую, в то время как римлян, расположившихся на плато, болезнь почти не затронула. Карфагеняне предприняли последнюю попытку снять осаду и выслали к Сиракузам огромную флотилию из 130 боевых кораблей и 700 транспортных судов, нагруженных продовольствием, но едва им навстречу двинулся римский флот, карфагенские боевые корабли, экипажам которых, судя по всему, военно-морские силы Рима внушали благоговейный страх, резко изменили курс и поплыли к Таранто, а грузовые суда возвратились в Африку. Последняя надежда освободить город угасла, и вскоре после того жители Сиракуз открыли Марцеллу ворота. После падения Сиракуз большинство непокорных городов отправили к Марцеллу послов, прося мира. Область вокруг Агригента, где собрались остатки карфагенских и сиракузских войск, оружия так и не сложила. Марцелл поспешил туда и разбил неприятеля у реки Гимера.

В 211 г. основная цель Ганнибала заключалась в том, чтобы снять осаду Капуи, в результате которой вокруг города сосредоточилось шесть легионов. Но операция карфагенян успехом не увенчалась.

В следующем году (211) численность армии снова возросла до 25 легионов. Для этого понадобилось заменить два дезертировавших легиона, составленных из рабов. Весьма сомнительно выглядит утверждение Ливия о том, что в прошлом году седьмой и восьмой легионы были уничтожены Ганнибалом в Апулии, поскольку тогда пришлось бы набирать четыре дополнительных легиона, чтобы довести общее число до 25: задача практически невозможная, учитывая острый недостаток средств. Основной целью в 211 г. становится Капуя: вокруг города сосредоточилось шесть легионов. Ганнибал предпринял попытку снять осаду, перевалил через Апеннины и вновь занял прежние позиции за горой Тифата. Ему удалось переправить в осажденный город сообщение о том, на какое время назначена его атака, чтобы жители Капуи могли нанести удар одновременно с ним, но и римляне не позволили застать себя врасплох. Они поделили пехоту на две части: половина войска, под командованием проконсула Пульхра, обороняла внутренние укрепления, в то время как консул Центумал защищал внешние укрепления против Ганнибала. В сражении участвовала и конница: союзническая — на севере, под командованием Нерона; римская — на юге, под командованием Флакка. Ганнибал вывел армию в долину и ринулся на внешний вал, а жители Капуи одновременно обрушились на внутренние стены. Обе атаки удалось отбить. Осознав, что возможность упущена, Ганнибал отвел войска назад под прикрытием

конницы; в противном случае отступающую армию на равнине атаковали бы римские всадники. Снабдив своих воинов десятидневным запасом продовольствия, Ганнибал под прикрытием ночи переправил армию через Вультурн и двинулся по Латинской дороге к Риму, надеясь отвлечь на себя легионы, осаждающие Капую. Как только известия об этом достигли города, в сенате разгорелись бурные споры: многие требовали отозвать легионы. Но Фабий Максим правильно оценил ситуацию и послал сообщение командующим при Капуе, приказывая оставить у городских стен войско, достаточное для продолжения осады, а остальные легионы отправить на защиту Рима. Флакк немедленно разослал гонцов в города, расположенные вдоль Аппиевой дороги, веля заготовить провиант, а сам поспешил вдогонку Ганнибалу по значительно более длинному маршруту вдоль берега. Однако Ганнибал двигался неспешно, по пути разоряя окрестности, чтобы досадить союзникам. Римские колонисты уничтожали мосты, еще больше замедляя продвижение врага, в то время как Флакк и его армия стремительно приближались вдоль моря. Подойдя к Риму, карфагенянин опустошил всю округу, сжигая, грабя и убивая — словом, делая все, что в его силах, чтобы заставить римлян встать на защиту города. Тем временем Флакк добрался до Рима и разбил лагерь между Эсквилинскими и Квиринальскими воротами в восточной части города. Ганнибал подошел к реке Аниен и встал лагерем примерно в 4,5 километра к востоку от города. Утверждения Ливия о том, что Флакк якобы дважды вызывал Ганнибала на бой и в обоих случаях противникам препятствовала непогода, разумеется, чистой воды патриотический вздор. Карфагенянин понял, что маневр его раскусили, и вернулся в южную Италию, бросив Капую на произвол судьбы. А в Капуе положение было отчаянным. Перед жителями города стоял выбор: умереть от голода или сдаться на милость римлян, каковые снисходительностью, как показывал опыт, не отличались. Был созван капуанский сенат, и большинство проголосовало за капитуляцию. Около двадцати восьми сенаторов, изрядно себя скомпрометировавшие в истории с дезертирством города, покончили жизнь самоубийством. На следующий день ворота Юпитера в восточной части города распахнулись настежь и римские войска вошли в город. Оставшиеся в живых сенаторы были взяты под стражу. Двадцать восемь были отсланы в Теан, а еще двадцать пять — в Калы (совр. Кальви), где были публично биты плетью и обезглавлены ликторами. С падением Капуи оставшиеся кампанские города-дезертиры, Калатия и Ателла, тоже сдались. Семнадцать их сенаторов были казнены, а основную массу населения Кампании либо согнали с насиженных мест, либо продали в рабство. Всеобщее ликование в Риме по поводу возвращения Кампании омрачили вести из Испании: двое братьев Сципионов погибли, а их армии

полностью истребили. Тут необходимо вспомнить, что Сципион, разминувшись с Ганнибалом на Роне, отослал своего брата Гнея вместе с большинством кораблей и двумя легионами дальше в Испанию. Гней высадился в масилийской колонии Эмпориях (совр. Ампурьяс), чуть южнее Пиренеев. Последующую военную кампанию комментировать весьма трудно, поскольку Полибий следует в ее описании семейным преданиям Сципионов, а Ливии следует Полибию. Очевидно, римлянам отчасти сопутствовал успех, но насколько значительный — непонятно. Возможно, войска, оставленные Ганнибалом удерживать область к северу от реки Эбро, и впрямь отступили, но предположение о том, что осенью 218 г. они были разбиты наголову, представляется крайне маловероятным. После отхода карфагенян Сципион основал постоянный опорный пункт в Тарраконе (совр. Таррагона). Следующим летом Гасдрубал Барка переправился через Эбро с сорока кораблями и направился к побережью. Сципион воспользовался возможностью сокрушить карфагенский флот, предпринял внезапную атаку и разбил противника в устье реки Эбро, уничтожив шесть кораблей и захватив двадцать пять. Позже в том же году, оправившись от раны, полученной в засаде близ Тицина — левого притока реки Пад, — Публий вышел в море с двадцатью кораблями и 8000 воинами, рассчитывая воссоединиться с братом. Рассказ о том, что братья-римляне переправились через Эбро и в течение осени продвинулись на юг до самого Сагунта, представляется маловероятным. В любом случае в 215 г. они все еще воевали к северу от Эбро, где якобы одержали великую победу над Гасдрубалом Баркой. Любопытно, что речь идет о единственном крупном поражении Гасдрубала до того, как ему суждено было погибнуть при Метавре восемь лет спустя. Даже прославленный Сципион Африканский не смог разгромить его окончательно. Вскоро после того Гасдрубал был отозван назад в Африку усмирять восставших нумидийцев. В Испанию он вернулся только три года спустя, а за это время братья Сципионы вполне могли совершить несколько значительных набегов в те области Испании, что находились под контролем Карфагена, и отбить Сагунт. Весной 211 г. Гасдрубал снова смог вернуться к военным действиям, и тут удача изменила Сципионам. Они поделили армию надвое, рассчитывая двумя клиньями продвинуться в глубь карфагенской территории. Армии по отдельности вступили в сражения с силами Карфагена, в результате чего обе были истреблены, а полководцы погибли. Сципионам расточалось немало похвал за то, что они помешали Гасдрубалу привести подкрепление к брату в Италию. Но поскольку Ганнибал в подкреплении явно не нуждался вплоть до 214 г., а в 214—212 гг. Гасдрубал находился за пределами Испании, этот аргумент, похоже, ни на чем не основан. Остатки римских легионов

отступили к своему опорному пункту севернее Эбро, и теперь ситуация в точности соответствовала положению дел семилетней давности. После падения Капуи претор Нерон получил от сената приказ отобрать из двух легионов, находящихся в его распоряжении, 6000 пехотинцев и 300 всадников и отплыть из Путеол в Испанию. События на противоположной стороне Адриатики развивались несколько иначе. В 213 г. Филипп снова вторгся в Иллирию и сумел с боем пробиться к побережью, где захватил город Лисе. Левин, который после того, как двумя годами раньше отбросил войско Филиппа, встал лагерем на берегу Иллирии близ Аполлонии, теперь заключил союз с этолийцами, исконными врагами македонцев, рассчитывая удержать Филиппа в Греции и помешать ему вступить в войну на территории Италии. В конце лета 211 г. обе стороны принесли свои клятвы. В конце 211 г. Марк Клавдий Марцелл возвратился в Рим и был избран консулом на следующий год. Другим консулом стал Марк Валерий Левин, а Гальба, консул прошлого года, отправился в качестве проконсула в Иллирию на смену Левину. Впервые с тех пор, как Ганнибал вторгся в Италию, римляне, уверившись наконец в том, что победа в итоге останется за ними, сочли возможным демобилизовать войска, прослужившие долее прочих. Число легионов в Кампании, что до сих пор являлась основным театром военных действий, сократилось в половину. Два сицилийских легиона (22-й и 23-й) также были распущены, зато сформировали два новых городских легиона; таким образом, число легионов, несущих службу в Италии и на близлежащих островах, дошло до 21. Теперь центр военных действий сместился в Апулию, каковая в качестве провинции отошла Марцеллу. Левину, второму консулу, поручили ликвидировать последние очаги сопротивления в Сицилии. К концу лета он завершил свою миссию, захватив Агригент и вынудив остальную часть Сицилии к капитуляции. Теперь обе армии приступили к отвоеванию Апулии. Города Эки и Арпы на севере отбили еще до того; теперь же Марцелл занял Салапию — город на побережье Адриатики в 17 километрах к северо-западу от Канн, — а потом вторгся в Самний и захватил две Ганнибаловы базы снабжения. Вторая армия, состоящая из двух легионов (7-го и 8-го) под командованием Гнея Фульвия Центумала, двинулась на Гердонию (совр. Ордона): этот город, подобно Салапии, дезертировал шестью годами раньше, после битвы при Каннах. Ганнибал, прослышав, что Центумал стоит под Гердонией, стремительно поднялся вверх от «носка сапога» — западной оконечности Апеннинского полуострова, — захватил римлян врасплох и истребил подчистую всю армию вместе с полководцем. Эти два легиона находились на воинской службе с 217 г. и последние шесть лет провели в Апулии. Уцелевшие присоединились к Марцеллу в Самний, но позже оказались в

опале и были отосланы к каннским легионам на Сицилию. Тем временем Марцелл вторгся в Луканию, вошел в соприкосновение с Ганнибалом и оттуда устремился вслед за противником, на протяжении всего пути вступая в мелкие стычки. Рассказы Ливия о крупных битвах между Марцеллом и Ганнибалом как в этом году, так и в следующем являются вымыслом. Ганнибал двинулся к Апулии; Марцелл последовал за ним. Здесь карфагеняне расположились на зимние квартиры, а Марцелл с войском всю зиму держался поблизости.

Крепость Таранто, расположенная у входа в гавань. Захваченная Фабием, цитадель оставалась в руках римлян на протяжении всей войны. Во времена римлян крепость стояла не на острове, но соединялась с городом в южной своей части.

Оба консула, избранные на 209 г., были уже далеко не молоды. Фабий Максим получил должность главного магистрата в пятый раз, а Флакк, только что отвоевавший Кампанию, до того избирался в консулы уже трижды. Для замены 7-го и 8-го легионов потребовалось сформировать два новых; следовательно, от римских и латинских колоний потребовали соответствующее количество рекрутов. На протяжении десяти лет колониям приходилось ежегодно поставлять как минимум по два легиона плюс рекрутов для восстановления численности легионов, уже существующих. Государственные ресурсы истощились, и 12 из 40 колоний отказались поставлять свою «квоту». Ценой невероятных усилий требуемые войска были сформированы, и два новых легиона, 40-й и 41-й, подлежащие

призыву в ходе войны, отправились на обучение в Рим. В тот же год решено было завершить отвоевание побережья Адриатики. Марцелл сохранил за собою свое войско, а Флакк возвратился к своей армии в Кампанию. Им предстояло вторгнуться в Луканию с двух сторон, чтобы отвлечь Ганнибала, в то время как Фабий возьмет в осаду Таранто. Марцелл, повторяя тактику прошлого года, неотступно следовал за противником по пятам, то и дело ввязываясь в мелкие стычки, а Флакк наступал по долине реки Танагр, захватив Вольцеи близ Буччино. В то время как Ганнибал воевал в Лукании, Фабий вторгся в восточную оконечность Апеннинского полуострова — так называемую «пятку сапога», — отбил у карфагенян город Мандурию и, таким образом, обезопасил свои пути подвоза от Бриндизи. Затем Фабий двинулся к Таранто и осадил его с суши и с моря, доставив осадные орудия под самые стены города на кораблях, следуя примеру Марцелла на осаде Сиракуз. Как Ганнибал некогда захватил Таранто хитростью, так и римлянам он достался в результате предательства. Римляне разграбили город, а тридцатитысячное население продали в рабство. Ганнибал выступил на помощь Таранто, но прибыл слишком поздно. Благодаря лишь собственному несокрушимо упорству римляне уже отвоевали половину утраченных территорий, а Ганнибал оказался заперт в Лукании и Бруттии. В следующем году попыток сформировать новые легионы не предпринималось. Марцелл был избран консулом в четвертый раз вместе с Титом Квинктием Криспином, в прошлом году служившим претором в Кампании. Марцелл возвратился к своей бывшей армии, состоявшей из 31-го и 32-го легионов, перезимовавших в Венузии. Криспин принял командование 27-м и 28-м легионами в Кампании, перевалил через Апеннины и занял позицию примерно в 4 километрах к юго-востоку от Марцелла. Утверждения Ливия о том, что, прежде чем присоединиться к Марцеллу, Криспин якобы осадил Локры — город в западной оконечности Апеннинского полуострова, — представляются маловероятными. Однако же, возможно, именно Локры и стали для римлян очередной целью. Пока двое консулов отвлекали Ганнибала в Лукании, римский флот получил приказ отплыть из Сицилии и осадить Локры. Мощному гарнизону из Таранто, оставленному там Фабием, было велено пройти по берегу и атаковать город с суши. Ганнибал выслал навстречу колонне римлян, что наступала по своему обыкновению, и не подумав выслать вперед разведчиков, трехтысячную конницу и две тысячи пехотинцев. Карфагеняне устроили засаду под холмом, на котором располагался город Петехия (совр. Строгали), убили 2000 римлян, захватили в плен еще 1500, а остальные обратились в бегство. Ганнибал находился на северо-востоке Лукании, и двое консулов неотступно следовали за ним по пятам. Повторяя стратегию

Марцелла двухлетней давности, они теснили Ганнибала, вставая лагерем как можно ближе к его позициям, чтобы ограничить передвижение его фуражиров. Однажды вечером карфагенянин разбил лагерь; вскорости подоспели и оба консула и заняли рубежи напротив. Между двумя лагерями высился поросший лесом холм. Из прошлого опыта Ганнибал знал, что римляне скорее всего попытаются укрепиться на холме, поскольку от него до лагеря карфагенян рукой подать. Ночью он выслал отряд своих нумидийцев устроить у холма засаду. На следующее утро оба консула выехали из лагеря произвести рекогносцировку местности. Демонстрируя поразительную беспечность, сопровождение они с собой взяли крайне немногочисленное: Полибий утверждает, что эскорт их состоял из 60 всадников и 30 велитов, не считая 24 ликторов. Консулы перевалили через холм, чтобы осмотреть тот его склон, что со стороны римских позиций не просматривался. Нумидийцы окольными путями поднялись на холм, чтобы обойти «разведотряд» сзади и отрезать его от римского лагеря. В последующей атаке Марцелл был убит, а Криспин тяжело ранен. Истекающий кровью консул сумел-таки пробиться сквозь строй врагов и вернуться в лагерь. Ночью он отошел в более гористые районы и послал приказ армии Марцелла отступить к Венузии. В последовавшей неразберихе Ганнибал попытался отбить Салапию, но потерпел неудачу. Тогда он двинулся на юг, на помощь Локрам, все еще осаждаемым римским флотом. Криспин известил сенат о положении дел, и Фабий младший был немедленно отправлен принять командование над легионами в Венузии и приглядеть за Таранто, на случай если Ганнибал попытается отбить город. Криспин вместе с армией отступил к своему прежнему опорному пункту в Кампании, где объявил Тита Манлия Торквата диктатором, так что стало возможным провести избрание новых консулов. Вскорости после того Криспин скончался от ран.

Последнее испытание

Осенью 211 г. Нерон прибыл в испанский город Тарракон (совр. Таррагона). Он принял командование над остатками римских войск и в течение всего последующего года оставался исключительно в обороне, не делая попыток перейти в наступление. Сенат постановил отослать в Испанию для ведения войны полководца, наделенного полномочиями проконсула, опасаясь, что Гасдрубал может ввести в Италию еще одну армию, в то время как римляне только-только начали одерживать верх. Устроили выборы, но ни один из бывших италийских консулов не стремился принять на себя бремя ответственности. Когда Публий, двадцатипятилетний сын Публия Корнелия Сципиона, выставил свою кандидатуру, его избрали единогласно. Мы, очевидно, не располагаем полной информацией об этих необычайных выборах, поскольку Сципион прежде не занимал никаких должностей и для подобной миссии был слишком молод. Однако сенат утвердил его назначение и передал ему для ведения войны два дополнительных легиона и тысячу всадников. Сципион, судя по всему, прибыл в Испанию осенью 210 г. и посвятил зиму обучению войск и укреплению их боевого духа. Получив известие о том, что три карфагенские армии пребывают на зимних квартирах, далеко отстоящих друг от друга, причем все они находятся более чем в десяти днях пути от столицы Новый Карфаген (совр. Картахена), Сципион решился на авантюру, достойную самого Ганнибала. В начале весны 209 г., покинув лагерь и никому не сказав, куда направляется, он совершил стремительный марш-бросок на юг и подошел к стенам Нового Карфагена прежде, чем карфагеняне осознали, что происходит. За один день он захватил город и коренным образом изменил ход войны в Испании в пользу римлян: на испанцев маневр Сципиона произвел впечатление не меньшее, чем на карфагенян. Этот блестящий ход поднял боевой дух легионов до недостижимых высот: теперь воины пошли бы за своим полководцем куда угодно. В течение лета Сципион предпринял дипломатическую атаку, надеясь склонить на свою сторону местные испанские племена. Когда на следующий год он двинулся на юг, позади него остались хорошо укрепленные тылы: теперь полководца поддерживали испанские союзники. Судя по всему, маршрут его пролегал вдоль берега до самой Валенсии, а там Сципион резко свернул в сторону, перевалил через горы Чинчилла и спустился в долину реки Гвадалквивир. Гасдрубал Барка занял позиции неподалеку от Бекулы (совр. Байлен), в ^километрах к западу от Линареса, близ испанских серебряных рудников.

Он планировал воссоединиться с братом и, прежде чем отбыть в Италию, заблаговременно прибирал к рукам богатства испанских недр. Карфагенская армия надежно укрепилась на холме над рекой Гвадель, притоком Гвадалквивира. Силы Сципиона существенно превосходили числом войско Гасдрубала, и когда римлянин попытался навязать неприятелю битву, зайдя ему во фланг со своими велитами, Гасдрубал оторвался от противника и отступил на север. Сципион мог бы претендовать на тактическую победу, однако коварный карфагенянин не только сумел ускользнуть почти без потерь, но и добился преимущества искусным маневром: ведь основная цель Сципиона заключалась в том, чтобы удерживать неприятеля в пределах Испании. Теперь Гасдрубал двинулся в центральную область Испании, а преследовать его Сципион не мог. Римскому полководцу открывались две возможности: первая — отойти к берегу и гнать Гасдрубала к Пиренеям, и вторая — забыть о Гасдрубале и попытаться уничтожить поддержку карфагенян в Испании. К добру или к худу, но Сципион предпочел последнее. Вести о том, что Гасдрубал ускользнул от Сципиона и двинулся на север, дошли до Рима, надо полагать, к осени 208 г. В намерениях противника сомневаться не приходилось. Более неудачного для римлян момента выбрать было невозможно. Старики Фабий с Флакком для энергичного ведения боевых действий уже не годились, а поскольку единственные удачливые боевые командиры, Марцелл и Гракх, погибли, требовалось срочно подыскать полководцев, способных справиться с ситуацией. Эту задачу возложили на Марка Клавдия Нерона и Марка Ливия Салинатора. Нерон прежде служил под началом Марцелла и принимал участие в осаде Капуи в должности претора. После смерти Сципионов он был отослан в Испанию и, возможно, провел там около года. Очевидно, избрали его именно по этой причине, поскольку Нерон был единственным из римских полководцев, кто уже имел дело с Гасдрубалом. Его коллега Салинатор, ставленник сената, служил консулом вместе с Павлом в 219 г. и участвовал в иллирийской кампании. По возвращении в Рим он был обвинен в незаконном присвоении военной добычи. Негодующий Салинатор удалился в провинцию и отказался впредь принимать участие в общественной жизни. В 210 г. консулы Марцелл и Левин настояли на его возвращении в Рим, но, согласно Ливию, Салинатор наотрез отказывался стричься и бриться и разгуливал по городу в лохмотьях. Возмущенные цензоры приказали ему привести себя в порядок, вернуться в сенат и снова приступить к исполнению своего гражданского долга. Этого-то человека сенат и избрал в коллеги Нерону. В довершение неприятностей эти двое ненавидели друг друга лютой ненавистью, но на словах оправдывались тем, что каждый, дескать, попытается превзойти другого, служа своей стране.

Тем не менее прежде, чем полководцы отправились в свои провинции, сенат попытался добиться примирения. Для предстоящей военной кампании в действующую армию были призваны 23 легиона. Каждый из консулов располагал двумя. Четыре находились в Испании под командованием Сципиона; два каннских легиона все еще отбывали ссылку на Сицилии; а 9-й и 24-й пребывали на Сардинии еще с 215 г. (строго говоря, 9-й легион оказался там в 217 г.). Непосредственно в Италии находилось 15 легионов: 27-й и 28-й — в Бруттии под командованием Флакка, 36-й и 37-й — под Таранто, а 29-й — в Капуе. Консулу Нерону предстояло отвести в Луканию два легиона: 31-й и 32-й. Это означало, что на юге Ганнибала сдерживали семь легионов. На севере два легиона находились в Этрурии (38-й и 39-й, под началом Варрона, контролировавшие пути через Этрурию, как десять лет назад — Фламиний); два — в долине реки По (34-й и 35-й) и еще два — под началом консула Салинатора (40-й и 41-й). У этих последних двух боевого опыта не было; их зачислили на военную службу только два года назад, и с тех пор они находились в Риме. Для защиты города сформировали два новых легиона, 42-й и 43-й. Ливии также утверждает, что вновь были призваны под знамена рабы-добровольцы, но это чистой воды вымысел. Осенью предыдущего года пришли известия из Марселя о том, что Гасдрубал-бал проводит набор рекрутов в южной Галлии и Лигурии. Однако римляне никак не рассчитывали, что неприятель пересечет Альпы столь стремительно. Ливии ясно дает понять, что Гасдрубал проследовал путем Ганнибала: очевидно, вверх по долине реки Дюранс и через перевал Монженевр. Дело происходило в начале года, возможно, даже в мае, следовательно, перевалы, ведущие с севера на юг, как, скажем, Мон-Сени или Клапье, полностью исключаются: зимой и весной они непроходимы. В это время года единственно возможные пути лежат через Монженевр и Ларш. Добравшись до долины По, Гасдрубал осадил Плаценцию, возможно, рассчитывая воодушевить местных кельтов, но захватить колонию так и не смог. Он отослал четырех кельтских всадников и двоих нумидийцев на юг с письмом к брату, договариваясь воссоединиться с ним в Умбрии. Тем временем Ганнибал покинул зимние квартиры в западной оконечности Италии и двинулся на север. Нерон устремился на юг, навстречу Ганнибалу. Две армии встретились у Грумента (совр. Грументо) в долине реки Агри. Нерон переместил свой лагерь на расстояние 1500 м от расположения войск Ганнибала, контролируя дорогу на север и препятствуя передвижению неприятельских фуражиров. И снова рассказы Ливия о крупных битвах изрядно преувеличены, однако мелкие стычки наверняка следовали одна за другой по мере того, как Ганнибал пытался прорваться сквозь строй врага. Ганнибал, очевидно, двигался по пути, где позднее была проложена дорога

Виа Гёркулиа, что вела на север через Анксию (совр. Анци) и Потенцию (совр. Потенца) к Апулии. Предводителю карфагенян удалось ускользнуть от Нерона, прибегнув к ночному переходу, так что он добрался до Венузии раньше своего противника. Оттуда карфагенянин двинулся на северо-восток к Канозе, городу неподалеку от Канн, и там остался дожидаться известий от брата. Шестеро всадников отправились на юг и въехали на территорию Лукании, но, узнав, что Ганнибал уже отправился на север, попытались его догнать. Возможно, из-за того, что по пятам за Ганнибалом шла армия Нерона, всадники спустились к берегу, где близ Таранто столкнулись с римским войском и были захвачены в плен. Их под усиленной охраной немедленно препроводили в лагерь Нерона. Нерон прочел письмо Гасдрубала и отослал его в сенат, советуя отозвать легион из Капуи и отправить его заодно с двумя новыми городскими легионами в Нарнию (совр. Нарни), город, расположенный на Фламиниевой дороге в 70 км к северу от Рима. Нерон же задумал дерзкую авантюру. Той же ночью, отобрав 6000 лучших пехотинцев и 1000 всадников и приказав им взять с собою только оружие, он выступил из лагеря. Войско двинулось вверх по долине Офанто к Лукании, причем Нерон сообщил своим людям, что цель их — ближайший город на территории Лукании, находящийся в руках карфагенян. Когда же полководец удалился на достаточное расстояние от Ганнибала, он открыл солдатам правду: они шли на север, чтобы воссоединиться со вторым консулом у города Сена Галлика (совр. Сенигаллия), примерно в 400 километрах от побережья Адриатики. Перед выступлением Нерон выслал гонцов на территорию Ларина (совр. Лари-но), а также в земли марруцинов, френтанов и претуттиев, через которые ему предстояло пройти, веля тамошним жителям сносить к дороге запасы провианта. Тот факт, что Лучера в этом списке не значится, доказывает, что Нерон рассчитывал пересечь Апеннины и не собирался спускаться к берегу до тех пор, пока не доберется до Ларина. А оттуда полководец мог пройти вниз по долине реки Сино. При таком маршруте расстояние между Канузией и Сеной составляет около 475 километров. На всем пути местные жители сносили к дороге запасы продовольствия, чтобы солдатам не пришлось задерживаться в ходе стремительного продвижения на север. Все понимали, что этот поход — переломное событие войны, и смелое предприятие было встречено с немалым энтузиазмом. По пути к колонне пристраивались ветераны былых сражений и юноши, мечтающие стяжать бессмертную славу. Всех годных к воинской службе Нерон принимал. А войско спешило все вперед и вперед. Вскоре холмы остались позади, и армия вышла к берегу. Римляне прошли под скалами Васто, на которых высился город Гистоний, и двинулись дальше по бесконечной дороге вдоль моря. Спустя

неделю после выступления армия уже приближалась к Сена Галлика, где стояли лагерем легионы Салинатора. Нерон выслал гонцов выяснить, хотят ли второй консул, чтобы он вступил в лагерь открыто или же тайно. В ответ Салинатор велел полководцу войти под покровом темноты. Было условлено, что каждый новоприбывший разместится в палатке воина соответствующего ранга, так что лагерь в размерах не увеличится. Там уже находилось четыре легиона, поскольку 34-й и 35-й отступили перед натиском Гасдрубала и воссоединились с консулом. Сам Гасдрубал стремительно наступал вдоль берега и стоял лагерем в каких-нибудь 500 м. Консулы решили использовать завоеванное преимущество и на следующее утро предложили битву. Гасдрубал сразу же догадался: что-то неладно. Богатый опыт подсказывал карфагенянину, что к противнику подошло подкрепление. Он выслал разведчиков проверить, не увеличился ли в размерах римский лагерь, но проверка ничего не дала. Однако с наступлением ночи разведчики вернулись с важным известием: в лагере претора сигнал к вечерней страже прозвучал один раз, а в лагере консулов — дважды. Тайное стало явным. Римляне, неисправимые формалисты, сами себя выдали. Под покровом ночи Гасдрубал, должно быть, решив, что с братом его случилось что-то неладное, снялся с лагеря и начал отступать. Во время перехода проводники дезертировали, и полководец не смог отыскать брода через Метавр. Должно быть, четвертая стража уже близилась к концу: Гасдрубал приказал своим людям идти вдоль южного берега реки до рассвета, когда станет возможно отыскать дорогу. С первым лучом солнца римляне ринулись вслед Гасдрубалу. Нерон во главе конницы спешил вперед и, должно быть, настиг карфагенян еще утром. Чуть позже подоспели легковооруженные войска под началом претора Лицина. Понимая, что невозможно двигаться вперед, непрерывно подвергаясь нападениям шеститысячной конницы и тринадцатитысячного легковооруженного войска, Гасдрубал попытался встать лагерем на холме над рекой. Когда же — возможно, около полудня — подошел Салинатор во главе тяжелых пехотинцев и двинулся в наступление, построив войско в боевой порядок, Гасдрубал осознал, что сражения ему не избежать. Рассказ о битве содержится в небольшом отрывке из Полибия, однако в том, что касается места битвы, приходится полагаться на топографию Ливия, описанную крайне неудовлетворительно. Скорее всего армии сошлись на южном берегу реки близ Монтемаджоре, но с уверенностью ничего утверждать невозможно. Полибий уверяет, что Гасдрубал выстроил своих кельтов и испанцев очень узким фронтом, поставив впереди 10 слонов. В таком боевом порядке он атаковал левый фланг римлян, вознамерившись победить или умереть. Правый фланг римлян, учитывая пересеченный характер местности, не имел возможности

вступить в соприкосновение с левым флангом карфагенян, но обошел Гасдрубала сзади и атаковал его с тыла. Слоны вышли из повиновения и сеяли хаос в своих же рядах, так что погонщики, специально для этой цели вооруженные долотом и деревянным молоточком, вынуждены были убить животных (долото вбивалось в основание черепа). В гуще битвы пал Гасдрубал, а вместе с ним погибла последняя надежда выиграть войну. Одержав победу, римляне штурмом взяли карфагенский лагерь. Полибий утверждает, что в битве погибли 10 000 карфагенян и 2000 римлян. Ливии умножает потери карфагенян едва ли не впятеро. Следующей же ночью Нерон выступил в Алулию. Он вернулся в лагерь на шестой день: обратный путь лежал по прямой. Ганнибал даже не успел осознать, что противник скрылся. Ликование Рима не знало границ. Этой победы ждали одиннадцать лет. Поначалу в город дошли только слухи, затем — сведения более определенные. Когда же наконец поступили известия о том, что легаты победоносной армии следуют по Фламиниевой дороге, все население города хлынуло им навстречу. Люди выстроились вдоль дороги почти на пять километров, до самого Милвианского моста, и толпой окружили входящих в город легатов. В Апулии Нерон запятнал себя деянием исключительной жестокости. Он привез с собою отрубленную голову Гасдрубала и швырнул ее к аванпостам лагеря Ганнибала. Павший духом Ганнибал отступил в Бруттий, где и оставался до конца войны.

Сципион торжествует

Теперь центр военных действий сместился за пределы Италии. В Испании Гасдрубал Гисгон осознал, что выиграть войну возможно только в том случае, если ему удастся разбить Сципиона и прислать Ганнибалу в Италию столь необходимое ему подкрепление. В начале лета полководец покинул зимние квартиры в Гадесе (совр. Кадис), двинулся на север, по пути производя набор рекрутов, и встал лагерем в Илипе, чуть севернее современной Севильи. Сципион прошел вниз по долине Гвадалквивира и разбил лагерь напротив. Римская армия состояла из 45 000 пехотинцев и 3000 всадников, из которых чуть меньше половины составляли италийцы. Войско Гасдрубала Гисгона, возможно, слегка превосходило противника по численности. Гисгон по заведенному обычаю предложил бой — уже ближе к вечеру, поставив в центр ливийцев, а испанских союзников — на флангах, впереди которых поместил слонов. В свою очередь Сципион вывел войска и построил их в боевой порядок, разместив легионы в центре, а испанцев — на флангах. Но к тому времени уже настолько стемнело, что рассчитывать на ответные действия Гисгона не приходилось. Сципион, участвовавший в битвах при Требии и Каннах, тщательно изучил военную тактику Ганнибала и готов был перенимать чужую науку. Трудность заключалась в том, как приспособить подобную тактику к римским легионам, которые не сражались фалангой. Этому приходилось учиться на опыте. Установив контакт с противником, Сципион приготовился к бою. Рано поутру — вне всякого сомнения, памятуя о Требии — он накормил своих людей завтраком, вывел войско из лагеря и построил в боевой порядок, обратный тому, что использовал накануне. На сей раз легионы оказались на флангах, а испанцы — в центре. Затем он выслал конницу и легковооруженные отряды на вражеский лагерь. Точно так же, как Семпроний Лонг 12 лет назад, Гасдрубал вынужден был действовать в спешке: он вывел армию из лагеря, не дав людям подкрепиться, и построил войско в традиционный боевой порядок. Сципион остался на месте, предоставив коннице и легковооруженной пехоте вступать в мелкие стычки. Полководец вознамерился заставить врага заплатить за свою опрометчивость: постоянно находясь под угрозой атаки, Гасдрубал перестроиться не мог. Дело близилось к полудню, и на карфагенянах начал ощутимо сказываться голод. Тогда Сципион отозвал свою легкую пехоту и конницу: пройдя сквозь промежутки между манипулами, они перестроились за легионами так, что теперь велиты находились впереди, а конница — сзади. Сначала он

двинулся прямо на позиции Гасдрубала, но, оказавшись примерно в 700 м от неприятеля, приказал пехоте и коннице на обоих флангах перестроиться колоннами и двинуться соответственно налево и направо от основного строя, а затем развернуться на манер спартанцев, чтобы охватить противника с флангов. До сих пор версия Полибия возражений не вызывает, но, невзирая на заверения некоторых комментаторов, я никак не могу понять, какую цель преследовал последующий маневр пехоты: тех же самых результатов можно было достичь куда проще, наступая в боевом порядке. Более того, поскольку это маневр, типичный для греческого учебного плаца, с какой стати Полибий отрывается от основной нити повествования, чтобы о нем поведать? Согласно Полибию две колонны стремительно двинулись на карфагенский строй, в то время как испанцы наступали неспешно. Едва оконечности боевого порядка соприкоснулись с противником, пехота развернулась внутрь строя, а велиты и конница — в противоположную сторону, чтобы охватить противника с флангов. Что до тяжелой пехоты, ей бы пришлось повернуть колонну внутрь строя, а затем развернуться в линию под углом 45 градусов, потому что если бы колонна сразу встала развернутым строем, триарии оказались бы впереди, а гастаты — сзади. С другой стороны, если бы конница и велиты колонной зашли флангом, они бы в результате перестроились в правильный боевой порядок; при развороте через 45 градусов порядок был бы обратный: командиры оказались бы слева, а не справа, а велиты — позади них. Именно это и произошло; по словам Полибия, Сципиона не слишком-то встревожило, что боевой порядок изменился на противоположный. Но, что бы уж там ни крылось за подобным маневром, римляне смяли фланги противника и отбросили карфагенян назад к лагерю. Это сражение ставит перед нами немало неразрешимых проблем. Где, например, находилась карфагенская конница, в то время как на флангах осуществлялся этот необычайный маневр? Здесь, как и в случае всех прочих битв при участии Сципиона, описанных Полибием, изрядное количество вопросов остается без ответа: неизбежный результат упрямого стремления историка совместить предания Сципионов и факты.

Карта, иллюстрирующая вторжение Сципиона в Африку. Римский флот, уже не опасаясь карфагенских кораблей, отплыл из Лилибея (Марсала) и высадился у мыса Фарина, примерно в 40 километрах от Карфагена.

Теперь оставалось только провести операции по окончательному уничтожению противника, поскольку действующей армии у карфагенян уже не осталось. К концу 206 г. Сципион был готов возвратиться в Италию и потребовать для себя должность консула. За время своего пребывания в Испании ему довелось вступить в сношения с нумидийским царем Сифаксом и царевичем Масиниссой. И снова Сципиону захотелось посостязаться с Ганнибалом. Полководец замыслил ни много ни мало отправиться на кораблях в Африку и, опираясь на нумидийцев, поднять восстание против Карфагена. В Италии Ганнибал пробыл среди бруттиев до конца года. Он так и не начал военных действий, а римляне, в свою очередь, старались его не провоцировать. Жители Лукании, осознав, что карфагеняне больше не придут к ним на помощь, сдались. Таким образом, в руках карфагенян остался лишь «носок сапога» — западная оконечность Апеннинского полуострова. Осенью Сципион возвратился в Рим. Народ едва ли не носил его на руках, и едва Сципион дал понять, что претендует на должность консула и Африку в качестве своей провинции в придачу, желание его тут же было удовлетворено. Однако многие члены сената воспротивились его честолюбивым планам. Оппозицию возглавили стареющие Фабий Максим и Флакк. Слишком много лет они вели оборонительную войну, и теперь одна лишь мысль о гибели второго Регула в

песках Африки повергала их в ужас. Остановить Сципиона, не посчитавшись с народным требованием, они не могли, зато могли не дать требуемых войск. Полагая, что расстроят тем самым замыслы полководца, сенаторы в качестве провинции передали ему Сицилию вместе с находящимися там военными силами: двумя опальными каннскими легионами и 30 боевыми кораблями. Было также язвительно добавлено, что, буде Сципион сочтет нужным, вторжение в Африку ему никоим образом не возбраняется. Однако сенаторы согласились-таки на уступку: Сципиону позволялось набирать добровольцев и принимать помощь союзников. И беспрецедентный отклик не заставил себя ждать. Этрурия и Умбрия пообещали построить флот и набрать команду. Немедленно заложили 40 боевых кораблей, а спустя 45 дней суда спустили на воду и Сципион отплыл на Сицилию с 7000 добровольцев. Каннские легионы представляли собою идеальный костяк для Сципионовой армии. С этими людьми он сражался при Каннах и отлично понимал их положение. На протяжении многих лет воины умоляли сенат позволить им принять более активное участие в войне, и теперь, получив наконец возможность восстановить свое доброе имя, с энтузиазмом откликнулись на предложение. Остаток года Сципион посвятил подготовке к походу. Тем временем младший брат Ганнибала, Магон, отплыл с Балеарских островов во главе четырнадцатитысячной армии. Он захватил Геную и попытался открыть второй фронт. Римляне, с четырьмя легионами в долине По и двумя в Этрурии, пока довольствовались тем, что удерживали помянутые рубежи. Хотя Магон получил подкрепление из Карфагена, от кельтов, до сих пор ощущавших на себе последствия сокрушительного разгрома при Метавре, помощи он так и не дождался. В том же году завершилась война с Македонией, начатая Римом лишь для того, чтобы связать руки Филиппу. Не страшась более вторжения македонцев, римляне бросили союзников на произвол судьбы и заключили с Филиппом односторонний мирный договор. Весной 204 г. Сципион отплыл из Лилибея. На протяжении всей войны римский флот совершал набеги на африканский берег, чтобы отвлечь карфагенян и помешать им прислать подкрепление Ганнибалу. В ходе одного из таких набегов в 208 г. Левин столкнулся с карфагенским флотом — и уничтожил его. Военно-морские силы Карфагена и без того проявили себя в войне не лучшим образом и от этого удара уже не оправались. Когда Сципион отплыл в Африку с сопровождением, состоящим лишь из 40 квинквирем, он вовсе не подвергал себя неоправданному риску. Армия высадилась на мысе Фарина, примерно в 35 километрах от Карфагена. Надежды Сципиона на то, что Сифакс присоединится к нему, не оправдались. Гасдрубал Гисгон сумел заключить союз с нумидийским царем и скрепил его рукою своей красавицы-дочери

Софонисбы, карфагенской Саломеи. Однако на помощь римлянам подоспел Масинисса с отрядом из 200 всадников. Поначалу Сципиону сопутствовал успех: ему удалось заманить Ганнона в засаду и уничтожить 2000 его воинов, однако до решающей победы было по-прежнему далеко. Лето уже близилось к концу, когда Сципион осадил Утику с суши и с моря, рассчитывая закрепиться там на зиму. Полководец встал лагерем на мысу, который выдавался в море чуть южнее города и получил название Кастра Корнелиа. И здесь тоже надежды его не оправдались: Сципиону пришлось отступить, когда Гасдрубал Гисгон и Сифакс с двумя армиями подоспели с юга и встали лагерем примерно в 10 километрах от римлян. Сципион был вынужден покинуть осаду и удалиться на зимние квартиры, так и не заручившись опорным пунктом. Зимой Сципион, поджидая возможности нанести удар, сделал вид, что готов на переговоры. Весной он предпринял внезапную ночную атаку на два карфагенских лагеря, поджег их и в последовавшей суматохе почти подчистую истребил обе армии. Гисгону и Сифаксу с небольшим отрядом удалось спастись, и спустя месяц карфагеняне уже собирали новую армию на Великих равнинах, примерно в 120 километрах к западу. Это открытый участок земли в форме ромба примерно 30 километров в длину и 15 километров в ширину, запертый в кольце гор в верховьях реки Меджерда. Узнав о сосредоточении карфагенских сил, Сципион оставил часть войска на осаде Утики, а остальную армию повел вверх по долине Меджерды. Выйдя на Великие равнины, Сципион построил войско примерно в 1400 м от позиций карфагенян. В течение двух дней армии сражались мелкими отрядами, прежде чем перестроиться в боевой порядок. Сципион использовал традиционное построение: гастаты — впереди, триарии — в арьергарде, италийская конница — на правом фланге, нумидийцы — на левом. Противник его поместил в центр кельтиберов, на левый фланг — нумидийцев, на правый — карфагенян. Италийская конница и их нумидийские союзники ринулись в атаку и смяли карфагенские фланги. Едва путь-оказался свободен, Сципион развернул на флангах принципов и триариев, окружил кельтиберов и полностью уничтожил их в истинно Ганнибаловой манере. Так римлянин одержал первую значительную тактическую победу. Три раза он пытался повторить Ганнибалов маневр охвата противника с флангов — при Бекуле, Илипе и вот теперь — на Великих равнинах. И наконец-то нашел ответ: нужно использовать не фланги, а разворачивать принципов и триариев. После битвы Сципион решил в очередной раз поделить армию надвое. Одна часть войска осталась довершить разгром Сифакса, в то время как Сципион, отослав военную добычу в Кастра Корнелиа, двинулся на Карфаген и захватил Тунис. Таким

образом, он успешно перерезал линии сообщения Карфагена с глубинными районами материка. Тот же самый ход был предпринят Агафоклом, тираном сиракузским, столетие назад, а также и Регулом. Для того, кто владел Тунисом, задушить Карфаген не составляло труда, тем более что Рим контролировал море. В данный момент, скоординировав усилия, римляне вполне могли бы завершить войну. В Карфагене решено было призвать Ганнибала, и к полководцу отправили посольство. Зимой 203—202 гг. карфагеняне провели за мирными переговорами, отчасти искренне надеясь добиться результатов, отчасти пытаясь выиграть время в ожидании возвращения Ганнибала. Карфагенский полководец скорее всего покинул Италию в начале весны 202 г., надеясь, что, пустившись в путь так рано, избежит столкновения с римским флотом. Ганнибалу исполнилось 45; в Италии он провел более 15 лет. Полибий намекает на то, что Ганнибал привез с собою из Италии изрядное число ветеранов бывших сражений, но это очень маловероятно. К тому времени армия его, надо думать, сократилась приблизительно до 20 000 человек. С 207 г. он не покидал пределов Брутия, будучи блокирован с суши и с моря. Скорее всего в Африку Ганнибал вернулся с жалкими остатками своих африканских воинств, численность которых приблизительно равнялась 4000. В битве при Заме его ветераны, поставленные в тыл, взяли копья наперевес, пытаясь остановить отступающие передовые линии карфагенян, готовые на них обрушиться; отсюда можно заключить, что это и впрямь были Ганнибаловы африканские копейщики. Последующие события показали, что и от его нумидийской конницы практически ничего не осталось. Рассказ Диодора о том, что Ганнибал якобы вырезал наемников, отказавшихся плыть с ним в Африку, со всей очевидностью не соответствует истине, поскольку воины эти верно служили ему более 15 лет, и прочие войска никогда не позволили бы перебить своих товарищей по оружию. Однако же в истории этой, возможно, содержится доля правды: не исключено, что римляне предложили условия сдачи остаткам Ганнибаловой армии, а затем перебили всех до единого. Во всяком случае, о том, что с ними случилось, Ливии нам не сообщает. Войска, служившие в Лигурии под началом Магона, Ганнибалова младшего брата, тоже вернулись в Африку. Магон, раненный перед самым отплытием, умер в пути. Ганнибал высадился в Малом Лепитсе, близ современного города Суз, в 120 километрах к югу от Карфагена, где к нему присоединилось войско из 2000 ну-мидийских всадников. Оттуда полководец направился сперва к Гадруту, а затем — в глубь материка и встал лагерем близ местечка под названием Зама, находящегося в пятидневном переходе (100—150 км) к западу от Карфагена. Ганнибал, возможно, переместился западнее, рассчитывая пополнить ряды

нумидийских всадников. Сципион тоже передислоцировался к западу, навстречу Масиниссе: тот унаследовал царство Сифакса и теперь мог предоставить союзникам 6000 пехотинцев и 4000 всадников. Согласно Полибию, благополучно встретившись с Масиниссой, Сципион двинулся к городу под названием Маргарон, идентифицировать который не представляется возможным. Ливии называет это место «Нарагара» (совр. Сиди-Юсуф на границе с Алжиром). Возможно, у Полибия название приводится в искаженном виде, однако куда более вероятно, что Ливии подменил неизвестный ему топоним на другой, знакомый. Ганнибал приблизился к лагерю Сципиона на расстояние 6 километров, и после встречи между полководцами, которая ни к чему не привела, состоялась битва. Точное место сражения неизвестно. Кромайер и Скаллард высказываются в пользу участка в 12 километрах на юго-запад от Эль-Кефа, что вполне соотносится с топографией сражения. Рано поутру, после встречи полководцев, обе армии выстроились на равнине между лагерями. Согласно Полибию, к рассказам которого о битвах Сципиона нужно подходить с большой осторожностью, Ганнибал построил армию в три линии. Первую линию составили 12 000 лигурийцев, кельтов, жителей Балеарских островов и пехота из мавров-наемников. Здесь скорее всего были представлены главным образом те войска, что вез с собою скончавшийся по пути Магон. Касательно боевого порядка Полибий в подробности не вдаётся, а наличие балеарских пращников в рядах тяжелой пехоты представляется маловероятным. Впереди первой линии разместили более 80 слонов. Вторую линию составили ливо-финикийцы и коренные карфагеняне; вне всякого сомнения, они построились фалангой. В тылу, более чем в 200 м позади, построилась третья линия, составленная из Ганнибаловых ветеранов. Именно эта третья линия представляет собою неразрешимую проблему: невозможно установить доподлинно, были ли это остатки Ганнибаловых африканских воинств (ок. 4000 чел.). Карфагенская конница разместилась на правом фланге, 2000 нумидийцев — на левом. Римляне построились традиционным боевым порядком в три линии, если не считать того, что вместо шахматного порядка — так, чтобы вторая линия (принципы) закрывала бреши во фронте, — манипулы встали один за другим, оставив интервалы в строю легионов. Эти промежутки заполнили велиты всех трех линий. Лелий во главе италийской конницы разместился напротив конницы Карфагена. Масинисса оказался лицом к лицу с ну индийцами, которых превосходил числом приблизительно вдвое. Римская армия в целом насчитывала, видимо, около 30 000 пехотинцев и 6000 всадников. Некоторое время нумидийская конница сражалась небольшими отрядами, после чего, по команде Ганнибала, в атаку ринулись слоны.

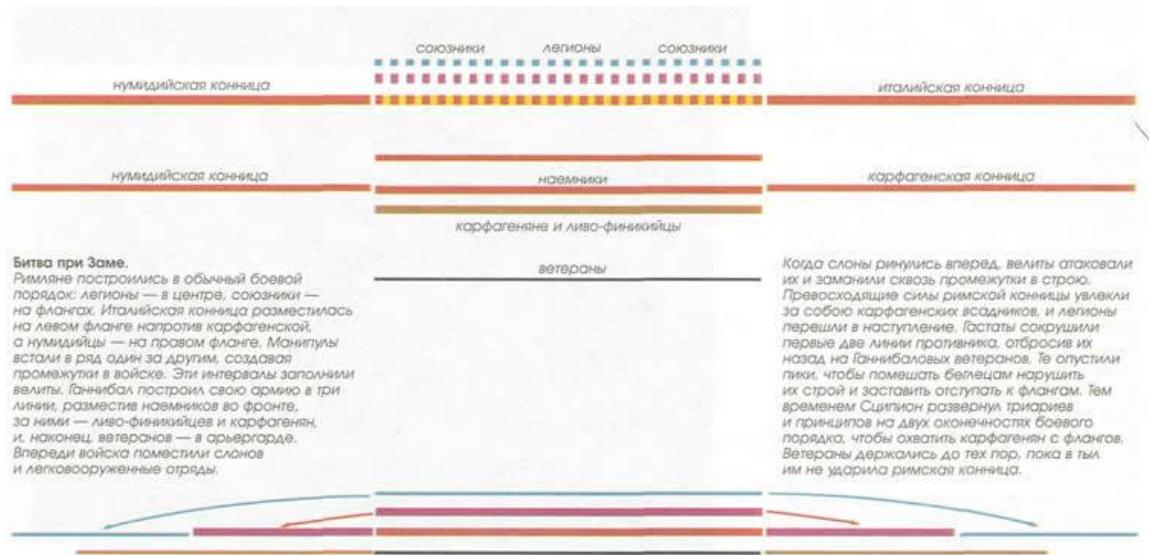
Именно этого и ждал Сципион, прежде чем предпринимать что-то самому; теперь полководец приказал велитам выступить им навстречу. Оглушительный рев труб и рогов, возвестивший атаку велитов, перепугал нескольких слонов; животные повернули назад и смяли ряды нумидийцев, следующих за ними. Масинисса, воспользовавшись суматохой, ринулся в бой; карфагенская легкая конница обратилась в бегство, оставляя левый фланг незащищенным. Остальные слоны бросились на велитов, а те отступили сквозь промежутки между легионами, увлекая за собою животных. Прочие устремились к флангам; конница встретила их шквалом метательных копий, и слоны в ужасе бежали с поля боя. Воспользовавшись смятием врага, италийская конница ринулась на карфагенскую, и снова ряды противника дрогнули и обратились в бегство. Возможно, это входило в планы Ганнибала: конница Сципиона обладала существенным численным превосходством, но теперь покинула поле боя, бросившись в погоню за его всадниками. Тем временем линии пехоты двинулись друг на друга, за исключением Ганнибалова арьергарда, оставшегося на месте. Приблизившись на достаточное расстояние, гастаты римского фронта огласили воздух боевыми кличами, ударили пилумами в щиты и ринулись в атаку. Задние ряды наступали следом, криками ободряя гастатов. Первая линия карфагенян некоторое время держалась, но затем дрогнула и отступила ко второй линии, но и там не обрела поддержки. Поскольку вторая линия наверняка представляла собою фалангу, картина вырисовывается несколько путаная. Вторая линия ринулась на гастатов, но центурионы принципов, видя, что их товарищи начинают понемногу сдавать позиции, всей тяжестью обрушились на врага, и вторая линия карфагенян, в свою очередь, дрогнула и откатилась к ветеранам, а тем пришлось взять копья наперевес, чтобы помешать своим же сподвижникам смять свой строй и вынудить отступающих переместиться к флангам. Сципион отозвал гастатов, устремившихся было в погоню за бегущими, и перестроил войско для решающей атаки. Он приказал унести с поля боя своих раненых, а затем, развернув принципов и триариев на обоих флангах и шагая по телам, загромождающим поле боя, двинулся на Ганнибаловых ветеранов. Из рассказа Полибия следует, что численностью они якобы не уступали гастатам: последняя линия насчитывала около 5000 человек. Возможно, это и соответствует действительности, однако скорее всего истинная цифра куда меньше. Фаланге удалось удерживать легионы на расстоянии до тех пор, пока не возвратился Лелий с римской конницей и не склонил весы в пользу римлян. Видя, что все потеряно, Ганнибал с несколькими всадниками бежал в Гадрумет. Список потерь Карфагена — 20 000 убитыми и столько же захваченными в плен — у Полибия изрядно преувеличен: автор всеми

силами стремится выставить Сципиона в наиболее выигрышном свете. В высшей степени маловероятно, что число сражавшихся приближалось к этой цифре. Если согласиться с тем, что первая линия насчитывала 12 000 человек, а вторая ей не уступала, общая численность карфагенской пехоты составляет менее 30 000, а всадников, безусловно, было никак не больше 4000. Римляне, согласно Полибию, потеряли более 1500 человек. Стратегию Ганнибала автор никак не объясняет. 1е-ниальный ум, обеспечивший победу при Каннах, в рассказе Полибия ничем себя не проявляет. Неужто битва протекала настолько просто и Ганнибал себя исчерпал?

Старые счета сведены

Римляне одержали великую победу, и карфагеняне запросили мира. Рим восторженно встретил вернувшегося Сципиона: полководца-победителя наградили триумфом. Но для его армии война еще не закончилась. Легионеры, сражавшиеся при Каннах, вот уже более 14 лет не были дома, но их направили напрямиком в Грецию. Не успела завершиться война с Ганнибалом, как сенат уже начал вмешиваться в политику Греции, высылая ультиматумы Филиппу, что привело к объявлению войны. Новых сражений народу не хотелось, но летом 200 г. римляне позволили-таки себя убедить. Осенью того же года два легиона ветеранов, составленных главным образом из «добровольцев» африканской армии, высадились на иллирийском берегу. Потерпев несколько неудач, весной 197 г. римская армия под началом Тита Квинкция Фламиния вторглась в Фессалию. Филипп выступил навстречу противнику, к городу Феры, в 18 километрах к западу от Волоса. Местность оказалась не подходящей для битвы, и оба воинства отступили на запад: Фламиний — к югу, а Филипп — к северу от Халкодонских холмов. Двигаясь параллельно друг другу на протяжении двух дней, Фламиний встал лагерем скорее всего близ Фарсала, а Филипп — под Скотуссой. Ночью прошел сильный дождь, и когда Филипп снова выступил в путь, он обнаружил, что продвижение сделалось затруднительным: холмы окутал густой туман. Он снова разбил лагерь и выслал войска прикрытия занять вершины холмов, отделяющих его от Фламиниевой армии. Фламиний тем временем стоял лагерем по другую сторону хребта, но о присутствии друг друга противники и не подозревали. Наутро римляне выслали на разведку 300 всадников и около 1000 велитов. Поднявшись на перевал, они столкнулись с македонскими войсками прикрытия, и на вершине холма разгорелся бой. Когда римлян стали понемногу теснить вниз по склону холма, Фламиний отправил им на помощь 500 всадников и 2000 пехотинцев. Это полностью изменило ситуацию: теперь высылать подкрепления пришлось Филиппу. Они в свою очередь вытеснили римлян с вершины холма. Туман тем временем понемногу рассеивался, и обе стороны решили ввести в битву остальные свои войска. Римляне находились ближе к перевалу и сумели развернуть свои силы, пока Филипп подводил свои. Только правая оконечность его боевого порядка успела подняться на перевал, а поскольку вел он войско боевой колонной, ему нужно было лишь зайти флангом налево и развернуть строй. Когда же наверх двинулся левый фланг, Филипп сдвоил фалангу и пельтастов (скорее всего вооружены они

были копьями, а не дротиками) направо, чтобы вдвое сократить строй и освободить место для левого фланга. Конница и легковооруженные силы, уже вступившие в бой, были отозваны и построились на правом фланге.

Имеющихся в его распоряжении слонов Фламиний поставил перед правым флангом, велел своим войскам не сдавать позиций и двинул в наступление левый фланг. Филипп, понимая, что застигнут врасплох, приказал своей фаланге взять копья наперевес и атаковать врага. Здесь Ливии допускает один из своих типичных промахов. Неправильно поняв Полибия, он пишет, что Филипп якобы приказал своей фаланге положить копья и атаковать врага. Затем, осознав, что звучит это в высшей степени странно, он считает своим долгом объяснить причину: копья, дескать, были слишком длинными, чтобы пустить их в ход. Атакующая фаланга отбросила легионеров вниз по склону. Фламиний, понимая, что гибель левого фланга неизбежна, сам встал во главе правого крыла и ринулся на левый фланг македонцев, что все еще разворачивались в боевой порядок. Строй македонцев, застигнутый врасплох, не устоял перед натиском слонов. К тому времени левый фланг римлян был отеснен ниже по склону холма, зато правый уже поднялся на вершину. Один из трибунов, перехватив инициативу, взял с собой 20 манипулов из числа триариев, развернулся кругом, ринулся вниз по покатому склону холма и ударил в тыл правого фланга македонцев. Это решило исход битвы; фалангу, неспособную развернуться, уничтожили на месте. Закрепляя победу, римляне рубили македонцев направо и налево, хотя те поднимали копья в знак того, что сдаются. Многие так и не успели взобраться на перевал, но тоже были безжалостно убиты легионерами. Филиппу с несколькими всадниками удалось спастись, однако звезда Македонии закатилась. Полибий утверждает, что около 8000 македонцев пали на поле боя и по меньшей мере 5000 были захвачены в плен. Поскольку в этой битве ни Сципион, ни Павл не участвовали, цифры скорее всего соответствуют истине. Потери римлян составили около 700 человек.

Римляне отнюдь не стремились оккупировать Македонию, и к 194 г. все римские войска были оттуда выведены. Но не прошло и двух лет, как Антиох Сирийский, пытаясь воспользоваться ситуацией, вторгся в Грецию, и римлянам пришлось возвратиться. Легионы изгнали сирийского царя из Греции, а затем переправились в Малую Азию и разбили его наголову при Магнесии под Сипилом в 190 г. В долине реки По римляне провели последнюю кампанию. Когда сдался Карфаген, военачальник Ганнибала Гамилькар находился все еще в северной Италии; мирный договор 202 г. он признавать отказался. В 200 г. он организовал восстание галлов, совпавшее с началом войны с Македонией, и разграбил Плаценцию, которой за последние 18 лет столько пришлось вынести. Рим вел оборонительную войну до тех пор, пока не уладил дела в Греции, а затем всерьез занялся «реконкистой». В 194 г. капитулировали инсубры, а в 191 г. их примеру последовали бойи. Будучи изгнаны из Италии, они обосновались в Богемии. Центральные области долины По по большей части передали римским поселенцам. В течение последующих десятилетий были побеждены лигурийцы, так что в середине века владения Рима граничили с территориями Марсея. Тем временем Ганнибал пытался заняться внутренней политикой в Карфагене, но его социальные реформы создали ему множество врагов. В 195 г. политические противники Ганнибала, тайно сговорившись с римлянами, выставили его восвояси. Сперва Ганнибал укрылся у Антиоха и даже командовал сирийским флотом в битве при Магнесии. После того он бежал на Крит, а потом — в Вифинию, однако римляне преследовали его по пятам, и 20 лет спустя после битвы при Заме полководец покончил жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки врагов. В Македонии Филипп V умер в 179 г., и ему наследовал его сын Персей, каковой попытался разорвать союз с Римом. Эмилий Павл, сын полководца, принимавшего участие в битве при Каннах, нанес ему поражение в 168 г., что окончательно подорвало силы Македонии. Македония предпринял атаки еще одну, последнюю попытку, но после окончательного разгрома в 148 г. полностью утратила свою независимость и превратилась в одну из провинций Рима. Более полувека Карфаген не воевал с Римом, однако в 149 г. по наущению Масиниссы и римского цензора Катона, непримиримого врага Карфагена, Рим безо всякой видимой причины объявил войну финикийскому городу. После трехлетней осады Сципион Эмилиан, внук Павла Каннского, разрушил город до основания. Место, где располагался город, распахали, а население его продали в рабство. Хотя Сципион и выдворил карфагенян из Испании, понадобилось еще два века, чтобы на полуострове окончательно воцарился мир. Во II в. в Испании прошло три войны, причем последняя, нумантийская, датируется

143—133 гг. до н.э. После долгой осады Сципион Эмилиан захватил город Нуманцию в 133 г., и на этом организованное сопротивление в Испании завершилось и кельтиберы сложили оружие. Однако северо-западные области Испании удалось окончательно усмирить только во времена Августа.

Римская Империя. Рим со 140 г. до н.э. по 200 г. н.э.

Введение

Во второй половине II в. до н.э. Рим присоединил новые территории. Существенно упрочилось его положение в Испании, Северной Африке и Греции, а завоевание южной Галлии позволило обезопасить сухопутную дорогу в Испанию. В результате ряда военных реформ возникла армия нового типа, состоявшая из солдат длительного срока службы, преданных не государству, а своим военачальникам. Так началась эпоха обширных завоеваний, прерываемых гражданскими войнами, во время которых военачальники враждовали друг с другом. Из этого хаоса родилась Римская империя, во главе которой зачастую вставал император, на самом деле бывший всего лишь опытным командиром. Он основывал династию, которая существовала до тех пор, пока новому честолюбивому военачальнику не удавалось захватить трон и создать собственную династию. Период со 140 г. до н.э. по 100 г. н.э. изобилует источниками. До нас дошли даже повествования самого Юлия Цезаря о его походах. К сожалению, после смерти Цезаря приходится полагаться лишь на ту информацию, что предоставляют нам Тацит, Иосиф (иудей, отрекшийся от своего народа во время Иудейского восстания 66—70 гг. н.э.), и Вегеций, написавший ближе к концу IV в. н.э. «Краткое изложение военного дела». Следует упомянуть также «Псевдо-Гигина», автора руководства по разбивке военного лагеря, созданного примерно во II в. н.э. Тацит написал труд по истории I в. н.э., а также сочинение о Германии того же периода. Это весьма надежные источники. Он был зятем Агриколы, который в течение семи лет управлял Британией и довершил завоевание этой страны. Но хотя Тацит и составил жизнеописание своего тестя, он плохо разбирается в военном деле и зачастую ударяется в пространные рассуждения общего характера. Иосиф, оставивший описание восстания в Иудее, не особенно надежен. Он нередко преувеличивает, в особенности когда доходит до описания собственных подвигов, совершенных в войне против римлян, прежде чем он переметнулся на их сторону. Однако временами Иосиф сообщает весьма ценные сведения относительно римских приемов ведения войны и организации армии, которые на него как на иностранца произвели особенно сильное впечатление. В римских источниках подобные детали отсутствуют: латинские писатели не считали нужным писать о том, что и так было известно их современникам. Вегеций же чересчур всеяден. Это сближает его с позднеэллинистическими авторами, писавшими о военном искусстве (вплоть до Арриана). Вегеций сообщает массу разрозненных фактов,

надерганных из всех периодов римской истории. Так что к нему стоит обращаться только за подробностями. Псевдо-Гигин дает самое подробное описание фортификации и устройства лагеря со времен Полибия. Он описывает реальное или вымышленное войско, включающее практически все подразделения, существовавшие в римской армии, и сообщает массу сведений об их организации, которые зачастую бывает трудно интерпретировать. О периоде с 100 по 200 год н.э. подробных исторических сочинений не сохранилось, так что, даже изучая походы Траяна, приходится опираться исключительно на триумфальную колонну, возведенную им в Риме. Монументальный спиральный рельеф, обвивающий колонну, повествует о походах императора на даков. Из него можно почерпнуть массу подробностей о том, как выглядело войско во время кампании. Свидетельства историков могут подтвердить многочисленные археологические находки. От эпохи Цезаря до нас дошло немного, но зато начиная со времен Августа, когда вдоль Рейна и Дуная было выстроено множество постоянных лагерей, археологические свидетельства имеются в изобилии. Эти сведения, благодаря которым можно так много узнать об устройстве лагерей и вооружении, подкрепляются значительным числом надписей, количество которых увеличивалось с каждым веком. Все это вкупе со множеством военных документов на папирусе, обнаруженных на Ближнем Востоке, позволило ученым воссоздать весьма точную картину организации армии в эпоху империи. Разделы об организации армии времен Римской империи написаны двумя ведущими специалистами в этой области, доктором Брайаном Добсоном и доктором Роджером Томлином.

Завоевание мира

К 146 году до н.э. Рим фактически безраздельно завладел всем средиземноморским бассейном. Большая часть Греции, Испании и Северной Африки находилась в его прямом подчинении. Это не было результатом какого-то единого плана. Рим был обязан захватом этих территорий невероятным успехам своей армии в войнах, которые завязал не он (по крайней мере, с точки зрения римлян). С разрушением Карфагена (146 г. до н.э.) территория Нумидии, которой правили гордые потомки Масиниссы, увеличилась. Однако спустя некоторое время нумидийцы вступили в конфликт с Римом. В 111 г. разразилась война, и прошло несколько лет, прежде чем она завершилась победой. Для нас эта война представляет интерес постольку, поскольку в ней на сцену выступил новый тип римского военачальника и новый тип армии. Военачальником был Гай Марий, выходец из сельской глубинки, достигший своего положения благодаря собственным заслугам. Марий был выдающимся полководцем и на совесть служил своей стране. Он разгромил германские племена тевтонов и кимвров, которые вторглись в южную Европу во втором веке до н.э. В 92 г. до н.э. италийцы, которые давно уже боролись за то, чтобы им были предоставлены равные права с римлянами, взяли за оружие, и началась война за гражданские права. Марию было уже сильно за шестьдесят, но тем не менее он предложил республике свои услуги и сыграл немалую роль в подавлении мятежа. Несмотря на то что италийцы потерпели поражение, после войны права римских граждан были предоставлены всем италийцам, живущим к югу от По. Марий был инициатором далеко идущих военных реформ, которые заложили основу профессиональной регулярной армии времен раннего принципата. Однако воинская репутация Мария запятнана конфликтом с аристократом Суллой, приведшим к первой гражданской войне в Риме. Марий умер прежде, чем окончилась война, и Сулла одержал победу. В 80 г. до н.э. Сулла удалился в Кампанию. Начало было положено. Рим сделался добычей своих полководцев. Лукулл и Помпей, молодой полководец, служивший под началом Суллы, начали завоевательные кампании на востоке. Лукулл в 71 г. до н.э. разгромил Митридата, царя Понта (северо-восточная Турция), и в следующем году вторгся в Армению. В 66 г. Помпей сменил Лукулла и завершил начатое Лукуллом на востоке, подчинив Риму Сирию и Иудею. По возвращении в Италию Помпей был вознагражден триумфом, но когда дошло до обсуждения его дальнейших планов, полководец столкнулся с серьезным сопротивлением в сенате. В

результате Помпеи создал союз, известный как первый триумвират. В него входили молодой, но уже влиятельный политик Гай Юлий Цезарь и богатый магнат Кресе. Этот союз в 59 г. обеспечил консульство Цезарю. В последней четверти II века южная Галлия окончательно превратилась в римскую провинцию. Это до известной степени обеспечило безопасность северо-западной Италии и позволило Риму проложить сухопутную дорогу в Испанию. Однако кельты по-прежнему представляли собой постоянную угрозу. К тому времени, как Цезарь стал консулом, в центральной Галлии снова начались волнения и провинции грозила опасность. Цезарю удалось добиться, чтобы его после окончания срока консульства назначили проконсулом (т.е. наместником; бывших консулов обычно назначали наместниками какой-либо стратегически важной провинции) галльской провинции, и в начале 58 г. он начал свою карьеру великого завоевателя. За три похода ему удалось покорить всю Галлию, а в последующие годы он предпринял походы в Германию и Британию, имевшие скорее политическое, нежели военное значение, и не завершившиеся созданием постоянных римских поселений. Галлы, объединившиеся под началом Верцингеторига, предприняли попытку изгнать из своих земель римские легионы, но были повержены во время осады Алезии. К 51 г. вся Галлия фактически превратилась в римскую провинцию. Отношения между Цезарем и Помпеем уже давно были достаточно напряженными, а теперь Помпей встал на сторону сената, пытавшегося ограничить растущую власть Цезаря. Это положило начало второй гражданской войне. Основные военные действия велись в Иллирии, где Помпей расположил свой штаб. Цезарь пересек Адриатическое море и осадил армию Помпея в Диррахии (современный Дуррес в Албании). Когда Помпею удалось прорвать осаду, Цезарь последовал за ним в Фессалию и в 48 г. нанес ему поражение в битве вблизи Фарсала. На то, чтобы окончательно разгромить уцелевшие силы Помпея, Цезарю понадобилось еще два года. После этого Цезарь, как и Сулла, стал единовластным владыкой Рима. Но ему, как и его предшественнику, недолго пришлось наслаждаться победой: в 44 г. Цезарь был убит. Убийство Цезаря повлекло за собой ожесточенную борьбу за власть, завершившуюся лишь в 31 г., когда Октавиан разгромил Марка Антония в Акции на западном побережье Греции. Октавиан стал первым римским императором. Четырьмя годами позже он принял титул Августа, под которым именем он и прославился. Август получил в наследство огромное неуправляемое государство. Поэтому прежде всего он принялся наводить порядок. Несмотря на то что Рим завоевал земли от Евфрата на востоке до Португалии на западе, от Африки на юге до Бельгии на севере, внутри империи все еще сохранялись очаги сопротивления, один из которых

находился буквально под боком, в границах современной Италии. Салассы, племя, жившее в современной Вальд'Аоста в итальянских Альпах, еще не сложили оружия. Август раздавил эти очаги сопротивления, довершил завоевание Испании, наладил оборону границ южного Египта. Кроме того, Рим подчинил себе обширные территории к югу от Дуная. Предпринимались попытки продвинуться за Рейн, до Эльбы, но в 9 г. н.э. римский полководец Вар с тремя легионами попал в засаду в Тевтобургском лесу, и его войско было уничтожено. После этого Август отвел войска за Рейн и завещал своему преемнику, Тиберию, не пытаться расширять границы империи. Во время правления Августа армия снова подверглась реорганизации. Новая армия была построена на профессиональной основе. Август умер спустя пять лет после тевтобургского разгрома, и Тиберий, верный заветам своего предшественника, не предпринимал новых завоеваний.

Окончательные добавления

В 41 г. н.э. императором сделался Клавдий. Чувствуя, что для поддержания своего положения ему необходимы военные победы, Клавдий решил завоевать Британию. Британия не безгранична, что, по-видимому, давало осторожному Клавдию уверенность в том, что дело не пойдет чересчур далеко. В 43 г. на остров переправили четыре легиона, и там была образована новая провинция. Кроме того, во время правления Клавдия Риму были подчинены Фракия и Мавритания, до того бывшие самостоятельными, хотя и зависимыми государствами. Таким образом, вся Европа к югу от линии Рейн—Дунай, и вся Северная Африка сделались римскими владениями. Хотя четких границ установлено не было и никто не исключал возможности новых завоеваний, легионы остановились на линии Рейн — Дунай, где были устроены постоянные военные лагеря. В конце последней гражданской войны Август унаследовал около шестидесяти легионов. Он сократил это число до двадцати восьми, три из которых были потеряны в Тевтобургском лесу. К концу правления Нерона (68 г. н.э.) число легионов снова выросло до двадцати восьми, причем двадцать пять из них были размещены на границах империи. На во. токе три легиона (хотя обычно их было четыре) стояли близ Антиохии, столицы Сирии. Еще два были расположены в Египте. Три легиона, включая четвертый сирийский, воевали в Иудее, подавляя восстание. Еще один легион стоял в Северной Африке. В Европе двенадцать легионов находились в лагерях по линии Рейн—Дунай, готовясь к завоеванию северо-восточной Европы. Тринадцатый легион стоял в Далматии (современная Югославия). Из оставшихся шести легионов три (обычно — четыре) находились в Британии, и один — в Испании. Легионы, стоящие в Галлии (включая четвертый британский) и Италии, готовились к

восточной кампании, планируемой Нероном, однако эти планы так и не были приведены в исполнение. Эти силы поддерживались примерно таким же количеством вспомогательных войск, набранных из местного населения, живущего вдоль границ. В Британии римскому владычеству был нанесен небольшой ущерб около 60 г., когда два местных племени под предводительством легендарной королевы Боадицеи восстали и разгромили несколько римских поселений. Но восстание было подавлено без особого труда. В 66 г. Риму пришлось иметь дело с куда более серьезным восстанием в Иудее. Императору Нерону пришлось отправить туда три легиона под командованием Веспасиана. В 68 г. Нерон покончил жизнь самоубийством, и в империи снова началась борьба за власть, во время которой восточные и западные легионы вступили в конфликт. Легионы, стоящие на Рейне, поддерживали наместника Нижней Германии, Вителлия. 2 января 69 г. они провозгласили его императором. Спустя полгода восточные легионы провозгласили императором Веспасиана. Их поддерживали легионы, стоящие на Дунае. Враждующие армии встретились в Кремоне, в северной Италии. В результате битвы, которая длилась целую ночь, восточные легионы одержали победу, и на трон взошел Веспасиан. Новый император и двое его сыновей правили вплоть до 96 г., но границ империи они не расширяли. Два года спустя трон перешел к Траяну, последнему из великих римских завоевателей. До того, как стать императором, Траян был наместником южной Германии и всегда предпочитал военную деятельность политической. В 101 г. он пересек Дунай и вторгся в Дакию (современная Румыния), которая уже некоторое время досаждала Риму, и за пять лет превратил Дакию в римскую провинцию. В 106 г. Траян захватил Аравию, и, таким образом, все Средиземноморье оказалось подвластным Риму. Восточным провинциям империи в течение почти двух столетий угрожала Парфия. Теперь Траян решил разобраться и с ней. В 115 г. он взял Армению, затем перешел Тигр, захватил столицу парфян и дошел до Персидского залива. Однако Траян умер, не успев закрепить свои победы.

Установление границ

Вслед за Траяном на престол взошел Адриан. Адриан придерживался принципиально иной политики. Свою задачу он видел прежде всего в укреплении границ. Поэтому он оставил не до конца покоренные провинции, такие, как земли по ту сторону Евфрата. Адриан начал строительство вала в северной Британии, носящего его имя, и установил жесткую границу по Рейну и Дунаю, соединив эти реки деревянным укреплением. В 138 г. на трон взошел Антонин Пий. Невзирая на то, что он продвинул британскую границу на север, в Шотландию, где был возведен

Антонинов вал, а также подавил несколько восстаний в различных частях империи, никаких значительных военных кампаний он не предпринимал. В правление его преемника, Марка Аврелия, римские легионы вновь продвинулись в Месопотамию, отбросив парфян, и эта территория стала римским протекторатом. Но спустя несколько лет германцы прорвали границу по Дунаю и вторглись в северную Италию. Это было лишь первое из множества варварских нашествий, терзавших империю в ее поздние дни.

Вторжение было остановлено. Император пересек Дунай, намереваясь установить мир в центральной и восточной Европе, но ему пришлось изменить свои планы, поскольку на востоке возникли проблемы: там был провозглашен новый император. В качестве компромисса Марк Аврелий создал на Дунае буферное государство, поселив там полуроманизированные племена с условием, что они будут защищать границы империи. Марку Аврелию унаследовал его сын Коммод, который забросил государственные дела ради более приятных занятий и в 192 г. пал от кинжала убийцы. После его смерти снова начались свары из-за власти, которым положил конец только Септимий Север, наместник Верхней Паннонии, отправившийся в 197 г. походом на Рим и нанеший поражение двум другим претендентам на престол, наместникам Сирии и Британии. Вскоре после его восшествия на престол в восточные провинции снова вторглись парфяне. В качестве расплаты за это нападение в Месопотамию снова — в последний раз — были введены римские легионы, но постоянных поселений там так и не создали.

Организация армии (доктор Брайан Добсон).

Новые легионы

Первоначально римская армия состояла из обычных римских граждан, которые шли на войну с тем оружием и доспехами, которые могли приобрести. Позднее это было упорядочено и был установлен минимум снаряжения, которым должен владеть легионер. Воин призывался в армию только при необходимости. При прекращении боевых действий армия распускалась. Гражданин был военнообязанным с 17 до 46 лет, максимальный срок службы был 16 лет. Воину полагалось самому обеспечивать себя снаряжением. Военная служба оплачивалась, но жалованье в основном уходило на текущие расходы; главным источником доходов оставалось крестьянское хозяйство либо торговля. А потому неудивительно, что воины вовсе не стремились служить подольше. Чем дальше продвигался театр военных действий, чем дольше длились походы, тем труднее становилось набрать рекрутов. А те, кто попадал в армию, с нетерпением ожидали увольнения. К концу II в. до н.э. Рим оказался втянут в продолжительную войну с нумидийцами. Война эта была столь непопулярна, что набрать пополнение в легионы сделалось практически невозможно. Марий был консулом, которому было поручено вести военные действия. В этих сложных обстоятельствах он предоставил доступ в легионы всем добровольцам, имеющим римское гражданство, невзирая на их имущественное положение. В легионы хлынули бедняки. Эти люди не стремились поскорее избавиться от службы — напротив, они были готовы служить всю жизнь. Так были заложены основы профессиональной армии. Это было лишь последним шагом: имущественный ценз был значительно снижен еще до Мария. Но Марий придал большее значение волонтерам. Уже немало людей сделали в армии карьеру от простого солдата до центуриона. Теперь же единственным условием для вступления в армию стало наличие римского гражданства. Волонтеры служили под началом полководцев и обычно связывали свою судьбу с судьбой своего командира. Основным источником дохода для них была не плата, а военная добыча. У людей, посвятивших свою жизнь армии, не было хозяйства, к которому они могли бы вернуться после службы. Ветеран I века до н.э. мог рассчитывать лишь на то, что по увольнении его военачальник предоставит ему земельный надел. При старой системе легионы формировались заново перед каждой кампанией, и потому им недоставало чувства сплоченности. При Марии положение изменилось. Каждый легион получил свое знамя, орла. В I веке до н.э. легионы сделались постоянными. Убыль личного состава

пополнялась за счет новобранцев. Имен у легионов пока не было, но при Цезаре у них появились хотя бы номера. Жалованье в основном по-прежнему уходило на текущие расходы: за его счет приобреталась еда и снаряжение. Вероятно, лишь при Цезаре, который в начале гражданской войны удвоил солдатское жалованье, эта плата стала рассматриваться как источник дохода. Примерно в это же время коренным образом изменилось устройство легиона. Манипулы триариев были увеличены до такого же размера, что манипулы гастатов и принципов, и объединены с ними в когорты. Таким образом, теперь легион состоял не из тридцати манипулов, а из десяти когорт. Несмотря на то что от прежней тактики, основанной на делении на манипулы, сохранилось поступенчатое введение солдат в битву, легион приобрел большую гибкость действий. Легион теперь мог строиться в один, два, три или четыре ряда. Это стало возможным благодаря тому, что деление на гастатов, принципов и триариев было ликвидировано. Все солдаты теперь были вооружены мечом и пилумом. Манипул, по всей видимости, утратил свое прежнее боевое значение. Однако деление на центурии сохранилось, как и чин центуриона, и в лагерях и крепостях солдаты по-прежнему размещались по центуриям. После войны за гражданские права все италийцы, жившие к югу от реки По, получили римское гражданство. Это означало, что все различия между римскими и союзными легионами были ликвидированы. Отныне легион становится именно легионом, и ничем иным, и уже не включает в себя равное число солдат из городов—союзников Рима. Тенденция к ликвидации различий внутри легиона, а также между легионом и алой (легионом союзников) была поддержана упразднением легковооруженных застрельщиков (велитов) и легионной конницы. Это очень важное изменение. Прежний легион со своей конницей, дополнительной конницей союзников, легкой пехотой, осадными орудиями и саперами включал в себя все роды войск. Теперь, хотя легион во многих отношениях сделался более совершенной боевой единицей, особенно в руках такого гениального полководца, как Цезарь, в некоторых случаях ему требовалась внешняя поддержка. Со времен войны с Ганнибалом римляне использовали военных специалистов со всего Средиземноморья: критских лучников, балеарских пращников, нумидийскую легкую конницу. Но теперь римлянам потребовались крупные кавалерийские отряды. Цезарь использовал галльскую и германскую конницу, применяя и германскую (а также нумидийскую) тактику: конницу, сражающуюся вместе с легкой пехотой. Испания поставляла и конницу, и пехоту, как тяжелую, так и легкую. Эти части назывались «ауксиллии», вспомогательные войска, не являющиеся ни римскими, ни союзными. На походе старую армию всегда сопровождал длинный обоз. Обозы не только

представляли собой легкую добычу для противника, но и сильно замедляли продвижение армии. Марий заставил легионеров тащить все необходимые припасы на себе, из-за чего его солдат прозвали «Мариевыми мулами». Обозы не были ликвидированы, но сильно сократились и сделались более организованными. Легионом по-прежнему командовали шесть трибунов. Однако эта должность утратила свое прежнее значение. Во дни республики такой пост занимали обычно люди пожилые, такие, как бывшие консулы, но теперь он, как правило, предоставлялся молодым людям, которые рассчитывали войти в сенат либо просто желали отведать военной жизни. В сенат ежегодно избирались только двадцать квесторов (из людей не моложе тридцати лет). Поскольку трибунов было гораздо больше, остальным, всем всадникам (второму сословию римской аристократии), возможно, просто нравилось служить в армии. Срок службы офицеров был неограничен. Над трибунами стояли префекты, которые могли командовать конницей (*praefectus equitum*), флотом (*praefectus classis*) либо саперами (*praefectus fabrum*). Общим для префектов было то, что они занимали свою должность поодиночке (а не попарно, как трибуны), должность их обычно была менее постоянной, и назначались они лично военачальником. Служба в должности трибуна и префекта представляла естественные ступеньки к более высокой должности легата. Легатами обычно назначали сенаторов, что в последний век республики означало, что он должен был побывать как минимум на должности квестора. Как и большинство должностей в римской армии, должность легата существовала издавна. Право назначать людей, которым можно доверить власть и ответственность легата, обычно принадлежало полководцу. Легаты Помпея и Цезаря представляли собой сплоченную группу опытных воинов, хотя иногда, из политических соображений, легатами, как и трибунами, назначали не вполне подходящих людей. Цезарь часто поручал своим легатам командовать то легионом, то несколькими легионами, то вспомогательной конницей, то еще каким-нибудь подразделением. Так что легаты не были неразрывно связаны с каким-то определенным легионом. Однако такие люди явно больше подходили для командования легионом во время военных действий, чем трибуны времен Цезаря. Консулы унаследовали от царя должность главнокомандующих. Обратите внимание на множественное число: единоличного командования армией республика не знала, разве что в случае крайней нужды. Даже перед лицом нашествия Ганнибала консулы продолжали ежегодно сменяться; но в дополнение к войскам, которые они набирали или получали от своих предшественников, имелись и другие части, под командованием бывших консулов или преторов, которым были приданы дополнительные полномочия, в результате чего они поднялись до ранга проконсулов и

пропреторов. Это расширение полномочий высших чиновников оказалось простейшим способом назначения наместников в провинции, которые Рим начал приобретать после войны с Ганнибалом. Поскольку театры военных действий все дальше удалялись от самого Рима, проконсулу приходилось сражаться в одиночку, не имея при себе коллеги, который мог бы его сдерживать. Вот и Цезарь первоначально был таким проконсулом. Он со своими десятью легионами в течение десяти лет удерживал три галльские провинции и новозавоеванные территории, а потом повернул легионы, которые к тому времени окончательно сделались его собственными, и отправился походом на Рим.

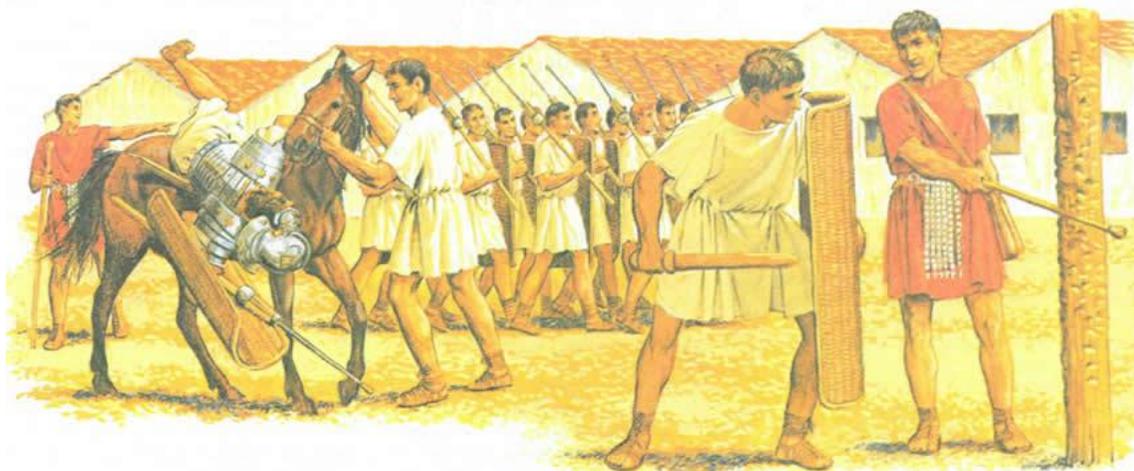
Легионы эпохи раннего принципата

Легион времен начала империи не слишком отличался от легиона времен Цезаря. Когорты с первой по десятую по-прежнему включали в себя по пятьсот человек каждая и делились на шесть центурий. Однако начиная примерно со второй половины I в. н.э. первая когорта была увеличена до восьмисот человек и разделена на пять центурий вместо шести. К легиону были добавлены сто двадцать всадников, которые исполняли обязанности разведчиков и гонцов. Таким образом, общая численность легиона была доведена примерно до 5500 человек. Легионы по-прежнему набирались исключительно из числа римских граждан. В конце республики римское гражданство было предоставлено всем италийцам и понемногу распространялось на запад. Испания, южная Галлия, старая «провинция» (позднее Прованс) предоставляли значительное пополнение западным легионам. Но востоке с набором рекрутов было сложнее, потому что жителям восточных провинций гражданство давалось реже. Здесь зачастую в легионы принимались люди, не имеющие римского гражданства. Гражданство предоставлялось им по факту зачисления в армию. Легионов было около тридцати. Они составляли основу армии. Это были наступательные части. Они использовались для дальнейших завоеваний, для подавления восстаний и отражения нашествий. Эти тридцать с лишним легионов, оставшиеся от многочисленных легионов времен гражданских войн, превратились теперь в постоянные воинские части, солдаты в которых были обязаны отслужить определенный срок. Предпочтение отдавалось волонтерам. Италийцы все чаще желали не служить или служить в частях, находящихся в Риме, о которых будет рассказано ниже. Но число римских граждан в провинциях росло: сыновья легионеров, сыновья солдат вспомогательных частей, чьи отцы добились гражданства для своих сыновей, люди из общин, получивших гражданство. И многие из этих людей были готовы идти в армию. Так что Италии, можно сказать, удалось отвертеться. Правда, там могли формироваться новые легионы, но на

практике такое случалось редко. Многие легионы возникли в соперничающих армиях, порожденных двадцатью годами гражданской войны, которая бушевала с 50 по 30 г. до н.э. Из-за этого некоторые номера легионов дублировались (так, например, Третьих легионов было три). Если легион был разгромлен, легиона с этим номером больше не создавали. Так, например, три легиона Августа, XVII, XVIII и XIX, погибшие в Тевтобургском лесу, так и не были восстановлены. Легионам присваивались номера с I по XXII. Траян добавил XXX, но после Веспасиана императоры предпочитали давать новым легионам номера с I по III. Одно время существовало сразу пять Третьих легионов. Кроме номеров, у легионов были еще и названия. Названия могли даваться с самого начала либо присваиваться за доблесть в битве или верность императору.

Жизнь легионера

Легионер должен был быть римским гражданином, хотя на востоке гражданство могло быть присвоено по зачислении в армию. При возможности неплохо было бы принести с собой рекомендательное письмо. Если человека принимали в легион, ему выплачивали небольшую сумму на покрытие путевых расходов. Прибыв в крепость, легионер принимал воинскую присягу. Затем его записывали в центурию. Присяга приносилась заново каждый новый год. Новобранцу требовалось пройти длительное обучение и набраться опыта, прежде чем встать вровень с ветеранами. Его учили ходить в строю: во время службы солдатам полагалось трижды в месяц проходить по тридцать километров. Его учили разбивать лагерь и дважды в день заставляли заниматься строевой подготовкой (обученный легионер занимался строевой подготовкой один раз в день). Всех новобранцев учили метать камни из пращи, плавать и ездить верхом. Их учили запрыгивать на коня, а также садиться в седло и спешиваться в полном вооружении и со щитом, справа и слева. Без стремян это не так-то просто! Для обучения обращению с оружием использовался столб высотой в человеческий рост. Новобранец, вооружившись щитом, сплетенным из прутьев, и деревянным мечом, причем и то и другое — вдвое тяжелее обычного щита и меча, — нападал на столб, приучаясь колоть, а не рубить с размаху. Когда основы были заложены, переходили к тренировочным боям, в которых использовались мечи и дротики с защищенным острием, чтобы избежать серьезных травм.

Обучение новобранцев на виа квинтана. Помимо строевой подготовки, новобранцев учили солиться на лошадь в полном вооружении — что до изобретения стремян было совсем непросто, как и показано на иллюстрации.

Цезарь повысил солдатам жалованье. В следующий раз солдатское жалованье было повышено только при Домициане, 150 лет спустя, а потом миновало еще сто лет, прежде чем жалованье повысили снова. Легионер получал примерно втрое больше пехотинца из вспомогательных войск, хотя всадникам из вспомогательных войск платили почти столько же, сколько легионерам. Крупные премии выплачивались после победы, а также при восшествии на престол нового императора. Историки часто осуждают эти подачки, но, поскольку возможность обогатиться за счет военной добычи со временем уменьшилась, подобные нерегулярные прибавки к жалованью были необходимы, чтобы сделать службу в армии более привлекательной. Солдаты могли делать сбережения — и не пренебрегали этой возможностью, несмотря на то что им приходилось оплачивать из своего кармана питание, одежду, постельные принадлежности, обувь и снаряжение, не говоря уже о «праздничных пирушках» и погребальном фонде. Отчисления на питание и одежду были стандартными; расходы на оружие и доспехи, после первоначального вклада, скорее всего были невелики, хотя солдаты любили украшать доспехи золотом и серебром. Сбережения хранились у знаменосцев, которые, помимо своих прочих обязанностей, распоряжались расходами на питание и одежду. Сбережения отчасти были обязательными: удерживалась плата за питание и т.п. Кроме того, половина премиальных сумм откладывалась ко времени выхода в отставку. Официально солдаты не имели права жениться, так что вступление в армию было своеобразной формой развода. На самом же деле солдаты нередко заключали браки, которые юридически считались недействительными, но

тем не менее принимались всерьез обеими заинтересованными сторонами. Солдат мог оставить свое имущество «жене» по завещанию. Завещание могло быть сделано устно — это был аналог простейшего солдатского завещания, входящего в корпус солдатских документов в современных армиях. Другую проблему представлял статус детей от подобных браков. Если легионер женился на женщине, не имеющей римского гражданства, их дети не являлись римскими гражданами. Однако легионы охотно принимали таких «незаконных» сыновей легионеров, и они становились римскими гражданами по вступлении в армию. Служба длилась лет 25—26, поскольку увольнение проводилось раз в два года. По увольнении легионер получал пособие. Поначалу это были деньги либо земельный надел. Первоначально существовало различие между срочной службой, длившейся 16 лет, и службой в ветеранском резерве, куда вступали солдаты, решившие остаться в легионе еще на четыре года. Они пользовались некоторыми привилегиями, и обязанностей у них было меньше, чем у прочих. Но когда специальный фонд, из которого выплачивались выходные пособия, оказался перегружен, срок службы был продлен до 20 лет, плюс пять ветеранских, и даже после этого увольнение обычно задерживалось. Это привело к мятежам после смерти Августа. Сделанные уступки вскоре были отменены, и срок службы был продлен до 25—26 лет. Идея о том, что в последние пять лет службы солдаты являются ветеранами, обладающими определенными привилегиями, к тому времени была похоронена. Пожалование земельных наделов отмерло во II в. н.э. Пытались организовывать солдатские поселения в колониях, но эти поселения были непопулярны: солдаты по окончании срока службы предпочитали возвращаться на родину, а там свободных земель не было. Однако в Британии две старые крепости, современные Глостер и Линкольн, в I в. н.э. сделались военными поселениями. У каждого легиона было три основных типа штандартов. Орел (aquila), введенный Марием, был штандартом всего легиона. Во времена Цезаря орел делался из золота и серебра, но в период империи орлы были чисто золотыми. Орел не покидал лагеря, за исключением тех случаев, когда с места снимался весь легион. За сохранность орла отвечала первая когорта. Главным ответственным был старший центурион (примипил).

1 — часть штандарта, найденная в Бонне. Музей земли Рейн, Бонн.
 2 — Signum, реконструкция (2 и 4 основаны на изображениях с колонны Траяна).
 3 — орел, реконструкция. Основана на изображении с надгробия Гнев Музия.
 4 — Vexillum, реконструкция.
 5 — Vexillum с изображением Победы, найденный в Египте. Эрмитаж, Ленинград.
 6 — знак легиона, Козерог. Найден в Висбадене. Висбаден.

7 — парфянин, возвращающий орла, потерянного Крассом в 53 г. до н.э. С панциря в Прима Порта Августус, Ватикан.
 8 — орлоносец, вексилярый и знаменосец с колонны Траяна.

У каждой центурии, как и во времена республики, был свой штандарт (signum). Кроме того, легион носил портрет императора (imago) и иногда еще символ

легиона, обычно знак зодиака. Кроме того, существовали еще особые знамена, называемые vexillum. Одно знамя принадлежало легиону, и на нем было написано название легиона, другие носили части, служащие отдельно от легиона, которые поэтому назывались вексилларии. Древка, на которых крепились штандарты, имели заостренный конец, чтобы их можно было втыкать в землю, и рукоятки, за которые их поднимали. В крепости знамена хранились в особом святилище на центральной площади. Религия играла большую роль в жизни легионера. Как римский гражданин, легионер был обязан чтить богов Рима, в особенности богов Капитолия: Юпитера, Юнону и Минерву. Почитание богов поддерживалось тем, что солдаты жили по официальному религиозному календарю и справляли все традиционные римские празднества. Другим важным элементом официальной религии было почитание знамен. Подобно тому, как в современной армии знамя окружается почетом, выносится перед строем и хранится в часовне, так и в римской армии штандарт был предметом поклонения. Его потеря могла привести к расформированию соединения. И наконец, существовало поклонение императору и почитание обожествленных императоров. Дни рождения императоров, дни восшествия на престол и дни побед вскоре сделались столь многочисленны, что часть из них пришлось потихоньку отменить. Эти бесконечные празднества должны были внушить солдату мысль, что боги благоволят к Риму, что знамя священно, что Рим — это его город и что императоры — сверхчеловеки. Но официальная религия, ассоциирующаяся со святилищем при штабе и учебным плацем, не могла полностью удовлетворить духовных потребностей солдат. Солдаты поклонялись своим богам — быть может, излюбленным классическим божествам (римские боги очень рано отождествились с греческими, которые были очерчены куда отчетливее). Чтили и местных божеств — на своей земле эти боги явно были силой, с которой стоило считаться. Часто солдаты мысленно идентифицировали их со знакомыми богами, обладавшими похожими свойствами. Некоторые местные культы приобрели общеимперское значение. Солдаты почитали Юпитера Долихена, изначально сирийское божество, и бога Митру, тоже пришедшего с востока, но измененного в угоду вкусам римских воинов. Христианство, напротив, распространялось среди солдат сравнительно медленно. Ранние христиане были склонны к пацифизму, и, кроме того, этому препятствовал официальный военный календарь, предполагающий поклонение множеству языческих богов. И, наконец, все это сопровождалось множеством суеверий, страхом перед сглазом, чародейством и невезением. Эти суеверия, лежащие в основе всех религиозных верований, проявлялись в том, что солдаты носили при себе фаллический символ, знак плодородия, который должен

был оберегать от сглаза. Много ли было у легионеров свободного времени, неизвестно. Как и в большинстве армий, в римской очень заботились о том, чтобы солдаты не сидели без дела — и, как это происходит в большинстве армий, в мирное время люди несколько распускались. Однако, по всей видимости, свободное время у солдат все же было. В конце концов, надо же им было когда-то навещать жен и семьи, живущие за пределами крепости, и делать будущих легионеров. Видимо, было у них время и на то, чтобы развлекаться в гражданском поселении, разраставшемся у стен каждой крепости и превращавшемся фактически в гарнизонный городок. Выходных у солдат не было, но скорее всего по большим праздникам солдат отпускали в увольнение. Кроме того, временами солдатам предоставлялись отпуска — иногда, видимо, за взятку. Археологи нашли отпускное свидетельство с непроставленным именем (на глиняном черепке). Вероятно, чаще всего солдаты проводили свободное время в банях. С середины I в. н.э. в военных крепостях стали устраиваться бани. Существовали бани и в крепостях вспомогательных войск. В банях были парильни и помещения с сухим жаром. Парильни, которые называют еще турецкими банями, турки позаимствовали от римлян через Константинополь. В банях были также гимнастические залы. Позднее появились комнаты, где отдыхали младшие офицеры. За стенами крепостей возводились амфитеатры, но неясно, для чего они использовались: для парадов или для гладиаторских боев.

Офицеры

Срок службы легионера был 25 лет. За это время он мог дослужиться до центуриона. Центурионы были единственными офицерами, которые постоянно командовали легионерами под началом командира легиона. Более высокие чины служили при штабе. Поскольку центурионы выслуживались из простых солдат, их часто представляют себе чем-то вроде сержантов. Но на самом деле их обязанности примерно соответствовали обязанностям современного капитана. В период республики центурионов поначалу, видимо, назначали трибуны, однако каждое назначение утверждалось командующим армией. Центурионы были костяком армии. Это были единственные офицеры, чей срок службы не был ограничен, и они зачастую служили дольше положенных 25 лет. Должность центуриона привлекала не только легионеров. Солдаты преторианской гвардии, отслужив свои 16 лет, могли получить должность центуриона в легионе. Кроме того, немало молодых людей из сословия всадников желали получить эту должность. В эпоху империи должности центурионов раздавали наместники провинций, хотя, несомненно, командиры легионов и трибуны могли выдвигать своих людей. Кроме того, друзья людей, ищущих назначения на эту должность, могли написать рекомендательное письмо императору, который способен

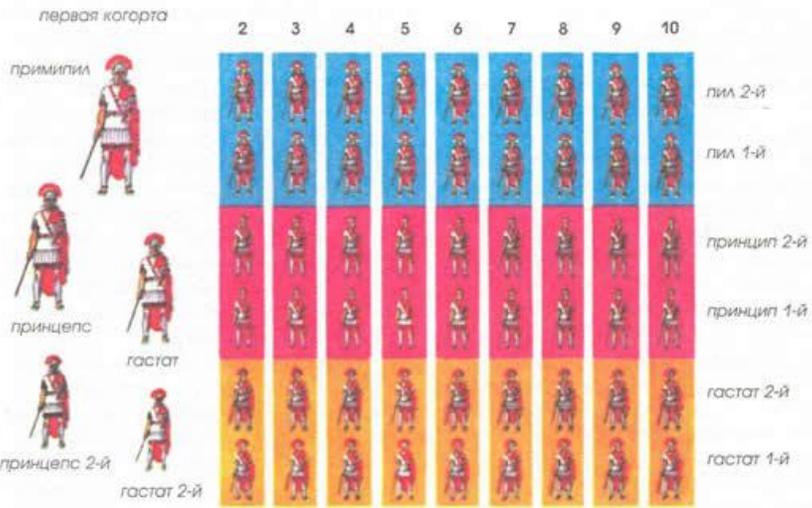
был вмешаться и подействовать им лично. В каждом легионе было 59 центурий. Центурии по-прежнему именовались по старым манипулам, хотя названию «триарий» теперь предпочитали «пил» (pilus). Так, в когортах со II по X были гастат 2-й, гастат 1-й, принцип 2-й, принцип 1-й, пил 2-й и пил 1-й. Перед названием центурии ставился номер когорты, например: «decimus hastatus posterior» (2-й гастат десятой когорты), сохраняя в традиционном названии давно оставшееся в прошлом разделение легиона на манипулы. Риму вообще очень свойственна подобная приверженность традициям. Когортой, видимо, командовал старший из центурионов, хотя это остается неясным. Центурион мог провести весь срок службы в одном легионе, а мог и перейти из одного легиона в другой, например при переводе на новое место целого подразделения. Такой перевод осуществляли, чтобы восполнить потери, как, например, после восстания Боадицеи в 61 г.: тогда в девятый легион было переведено две тысячи солдат. Некоторые центурионы служили по очереди в нескольких легионах. Перевод офицеров из одного легиона в другой был важным фактором в распространении новых религий. Центуриона было легко узнать по серебряному доспеху. Кроме того, центурион носил поножи, которых простые legionеры уже не использовали; гребень на его шлеме был развернут поперек. Центурион носил меч на левом боку, а кинжал на правом, в противоположность обычным legionерам. Это заставило некоторых исследователей предположить, что центурионы не носили skutuma, ибо в противном случае им было бы трудно выхватывать меч слева. Однако во времена Цезаря это было не так: на осаде Диррахия центурион по имени Сцева, защищая редут, получил 120 пробоин в щите (Цезарь использует именно слово scutum) и за отвагу был переведен из восьмой когорты в примипилы. Центурионы часто бывали людьми жестокими: немало legionеров носили на спине шрамы от центурионского жезла из виноградной лозы (vitis). Это было связано с тем, что в обязанности центуриона входило поддержание дисциплины. От центуриона требовалась жесткость и суровость. А потому во время мятежей они обычно становились первыми жертвами солдатской мести. С другой стороны, нельзя не отметить, что во время поражений потери среди центурионов были особенно велики, потому что именно их назначали прикрывать отступление. Центурионы не брезговали принимать взятки от legionеров, желавших уклониться от каких-либо обязанностей. Взятки за предоставление отпуска были настолько распространены, что даже император не решался положить этому конец, боясь вызвать бунт среди центурионов. В результате, чтобы избавить солдат от поборов, императорам пришлось платить центурионам напрямую, чтобы обеспечить себе преданность армии.

1 — надгробие центуриона Т.Калидия Севера из XV Аполлонова легиона, найдено в Карнунте. На надгробии изображен чешуйчатый панцирь центуриона, панюжи, шлем с поперечным гребнем и жезл из виноградной лозы. Музей истории искусства, Вена.
 2 — золотое кольцо помощника центуриона, найденное в Бонне. Музей земли Рейн, Бонн.
 3 — значок бенефициария, железо и бронза, найден в Страсбурге, Висбаден.
 4 — рог из Помпей. Музей Неаполя.

Продвижение центуриона по служебной лестнице. Центурионы когорты со второй по десятую, видимо, различались по рангу, но вряд ли их переводили из когорты в когорту. Центуриону 2-го гастата первой когорты оставалось четыре ступеньки до должности примипила.

Первая когорта делилась на пять двойных центурий, которыми командовали пять старших центурионов, которые считались выше прочих и назывались *primi*

ordines (центурионы первого ранга). Среди центурионов первого ранга существовала следующая иерархия (по восходящей): гастат 2-й, принцип 2-й, гастат. принцип и примипил. Примипил был старшим центурионом в легионе. Дослужиться до ранга примипила мечтал любой легионер, но для большинства мечта так и оставалась недостижимой, потому что для этого требовались не только отвага, но еще и образованность и способности администратора. Центурион занимал должность примипила в течение года, после чего либо выходил в отставку, либо получал более высокий пост. Пост примипила обычно получали люди не моложе пятидесяти лет. Некоторые служили лет по сорок — сперва простым солдатом, потом центурионом, — но так и не могли достичь этих головокружительных высот. Выходя в отставку, примипил получал крупное пособие и почетное звание *primipilaris* (т.е. бывший примипил), так же как человек, бывший консулом, до конца жизни носил титул *consularis*. Примипилы составляли цвет войска. Следующей должностью примипила мог быть префект лагеря, о котором говорится ниже, либо пост трибуна в когортах, стоящих в Риме, где служили наиболее опытные и надежные солдаты. Некоторые назначались наместниками провинций, где стояли только вспомогательные войска, либо командирами во флот, и, наконец, единицы достигали вершины — поста командира преторианской гвардии. Выше центурионов стояли полупрофессиональные офицеры. В самом низу этой пирамиды находились трибуны. Их по-прежнему было шесть в каждом легионе. Все они были всадниками, но главный среди них, *tribunus laticlavius*, носил на тунике широкую пурпурную полосу, как знак того, что он является кандидатом в сенат. Остальные пять трибунов носили узкую полосу и назывались *tribuni angusticlavii*. Трибун латиклавий всегда бывал моложе двадцати пяти лет — то был минимальный возраст для должности квестора. На должность трибуна его назначал наместник провинции, который либо был его родственником, либо делал это по просьбе друзей или патрона молодого человека — римляне вообще жили по принципу «ну как не порадеть родному человечку!». Трибун латиклавий не имел военного опыта и, проведя в армии один-два (редко больше) года, выходил в отставку, чтобы начать свою карьеру в сенате. Лет через десять он мог вернуться в армию, уже в чине легата, как будет видно из дальнейшего. Остальных пятерых трибунов, ангустиклавиев, ожидала иная карьера. К середине II в. н.э. вошло в обычай назначать ангустиклавиями людей, уже отслуживших префектами в частях вспомогательной пехоты. Зачастую они успевали еще и побывать на гражданской должности в своем родном городе (возрастной ценз от 25 до 30 лет). Таким образом, ангустиклавии обычно были более зрелыми людьми, обладающими воинским опытом. В середине II в. была только 131

должность на примерно 270 командиров пехотных и смешанных подразделений вспомогательных войск, состоящих из 500 солдат, так что наместникам было из кого выбирать, и они могли не назначать трибунами людей, проявивших некомпетентность. Лучших из этих двухсот семидесяти, человек 30—40, император назначал командовать пехотными и смешанными когортами, насчитывавшими тысячу солдат. Будущая карьера трибунов-ангустиклавиев была связана с конницей. В легионе на них возлагались административные и хозяйственные обязанности. Они должны были заботиться об обеспечении войска всем необходимым и исполнять прочие повседневные обязанности дежурных офицеров. Над трибунами стоял легат легиона — сенатор, назначенный на эту должность императором, а не наместником провинции. Обычно это был человек лет за тридцать, отслуживший десять или больше лет назад трибуном-латиклавием, но с тех пор не имевший отношения к армии. В некоторых провинциях он мог совмещать пост командира легиона с должностью наместника, однако в этом случае он обычно уже успевал побывать командиром легиона в другой провинции. Легат опирался на своих центурионов, в особенности на примипила, но в первую очередь — на офицера, чья должность была введена Августом: префекта лагеря. Префектом лагеря назначался бывший примипил. Он занимался снаряжением легионеров, обозом и прочими подобными вещами. Его часто сравнивают с современным квартирмейстером. Кроме того, префект лагеря был старшим из профессиональных офицеров. В иерархии легиона он шел третьим после легата и трибуна-латиклавию. Это был поседевший в боях ветеран лет пятидесяти-шестидесяти, за спиной которого было сорок и более лет службы. Ниже центурионов стояли люди, занимающие различные посты и должности, необходимые для обеспечения деятельности легиона. Постов таких известно более ста. Существовали некоторые различия в жалованье. Главная привилегия, которую давала такая должность, — это освобождение от физического труда и прочих обременительных обязанностей. Кроме того, платили им в полтора раза больше обычного (римляне вообще почему-то очень любили умножать на полтора), а иногда и в два раза больше. По принадлежности подобные должности делились на входящие в центурию, принадлежащие к штабу офицеров и связанные с другими аспектами жизни легиона — к примеру, с госпиталем. В центурии был знаменосец (*signifer*), который также выдавал жалованье и хранил у себя солдатские сбережения. Ниже знаменосца стоял помощник центуриона, который принимал на себя командование в случае гибели центуриона, а обычно занимался, вероятно, обучением легионеров. И знаменосец, и помощник получали двойное жалованье. Третьим должностным лицом внутри центурии был тессерарий,

получавший полуторное жалованье. В обязанности тессерария первоначально входило в основном выставление караулов. Ядром офицерского штаба был бенефициарий, буквально — «облагодетельствованный», потому что эта должность считалась синекурой. Бенефициарий был при каждом офицере, а вот корникулярий — только у старших офицеров, начиная с префекта лагеря. Корникулярий возглавлял канцелярию, разбиравшуюся с бесконечным потоком официальных документов, свойственным римской армии. Документов в армии плодили бесчисленное множество. Немало таких документов, написанных на папирусе, обнаружено на Ближнем Востоке. Из этой массы можно выделить те, в которых содержатся результаты врачебного осмотра новобранцев, направления новобранцев в части, расписания дежурств, ежедневные списки паролей, списки часовых при штабе, записи уходов, прибытий, списки соединений. В Рим ежегодно отправлялись отчеты, в которых указывались постоянные и временные назначения, потери, а также число солдат, годных к продолжению службы. На каждого солдата имелось отдельное досье, где фиксировалось все, начиная от жалованья и суммы сбережений и кончая отлучками из лагеря по поручениям. В канцеляриях, разумеется, имелись писцы и архивариусы (*librarii*). Возможно, многие легионеры отсылались в канцелярию наместника провинции, где исполняли обязанности палачей (*speculatores*), допросчиков (*quaestionaries*) и офицеров разведки (*frumentarii*). Из легионеров же набирался эскорт (*singulares*). Госпиталь (*valetudinarium*) имел свой собственный персонал, возглавляемый *optio valetudmarii*. В персонал госпиталя входили люди, делавшие перевязки, и санитары (*capsarii* и *medici*). Существовали офицеры-специалисты, врачи (тоже *medici*) и *architecti*. Последние исполняли обязанности землемеров, строителей, саперов и командиров осадных орудий. «Архитекторы», как и «медики», бывали разного ранга, хотя и назывались все одинаково. Кроме того, при легионе было множество купцов и ремесленников: каменщиков, плотников, стеклодувов и черепичников. Легион обладал большим количеством осадных орудий, но люди, к ним приставленные, не ноский особых званий. Изготовление и ремонт осадных орудий было делом архитектора и его подручных. Ну и, наконец, в легионе были офицеры-ветеринары, заботившиеся о животных.

Грамота о принятии в римское гражданство, выданная императором Траяном. Грамота начертана на бронзовых табличках, соединенных кольцами. Выдана Марку Спедию Корбулону по завершении двадцатипятилетней службы во вспомогательных войсках.

Первоначально высшая власть принадлежала царю, затем консулам. Позднее высшими полномочиями были наделены также проконсулы, преторы и пропреторы. Все они обладали примерно одинаковой властью, однако преторы и пропреторы считались ниже рангом, чем консулы и проконсулы, и если их армиям приходилось действовать вместе, слово последних было решающим. Граждане и неграждане подчинялись им и на войне, и в мирное время; чисто военной власти не существовало. Над легатами легионов стоял только император, обладавший властью проконсула, чья «провинция» (сфера влияния) включала в себя большинство провинций (территорий) с находившимися там войсками. Так же как некогда Помпеи и Цезарь, император управлял подвластными ему землями, назначая легатов, обладавших властью пропреторов (*legati Augusti pro praetore*), которые и

должны были править отдельными провинциями. Каждый легат был высшей военной и гражданской властью в своей области. Он распоряжался войсками, находящимися в его провинции, и не мог покинуть ее до истечения срока службы (как правило, три года). Провинции делились на те, куда назначали людей до консульства, и те, куда назначали бывших консулов. В первую категорию входили провинции, где не было легионов или был только один легион. Ими управляли люди лет под сорок, уже командовавшие легионами. В провинциях, которые получали бывшие консулы, стояло обычно от двух до четырех легионов, и легатам, попадавшим туда, бывало обычно за сорок или под пятьдесят. В эпоху империи люди получали высокие посты сравнительно молодыми.

Вспомогательные войска

Термин *auxilia* относился ко всем частям, кроме легионов и старых союзников. Сюда входили конница и разные типы пехоты. В период ранней империи вспомогательная пехота постепенно превратилась из разрозненных отрядов, сражающихся каждый на свой лад и зачастую с собственными предводителями, в унифицированные части с примерно одинаковой численностью и организацией, под командой римских всадников (*equites*). Эти части, именовавшиеся когортами, формировались по образцу легионных когорт, т.е. состояли из шести центурий, под командованием центурионов, и насчитывали около пятисот человек. Их снаряжение тоже было унифицировано. Вспомогательная пехота, изображенная на колонне Траяна, сражается почти так же, как легионеры. Лучников тоже объединили в когорты; по-прежнему использовали и пращников, хотя, по-видимому, отдельных частей из них не создавали. Во второй половине I в. н.э. были созданы более крупные вспомогательные части — примерно тогда же, когда была расширена первая когорта легиона. Эти части состояли из десяти центурий, соответствующих пяти двойным центуриям усовершенствованной первой когорты. Вспомогательные когорты формировались в провинциях. Некоторые из них переводились в другое место, но по большей части ауксии служили рядом с домом, особенно на Рейне. Опасный мятеж на Рейне во время гражданской войны 69 г. привел к тому, что солдаты были переведены оттуда. Но новые части, переведенные на их место, пополнялись за счет набора среди местных, что было обычным для ауксии повсюду в империи. Только в отряды отборных восточных лучников новобранцы набирались там, где эти части были сформированы изначально. А потому названия частей говорят исключительно о месте их формирования, а не о составе. На уровне центурии вспомогательная когорта имела структуру, подобную структуре легиона, хотя и более упрощенную. Центурионы назначались из числа солдат и всю жизнь служили в одной

когорте. Когортой командовали префекты из всадников. Для всадника это было первой ступенькой карьеры, которая могла привести его, через должность трибуна в легионе или командование тысячной вспомогательной когортой, к командованию конной частью. Префект приходил в армию напрямую из гражданской жизни, часто после гражданской должности в своем родном городе, то есть в возрасте 25—30 лет. Префектов назначал наместник провинции. Командирами более крупных частей были трибуны, которые до того командовали одной из обычных когорт. Их обычно назначал не наместник, а император из числа наиболее способных пехотных префектов. Пехотинец из вспомогательных войск служил в армии 25 лет. По увольнении он получал римское гражданство. Грамота о гражданстве писалась на бронзовых табличках и называлась *diploma*. Были найдены сотни таких табличек. Они и являются главным источником сведений о вспомогательных частях. Жалованье пехотинца вспомогательных частей составляло, по всей видимости, треть от жалованья легионера. Как и легионерам, солдатам вспомогательных частей не дозволялось жениться. Однако они тоже создавали длительные связи, рассматривавшиеся как брак всеми заинтересованными сторонами, и император признавал подобные неофициальные браки, даруя гражданство не только самим ауксилиям, но и их детям. Таким образом, сыновья ауксилиев имели право вступать в легионы, хотя, возможно, они предпочитали части, где служили их отцы. Во II веке число граждан, служащих во вспомогательных войсках, неуклонно росло. Конница всегда была слабым местом римской армии, и именно из-за этого было проиграно немало битв. Испанская, кельтская и арабская конница Ганнибала была ключом к его победам в Требии и Каннах: всадники Ганнибала буквально смели римских и италийских всадников и оставили фланги римской армии беззащитными перед его копейщиками. Хотя Сципион умело воспользовался нумидийцами, которые позволили ему одержать победу над Ганнибалом, римляне и после этого не уделяли достаточного внимания конному войску. Поскольку конница была частью легиона, ее приходилось набирать в основном в Италии, никогда не славившейся своими всадниками. Во второй половине II в. до н.э. римляне приняли важное решение ликвидировать легионную конницу и использовать иноземные конные части, набранные в местах боевых действий и возглавляемые своими вождями либо римскими командирами (*praefecti equites*), как делали карфагеняне. К I в. до н.э. эта практика сделалась повсеместной. Во время гражданской войны Цезарь использовал против Помпея галльские и германские конные отряды. В период ранней империи эти конные отряды были превращены в полки (*alae*, алы) численностью примерно в 500 всадников. К концу I в. н.э., как и в пехоте, появились более

крупные соединения, численностью примерно в 1000 всадников. Алы делились на турмы (*turmae*), соответственно на 16 (состоящих из 32 всадников и офицеров) и 24 турмы. Турмой командовал декурион. В эпоху республики конницей командовали туземные князья, но в период империи командиры постепенно стали назначаться исключительно из числа римских всадников. Это были люди, уже отслужившие префектами пехотных вспомогательных когорт, а затем либо трибунами в легионах, либо трибунами больших вспомогательных когорт. К середине II века существовало примерно 90 должностей префектов конных отрядов. К этому же времени командиры более крупных соединений конницы образовали группу избранных числом около десяти человек, состоящую из лучших командиров обычных конных полков. С этих должностей открывался путь в имперскую администрацию. У каждой алы было свое знамя (*vexillum*), а у каждой турмы — свой штандарт. Офицеры, стоящие ниже декуриона, именовались по своему жалованью: *duplicarius* (получающий двойную плату) соответствовал помощнику центуриона в легионе, и *sesquiplicarius* (получающий полуторную плату) соответствовал тессерарию. Кроме того, в турме был еще один офицер, куратор, видимо, отвечавший за лошадей. Во всех прочих отношениях должности ниже декурионской примерно соответствуют таким же должностям в легионе. Декурион, как правило, выдвигался из простых всадников, но временами на эту должность назначали и посторонних, особенно в тех провинциях, где не было легионов и наместник не мог раздавать должности центурионов. На Цезаря произвела большое впечатление германская смешанная конница, где легковооруженные пехотинцы бежали рядом со всадниками, держась за гриву лошади, чтобы не отстать. Подобное же встречалось в Нумидии и Испании, да и сами римляне постоянно смешивали своих велитов с конницей. Возможно, именно так возникли смешанные отряды, известные как *cohortes equitatae*, встречающиеся в период империи. Они состояли из обычной или удвоенной пехотной когорты вспомогательных войск, шести или десяти центурий, объединенной со 120 всадниками в обычной когорте из пятисот солдат либо с 240 всадниками в «тысячной» когорте. Эти отряды часто по ошибке принимаются за конную пехоту. Конная пехота использует лошадей на марше, а перед боем спешивается. А конница из *cohortes equitatae* объединялась с конницей ал как на марше, так и в бою. В римской армии таких смешанных подразделений было довольно много. Они, видимо, особенно успешно применялись при охране границ. Таким всадникам платили меньше, чем всадникам, служащим в алах, и снаряжение у них было похуже, но тем не менее они были всадниками.

Когорты в Риме

С древнейших времен при консуле состояли двенадцать ликторов, исполнявших обязанности его личной стражи. Ликторы носили связки прутьев с топорами, как знак того, что консул властен над жизнью и смертью граждан. Однако оказалось, что для полководца во время военных действий такой охраны недостаточно. Так появились *extraordinarii*, консульская стража. Во время осады Нуманции, завершившейся в 133 г. до н.э., Сципион Африканский набрал себе личную гвардию из пятисот человек. Они стали известны как преторианская когорта — от претория, главной площади лагеря, где разбивалась палатка полководца. К концу республики уже у всех военачальников была своя преторианская когорта. Император Август воспользовался этим примером и создал императорскую гвардию, состоящую из девяти преторианских когорт, всего около 4500 человек. Три из этих когорт Август держал в Риме размещенными на постой на частных квартирах, а прочие — в соседних городах. Во 2 г. до н.э. Август назначил двух командиров преторианской гвардии, *praefecti praetorio*. При преемнике Августа, Тибериусе, все девять когорт были переведены в Рим и объединены в одном лагере с тремя городскими когортами (см. ниже) под командованием единого командира, который теперь считался выше префекта Египта, первоначально самого престижного из несенаторских (то есть предназначенных для всадников) постов, учрежденных Августом. Гвардия, сосредоточенная под властью единого командира, могла представлять угрозу для императора. Преторианцы нередко вмешивались в дела империи, сажая на престол одних императоров и низводя других. Эта практика сурово порицалась. Но подобные вмешательства имели место только в периоды сомнительного престолонаследования, которые в первые два века существования империи были редки и коротки. Последнее слово все равно оставалось за легионами, и ставленники гвардии редко оставались на престоле, за исключением тех случаев, когда они, как Клавдий, действительно имели на это право. На самом деле и легионы, и гвардия были преданы императору и императорской семье; и только когда прямого и законного наследника не оставалось, ими могли манипулировать честолюбивые полководцы. Префектам гвардии редко удавалось посадить на престол «своих» правителей, и к тому же они сами очень сильно зависели от прихотей императора. В период ранней империи число преторианских когорт колебалось, но во II—III вв. оно остановилось на десяти. Количество людей в когортах точно не известно; поначалу их было около пятисот, но в начале III в. их число выросло до тысячи и даже до тысячи пятисот. Гвардейцы набирались в основном из италийцев и жителей нескольких ближайших провинций. В результате преторианские когорты заметно отличались от легионов, поскольку последние все больше формировались

исключительно в провинциях. Велика была и разница в жалованье: преторианец получал в три и одну треть раза больше легионера. Кроме того, эта служба была гораздо короче и приятнее: преторианцы служили всего 16 лет, и служба их проходила в основном в Риме — очень немногие императоры брали гвардию с собой в военные походы. В конце II в. положение изменилось. Гвардия оказалась втянута в одну из серьезнейших гражданских войн, и в какой-то момент — незабываемый эпизод! — выставила престол на торги. Их кандидат снова провалился, и Септимий Север, в конце концов одержавший победу, распустил гвардию и сформировал ее заново из числа своих дунайских легионеров. Отныне гвардия набиралась из легионов. Сенаторы могли жаловаться на судьбу молодых италийцев, которым ничего не оставалось, как идти в разбойники и бледнеть при виде варваров с границ, но в этом нововведении была своя логика, не говоря уже о том, что так было безопаснее для нового императора. Расширение этой и прочих частей римского гарнизона подчеркивало, что императору необходимо было иметь больше войск в своем непосредственном распоряжении. В эпоху своего расцвета гвардия помимо высокой платы пользовалась и другими значительными преимуществами. Новые императоры более чем щедро осыпали ее дарами. У гвардейцев было множество удобных случаев попасться на глаза императорам и другим влиятельным людям. Их форма и штандарты подчеркивали их особый статус. Доспех преторианцев, как и форма современных королевских гвардейцев, был традиционным, воспроизводя доспех эпохи республики. Когорта, дежурящая во дворце, носила тоги. На штандартах изображались портреты императора и его семьи, короны и богиня Победы. Схема продвижения по служебной лестнице в преторианской гвардии тоже была особой. Обычно на должность центуриона выдвигались только люди, отслужившие положенные 16 лет и оставшиеся в когорте в качестве сверхсрочников, *evocati*. Это было не единственной причиной оставаться на сверхсрочную службу: после 16 лет люди были еще сравнительно молоды и при этом обладали навыками и умениями, оправдывавшими продолжение службы в особом ранге и с увеличенным жалованьем. *Evocati*, получившие чин центуриона, могли отправиться в легионы или остаться в Риме. Оставшись в Риме, они служили по очереди в *vigiles* (вигилах, см. ниже), городских когортах и преторианских когортах. Должностями в Риме дорожили чрезвычайно. Центуриону из легионов нечего было и думать попасть в Рим, разве что по особому распоряжению — на эти посты назначались только гвардейцы. Особо назначенные центурионы были избавлены от службы в наименее престижных частях, *vigiles* — они направлялись в городские когорты. Лишь

немногие из старших солдат, служивших во главе канцелярии префекта гвардии или других римских префектов, могли претендовать на должность центуриона (но только в легионах) до завершения шестнадцатилетнего срока службы. В преторианских когортах не было должности примипила, старшего центуриона в легионе, поскольку эти когорты не составляли легиона. Некоторые из центурионских должностей, таких, как *tresenarius* или *princeps castrorum*, могли считаться *primi ordines*. Гвардейцы, которые с самого начала избрали должность центуриона в легионе, либо потом перевелись на должность центуриона первой когорты, по-видимому, соперничали с центурионами, которые выдвинулись на эту должность из рядов легионеров, либо были назначены на завидную должность примипила. Должность примипила сулила после выхода в отставку постоянный титул (*primipilaris*) и щедрое вознаграждение, вдвое больше, чем у прочих *primi ordines*. Из примипилов набирались трибуны, командующие когортами в Риме: вигилами, городской и преторианской гвардией. Это были самые надежные воины, сливки центурионства, что, впрочем, не мешало им ввязываться в заговоры, хотя, по крайней мере, некоторые из них руководствовались при этом благородными побуждениями. Однако большинство честно выполняли возложенную на них задачу. Префекты гвардии могли быть бывшими командирами конницы либо центурионами. Они занимали этот пост либо единолично, либо вместе с напарником, после должности префекта Египта и/или после должности префекта вигилов. Городские когорты тоже были размещены в Риме. Это было нечто вроде полиции, которой командовал городской префект (*praefectus urbi*). Это была почетная должность, предназначенная для сенаторов, завершающих свою карьеру. Городские когорты были созданы примерно в то же время, что и преторианская гвардия, и их первоначальные номера, X—XII, продолжали нумерацию преторианских когорт, I—IX.

При Клавдии число их разросло, но позднее Веспасиан сократил количество городских когорт, стоящих в Риме, до четырех, X—XII и XIV. XIII когорта стояла в Карфагене и подчинялась проконсулу Африки, а I стояла в Лугудунуме (совр. Лион), охраняя императорский монетный двор. Во II в. эти две когорты, находящиеся вне Рима, были переведены в другие места. Городские когорты набирались в Италии. Число людей в них

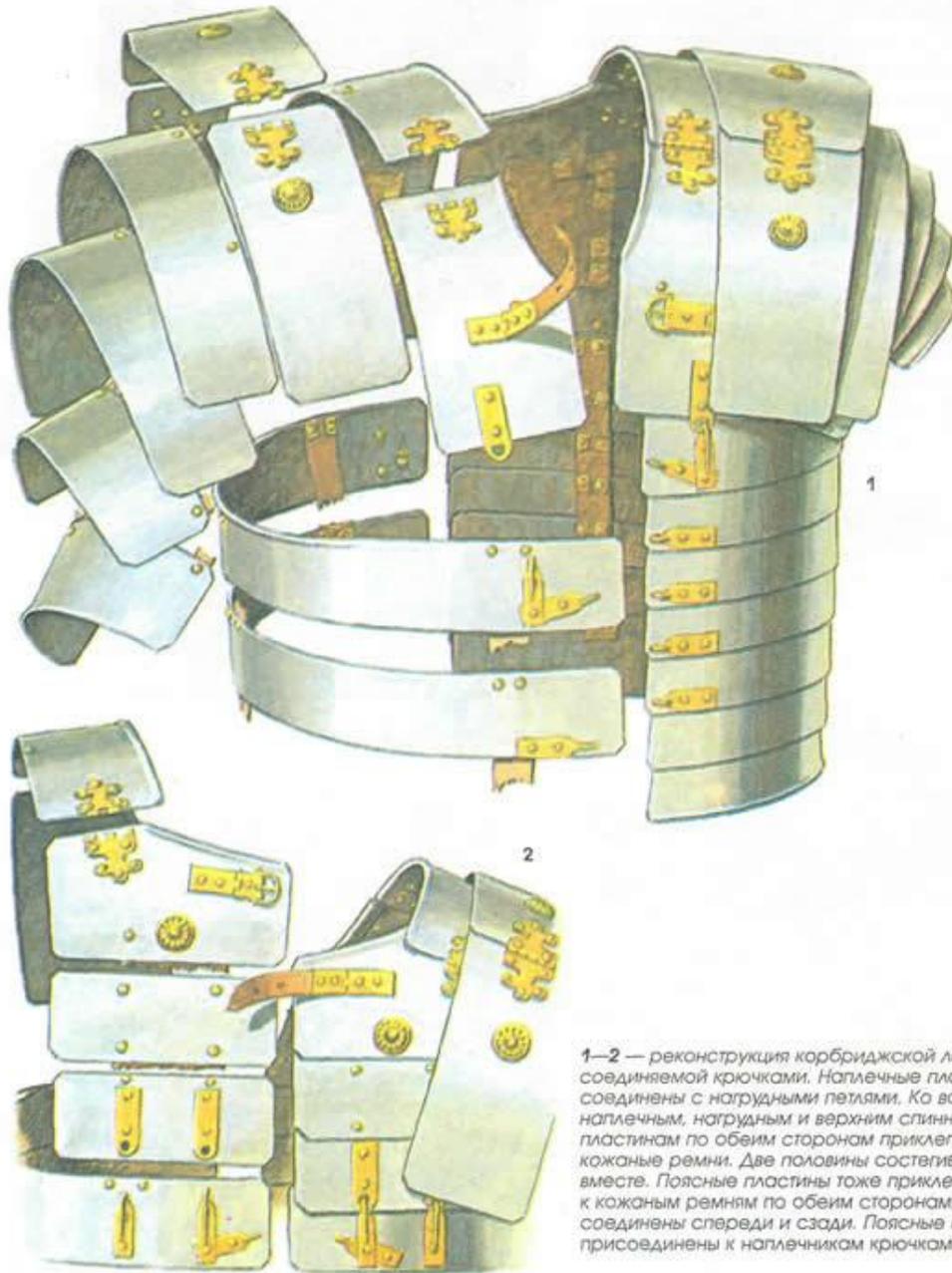
возросло с 500 при Августе до 1500 при Севере, вероятно, вслед за соответствующими изменениями в гвардии. Единственным способом выдвинуться для солдат городской стражи в Риме было перевестись в преторианскую гвардию. Один человек просил Адриана записать его в гвардию. Тот спросил, какого он роста, и отправил его в городскую когорту, с тем чтобы, если он выкажет себя хорошим солдатом, через три года перевести его в гвардию. В когортах, стоящих не в Риме, солдаты имели возможность стать центурионами в своей части. Сверхсрочной службы не предусматривалось; однако солдаты городских когорт служили по 20 лет — дольше, чем в гвардии, но меньше, чем в легионах. Жалованье, как и срок службы, было средним между жалованьем преторианцев и легионеров: в половину меньше, чем у первых, и на 1 и 2/3 больше, чем у вторых. Центурионы и трибуны по большей части назначались из числа центурионов и трибунов вигилов. Вигилы были полувоенным формированием, созданным Августом, первоначально в основном для борьбы с пожарами, хотя они исполняли также функции ночной стражи. Их было семь когорт, первоначально из 500, позднее из 1000 человек каждая. Семь когорт соответствовали четырнадцати районам Рима. Первоначально вигилы набирались из вольноотпущенников. Возможность продвижения была только у главы канцелярии префекта: с середины II в. н.э. он мог сделаться центурионом в легионе. По-видимому, было два типа службы: большинство служили семь лет, в то время как некоторые продолжали службу после этого срока, становясь старшими солдатами, офицерами ниже центуриона либо мастеровыми. Центурионы назначались из бывших гвардейцев-сверхсрочников; трибунами были бывшие примипилы. Командовал вигилами префект вигилов, бывший офицер конницы либо примипил, отслуживший после этого на различных административных постах (в должности прокуратора). Согласно закону, префект вигилов был обязан бодрствовать всю ночь.

Снаряжение

Увы, по вооружению и доспехам I в. до н.э. сведений у нас очень мало. Существует лишь одно скульптурное изображение, на котором показаны именно легионеры эпохи поздней республики. Этот памятник, известный как алтарь Домиция Аге нобарба, найден в неизвестном здании в Риме и, вероятно, восходит ко временам Мария. Сам алтарь находится теперь в Лувре, в Париже. На нем изображена группа солдат, по-видимому, увольняемых из армии. Группа состоит из четырех легионеров и офицера, вероятно, трибуна. Легионеры одеты в кольчуги, все еще воспроизводящие форму греческого льняного панциря, и имеют при себе овальные щиты, видимо, идентичные тем, что использовались во времена Полибия. На

одном из них шлем монтефортинского типа, на трех других — итало-коринфского типа. На всех шлемах — длинные гребни из конского волоса, но отсутствуют перья. Поножей ни на ком нет. Среди археологических находок доспехов того периода не обнаружено, но несколько шлемов до нас дошли. Солдаты приобретали доспехи на собственные средства, а потому легковооруженные велиты набирались из беднейших слоев населения. Когда Марий открыл доступ в легионы всем гражданам, невзирая на их состояние, армии пришлось взять вооружение новобранцев на себя, тем более что теперь всем требовалось снаряжение тяжелого пехотинца. Поэтому власти развернули массовое производство дешевых доспехов, оплачиваемых из солдатского жалованья. Об этом говорят сохранившиеся образцы шлемов того периода. Шлемы повреждены, часто покорежены. Практически все дошедшие до нас образцы относятся к монтефортинскому типу и очень похожи на те, что изготовлялись ранее, но сделаны грубее. При изготовлении шлемов использовались всевозможные упрощения технологии: так, к примеру, петли, на которых держатся нащечники, зачастую крепятся одной заклепкой вместо положенных двух. В ленинградском Эрмитаже хранится шлем итало-коринфского типа, относящийся, видимо, к тому же периоду. На офицере с алтаря Агенобарба — короткий панцирь, итало-коринфский шлем и поножи. Он вооружен круглым щитом, копьем и мечом, который он, видимо, носит слева. Под панцирем надета туника, по-видимому кожаная, с птеригами (полосками кожи или ткани, защищающими плечи и бедра), свисающими с пояса и с плеч. Это был традиционный доспех эллинистического офицера, надевавшийся поверх форменной туники. В Лувре имеется скульптура, на которой видна одна из таких кожаных туник с птеригами, развешенная на дереве. Офицер опоясан перевязью, завязанной спереди, с концами, заправленными под перевязь. Это греческий символ высокого ранга. Такую же перевязь мы видим на Александре (стр.72). Офицеры, изображенные на колонне Траяна, одеты примерно так же, из чего можно сделать вывод, что римляне полностью переняли греческую форму для своих старших офицеров. Во время французских раскопок 60-х гг. XIX века на месте осады Цезарем Алезии было найдено немало оружия, среди которого несколько наконечников пилумов и кинжал. Фрагменты меча были найдены в Испании, в Осуне, которую Цезарь осаждал в 46 г. до н.э. Меч поддается достаточно полной реконструкции. Он остроконечный, клинок длиной 64—65 см, с легким перехватом. Он такой же длины, как мечи из Смихеля, но при этом на 1 см шире. Хорошо сохранившийся пилум с плоским язычком (около 80 г. до н.э.) найден в Валенсии в Испании. Боковины язычка не загнуты: позднее II в. до н.э. эта особенность у пилумов вообще не

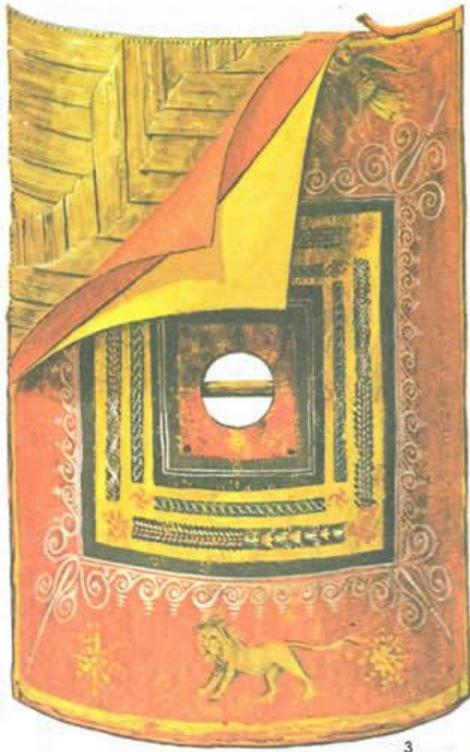
встречается. Полководец Марий около 100 г. до н.э. обнаружил, что пилум не всегда сгибается при ударе и враги иногда бросают его обратно. Поэтому он удалил одну из заклепок и заменил ее деревянным штырьком, который ломался при ударе. Вряд ли этого можно было добиться, если бы края хвостовика по-прежнему были подвернуты, удерживая наконечник на древке.

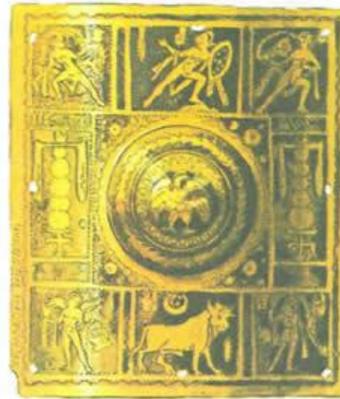
1—2 — реконструкция корбриджской лорики, соединяемой крючками. Наплечные пластины соединены с нагрудными петлями. Ко всем наплечным, нагрудным и верхним спинным пластинам по обеим сторонам прикрепаны кожаные ремни. Две половины состегиваются вместе. Поясные пластины тоже прикрепаны к кожаным ремням по обеим сторонам, а потом соединены спереди и сзади. Поясные пластины присоединены к наплечникам крючками.

В начале эпохи принципата в различных частях империи, по-видимому, были созданы мастерские, изготавливавшие доспехи. Должно быть, в Галлии такие мастерские тоже были, потому что в шлемах, найденных на Рейне, несомненно, ощущается галльское влияние. Хотя в начале I в. н.э. еще изготавливаются традиционные шлемы монтефортинского типа, появляются два новых типа, явно ведущие свое происхождение от шлемов, использовавшихся галлами в I в. до н.э. Это круглый бронзовый шлем с небольшим назатыльником, обычно называемый типом кулус, и железный шлем с широким назатыльником, происходящий из североальпийских

областей. Этот тип шлема обычно называют портским, от Порт-бай-Нидау в Швейцарии, где был найден экземпляр такого шлема. Этот тип, ведущий свое происхождение от кулусского шлема, сохраняет отдельные особенности монтефортинского — в частности, «шишечка» на верхушке, хотя теперь она имеет прорезь, в которую вставляется гребень, прикрепляемый к металлическому язычку, удерживаемому на месте штырьком, проходящим сквозь шишечку. Портский шлем, развившийся в тип, известный как имперский галльский шлем, сохранил большую часть особенностей своего галльского предшественника, не считая расширенного назатыльника, который к середине I в. сделался отличительной особенностью всех римских пехотных шлемов. Наиболее приметная кельтская черта этих шлемов — нащечники, абсолютно не похожие на нащечники более ранних римских типов. Еще одна черта — козырек в передней части шлема, который давал дополнительную защиту лица от рубящих ударов сверху. Эта особенность встречается также и у позднеэллинистических шлемов. Ко второй четверти I в. н.э. появляются выступы, защищающие уши. В таком виде римский пехотный шлем существовал в течение следующих двух веков. Бронзовый тип кулус исчезает к середине I в. Практически все легионерские шлемы более позднего периода, найденные на Рейне, сделаны из железа. Во второй половине века верхушка шлема начинает укрепляться дополнительными полосами. Поначалу это просто две плоские бронзовые полосы, но позднее полосы сменяются толстыми валиками. Мастерские в Италии продолжали производить бронзовые шлемы, бывшие чем-то средним между традиционными и новыми кельтскими типами. Довольно курьезный образец подобного шлема представляет собой номер 9. Шлемы по-прежнему удерживались с помощью двух ремней, прикрепленных к назатыльнику, перекрещивающихся под подбородком и привязывающихся к нащечниками. У большей части шлемов имперского галльского типа имеется прорезь для держателя гребня, который обычно имел форму буквы Y; сам гребень закреплялся между рожками. Спереди и сзади на шлеме обычно имелись крючки, удерживающие гребень на месте.

3 — прямоугольный скutum из Дура Европос в Сирии. Масштаб 1:10. Холщовое и кожаное покрытие отвернуто, чтобы показать основу из склеенных дощечек.

8

8 — бронзовый умбон с прямоугольного скutum, принадлежавшего Юнию Дубитату, который был в Британии с отрядом из VIII Августова легиона во II в. н.э. Британский музей. Масштаб 1:5.

6—8 — развитие умбона скutum.
6 — железный умбон с овального скutum с ребром, найденного в Майнце. Конец I в. до н.э. Музей среднего Рейна, Майнц.
7 — железный умбон со скutum с изогнутыми краями, плоским верхом и низом, но без ребра, найденный в Майнце. Начало I в. н.э. Музей среднего Рейна, Майнц.

4

4 — реконструкция внутренней стороны скutum I в. н.э., сделанная на основе щита из Дура Европос. У более ранних щитов край был обит металлом (5), в то время как у образца из Дура Европос край был обшит сыромятной кожей.

Вплоть до середины I в. легионеры продолжали носить тяжелые кольчуги весом 12—15 кг. На востоке, возможно, кольчуги сохранялись и дольше, но на западе те

же кельтские мастерские, что создали новый тип шлема, начали производство принципиально нового доспеха. Это был первый отчетливо выраженный пластинчатый доспех, известный как *lorica segmentata* (сегментированная лорика, название не римское). Относительно конструкции сегментированной лорики ученые вели ожесточенные споры несколько веков подряд, пока наконец в 1964 г. в Корбридже, рядом с Адриановым валом, не было обнаружено два полных комплекта этого доспеха. На внутренней стороне еще сохранились остатки кожаных ремней. Покойный Х. Рассел Робинсон изготовил реконструкции этих панцирей в лондонском Тауэре.

1—8 — римское оружие I в. н.э. Масштаб 1:10
 1 — один из пилюмов с плоским язычком из Оберрадена в северной Германии.
 1а — деталь. Соединение наконечника с древком. Видны заклепки и ободок.
 2 — пилюмы с утяжелением с рельефа Канчиллерия, Ватикан.
 3 — Gladius с вытянутым острием. Начало I в. н.э. Из Райнгенхайма.
 4 — ножны от меча с вытянутым острием, найденного в Рейне. Британский музей.
 5 — меч с коротким острием из Помпей.
 6 — меч с коротким острием. Музей среднего Рейна, Майнц.
 7 — железный кинжал в бронзовых ножнах из Лейдена в Голландии. Государственный музей, Лейден.
 8 — типичный кинжал. Музей культуры и ремесел, Гамбург.

9 — устье ножен меча с вытянутым острием, найденное в Майнце. Музей среднего Рейна, Майнц.
 10 и 11 — устье и наконечник ножен меча номер 6. Музей среднего Рейна, Майнц.
 12 — украшенный железный кинжал из Обераммергау. Государственная коллекция доисторических древностей, Мюнхен.
 13—15 — поясная пряжка, пластина и крючок для кинжала от двойного пояса. Найденны в Ауэрберге. Государственная коллекция доисторических древностей, Мюнхен.
 16 — поясная пряжка от одиночного пояса, найденного вместе с мечом номер 3. Исторический музей Пфальца, Шпайер.

17 — пластина с пояса из Ришлессена. Музей земли Вюртемберг, Штутгарт.
 18 — ремни фартука, вид спереди и сзади. Кожа с бронзовыми бляхами. Центральный римско-германский музей, Майнц.
 19—20 — застежки перевязи из Гоффхайма.
 21 — пояса для меча и кинжала, начало I в. н.э. Все металлические части были лужеными.
 22 — меч с перевязью и пояс для кинжала, середина или конец I в. н.э.

Ему удалось убедительно показать, как они были устроены. Существовало два способа прикрепления грудных и верхних спинных

пластин к нижней части доспеха. В одном варианте они скреплялись крючками, в другом (здесь он не приводится) — ремнями и пряжками, которые спереди располагались снаружи, а на спине — внутри доспеха, так что, видимо, сперва доспех наполовину собирался, потом надевался, и остальные пряжки застегивались уже на себе. На лориках обоих типов левая и правая нагрудная и верхняя спинная пластины соединены ремнями с пряжками. Сегменты нагрудной и наплечной частей соединены декоративными петлями. На одном из образцов петля сломана, и две пластины просто склепаны вместе, так что, видимо, петли действительно были чисто декоративными и не имели практического смысла. Фрагменты из Ньюстида, датируемые примерно тем же временем (конец I в.), петель, по всей видимости, не имели. Узкие полосы на плечах, поясе и верхней части спины были приклепаны к кожаным ремням, и поясные пластины стягивались вместе спереди и сзади. Реконструированные лорики весят примерно килограмм девять. Первоначально предполагалось, что эти доспехи относятся ко II в. н.э., но фрагменты подобных доспехов были найдены во многих более ранних поселениях. Крючки с поясных пластин, приклепанные к железу, встречаются среди предметов, недвусмысленно указывающих на первую половину I в. Другое важное обстоятельство состоит в том, что подобные фрагменты находят отнюдь не только на месте легионных лагерей. Становится все более очевидным, что сегментированную лорику носили далеко не только легионеры. В начале I в. н.э. овальный skutum был замещен более коротким прямоугольным щитом, который сохранил прежнее название. Поначалу это был все тот же овальный skutum, только обрезанный сверху и снизу, но постепенно и боковые края тоже сделались прямыми. Единственный сохранившийся экземпляр такого щита найден в Дура Европос в Сирии и датируется III в. н.э. Этот щит имеет точно такую же конструкцию, как и фаюмский щит: он склеен из трех слоев платановых дощечек примерно 2 мм толщиной, наклеенных крест-накрест, так что образуется изогнутый кусок фанеры. Изнутри щит укреплен полосками дерева, тоже наклеенными. Ручка образуется утолщением средней полоски. Щит обтягивался кожей, а поверх кожи — холстиной. Края обшивались сыромятной кожей, пришитой к дереву. Этот щит куда легче и менее прочен, чем фаюмский и латенский образцы, которые почти в два раза толще в середине. Богатые украшения на щите и тот факт, что он был сделан во времена, когда прямоугольный skutum уже почти вышел из употребления, видимо, говорят о том, что это был традиционный церемониальный щит. В бою он однозначно никогда не использовался. В связи с этим можно вспомнить преторианцев, которые в конце I в. н.э. по-прежнему выходили на парад с овальными skutumami. В I—II вв. н.э. край

прямоугольного скутума, как правило, укреплялся бронзой. Найдено множество обломков такой оковки, и они доказывают, что щит действительно был около 6 мм толщиной. Но, вероятнее всего, щит, как и в более ранний период, укреплялся дополнительно, так что его толщина в середине была около сантиметра. Реконструкции прямоугольного скутума, сделанные на основе щита из Дура Европос, с добавлением бронзовой оковки и железного умбона, весят 5,5 кг. Если в середине щит утолщался, вес должен был достигать до 7,5 кг. У всех образцов щита типа скутума, как кельтских, так и римских, имеется горизонтальная ручка, которую можно видеть на многих скульптурах. Ручку сжимали в кулаке. В бою щит обычно держали на вытянутой руке. Ручка защищена железным либо бронзовым умбоном. Переход от овального щита к прямоугольному повлек за собой и изменение формы умбона. Лицевая сторона щита украшалась рисунком. Тацит, описывая вторую битву при Кремоне в 69 г. н.э., рассказывает, что двое легионеров подобрали щиты убитых врагов и, прячась за ними, сумели пробраться в ряды неприятеля и вывести из строя катапульту. Поскольку дело было ночью, при свете луны, можно предположить, что крупные рисунки на щите были узнаваемым символом легиона. На протяжении I—II вв. продолжал использоваться пилум. Найдены остатки множества пилумов, как с трубкой, так и с плоским язычком, с наконечниками длиной от 65 до 75 см. Наиболее сохранившиеся экземпляры с плоским язычком найдены в Оберрадене в северной Германии. У этих пилумов уцелел не только железный наконечник, но и остатки древка. Они похожи на тяжелые пилумы более ранних периодов. Плоский язычок удерживается в деревянном древке двумя заклепками. Однако они куда легче по конструкции, чем экземпляры из Нуманции. В реконструированном виде они весят менее 2 кг. Облегчение обычного пилума в эпоху ранней империи, видимо, привело к созданию утяжеленного пилума с круглым свинцовым грузом, который крепился в месте соединения древка и наконечника. Этот тип пилума показан на рельефе Канчиллерия в Риме, на котором изображены преторианцы эпохи Флавия. К сожалению, образцов такого типа пилумов у нас нет, хотя найдено несколько наконечников с шипами на хвостовике, которые могли принадлежать именно таким пилумам. К концу I в. до н.э. легионерский меч сделался короче, и к концу I в. н.э. он превратился в короткое, но по-прежнему с вытянутым острием колющее оружие, длина клинка которого — 50—56 см. Мечи весят около килограмма, ножны — примерно в половину меньше. Ножны обычно делались из двух деревянных пластин, окованных бронзой. Лицевая сторона ножен часто покрывается тонким листом луженой бронзы. Ближе к концу века был введен новый меч, одинаковой ширины по всей длине и с более коротким острием. Длина клинка варьируется от 40 до

55 см. Он мало похож на первоначальный испанский меч, так что называть его *gladius hispaniensis* уже неправомерно. От I в. н.э. до нас дошли несколько кинжалов. Они мало отличаются друг от друга, разве что длиной острия. Все они по-прежнему очень похожи на своих испанских предшественников. Длина клинка варьирует от 20 до 25 см. Ножны сделаны из бронзы либо железа и обычно богато украшены серебряной инкрустацией. Примерно в то же время, как появляется новый меч, возникают и новые кинжальные ножны. Они состоят из передней и задней пластины чеканной бронзы, приклепанных к деревянной основе. Видимо, к концу I в. кинжалы вышли из вооружения легионера. На колонне Траяна их нет. В начале I в. н.э. меч и кинжал носились на двух отдельных поясах, которые скрещивались на спине и на животе, как у ковбоев. С поясов свисал фартук, состоящий из металлических блях, приклепанных к кожаным ремням. Позднее эти пояса были заменены одним, на котором висели кинжал и фартук, а меч стали носить на перевязи, на правом боку. Такие пояса были покрыты прямоугольными пластинами, обычно из луженой бронзы. Такие пластины были найдены в большинстве легионерских лагерей, включая Нуманцию, что говорит о том, что эти пояса были в ходу еще во II в. до н.э. А образцы пластин конца периода вилланова заставляют предположить, что они использовались и раньше. Найдено много образцов военных сандалий (*caligae*). Верхняя часть таких сандалий вырезалась из одного куска кожи, который обертывался вокруг ноги и прошивался у пятки. Верх пришивался к тяжелой подметке из нескольких слоев кожи, подбитой железными гвоздями. Эти тяжелые сандалии весили немногим меньше килограмма. Иосиф описывает комичное происшествие: во время осады Иерусалима какой-то центурион бросился бежать через мощный двор храма, поскользнулся на своих гвоздях и грохнулся навзничь.

Вспомогательная конница и пехота

Многие авторы полагают, что римляне не использовали облаченной в доспехи конницы вплоть до начала II в. н.э. Но утверждать так было бы упрощением. Отчасти это заблуждение возникло из-за неправильной интерпретации памятников. Не следует забывать, что римские скульптуры были раскрашенными, и потому отсутствие доспехов на всадниках, изображенных на колонне Траяна и других памятниках и надгробиях, неудивительно. Однако на надгробиях легионеров первого века империи доспехи тоже не изображаются, и при этом никто не оспаривает, что легионеры той эпохи их носили. Всадники на памятнике Эмилия Павла одеты в такие же панцири, что и на легионерах, на которых явно есть доспехи, и на рельефе Агенобарба времен Мария изображен всадник, одетый в четко обрисованную кольчугу. На очень подробном рельефе из

Мантуи в долине По, датируемом концом правления Августа, изображены два всадника, один в кольчуге, другой в чешуйчатом доспехе. Кроме того, в Германии имеется немало надгробий всадников, относящихся к I в., и на них изображены всадники в доспехах, сделанных по тому же образцу. И наконец, на Траяновом фризе с арки Константина (около 115 г. н.э.) изображены всадники, одетые в доспехи, и форма их панцирей совпадает с той, что у всадников на колонне Траяна. Доспешная конница возникла на Ближнем Востоке в IX—X вв. до н.э. Конские доспехи (наглавники и нагрудники), найденные и в Италии, и в Греции, датируемые IV—V вв. до н.э., показывают, что частично облаченная в доспех конница использовалась в течение всего классического периода. Роксоланы, сарматское племя, пришедшее из-за Дуная во второй половине I в. н.э., заставили Рим столкнуться лицом к лицу с новым типом конницы, возникшим на Востоке. Это были катафракты, тяжелая конница, в которой и всадник, и конь были защищены доспехом. Рим, разумеется, в ответ ввел такую же конницу у себя. Возможно, отдельные части такой конницы существовали и прежде, но Адриан первым сформировал регулярную часть катафрактов. Эти новые части были вооружены тяжелой пикой (*contus*). На другом конце шкалы находились нумидийские всадники, вообще не носившие доспехов и ездившие без узды, а также конные лучники. Греческие всадники носили шлемы без нащечников и назатыльников, чтобы хорошо видеть и слышать все, что происходит вокруг. Однако у римского всадника шлем закрывал всю голову и оставлял открытыми лишь глаза, нос и рот. Уши были полностью закрыты. Во II в. шлемы всадников, как и легионерские, стали усиливать скрещенными полосами. К концу I в. на лобной части шлема часто появляется также усиливающий заостренный козырек. Защищавший тело доспех был либо кольчужным, либо чешуйчатым. Кольчуги, изображенные на надгробиях всадников I в. н.э., ведут свое происхождение от кельтского панциря с оплечьем, что и неудивительно. Кольчуга такого типа весила килограммов шестнадцать. Оплечье крепилось на груди парой накладных крючков в форме буквы S, что позволяло наплечникам свободно двигаться. Кольчуга имела разрез у бедер, как и в период республики, чтобы позволить всаднику садиться верхом. На колонне Траяна изображены всадники в значительно более простых кольчугах, с зубцами на плечах и на поясе. Такая кольчуга весила около 9 кг. В крепости конца I в. в Ньюстиде в Шотландии найдены фрагменты составных набедренных лат, сделанных из бронзовых полос. В эпоху ранней империи на лошадей доспехов не надевали, но зато украшали их подвесками и бляхами (*phalerae*) из луженой бронзы. Множество таких украшений найдено в раскопках по всей территории империи. Кроме того, их можно видеть на многочисленных римских статуях

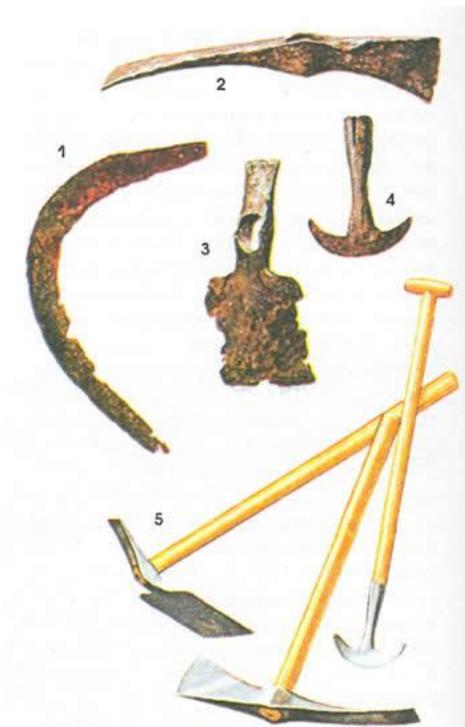
и надгробиях. Эти украшения тоже кельтского происхождения. В эпоху ранней империи, когда конница на западе набиралась в основном из кельтов, римские всадники носили длинный меч (*spatha*), с клинком длиной 60—70 см, явно происходящий от кельтского длинного меча, и плоский овальный или, иногда, восьмиугольный щит, тоже явно кельтский. Когда щитом не пользовались, его вешали на лошадь сбоку, иногда под чепрак. Иосиф утверждает, что восточная конница Веспасиана возила при себе колчаны с тремя-четырьмя дротиками, с широкими, как у копий, наконечниками. Видимо, этот колчан висел на лошади, а не на всаднике. Впервые седло внезапно появляется на римских скульптурах эпохи ранней империи. Однако нетрудно показать, что седло, как и большая часть прочего снаряжения, почти наверняка было кельтского происхождения. В своих записках о галльской войне Цезарь мимоходом замечает, что германцы пренебрегали использованием седла. Это было в те времена, когда конница Цезаря была почти исключительно кельтской, и потому следует предположить, что седлом пользовались кельты. Памятник Юлия в Сен-Реми на юге Франции, восходящий ко времени вскоре после смерти Цезаря, посвящен неизвестной битве, в которой участвуют римляне и кельты. На одном из рельефов изображена битва всадников, где одна лошадь упала и сбросила всадника. На лошади седло, явно римское, с раздвоенными луками. Упавший всадник, должно быть, кельт, поскольку римляне не изображали на триумфальных памятниках своих убитых. Стремья античный мир не знал. Делаются попытки связать появление стремян с сарматами, но они неубедительны. Утверждение, что катафракты не могли держаться в седле без стремян, отодвигает появление стремян по крайней мере на три века назад, поскольку катафракты использовали еще Антиох Великий. Ни на одной римской статуе или картине нет ничего, хотя бы отдаленно напоминающего стремяна. Впервые стремяна упоминаются в «Стратегиконе» Маврикия, византийского императора (582—602). Самые ранние образцы стремян в Европе встречаются в аварских погребениях VII в. в Дакии. Впервые стремяна появились в Китае в V в. н.э. На запад их, вероятно, принесли тюрки и авары, появившиеся в Европе в первой половине VI в. Напротив, шпоры широко использовались по всей империи, и археологи находят их в большом количестве. Найдено также множество подков традиционного типа, прибывающих к копытам. Образцы таких подков обнаружены на бельгском уровне в Колчестере. Следует предположить, что это подковы позднекельтского происхождения, позаимствованные римлянами. Существовали также съемные подковы, называемые конским башмаком, которые пристегивались к копыту ремнями. Зачем они были нужны — неизвестно. Оба типа подков находят

преимущественно в гражданских поселениях, поэтому можно предположить, что использовались они в основном для тягловых животных. Использовались два типа удил — обычный трензель (кельтского происхождения) с двумя кольцами, к которым пристегивался повод и ремни сбруи, и италийский тип, слишком сложный, чтобы его описывать. Вспомогательная пехота варьировала от легковооруженных отрядов, таких, как пращники с колонны Траяна, которые сражались не только без доспехов, но и без обуви, если верить изображению, до полностью вооруженных частей, чьи доспехи были копией легионерских, только худшего качества — единственное отличие состояло в том, что ауксиллии носили плоский щит вместо skutума. Некоторые носили чешуйчатый доспех, сделанный из рядов металлических чешуек, нашитых на ткань. Чешуйки были разного размера — от одного до пяти сантиметров в длину. Форма панциря была примерно такой же, как у кольчуги. Шлемы обычно представляли собой дешевые бронзовые варианты распространенных легионерских типов. Доспешная пехота была вооружена обычно мечом, подобным легионерскому гладиусу, и коротким копьем. Лучники, обычно восточного происхождения, изображены на колонне Траяна в кольчугах, представляющих собой удлиненный вариант кольчуги всадника. Они использовали сложносоставной лук, который был намного короче английского длинного лука и делался из дерева, укрепленного изнутри изгиба рогом, а снаружи — жилами. Концы лука усиливались роговыми наконечниками, к которым крепилась тетива. На месте римских военных лагерей найдено множество таких наконечников.

Армия в походе.

На марше

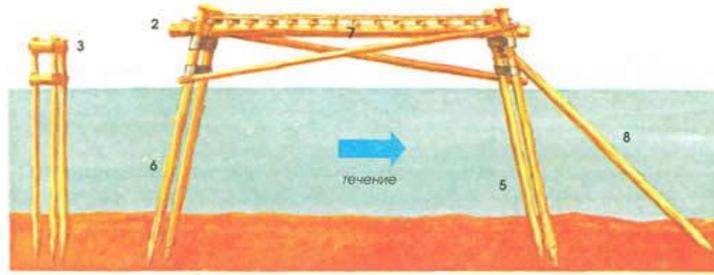
Иудейский историк Иосиф Флавий в своем повествовании о восстании в Иудее (66 — ок. 73 гг. н.э.) дает примечательное описание римской армии в походе. Примечательно оно тем, что говорит о крайнем консерватизме римлян. Хотя описание это создано более чем через двести лет после Полибия и явно не списано из труда Полибия, тем не менее оба описания практически идентичны. Каждое утро на рассвете центурионы, как и двести лет назад, отправляются с докладом к палаткам трибунов и оттуда вместе с ними идут за приказами к военачальнику. Потом они возвращаются в свои центурии. Солдаты уже собрались и ждут приказов на сегодняшний день. Если решено было сняться с лагеря, ждут сигнала трубы. По первому сигналу сворачиваются палатки, солдаты собирают свое снаряжение. По второму палатки и прочий лишний багаж грузится на мулов; оставшиеся деревянные постройки сжигаются, и солдаты собираются в походные колонны.

1—5 — орудия легионера.
 1 — серп из Нуманции.
 2 — киркомотыга (*dolabra*) из Кремоны.
 3 — саперная лопатка из Каstell Кюнцинг.
 4 — дернорезка из Ньюстида.
 5 — реконструкция орудий.

6 — кожаный чехол для щита из Харднотта.
 7 — кусок кожаной палатки с Антонинова вала.
 8 — кол для частоккола с Адрианова вала.
 9—10 — ведро и миска из Кремоны.
 11 — цепь со звеньями-восьмерками из Нуманции.

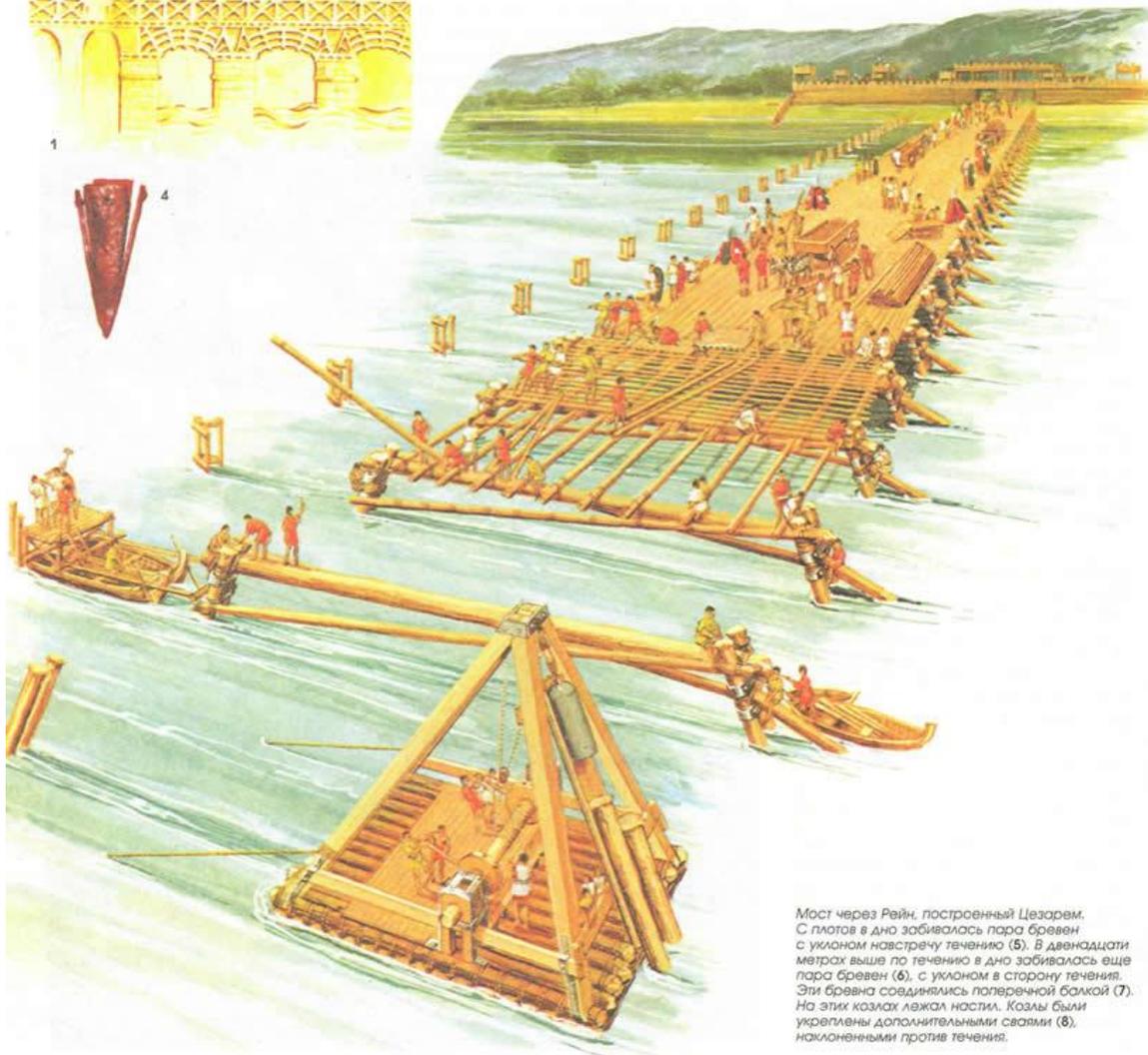
1 — мост через Дунай, изображенный на колонне Траяна. Деревянная надстройка поддерживается двадцатью массивными каменными башками.
 2 — поперечный разрез моста, построенного Цезарем на Рейне. Течение — слева направо. Выше по течению стояли защитные сваи (3), чтобы предохранить мост от плывущих сверху бревен. Плановое описание моста дается ниже.
 4 — железный наконечник сваи от подобного же моста, найденный в Рейне. Музей земли Рейн, Бонн.

1

4

Мост через Рейн, построенный Цезарем. С плотов в дно забивалась пара бревен с уклоном навстречу течению (5). В двенадцати метрах выше по течению в дно забивалась еще пара бревен (6), с уклоном в сторону течения. Эти бревна соединялись поперечной балкой (7). На этих козлах лежал настил. Козлы были укреплены дополнительными сваями (8), наклоненными против течения.

Иосифово описание снаряжения легионеров во многом отражает последствия реформ Мариа, который почти два века назад заставил солдат носить все свое снаряжение на себе, за что их прозвали «Мариевыми мулами». Каждый легионер должен был нести пилу, корзину, киркомотыгу (dolabra), кожаный ремень и цепь. К этому иногда добавлялись саперная лопатка и дернорезка, но не следует предполагать, что эти орудия носили при себе все солдаты. Кроме того, солдат нес с собой трехдневный паек.

Легионеры на марше изображены на колонне Траяна. Щиты они несут слева, видимо, на наплечном ремне, как и во времена Полибия. Щиты изображены открытыми, чтобы видны были украшения, но из записок Цезаря мы знаем, что щит носился в кожаном чехле. Найдено несколько образцов таких чехлов. В чехлах спереди имеется круглое отверстие для умбона. На походе легионеры шли с непокрытыми головами, неся шлем на ремне через правое плечо; в остальном они были в полном вооружении. На левом плече каждый легионер несет шест с поперечиной, на котором висит его поклажа. Среди поклажи можно различить миску (*patera*), котелок либо ведро и кожаную сумку с ручкой, в которой находится одежда и личные вещи. В мешочке на самом верху, по-видимому, хранится паек, который при необходимости солдат должен был растянуть на 15 дней. В походе солдаты питались в основном сухарями из непросеянной муки, которые сами же и изготавливали. К этому добавлялась ветчина, сыр и кислое вино, то есть такие продукты, которые не портятся от длительного хранения. В лагере солдатское питание было куда более разнообразным и аппетитным. Во время раскопок на месте военных лагерей были обнаружены кости от говядины, баранины, свинины и другого мяса, не говоря уже о птице, яйцах, рыбе, моллюсках и различных фруктах и овощах. Необходимой приправой считалась соль. По третьему сигналу трубы припозднившиеся торопились занять свои места в рядах. Перед выступлением глашатай, заняв свое место справа от полководца, трижды спрашивал, готовы ли солдаты к войне, и солдаты трижды отвечали: «Готовы!» Некоторые даже вскидывали правую руку в знак подтверждения. И колонна трогалась вперед, каждый на своем месте. Вспомогательная конница и пехота выполняла задачи, которые во времена Полибия обычно выполняли *extraordinarii* — разведывали путь армии и служили телохранителями полководца. Интересно отметить, что второе регулярно поручалось не римлянам. В обычных обстоятельствах армии полагалось проходить около тридцати километров в день, однако упоминается и о марш-бросках по пятьдесят и более километров. Первопроходцы были готовы к преодолению любых препятствий. Существовало три способа форсирования рек. Если через реку имелся брод, но течение было слишком сильным, половина конницы входила в воду и вставала выше по течению, а вторая половина — ниже. Те, что стояли выше по течению, работали волноломами, в то время как те, кто стоял ниже, ловили упавших пехотинцев и вещи, унесенные потоком. Если брода не было, инженеры, идущие с передовым отрядом, решали, что лучше строить: мост на сваях или понтонную переправу. Когда войску предстояла длительная кампания, целью которой было покорение территории, могло быть выстроено и более капитальное сооружение, например, такое, как мост

через Дунай, построенный Траяном у Железных Ворот. Этот мост был длиной в полтора километра и держался на двадцати массивных каменных опорах в 50 м высотой и 20 м шириной, поддерживающих деревянную надстройку. Мосты попроще держались на деревянных сваях, забитых попарно в речное дно на расстоянии примерно 12 м друг от друга. Эти сваи были соединены поперечными балками, образуя ряды козел, поддерживающих настил. Мост, выстроенный Цезарем через Рейн (видимо, он находился в районе Кобленца, где Рейн достигает примерно полукилометра в ширину и восьми метров глубины), был именно такого типа. То, что такие мосты строились регулярно, доказывают обнаруженные в нескольких местах на дне Рейна остатки опор. В районе Бонна в Рейне были найдены несколько железных наконечников с таких опор. Если течение было не слишком сильным или река была слишком глубока для постройки свайного моста, устраивался понтонный мост. Арриан в своем «Анабасисе Александра» описывает мост, переброшенный Александром через Инд, говоря, что ему неизвестно, какой именно способ использовал Александр, но сам он опишет общепринятый римский метод, который использовался для наведения переправ через Рейн, Дунай, Тигр и Евфрат. Он добавляет, что быстрейший способ наведения такого моста — это использование лодок. По сигналу лодки отпускают плыть по течению кормой вперед на буксире и подводят к нужному месту. Потом с лодок сбрасываются плетеные корзины в форме пирамиды, наполненные камнями, служащие якорями. Когда каждая лодка установлена на нужное место (видимо, на расстоянии примерно пяти метров одна от другой) и поставлена на якорь, через них перебрасываются продольные брусья, скрепляемые поперечными досками. Вдоль обоих краев моста укладываются лестницы, чтобы сделать его более безопасным для лошадей и вьючных животных. Такой мост изображен на колонне Траяна. Большое преимущество понтонного и свайного мостов состояло в том, что они могли быть переброшены через реку при отсутствии предмостного укрепления на другом берегу. По завершении дневного перехода устраивался лагерь, который обносился рвом, валом и частоколом, как и во времена Полибия. Найдено множество кольев, длиной в пять римских футов, заостренных с обоих концов и с вырезом в середине. Считается, что это и есть колья для частокола. Но они сильно отличаются от тех, что описаны Полибием, и, если это действительно колья для частокола, видимо, назначение частокола стало несколько другим: будучи воткнуты в землю вала, они должны были торчать из нее не больше чем на метр. Найдено немало фрагментов кожаных палаток. Палатки были десяти римских футов в длину и в ширину плюс еще два фута на растяжки. В палатке помещалось восемь человек (*contubernium*).

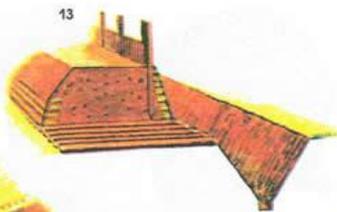
Сам лагерь сильно отличается от лагеря времен Полибия. Раскопки на месте постоянных легионных крепостей дают представление об общем расположении лагеря. Хотя центурии по-прежнему располагаются попарно, напоминая о прежней системе манипулов, и, несомненно, первые и вторые центурии располагались вместе, казарменные блоки, как правило, строились по периметру лагеря. Казармы строились на расстоянии примерно 30 м от вала, чтобы до них не долетали снаряды. Каждый блок состоял из десяти-одиннадцати двойных комнат, занимающих примерно две трети площади казармы. Каждая комната состояла из большой спальни, примерно 4,5 на 4,5 м, в которой размещались восемь легионеров, и меньшего помещения для вещей. В другой части казармы находилась канцелярия и комнаты центуриона. Как и в дни Полибия, лагерь разделялся надвое *via praetoria*, идущей от *porta praetoria*. Другой конец этой улицы, ведущей к *porta decumana*, которые назывались так потому, что в лагере времен Полибия рядом с ними располагался десятый манипул, назывался *via decumana*. Поперек лагеря по-прежнему шла *via principalis*, где раньше собирались солдаты, но теперь центром жизни лагеря стало специальное здание, *principia*, которое располагалось на *виа* принципалис позади или бок о бок с преторием, и было обращено к *виа* декумана. Жилища трибунов по-прежнему были расположены вдоль *виа* принципалис. Постоянные лагеря первоначально строились из дерева, но позднее, в середине I в. н.э. в Германии и к концу века в Британии, были заново отстроены из камня. Это было сделано не из-за какой-то опасности, а просто потому, что лагеря действительно сделались по-настоящему постоянными. Они были похожи на маленькие городки, где было все, что необходимо для жизни: госпиталя, мастерские и т.д.

В бою

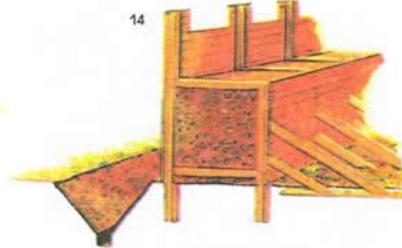
Об основах легионной тактики эпохи ранней империи нам известно мало. Поскольку вооружение осталось примерно тем же, можно предположить, что легионеры сражались по-прежнему. Хотя в I в. н.э. щит сделался короче, взамен были увеличены наплечники. Поначалу, вероятно, были удлинены рукава кольчуги, а позднее была введена сегментированная лорика с мощными наплечными пластинами.

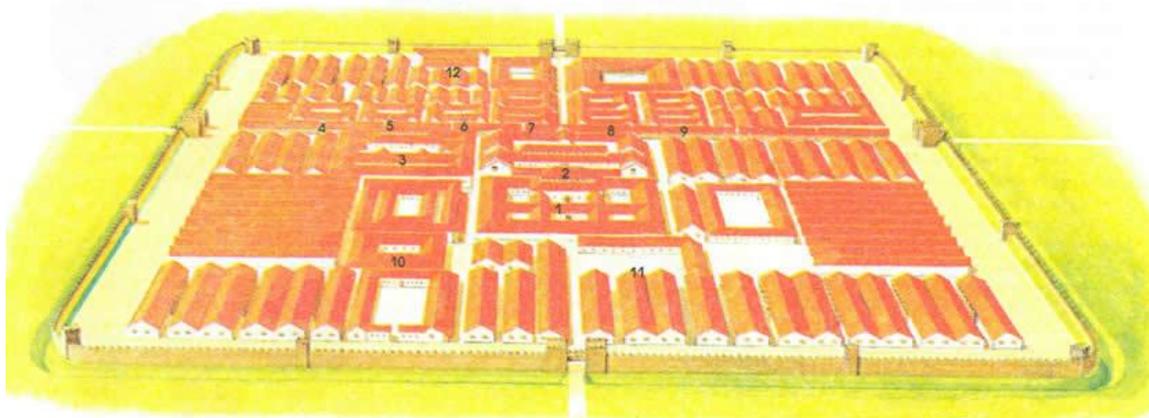
12—14 — оборонительные сооружения деревянных лагерей.
12 — бревенчатые ворота крепости в Ланге, Беджингтон, Урикшир. Реконструкция Брайана Хобли.

13 — разрез вала, выложенного деревом, построенного на основе из бревен, которая должна была удерживать его, если земля была слишком мягкой.

14 — реконструкция коробчатой стены, остатки которой раскопаны в крепости Валькенбург в Голландии. Этот тип укрепления использовался там, где дерн был слишком рыхлым, чтобы построить обычный вал.

Крепость XVI Галльского легиона в Новезиуме (совр. Нойс) в нижнем течении Рейна. Площадь лагеря — 450x650 м.
1 — дом командира (преторий).
2 — штаб легиона (принципия).
3 — госпиталь.
4—9 — дома трибунов.
10 — мастерские.
11 — рыночная площадь (форум).
12 — амбары и кухни.
Казармы — длинные здания, выстроенные попарно вдоль периметра лагеря.

Принципия, выходящая на виа принципалис. Позади — дом командира (преторий). Принципия была штабом легиона. Здесь, в особом святилище, хранились штандарты.

Внутреннее устройство казармы. В дальнем конце — комнаты легионеров. На переднем плане — жилище центуриона и канцелярия.

Хотя теперь армия могла сражаться строем как в одну, так и в несколько боевых линий, эти линии по-прежнему должны были иметь возможность меняться местами; для этого вторым центуриям следовало расступаться. Изогнутый skutum нарочно имел такую форму, чтобы прикрывать солдата не только спереди, но и с боков, когда строй расступается. Логично было бы предположить, что отказ от skutuma в III в. говорит о том, что подобная

тактика вышла из употребления. Во время осады Цезарем Алезии пилум использовался в качестве оборонительного оружия. Это дает возможность лучше понять римскую технику боя с мечом и пилумом. При Алезии легионеры пытались сдержать наступление галлов, штурмующих укрепления. Очевидно, они метнули во врагов свои легкие пилумы, а потом использовали более тяжелые как копья, чтобы сдерживать противника, пока не подошли подкрепления. Когда подкрепления подошли, легионеры метнули во врагов все пилумы и пошли на сближение с мечами, как обычно. Не следует предполагать, что эта тактика, как и другие действия войска Цезаря, была нововведением. Этот способ обороны, вероятно, возник в качестве компенсации ликвидации третьего ряда копейщиков (триариев). Одним из преимуществ нового устройства легиона было то, что теперь отдельный легион мог строиться самыми разнообразными способами. Вегеций говорит о построении в два ряда: когорты с первой по пятую впереди и с шестой по десятую — во втором ряду. Построение, идеально подходящее и к римской тактике, и к новому устройству легиона, — это строй, предназначенный для прорыва, так называемая «свинья». Одна когорта строилась впереди, вторая и третья — во втором ряду, четвертая, пятая и шестая — в третьем, и остальные четыре — в последнем ряду, так что получался клин. В общем, следует предположить, что армия продолжала сражаться в обычном строю, как и при республике. Система командования, принятая в Риме в эпоху раннего принципата, когда на уровне центурии командовали только профессиональные офицеры, находящиеся на длительной службе, исключала ненужный полет фантазии на уровне крупных соединений. Римские полководцы предпочитали полагаться на надежную, проверенную временем тактику, опирающуюся на богатый опыт центурионов. Семь видов тактик, упоминаемые у Вегеция, включающие в себя достаточно сложные маневры, похоже, взяты скорее из подвигов таких военачальников, как Сципион или Цезарь, а не из повседневной военной практики.

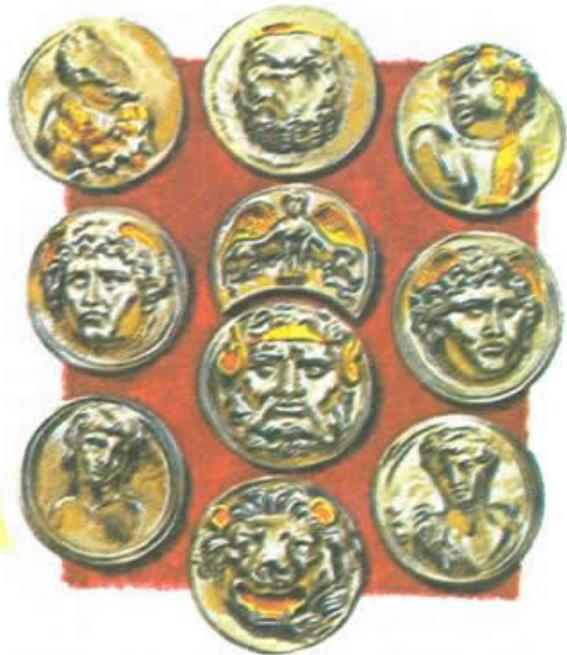
После боя

После боя полководец по обычаю вознаграждал солдат, отличившихся в битве. Во времена республики солдаты, помимо знаков отличия, могли рассчитывать еще и надолго в военной добыче. Во времена империи от этого пришлось отказаться, поскольку случаев заслужить ту или иную награду стало куда меньше. Поэтому императоры, чтобы задобрить войска, ввели в обычай и в мирное время раздавать выплаты (подарки), зачастую равные пятилетнему жалованью. Такие выплаты делались при восшествии императоров на престол. Во время смуты, последовавшей за смертью Нерона, когда на престоле один за другим сменилось четыре императора,

эти подарки играли весьма важную роль. Преторианцам было обещано десятилетнее жалование за то, что они поддержат Гальбу при восшествии на престол. Не получив обещанной взятки, преторианцы убили его после всего лишь четырех месяцев царствования.

Нагробие центуриона Марка Целия из XVIII легиона, на котором изображены все его воинские награды: корона цивика, фалары, армиллы и гривны. Целий погиб вместе с Квинтилием Варом.

Набор фалар из Лауэрсфорта в Германии. Они выполнены из покрытого золотом серебра. Фалары явно кельтского происхождения. Ими награждались простые солдаты.

В период республики воинские знаки отличия раздавались по большей части на основе индивидуальных заслуг, невзирая на ранг. В эпоху империи некоторые награды были предназначены только для определенных рангов, и первоначальный смысл награды был забыт. Так, короной навались награждались только люди рангом не ниже консуляра, и она уже не имела никакого отношения к морю и кораблям. Корона обсидионалис, дававшаяся за спасение армии, по самому своему происхождению предназначалась только командиру. Неясно, присуждалась ли она в эпоху империи — однако Плиний утверждает, что Август получил такой венок. Последним, о ком точно известно, что он награждался таким венком, был Сулла. Корона цивика сохранила свое прежнее значение и, как и при республике, присуждалась тому, кто спас жизнь гражданину на поле битвы. А вот корона муралис и корона валларис сделались чисто декоративными, никак не связанными со взятием стены или укрепления. Последние две в эпоху империи делались из золота и не могли быть присуждены никому ниже центуриона. Однако простые солдаты могли быть награждены фаларами, гривнами и браслетами (*armillae*). Все эти знаки, похоже, кельтского происхождения. Центурион обычно награждался как солдатскими знаками, так и золотыми коронами.

Сцена с триумфальной арки Тита в Риме, возведенной в честь его победы над иудеями. В триумфальной процессии легионеры несут сокровища Иерусалимского храма. В центре

виден большой семисвечник. Таблички на заднем плане, видимо, содержали описание трофеев. Все солдаты без оружия, в лавровых венках.

Центурионы первого ранга и младшие трибуны могли также быть награждены серебряным копьем (*hasta pura*). Существовал также простой золотой венок (*согопа ауреа*), которым награждались офицеры от центуриона и выше. Старшие трибуны могли рассчитывать на два золотых венка, два серебряных копья и два маленьких золотых штандарта (*vexillum*). Легаты легионов могли получить по три таких знака отличия, а проконсулы, наместники провинций — по четыре. Противовесом наградам служили наказания, предназначенные для тех, кто не выполняет своих обязанностей. У римлян были богатые традиции поддержания дисциплины, хотя и вовсе не такие суровые, как утверждают многие древние авторы. К самым жестоким наказаниям, существовавшим во дни Полибия, прибегали редко. Обычно ограничивались поркой, дополнительными работами, понижением в чине либо позорной отставкой. Самым великим бесчестьем, какое могло постигнуть целую воинскую часть, было расформирование. Именно это произошло с четырьмя германскими легионами, когда Веспасиан взошел на трон после свержения Вителлия.

Парады и спортивные состязания

Раздача наград проходила перед всем войском, перед официальным парадом. Иосиф описывает такой парад, добавляя, что каждый получивший награду получал также и повышение в ранге. Иудейский историк дает также описание парада по поводу выдачи жалованья за четыре месяца, во время осады Иерусалима. На Иосифа это зрелище явно произвело большое впечатление: «По своему обычаю, воины брали оружие из ящиков, где оно хранилось, и подходили получать плату одетыми в доспехи. Всадники вели лошадей в богатых чепраках... и все вокруг, куда ни глянь, сверкало серебром и золотом». Парад длился четыре дня — видимо, по одному дню на каждый из четырех легионов. Иосиф явно имеет в виду, что для

торжественных случаев у римлян были особые, парадные доспехи. Были это действительно так, до наших дней такие доспехи почти не дошли. Многие обнаруженные шлемы с полностью закрытым лицом некогда считались парадными, но теперь известно, что они предназначались для конного спорта. Однако существует один весьма изысканный шлем, который явно почти не носили, и если надевали, то только на парад. Кстати, это последний дошедший до нас образец традиционного шлема итало-коринфского типа. До нас дошли также несколько деталей доспеха III в. н.э. Возможно, это были парадные доспехи всадника, но возможно, они также были спортивными. Поскольку на большинстве легионерских шлемов имелись держатели для гребня, хотя в бою гребни больше не носили, следует предположить, что обычный шлем с гребнем надевали на парад. Спортивные соревнования всадников (*hippica gymnasia*), упомянутые выше, были весьма занимательными и красочными представлениями, в которых участвовали всадники, вооруженные затупленными дротиками. Для этих представлений, которые во многих отношениях напоминали средневековые турниры, и людей, и лошадей облачали в роскошные доспехи. По всей территории империи найдено множество образцов таких доспехов. Самая крупная находка такого снаряжения сделана на месте поселения III века в Штраубинге в Баварии. Там найдено несколько шлемов, поножей и конских наглавников и наглазников. На шлемах, которые находят повсюду, от Британии до Израиля, изображены мужские и женские лица. Возможно, соперничающие команды представляли греков и амазонок. Не похоже, чтобы этот обычай был чисто римским. Поскольку спортивный шлем можно видеть на победном рельефе в Пергаме, можно предположить, что такие игры пришли либо от кельтов, либо с востока.

Триумф

В эпоху республики полководец, одержавший решительную победу, мог рассчитывать на то, что его наградят триумфом. Такое празднование победы существовало в Риме с самого его возникновения, хотя многие детали позаимствованы у этрусков. Согласно известной легенде, когда Ромул убил в поединке Акрона, царя ценинского, он снял с убитого вождя доспехи, повесил их на дубовую ветвь так, что получился трофей, и, увенчанный лавровым венком, положил трофей себе на плечо и возглавил процессию своих людей, распевая победные песни. Так и возник триумф. Этрусски ввели в триумф колесницу и создали основной наряд триумфатора. Им же принадлежит само название этой процессии. Чем больше разрасталась империя, тем сложнее и пышнее становились триумфальные шествия. Хотя разные шествия могли отличаться в деталях, общий порядок был таков. Во главе процессии шли сенаторы и сановники. За ними несли добычу,

захваченную у врага, изображения битв и модели захваченных крепостей. Далее вели пленных, за ними — белых быков, назначенных для жертвоприношения. Пленных зачастую несли на специальных носилках, среди захваченных доспехов. Следом ехал сам триумфатор в золоченой колеснице, влекомой четырьмя лошадьми, в царских одеждах, с наруганным лицом. В руках он держал скипетр и оливковую ветвь, а позади него на колеснице стоял раб, который шептал ему на ухо: «Не забывай, ты всего лишь человек!» Следом за колесницей шли солдаты в оливковых венках, крича: «Ио триумфе!» — то есть «Ура, триумф!». Процессия вилась по улицам Рима, проходила через два цирка, огибала Палатинский холм и по Священной дороге поднималась на Форум. Здесь главного из пленников обычно уводили на казнь. А процессия тем временем поднималась на Капитолийский холм и здесь ждала вести о том, что пленник казнен. Тогда полководец приносил в жертву белых быков перед храмом Юпитера. Триумф назначался только полководцам, одержавшим полную победу над иноземным врагом. В эпоху империи эта честь предоставлялась лишь императору и его семье. Существовал, однако, малый триумф, называвшийся овацией. При овации полководец приносил жертву на горе Альбан, в нескольких милях к югу от Рима, и на следующее утро въезжал в город верхом на коне или входил пешком. Вместо оливковой гирлянды он надевал венок из мирта.

Триумф Тита после победы над иудеями, Пройдя по улицам Рима, процессия поднимается по Священной дороге через Форум к подножию Капитолия, Здесь она начинает подниматься на Clivus Capitolinus (Капитолийский холм).

Поздняя империя (200 - 450 гг. н.э.)

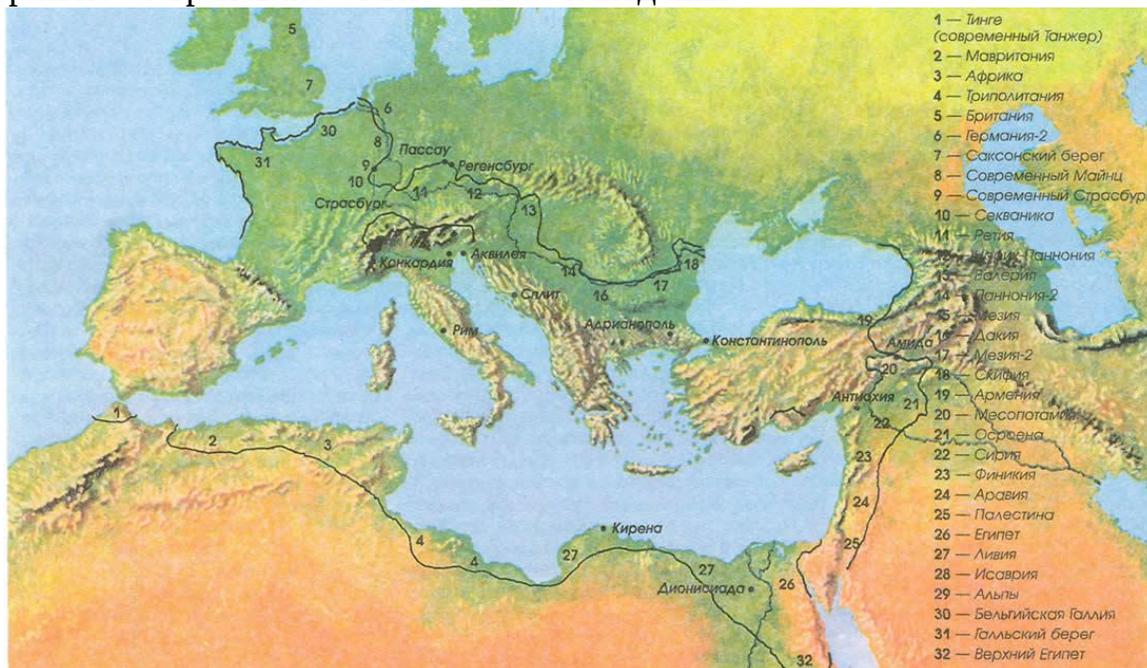
Мобильная армия (доктор Роджер Томлин)

Дунайские войны Марка Аврелия сделали явными все недостатки оборонительной системы, которую он унаследовал. Пришлось набирать новые легионы для защиты северных подступов к Италии, создавать на скорую руку «полевые армии», подыскивать и назначать на должности новых офицеров вопреки сложившейся традиции. Валерий Максимиан, один из немногих сенаторов, бывших выходцами из Паннонии, стал предшественником великих дунайских императоров III века: он являлся опытным офицером конницы, Марк Аврелий собственноручно возложил на него венок за то, что он лично убил варварского вождя. Позднее Максимиан поочередно был легатом шести легионов. Первый «солдатский император», Септимий Север, не участвовал в боевых действиях до 193 г., когда дунайские легионы провозгласили его императором. Однако нужда в поддержке войска заставила его отправиться в дальние военные экспедиции в Сирию и Британию. Говорят, что на смертном ложе он завещал своим сыновьям «обогащать войско и пренебрегать всем остальным». Он повысил солдатское жалование и добавлял к нему щедрые подарки; официально признал солдатские браки; так называемое право ношения золотого кольца символизировало открывшиеся перед солдатами возможности подняться до чина центуриона и выше, даже до административных должностей, ранее доступных только всадникам. Армия легионов была увеличена на одну десятую, за счет создания трех новых Парфянских легионов, командовали которыми (как и Египетским легионом) префекты из сословия всадников, дважды побывавшие примипилами. Два из этих легионов стояли в новой провинции Месопотамии (северной), но II Парфянский легион стоял в крепости близ Рима. Прежняя преторианская гвардия была распущена за то, что поддерживала одного из соперников Севера, и заменена десятью новыми двойными (то есть тысячными) когортами, набранными из легионеров, большей частью родом с Дуная, которые казались такими грубыми и дикими благородным римским сенаторам. Новая гвардия и II Парфянский легион, равные по численности трем легионам, образовали мобильный резерв для легионов, стоящих на границах, готовый как поддержать легионы, так и раздавить возможного узурпатора. Север основал династию, продержавшуюся на престоле четверть века. В эти годы, несмотря на пять новых легионов, созданных самим Севером и Марком Аврелием, напряженность на границах возросла до крайней степени. В Германии существующие племена слились в два союза, ставшие дальними

предками современных европейских наций: франки в низовьях Рейна и алеманны к востоку от пограничного вала (limes), шедшего от среднего течения Рейна к верховьям Дуная. Восточные германцы, такие, как готы и вандалы, двинулись от Балтийского моря на юг, тесня прочие племена к дунайской границе и угрожая Дакии и низовьям Дуная. На востоке одряхлевшее парфянское царство пало перед агрессивным натиском возродившейся Персии, что привело к захвату римской территории Месопотамии и Сирии в качестве первого шага отвоевания западных земель, принадлежавших некогда Дарию. Александр Север, внук свояченицы великого Септимия Севера, погиб в Майнце от рук собственного войска в 235 г., после того как не сумел наказать алеман-нов. Унаследовавший ему Максимиан был по происхождению придунайским крестьянином. Максимиан был первым из «иллирийских» императоров, людей темного происхождения, но наделенных недюжинным полководческим талантом, которые упрямо сражались с захватчиками и друг с другом, пытаясь восстановить равновесие в государстве. Но спокойствие это обходилось чересчур дорого. За период с 235 по 284 год на римском престоле сменилось почти двадцать императоров, не считая номинальных соправителей и бесчисленных узурпаторов; но, не считая Деция, павшего в бою с готами (251), Валериана, погибшего от рук персов (после 259—260), Клавдия, умершего от чумы (270), и Кара, убитого молнией, возможно, не без участия легионеров (283), все они погибли либо от рук собственных солдат, либо от рук соперников. Дольше всех продержался на престоле Галлиен (254—268), человек достаточно образованный (у него даже нашлось время оказать покровительство философу, который взялся построить город-утопию на берегах Неаполитанского залива). За эти четырнадцать лет алеманны завоевали территорию между Рейном и Дунаем, а готы — Дакию; западные провинции провозгласили своего собственного, галльского императора; на востоке персы захватили Антиохию, столицу Сирии, и были изгнаны только благодаря инициативе римского протектората, караванного города Пальмиры. Так что фактически Галлиен управлял только Италией и северными подступами к ней, придунайскими провинциями (с переменным успехом) и Африкой. Однако его реформы, сведений о которых сохранилось очень мало, выковали оружие, которое послужило преемникам Галлиена для восстановления прежней военной мощи. Средневековый источник приписывает ему создание конницы, «ибо до тех пор римская армия состояла почти из одной пехоты». Это, конечно, преувеличение: независимые конные отряды сыграли немалую роль в победах Севера в гражданской войне. Однако теперь говорится о конной армии под предводительством единого военачальника, а в Медиолане (совр.

Милан) были отчеканены золотые монеты в честь (и, видимо, в уплату) «Верности конницы». Эти конные отряды включали в себя «далматов» и «мавров». Видимо, не случайно в IV в. соединения «иллирийских» Equites Dalmatae и Equites Mauri систематически распределяются среди армий, стоящих вдоль границ по Дунаю и дальше на восток, вместе с «иллирийскими» Equites Promoti и Equites Scutarii. Они, должно быть, вели свое начало от «иллирийской» конной армии, набранной среди далматов, мавров, promoti (отдельно действующей легионной конницы) и scutarii (видимо, всадников, пользовавшихся скутумом), которая затем была рассредоточена. Подобное же распределение можно видеть среди частей конных лучников и Equites Stablesiani (вероятно, конных легионеров, которые служили телохранителями наместников провинций). Пехота новой мобильной армии состояла из традиционных отдельных частей (vexillationes) легионов, стоящих на границе, что подтверждается надписями Галлиена в северо-западной Македонии (II Парфянский и III Августов) и в стратегических пунктах в Паннонии, в Сирмии (германские и британские легионы «со своими вспомогательными частями») и Петовионе (два легиона из Береговой Дакии и, вероятно, еще четыре паннонских). Фактическая независимость этих отдельных частей от своих легионов подтверждается «серебряными» монетами, выпущенными Галлиеном в 259—260 гг. в честь преторианской гвардии, II Парфянского легиона и легионов на Рейне и Дунае с девизом времен гражданской войны «Верный и преданный» (p̄ia fidelis). Однако на границах таких монет не найдено — границы тогда не подчинялись Галлиену. Они встречаются в северной Италии и на северо-западных подступах к ней. Эти монеты, очевидно, выплачивались отдельным частям, оставшимся верными Галлиену после того, как их легионы выдвинули узурпаторов. «Сенаторские» источники относятся к Галлиену враждебно — видимо, потому, что около 260 г. он перестал назначать традиционных легатов. Теперь легионами командовали префекты из всадников, такие, как те, что руководили тремя парфянскими легионами Севера. На практике они исполняли обязанности легатов. Некоторые старшие офицеры, в особенности преторианские трибуны и легионные префекты, но также и один центурион из отдельной части, получают титул «защитника императора». Титул «защитник», protector, встречается и раньше (он давался легионерам-телохранителям), но теперь он развивается в целый институт, имевший большое значение в армии эпохи поздней империи. Эта честь, оказанная офицерам, не спасла Галлиена от офицерского заговора, в котором участвовали его преемники Клавдий (268-270) и Аврелиан (270-275). Они и еще один «иллириец», Проб (276—282), восстановили единство империи, разгромив готов и германцев,

вторгнувших в Галлию; Пальмира была захвачена, «Галльской империи» пришел конец. На востоке римлянам удалось восстановить свое влияние, когда Кар захватил персидскую столицу Ктесифонт (283). Но Аврелиан, подавив германское нашествие на Италию, начал возводить стены, которые и поныне окружают Рим, — признание того факта, что отныне даже сердце империи не застраховано от внезапного нападения.

Позднеримские мобильные армии и сектора границы около 395 г., согласно «Notitia Dignitatum», иллюстрированному манускрипту того же периода, назначение и внутренняя хронология которого до сих пор являются предметом споров.

Политическую стабильность восстановил Диоклетиан (284—305), административный гений, которому удалось на основе полувековых импровизаций выстроить систему. В качестве соправителей Диоклетиан избрал таких же иллирийцев, как он сам, бывших более талантливыми полководцами, чем он: Максимиана (286-305), Констанция (293-306) и Галерия (293—311), которым удалось подавить восстания и восстановить Римскую империю в прежних границах. От территорий между Рейном и Дунаем, занятых алеманнами и готами, пришлось отказаться, но зато Диоклетиану удалось даже немного продвинуться в Месопотамию после того, как Галерий нанес поражение персидскому царю. Враждебный источник обвиняет Диоклетиана в том, что он «учетверил» армию, намекая на трех его соправителей; на самом деле сохранилась большая часть тридцати трех Северовых легионов, а Диоклетиан удвоил общее число солдат. Большая часть легионов была отправлена в пограничные армии,

попарно, согласно обычаю, вместе с «отдельными» частями конницы (теперь используется термин *vexillatio*), очевидно, взятыми из армии Галлиена и его преемников. Эти отдельные части и легионы были сильнее старых ал и когорт, тем более что армиями все чаще вместо прежних наместников провинций командовали профессиональные военные, *duces* (командиры). (Эта тенденция была доведена до логического завершения в правление Константина, при котором все карьеры стали исключительно военными либо исключительно гражданскими.) Однако два новых легиона, *Ioviani* («Юпитеровы») и *Herculiani* («Геркулесовы»), названные в честь богов-покровителей Диоклетиана и Максимиана, не были предназначены для защиты границ. Первоначально дунайские легионеры, вооруженные характерными позднеримскими утяжеленными дротиками (*martio-barbulus*), были приписаны к *comitatus*, имперскому двору, сопровождавшему императора. К ним следует добавить и другие элитные легионы IV века, *Solenses* («Солнечные») и *Martenses* («Марсовы»), названные в честь богов-покровителей Констанция и Галерия, а также *Lanciarii* — видимо, отборные преторианцы и легионеры, вооруженные *lansea* (легкое копье, пика). Самые привилегированные соединения конницы IV века, похоже, тоже были набраны Диоклетианом и присоединены к комитату: там были и наиболее древние *scholae* (конная гвардия) и знаменитые *Equites Promoti* и *Equites Comites* (букв. «конный эскорт»). Постоянные сухопутные войска Диоклетиана и его коллег были невелики по позднейшим меркам, но при необходимости их всегда можно было пополнить из усиленных пограничных армий. Так, в египетском папирусе 295 г. зафиксирована выдача фуража не только комитам, но и еще двум десяткам отдельных конных частей (вероятно, включая два из Береговой Дакии: XIII Сдвоенный и V Македонский). Эти два легиона входят также в гарнизон Геркулеи, новой египетской провинции Диоклетиана, и, видимо, именно он их туда и поместил. Следует предположить, что Диоклетиан (возможно, в отличие от Галлиена) не считал отдельные части легионов постоянными соединениями и при случае возвращал их на границы. Частью армейских реформ было налаживание тылового снабжения армии, установившееся на весь период поздней империи. В течение III в. денежная система (и соответствующая ей система налогообложения) рухнула; армия реквизировала рабочие руки и припасы по необходимости, а расплачивалась «по справедливости», а то и вовсе никак не расплачивалась. Диоклетиан упорядочил систему снабжения, взимая требующийся армии провиант, сырье и готовые изделия (одежду, к примеру) в качестве налога, основываясь на исследованиях ресурсов империи. Так что начальник императорской охраны мог прикинуть, чего и сколько понадобится армии на следующий год, и рассчитать, сколько

должна заплатить та или иная область. Через наместников провинций местным выборным чиновникам направлялись соответствующие приказы, чиновники собирали налоги и отправляли собранное туда, где оно требовалось. Конечно, эта система породила жуткую бюрократию (которую тоже надо было кормить и содержать), но тем не менее она работала. Армии теперь регулярно выдавался паек плюс денежное довольствие и подарки в честь важных дат (таких, как 22 декабря, день рождения Диоклетиана). Живое отражение этой системы можно видеть в двух фрагментах из документов египетского помощника наместника в Панополисе. Первый состоит из копий писем, отосланных им в сентябре 298 г. Большинство этих писем посвящено подготовке к долгожданному визиту «владыки нашего императора Диоклетиана», но некоторые являются распоряжениями о выдаче солдатских пайков. Так, чиновникам приказано выдать гарнизону, который можно определить как «1-ю алу иберийцев», двухмесячный рацион ячменя и пшеницы; приведенные общие цифры заставляют предположить, что в але было всего 116 человек с конями. Второй фрагмент состоит из писем, полученных от прокуратора Нижней Фиваиды, многие из которых содержат распоряжения о выдаче денежного довольствия военным соединениям в начале 300 г.: так, 30 января прокуратор написал «стратегу» (получившему его письмо 9 февраля), приказывая выдать I але иберийцев 73 500 денариев (жалованье) и 23600 денариев (вместо пайков), которые им должны были выдать еще 1 января за последние четыре месяца 299 г. Бюрократическая мельница мелет медленно, зато верно: стратег даже отвечает на запрос по поводу кож, отпущенных на починку ворот крепости, и сообщает подателю письма, что данные кожи «погрызены мышами и пришли в негодность». Диоклетиан держал своих соправителей в узде. Когда же он в 305 г. отрекся от престола и удалился на покой, снова вспыхнула череда гражданских войн. Победителем вышел Константин (306 — 337), сын Констанция, в 324 г. ставший единственным императором. В результате молниеносной войны (312) погиб Максенций, сын Максимиана, который удерживал Италию даже против Галерия. Константин, пустивший в ход только часть доступных ему сил, ввел в империи христианство. Что касается дел мирских, он присвоил себе новое пехотное соединение, *auxilium*, из которого потом выросли ударные войска поздне-римской армии. Первые ауксии были созданы, вероятно, Констанцием или Максимианом: это были *Cornuti*, «рогатые», которые, похоже, изображены на арке Константина, и «браслетники», *Bracchiatii*. Позднее мы видим, как эти части, а также еще два первоклассных ауксия, *Iovii* («Юпитеровы»), и *Victores* («победители»), идут в бой с германским боевым кличем. Так что есть причины предполагать, что эти грозные ауксии набирались и пополнялись

среди рейнских германцев, либо добровольцев, либо военнопленных, либо из молодых людей, принадлежавших к числу *laeti* (летов), зависимых германцев, которых Диоклетиан и его соправители поселили на заброшенных землях в Галлии. Кроме того, Константин создал новые легионы. Однако более важным источником новых «мобильных» частей были существующие легионы на границах и гарнизоны, стоящие в других стратегических пунктах. Отдельные части наконец были окончательно оторваны от своих прежних легионов. Часть из них сохранила свои прежние названия, как, например, V Македонский, один из самых живучих легионов — он входил еще в состав армии Юстиниана в VI в.; другие были названы по номерам, как, например, *Primi* («первые») или *Undecimani* («одиннадцатые»), или по месту предыдущего расположения, как *Divitenses*, бывшие отдельной частью второго Италийского легиона, стоявшей в предместном укреплении в Дивиции. Парной частью с *Divitenses* были *Tungresani*, которые, вероятно, стояли гарнизоном в земле тунгров (близ совр. Тонгра). Старая преторианская гвардия была распущена, несомненно, потому, что она сражалась на стороне Максенция, но еще и потому, что теперь она устарела: возникла новая мобильная армия. Роль телохранителей императора исполняли теперь схолы, отборные конные соединения числом 500 человек (по крайней мере, в VI в.). К концу IV в. этих соединений было уже десять. Далее следовали конные вексилляции, такие, как элитные *Comites* и *Promotes*, набираемые там же, где и ауксии (*Equites Cornuti* и прочие), и множество соединений с названиями, которые встречаются также и в пограничных армиях (*Dalmatae*, *Stablesiani* и проч.), напоминающих о конной армии Галлиена. Последних иногда бывало по несколько штук, различавшихся по номерам (к такой части — VI Стаблезианской — принадлежал, например, хорошо оплачиваемый всадник, которого около 320 г. угораздило утонуть в болоте вместе со своим роскошным шлемом) или носивших названия, напоминающие о бывшем гарнизоне (*Equites Dalmatae Passerentiaci*). Наиболее правдоподобным объяснением является то, что эти пограничные части действительно пришли из конной армии Галлиена и Константин снова вызвал их, чтобы пополнить свою мобильную армию. Враждебный Константину критик обвиняет его в том, что он придерживался стратегии, противоположной стратегии Диоклетиана, который сделал неприступными границы империи: Константин отвел с границ большую часть войск, разместив их в городах, вовсе не нуждавшихся в гарнизонах, что сделалось дополнительной тяжкой ношей для этих городов и вело к разложению самих войск. Эта критика неправильно истолковывает новую стратегию, которой в основном придерживались и преемники Константина. Держать войска вдоль всех границ в ожидании нападения было невозможно:

за внешними врагами все равно оставалось преимущество внезапности, и они могли сосредоточить крупные силы на узком участке. Вместо этого вдоль всей границы были оставлены гарнизоны, которые могли — по крайней мере, теоретически — справляться с мелкими вторжениями и сдерживать крупные армии, обороняя укрепленные города, базы с продовольствием и укрепленные пункты вдоль путей сообщения. Это должно было обеспечить защиту мирному населению, лишить врага источников провианта и выиграть время до подхода мобильных войск, которые нанесут контрудар. Захватчикам пришлось бы либо рассредоточиться по местности в поисках припасов — и тогда небольшие мобильные подразделения могли бы отловить их и уничтожить; либо же, если бы они продолжали держаться вместе, можно было дать большое сражение, в котором римская мобильная армия, лучше вооруженная, лучше обученная и регулярно получающая продовольствие, имела большой шанс взять верх даже над противником, превосходящим ее по численности. Разбив захватчиков в сражении, их можно было прогнать туда, откуда они явились, и применять репрессии вплоть до полной капитуляции противника. Для самого императора такая стратегия имела важный дополнительный эффект: он мог лично контролировать лучшие войска империи, так что никакой узурпатор ему был не страшен. Недостатками этой стратегии было то, что бездействующие войска, стоящие на границе или в гарнизонах, утратят боевую готовность, а также медленность сообщения. Ни одна армия, какой бы «мобильной» она ни была, не может двигаться быстрее, чем ее пехота (а это примерно 15—20 миль в день). Таким образом, на протяжении IV века число таких мобильных армий росло; это сокращало время до прихода войск в нужное место, но при этом расплывало силы и повышало риск появления узурпатора. Константину унаследовали его сыновья, Константин II (337—340) на западе, Констант (337—350) в Италии и Констанций II (337—361) на востоке. Констант вскоре устранил Константина II, только затем, чтобы стать жертвой одного из своих военачальников, командира *Ioviani Herculiam*, которого после долгой и кровавой гражданской войны поверг Констанций. Тысячи *comitatenses* (гвардейцев) погибли. В Галлию, воспользовавшись случаем, хлынули франки и алеманны. Констанций II, добросовестный, но не слишком даровитый полководец с дурной репутацией человека, который выигрывает гражданские войны, но проигрывает войны с чужеземцами, назначил своего родича Юлиана младшим соправителем в Галлии (355). Сам же Констанций продолжал вести войну с персами, которая досталась ему в наследство от отца. Юлиан, будущий философ, в результате своих ученых занятий отвергший христианство, которое исповедовала вся его семья, оказался

талантливым военачальником: в 357 г. он разгромил алеманнскую армию в районе современного Страсбурга и принялся успешно отвоевывать свою родину, а в 360 г. восстал против своего родича. Когда Констанций скончался естественной смертью, Юлиан оказался единственным законным императором (361—363). Но вместо того, чтобы разобраться с насущными проблемами на Рейне и Дунае, Юлиан решил преподать урок персам и напал на Ктесифонт. Поход окончился полным провалом, и сам Юлиан погиб в стычке во время отступления. Новому императору, Иовиану, удалось спасти армию, пойдя на существенные уступки Персии, но несколько месяцев спустя он умер. Армия заменила его суровым императором с границы, в духе «иллирийцев» III в., Валентинианом (364—375), который назначил своего младшего брата, Валента, правителем Восточной империи (364—378). Пока Валент демонстрировал мощь империи вестготам в нижнем течении Дуная и останавливал вторжение персов в Армению, Валентиниан со своими военачальниками вели войны в Британии, на Рейне и в среднем течении Дуная. Внезапная смерть Валентиниана — он скончался от апоплексического удара, вызванного бурными спорами с варварским посольством, — позволила Валенту устроить величайший военный кризис века. В 376 г. в низовья Дуная, спасаясь от гуннов, хлынул поток беженцев, в числе которых были остготы с Украины и вестготы. Валент согласился предоставить вестготам убежище, а под шумок переправились и остготы. Дурное обращение римлян вскоре заставило готов поднять восстание. После того как ограниченные карательные меры не возымели действия, Валент решил бросить на мятежников все свое войско и лично возглавить поход. Произошедшая в результате катастрофа, битва под Адрианополем (9 августа 378 г.), обескровила мобильную армию и положила конец начавшемуся было подъему военной мощи Рима.

Источники по IV в. н.э.

Наши сведения об армии Константина и его преемников основываются на двух источниках: сохранившихся книгах «Истории» Аммиана Марцеллина (в них описан период с 353 по 378 год) и загадочном тексте, озаглавленном «Notitia Dignitatum». Аммиан был грекоязычным офицером, служившим в армии в течение десяти лет, с 353 по 363 год, в течение которых он участвовал в боевых действиях повсюду от Рейна до Тигра. Уйдя в отставку и поселившись в Риме, он в 90-х гг. IV в. начал издавать подробное историческое сочинение, написанное цветистым «цицероновским» стилем. По масштабу это сочинение не знало равных со времен Тацита. Аммиан откровеннее Тацита, а может, просто менее искусно скрывает свои предрассудки и к тому же лучше разбирается в военной истории. К несчастью, он старался писать как «классический» историк, а потому подчас бывает чересчур многословен и к тому же избегает современной терминологии: например, он использует слова «легионы» и «когорты», говоря о позднеримских ауксулиях и конных вексилляциях, и слово «турма», относя его как к коннице, так и к пехоте. «Notitia» — это «список высоких должностей», иллюстрированная рукопись, относящаяся примерно к 395 г. Рукопись разбита на главы, каждая из которых посвящена одному из крупных должностных лиц со схематическим изображением его обязанностей: к примеру, начальник служб, ответственный за школы и оружейные мастерские, обозначается копьями, щитами, шлемами, панцирями и прочим оружием. В этих главах перечисляются офицеры обеих половин империи, включая главнокомандующих мобильных армий со списками подчиняющихся им частей (расположенных более или менее по старшинству и по родам войск), и приграничные полководцы со списками их частей (и местами их расположения). И в восточных, и в западных главах содержится большое количество сведений, относящихся к значительно более раннему периоду, чем 395 г. (когда империя была разделена таким образом), но только западные списки были «обновлены» в период предводительства верховного главнокомандующего Стилихона (395—408), и даже позднее. Возможно, наша копия «Нотации» принадлежала к числу документов главнокомандующего войск Западной империи: его канцелярия назначала офицеров и получала за это плату, а потому им нужен был список назначений. До нас дошел окончательный черновик прошения к императору от некоего Абиннея, новоиспеченного префекта алы в Фаюме, в Египте. Он жалуется Констанцию II на то, что, хотя он был назначен на должность

самим императором, когда он предъявил «священную грамоту» своему непосредственному начальнику, тот сказал, что он уже не первый, кто является с точно таким же письмом, претендуя на ту же должность. Все эти грамоты о назначении были незаконно выданы столичными бюрократами. Абинней был утвержден в должности (около 342 г.), и это большая удача для нас, потому что Абинней сохранил все полученные письма. «Официальную» точку зрения подтверждают также монеты, несколько надписей на стенах, и в первую очередь Феодосиев кодекс, большая компиляция выдержек из имперского законодательства (от Константина до Феодосия II), распределенных в хронологическом порядке по темам, всего 16 книг. Книга VII посвящена законодательным актам, имеющим отношение к армии. Это настоящие залежи подробных инструкций и благих намерений. Например, одна из глав содержит 17 выдержек, имеющих отношение к «дезертирам и тем, кто их укрывает». В дополнение к Аммиану у нас имеется некоторое количество менее серьезных историков, в том числе греческое повествование о IV в. Евнапия, современника Аммиана, частично дошедшее до нас через вторые руки. Временами можно извлечь полезные сведения и из панегириков, любимого литературного жанра поздней империи; так, надгробная речь Либания об императоре Юлиане включает в себя рассказы очевидцев о его последнем походе, а личный летописец Стилихона, поэт Клавдиан, удосужился внести в свои стихи названия семи мобильных частей, которые участвовали в подавлении восстания в 398 г. Важные детали можно найти даже в самых неожиданных источниках: полный список нижних чинов в конном вексиллационе приведен св. Иеронимом в обличительной речи против епископа Иерусалимского.

Позднеримская армия, 337—378

Как мы уже видели, Константин разделил армию на мобильные части (*comitatenses*) и пограничные войска (*limitanei*). Последние с помощью более мелких отрядов, стоящих в маленьких укрепленных пунктах (*burgi*), разбросанных вдоль всех границ, охраняли крепости и города в пограничной зоне. За некоторыми исключениями, эти войска состояли из частей нового типа, включающих в себя отряды *equites* (всадников), кое-где на Дунае сокращенные до *cuanei* (эскадронов, букв. «клинья») и ауксилиев, либо легионов старого типа, ал и когорт. Археологи находят все больше доказательств, что позднеримские крепости, или по крайней мере их гарнизоны, часто были меньше, чем их предшественники эпохи ранней империи. О диоклетиановской але, насчитывавшей, по всей видимости, не более 116 (или 118) человек, уже говорилось; из того же самого источника можно сделать вывод, что легионные *Equites Promoti* состояли из 77 солдат, *Equites Sagittarii* («конные стрелки») — из 121 солдата, XI когорта хамавов (германское племя) насчитывала 164 человек, и в каждом из двух легионов было около тысячи солдат. Эти пограничные войска IV века группировались в армии, занимающие одну или больше провинций, под командой «вождя» (дук, *dux*, позднее «*duke*», то есть «герцог»), за исключением большей части Африки, где «границы» (горные массивы либо полупустынные земли) делились на сектора, за которые отвечали *praepositi limitis* («наместники границ»), над которыми стоял *comes* (комит, буквально — командир, ср. современное «*count*», «граф») с мощной мобильной армией.

*Надгробие М. Аврелия Луциана.
Обратите внимание на пилум с двойным грузом
и широкую перевязь.*

Письма, сохраненные Абиннеем, позволяют нам узнать «из первых рук» об обязанностях офицера пограничных войск в сороковых годах IV в., хотя не стоит предполагать, что проблемы «внутренней безопасности» Фаюма были типичны для империи в целом. «Ваша доблесть, господин наместник (praepositus) успешно ограничивает грабежи и несправедливости, творимые в наших краях более могущественными людьми», — пишет ему проситель (Абинней, солдат с более чем сорокалетним опытом военной службы, был также собственником: он владел доходными домами в Александрии и собственной фермой и, видимо, был одним из вездесущих «патронов» позднеимперского общества). Он получает прошения от жертв грабежей, от людей, у которых украли овец или свиней. Одного из его

собственных подчиненных обвинили в том, что он творил бесчинства в пьяном виде; другого — в том, что он возглавлял шайку, остригшую шерсть с одиннадцати овец и угнавшую шесть свиней. Священник вступается за дезертира, носящего то же имя, напоминая Абиннею о христианской добродетели всепрощения. Другой священник просит одолжить ему сети, хранящиеся в штабе, для отлова газелей, опустошающих его поля. Официальные письма предлагают Абиннею обеспечить эскортом сборщиков налогов, позаботиться о двух ремесленниках, поставляющих древесину конному вексиллациону, помочь в борьбе с незаконной торговлей содой. Однако эти любопытные документы не следует использовать для поддержания устаревшего представления о том, что пограничные войска были чем-то вроде «деревенской милиции». Правда, галльские легионы к началу 50-х гг. IV в. и впрямь порядком разложились, но пограничные легионы, осажденные в Амиде на Тигре в 359 г., весьма искусно и решительно сражались с персами. Пограничные войска из соседней провинции Осроены принимали участие в походе против персов (363 г.), а вскоре после этого части, ставшие лишними после того, как Иовиан уступил часть территорий Персии, были присоединены к мобильной армии на востоке под неуклюжим названием *legiones pseudocomitatenses*. Уже в V в. это же название получили около тридцати галльских гарнизонных частей, большая часть из которых была остатками, уцелевшими после прорыва рейнской границы в 406—407 гг., но теперь это, должно быть, было просто жестом отчаяния. Комитатенсы, хотя они тоже имели право заводить семьи, не имели постоянного места приписки, как пограничные войска. В то время, когда они не участвовали в боевых действиях, они размещались на постой в городах, где они имели право занимать одну треть имеющегося жилья — система, которая вызывала постоянные трения с гражданскими владельцами домов. Константин создал две должности главнокомандующих — начальник конницы (*magister equitum*) и начальник пехоты (*magister peditum*), к которым перешли военные обязанности префекта преторианцев, в то время как последний остался ответственным за обеспечение провиантом и всем необходимым. На практике держать все мобильные части в непосредственном подчинении императору оказалось невозможным: скоро возникают «региональные» армии, наиболее значительные из которых находятся в Галлии, в Иллирии (придунайские провинции) и на востоке (опорный пункт — в Антиохии). В отсутствие императора ими командовал начальник конницы. При необходимости от армий отделялись более мелкие мобильные части под командованием комита, как, например, четыре отряда, отправленные в Британию в экстренных обстоятельствах 367 г. В Африке тоже была создана своя мобильная армия. Ко времени создания «Нотиции»

свои мобильные армии были и в Британии, и в Испании, и во Фракии. Феодосии I (379—395) сгруппировал восточные войска в пять армий, две из которых находились в его непосредственном подчинении, и всеми ими командовал начальник солдат (*magister militum*). Возможно, Феодосии преследовал политические цели: он хотел избежать того, чтобы вся армия подчинялась одному главнокомандующему, вроде того, что произошло на западе, где Стилихон, бывший начальником пехоты, встал во главе всей военной иерархии. Разнообразные мобильные армии времен «Нотиции», т.е. около 395 г. на востоке и в 395—408 гг. на западе, показаны в таблице.

Армия	Конные вексил.	Пехотные легионы	Ауксиллии	<i>pseudocomitatenses</i>
I — Восточные армии				
Двор (1)	12	6	18	
Двор (2)	12 + 7 схол	6	17	1
Восток	10	9	2	10
Фракия	7	21		
Низовья Дуная	2	7	8	9
	50	49	45	20
II — Западные армии				
Италия	7 + 5 схол	13	21	2
Галлия	12	5	19	27
Верховья Дуная		6	12	6
Африка	20	11	1	
Тинге	3	2	2	
Испания		5	11	
Британия	5	2	1	
	52	44	67	35

Подразделения позднеримской армии около 395 г., по Notitia Oignitatum. в которой расписаны все мобильные подразделения Запада. Возможно, наша копия была частью документов западного главнокомандующего.

В списках восточных армий конница предшествует пехоте; в западных они описаны раздельно. Титул «*palatini*» («придворные»), относившийся ко всем новым мобильным ауксалиям, а также некоторым легионам и вексилляциям, похоже, скорее является почетным, чем имеет какое-то стратегическое значение. Поскольку в списках перечислены многие недавно созданные соединения, можно приблизительно определить численность армии, хотя размер соединений не обязательно был постоянным. Если не считать *pseudocomitatenses* и африканских частей, Валентиниан I, взойдя на престол, получил в наследство около 150 частей. Списки, приводимые в «Нотиции», отчасти поддаются проверке. О многих частях известно из других источников. Например, нам известно, что в 405 г. Стилихон собрал в северной Италии по меньшей мере тридцать частей. Однако удивляет то, что у Стилихона было мало конницы и что ее не было в верховьях Дуная: ведь при необходимости Стилихон мог бы мобилизовать конные части из

приграничных армий, как это, по-видимому, делалось раньше. Загадку представляет собой и мощная испанская армия: в Испании велись бои в 407 г. и позднее, но об этой армии ничего не слышно. Хуже всего то, что нам очень мало известно о численности воинских подразделений. Точно известно только то, что схода VI в. насчитывала 500 человек. Но в двух дунайских конных частях, бывших в Месопотамии в 359 г., насчитывалось всего около 700 человек; а мобильная конная часть «Unnigardae» в Ливии в начале V века и вообще состояла всего из сорока. Стоит сравнить эти цифры с численностью египетских войск Диоклетиана: Equites Promoti — около 80, Equites Sagittarii и одна ала — около 120. Пехотные части, по всей видимости, были крупнее. В том же источнике предполагается, что в провинциальном легионе — тысяча солдат, а в отдельной части — 500. Аммиан оценивает число осажденных в Амиде в 359 г. (он сам был там), в 20000 человек, в том числе семь легионов. Старые легионы, уже ослабевшие за III век, ко времени «Notitia» уже разбиты на множество отдельных частей: так, например, III Италийский, помимо собственной старой базы в Регенсбурге, разбросан по еще четырем крепостям и вдобавок является «легионом» ближайшей мобильной армии. Аммиан дважды упоминает отдельные части по 300 человек каждая из мобильных подразделений (каких именно, не сказано), один раз — отдельную часть в 500 человек из «легионов». Об императоре Гонории (395—423) сказано, что он отвел из Далматии пять частей, общим числом 6000 человек; однако шесть пехотных подразделений, направленные ему на помощь из Восточной империи вскоре после этого, насчитывали всего 4000 человек. В общем, создается впечатление, что подразделения мобильной пехоты могли насчитывать от 500 до 1000 человек, в то время как конные части — много меньше 500, за исключением, может быть, схол. Это впечатление подкрепляется тем, что Юлиан похвалялся тем, что захватил в плен тысячу германцев «в двух битвах и после осады»; в результате осады голод заставил 600 франков выйти из двух заброшенных крепостей, где они укрывались, и Юлиан отослал их к Констанцию, служить в восточной армии. Элитных частей было мало, и ценились они очень высоко. Армия Юлиана в Страсбурге (357) насчитывала всего 13 000 солдат; в 363 г., когда для похода на Персию были стянуты все силы империи и никаких других кампаний не велось, две армии Юлиана насчитывали всего 65 000 солдат. Но, разумеется, эта численность отборных войск составляет лишь часть всех вооруженных сил империи. Численность армии в правление Диоклетиана, в VI в. (дата не уточняется), указывается как 389 704 чел. Максимальная численность армии в IV в., видимо, соответствует оценке другого источника VI в., говорящего о «старой империи»: 645 000 человек. Сыновья солдат шли по отцовским

стопам со времен ранней империи; Диоклетиан сделал наследственную службу обязательной и вдобавок требовал от землевладельцев поставлять рекрутов в качестве особого налога. Трудности, связанные с пополнением армии, заставили Валентиниана уменьшить минимальный рост новобранцев от 5 футов 10 дюймов (римских, ок. 172 см) до 5 футов 7 дюймов (ок. 165 см); он обнаружил также, что его собственные солдаты укрывают военнообязанных под видом «родственников» или «слуг». Среди писем Абиннея есть прошение священника за своего зятя, сына умершего солдата и единственную опору своей овдовевшей матери, которого призвали в армию. Он просит освободить его от службы или, если это невозможно, «не отправлять его в иные земли с эскортом, и пусть Бог вознаградит вас за ваше милосердие». В армию набирались и неримляне, в особенности германцы. Часть из них были военнопленными, как те 600 франков Юлиана, но большинство были добровольцами, привлеченными более высоким уровнем жизни. Некоторые из этих солдат дослуживались до высоких постов и командовали отрядами и армиями: одним из полководцев Валента был алеманнский король, похищенный с пира по приказу Юлиана; и сам великий Стилихон был сыном вандала, офицера конницы. Франкские офицеры при дворе Констанция II в 395 г. оскорбленно заявляли, что они «люди, преданные империи», и удивительно, но факт: нам почти неизвестно о случаях предательства среди солдат германского происхождения. Положение изменилось после Адрианополя (378 г.), когда катастрофическая нехватка обученных солдат заставила римское правительство записывать в армию варварские отряды (*federati*) под предводительством их собственных вождей. Эти солдаты не ощущали своей «принадлежности» к империи, а после 395 г. они все более проникались сознанием своей политической и военной мощи и принялись вымогать припасы и деньги у своих новых хозяев. Позднеримским солдатам не приходилось оплачивать свое оружие, форму и снаряжение — все это выдавалось им бесплатно. Им выдавались также пайки, растущие по мере повышения в ранге. Валентиниану и Валенту советовали увольнять в отставку людей, имевших право на пятикратный паек, чтобы уменьшить расходы и поощрить набор новых пополнений. Эта плата отчасти дополнялась регулярным жалованьем (*stipendium*). Жалованье выплачивалось мелкой бронзовой монетой, которую в больших количествах чеканили в IV в., и подарками, которые выдавал император по восшествии на престол и в каждую пятилетнюю годовщину. К 360 году подарки в честь восшествия сделались стандартными: фунт серебра и пять солидов (позднеримская золотая монета, весом на одну шестую меньше старого «аурея») и пять солидов в годовщину. Изготавливались также императорские дары офицерам: серебряные блюда с

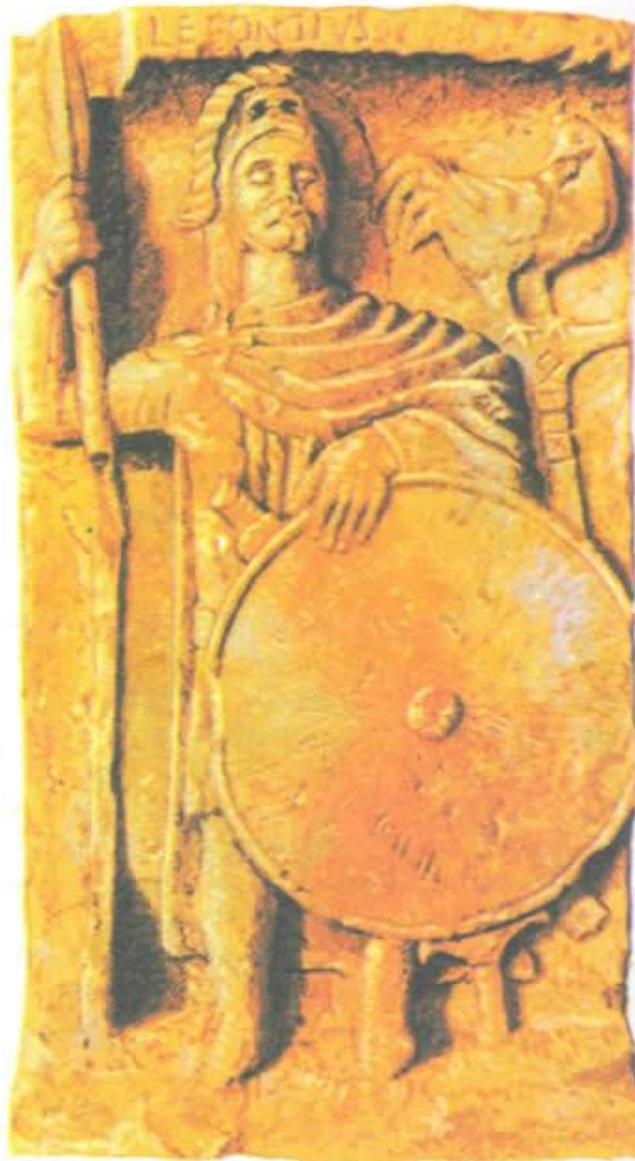
надписями, золотые и серебряные «медальоны», золотые и серебряные пряжки и бляхи для поясов, фибулы, бывшие знаком ранга, и специальные серебряные монеты, видимо, для комитатенсов. Святой Иероним перечисляет все действующие чины, используя их как метафору пропасти, лежащей между демоном и ангелом: новобранец, солдат (*equus*), *circitor*, *biarchus*, *centenarius*, *ducenarius*, *senator*, *primicerius* и, наконец, командир (*tribunus*). Продвижение внутри части происходило медленно, в порядке старшинства. На позднеримском кладбище в Конкордии, в северо-восточной Италии, имеются каменные гробницы примерно тридцати рядовых и низших офицеров мобильной армии; среди них есть биарх, прослуживший 20 лет, центенарий (22года), двадуценария (20 и 23 года), два «сенатора», скончавшиеся в возрасте 40 и 60 лет, и инструктор, обучавший солдат военному делу (*campidoctor*), из *Batavi seniores*, скончавшийся после 35-летней службы в возрасте 60 лет. Абинней был дуценарием, отслужившим 33 года в конном вексиллационе, прежде чем отправился по специальному поручению ко двору, где «почтил священный пурпур». Поцеловав край одеяния Констанция, он автоматически сделался *protector domesticus*. Со времен Диоклетиана протекторы стали чем-то вроде военного колледжа, в котором старшие из нижних чинов готовились командовать отдельными частями. Через три года Абинней стал префектом алы и тут-то и обнаружил, что соперники, воспользовавшись связями, успели его обойти. Так, старшим из протекторов (примицерием) был в 363 г. будущий император Иовиан, которому было всего 32 года. Видимо, не случайно его отец только что ушел в отставку с должности командира префектов, *Comes Domesticorum*. Должно быть, и у самого Аммиана, который стал протектором, когда ему было немногим больше двадцати, были связи. То же можно сказать и о людях, занимавших более высокие посты. Например, Флавий Меморий, комит Танжерской армии, прежде чем сделаться протектором, отслужил 20 лет в *Ioviani*. В то же время будущий император Валентиниан в возрасте 36 лет уже командовал конным вексиллационом, а будущий император Феодосий стал дуком в возрасте около 28 лет. Оба были сыновьями военачальников: отец Валентиниана, Грациан, как и Меморий, был одним из немногих рядовых, дослужившихся до чина комита. Офицеры могли сделать себе состояние (Грациан, пришедший в армию из крестьян, сделался землевладельцем), но большинство новобранцев, если им удавалось пережить 20—25 лет службы, выходили в отставку простыми ветеранами со скромным достатком. Ветеранов поощряли возделывать заброшенные земли, на что им выдавалось небольшое пособие. Кроме того, они получали кое-какие налоговые льготы, включая ограниченное освобождение от налога на торговлю, выплачивавшегося раз в пять лет, за счет которого выдавались

подарки их старым товарищам по оружию. Судя по многим письмам, полученным Абиннеем, ветераны были людьми состоятельными: среди них имеются две просьбы, одна — от «землевладельца», который требует арестовать местных чиновников, с тем чтобы они выдали людей, вломившихся к нему в дом; дочь ветерана, другого «землевладельца», просит принять меры против должника, который вместе с деревенскими стражниками избил ее, когда она потребовала вернуть деньги; еще один ветеран обещает возместить Абиннееву любые расходы, которые он мог сделать при дворе, за то, чтобы он обеспечил его сыну продвижение по службе в местной але.

Армия в действии

Армия была главным, хотя и не единственным источником политической власти и общественной безопасности. Это символизировали церемонии восшествия на престол, описанные Аммианом. Валентиниан, избранный собранием старших офицеров и гражданских чиновников, был представлен армии на параде. Его провозгласили «Августом», облачили в пурпур и увенчали диадемой. Затем он произнес речь и удалился во дворец, «огражденный орлами и штандартами, уже сделавшийся предметом страха». Существует великолепное описание торжественного въезда Констанция II в Рим. Он ехал один на золотой колеснице, сверкающей драгоценными камнями, и штандарты-драконы пурпурного шелка шелестели на ветру у него над головой. По бокам от него шла доспешная пехота и клибанарии, тяжелые всадники, которые выглядели как движущиеся статуи. Вокруг бушевала буря приветствий, но Констанций смотрел прямо перед собой и шевельнул головой лишь затем, чтобы поклониться, когда повозка проезжала под аркой. Император в полном облачении либо в боевом доспехе, окруженный своей стражей, — это любимый сюжет позднеимперского искусства. Его изображают на серебряных блюдах, на рельефах, на мозаиках, на книжных иллюстрациях. Более чем за восемьдесят лет до въезда Констанция в Рим Аврелиан произвел колоссальное впечатление на германское посольство тем, что принял их, стоя на возвышении, позади которого была выстроена полумесяцем вся его армия. Военачальники восседали на конях, а позади красовались имперские штандарты, «золотые орлы, портреты императора, названия частей, начертанные золотыми буквами, и все это — на древках, окованных серебром». Умные императоры любили демонстрировать близость к своему народу. Юлиан питался овсянкой, «которой побрезговал бы и простой солдат». Ходили истории о том, как Констанцию II и Феодосию приходилось в трудную минуту просить корку хлеба; Валентиниан, возглавляя бегущее войско где-то в районе современного Франкфурта, спал под открытым небом, завернувшись в одеяло. Грациан (375—383), сын Валентиниана, утратил связь с армией, предавшись страсти к охоте, а также проникшись особым расположением к одному из аланских подразделений, и армия оставила его ради Максима, командира британских войск, чьи первые монеты (отчеканенные в Лондоне, чтобы уплатить его первым сторонникам) подчеркнуто имитируют чеканившийся на монетах профиль Валентиниана. Тем удивительнее то, что удалось выжить сыновьям Феодосия, Аркадию

(395-408) и Гонорию (395^23), поскольку они правили чисто номинально, не проявляя способности к военным делам и не интересуясь ими; недоброжелательный критик сравнивает Аркадия, сидящего в своем дворце, населенном евнухами, с морским моллюском, прячущимся в раковине.

Надгробие Лепонция. Страсбург. Позади него, похоже, штандарт с гальским петухом.

Во время войны армия IV в. старалась соответствовать стандартам ранней империи. Аммиан долго распространяется о ее недисциплинированности:

войско Валентиниана проиграло битву потому, что слишком увлеклось грабежом и поджогами, — но в целом рассказ Аммиана опровергает эти упреки. Комитатенсы, при наличии хорошего командования, упорно и

обычно довольно успешно сражались даже с превосходящими силами противника. То, что он рассказывает о поддержании дисциплины, должно быть, было нетипично. Юлиан, любивший восстанавливать древние традиции, после победы у ворот Ктесифонта наградил многих воинов венками и коронами (*corona navalis, civica, castrenses*); кроме того, он подверг «децимации» отряд конницы — видимо, Юлиан недопонял смысл этого наказания, потому что вместо того, чтобы казнить каждого десятого, казнил всего десятерых. Валентиниан, если верить одному ненадежному источнику, воскресил еще одно старинное наказание, заставив *Batavi* располагаться за пределами лагеря. Его полководец Феодосии (отец будущего императора) весьма жестоко расправился с африканскими войсками за предательство: офицерам конницы отрубили руки, выживших легионеров забили до смерти дубинами «по старинному обычаю», дезертиры были сожжены живьем либо тоже лишились рук. Аммиан, который обычно осуждает «немилосердие», похоже, не решается одобрить такую «необходимую суровость» и упоминает о том, что многие порицали эти «жестокие нововведения». Позднеримское законодательство полно подобных угроз; но, как правило, хорошо обученные комитатенсы были слишком ценны, чтобы обращаться с ними столь безжалостно. Солдаты по-прежнему устраивали на привалах походные лагеря с валом и частоколом и строили постоянные крепости из камня. Им полагалось иметь при себе двадцатидневный рацион. Они наводили понтонные мосты через Рейн, Дунай и Евфрат и достаточно умело обращались с маленькими лодками, чтобы устроить ночную высадку в Алеманнии или выслеживать сарматов в болотах у слияния Тисы с Дунаем. Юлиан собрал 500 человек, которые «у себя на родине с раннего детства привыкли преодолевать даже широчайшие реки», как бата-вы времен ранней империи; и после того, как они закрепились на противоположном берегу Тигра, остальная часть армии переправилась следом за ними на плотах либо на надутых мехах, по местному способу. Если комитатенсы IV в. хотя бы отчасти напоминали ауксилиев ранней империи, почему же тогда персидский поход 363 г. окончился таким страшным разгромом? Убедив персов, что намерен вести свои войска по Тигру, Юлиан повел их по Евфрату в полном порядке, с конным заслоном впереди и на фланге, не прикрытом рекой. Его сопровождала речная флотилия более чем в тысячу судов, везущая провиант, и обоз с осадными машинами, что позволило Юлиану разгромить по пути несколько укрепленных городов. Несмотря на задержки, вызванные разливом реки, армия без потерь добралась до Ктесифонта. Основные силы персов все еще находились где-то у Тигра. И, однако, Юлиан принял решение не осаждать Ктесифонта, как сделал некогда Кар, несмотря на то

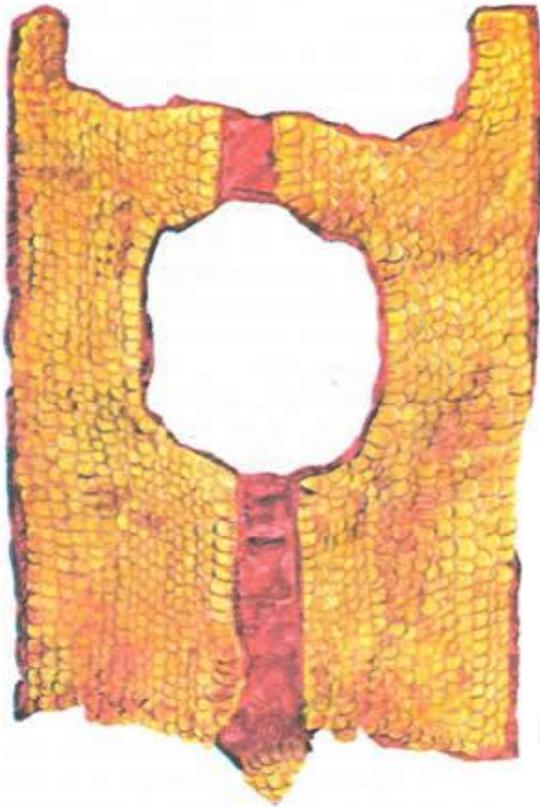
что при нем специально для этого были осадные орудия. Вместо этого он сжег корабли (буквально) и попытался пройти дальше на восток. Это решение было столь эксцентричным, что вскоре возникли легенды, его объясняющие. Конечно, лодкам и впрямь было бы трудно подниматься по Тигру против течения, но провиант, который они везли, был необходим, поскольку персы теперь переняли тактику выжженной земли — ту самую, которую использовали римляне в северной Месопотамии, чтобы оставить без фуража вторгшуюся туда персидскую конницу. Юлиану пришлось отступать вверх по Тигру, сражаясь с основными силами персов (которые как раз теперь подошли), пока он не погиб от пики какого-то араба из персидских нерегулярных войск. При отступлении римской пехоте удалось получить преимущество над персами, но римляне страдали от голода. Нельзя не обвинить Юлиана в стратегическом просчете и недостатке предусмотрительности. Вспоминал ли он поход против франков в 358 году, когда в его армии кончились сухари, а время года было слишком раннее, чтобы добыть провиант на месте? Особенностью персидского похода являются совершенно неудовлетворительные действия конницы. По пути к Ктесифонту Юлиану пришлось дважды наказывать отряды конницы, которые бросились врассыпную при внезапном нападении противника, в первый раз — «децимацией», во второй — переведя весь отряд в пехоту, «ибо пехота ниже рангом, и служба там тяжелее». Вскоре после этого пехота пожаловалась на *Tertiaci*, которые отступили, когда пехота пробивалась сквозь строй персов. Их отправили в обоз, и еще четыре трибуна конницы были уволены за недостойное поведение. Это странно: судя по «*Notitia*» и прочим источникам, конница действительно считалась старшим родом войск. В 355 г. алеманны, напавшие на временный лагерь, были отброшены вылазкой *Scutarii* и окончательно отбиты, когда к ним присоединилась вторая схола и элитные *Equites Comites* и *Promoti*. В 370 г. засада разбойничьего отряда саксов могла бы привести к катастрофе, если бы не неожиданное вмешательство отряда катафрактов. С другой стороны, в 359 г. начальник конницы вместе со своим штабом (в котором находился и Аммиан) едва не попал в руки персов из-за того, что два уже упомянутых дунайских подразделения конницы оставили свое место в строю. «Труссы» пробрались сквозь армию персов незамеченными. В 357 г. Юлиан, с армией в 13 000 человек, встретился под Страсбургом с алеманнским войском в 35 000, но при этом его солдаты и военачальники были уверены в победе. Римская конница была сосредоточена на правом фланге, против нее стояла алеманнская конница, подкреплённая легкой пехотой, — тактика, которую Цезарь перенял от их предков-свебов. Когда армии сошлись, трибун катафрактов был ранен, и римская конница смешалась и потоптала

собственную пехоту (после битвы Юлиан подверг отряд позорному наказанию, заставив их выйти на парад в женском платье). Затем алеманнская пехота совершила ряд атак, завершившийся атакой «бешеного отряда племенной знати, в котором были и короли». Этот отряд прорубился к *Primani*. Однако этот легион стоял твердо, выстроив «стенку», которую позднее рекомендовал Вегеций, и алеманны заколебались и отступили. При отступлении к Рейну они понесли серьезные потери. Под Страсбургом победила пехота. Алеманнов было больше, замечает Аммиан, однако римляне оказались дисциплинированнее. Позднеримская пехота была по-прежнему надежной, но более гибкой: она годилась и на то, чтобы очищать территорию от исаврийских разбойников, и на то, чтобы штурмовать вершины в Алеманнии, и на то, чтобы смести персидских лучников прежде, чем они успеют выстрелить. С другой стороны, знаменитая тяжелая конница (*clibanarii*), похоже, была неэффективной и дорогостоящей — в «*Notitia*» перечислены четыре крупные мастерские, которые ковали доспехи только для них. Клибанарии (название которых происходит от слова «*clibanus*», «печь» — неизвестно, оттого ли, что они были похожи на печку, или оттого, что в доспехе было так жарко) впервые были использованы в 312 г. в Италии против Константина; его армия просто расступилась, пропустила клибанариев в середину, потом окружила и забила дубинами. Весь отряд был уничтожен. Несколько источников утверждают, что о них особенно заботился Констанций II — Либаний ехидно сопоставляет его стремление превзойти персов с их собственной тяжелой конницей и провалившуюся атаку собственных тяжеловооруженных всадников. На самом деле доказательств того, что клибанарии могли эффективно действовать против дисциплинированного противника, не имеется; однако их появление на параде произвело большое впечатление на Аммиана и поэта Клавдиана. При отсутствии стремян и достаточно мощных лошадей клибанарии были жалкой пародией на будущих средневековых рыцарей. Адрианопольская битва считалась победой конницы над пехотой и революцией в военном деле. К несчастью, в повествовании Аммиана некоторые важные факты сопровождаются избытком красочных подробностей, так что трудно понять, что же там произошло на самом деле. Прежде всего Валент совершил ошибку, вступив в бой прежде, чем подошел его племянник Грациан с западной армией. Возможно, из-за неточных данных разведки военачальники недооценили размер войска готов. Говорят также, что Валент стремился превзойти племянника. Как и в Страсбурге, римское войско сделало длинный переход по жаре, и к тому времени, как впереди показались повозки готов, выстроенные кругом, солдаты были измучены голодом и жаждой. Произошла заминка. Готы возобновили переговоры —

хотя бы затем, чтобы дождаться возвращения своей конницы (остготов и аланов), отправившейся добывать продовольствие. Тем временем римское войско надвигалось на них колонной, и правый фланг уже почти вступил в битву, когда левый был только на подходе. Переговоры были в разгаре, когда какой-то отряд римской конницы (по всей видимости, на правом фланге) вопреки приказу завязал стычку, окончившуюся поражением. Стычка переросла во всеобщую свалку, и тут подоспела готская конница. К сожалению, Аммиан не уточняет, куда именно пришелся первый удар, — он говорит только, что к тому времени левый фланг римлян успел добраться до повозок, и тут «прочая конница оставила его, превосходящие силы противника обрушились на него, точно валящаяся стена, и отшвырнули назад, так что пехота осталась беззащитной». Римскую пехоту взяли в клещи, окружили («они огляделись и увидели, что бежать некуда»), строй был прорван, и началась резня. Уцелевших преследовали до темноты. Две трети армии погибли. Аммиан добавляет, что таких потерь не бывало со времен Канн. И здесь тоже римскую конницу прогнали с поля битвы, после чего легионы были окружены и разгромлены. Похоже, основной причиной катастрофы при Адрианополе было решение атаковать полевое укрепление (каковым, собственно, и являлись выстроенные кругом повозки), не нейтрализовав мощную конницу противника. Это «решение» было навязано Валенту недисциплинированной и бестолковой конницей, стоявшей у него на правом фланге. А левый фланг, подтягивавшийся в спешке, был застигнут врасплох мощной атакой сбоку или даже сзади, и оставил пехоту, которая уже растянулась полукругом вдоль повозок и сражалась с защитниками укрепления, без прикрытия. От Либания нам известно, что после катастрофы было проведено расследование, и причиной катастрофы была признана трусость либо недостаток выучки. Похоже, это справедливо по отношению к римской коннице, по чьей вине и была проиграна та битва.

Упадок римской армии 378-476 гг. н.э.

Большая часть обученной пехоты погибла под Адрианополем, и возместить эту потерю было нечем. Новый император, Феодосий I (379—395), чьи потомки были номинальными правителями Восточной и Западной империи до середины V века, позволил готам поселиться в дунайских провинциях под началом своих собственных вождей. После смерти Феодосия готы двинулись дальше на запад — на империю, ослабленную гражданскими войнами, последовавшими за смертью сыновей Валентиниана, Грациана (375-383) и Валентиниана II (375-392). Некоторое время Стилихону, одному из военачальников Феодосия и опекуну его сына Гонория, ставшего новым императором Западной империи, удавалось сдерживать натиск готов, но Стилихон был дискредитирован падением рейнской границы в 406 г., когда восточные германцы, за которыми последовали алеманны и франки, наводнили Галлию и Испанию. В Италию хлынули вестготы; когда Гонорий отказался выполнить их требования, они разграбили Рим. Реальная власть находилась в руках главнокомандующих западной армии, в особенности Констанция (411—421), Этия (430-454) и Рицимера (456-472), которые пытались удерживать Италию и разрозненные плацдармы в других местах, стравливал варваров друг с другом. Но последняя надежда на возрождение погибла в 429 г., когда вандалы переправились через Гибралтарский пролив и принялись разорять последние провинции Западной империи, оставшиеся нетронутыми. В 444 г.

Слева: Одна из чешуйчатых защитных попон, найденных в Дуре Европос. Середина III в. н.э. Это часть доспеха лошади катафракта либо клибанария. Она сделана из металлических чешуек, нашитых на тканевую и кожаную основу. Она надевалась на спину лошади, как и обычная попона. Отверстие в середине предназначено для седла.

Внизу: Настенный рисунок из Дуре Европос, изображающий клибанария. На всаднике — пластинчатый доспех. Катафракт носил чешуйчатый панцирь.

Справа: Катафракты в чешуйчатых доспехах с длинными рукавами. Настенная роспись из синагоги в Дуре Европос. На фигуре слева — чешуйчатый капюшон. Оба держат шестиугольные изогнутые щиты.

Валентиниан III (425—455), внук Феодосия, признал экономическое и военное банкротство империи: «Ни новобранцам, ни ветеранам не хватает тех припасов, что с великими трудами поставляют измученные налогоплательщики, и, по всей видимости, из этого источника ни провиант, ни одежду добывать уже невозможно. Так что если солдаты не смогут

кормиться торговлей, занятием недостойным и унижительным для человека, носящего оружие, вряд ли им удастся избежать опасностей голода или гибели от холода... [и однако] если мы потребуем возмещений этих расходов от землевладельца, в дополнение к тем расходам, что он несет теперь, подобное повышение налогов истощит его последние ресурсы».

В 455 г., когда Валентиниан был убит, вандалы обрушились на Рим и разграбили его снова. Восточная империя пережила кризис V в.: она была более устойчива экономически, и ее территория, за исключением европейской части, практически не подвергалась нашествиям. Время от времени на нее нападали с запада, но все это было ненадолго. А Западная империя истекала кровью. Она утратила территории, которые могли кормить регулярную армию, и ей все больше приходилось полагаться на «федератов». В последние годы там царит полная неразбериха. Незадолго до того, как новая, теперь уже варварская, армия Италии свергла последнего западного императора, Ромула «Августула»¹ (475— 476), появляется последняя весть о пограничных войсках на Дунае. IX когорта *Batavorum*, гарнизон Пассау, отправила нескольких людей в Италию, чтобы получить не выданное до сих пор жалованье. Вольте о них никто ничего не слышал, пока их тела не приплыли по реке. Подразделение исчезло. «Пока римская империя еще стояла, во многих городах солдаты содержались за общественный счет, для защиты границы; но когда этот обычай исчез, военные отряды исчезли вместе с границей».

Снаряжение

Со времен Полибия до правления Септимия Севера можно проследить непрерывную эволюцию римского оружия и доспеха. Арка Септимия Севера в Риме — это самый поздний памятник, на котором встречается сегментированная лорика. Этот памятник отмечает конец очередной эпохи римской военной истории. Начиная с середины II в. оружие и доспехи, столь долго ассоциировавшиеся с легионером, начинают исчезать. Изогнутый skutum в течение II в. постепенно вытесняется, а к середине III в. исчезает совсем и заменяется овальным щитом ауксилиев. Одновременно с этим — и, вероятно, именно из-за этого — ножны меча перемещаются с правого бока на левый. На нескольких памятниках появляются круглые щиты. Иногда они принадлежат знаменосцам, как на надгробии Лепонция. Такой щит был для них традиционным. На настенных росписях из синагоги в Дура Европос в Сирии показаны шестиугольные щиты. Таких щитов больше нигде не встречается. Возможно, они были частью снаряжения катафракта. В Дура Европос найдены также пять овальных щитов длиной от 1,07 до 1,18 м. Найденный в Дура skutum (см. стр. 231) — наиболее поздний экземпляр такого типа и, возможно, использовался в церемониальных целях. У всех щитов, найденных в Дура, край укреплен сыромятной кожей, а не бронзой, как обычно. Кожа прошита, как на фаюмском щите.

Наверху: Бронзовый шлем легионера из Нидермермтера. Музей земли Рейн, Бонн. Этот шлем, относящийся к концу II — началу III в., — наиболее поздний образец римского имперского шлема и явно ведет свое происхождение от имперских итальянских шлемов I века. Рассел Робинсон относит его к разновидности H имперского итальянского типа. Более поздние пехотные шлемы относятся уже к IV веку. Они никак не связаны с более ранними типами.

Слева: Один из раскрашенных плоских овальных щитов, найденных в Дура Европос. Масштаб 1:14. Край таких щитов обшивался сыромятной кожей. Бронзовый умбон от щита того же типа найден в Майнце. Государственный музей, Висбаден.

Начиная с III в. доспехи используются все реже. Возможно, это связано с упадком дисциплины, которым сопровождалась анархия большей части этого века. Вегетий жалуется, что солдаты в его время сделались чересчур изнеженны, чтобы таскать на себе тяжелые доспехи. Возможно, то же самое относится и к III в. Доспехи, похоже, остались уделом тяжелой конницы, которая по-прежнему носила кольчуги и чешуйчатые панцири: такие панцири длиной по колено и с длинным рукавом можно видеть на настенной росписи в Дура. Некоторые из них имели капюшон и явно были принадлежностью катафракта. Подобные панцири с капюшоном можно видеть на иллюстрациях к списку «Энеиды» Вергилия V в. Катафракты в чешуйчатых панцирях изображены также на арке Константина в Риме — за исключением офицеров, это единственные воины, одетые в доспех, — и на арке Галерия в Салониках. Чешуйчатые доспехи или кольчуги длиной по колено должны были иметь разрезы спереди или по бокам, чтобы можно было сидеть на лошади. Панцири с разрезом впереди можно видеть среди

доспехов на изображении начальника служб в «Notitia Dignitatum». Эти панцири с капюшоном, очень похожие на те, что носили норманнские рыцари, должно быть, весили 25—30 кг. Катафракта следует отличать от клибанария, «человека-печки», который был с головы до ног закован в сочетание пластинчатого и чешуйчатого доспеха.

1 — один из грубых железных шлемов, найденных в Ингэрсизе в Венгрии. Он никак не связан с более ранними типами шлемов. 2 — изысканный бронзовый шлем всадника, найденный в болоте возле Дейрне в Голландии.

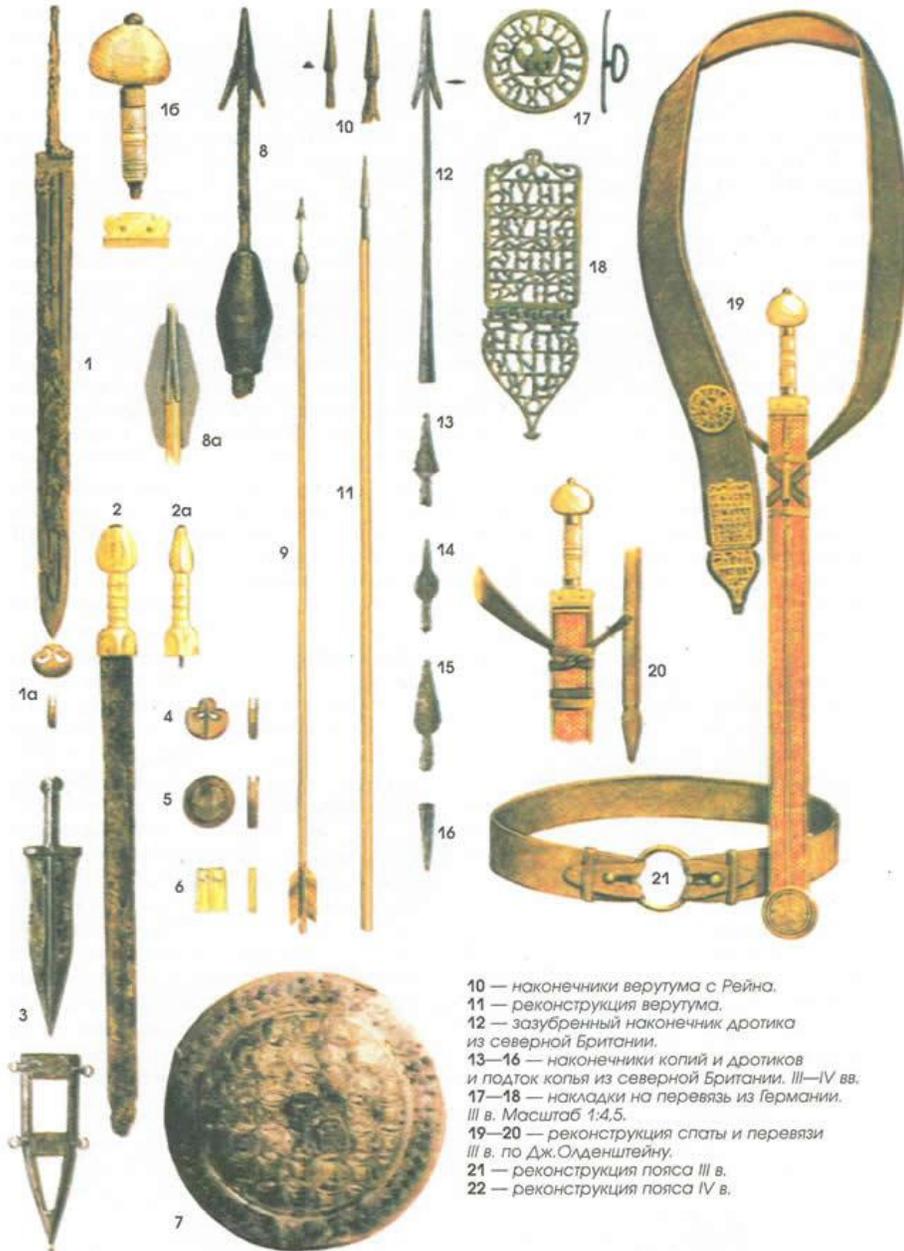
Посеребрённый шлем всадника из Кончести в Румынии. Этот шлем начала V в. очень похож на раннесредневековый Spangenhelm. Он сделан из нескольких сегментов, прикрепленных к каркасу.

Три чешуйчатые попоны, принадлежащие либо катафракту, либо клибанарию, найдены в башне XIX в. Дура. Они сшиты из двух половин,

состоящих из бронзовых либо железных чешуек, соединенных проволокой и нашитых на полотняную подкладку. Эти две половины защищали бока коня и были пришиты к центральной кожаной полосе, идущей вдоль хребта коня. В середине оставлялось отверстие для седла. Подобные же панцири, должно быть, защищали шею и голову коня. На лошадях катафрактов, очень достоверно изображенных на колонне Траяна, имеются наглазники с отверстиями. Поскольку римские всадники использовали наглазники во время спортивных соревнований, логично будет предположить, что такие же наглазники имелись у лошадей катафрактов и клибанариев. Образцов пехотных шлемов III в. у нас практически нет. Начиная со следующего века шлемы снова появляются в большом количестве, но при этом они совершенно иного типа и явно никак не связаны с более ранними типами. Наиболее поздний легионерский шлем, сохраняющий первоначальную форму, — это имперский италийский шлем разновидности Н по Робинсону. Он явно происходит от имперского галльского и италийского типа, не считая того, что назатыльник расширен, что делает его похожим на шлем всадника II в. Следующие пехотные шлемы появляются более чем сто лет спустя. Их можно назвать шлемами интерсизского типа, от Интерсизы в Венгрии, где найдено не менее четырех таких шлемов. Эти шлемы ничем не напоминают ранние легионерские шлемы. Они железные, очень грубой конструкции, состоят из двух половин, соединенных вдоль гребня. Назатыльник небольшой, изготавливается отдельно и обычно не приклепывается к шлему, а просто пришивается к подшлемнику. Нащечники, которые тоже прикрепляются к прокладке, закрывают уши и имеют полукруглый вырез, чтобы хозяин шлема мог нормально слышать. Возможно, такие шлемы принесли в армию наемники северо-восточного происхождения, пришедшие в империю из дунайских регионов. На многих памятниках изображены шлемы, которые на первый взгляд похожи на позднеклассические и эллинистические типы, загибающиеся на верхушке на манер фригийского колпака. Вегеций упоминает о паннонских кожаных колпаках, которые носили солдаты. Видимо, именно они и изображены на таких сценах, как переход через Красное море из катакомб на Виа Латина и в церкви Санта-Мария-Маджоре в Риме. Найдено также несколько весьма изысканных шлемов интерсизского типа. Нащечники у них полностью закрывают уши. Эти шлемы явно принадлежали всадникам. Они хорошо демонстрируют то, как поменялись статусы легионов и конницы. Вероятнее всего, такой тип шлема первоначально был введен в коннице, и только позднее, в более примитивной форме, был перенят пехотой. Эти шлемы имеют практически ту же конструкцию, что и шлемы пехотинцев: они сделаны из двух половин, скрепленных вдоль гребня, назатыльник прикреплен к шлему ремнями с

пряжками — пряжка всегда находится на назатыльнике. К началу V в. такие шлемы начали делать из четырех сегментов, прикрепленных к каркасу. Позднее из этого шлема развился *Spangenhelm* раннего средневековья. И пехотный, и конный шлем обычно имеют щель наверху, вдоль места соединения частей, в которую вставлялся гребень. В конце II — начале III вв. гладиус постепенно уступил место спате. Согласно Вегецию, к эпохе Диоклетиана, в конце III в., все легионеры были вооружены спатой. В Бонне имеется отличный образец спаты IV в., найденный в Колони, с клинком длиной в 70,5 см. Это практически стандартная длина, хотя существует экземпляр из Карнунта с клинком длиной в 85 см. Ножны этого меча не римского типа, они основаны на традиционном германском типе, с кельтской петлей вместо обычных римских колечек, на которых меч подвешивался к перевязи. Кинжал, исчезнувший в начале II в., появляется снова, в значительно более грубой форме, как часть вооружения ауксилиев. В течение III в. *singulum* (солдатский пояс), бывший некогда символом солдата, тоже постепенно исчезает, заменяясь кожаным поясом, который часто носили не на талии, а на бедрах. Меч теперь висел на перевязи примерно в 5 см шириной. В IV в., под влиянием хлынувших в армию варварских наемников, такой пояс и перевязь тоже исчезают, заменяясь германским поясом. Пехота времен Вегеция по-прежнему была вооружена метательным оружием, но уже не пилумом, а *spiculum*, *verutum* и *plumbata*, которые, вероятно, вели свое происхождение от пилума. У *спикулу*ма был трехгранный железный наконечник длиной в 9 римских дюймов (22 см) и деревянное древко длиной в 5,5 фута (около 1,6 м). Вероятно, это то самое оружие, которое изображено на нескольких надгробиях III в. В целом оно соответствует описанию Вегеция, но между коротким железным наконечником и древком у него имеется овальное утяжеление, вероятно, свинцовое. *Верутум*, который первоначально назывался *vericulum*, имел наконечник в 12 см длиной и деревянное древко немногим длиннее метра. К сожалению, Вегеций не дает описания третьего вида оружия, *плюмбаты*. Однако он рассказывает о том, что во времена Диоклетиана и Максимиана два иллирийских легиона получили прозвище *Martio-barbuli* (от латинского «*barbula*» — «бородка, зазубрина») за свое искусство в обращении с этим оружием. Эти два названия заставляют предположить, что это было зазубренное оружие, утяжеленное свинцом, и потому, вероятно, правомерно будет отождествить *плюмбату* с коротким зазубренным дротиком со свинцовым утяжелением, который находили во многих поселениях III и IV вв. Образец из Роксетера состоит из зазубренного железного наконечника, свинцового утяжеления и обломка деревянного древка толщиной примерно в 1 см. Нейтронные радиографы показывают, что трубка была раздвоенной.

Найдены также образцы с хвостовиком с шипами. Покойный Рассел Робинсон изготовил реконструкции таких дротиков, и эксперименты показали, что лучше всего это оружие действует при наличии оперенного древка длиной в 94 см. Возможно, Вегециево описание верутума и спикулума, которые использовались в его время, действительно точное, но, сожалея об исчезновении пилума, он говорит, что пилум имел наконечник в 27—29 см длиной. Так что речь явно идет не о пилуме времен ранней империи.

10 — наконечники верутума с Рейна.
 11 — реконструкция верутума.
 12 — зазубренный наконечник дротика из северной Британии.
 13—16 — наконечники копий и дротиков и подток копья из северной Британии. III—IV вв.
 17—18 — накладки на перевязь из Германии. III в. Масштаб 1:4,5.
 19—20 — реконструкция спаты и перевязи III в. по Дж.Олденштейну.
 21 — реконструкция пояса III в.
 22 — реконструкция пояса IV в.

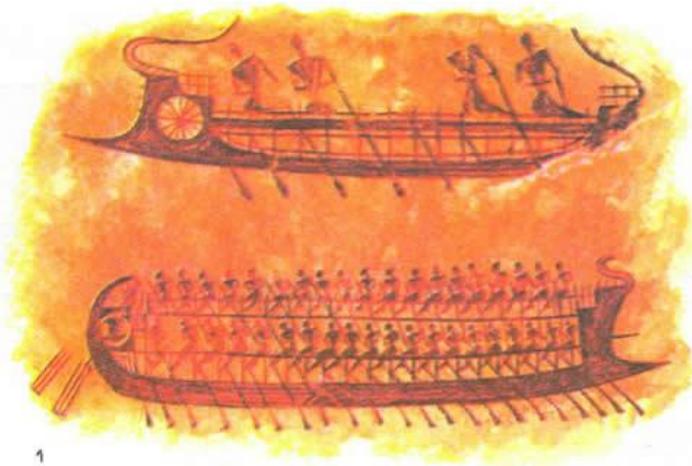
1—16 — позднеримское оружие. Все, кроме 7 и 8, дано в масштабе 1:10.
 1, 1а — слата и оковка ножен III века из Кента.
 16 — детали рукоятки меча III века.
 2, 2а — слата IV века из Колони.
 3 — кинжал III века из Каstell-Кюнцинга.
 4, 5, 6 — оковки ножен III века из разных поселений.
 7 — оковка для ножен IV века из Колони (масштаб 1:2,5).
 8 — наконечник пюмбаты из Роксетера (масштаб 1:2,2).
 8а — разрез утяжеления.
 9 — реконструкция пюмбаты.

В военной истории Греции, а также и Рима (по крайней мере в решающем III в. до н.э.) боевые действия на море сыграли весьма

значительную роль. Афины никогда бы не создали свою морскую империю, не имея флота. В «Одиссее» Гомер почти наверняка описывает корабли, распространенные в его время, в VIII в. до н.э. В поэме представлены два типа: легкие и быстроходные двадцативесельные суда и более мощные военные корабли на пятьдесят весел, так называемые пентеконторы (pentekontoros). Вне всякого сомнения, это были корабли типа галер, а вовсе не лодки типа каноэ, поскольку в поэме то и дело упоминаются уключины с кожаными петлями для весел. Были там и скамьи для гребцов. Одиссей строит свой корабль из сосновой древесины, а весла делает из отполированной ели. В море такое судно можно было поставить на якорь при помощи веревки с привязанным тяжелым камнем. Каменные якоря, которые в большинстве случаев представляли собою просто обтесанный камень с отверстием для закрепления каната, существовали начиная с бронзового века. Образчик такого рода, найденный на Кипре, имеет одно большое отверстие для троса и два поменьше: в них вставлялись заостренные колышки. Эти колышки втыкались в дно и надежно удерживали корабль на месте. Куда более эффективный «адмиралтейский якорь» вошел в употребление около 600 г. до н.э., но более раннюю разновидность не вытеснил: каменные якоря продолжали использовать вплоть до эпохи эллинизма. Ночью корабли по возможности втаскивали на берег кормой вперед и подпирали камнями или бревнами. Корабли у Гомера снабжены мачтами и прямыми парусами, которые можно было использовать только при попутном ветре. Еловая мачта вставлялась в гнездо, укрепленное на продольном днищевом наборе. Перед боем и мачту и парус всегда убирали. Пока корабль не спускали на воду, мачту и такелаж снимали и хранили на берегу. Гомеровские корабли управлялись при помощи одного-двух кормовых весел, а на носу крепился таран (бивень). Корабли в «Одиссее» чаще всего описаны как «черные», но, с другой стороны, поэт иногда иногда называет их «багряными» или «синими». Киль корабля смолился: отсюда, очевидно, и возникает эпитет «черный», в то время как прочие цвета, возможно, характеризовали те части корабля, что возвышались над водой. Не следует забывать, что древние греки чаще видели корабли вытасченными на берег, нежели непосредственно на море, так что корабельный корпус ниже ватерлинии был им более знаком, чем нам. На покрытых росписью вазах VIII в. до н.э. нередко встречаются изображения кораблей, правда, до крайности стилизованные. Почерпнуть из них можно не так уж и много, однако на всех рисунках наличествует корма, изогнутая, точно хвост скорпиона, таран и на носу — огромный рог в форме буквы S. В описаниях Гомера суда Ахилла снабжены этими вертикально поставленными рядами. Те же характеристики отличают подставку для дров

в форме корабля (обнаружена при раскопке могилы воина в Аргосе, датируемой VIII в.). Благодаря этой подставке проясняется одна небольшая подробность: рог на носу был единым, а не двойным, как полагали прежде. Корабли, изображенные на керамических изделиях с геометрическим узором, — безусловно, гребные, причем гребцы сидят лицом к корме. В росписи нередко присутствуют и уключины. Интерпретация изображений кораблей на сосудах представляется весьма затруднительной. Скорее всего художники пытались изобразить оба борта корабля одновременно. В довершение путаницы показаны якобы два весельных яруса. Воспринимать подобный рисунок, очевидно, следует так: вдоль каждого борта — по одному) горизонтальному ряду весел. Иначе говоря, живописец изображает унирему а вовсе не бирему. Ситуация усложняется еще и тем, что бирема скорее всего появилась в конце VIII в. Такое судно с двумя горизонтальными рядами весел, по всей вероятности, является изобретением финикийцев, позже взятым на вооружение греками. Усовершенствование заключалось в следующем: корабль снабжался вторым рядом весел, размещаемым чуть выше первого яруса. В силу недостатка данных невозможно охарактеризовать устройство биремы в подробностях. Возможно, принцип действия был таким же, как и у более поздней триремы, но только при двух рядах весел. Самый крупный греческий корабль того периода был оснащен только пятьюдесятью веслами, так что, возможно, создатели биремы ставили целью создать судно не столь длинное, зато более маневренное. После гибели микенской цивилизации владычество над Средиземным морем переходит к финикийцам; позже именно их корабли станут оплотом персидского флота. Финикийцы всегда оставались главным врагом греков на море; вдоль всего средиземноморского побережья колонии постоянно воевали друг с другом из-за торговых интересов. Мир между этими двумя народами воцарился лишь после того, как оба подпали под власть Рима. После первого вторжения персов в Грецию в 490 г. до н.э. Афины ввязались в войну на море с островом Эгина, причем себе во вред. Оскорбленная гордость заставила Афины употребить все ресурсы и средства на постройку современного флота. Когда персы снова вторглись на территорию Греции в 480 г., Афины — пусть в сравнении с финикийскими мореходами им не доставало умения и опыта — смогли спустить на воду флот, состоящий из двухсот суперсовременных трирем: больше, чем все греческие государства, вместе взятые. Без афинского флота военно-морским силам Персии невозможно было бы противостоять, а если бы Персия получила контроль над морем, ничто не помешало бы персам захватить Пелопоннес.

1

1 — изображения кораблей на древнейших образчиках росписи ваз. Скорее всего изображен один и тот же тип судна, оснащенный лишь одним ярусом весел. 2 — фрагмент древнейшей росписи, с изображением уключин с петлями.

3 — подставка для дров в форме корабля (Аргос, VIII в.). 4 — каменный якорь из Пирея. 5 — якорный шток из Сиракуз. 6 — изображение изогнутого якоря (VI в.).

Бирема, захваченная штормом. Роспись на вазе VI в. Корабль снабжен тараном в форме головы вепря. Мореходы убирают парус.

После разгрома персов Афины объединили государства Эгейского моря, создав так называемый Делосский морской союз. Каждый из членов союза поставлял

корабли или чаще деньги для продолжения войны с Персией. В результате на средства союзников Афины создали огромный флот. К 420 г. численность его достигла 350 кораблей. Для постройки и содержания этого флота требовалось немалое количество древесины; это, по всей вероятности, и повлекло за собою вырубку лесов в центральной части Греции. Эрозия почвы, проклятие нынешних греческих земледельцев, давала о себе знать уже во времена Платона. Афинское владычество над морем просуществовало семьдесят пять лет, так что афинские мореходы славой сравнялись с финикийцами. В 415 г., будучи принуждены снять осаду Сиракуз, Афины поневоле расстались с половиной флота. Спустя десять лет последовал окончательный, позорный разгром при Эгоспотамах. Причиной поражения явилось отнюдь не отсутствие воинского мастерства, но обычное легкомыслие. Когда же Афины пали, спартанцы конфисковали все афинские триремы, за исключением двенадцати.

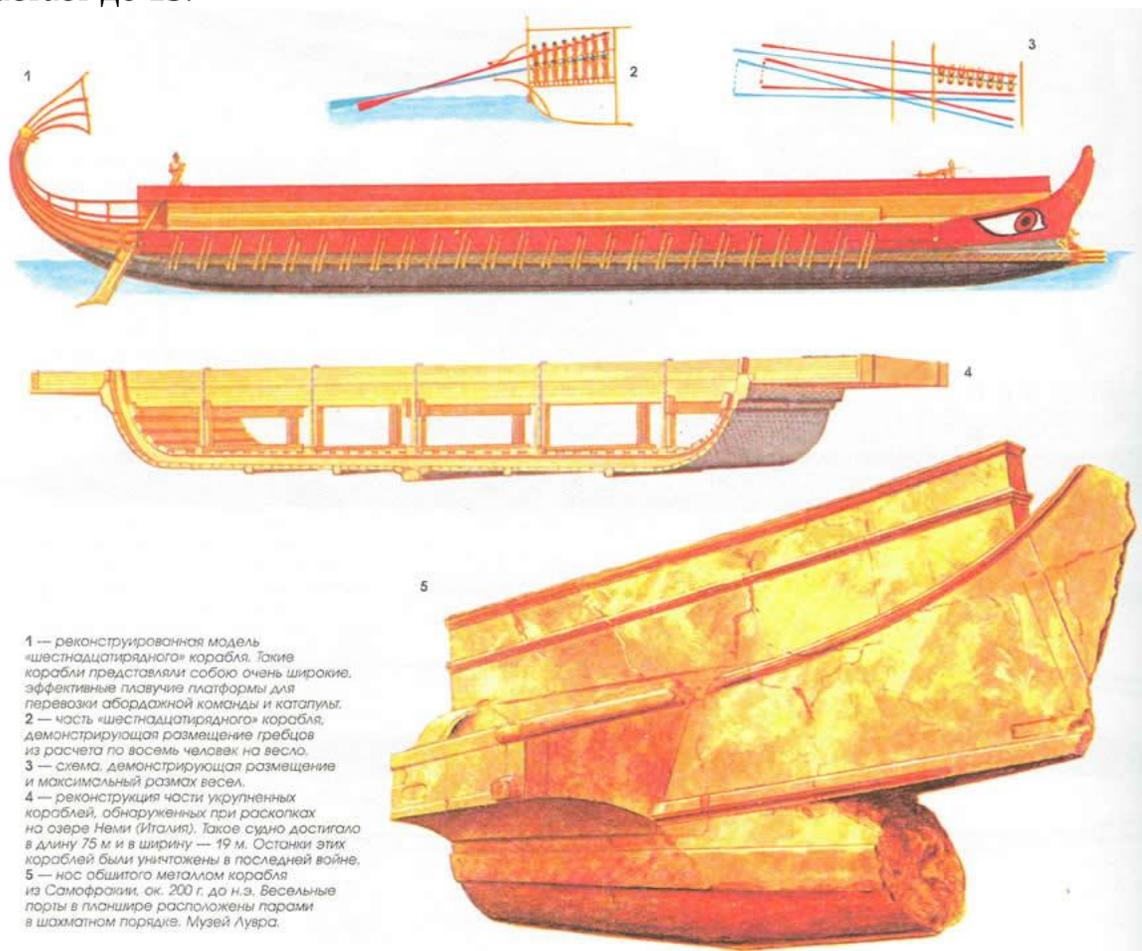
Трирема

В какой-то момент в ходе VI в. к биреме добавили третий горизонтальный ряд весел — и получилась знаменитая трирема. К концу века трирема становится общепринятым боевым кораблем Средиземноморья. Касательно триремы по многим вопросам мнения расходятся, но в определенных аспектах ясность достигнута. Трирема оснащалась тремя ярусами весел, по одному гребцу на весло. Благодаря одним только изображениям становится вполне очевидно, что весла располагались в три ряда, а случайное замечание у Фукидида — «решено было, что каждый мореход при своем весле, весельном ремне и подушке...» — доказывает, что на каждое весло и впрямь приходилось по гребцу. Из афинских корабельных архивов мы узнаем, что весла эти в длину достигали 4—4,5 м. При раскопках в афинской гавани Пирей были обнаружены корабельные сараи, благодаря которым можно сделать вывод о максимальных размерах кораблей: 37 м в длину и 3 м шириной в подводной части, причем на уровне планшира ширина увеличивается до 6 м. Согласно афинским архивам на нижнем ярусе триремы располагалось по 27 гребцов-таламитов (*thalamites*) с каждой стороны. Эти гребцы работали веслами, пропущенными сквозь специальные отверстия — так называемые порты. Отверстия эти, хотя и находились сравнительно близко к воде, располагались, судя по всему, достаточно высоко над ватерлинией, чтобы небольшие гребные суда проскальзывали под веслами. Именно эту тактику использовали сиракузцы в ходе осады города, поражая афинских гребцов прямо на скамьях. Второй ярус, зигиты (*zygites*), тоже насчитывал 27 человек. Гребцы верхнего ряда, траниты (*thranites*), работали веслами, закрепленными на выступе, идущем вдоль бортов корабля, позволяющем увеличить длину весла. Вдоль каждого борта размещалось по 31 траниту. Как и в предшествующие эпохи, корабли управлялись широкими, укрепленными на корме веслами. Каждое судно снабжалось двумя якорями, побортно закрепленными на крамболах, а также двумя сходнями (их часто изображали на корме кораблей). Экипаж триремы состоял из 200 человек, из них — 170 гребцов (это были представители беднейших слоев населения, но не рабы). В битве при Сала-мине на каждом корабле находилось по 10 человек абордажной команды и по 4 лучника. В экипаж входил также флейтист, задающий ритм гребцам, и 15 палубных матросов. Управлял триремой триерарх (*trierachos*), назначаемый командующим флотом. На недалеких расстояниях и при благоприятных условиях трирема развивала

скорость до 12 км/ч. Существуют многочисленные примеры того, что при плавании на больших расстояниях триремы делали не меньше 8 км/ч. В таких случаях, надо полагать, все три яруса гребли по очереди. Эней Тактик, автор IV в., рекомендовал корабли в качестве быстреего способа переброски войск. Реконструированная в 1980 г. трирема «Олимпиада», несмотря на небольшой просчет в проектировании, развивала скорость почти в 13 км/ч на двухкилометровой дистанции при проектной скорости 18 км/ч. Основное вооружение триремы составлял окованный бронзой таран (бивень), но при его использовании требовалось особое мастерство. В ходе Пелопоннесской войны коринфяне, как позже римляне, нашли способ посостязаться с превосходящим морским искусством афинян. Они оковали металлом носы своих кораблей и стали пробивать ими более легкие афинские суда, подменяя умение грубой силой. Греческие корабли, участвовавшие в сражении при Саламине, были практически беззащитны. Палубы настилались лишь отчасти, и, если верить изображениям, скамьи для гребцов, по крайней мере на верхнем ярусе, были полностью открыты, защищал их только верхний настил. Поручнями палубу не оснащали: это, должно быть, упрощало погрузку и посадку. К концу V века гребцы, вероятно, были защищены лучше, так как легким судам сиракузцев приходилось проскальзывать под веслами, чтобы атаковать афинских гребцов сквозь весельные порты.

Мощные военные корабли

В эпоху эллинизма назначение судов меняется: корабли все чаще строятся как бронированные плавучие платформы для перевозки катапульта и воинов. На таких судах палубы настланы полностью, а борта обшиты наглухо. Около 400 г. до н.э. впервые встречаются упоминания о кораблях, гребной мощностью превосходящих трирему. Диодор утверждает, что работы по созданию и усовершенствованию этих укрупненных судов впервые начались в военных учреждениях Дионисия I в Сиракузах. По-гречески корабли с тремя ярусами весел назывались триерами (trieres). На смену им приходят тетреры (tetreres) и пентеры (penteres), то есть корабли с четырьмя и пятью горизонтальными рядами весел. «Шестирядные» корабли возникают около 350 г. до н.э., а к концу века число ярусов постепенно возрастает до 13.

В начале III в. появляется «шестнадцатирядный», а к концу века - «сорокарядный». Подобное увеличение весельных рядов на протяжении

многих столетий ставило ученых в тупик; маловероятно, что загадка когда-либо прояснится. Реконструировать эти ряды на бумаге труда не представляет. В 1864 г. Грейзер опубликовал свой труд «De Veterum Re Navali», где и проиллюстрировал расположение весел на таких кораблях. Он просто-напросто умножил основополагающий принцип устройства триремы, так что на его «сорокарядном» корабле гребцы верхнего ряда размещались на высоте 15 м над водой и гребли веслами, длина которых достигала 75 м. Но, как ни смехотворны теории Грейзера, альтернативные подходы, выдвинутые его критиками, в равной степени нелепы. Высказывалось предположение, что на таких кораблях гребцы располагались одним ярусом и не более, а слово «*remes*», или «*reis*» (весла), относится к числу гребцов, приходящихся на каждое весло. Вплоть до восьми это звучит вполне убедительно, но граничит с абсурдом, когда счет переходит за шестнадцать. Решение проблемы, как всегда, лежит где-то посередине. По скульптурным изображениям римских кораблей ясно видно, что гребли одновременно на нескольких ярусах, однако больше трех рядов весел нигде не встречается. Здесь-то и кроется ключ к разгадке. Эти корабли — всего лишь увеличенные модификации биремы и триремы. Скорее всего число весельных ярусов никогда не превышало трех. Числа же относятся к общему количеству гребцов, приходящихся на каждую вертикальную группу весел: например, на «шестирядном» корабле гребут точно так же, как и на триреме, но по два гребца на весло, или, как на биреме, но три гребца на весло. В XVII—XVIII вв. выяснилось, что восемь гребцов на одно весло — максимальное число, при котором возможно добиться эффективного управления судном. Таким образом, если исходить из принципа триремы, «двадцатичетырехрядный» корабль возможен, хотя и маловероятен. Из числа подобных гигантов чаще всего упоминаются «шестнадцатирядные». Именно таков был флагманский корабль во флоте Персея, последнего правителя Македонии. Бирема с восемью гребцами на одно весло — наиболее приемлемая разновидность подобного типа. Такой корабль должен достигать по меньшей мере 12 м в ширину, не считая планшира. Суда, обнаруженные в озере Неми (Италия), в два раза превышают этот размер: вероятно, это и были пресловутые корабли-гиганты. Реконструированная модель судна, приведенная здесь, оснащена двумя ярусами весел, по восемь гребцов на каждое. Очевидно, что «сорокарядный» корабль требовал дальнейшей реконструкции. Как он предполагается, что такой корабль обладал двойным корпусом и, по сути дела, представлял собою удвоенный «двадцатирядный». На нескольких изображениях эпохи эллинизма представлены корабли с двумя ярусами весел, причем оба закреплены на планшире. Наиболее знаменит тот, что украшает пьедестал Ники

Самофракийской. Этот корабль снабжен планширом, причем весельные порты расположены в нем парами в шахматном порядке. Очевидно, именно таково было устройство мощных боевых кораблей.

Тактика морского боя

Боевая тактика греческого флота особой сложностью не отличалась. Победа, как правило, зависела от боеспособности отдельных кораблей. Геродот крайне смутно представлял себе принципы ведения боевых действий на море, и его рассказ о битве при Саламине представляется крайне поверхностным. Однако же спустя 173 года имеет место быть битва с тем же названием у города Сала-мин на Кипре. Это сражение, описанное Иеронимом Кардским, а также Хиосское сражение 201 г., о котором сообщает Полибий, дают нам достаточно отчетливое представление о ведении морского боя гребными судами. К сожалению, отчет Иеронима о битве дошел до нас только через Диодора. В 307 г. до н. э. Деметрий Полиоркет осадил город Саламин на Кипре. Чтобы снять осаду, Птолемей, правитель Египта, привел флот в 140 боевых кораблей и 200 транспортных судов, на борту которых находилось более 10 000 воинов. Все корабли Птолемея являлись либо квадриремами, либо квинквиремами. Деметрий, в распоряжении которого находилось около 190 кораблей, вышел в море и приготовился отразить нападение. Флот его состоял, судя по всем, в основном из трирем и небольших гребных судов, но и в крупных кораблях Деметрий недостатка не испытывал. Прежде чем спустить суда на воду, весь такелаж с них сняли, равно как и мачты. На носу кораблей Деметрий установил катапульты, способные метать стрелы 55 см длиной. В придачу он взял на борт несколько баллист для метания камней и запас метательных снарядов. Затем, оставив 10 квинквирем блокировать узкий вход в гавань Салами-на, чтобы находящиеся там 60 кораблей не могли вступить в битву, Деметрий вышел в море. Диодор в подробностях описывает только левый фланг Деметриева строя — в две линии: 30 афинских квадрирем и 7 финикийских «семирядных» впереди и 10 квинквирем и 10 «шестирядных» сзади. Левым флангом командовал сам Деметрий с одного из «семирядных» кораблей. Более легкие суда составили центр, а остальные мощные корабли образовывали правый фланг. Предполагая, что на правом фланге находилось около 50 кораблей, можно заключить, что менее мощный центр состоял из примерно 75 трирем и небольших гребных судов. Птолемей разместил транспортные суда в арьергарде, снял такелаж и мачты. Все свои квинквиремы он поставил на левом фланге, где командовал сам, предоставив квадриремам встретить натиск центра и левого фланга Деметрия, куда более мощного. Как только корабли перестроились в боевой порядок, обе стороны воззвали к богам, прося о помощи в грядущей битве;

сигнальщики читали молитву, а экипаж подхватывал ответствие. Покончив с молитвами, флотилии двинулись навстречу друг другу, в то время как сигнальщики задавали темп гребцам. Когда расстояние между кораблями сократилось до 500 м, Деметрий подал заранее условленный сигнал готовиться к бою: на флагмане подняли золоченый щит. Сигнал повторили по цепочке вдоль всего строя. Похожий знак подал и Птолемей — и флотилии сошлись. Трубы затрубили атаку, над морем загрели боевые кличи, и корабли ринулись друг на друга. Первыми в бой вступили лучники и артиллерия; а как только противник оказался в пределах досягаемости, в воздухе замелькали и дротики. Воины опустились на палубы, приготовившись к столкновению, в то время как гребцы, подгоняемые сигнальщиками, отчаянно налегали на весла. Некоторые корабли сошлись нос к носу и вынуждены были изменить курс на противоположный, чтобы получить возможность атаковать снова. Едва корабли соприкоснулись, абордажные команды получили возможность обстрелять продольными выстрелами палубы вражеских судов. Если кораблю удавалось протаранить противника в средней части судна и таран надежно застревал в корпусе, воины переходили на пораженный корабль и вступали в рукопашную схватку. Иногда команде протараненного корабля удавалось перебраться на палубу неприятеля и захватить его в свои руки. Такое перескакивание с корабля на корабль заключало в себе немалую опасность: немало воинов, не рассчитав прыжка, так и не сумели надежно ухватиться за поручни и удержаться на ногах. Промахнувшись либо оступившись на скользкой, пропитанной пеной палубе, неудачники падали в воду, где их добивали копьями сверху, с кораблей. Некоторые суда, избежав столкновения с противником в лоб, сумели-таки развернуться кормой и смести весла неприятельского корабля, оставляя его абсолютно беспомощным. Вскоре Деметрий стал одерживать верх. Видя, что его правый фланг смят мощными кораблями противника, Птолемей оставил всякую надежду выиграть битву и отступил. Деметрий разубрал свои победоносные корабли носовыми и кормовыми украшениями и, таща на буксире захваченные суда египтян, с триумфом возвратился в лагерь. Битва при Хиосе, состоявшаяся 106 лет спустя между Филиппом V Македонским и Атталом I, царем Пергамским, обогащает нас новыми подробностями. В обе флотилии входили «десяти-», «девяти-», «восьми-», «семи-» и «шестирядные» корабли наряду с более привычными квинквиремами и множеством небольших гребных судов. Хотя Полибий не распространяется в деталях ни о построении, ни о подготовке к битве, и даже сам исход сражения остается под вопросом, однако в рассказе его содержатся весьма любопытные описания. Особенно отличились жители острова Родос, лучшие мореходы своего времени. Именно они

усовершенствовали маневр прорыва строя. Для этого они шли в лобовую атаку, но в последний момент, изменив курс, обходили неприятельский корабль вдоль борта и по возможности сметали его весла. Для такого маневра необходимо было втягивать весла. Оказавшись позади строя, мореходы Родоса, уповая на собственное превосходящее искусство, рассчитывали развернуться быстрее противника и протаранить его сокрушительным ударом в незащищенный борт или даже в корму. Те же жители Родоса разработали особый технический прием, позволяющий им погружать в воду нос корабля при лобовой атаке. К сожалению, Полибий не пишет, как именно этот маневр осуществлялся. Можно только предполагать, что непосредственно перед столкновением мореходы Родоса резко приводили в действие передний комплект весел, словно давая задний ход, так что корма корабля поднималась, а нос уходил вниз, «подныривая» под таран противника. В результате все повреждения, нанесенные родосскому кораблю, приходились выше ватерлинии, в то время как неприятельское судно получало пробоину в днище. Сочетание этих двух приемов, должно быть, оказывало сокрушительный эффект, поскольку враги никогда не знали, чего ожидать. В ходе битвы флагман Филиппа V, мощный «десятирядный», атаковал трихемиолию (trichemiolia) — нечто вроде легкой беспалубной триремы, — оказавшуюся на его пути. Огромный корабль со всей силы протаранил борт небольшого судна. При обычных обстоятельствах такой удар сокрушил бы легкую трирему и, возможно, переломил бы ее надвое, но в данном случае нос «десяти-рядного» крепко застрял под планширом, поддерживающим верхний ярус весел меньшего судна. Выведенный из строя флагман тут же атаковали и потопили две триремы. Счет сравнялся, когда один из флотоводцев атаковал врага на полной скорости, но серьезно просчитался в отношении встречного курса. Он на волосок промахнулся мимо намеченной мишени и, проносясь мимо, зацепился веслами правого борта за корму намеченной жертвы, потеряв не только их, но в придачу и метательные машины. Еще один корабль позорно лишился тарана при атаке, так что в носовой части осталась зияющая дыра. Подобные повреждения, разумеется, были фатальны; несколько минут — и искалеченный корабль шел ко дну. Эти два эпизода дают вполне отчетливое представление о боевых действиях на море в древности.

Гавани

Защищенные гавани, судя по всему, возникли в Средиземноморье в VI в. до н.э. Геродот упоминает гавань на Самосе, огороженную молом протяженностью в 400 м и уходящим в море на глубину 30 м. На протяжении VI в. афиняне вытаскивали корабли на берег в открытом заливе Фалер чуть южнее Пирея, однако в начале V в., по совету Фемистокла, гавань перенесли в Пирей. К северу от этого скалистого мыса находится большая бухта, ставшая торговой гаванью Канфара, а к югу — две бухты поменьше, Зея и Мунихий, превратившиеся в военные гавани. Всю эту область обнесли стеной, сложенной из тяжелых известняковых глыб. Входы в гавань сузили при помощи дамб, так что при необходимости их можно было перегородить цепями. На дамбах возвели стены с башнями в торцах. Вход в гавань Зею сузился до каких-нибудь 35 м. В обеих военных гаванях построили корабельные сараи, представлявшие собою нечто вроде крытых слипов. Эти сараи, сгруппированные по четыре или восемь, в ширину не превышали 6 м, а в длину — 40 м и отделялись рядом колонн, причем на каждую пару приходилась одна крыша. Сараи отлого спускались к морю, а слипы уходили прямо в воду. По слипам корабли втягивались в сарай, скорее всего кормой вперед. В IV в. в Пирее насчитывалось около 400 таких сараев. Главная военная гавань находилась в Зее, где располагались портовые склады. Довершали фортификационный комплекс протяженные стены, соединяющие Пирей и Афины.

Реконструкция военной гавани в Карфагене, сделанная на основе чертежей доктора Г. Р. Херста и С. К. Гибсона.

Крупная «двойная» гавань III в. (одна ее часть считалась торговой, другая — военной) находилась в Карфагене. Ее описал греческий историк Аппиан, возможно, опиравшийся на утраченную часть истории Полибия. Эти две гавани, размещенные одна позади другой, друг от друга отделяла двойная стена. Первый из портов принимал торговые суда. Вход в него, шириной около 20 м, при необходимости перегораживался железной цепью. Военная гавань размещалась за торговым портом, через который и выходили в море военные суда. В центре военной гавани находился остров, на котором располагалась ставка командующего флотом, возвышаясь над окрестными зданиями и фортификационными сооружениями, так что командующий имел возможность наблюдать за морем. Вдоль острова и самой гавани тянулись корабельные сараи и склады, рассчитанные на 200 кораблей. У входа в каждый сарай высилось по две колонны, что придавало как гавани, так и острову вид одного сплошного портика. В юго-восточной части бывшего места расположения Карфагена находятся два водоема: один — в форме подковы, другой — ромбовидный. Долгое время считалось, что именно здесь в древности находились гавани. Но за последние годы на этот счет возникли изрядные сомнения. Уже в 1976 г. французский специалист по Карфагену, ныне покойный Пьер Синта, опубликовал второй том своего труда «Manuel d'Archeologie Punique», в котором пренебрежительно отзывается об описании Аппиана, а также и о предположении о том, что, дескать, два водоема находятся на месте древних гаваней. Но еще до того, как книгу сдали в набор, группа британских археологов под руководством доктора Генри Херста начала раскопки в центре «подковы». Пьер Синта скончался в июле 1974 г., так и не увидев первых результатов этих раскопок, подтвердивших, что военная гавань в самом деле находилась именно здесь, как и следует из описаний Аппиана. В центре «подковы» доктор Херст обнаружил фундамент огромного строения, от которого во все стороны лучами расходились ряды прямоугольных каменных глыб. Эти ряды, отстоящие друг на друга на 5,9 м, не могут быть ничем иным, кроме как основаниями корабельных сараев, а центральное здание — это ставка командующего флотом. Более ста лет назад французский археолог Беле нашел такие же ряды каменных плит в северной части водоема. Была обнаружена также и северная оконечность римской гавани более поздних времен. Если она совпадала с расположением более древней, то, следовательно, в окружности гавань составляла более 1100 м: на такой площади вполне возможно разместить 160 корабельных сараев. Поскольку на острове их 30, свидетельство Аппиана о том, что сараи были рассчитаны на 200 кораблей, вполне подтверждается.

Флот Карфагена

Благодаря своему могучему флоту Карфаген контролировал воды западной части Средиземноморья. Из Полибия мы знаем, что основным боевым кораблем карфагенян в III в. являлась квинквирема, хотя использовались также триремы и квадриремы. В одну из флотилий в качестве флагмана входил также «семи-рядный», отбитый у Пирра при его нападении на Сицилию. Военная гавань в Карфагене вмещала 200 кораблей, но в ходе первой Пунической войны карфагенский флот зачастую далеко превышал эту цифру. В 256 г. Карфаген спустил на воду флотилию в 350 палубных боевых кораблей. Скорее всего в распоряжении Карфагена имелись и вспомогательные флотилии, постоянным местом дислокации которых были Палермо и Лилибей. Нельзя также не учитывать военную гавань, обнаруженную в ходе раскопок на территории ранней карфагенской колонии Мотия на острове у западного побережья Сицилии, уничтоженной Дионисием I в 397 г. до н.э. Одной из самых примечательных особенностей флотилий Карфагена и Рима в III в. до н.э. было то, что корабли сооружались на удивление быстро. В 261 г. до н.э. римляне построили свой первый флот из 120 кораблей за два месяца. Семь лет спустя была создана вторая флотилия из 200 кораблей — за три месяца. В 1971 г. на мелководье чуть севернее Лилибея был обнаружен корпус карфагенского судна. Этот корабль и еще один, найденный неподалеку, как следует из датировки по радиоуглероду, относятся к периоду первой Пунической войны. Клейма разных корабельных плотников на шпангоутах, сохранившиеся до наших дней, наводят на мысль о том, что детали производились в «массовом порядке»; это, безусловно, объясняет скорость постройки. Здесь приводятся некоторые фрагменты двух кораблей из Лилибея: корма первого из обнаруженных судов (1) и часть тарана второго судна (2). Киль сделан из клена, шпангоуты из дуба, а обшивка и клыкообразные части тарана — из сосны. Обшивались корабли вгладь, то есть сперва крепилась наружная обшивка, а затем вставлялись шпангоуты. Доски соединялись при помощи плоских деревянных шипов, которые удерживались на месте деревянными же нагелями. Все корабли Средиземноморья, обнаруженные до сих пор, собирались именно так. Доски прибивались гвоздями к шпангоутам с внешней стороны, и гвоздь загигбался внутрь. Стыки уплотнялись чем-то вроде шпатлевки, а затем корпус обшивался свинцовыми листами, а таран оковывали бронзой. Археолог Онор Фрост считает, что оба этих корабля представляли собою либурны (*liburnae*), разновидность легких и быстрых

кораблей, использовавшихся иллирийцами. Можно предположить, что Филипп V заимствовал этот тип кораблей в ходе второй Пунической войны. Однако в литературе нет подтверждений тому, что Карфаген использовал либурны в III в. Быстрый легкий корабль, принадлежавший Ганнибалу, — «Родосец», то и дело прорывавший римскую блокаду Лилибея, — являлся квинквиремой. К такому заключению можно прийти, зная, что римляне построили флотилию квинквирем, используя «Родосец» в качестве образца. Даже если не принимать во внимание этот факт, размеры корабля из Лилибея — приблизительно 35 м в длину и 5 м в ширину, не считая планшира, — очень велики. Корабельные сараи в Карфагене, скорее всего рассчитанные на квинквиремы, в ширину достигали только 5,9 м. Корабли Лилибея, от которых сохранились только кили, интерес представляют главным образом своим устройством. Именно оно было принято во внимание при реконструкции квинквиремы, изображенной ниже. Судовые надстройки воспроизведены по карфагенской монете из Испании и резному изображению из Карфагена (оба приводятся здесь же). И там и тут ясно виден планшир — сразу за рымом, с возвышающейся над ним палубой. На монете изображены овальные щиты, вне всякого сомнения, кельтиберийские, закрепленные на ремнях вдоль поручней. Таран, присутствующий и там и тут, соответствует греческому типу; он крепился на днищевом стрингере. Та разновидность, что обнаружена среди обломков в Лилибее, скорее напоминает тараны, изображенные на колонне Траяна; отсюда можно предположить, что корабль и впрямь является либурной. Утверждая, что на борту карфагенского флота из 350 кораблей находилось 150000 человек, Полибий подразумевает, что экипаж карфагенских кораблей численностью равнялся команде римских судов того же периода: 300 матросов и 120 воинов. По поводу способа гребли на карфагенской/римской квинквиреме мнения резко расходятся. Со всей определенностью можно утверждать, что весла располагались не в один ряд, по пять гребцов на одно весло, как предполагает Тарн; равно как и не в пять рядов. На сохранившихся изображениях времен римской республики видно, что весла располагались двумя и тремя рядами. Трирема оснащалась 170 веслами; причем 62 гребца размещались на верхнем ярусе и по 54 — на каждом из нижних ярусов. Обнаруженные при раскопках корабельные сараи показали, что квадиремы и квинквиремы размерами почти не отличались от трирем. Тем большей неожиданностью явился тот факт, что оснастить веслами квадирему обходилось дешевле, нежели в случае триремы. На это указывали Моррисон и Уильямс в книге «Греческие гребные суда». Авторы пришли к единственному возможному выводу: по количеству весел квадирема уступала триреме. Отсюда следует, что весла размещались лишь

в два ряда, причем на каждое весло приходилось по два гребца. Исходя из этого, естественно заключить, что на квинквиреме весла размещались тремя рядами, причем на верхних ярусах, там, где корпус всего шире, на одно весло приходилось по два гребца, а на нижнем ярусе — по одному гребцу на весло.

Римский якорь с деревянным корпусом, свинцовым штоком и веревкой от корабля, обнаруженного на озере Неми. Длина якоря превышает 5,5 м, не считая веревки.

Поскольку экипаж триремы насчитывал 200 человек, из которых 170 были гребцами, разумно предположить, что из 300 человек экипажа квинквиремы 270 составляли гребцы. Реконструированная модель, приведенная на стр. 270, оснащена 112 веслами (по 2 гребца на каждое, причем 58 весел расположены на верхнем ярусе и 54 — на втором), плюс 46 весел (по одному гребцу на каждое) на нижнем ярусе. Таким образом, общее число гребцов достигает 270.

Флот Древнего Рима

За три года до начала первой войны с Карфагеном римлянам стало очевидно, что необходимо строить флот. До того римляне использовали корабли, принадлежавшие союзным государствам Великой Греции и Этрурии. Но ни одно из них квинквиремы не использовало. В качестве образца римляне воспользовались карфагенским кораблем, который наскочил на скалу и был захвачен в самом начале войны. Так была создана первая римская флотилия, состоящая из 100 квинквирем и 20 трирем. Пока корабли строились, экипаж обучали гребле на суше. Эти первые суда оказались медлительными и неуклюжими; римляне осознали, что с карфагенскими мореходами им не тягаться. Чтобы уравновесить силы, они разработали абордажное приспособление: в носу корабля устанавливалось бревно, а на нем крепился перекидной мостик с подвешенным на нем длинным железным зубцом. Из-за сходства зубца с клювом матросы прозвали такое устройство «вороном» (*corvus*). Перекидной мостик достигал 1,2 м в ширину и 11 м в длину, в то время как бревно, с которым он соединялся, было около 7 м высотой и 20 см толщиной. Мостик с каждой стороны оснащался ограждением высотой до колена и поднимался при помощи блока, укрепленного в верхнем конце бревна. При подходе к кораблю противника вплотную мостик выдвигался и падал на неприятельское судно, а зубец зацеплялся за палубу или борт, не давая противнику отойти. Воины устремлялись по мостику, краями щитов опираясь на заграждение и, таким образом, обеспечивая себе надежную защиту). Это устройство превратило сражение на море в рукопашную битву, из которой великолепно натренированные римские воины неизменно выходили с победой. Хотя благодаря «ворону» первые сражения на море римляне выиграли, однако корабли их стали еще менее пригодными для плавания, нежели прежде; возможно, именно поэтому шторма и непогода обернулись для римлян потерями столь катастрофическими. После первой войны с Карфагеном «ворон» не упоминается ни разу, и впредь потери Рима никогда не бывали настолько внушительны. Помимо квинквирем, римляне построили также два «шестирядных» корабля, которые использовались в качестве флагманов. Скорее всего это были очень большого размера квинквиремы с тремя ярусами весел, по два гребца на весло. При вторжении в Африку в 256 г. римляне выстроили свои корабли в четыре линии, поименовав каждую соответственно первым, вторым, третьим и четвертым легионами. Первые две линии, каждая — во главе с «шестирядным»,

образовали клин с небольшим зазором в центре. Третья линия стала основанием треугольника. За третьей линией разместились транспортные суда, перевозившие лошадей, а позади них — четвертая линия кораблей, что частично охватывала оба фланга. Эту четвертую колонну римляне не без оригинальности назвали триарии (triarii). В древние времена, когда флот отплывал от берегов, ему неизменно предшествовали суда более легкие, выполняя роль разведчиков. Каждый корабль вел на буксире за кормой четырехвесельную шлюпку. Впервые за всю свою историю Рим спустил на воду флот настолько огромный: 330 палубных военных кораблей. И несмотря на то что шторма и непогода отнимали у римлян флотилию за флотилией, Рим упрямо не отступался — до тех пор, пока не отвоевал у Карфагена власть над морем. Карфагенский флот, потерпев сокрушительное поражение в первую войну, от подобного унижения так и не оправился. В ходе войны с Ганнибалом карфагенский флот предпочитал не вступать в столкновение с римским, даже обладая численным превосходством. Точно так же вел себя и Филипп. В начале лета 216 г. он вывел в Адриатическое море флотилию в 100 либурн, но повернул вспять и обратился в беспорядочное бегство, едва римляне выслали против него 10 квинквирем. Вторую войну с Карфагеном Рим начал с 220 кораблями, не подвергаясь ни малейшему риску утратить контроль над морем. На протяжении первой половины II в. до н.э. Рим сохранял в своем ведении значительное число кораблей, но после разгрома военно-морских сил Родоса и Сирии римляне сочли, что содержать флот нет смысла, поскольку в Средиземноморье царит мир. С этого момента Рим почти всецело полагается на восточные греческие государства, снабжающие его и кораблями, и экипажами по необходимости. Этот общий упадок военно-морской мощи способствовал возникновению пиратства. К первой половине I в. до н.э. восточный берег терроризировали сицилийские пираты, а в 70—68 гг. морские разбойники разорили побережье Италии, затопили консульский флот под Остией и захватили двоих преторов вместе с их ликторами. После этого Помпеи искоренил пиратство, и в Средиземноморье вновь воцарился мир. Те 200 кораблей, с помощью которых Помпеи осуществил свою миссию, очевидно, были предоставлены греческими государствами. В ходе гражданских войн флотилии, точно так же как и легионы, умножились в числе настолько, что после битвы при Акции в 31 г. до н.э. Август остался при 700 кораблях или около того. Хотя Антоний располагал огромными кораблями вплоть до «десятирядных», Август предусмотрительно предпочитал суда, не превышающие размерами «шестирядного», каковой использовал в качестве флагмана. Очень может быть, что на барельефе из Пренесты изображен именно этот корабль.

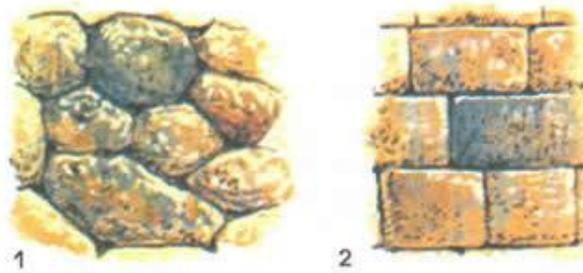
Флот Римской империи

Октавий использовал эти корабли в качестве основы для регулярного флота, каковой, в силу происхождения, соответствовал греческому образцу. Будь этот регулярный флот создан двумя столетиями раньше, он бы походил на карфагенский. Капитаны назывались триерархами, точно так же, как командиры греческих трирем. Поскольку флотилии были иноземного происхождения, организовывались они не по образцу легионов, но как вспомогательные соединения иностранных наемников, и в силу этой причины оставались на положении низшего рода войск. Август основал три постоянные военно-морские базы: одну — под Форумом Юлия (ныне Фрежюс) близ Массилии, для контроля за Галлией и Испанией, вторую — на мысе Мизены в северной оконечности Неаполитанской бухты, откуда просматривался юго-запад, и третью — в Равенне, для контроля за Адриатикой. Но флот Форума Юлия очень скоро вытеснили итальянские корабли, а сама гавань постепенно пришла в упадок. Итальянскими флотилиями командовали префекты (*praefecti*), получавшие приказы от императора, а не от сената. Свидетельств тому, что на кораблях использовали труд рабов, нет, идет ли речь о республике или об империи. Матросы одновременно являлись и солдатами и немало этим гордились. Флотилии были организованы примерно по тому же принципу, что и иностранные наемные войска. Матросы служили 26 лет и, по увольнении из армии, получали римское гражданство. Абордажная команда, тоже наемники, по образцу легионеров подразделялись на центурии, командовали которыми центурионы и их помощники. На заре истории империи на побережьях Сирии и Египта были созданы местные флотилии. Имелись также вспомогательные флотилии на Черном море, в проливе Ла-Манш, на Дунае и Рейне.

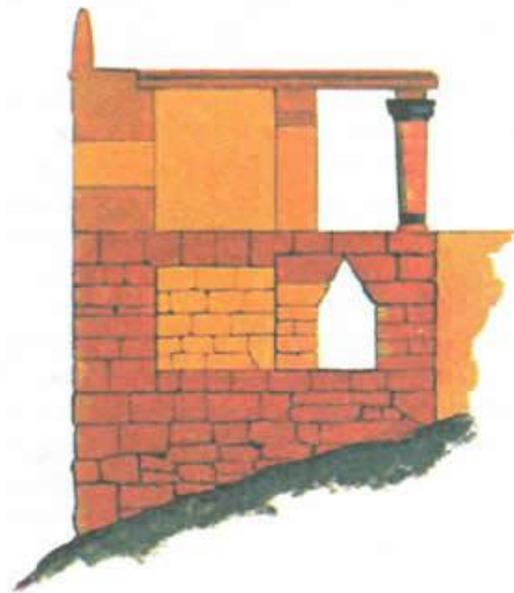
Фортификация и осады.

Города-государства

Фортификация неразрывно связана с искусством ведения осады. Усовершенствование этого искусства неизбежно вызывает изменения в строительстве укреплений, а потому обе эти стороны военного дела рассматриваются здесь вместе. Ранние греческие укрепления явно ведут происхождение от своих ближайших предшественников бронзового века, и потому начать следует с крепостей микенской эпохи. Эти крепости, как правило, строились на холмах и обносились стенами, повторяющими контуры вершины. Стены самих Микен были типичными для той эпохи. Толщина их в среднем пять метров, и выстроены они из массивных каменных блоков, вес которых достигает иногда десяти тонн. Внутри ведут двое ворот, выстроенных перпендикулярно стене, так, чтобы враг, прежде чем подойти к воротам, оказался открыт для нападения со стены. На дальней от стены стороне ворот был выстроен бастион, чтобы защитники могли осыпать снарядами не прикрытый щитами бок нападающих. В стенах имелись также две узкие дверцы, через которые защитники крепости могли совершать вылазки, не открывая ворот. В стены Тиринфа встроены сводчатые галереи. Кроме того, сохранились признаки того, что над ними находились зубцы из кирпича-сырца. В первые шестьсот лет после падения Микен система фортификации практически не развивалась, поскольку для этого не существовало стимула в виде развитого искусства ведения осады.

Два основных типа микенской кладки. Кладка делалась на глиняном растворе. Середина стены заполнялась бутовым камнем.
 1 — грубо отесанные многоугольные камни.
 2 — отесанные прямоугольные блоки.

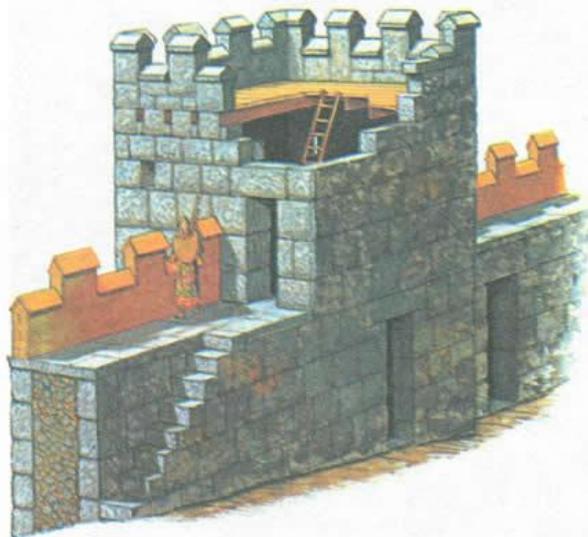
Поперечный разрез стен Тиринфа, на котором видны галереи и зубчатые стены из кирпича-сырца. Это самое сложное из укреплений микенской эпохи.

Основой защитных укреплений города по-прежнему оставалась цитадель, или акрополь. Стены VII в. в Эмпорио на острове Хиос по сути ничем не отличаются от укреплений бронзового века, за исключением того, что они менее мощные. Первые серьезные попытки окружить укреплениями весь город делаются только в VI в. Под давлением сперва Лидии, а затем персов ионийские греки были вынуждены усиливать оборону городов. При строительстве стен вокруг городов обычно старались использовать естественные препятствия, такие, как утесы или отвесные склоны. А это часто вело к расширению территории города. В стенах часто делались узкие двери для вылазок. Более ранние стены строились из неотесанного камня

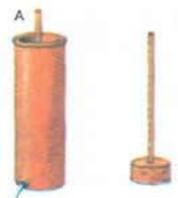
или даже из кирпича-сырца, но к VI веку стали использовать тщательно отесанные прямоугольные либо многоугольные блоки, хотя зубцы, видимо, по-прежнему выкладывались из сырца. Принципиальным нововведением было появление выступающих за линию стен башен. Несмотря на то что бастионы применялись еще в микенскую эпоху, наиболее ранние археологические свидетельства использования башен найдены в поселении конца VII в. в Бу-рункуке на западном побережье Малой Азии. Поначалу башни ставились только в слабых местах и у ворот, но к V в. расположенные через равные промежутки двухэтажные башни вошли в обиход. Такие башни позволяли защитникам гуще осыпать осаждающих снарядами. После изгнания персов афиняне взялись за перестройку своих стен. Афинам было важно обезопасить дорогу к своей новой гавани — порту Пирею. Для этого афиняне обнесли Пирей мощной стеной и провели от гавани к городу длинные стены, снабженные двухэтажными башнями, расположенными через равные промежутки. Эти стены образовали коридор шириной в 100 м и длиной в 6500 м. Прочие приморские города Греции, такие, как Коринф, последовали примеру Афин. Против Спарты подобные укрепления действительно могли быть эффективны, но вряд ли они устояли бы перед массивной осадой персов. В конце V — начале IV в. Афины выстроили ряд приграничных крепостей, чтобы обеспечить безопасность дорог. Крепости эти должны были служить также первой линией обороны против возможного нападения. Типичным примером такого укрепления является крепость в Элевферах (Гифтокастро). Она была выстроена на вершине холма с крутыми склонами, на южном конце перевала между горой Киферон и горой Пастра, и охраняла дорогу из Афин в Фивы. Ее стены, в два метра толщиной, выложены из прямоугольных блоков серого камня, между которыми засыпан бутовый камень. Внутри и наружу из стен выдаются двухэтажные башни. Большинство башен сосредоточено на северной стороне, откуда легче всего подойти к стенам. Вход в башни — изнутри крепости, через двери, расположенные на уровне земли. Две двери на уровне второго этажа ведут из каждой башни на стены. На стену можно также подняться по лестнице прямо с земли. В начале IV в. на вершинах башен, видимо, находились площадки, обнесенные зубчатой стеной. Башня, обозначенная на плане буквой X, смотрит прямо на перевал, и в ее северной стене имеется бойница, через которую прекрасно просматривается выход с перевала. Напротив верхней точки перевала, к западу от дороги, найдены фундаменты двух сторожевых башен. Отсюда должна была быть прекрасно видна вся равнина Асопа, так что о любом замеченном передвижении войск немедленно сигналили в крепость, а оттуда сообщали в Афины. Огненные и дымовые сигналы использовались с самых ранних времен. Первоначально

огненные сигналы ограничивались обычным маяком, извещающим о том, что ожидаемое событие произошло. Эней, автор IV в., писавший о тактике, предложил систему, с помощью которой можно было передавать несколько разных сообщений.

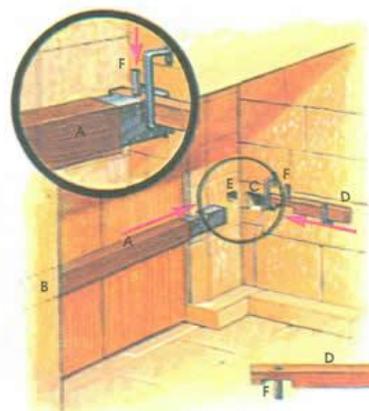
Внизу: Реконструкция части стен и одной из башен в Гифтокастро. Рядом с башней — дверь для вылазок. На стену можно выйти либо из башни, либо подняться по лестнице со двора.

Справа: Сигнализация, основанная на принципе водяных часов. Сосуд (А), наполненный водой, и поплавок (В). По сигналу воду начинают выпускать, по второму сигналу — останавливают. Сообщение определяется по отметке на стойке.

Засов и замок от Львиных ворот в Милете. Засов А выдвигается из гнезда в противоположной стене (В) и проходит в отверстие С. Задвижка D накидывается на засов А и закрепляется в отверстии Е. Затем в место соединения загоняется замковый штырь F, который и скрепляет задвижку с засовом.

Этот метод можно было использовать только при наличии постоянных постов. Основан он на принципе водяных часов. Берутся два больших глиняных сосуда одинакового размера. У каждого сосуда имеется отверстие в дне, из которого вода вытекает с определенной скоростью. В сосуде находится пробковый поплавок со стойкой, размеченной на деления примерно по 3 см шириной. Каждое из делений соответствует заранее условленному посланию. Один из сосудов расположен на наблюдательном пункте, другой — там, где должны принять сообщение. Чтобы отправить сообщение, часовой на наблюдательном пункте поднимает зажженный факел и ждет, пока другой часовой на соседнем пункте не поднимет свой факел, чтобы показать, что он готов. Тогда сигнальщик опускает факел, и оба одновременно вынимают затычки из отверстий, чтобы вода начала вытекать. Когда нужная отметка поравняется с краем сосуда, сигнальщик снова поднимает факел, и принимающий послание читает соответствующее сообщение по отметке на стойке в своем сосуде, которая должна находиться в том же положении. Полибию, историку II в., эта система не очень нравится, и он описывает другой, более совершенный метод, изобретенный некими Клеоксеном и Демоклитом. Если это действительно так, видимо, именно он и использовался в римской армии. Для этой системы нужны пять досок, на каждой из которых по пять букв алфавита. Сигнальщик при этом

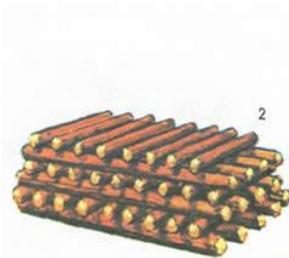
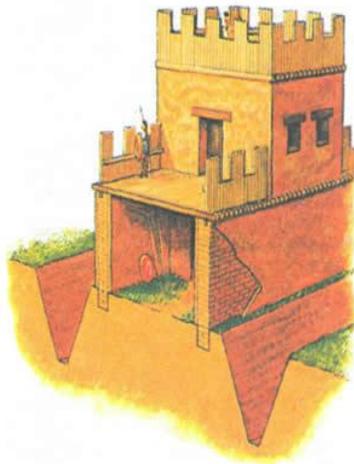
способе использует пять факелов, которые он поочередно поднимает то слева, то справа, показывая сперва, на которой доске, а потом — которую букву на этой доске он передает. Например, если он хочет передать букву «гамма» (третью в греческом алфавите), он поднимает сперва один факел слева, обозначая первую доску, а потом — три факела справа. При передаче сообщений на дальние расстояния Полибий советует приставлять к глазам две трубки. Это суживает поле зрения и позволяет принимающему не путать левый и правый сигнал. Конечно, эти способы не годились для армии на марше, но сторожевые заставы войска, расположившегося лагерем, вполне могли их использовать, чтобы предупреждать о перемещениях врага. Что касается устройства ворот, тут почти ничего не менялось вплоть до начала IV в. По-прежнему использовались старые микенские типы ворот с незначительными изменениями, как, например, ворота с «коридором смерти», часто охраняемые башней на внешнем конце стены. Такие ворота обычно строились, чтобы противник был вынужден подставлять под удар правый бок, не прикрытый щитом. Когда ворота вели прямо в крепость, по сторонам ворот обычно ставились одна или две башни либо бастионы. Ворота делались из прочного дерева и запирались на засов, удерживаемый на месте цилиндрическим штырем, который опускался в отверстие на засове. Штырь уходил внутрь засова, и без ключа его достать было нельзя. Эней, тактик IV в., предупреждает о способах, какими пользуются предатели, чтобы вынимать штырь, и настаивает на том, чтобы командующий вставлял штырь на место лично, потому что бывали случаи, когда в штыре пропиливали надрез и привязывали нитку, чтобы потом его вытащить. Бывало еще, что предатель насыпал в отверстие мелкий песок и бесшумно потряхивал засов, так что песок набивался под штырь и тот выходил наружу. Был еще один способ: ударить по засову снизу, чтобы штырь выскочил. Чаще же засов просто перепиливали, чтобы впустить неприятельскую армию.

Осадная тактика городов-государств

Сложность и размеры микенских укреплений предполагают наличие столь же сложной техники ведения осады. Увы, никаких сведений о последней не сохранилось — лишь смутные упоминания, встречающиеся у Гомера. Высказывалось предположение, что деревянный конь, с помощью которого греки пробрались в Трою, был не чем иным, как тараном. Не случайно троянцам пришлось выломать часть стены, чтобы втолкнуть его внутрь. Представьте себе примитивный таран: длинное бревно, конец которого окован металлом, подвешенное на деревянной раме, опирающейся на четыре прочные ноги, спереди торчит голова тарана, сзади свисают канаты, за которые его раскачивали... Неудивительно, что его прозвали «конем». Позднее всем осадным орудиям давали подобные же названия. Таран впервые появляется на ассирийских рельефах первой половины IX в. до н.э. из дворца Ашшурнацирпала. Это достаточно сложное устройство, похожее на сундук, над которым возвышается башня. Эта сцена показывает, что к IX в. искусство осады было развито достаточно хорошо. Однако в Греции все существовавшие знания были утрачены в темные века, последовавшие за крушением блестящей микенской цивилизации. Следующие сведения об осадной тактике появляются в Греции не раньше середины V в. На востоке ассирийскую традицию продолжали персы. Геродот несколько раз упоминает их насыпи и подкопы. В Греции о такой тактике ничего не слышно до второй половины V в. И даже тогда основным осадным приемом греков была блокада. Первые сведения о греческой осадной тактике появляются во времена Пелопоннесской войны, когда спартанцы в 429 г. до н.э. осадили старинного союзника Афин, Платею. Фукидид дает весьма живое описание этой осады. Методы, которые применяли спартанцы, ничем не отличались от персидских. Поначалу спартанцы обнесли город частоколом, чтобы никто не ускользнул; потом начали подводить к стене огромную земляную насыпь. Сперва построили две стены из уложенных решеткой бревен. Эти стены должны были служить основой для насыпи. Такие деревянные стены можно видеть на колонне Траяна. Затем начали заполнять пространство между стенами землей, камнями и хворостом. Строительство этой насыпи, с которой спартанцы надеялись ворваться на стену, заняло семьдесят дней и ночей. Платейцы в ответ нарастили стену деревянной загородкой, внутри которой возвели стену, используя кирпичи от соседних домов. Сооружение было покрыто шкурами, чтобы защитить работающих и не дать подпалить дерево

зажженными стрелами. Кроме того, они пытались помешать возведению насыпи, пробив дыру внизу стены и затаскивая землю в город. Когда спартанцы обнаружили это и заделали дыру, платейцы прорыли ход под стеной и принялись выгребать землю снизу насыпи. Но боясь, что осаждающих это не остановит, они возвели полукруглую временную стену напротив того места, где строилась насыпь. Строительство второй стены стало одним из традиционных оборонительных приемов. Теперь спартанцы подвели тараны и начали рушить надстройку, которой платейцы нарастили стену. Защитники города пытались помешать им, спуская со стены петли и цепляя ими тараны. В этом приеме тоже не было ничего нового: на ассирийском барельефе IX в., который можно видеть на противоположной странице, защитники города делают то же самое. Кроме того, защитники подвешивали на шестах большие бревна на цепях. Эти бревна роняли на тараны, пытаясь их сломать. Отчаявшиеся спартанцы решились наконец попытаться поджечь город, перекидывая через стены охапки хвороста, из которых была сложена насыпь, бросая следом серу и смолу и поджигая все это. Ветер понес огонь на город, и платейцев спасла только гроза с ливнем.

Предполагаемая реконструкция «тroyанского коня» — деревянного тарана с крышей. Чтобы втащить этого «коня» в Тройю, пришлось выломать часть стены.

Разрез стены, которую спартапцы выстроили вокруг Платеи, чтобы взять город измором. Она состояла из двух стенок, перекрытых крышей. 1 — осадная насыпь, возведенная спартапцами у стен Платеи. В качестве ответной меры платейцы за деревянной загородкой наращивают стену, используя кирпичи из разобранных домов. 2 — бревна, уложенные решеткой, служили основой насыпи, не дававшей земле рассыпаться.

Когда попытки поджечь город тоже закончились ничем, спартапцы потеряли надежду взять город приступом и обратились к обычной греческой и римской тактике: обнесли

город стеной, рассчитывая взять его измором. Они распустили большую часть своей армии и принялись копать рвы. Сперва были вырыты два рва на расстоянии примерно восьми метров друг от друга. Между валами были выстроены две стены из необожженного кирпича, сделанного из земли, вынутой из рвов. Стены были перекрыты крышей, так что наверху образовалась площадка для часовых, а внизу жили осаждающие. Площадка была ограждена стеной с зубцами, а через каждые 15 м были выстроены двухэтажные башни. Большинство платежей успели бежать до начала осады, и в городе остался только гарнизон из 480 человек и 100 женщин, которые должны были стряпать. Они держались два года. В последние месяцы осады половине гарнизона удалось бежать, перебравшись через спартанские осадные стены темной дождливой ночью, но оставшиеся держались, надеясь, что афиняне их выручат. Наконец, под угрозой голодной смерти они сдались. Под давлением фиванцев спартанцы казнили всех 225 выживших, а женщин, которые наравне с мужчинами переносили все тяготы осады, продали в рабство. Через одиннадцать лет после падения Платеи Афины решили аннексировать Сицилию. Экспедиция свелась к осаде Сиракуз, которая могла бы пройти вполне гладко, но из-за суеверности, некомпетентности и нерешительности афинского полководца Никия обернулась полным провалом. Афиняне пристали к берегу в Катании и приготовились к нападению на Сиракузы, лежащие в 50 километрах к югу. Поначалу жители Сиракуз никак не могли поверить, что афиняне направляются именно на их город, и потому не предприняли никаких мер. Начало было блестящим: афиняне отбросили сиракузскую конницу на север и поплыли на юг, намереваясь напасть с моря. Но, несмотря на победу в последовавшей за этим битве, Никий не сумел воспользоваться достигнутыми успехами и отступил. Во второй раз Никий предпринял наступление на Сиракузы только следующим летом. Предвидя афинское нападение, сиракузяне устроили смотр своим войскам на равнине к югу от плато Эпи-полы. Никий узнал о предстоящем смотре и накануне того дня, когда он должен был проходить, посадил свое войско на корабли и поплыл на юг. И снова афиняне начали блестяще. Они высадились к северу от плато и, пока на юге проходил смотр, заняли гору. Закрепившись на плато, афиняне принялись укреплять северный и южный подходы. Они выстроили две крепости, Лабдал и круглый форт. От последнего афиняне принялись возводить двойную линию рвов и стен, как те, что спартанцы построили под Платеей, от берега до берега, чтобы отрезать город от помощи со стороны земли. Рассчитывалось, что стены пойдут на север и восток от круглого форта через плато Эпи-полы к гавани Трогил и на юг через болота к Большой гавани. Сиракузяне пытались помешать строительству с помощью

атак конницы, но когда это не удалось, они построили поперечную стену, идущую через стену афинян (X—X на карте). Афиняне предприняли неожиданное нападение и, захватив сиракузян врасплох, взяли поперечную стену приступом. Они разобрали стену и использовали материал для продолжения строительства своей собственной стены. Сиракузяне снова попытались им помешать, на этот раз выкопав ров с валом и частоколом (Y—Y) через болота от берега Большой гавани. Афиняне снова напали на них, таща с собой двери и доски, чтобы с их помощью пройти через болото. И снова удача улыбнулась афинянам. Сиракузяне отступили за стены города, так что осаждающие смогли спокойно завершить строительство стен. На южном конце стены расходились, образуя морскую базу афинян на берегу Большой гавани. В дно гавани были забиты сваи, чтобы защитить корабли от нападения с моря. Теперь, когда афиняне были хозяевами на море и отрезали Сиракузы от подмоги со стороны суши, судьба города, казалось, была решена. Но Никий дал сиракузянам сорваться с крючка совершенно по-дурацки. Убежденный, что город и так сдастся, он не стал завершать стены на плато Эпиполы. Сиракузы обратились к Спарте. Спартанцы армии им не прислали, но прислали военачальника, Гилиппа. Он высадился на севере Сицилии, сумел набрать около трех тысяч нерегулярного войска и пошел к осажденному городу. Гилипп был готов к сражению, но, к его изумлению, его никто не встретил. Под покровом ночи он перевалил через гору Эпиполы и вошел в Сиракузы. И с этого времени дела обернулись не в пользу афинян. Спартанец немедленно взял командование сиракузским войском в свои руки. Решив, что южные укрепления афинян взять нельзя, он сосредоточил свои силы на неоконченных стенах на плато Эпиполы, внезапно напал на гору и взял крепость Лабдал. Потом возвел стену (Z—Z на карте), идущую через вершину горы, так что афиняне уже не могли достроить свою стену. Теперь афинянам следовало бы собраться и отправиться домой, но они решили держаться до последнего, за что и поплатились. Несмотря на то что афиняне получили подкрепления, они так и не смогли обернуть дело в свою пользу. Сиракузяне нанесли им поражение и на суше, и в битве внутри Большой гавани. Сиракузяне захватили афинские склады (N,N,N) на южном берегу Большой гавани и заперли гавань, поставив поперек выхода ряд кораблей, соединенных цепями. Теперь в осаде оказались уже сами афиняне. Афинский флот сделал отчаянную попытку прорваться. Во время этой попытки погибла половина их кораблей. Было принято решение оставить корабли и уходить сушей. Армия отправилась на запад, выстроившись квадратом. Им непрерывно досаждали атаки сиракузской конницы и легковооруженных отрядов. Обнаружив, что на западе прохода нет, афиняне повернули на юг и шли всю

ночь. На следующее утро их снова догнала сиракузская конница, и афиняне сдались. От 50 000 человек, отправившихся в эту экспедицию, осталось всего 7000. Сиракузские казнили всех военачальников, а прочих отправили в каменоломни, где многие умерли от непосильного труда. Выживших позднее продали в рабство. Эти две осады великолепно иллюстрируют уровень развития осадной войны в Греции конца V в. К началу IV в. появились первые серьезные усовершенствования осадной тактики. Шаг вперед был сделан не в Персии и не в Греции, а на Сицилии. В 480 г. до н.э., когда персы вторглись в Грецию, карфагеняне одновременно с ними — и столь же тщетно — напали на Сицилию. Вскоре после того, как афиняне потерпели поражение под Сиракузами, карфагеняне тоже попытались захватить остров. Они возродили и улучшили старую осадную технику, построив огромные передвижные башни, которые были выше стен осаждаемых городов. С этих башен карфагеняне осыпали стены снарядами, очищая их от защитников, так чтобы ничто не мешало подвести к стенам тараны. Эта новая техника сделала контрмеры, которыми пользовались в Платее, бесполезными. Через семь лет после разгрома афинян сиракузские избрали Дионисия I постоянным стратегом. Этот человек совершил революцию в греческом искусстве осады. Дионисий устроил в Сиракузах научные военные лаборатории и обещал большую награду за новые изобретения. В результате в 397 г., когда Дионисий осадил карфагенский порт Мотия, в его распоряжении были самые совершенные осадные орудия тех времен. Мотия находилась на острове, примерно в километре от западного берега Сицилии, и с острова на берег вела узкая дамба, которую карфагеняне разрушили при приближении сиракузской армии. Дионисий восстановил и расширил дамбу, чтобы подвести свои машины. Это были огромные шестиэтажные башни на колесах и последнее изобретение — катапульты, стреляющие стрелами. Катапульта не была совершенно новым изобретением — вероятно, ее использовали еще ассирийцы, а на Сицилии ее могли ввести карфагеняне. Лук тех времен был сложносоставным и делался из дерева, усиленного жилами и рогом. Благодаря своей конструкции эти луки могли делаться очень мощными. Единственной проблемой было то, что тогда никто не смог бы их натянуть. Наиболее ранней формой катапульты был обычный арбалет (*gastrophetes*, буквально — «лук живота»). Арбалет назывался так потому, что ложе прижималось к животу, и лук натягивался с помощью веса всего тела. Максимальная дальность полета тяжелой боевой стрелы, выпущенной из обычного сложносоставного лука, равнялась, по-видимому, 150—200 метрам, хотя утверждают, что специальные легкие стрелы могли лететь в два раза дальше. Э.В. Марсден в своей книге «Греческая и римская артиллерия» предполагает, что гастрарфет

стрелял метров на 250 — этого как раз хватало, чтобы перекрыть дальность выстрела обычных луков противника. Изобретение гастрарета открывало огромные возможности. При наличии подпорки и ворота, натягивающего тетиву, мощность лука могла быть значительно увеличена. Прямых доказательств не имеется, но, возможно, именно такие арбалеты на подпорках и были новым оружием Дионисия.

Афинская осада Сиракуз. Афиняне пытались окружить город двойной стеной. Сиракузяне старались помешать им, возводя поперечные стены X—X.Y—Y, и наконец им это удалось с помощью стены Z—Z

Расширив дамбу, сиракузяне подвели башни, в которых, видимо, находились катапульты (хотя Диодор об этом ничего не говорит), и непрерывно осыпали защитников на стенах снарядами, чтобы прикрыть рабочих, ведущих дамбу дальше. Когда сиракузяне подошли ближе, мотийцы установили на стенах мачты с вращающимися поперечинами, которые поднимались выше башен. На конце поперечин находились укрытия, из которых защитники крепости бросали на башни горячие головни и паклю, пропитанную смолой. Добравшись до острова, сиракузяне подвели тараны. Под прикрытием башен им удалось проломить стену. Защитники отступили к домам, и сиракузяне втащили осадные башни прямо в город. Из башен были выдвинуты деревянные мостки, находившиеся на той же высоте, что и крыши домов, так что солдаты смогли в них пробраться. Падение Мотии сопровождалось обычной резней. Лишь те, кто укрылся в храмах, выжили и были проданы в рабство. Все греки, жившие в городе, были распяты. Как ни странно, новая техника распространилась не так быстро, как могла бы. Серьезный шаг в ее развитии был сделан только

при Филиппе II Македонском. Когда македонцы в 340 г. осадили Перинф, они построили башни высотой в 80 локтей (около 35 м), которые были выше городских башен. Стены были обрушены с помощью таранов и подкопов. Однако несмотря на то что Филипп использовал все новейшие технические достижения, любимым его оружием оставался подкуп. Оказавшись перед неприступными стенами, Филипп всегда спрашивал, не возьмет ли эти стены золото. Именно так был взят Олинф. Наиболее важным нововведением в осадной войне было использование метательных орудий как для защиты, так и для нападения. У перинфян не было своих машин, но они позаимствовали кое-что из Византия. Теперь появился новый вид катапульты, стреляющий не с помощью лука, а с помощью жгутов из скрученных жил или волос. Эти торсионные (основанные на принципе скручивания) орудия могли быть какого угодно размера. Они могли метать и стрелы, и камни. Камнеметы впервые появляются в 334 г. во время осады Александром Галикарнаса. Основной целью этих катапульт было прогнать защитников со стен. Через два года, когда Александр осадил Тир, ему пришлось столкнуться почти с теми же проблемами, которые встали перед Дионисием в Моти. Тир стоял на острове недалеко от берега, и Александру, который не контролировал моря, пришлось строить дамбу, чтобы добраться до города. Тирийцы, которые выдержали ассирийскую осаду, длившуюся тринадцать лет, полагали, что Александру не взять город, вдоль всех стен которого стоят катапульты. Когда Александр подвел дамбу к самым стенам, он выстроил на конце дамбы две башни, вооруженные катапультами, и принялся непрерывно обстреливать стены, как сделал Диодор в Моти. Кроме того, он подвел камнеметы и использовал их, чтобы разбивать стены. Чтобы защититься от обстрела, защитники установили на стенах вращающиеся колеса с механическим приводом и со множеством спиц. Эти колеса ломали или отбивали стрелы, летящие из катапульт, или хотя бы ослабляли силу удара. Кроме того, тирийцы завесили стены смягчением, чтобы ослабить удары камней. Не довольствуясь обороной, их корабли, вооруженные катапультами, нападали на рабочих на дамбе. Александру пришлось обнести дамбу частоколами. Видя, что дамба продолжает продвигаться, тирийцы приготовили брандер, использовав судно для перевозки конницы, с двумя мачтами впереди. К каждой мачте была привязана двойная рея, и на реях висели котлы со всем, что хорошо горит. Борта корабля нарастили и наполнили его сухим хворостом, стружками, смолой и серой. Корму корабля перегрузили, чтобы поднять нос. И когда ветер подул в нужном направлении, брандер подвели на буксире и выбросили на конец дамбы. Команда брандера подожгла его и спаслась вплавь. Когда реи сгорели, котлы обрушились в огонь, усилив пламя. Под

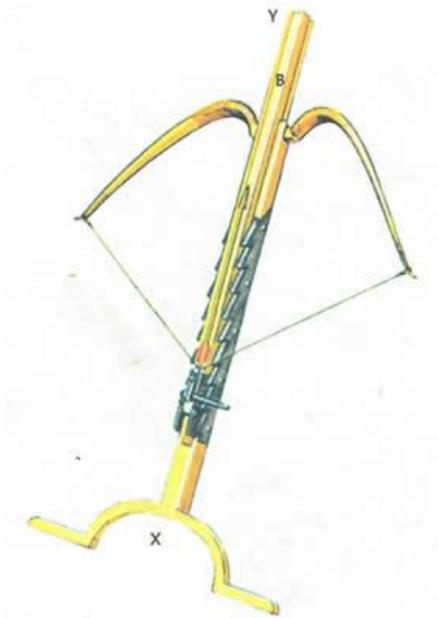
градом снарядов с тирийских боевых кораблей Александру пришлось отступить и наблюдать со стороны, как горят его осадные башни. И тут, когда у Александра почти не осталось надежды взять Тир, ему вдруг невероятно повезло. Флот персов состоял в основном из финикийских судов; когда моряки услышали, что большая часть Финикии сдалась, флот распался, и финикийские и кипрские моряки предложили свои услуги Александру. Теперь, контролируя море, Александр принялся расширять дамбу, так, чтобы на ней могло поместиться больше башен и орудий. Орудия строились прямо на месте. Часть из них была установлена на грузовых кораблях, еще часть — на более тяжелых триремах. Когда все было готово, орудия установили на конце расширенной дамбы, и штурм начался снова. Тирийцы тем временем возвели на стенах, обращенных к дамбе, деревянные башни и набросали валунов на мелководе у подножия стен, чтобы не дать кораблям подойти вплотную. Люди Александра попытались убрать эти валуны и свалить их к самым стенам, но их корабли попали под обстрел из города и со специально подготовленных судов, на которых имелась броня. Кораблям Александра обрубали канаты, так что те уже не могли встать на якорь под стенами. Греческий полководец ответил тем, что послал с кораблями несколько из своих тридцати гребных судов, укрепив их защитной броней и загородив ими суда, которые убирали камни. Тирийцы в ответ послали ныряльщиков, которые обрезали якорные канаты, так что македонцам пришлось заменить их цепями. В конце концов людям Александра удалось обвязать камни веревками и оттащить их к дамбе, откуда их с помощью катапульта забросили в море. Очистив подходы, македонцы подвели корабли с подвешенными на них таранами, чтобы проверить прочность стен. Поначалу ничего не получалось, но в конце концов македонцам удалось обрушить часть стены на южной стороне города. Когда пролом сделался достаточно широк, корабли с таранами отвели и на их место подошли другие, которые перебросили в город мостки. На одном корабле были гипасписты, на другом — таксис фаланги. Вот, кстати, случай, когда фалангиты могли и не быть вооружены сариссами. Другим кораблям было приказано одновременно напасть в разных местах, чтобы заставить защитников рассредоточить силы. В брешь были переброшены мостки, и македонцы ворвались в город. Торицам пришлось испытать обычные жестокости, следующие за осадой. Арриан рассказывает, что 30 000 выживших были проданы в рабство, в то время как Диодор утверждает, что все мужчины, способные носить оружие, были распяты, а прочие проданы в рабство. Эта осада является хорошим примером использования катапульта: стрелометы на башнях препятствуют защитникам выходить на стены, а камнеметы с земли разбивают стены. Катапульти и

тараны устанавливались также на кораблях. Это нововведение было вызвано необходимостью штурмовать город на острове.

Эллинистический период

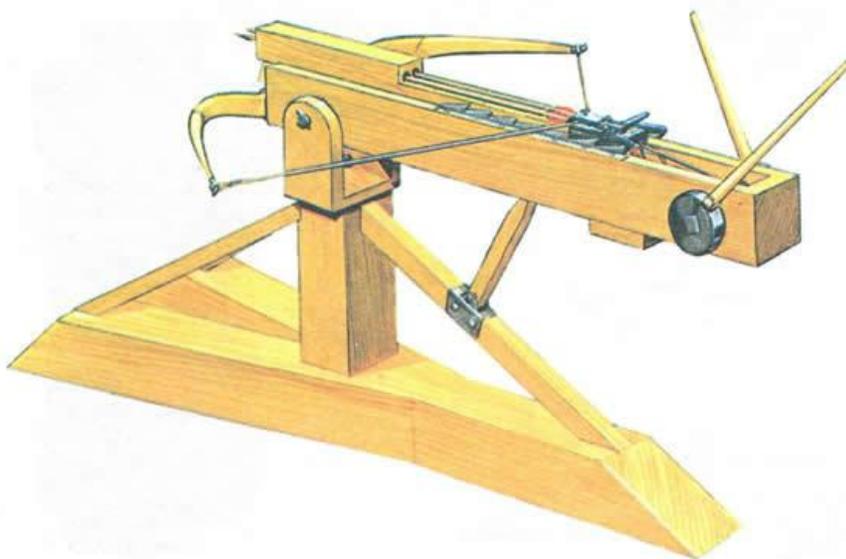
После смерти Александра, когда его военачальники принялись бороться за власть, изготовление осадных машин достигло небывалых высот. Когда Де-метрий Полиоркет («Осаждаватель городов») осадил Саламин на Кипре, он выстроил девятиэтажную башню высотой в 90 локтей (около 40 м). Основание башни было 45 локтей (около 20 м) в длину и в ширину, и передвигалась она на четырех прочных колесах восьми локтей (ок. 3,5 м) в высоту. Эту башню прозвали «Helepolis» («берущая города»). Башня была полна катапульт: на нижних этажах находились самые мощные камнеметы, способные метать камни весом до трех талантов (ок. 80 кг), на средних — тяжелые стрелометы, а наверху — легкие стрелометы и камнеметы. Только для обслуживания метательных машин требовалось 200 человек. Тяжелые камнеметы сносили зубцы стен, оставляя верх стены без прикрытия. Возможно, самая интересная и наиболее полно описанная осада эпохи античности — это попытка Деметрия взять Родос в 304—305 гг. Рассказ об осаде Саламина и Родоса имеется у Диодора, который опирался на свидетельство очевидца этих событий, Иеронима Кардиского. Для осады Родоса Диодор построил два навеса — один для камнеметов, другой для стрелометов. Каждый из них был установлен на двух грузовых кораблях, соединенных попарно. Кроме того, Диодор построил две четырехэтажные башни, которые были выше башен гавани, и их тоже установили на кораблях, связанных попарно. Кроме того, было заготовлено плавучее заграждение из бревен квадратного сечения, утыканных шипами, чтобы не дать вражеским кораблям протаранить те, что везли осадные машины. Деметрий намеревался запереть гавань и, таким образом, лишить родосцев зерна, которое им привозили морем. Готовясь к осаде, родосцы стали наращивать стены вдоль гавани. Они установили два навеса на дамбе и три — на грузовых кораблях вблизи от бона, преграждавшего вход в маленькую гавань, и поместили под их защитой стрелометы и камнеметы всех размеров. Они также установили платформы на грузовых кораблях, стоящих в гавани, чтобы разместить там катапульты. Ночью Деметрию удалось захватить конец дамбы примерно в 150 м от городской стены. Он разместил там катапульты всех типов с 400 человек обслуги. На рассвете под прикрытием катапульт на дамбе он завел свои машины, установленные на кораблях, в гавань. Из орудий он использовал легкие стрелометы, имевшие наибольшую дальность выстрела, чтобы прогнать рабочих, наращивавших

стены. Потом с помощью камнеметов уничтожил орудия противника и снес стену, которую они строили поперек дамбы.

Греческий арбалет (gastraphetes), прообраз катапульты. Натягивали его, упирая поперечину X в живот, Y — в землю и используя вес всего тела, чтобы оттянуть ползун B. Реконструкция по Э. В. Марсдену.

Развитие гастрарфета. Катапульта, стреляющая двумя стрелами сразу. Этот лук был слишком тугим, чтобы натягивать его вручную, поэтому пользовались воротом. Реконструкция по Э. В. Марсдену.

Первая попытка
взять гавань окончилась неудачей, и одна из плавучих машин была
уничтожена огнем. Деметрию пришлось отступить, чтобы починить свои

машины. Когда Деметрий напал снова и уже казалось, что он вот-вот захватит гавань, родосцы предприняли отчаянную вылазку против его трех оставшихся плавучих машин на трех своих сильнейших кораблях. Осыпаемые снарядами, они прорвались через заграждение и принялись таранить машины. Две из них им удалось потопить. Плавучие машины были втянуты в гавань на веревках, и третью машину осаждающим удалось оттащить назад. Когда родосцы пустились в погоню, стараясь потопить и эту, один из их кораблей был захвачен, но двум другим удалось уйти, хотя они и были сильно повреждены. Диодор рассказывает, что после этого Деметрий выстроил огромную плавучую батарею, в три раза выше и в три раза шире предыдущих, но ее разбило бурей, когда ее пытались ввести в гавань. Во время бури родосцы, зная, что Деметрий не сможет прислать подкреплений, атаковали катапульты на конце дамбы и захватили их, вернув себе таким образом контроль над гаванью. Теперь Деметрий оставил попытки взять город с моря и начал вести более традиционную осаду с суши. Впрочем, слово «традиционная» следует употреблять с осторожностью, потому что все действия Деметрия трудно назвать традиционными. Он построил еще одну башню-гелеполу, еще больше той, которую он использовал при осаде Саламина. Ширина ее основания была почти 50 локтей (ок. 22 м). Каркас башни был сделан из балок квадратного сечения и окован железом. Перекладины в основании располагались на расстоянии одного локтя друг от друга, чтобы оставить место для людей, которые будут толкать башню вперед. Передвигалась башня на восьми массивных колесах, каждое почти в метр толщиной, окованных железными полосами. Колеса были установлены на подвижных осях, чтобы башня могла двигаться в любом направлении. Основой башни служили четыре вертикально установленных бревна длиной почти в 100 локтей (ок. 45 м), установленные в углах основания с легким наклоном внутрь, так что вершина башни была шириной около 20 локтей (9 м). Башня была разделена на девять этажей. Передняя и боковые стенки были обиты железными листами, чтобы защитить сооружение от огненных стрел. В передней стенке на каждом этаже находились порты, прикрытые механически поднимающимися ставнями. Эти ставни были сделаны из сшитых вместе шкур и набиты шерстью. Они обеспечивали превосходную защиту от каменных снарядов. На каждом этаже имелось две широкие лестницы: по одной поднимались, по другой спускались. Башню двигали 3400 человек, часть которых шла внутри, а другие толкали сзади. Если предположить, что перекладины основания, расположенные с промежутком в один локоть, были толщиной в 15 сантиметров, то в основание башни можно было напихать чуть больше тридцати рядов людей; и если предположить, что на

каждого человека отводится по 60 см, в каждом ряду тоже должно было быть чуть больше 30 человек. Таким образом, общее число людей, толкающих башню изнутри, не могло быть более тысячи. То ли Диодор ошибся в расчетах, то ли эти 3400 делились на три смены. По словам римского механика Витрувия, эта башня была сконструирована афинским архитектором Эпимахом. К сожалению, у Витрувия приводится другое описание башни: он говорит, что она была 125 футов (римских, 37 м) в высоту и 60 футов (ок. 18 м) в ширину⁷ и весила около 120 тонн. Он добавляет, что башня была обита козьими шкурами и невыделанными кожами, что позволяло ей выдерживать удары камней из катапульт весом до 360 фунтов (118 кг). Очевидно, Витрувий опирается не на то описание. Это больше похоже на сала-минскую гелеполу.

Возможно, римский механик просто не знал, что таких башен было две. Витрувий приводит цитату из утерянного сочинения механика Диада,

сопровождавшего в походах Александра, в котором даются оптимальные размеры осадных башен. Самая маленькая башня, в десять этажей, должна иметь 60 локтей (ок. 27 м) в высоту и ширину основания 17 локтей (ок. 7,5 м). Верхушка должна быть на 20% уже основания (ок. 6 м). Вертикальные стойки, служащие основой каркаса башни, должны внизу быть толщиной в 22 см, а в верхней части — 15 см. Самая большая башня — Диада—в два раза выше, двадцатиэтажная, с основанием шириной в 23,5 локтя и, соответственно, с верхушкой на 20% уже. Вертикальные стойки должны быть толщиной в 30 см у основания, а в верхней части — тоже 15. Такая двадцатиэтажная башня, основание которой составляло менее одной пятой ее высоты, скорее всего была довольно неустойчивой. Башня Деметрия, основание которой составляло половину высоты, кажется куда более практичной. Башни Диада, обитые сыромятными кожами, имели галереи на каждом этаже. Витрувий добавляет также интересную деталь: эти башни могли опрокидываться в горизонтальное положение, и в таком виде их можно было возить за армией в походе. Деметрий приготовил также укрытия, чтобы защитить людей, заваливающих рвы, а также тараны. Закрытые переходы состояли из передвижных секций. Вегеций, писавший в IV в. н.э., говорит, что эти передвижные галереи делались из секций длиной в 5 м, высотой в 2,5 м и шириной чуть больше 2 м, и нет причин предполагать, что в конце IV в. до н.э. они были другими. Когда все было готово, осаждающие очистили возле стен полосу шириной метров в 600, так что под ударом оказались семь башен и участки стены между ними. Затем начали подводить машины, поставив в центре гелеполу, а по обе стороны от нее — четыре укрытия, соединив их крытыми переходами, так что солдаты могли добраться до своих мест, не подвергаясь опасности. Подогнали также два огромных укрытия, в которых находились тараны. Тараны Деметрий тоже заготовил самые большие и самые лучшие. Каждый таран был 120 локтей (ок. 54 м) в длину и снабжен железным наконечником (Диодор сравнивает силу его удара с ударом корабельного тарана). Таран был установлен на катках. Его обслуживала тысяча человек. К этому описанию многие относятся скептически (в частности, замечают, что при такой длине таран бы неизбежно прогибался), но критики не берут в расчет, что таран не висел, а лежал на катках и прогибаться ему было некуда, а длина была важна для увеличения инерции. Описание тарана такого типа, также позаимствованное из трудов Диада, механика Александра, приводится у Витрувия. Укрытие этого тарана было 32 локтя (ок. 14,5 м) в длину и около 8 м в высоту, с пологой двускатной крышей, над которой возвышалась трехэтажная башня шириной около 2 м и высотой 8— 10 м. На нижних

этажах находились сосуды с водой на случай пожара, а на верхнем этаже стояла небольшая катапульта.

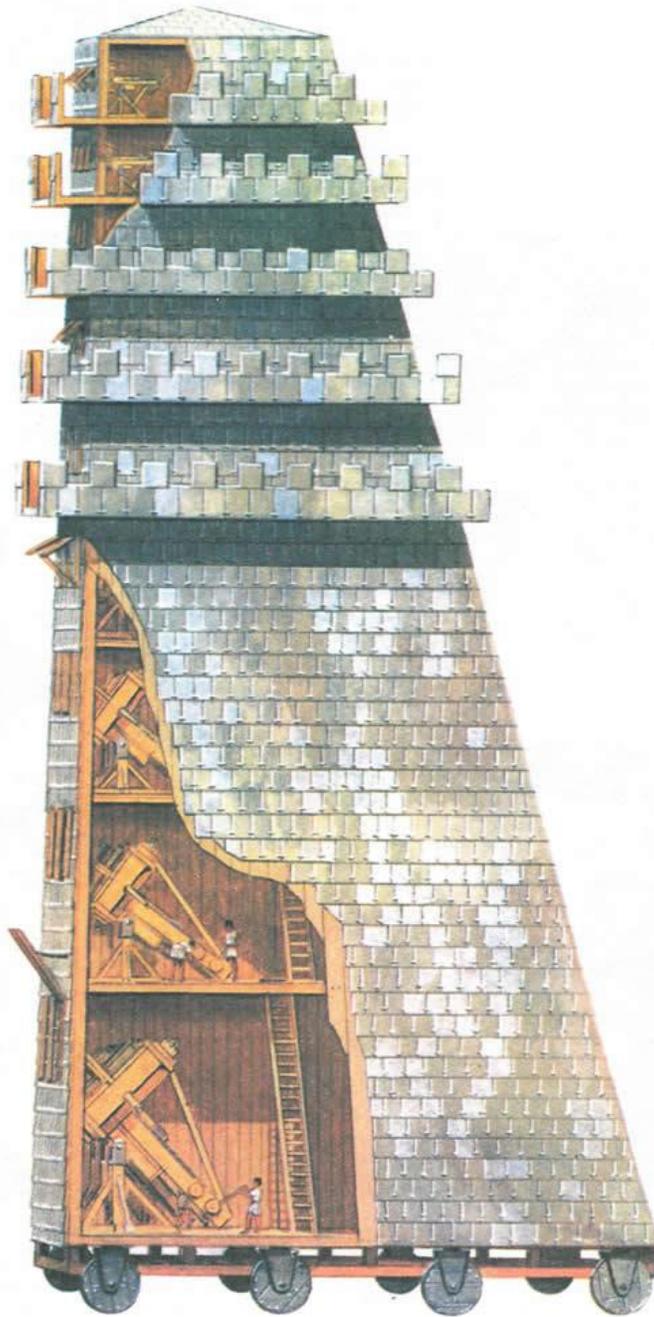

6 — трехлезвийный наконечник стрелы от катапульты из Олинфа. Это один из нескольких наконечников, на которых выбито имя Филиппа. Филипп II осаждал этот город в 348 г. до н.э. Британский музей.
 7 — реконструкция катапульты из Ампурияса. Такие небольшие катапульты обычно назывались «скорпионами».
 8 — деталь. Упругие жгуты. Натяжения обеспечивалось вращением бронзовых втулок наверху и внизу.

В укрытии находился сам таран, лежащий на катках. Его двигали взад-вперед с помощью канатов. Более ранние тараны висели на цепях либо канатах под крышей укрытия и действовали по принципу маятника. Сила удара этих таранов была ограничена, и к тому же в момент удара сила инерции была наименьшей. У каткового тарана инерция была постоянной и пробивная сила куда больше. Укрытия этих таранов, называвшиеся «черепашками», были обшиты досками из дуба или еще какого-нибудь плохо воспламеняющегося дерева и покрыты плетенками из зеленых прутьев. Кроме этого, черепаха покрывалась водорослями либо соломой, пропитанной уксусом и набитой между двумя слоями сыромятной кожи. Витрувий приводит также описание большого тарана-черепашки, построенного Гегетором Византийским. Эта черепаха была 18 м в длину, 11 м в высоту и передвигалась на восьми колесах, каждое 2 м в высоту и 1 м в толщину. Таран, действовавший по принципу маятника, свисал с рамы высотой в 12,5 м, и раскачивали его с помощью канатов. В длину этот таран был более 31 м и сделан из балки прямоугольного сечения 30 см в ширину и 22,5 в высоту с ударного конца и 37,5x30 см в противоположном конце. Ударный конец был снабжен наконечником из кованого железа, и 4,5 м балки за наконечником было оковано стальными обручами. От одного конца тарана до другого шли три каната толщиной в 15 см, примотанные веревками. Затем таран обшивали сыромятной кожей. Среди осадных машин Диада были также буравы, которые использовались для сверления дыр в стенах, в противоположность таранам, которые стены просто

разбивали. Бурав Диада находился в «черепаше» примерно 22 м длиной. Сам бурав, который представлял собой длинное бревно, вероятно, с железным наконечником, двигался на валках в деревянном желобе. Двигали его с помощью ворота и блоков.

Телепола, огромная, обитая железом осадная башня Деметрия Полиоркета. Высота ее была более 40 м, а ширина основания — 22 м. В башне было девять этажей и множество катапульт.

Когда родосцы увидели, какая часть стены должна подвергнуться нападению, они немедленно принялись строить общепринятую внутреннюю стену. Осаждающие начали

вести подкоп под внешнюю стену, и родосцы в качестве ответной меры прорыли ход изнутри и ворвались в подкоп, помешав саперам довести работу до конца. Но устоять против машин Деметрия было невозможно, и под их непрерывным натиском стены начали рушиться. Множество стрелометов гелеполы не давало защитникам подняться на стены и, как и в Саламине, тяжелые камнеметы с нижних этажей башни смели зубцы со стен. Самая большая из семи башен, попавших под удар, была обрушена вместе с куском куртины, так что защитники уже не могли переходить по верху стены от одной части стены к другой. Однажды безлунной ночью родосцы предприняли вылазку, пытаясь поджечь гелеполу, но им это не удалось. Деметрий, заботясь о безопасности своего чудовищного детища, отвел башню назад. Однако как только башню починили, Деметрий вернул ее к стенам. Пока Деметрий готовился к продолжению осады, родосцы возвели третью внутреннюю стену, охватывавшую все части внешней стены, бывшие в опасном состоянии, и вырыли позади обрушившейся стены глубокий ров, чтобы не дать ввести машины в город. И снова гелепола появилась у стен, катапульты прогнали защитников со стен, и тараны разбили еще два находящихся рядом отрезка куртин, изолировав одну из башен. Однако родосцы отчаянно защищали башню и, невзирая на огромные потери, не позволили Деметрию ее захватить. Тогда Деметрий предпринял последнюю попытку взять город: полторы тысячи отборных воинов ночью ворвались в город через пролом в стене; но, несмотря на отчаянный натиск одновременно с моря и с суши, на следующее утро атаки были отбиты и штурмовики Деметрия выброшены из города. Деметрий исчерпал все свои средства и под давлением других греческих государств был вынужден заключить мир с родосцами. Витрувий добавляет еще кое-какие подробности, хотя они, возможно, апокрифические. По его словам, жители Родоса уговаривали Диогнета, городского архитектора, найти способ захватить гелеполу. Диогнет пробил в городской стене дыру напротив того места, куда должна была подойти гелепола. Затем он приказал родосцам собрать побольше нечистот и жидкой грязи и ночью вылил все это через отверстие в стене, так что образовалось болото, в котором должна была застрять башня.

1 — огромный таран-черепаха, описанный Витрувием. Сам таран двигался на катках и управлялся двумя командами. Стенки черепахи были покрыты кожей, набитыми водорослями.
2 — бронзовый наконечник тарана из Олимпии.

Таран, описанный Витрувием. Прямоугольная балка огледалась веревками и обшивалась сыромятной кожей. Конец был обит железом и снабжен наконечником в виде бараньей головы.

Буров Витрувия. Такие буравы использовались для сверления дыр в стенах. Длина бурава была 25 метров, и двигали его с помощью ворота.

После осады родосцы в пику Деметрию продали его машины и на эти деньги возвели одно из семи чудес света, Колосс Родосский. Эта огромная бронзовая статуя

Аполлона, высотой более 30 м, сооружение которой заняло двенадцать лет, стояла у входа в гавань, которую так старался захватить Деметрий. Простояла она всего 56 лет, а потом рухнула во время землетрясения. Почти тысячу лет статуя пролежала в обломках, пока в 672 г. н.э. арабы не захватили остров и не продали ее на лом. Легенда гласит, что продали ее еврею из Эмесы, которому понадобилось 900 верблюдов, чтобы вывезти обломки. Осада Родоса ознаменовала собой конец эпохи. Такие огромные машины никогда больше не применялись. Девяносто лет спустя Филипп V отдавал предпочтение подкупу и более обычным способам ведения осады. Прежде чем начать осаду, он, как правило, обносил город рвом и валом с частоколом. Когда он осадил Фивы во Фтии (217 г. до н.э.), он разделил свое войско на три лагеря и соединил их рвом и двойным частоколом с деревянными башнями, расположенными через каждые 30 м. Через семнадцать лет в Абиде Филиппу удалось отрезать город от моря, вбив сваи в дно у входа в гавань. Окружив город, Филипп пускал в ход свои катапульты и камнеметы, чтобы прогнать защитников со стен в то время, как он подводил свои осадные машины. В Эхине (211 г. до н.э.), решив напасть одновременно на две башни, он установил напротив каждой башни таран с укрытием и провел параллельно стене галерею от одного тарана до другого, что позволило его людям переходить от одного тарана к другому, не попадая под обстрел со стен. Все это очень напоминало стену, потому что укрытия таранов были сверху огорожены плетенками и верх галереи тоже. Люди, находившиеся в нижнем этаже укрытий таранов, выравнивали землю, чтобы таран мог свободно двигаться вперед. На втором этаже, кроме сосудов с водой и прочего противопожарного снаряжения, стояли катапульты. На верхних этажах, расположенных на том же уровне, что городские башни, находились солдаты, задачей которых было не давать защитникам города мешать работе тарана. Все сооружение двигалось под прикрытием трех батарей катапульт, две из которых состояли из камнеметов, а третья, видимо, из стрелометов. Из лагеря к таранным укрытиям и галереям вели подземные ходы, а оттуда были проложены подкопы к городской стене. Когда все было готово, тараны и саперы начали продвигаться к стене. К сожалению, Полибий больше ничего не рассказывает об этой осаде, кроме того, что город сдался. Однако этот рассказ превосходно описывает Филиппову подготовку к осаде. Основной задачей Филиппа было подобраться к стенам так, чтобы можно было их подрыть. Филипп был специалист по подкопам. Обычно он старался провести вдоль стены подкоп длиной метров шестьдесят, укрепляя потолок подпорками. Потом саперов выводили из подкопа и поджигали подпорки. Когда подпорки сгорали, подкоп рушился вместе со стеной. Это был обычный прием, его применяли и греки, и

карфагеняне как минимум с конца V в., а персы — задолго до этого. Но Филипп, похоже, превратил подкоп в настоящее искусство. В Фивах 60 метров стены были подрывы всего за трое суток. Правда, подкоп обвалился прежде, чем успели поджечь подпорки. На осаде Принасса Филипп, который всегда был не прочь сплутовать, воспользовался своей репутацией и за ночь воздвиг огромные кучи земли. Утром горожане увидели это, а царь сообщил, что уже успел завершить подкоп, — и город сдался. Античные авторы рассказывают о разнообразных способах борьбы с подкопами. Наиболее ранний способ приводится у Геродота, в рассказе о том, как персы осаждали город Барка в Египте около 600 г. до н.э. В то время как персы вели подкоп под стены, один кузнец ходил вдоль стены с внутренней стороны с бронзовым щитом, прикладывая его к земле. Там, где подкопа не было, щит не издавал звука, а там, где был подкоп, щит начинал звенеть. Защитники подвели в этом месте контрмину и перебили саперов. Эней Тактик, писавший вскоре после 360 г. до н.э., рекомендует прорыть вдоль стены глубокий ров, чтобы саперы не могли подобраться к стене, не выдав себя. Затем он советует выстроить в этом рву прочную каменную стену. Если же это невозможно, нужно заготовить дров и всякого мусора, и когда подкоп дойдет до рва, свалить туда весь мусор, поджечь и закрыть сверху, чтобы выкурить саперов из хода. К началу II в. приемы борьбы с подкопами были заметно усовершенствованы. В 189 г., когда римляне осадили Амбракию в Эпире и попытались подвести под стены подкоп, они поначалу тайно выносили землю подземным ходом, но в конце концов они уже не могли больше скрывать растущую кучу земли от обитателей города. Горожане немедленно выкопали ров с внутренней стороны стены и разместили вдоль стенки, обращенной к противнику, сосуды из тонкой меди; прикладывая ухо к сосудам, они слышали саперов, ведущих подкоп. Тогда они прорыли ход под стеной и ворвались в подкоп. Не сумев выгнать саперов с помощью оружия, они ввели в подкоп большой сосуд для зерна (сосуды такого размера, около 1,5 м в диаметре, встречаются в Помпеях). В дне сосуда имелось отверстие, а горло было закрыто железной крышкой с отверстиями. Сосуд был наполнен мелким пером и горящими углями. Сосуд плотно загнали в подкоп и плотно закупорили зазор, оставив лишь два отверстия, в которые были пропущены сариссы, не дававшие римлянам подойти к сосуду. В отверстие же в дне сосуда была пропущена железная трубка, к которой приладили кузнечные мехи. Раздувая мехи, защитники наполнили подкоп вонючим дымом, и таким образом им удалось выгнать оттуда осаждающих. Эней рекомендует также множество разных методов борьбы с осадными машинами. Помимо давно известного способа захвата тарана с помощью петли и затягивания его наверх, Эней советует еще

подвешивать над стенами большие камни, прикрепленные к балкам крюками. Эти камни должны быть снабжены длинными отвесами, тоже привязанными к балкам, и отпускать их следует только тогда, когда отвес коснется крыши таранного укрытия. Эней рекомендует также бить тараном в стену изнутри, чтобы скомпенсировать удары вражеского тарана. Следует также подрывать башни, чтобы они уходили в землю и их нельзя было сдвинуть с места. Эней приводит также рецепт зажигательных снарядов: наполнить мешок смолой, серой, паклей, измельченным ладаном и сосновыми опилками. Огонь для поджигания этих снарядов следовало держать отдельно, в горшках. Во время осады Лилибея карфагеняне весьма успешно пользовались сосновыми головнями и паклей для поджигания римских осадных машин, Разумеется, штурмовать город было бы невозможно без применения самых примитивных осадных орудий — лестниц. Но и лестницы были не так просты, как может показаться. Для начала, лестницы должны были быть именно такой длины, как нужно для этой конкретной стены. Если они были чересчур длинны, защитникам ничего не стоило оттолкнуть их раздвоенной жердью. Лестницы должны были приставляться к стене под таким углом, чтобы они и не опрокидывались, и не проламывались под весом штурмующих. Они должны были быть достаточно прочными для своей длины. Например, на осаде Нового Карфагена (совр. Картахена) лестницы были так длинны, что ломались под тяжестью штурмующих. Есть много примеров того, как солдаты считали ряды камней в стене, чтобы определить высоту. Полибий указывает, что высоту стены можно определить с помощью тригонометрии и что лестницы должны быть на 20% длиннее, чем высота стены. Так, если высота стены 10 локтей, лестница должна быть длиной в 12 локтей, чтобы ее можно было приставить к стене под нужным углом. Греческий историк рассказывает, как талантливому, но рассеянному Филиппу V представился случай захватить Мелитею с помощью предательства. Он планировал предпринять нападение около полуночи, чтобы застать горожан врасплох, но отправился в путь слишком рано и прибыл на место раньше, чем горожане улеглись спать. Поняв, что для того, чтобы воспользоваться внезапностью, нужно нападать немедленно, Филипп отдал приказ приставить к стенам лестницы — и только тут обнаружил, что лестницы слишком короткие.

Эллинистическая фортификация

Существовал только один надежный способ борьбы с новой осадной техникой: не подпускать врага к стенам. Когда противник уже на стенах, сопротивление бесполезно. И потому улучшения, сделанные в IV—III вв. до н.э., направлены в основном на то, чтобы держать врага на расстоянии. Катапульты можно было с таким же успехом использовать для обороны, как и для нападения, и начиная с середины IV в. стены и башни строились с расчетом на размещение артиллерии. В стенах делались амбразуры и бойницы. Башни строились в четыре-пять этажей. На уровне третьего этажа ставились тяжелые орудия, а наверху — более легкие. Чем выше стояли орудия, тем больше была дальность выстрела. Вместо площадок с зубцами на башнях стали делать островерхие крыши, прежде всего затем, чтобы защитить обороняющихся от камнеметов. В башнях делались боковые выходы для вылазок, чтобы заставить противника держаться подальше от стен. Вдоль стен выкапывался большой ров (или несколько рвов) — не только затем, чтобы не дать подвести подкоп, но и затем, чтобы осложнить работу осадных машин. Внешние рвы обычно снабжались валом с частоколом либо колючей изгородью. Внутренний ров был защищен каменными внешними укреплениями, за которыми располагались катапульты. На подступах к рвам устраивались ямы-ловушки и искусственные болота, в которых должны были застревать машины. Городские стены сделались толще и выше. Прежние зубцы сменились сплошными парапетами с артиллерийскими амбразурами, снабженными ставнями и бойницами. В стены встраивались сводчатые помещения, напоминающие тиринфские, где находились солдатские казармы, а в Карфагене в стенах размещались даже стойла для слонов. Ворота укреплялись особенно тщательно. Северные ворота Селина на Сицилии были снабжены комплексом внешних укреплений, так что возможному противнику для того, чтобы добраться до ворот, пришлось бы сперва пройти под перекрестным огнем. Вход во внешние укрепления охранялся батареей катапульт. Наиболее распространенной формой ворот были ворота со внутренним двориком, когда стены изгибались, образуя перед воротами дворик. На внешней стороне часто имелись вторые ворота. Прекрасным образцом двойных ворот с внутренним двориком, охраняемых двумя башнями, могут служить ворота в седловине между Пниксом и Мусейоном в Афинах. Когда Дионисий I сделался тираном Сиракуз, он выстроил вокруг плато Эпиполы длинную стену, так, чтобы это плато никогда больше не

могло было быть использовано в качестве вражеского плацдарма, как это сделали афиняне. Западные ворота, ведущие на плато, были обычными воротами с двориком клиновидного типа с открытой внешней стороной. Позднее, из-за угрозы нападения карфагенян, они были укреплены внешней поперечной стеной, так что подойти к ним напрямую стало нельзя. Первоначально ворота имели три прохода, но позднее один или два из них были заложены. Подобное же заделывание лишних проходов встречается в крепостях, стоящих вдоль Адрианова вала. Ворота Эпиполы были самым слабым местом сиракузских укреплений, и потому перед ними, на отроге плато к югу от ворот, была выстроена крепость Эвриал. Внешние укрепления перед воротами Эпи-полы заставляли врагов отходить к крепости, подставляя под обстрел находящихся там батарей. Эта крепость, как и ворота, неоднократно перестраивалась. Последняя перестройка, вероятно, проводилась под руководством Архимеда, величайшего механика античного мира. Знаменитому ученому было поручено улучшить укрепления родного города. Он расставил на стенах множество машин собственного изобретения, о которых пойдет речь дальше, в рассказе о римской осаде Сиракуз. Но величайшим военным достижением Архимеда была, видимо, все же крепость Эвриал. Главной частью крепости была мощная батарея катапульта, расположенная на пяти толстых каменных опорах в 11 метрах над землей. Там стояли большие камнеметы, дальность выстрела которых благодаря тому, что они стояли высоко над землей, превосходила дальнбойность любых машин, какие мог привести с собой противник. Катапульти были развернуты на запад, в сторону отрога, по которому противник должен был приближаться к крепости. К 211 г. до н.э., когда римляне захватили город, эта система еще не была завершена. Но, несмотря на это, следует отметить, что враги так и не попытались захватить крепость или ворота Эпиполы. Перед большой батареей располагались тройные рвы, вырубленные в скале, самый дальний из которых находился на расстоянии 185 м от катапульта. Вероятно, это была максимальная дальность выстрела из катапульта, так что противнику пришлось бы форсировать ров под обстрелом из крепости, куда его собственные снаряды долететь не могли. А после этого ему пришлось бы миновать еще два рва со стенами, каждый из которых был защищен катапультами, прежде чем добраться до главной батареи. От ворот Эпиполы к укреплениям вели подземные ходы, так что если бы стены были взяты, защитники могли бы спокойно отойти к крепости или в город.

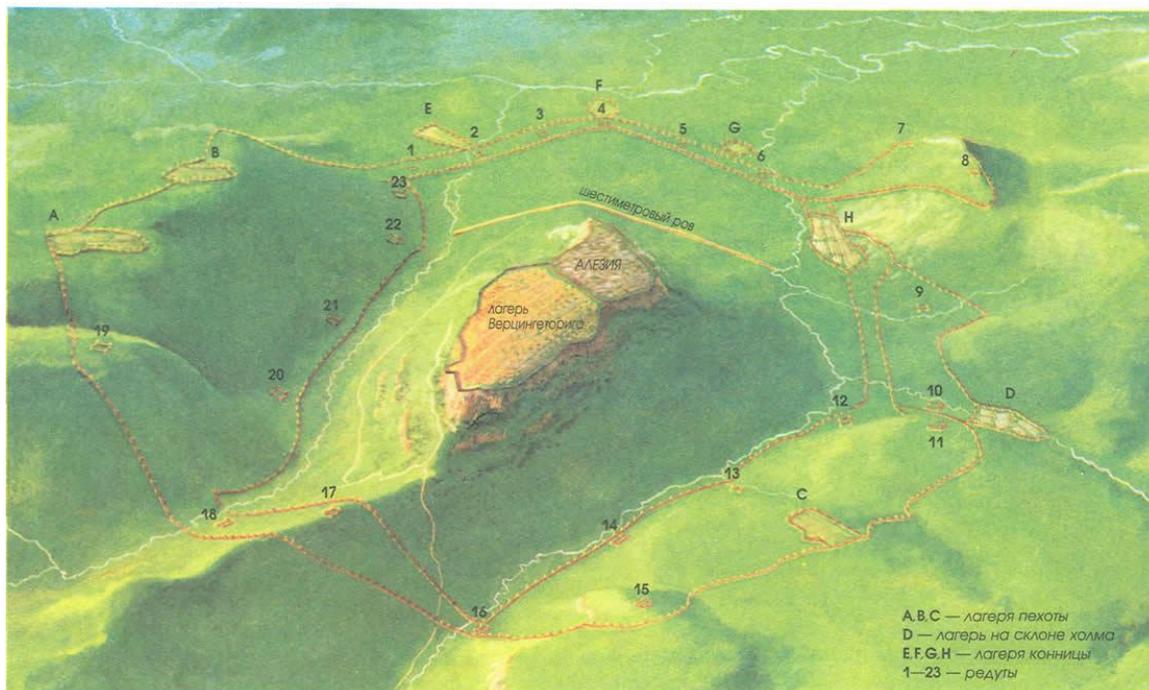
Фортификация в ранней Италии

В Италии VIII в. деревни по большей части ставились на вершинах холмов, как и во всей Европе. Защитой им служили крутые склоны, которые часто дополнительно укреплялись рвом и валом с частоколом. Сотни таких деревушек венчали вершины холмов Этрурии. В VII в., с подъемом этрусского правящего класса, группы таких деревушек начали объединяться, образуя огромные города, и земляные укрепления более раннего периода сменились террасными стенами. Во время раскопок в Вейях, в 12 километрах к северу от Рима, было обнаружено несколько рядов террасных стен, особого вида укреплений, встречающихся во многих этрусских городах. Как и многие другие этрусские города, Вейи были построены на плато с крутыми склонами, подняться на которое можно только в нескольких местах. В нескольких местах вдоль края плато обнаружены стены толщиной от 1,58 до 2,08 м. Эти стены восходят к концу V в., то есть построены незадолго до римской осады. Они сложены из прямоугольных каменных блоков примерно 45x45 см в толщину и в высоту и до 1,38 м в длину. На пологих склонах стены достигают 8 м высоты, не считая зубцов. Перед ними устроен крутой скат, мешающий подвести таран, а позади имеется мощная насыпь, так что пробить в них брешь практически невозможно. На крутом склоне стены ставились чуть ниже края обрыва, и затем пространство между ними и склоном засыпалось землей вровень с краем плато. С другой стороны, если склон был скалистый, скала вырубалась так, чтобы образовался вертикальный уступ, и стена ставилась на уступе. Свободное пространство заполнялось также, как и в предыдущем случае. Перед некоторыми этрусскими укреплениями имеется ров, который иногда приходилось вырубать в скале. Остатков башен в Вейях не обнаружено, однако в Луни, где естественные укрепления были слабыми, был возведен холм, увенчанный башней. Рим, как и этрусские города, возник из нескольких деревень, расположенных на вершинах холмов. Наиболее раннее поселение располагалось на Палатинском холме, стоявшем среди болот на левом берегу Тибра, но соседние холмы тоже были заселены и постепенно объединились в город. Согласно Дионисию Палатинский, Авентинский и Капитолийский холмы во времена Ромула, то есть во второй половине VIII в., были обнесены рвами и валами с частоколом. Вероятно, первыми, кто обнес город единой цепью укреплений, были этруски, и Капитолийский холм сделался цитаделью: это была единственная часть города, не захваченная кельтами в 390 г. до н.э. Вероятно, этруски воздвигли

массивное земляное укрепление со рвом, тянувшееся вдоль восточной стороны старого города. Земляные укрепления были замещены каменными стенами, но это не спасло Рим от кельтов. И в 378 г. до н.э. римляне начали постройку стены, которая в те времена была, вероятно, лучшей во всей Италии. Это была знаменитая «Стена Сервиана», сложенная из прямоугольных блоков туфа 60 см в высоту, 45—65 в толщину и от 74 до 210 см в длину. Вдоль слабо защищенной восточной стороны города воздвигли массивную террасную стену; толщина ее была 3,6 м у основания, за ней высился огромный вал 10 м в высоту, выровненный так, что образовался искусственный уступ. Перед стеной имелся ров 10 м глубиной и 30 м шириной. Кладка из прямоугольных блоков была наиболее распространенной в Этрурии и Лации. Однако среди прочих народов Апеннин оставалась в ходу и более примитивная многоугольная кладка, напоминающая микенскую. В Этрурии и Лации почти повсеместно использовались ворота в виде арки, но там, где сохранилась многоугольная кладка, ворота часто строились либо в виде треугольника, либо перекрывались сверху массивной балкой.

Колонии

Этруски создали колонии в завоеванных землях, служившие военными и торговыми аванпостами. Латиняне и римляне следовали этой же практике, но их колонии служили в основном военным целям — закреплению на вражеской территории. Наиболее крупной и известной этрусской колонией была Капуя в Кампании. Как и другие этрусские и римские колонии, Капуя строилась по «шахматной» планировке. Она была очень велика, занимая площадь в 2 кв. км. Вряд ли первоначальное поселение было так велико: это в 80 раз больше размеров обычных римских колоний, таких, как Минтурны или Остия.

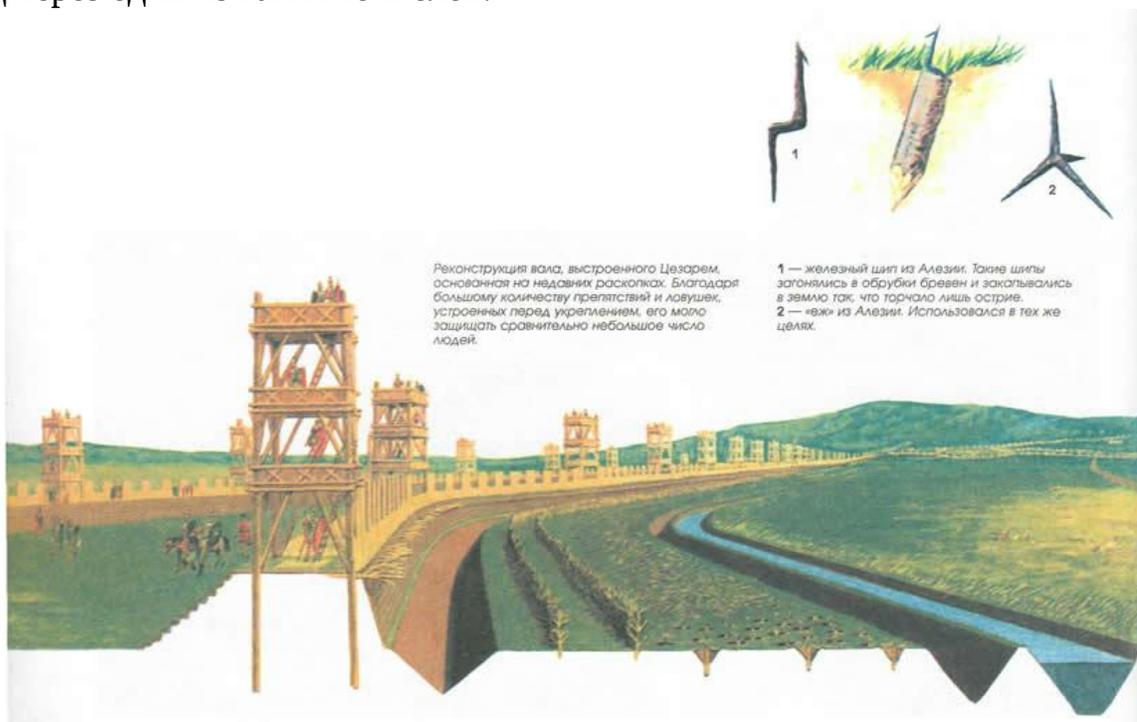

Латинские и римские колонии обычно располагались в стратегических пунктах завоеванной территории. Часто они стояли на дорогах, ведущих в эту местность. Ливии перечисляет сорок колоний, существовавших в Италии ко времени второй Пунической войны, но расположение их не было систематическим; после войны было основано много новых колоний, особенно на побережье, дававших Риму быстрый доступ в любую часть Италии. Во время второй Пунической войны римские колонии стали одним из важных стратегических факторов, поскольку они позволяли римлянам действовать в глубине территории, захваченной карфагенянами, не разрывая линий сообщения, и предоставляли опорные пункты и продовольственные базы, на которые могло рассчитывать войско. Однако колонии можно было основывать только в завоеванных землях, в результате чего во времена войны с Ганнибалом в Кампании колоний не было, поскольку Кампания до тех пор с Римом не воевала. Это повлекло за собой серьезные осложнения для Рима, когда Кампания в 216 г. после битвы при Каннах подчинилась карфагенянам, поскольку у римлян не было там «островков безопасности». В период республики, когда каждый гражданин, имеющий право быть избранным, был солдатом, население колоний набиралось из людей призывного возраста; позднее в колониях стали селить ветеранов, ушедших в отставку, и распределение завоеванных земель между солдатами стало одним из видов награды за службу. Колонии эпохи империи служили также для романизации провинций. При создании колонии земля нарезалась на участки размером 700x700 м («центурии»), каждый из которых

возделывался четырьмя семьями. Это разделение земли на центурии было принято во всей империи.

Ранняя римская осадная тактика

О ранней латинской и римской осадной войне нам ничего не известно — вплоть до III в. до н.э., с которого начинает свой рассказ Полибий, — но, вероятно, она была очень похожа на греческую. Существует предание, что осада Вейев, как и осада Трои, заняла десять лет и что римлянам удалось захватить город, лишь прорыв ход под стенами. В этой легенде может быть зерно истины, поскольку в стенах Вейев имеется множество водосточных тоннелей (супісuли), выстроенных самими этрусками и заделанных при возведении террасных стен. Вполне возможно, что римляне пробрались в город через один из таких тоннелей.

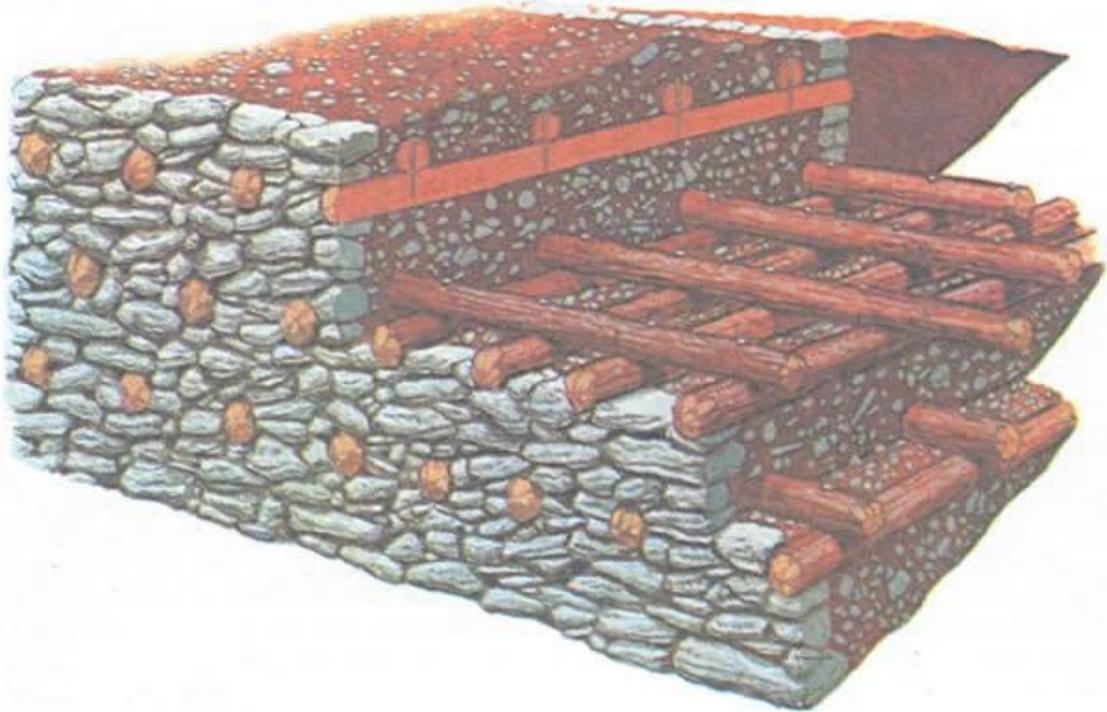

Наиболее ранняя осада, подробности которой нам известны, — это осада Агригента (совр. Агридженто) на Сицилии в 262 г., в начале первой Пунической войны. Во время этой осады уже используются все основные методы римской тактики блокады. Это способ обнесения валом — развитие тактики, применявшейся греками во время Пелопоннесской войны. Вокруг осаждаемого города, на некотором расстоянии от него, устраивалось несколько лагерей. Они соединялись рвами и валами, так что город оказывался отрезан от окружающей местности и бежать оттуда было невозможно. Если за пределами города не имелось вражеской армии, этого было достаточно, но если существовала возможность прихода подкреплений

извне, возводилась вторая линия укреплений, обращенная наружу. Между двумя линиями имелось свободное пространство, иногда шириной до нескольких сотен метров, что позволяло войскам быстро переходить к любому участку укреплений. Вдоль всех укреплений размещались редуты и посты, так что все стены постоянно находились под наблюдением. Римляне очень хорошо понимали, как важно запереть все население осажденного города внутри, чтобы исключить возможность прихода помощи извне. К тому же чем больше людей находится в городе, тем быстрее они начнут страдать от голода. Можно вспомнить о том, как Цезарь отказался разрешить старикам, женщинам и детям покинуть осажденную Алезю, поскольку это только затянуло бы осаду. Обнесение валом стало стандартной римской тактикой. Оно идеально подходило к упрямой натуре римлян и использовалось во время больших осад Лили-бея, Капуи, Нуманции и Алезии. Обычно сперва делалась попытка взять город приступом, а в случае неудачи брали измором. Вообще, если римскому военачальнику некуда было спешить, он предпочитал второй способ: ведь если город сдавался, добыча доставалась полководцу, в то время как после штурма город отдавался на разграбление солдатам. При осаде портового города, такого, как Лилибей или Карфаген, обнести валом весь город было невозможно. В Лилибее римляне попытались завалить вход в гавань землей, но ее смыло водой. Когда Сципион Африканский в 147 г. осадил Карфаген, он перегородил валом перешеек, соединяющий город с материком, а затем попытался перекрыть дамбой вход в гавань. Но карфагеняне помешали этому, прорыв новый выход в море с восточной стороны. Единственное полное описание такой тактики — это рассказ Цезаря об осаде Алезии в центральной Галлии в 52 г. до н.э. Алезия стояла на ромбовидном плато длиной в 1500 м, шириной в 1000 м и высотой в 150 м. Сам город занимал лишь западный край плато, а на другом конце стояла восьмидесятитысячная армия Верцингеторига, которая недавно вырвалась из Герговии и отступила в Алезю, считавшуюся неприступной. Придя к Алезии, Цезарь понял, что штурмом эту позицию не возьмешь, и решил устроить блокаду. Холм, где стояла Алезия, был частью более крупного плато, пересекаемого двумя ручьями, протекающими к северу и к югу от города. Ручьи текли в двух глубоких долинах, отделявших город от соседних холмов. К западу от города долины выходили на широкую равнину. Цезарь разместил свои легионы вокруг города и наметил линию осадных укреплений. Внутренние линии проходили вдоль подножия холмов к северу и к югу от города, а затем по равнине, примерно в полутора километрах от города. Внешние линии проходили по вершинам холмов и по равнине примерно в 200 м от внутренних линий, оставляя большое

пространство для передвижения войск. Вдоль этих линий Цезарь для начала построил 23 редута, чтобы те прикрывали солдат, строящих укрепления, а затем начал копать рвы. Сперва легионеры выкопали ров с отвесными стенками около шести метров шириной у подножия плато. Это было сделано затем, чтобы предотвратить возможные нападения, пока будут возводиться основные укрепления на равнине. В четырехстах метрах от этого рва легионеры выкопали два рва шириной в пять метров и по возможности наполнили внутренний ров водой. Два эти рва шли по равнине и вдоль подножия холмов, окружающих город, замыкаясь в кольцо длиной 16 километров. Землю, вынутую из рвов, свалили за внешним рвом, так что образовался вал, на котором поставили деревянный палисад с башнями через каждые 25 м. Верх вала был утыкан горизонтально торчащими заостренными кольями, чтобы помешать врагу взобраться на него. Чтобы высвободить большую часть своего войска от охраны укреплений и дать им возможность добывать продовольствие и рубить лес, Цезарь устроил на подходах к укреплениям множество ловушек. Выкопали рвы глубиной в 1,5 м, дно которых было утыкано заостренными сучьями, так что образовалась колючая изгородь. Перед этими рвами выкопали пять рядов круглых ям, в дно которых были воткнуты заточенные колья. Эти ямы солдаты прозвали «лилиями», за сходство с цветком. Ловушки забросали сверху хворостом, чтобы скрыть их от атакующих. Такие же ямы были обнаружены возле Антонинова вала в Шотландии. А перед «лилиями» зарыли в землю обрубки бревен длиной сантиметров тридцать, с вбитыми в них зазубренными шипами. Внешняя линия укреплений тянулась на 28 км и была снабжена такими же ловушками. Этот способ осады обычно приносил римлянам успех, в первую очередь благодаря их терпению и упорству. Поскольку, взявшись осаждать город, они всегда доводили дело до конца, осажденные заранее знали, что шансов у них нет, и потому, как правило, сдавались довольно быстро. Однажды посольство осажденных сообщило римскому полководцу, что у них в городе хватит припасов на десять лет. Римлянин небрежно ответил, что в таком случае возьмет город на одиннадцатый год. Город предпочел сдаться сразу. Это упорство было главным секретом успешности римской осадной тактики.

Поперечное сечение «галльской стены» (*murus gallicus*) с каменной облицовкой и уложенными внутри бревнами, скрепленными гвоздями. Цезарь утверждает, что разбить такую стену тараном было невозможно.

Интересным вариантом тактики обнесения валом является попытка Цезаря окружить войско Помпея в Диррахии. Помпеи встал лагерем на прибрежных холмах близ Диррахия (совр. Дуррес в Албании). В данном случае Цезарь не мог рассчитывать отрезать Помпея от источника продовольствия, поскольку Помпею ежедневно доставляли припасы морем. В войске Помпея было больше конницы, поэтому солдатам Цезаря было сложно добывать продовольствие. И Цезарь решил окружить позиции Помпея валом. Он начал строить редуты на холмах вокруг лагеря Помпея, намереваясь затем соединить их рвами и валом. Когда Помпеи понял намерения Цезаря, он устроил 24 редута на максимальном расстоянии от своего лагеря так что образовалась линия длиной в 7 километров, зная, что Цезарю придет! я расположить свои укрепления дальше этой линии. Цель Помпея была двойной. Во-первых, это предоставляло ему пространство, в котором можно было добывать фураж для конницы, а во-вторых, заставляло Цезаря чрезмерно растянуть свои укрепления. Когда солдаты Цезаря начали копать рвы, Помпеи принялся строить внутреннюю линию укреплений, стараясь занять как можно больше холмов, чтобы заставить Цезаря растянуть свои укрепления еще дальше. В результате этих маневров и контрманевров двух

опытных военачальников Цезарь выстроил внешнюю линию укреплений, а Помпеи — внутреннюю. Но попытки Помпея заставить Цезаря растянуть свои укрепления все-таки окупались: ему удалось прорваться. Что касается технических аспектов искусства осадной войны, римляне сильно уступали в этом эллинистическим монархиям. Римляне пользовались эллинистической техникой, только когда воевали вместе с союзниками-греками: например, под Амброзией они использовали механические стенные крюки, предназначенные для разрушения настенных зубцов; но при этом они не пытались изучать эту технику или вводить ее у себя. Они предпочитали способы, использующие неистощимую энергию легионера — подкопы и строительство укреплений, — и в этом они далеко превосходили греков. Впервые римляне столкнулись с военной техникой, видимо, во время вторжения на Сицилию. Они также должны были многому научиться от греков и карфагенян во время первой Пунической войны. Они использовали тараны на штурме Панорам (совр. Палермо), а во время осады Лилибея использовались как тараны, так и башни. Римляне испытывали большие трудности при осаде портовых городов, таких, как Лилибей или Сиракузы, поскольку им, при их низком уровне техники, не удавалось заблокировать вход в гавань. Так что при осаде таких городов во время первой и второй Пунических войн успеха им удавалось добиться либо тогда, когда город был захвачен врасплох, как Па-норм или Карфаген, либо воспользовавшись небрежностью стражи, либо с помощью предательства. Только во II в. их техника достигла такого уровня, что они смогли перекрыть вход в гавань дамбой. Примером довольно неудачных попыток римлян вести войну по всем правилам военной науки может служить осада Сиракуз в 213 г. Хотя ссылаться на этот пример, быть может, не слишком справедливо — ведь, в конце концов, римлянам пришлось иметь дело с величайшим ученым той эпохи, Архимедом. Дионисий I обнес стеной плато Эпиполы еще в начале IV в., но Архимед усовершенствовал и обновил старые укрепления и расставил на стенах и за стенами множество машин. Римляне, ставшие теперь хозяевами на море, решили предпринять атаку одновременно с двух сторон, с земли и с моря. Марцелл напал с моря с 50 квинкверемами, на которых находилось множество лучников, пращников и метателей дротиков, чьей задачей было прогнать защитников со стен. Наиболее примечательная особенность этой атаки — отсутствие у римлян артиллерии. Восемь квинкверем были связаны попарно, и весла с соприкасающихся бортов были убраны. На каждой из этих пар имелась лестница шириной в 1,2 м, длина которой равнялась высоте стен. Лестница с обеих сторон была снабжена поручнями, и наверху ее имелась площадка, огороженная спереди и по бокам плетеными загородками. На площадке было достаточно места для

четырех солдат, которые должны были удерживать защитников на расстоянии, пока лестницу не прислонят к стене. Лестница была уложена вдоль двойного корабля, так что конец ее выдавался за нос. К переднему концу лестницы были привязаны канаты, и она поднималась в вертикальное положение с помощью блоков, прикрепленных к верхушкам двух мачт. Когда лестница была поднята, двойное судно подводилось к стенам на веслах. Это приспособление моряки окрестили «самбукой», за сходство с этим музыкальным инструментом вроде арфы. Как только лестница подводилась к стене, солдаты, стоящие на площадке, отбрасывали плетеные загородки и переходили на стену, в то время как остальные поднимались по самбуке следом за ними. Но римляне не приняли в расчет Архимеда. Стоило им приблизиться к стенам, как их осыпали дождем снарядов из катапульт, которые великий ученый расставил на стенах. Эти машины метали камни на фиксированное расстояние, как на дальнее, так и на близкое, так что римляне, приближаясь к стенам, находились под непрерывным обстрелом. Это заставило римлян остановиться, и Марцелл был вынужден повторить атаку под покровом темноты. Ему удалось подойти к стенам достаточно близко, чтобы выйти из зоны обстрела тяжелых орудий, стоявших на стенах. Но Архимед учел и это. В стенах были проделаны бойницы на уровне атакующих. У бойниц стояли лучники и легкие стрелометы, называемые «скорпионами». Несмотря на непрерывный обстрел, Марцеллу все же удалось поднять свои самбуки. Но тут из-за стен появились невидимые прежде краны-журавли, на стрелах которых висели огромные камни и куски свинца. Стрелы вращались на оси, и грузы, висящие на них, опускались с помощью блоков на конце стрелы. Их можно было разворачивать так, чтобы бить по самбукам, когда римляне пытались их поднять. Другие машины метали вниз камни, достаточно большие, чтобы прогнать солдат с носа корабля. А затем вниз были спущены огромные крюки на цепях. Этими крюками цепляли носы кораблей и поднимали их вверх с помощью противовесов. Когда крюки отпускали, корабль падал набок и либо переворачивался, либо зачерпывал воду. Марцелл был разбит наголову, но отшутился. «Архимед начерпал моими кораблями морскую воду для своих кубков, — сказал он, — но моих солдат с самбуками прогнали с пира с позором». Римлянам пришлось оставить свои попытки взять город приступом. В конце концов Сиракузы были взяты подкупом. Нападение Сципиона на Новый Карфаген (совр. Картахена) три года спустя представляет особый интерес — не из-за применения какой-либо новой техники, а потому, что здесь мы впервые можем видеть, как действовали римляне после взятия города. Полибий особо подчеркивает, что в Картахене римляне следовали своей обычной практике. Ворвавшись в город, солдаты

уничтожили все живое — не только людей, но даже собак и прочих домашних животных разрубали надвое и расчленили. Во время резни грабить было запрещено. Когда военачальник счел, что убийств было довольно, трубы протрубили сигнал к возвращению. Из каждого манипула было отобрано по несколько солдат (иногда отбирали целые манипулы), назначенных собрать добычу. В этом не могло принимать участие более половины армии. Остальные стояли на страже на случай внезапного нападения. Вся добыча была собрана в одно место, продана, и полученные деньги распределены поровну между всеми солдатами. Этот организованный грабеж может служить яркой иллюстрацией римской дисциплины и превосходства их системы. Ведь немало других армий, увлекшись грабежом, были захвачены противником врасплох. Ужасы, творившиеся после того, как солдаты врываются в город, повторились и на штурме Карфагена в 146 г. Римляне ворвались в город через гавани и захватили рыночную площадь. Отсюда они предприняли нападение на цитадель (Бирсу). От площади к Бирсе вели три узкие улицы, вдоль которых стояли шестиэтажные здания. Чтобы добраться до цитадели, легионерам пришлось брать каждое здание штурмом. Солдаты перебирались из дома в дом по доскам, переброшенным с крыши на крышу над узкими переулками. Добравшись до Бирсы, они подожгли все дома, стоявшие вдоль трех улиц. Пожар распространился, и солдаты принялись рушить дома, где укрылось немало детей и стариков. Некоторые сгорели, другие выбегали на улицу и гибли под обломками. Потом пришлось расчищать улицы, чтобы войска могли свободно передвигаться. Раненых швыряли в ямы вместе с убитыми. Этот кошмар длился шесть дней и ночей. Легионеры сражались посменно. Когда Бирса наконец пала, многие из оставшихся в живых карфагенян затворились в храме Эскулапия и сожгли себя заживо. Остальных продали в рабство. Город был разрушен, земля перепахана и засыпана солью, чтобы там больше ничего не росло. Такому же наказанию тринадцать лет спустя были подвергнуты Нуманция и Иерусалим в 70 г. н.э. Законы осадной войны на протяжении истории менялись мало. Если город не сдавался до того, как таран коснется стен, после взятия он целиком зависел от милости победителя. Никто из горожан не питал иллюзий по поводу того, какая судьба ожидает их в случае отказа сдаться. Так что римляне ничем особенно не выделялись среди прочих наций. Достаточно вспомнить действия войск Веллингтона в Испании. Жестокости, которыми сопровождалось взятие города, были частью психологического давления, необходимого, чтобы ослабить волю к сопротивлению. К тому же удержать солдат было бы практически невозможно. В 49 г. до н.э., во время гражданской войны, Цезарь осадил Массилию (совр. Марсель). Эту осаду можно назвать

последней из великих эллинистических осад. У массилийцев были самые современные противоосадные машины, в том числе огромные катапульты, стреляющие стрелами длиной 3,5 м. Эти стрелы пробивали насквозь четырехслойные плетни, и обычные укрытия, сплетенные из лозы, от них не защищали. Поэтому крыши укрытий пришлось укрепить квадратными балками толщиной 30 см, соединенными железными скрепами, и для того, чтобы защитить солдат, расчищающих и выравнивающих подходы к стенам, пришлось построить «черепаху» высотой в 18 м. Самой интересной особенностью этой осады было то, что легионеры выстроили у самой стены кирпичную башню. Первоначальным назначением этой башни с основанием 9х9 м и стенами толщиной в 1,5 м было защитить солдат, действующих под стенами, чтобы они могли укрываться там в случае массивной атаки. Позднее было решено сделать башню выше, и на уровне второго этажа настелили пол на балках, заделанных в стену, так что их нельзя было поджечь. Затем башню принялись достраивать до третьего этажа. До сих пор солдаты были защищены навесом и укрытиями, но дальше башня стала слишком высокой. Поэтому была построена крыша на балках, выступающих из стен, и на этих балках навесили защитные экраны. По мере того как башня росла, крышу поднимали, пока башня не достигла высоты шести этажей. Затем из квадратных балок толщиной 60 см построили крытую галерею, по которой можно было подойти к вражеской башне и стене, которые находились на расстоянии немногим менее 20 м. Сделано это было так: две балки равной длины уложили на землю на расстоянии примерно 1,2 м друг от друга. Затем к ним прикрепили вертикальные стойки высотой 1,5 м. Их соединили стропилами, которые должны были служить основой для кровли. Затем сверху уложили балки толщиной 60 см, закрепленные с помощью скоб и гвоздей. На самом краю крыши и на балках были прикреплены бруски толщиной в 7 см, чтобы поддерживать кирпичи, из которых была сделана крыша. Сверху подвижной навес был покрыт кирпичами и глиной для защиты от огня. Кирпичи обтянули кожами, поскольку они не были обожжены и могли пострадать от воды, и, наконец, поверх всего этого было натянуто смятие, чтобы защитить галерею от огня и камней. Галерея была сооружена на безопасном расстоянии. После этого ее установили на катки и под прикрытием обстрела лучников, пращников и катапульт, находившихся в кирпичной башне, подвели к одной из стеновых башен. Несмотря на обстрел, массилийцам все же удалось пустить в ход «журавли», которые роняли на галерею тяжелые камни и бочонки с горячей смолой. Но проломить крышу галереи так и не удалось, и легионеры сумели расшатать основание башни и обрушить ее. К середине I в. до н.э. большая часть цивилизованного мира оказалась под властью

Рима. Единственными оставшимися в Европе врагами Рима были северные варвары, так что в следующем столетии большинство осад приходилось вести против крепостей, расположенных на холмах. Цезарь дает подробное описание техники, которую он использовал при осаде одной из таких крепостей в центральной Галлии. Это был Аварик (совр. Бурж), расположенный на отроге горы, возвышающейся над болотом. Этот отрог сперва спускается к болоту, а потом снова поднимается, образуя небольшой холмик. Вот на этом-то холмике и стоял город, окруженный тем, что Цезарь называет «галльской стеной» (*murs Gallicus*). Галльская стена состояла из двух каменных облицовок, между которыми засыпалась земля либо щебень, проложенный бревнами, концы которых вделаны в каменную кладку с обеих сторон. Мягкая засыпка и бревенчатый каркас делали такую стену практически неуязвимой для тарана. Горожане, уверенные, что их город неприступен, были готовы бросить вызов Цезарю. Но они не приняли в расчет энергии легионера. Войско Цезаря подошло к городу по отрогу, заполнив низину между холмом и городом широкой насыпью. Тут же, на месте, были сооружены две осадные башни, и, когда насыпь подошла к стенам, башни были подведены к городу. Галлы, следуя обычным приемам обороны, возвели на стенах деревянные башенки, обтянутые шкурами, и попытались подрыть насыпь. Кроме того, они предпринимали частые ночные вылазки, пытаясь поджечь бревенчатую основу насыпи. Для строительства этой основы и прочих осадных сооружений требовалось огромное количество древесины. Иудейский историк Иосиф Флавий сообщает, что после осады римлянами Иерусалима вокруг города в радиусе 18 километров не осталось ни единого дерева. За 25 дней легионеры соорудили огромную платформу в 100 м шириной и 25 м высотой, выровняв таким образом низменность между холмом и городом. С этой платформы они взяли город приступом и вырезали всех мужчин, женщин и детей.

Ранняя империя

Начиная с середины II в. до н.э., из-за отсутствия сложной осадной техники, укрепления на западе стали приходить в упадок, и до начала варварских нашествий эпохи поздней империи особого развития не наблюдается. В I—II вв. н.э. укрепления городов и лагерей обычно состояли из стены либо вала со рвом. Ворота были защищены башнями, обычно прямоугольными и не выходящими за линию стен. Стены часто усиливались угловыми башнями и иногда промежуточными башнями, которые всегда строились внутри линии стен. Единственным серьезным нововведением в эпоху поздней республики и ранней империи была подъемная решетка. Следы наличия такой решетки отчетливо заметны во многих римских городах, например в Ниме, Аосте, Трире. Происхождение этого замечательного устройства неизвестно. Первые упоминания о ней относятся ко времени второй Пунической войны, когда карфагенским солдатам, пытавшимся отбить город Сала-пия в Апулии, попавший в руки римлян, были отрезан путь к бегству такой решеткой. Со времен Адриана римляне начинают больше заботиться об обороне. Но даже укрепления тех времен впечатляют скорее своими масштабами, чем своей мощью. Именно к этому периоду относится сооружение Адрианова вала и длинной цепи лагерей вдоль Рейна и Дуная. Адрианов вал ничем не превосходит укрепления V до н.э., но он вполне соответствовал тем целям, с которыми его возвели. Толщина стены, тянущейся почти на 120 километров, колеблется от немногим менее двух до немногим более трех метров; высота ее первоначально, видимо, была около пяти метров. Стена охранялась 80 небольшими фортами, расположенными на расстоянии 1500 м друг от друга, и примерно 160 башнями. Две такие башни были расположены между каждыми двумя фортами, на расстоянии примерно 500 м друг от друга. Перед стеной имелись широкая расчищенная полоса и ров шириной в восемь метров и глубиной около трех. За стеной находилось свободное пространство шириной примерно в 35 м, ограниченное рвом глубиной в 6,5 м, который назывался *vallum*. Этот ров не имел военного значения — видимо, его вырыли затем, чтобы местные жители не подходили к стене иначе как в дозволенных местах. Стена была дополнительно усилена крепостями, встроенными в стену на расстоянии 10 километров друг от друга. Вдоль Рейна была выстроена цепь крепостей, защищающих западный берег. Эти крепости были размещены в промежутках между старыми легионными крепостями. Кроме того, были установлены дозорные и

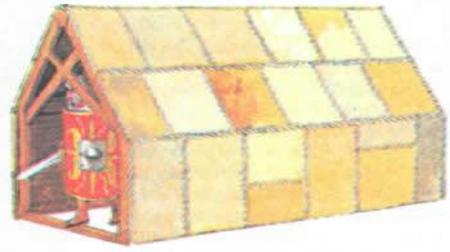
сигнальные башни, так что вся река от Бонна до моря находилась под наблюдением. Точно так же был укреплен Дунай от Регенсбурга до Черного моря. От точки к югу от Бонна к точке недалеко от Регенсбурга был проведен вал со рвом и частоколом, соединявший две реки. Эти укрепления тянулись примерно на 450 километров и, как и Адрианов вал, охранялись крепостями, расположенными на расстоянии 8—10 километров друг от друга. Ближе к Дунаю вал с частоколом был местами заменен стеной с башнями, такой же, как в Британии.

Ранний принципат

Наиболее яркими примерами осадной техники эпохи раннего принципата могут служить осады Веспасиана и Тита во время иудейского восстания (66 — ок. 73 г. н.э.). Три из них, осады Иотапаты, Иерусалима и Масады, достаточно подробно описаны Иосифом Флавием. Помимо использования артиллерии, при всех трех осадах римляне обратились к испытанному веками способу возведения насыпи. Иосиф, командовавший иудейским войском в Иотапате, замечает, что для постройки насыпи были вырублены все деревья в округе.

«Черепашка» (*testudo*), образованная 27 легионерами. Четыре ряда отмечены разными цветами. Это построение впервые упоминается у Полибия, который сравнивает его с черепичной крышей.

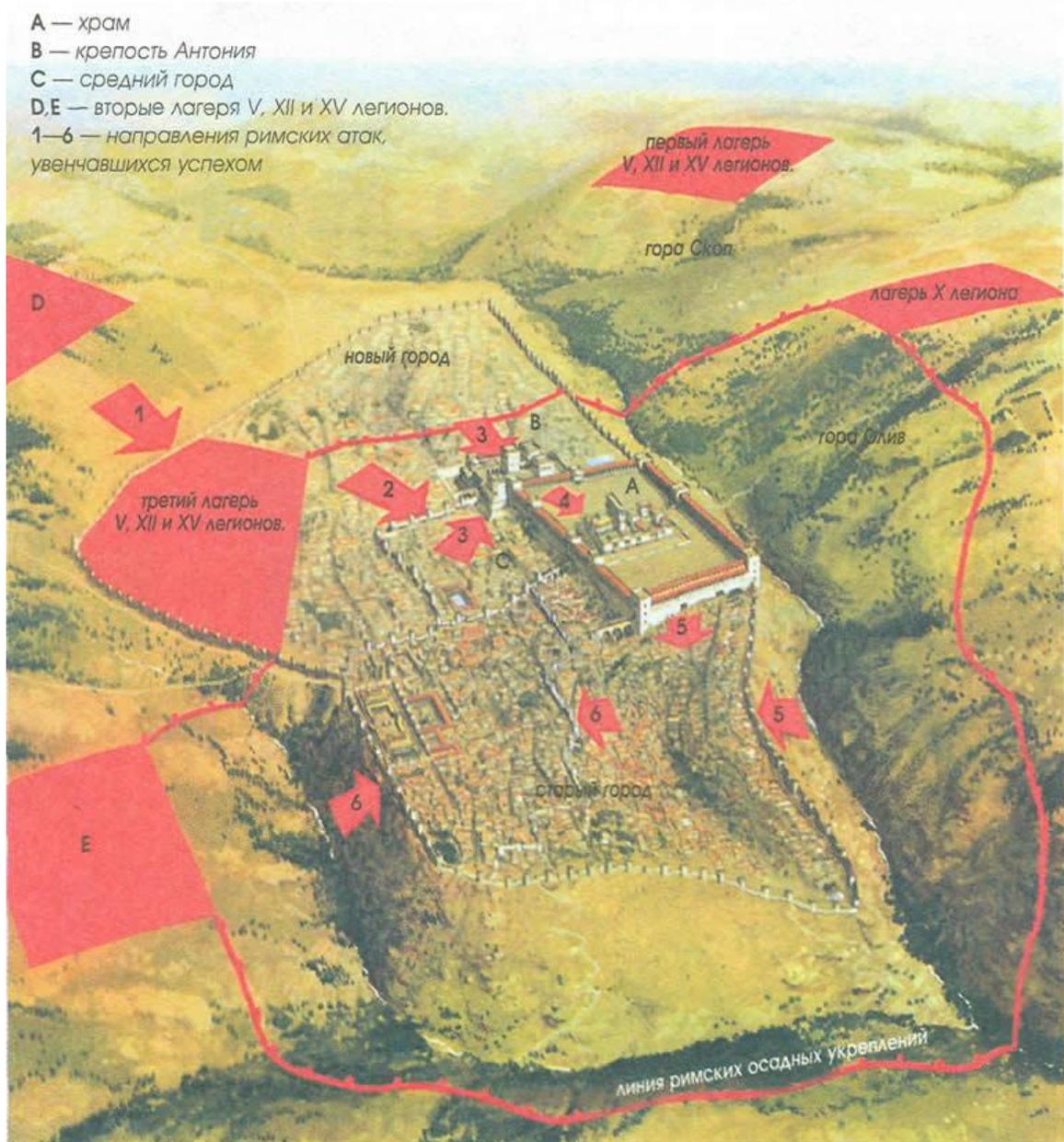

Секция галереи, обтянутой кожей, как она описана у Вегеция. Она была 5 метров в длину, 2,5 в высоту и более 2 в ширину. Такие составные галереи использовались для того, чтобы подходить к стенам во время осады.

Иотапата была горной крепостью в Галилее. Осаждали ее 50 дней. В осаде участвовали три легиона: V Македонский, X Бурный и XV Аполлонов, при поддержке вспомогательных частей. Согласно Иосифу у римлян было 160 катапульта, от скорострельных стрелометов до одноталантовых (ок. 20 кг) камнеметов. Римляне называли стрелометы катапультами, а камнеметы баллистами. Однако за время существования империи значение этих названий изменилось на противоположное, так что для простоты будем называть их просто стрелометами и камнеметами. Вегеций сообщает, что в его время у каждого легиона было 55 единиц артиллерии. Это очень близко к Иосифовым 160 катапультам на три легиона. Для начала Веспасиан подвел свои орудия, чтобы с их помощью прогнать защитников со стен на время постройки насыпи, потому что иудеи сбрасывали камни на осадные щиты (*plutei*), под которыми работали солдаты, возводившие насыпь. Эти щиты были сплетены из прутьев и, видимо, обтянуты кожей. Позднее Веспасиан таким же образом использовал артиллерию для прикрытия тарана. Таран был примитивного подвешного типа. Иосиф очень выразительно описывает действие катапульта, сносивших зубцы стен и рушивших углы башен. Человеку, стоявшему на стене, оторвало голову, причем сила удара была такова, что голова отлетела на три стадия (ок. 550 м). Беременной женщине снаряд попал в живот, и ребенка отбросило на полстадия. Теккерей, переводчик английского издания, счел нужным сделать примечание: «Иосиф склонен к преувеличениям». Защитники крепости использовали старые, испытанные методы обороны: наращивали стены, причем каменщики работали за деревянными загородками, обтянутыми свежими шкурами; со стены спускали мешки с мякиной, чтобы ослабить удары тарана. Кстати, Иосиф утверждает, что все эти способы были изобретены им лично. Таран был защищен плетеными укрытиями; обычно к такому тарану вели подвижные галереи (*vineae*). В конце концов в стене была сделана брешь, и

в нее ввели осадные мостки, так же как сделал Александр в Тире. Веспасиан приказал начать общий штурм, чтобы отвлечь часть защитников от пролома, и повел своих людей в пролом, выстроив их «черепашей» (testudo). Изображение этого построения, впервые описанного Полибием, который очень удачно сравнил его с черепичной крышей, встречается на колонне Траяна. См. рис. на стр. 297, где изображена «черепаша», состоящая из 27 легионеров. Шесть человек, стоящие в переднем ряду, укрываются за щитами четверых, стоящих в середине, а двое крайних разворачивают щиты наружу. Во втором, третьем и четвертом рядах, состоящих из семи человек каждый, крайние двое разворачивают щиты наружу, а пятеро, стоящие в середине, держат щиты над головой. Это построение могло состоять из любого числа людей, лишь бы в первом ряду стояло на одного человека меньше, чем в остальных. Рассказывают, что по этой «черепаше» гоняли колесницы, чтобы испытать ее прочность, — и ничего, выдерживала. Защитники крепости поливали «черепашу» кипящим маслом, чтобы заставить легионеров сломать строй, и забрасывали мостки вареной греческой сочевицей (вид травы), чтобы сделать их скользкими. После того как Иотапата пала и Иосиф перебежал к римлянам, Веспасиан оставил войну ради борьбы за трон, препоручив ведение военных действий своему сыну Титу. Получив подкрепление в виде XII Молниеносного легиона, Тит двинулся на Иерусалим. Иерусалим был настолько раздираем внутренними конфликтами, что воевать с римлянами им было просто некогда. В город вошли группы религиозных фанатиков, которые непрерывно враждовали друг с другом, не в силах прийти к согласию относительно того, как именно следует вести эту войну. В ходе этих конфликтов часть города была уничтожена пожарами. В числе прочего сгорели зернохранилища, так что большая часть припасов погибла. И только когда Тит начал осаду, иудеи наконец сделали попытку объединиться.

Осада Иерусалима в 70 г. н.э. Во время иудейского восстания энергия легионеров и упорство римского искусства осады проявились во всем своем блеске.

Город состоял из пяти частей, каждая из которых была обнесена собственной стеной. Старый город стоял на холме с отвесными склонами на юге и востоке. Выше, к западу от него, находился верхний город с дворцом Ирода Великого. К северу от старого города находился храм с массивными стенами, а между храмом и верхним городом стоял средний город. За ним простирался новый город. Тит переместил лагерь V, XII и XV легионов к стенам нового города и отсюда пошел на приступ. Поскольку защитники

были ослаблены внутренними раздорами, эта часть города скоро оказалась в руках римлян. Теперь основной лагерь был перенесен в стены нового города. Пять дней спустя пал и средний город. Теперь Тит разделил свои силы: два легиона должны были напасть на старый город, а два — на храм. В том месте, где стена среднего города соединялась со стеной храма, Ирод Великий возвел крепость, названную Антонией в честь его благодетеля, Марка Антония. Поначалу римляне пытались возвести земляную насыпь, чтобы подвести к крепости осадные машины, но защитникам удалось подрывать насыпь, и она рухнула. Затем Тит окружил город валом с частоколом; завершив постройку укреплений, он снова принялся строить насыпь у стен Антонии. Защитники попытались поджечь насыпь, но им это не удалось, и к стенам подвели тараны. Ночью стена рухнула в результате непрерывной работы таранов, а также из-за того, что защитники, пытаясь подрывать насыпь, прокопали множество ходов под собственными укреплениями. Предвидя, что стена не устоит, защитники возвели внутреннюю стену. В течение двух дней легионеры безуспешно пытались взять эту стену, которая, однако, выдержала все атаки, а подвести к ней тараны не удалось. На вторую ночь небольшой отряд легионеров, в котором были и трубачи, взобрался на стены, снял часовых и подал сигнал Титу начинать штурм. Защитники решили, что стена уже пала, бросили свои посты и отступили к храму. Теперь большая часть крепости была разрушена, так что удалось довести насыпь до стен храма и подвести осадные башни и тараны. Храм держался пять недель. Тит стремился пощадить его, но когда все предложения о сдаче были отвергнуты, а разбить стену таранами не удалось, Тит отдал приказ поджечь ворота. Огонь перекинулся на портики, и большая часть внешних построек храма была уничтожена. Через два дня, после отчаянной рукопашной во внешнем дворе храма, римляне ворвались во внутренний двор. Во время битвы римский солдат швырнул в храм горящую головню, мебель и завесы в святилище вспыхнули, и храм сгорел дотла. После этого два легиона, осаждавшие храм, были отправлены на помощь осаждающим старый город, и он тоже был взят. В руках восставших оставался только верхний город с его мощными укреплениями. Легионеры построили насыпь у западной стены, а вспомогательные войска в это время строили такую же насыпь с востока. Через 18 дней работы были завершены, подвели машины и город был взят штурмом. Осада тянулась пять месяцев, и горожане страдали от голода. Если верить Иосифу, в последние дни осады матери ели своих детей. Город был отдан в распоряжение солдат, и когда те устали от убийств и грабежей, город был предан огню. Затем Тит приказал сровнять руины с землей, оставив только три самые высокие башни и часть стены. У стены

разместили гарнизон, а башни должны были напоминать людям о величии города, который некогда стоял на этом месте. После падения Иерусалима Тит вернулся в Рим, предоставив сменившим его римским наместникам ликвидировать оставшиеся очаги сопротивления. Последним из таких очагов была крепость Масада, возвышающаяся на каменном столпе высотой в 400 м на западном берегу Мертвого моря. Взятие этой горной твердыни было поручено X Бурному легиону, к которому были присоединены 4000 вспомогательных войск. Римский легат Сильва сперва, как обычно, обнес холм стеной толщиной почти в два метра, через каждые 25—30 м укрепленной башнями. Его силы были распределены по восьми лагерям у подножия холма. Затем принялись строить огромную насыпь у западного склона холма, по которой подняли осадные машины. Защитники предпочли покончить жизнь самоубийством, чтобы не сдаваться римлянам. Эта осада, сама по себе довольно незначительная, оставила по себе самый отчетливый след во всей истории античных осад: несмотря на то что раскопок там не проводилось, следы вала, лагерей и остатки насыпи видны до сих пор.

Фортификация в 284—378 гг. н.э. (Роджер Томлин)

После того как император Диоклетиан в 305 г. отрекся от престола, он удалился в свою «виллу» на Далматском побережье. Его соправители тоже строили дворцы в своих родных местах, но дворец Диоклетиана в Сплите превосходит их все: это комплекс зданий площадью в 2,9 га — почти столько же, сколько легионная крепость того же времени в Кайзераугсте близ Базеля, — окруженный стеной с башнями, выстроенной из тесаного известняка, высотой в 17 м. И сейчас еще можно войти в ворота с арочной галереей и развалинами восьмиугольных башен и пройти по виа претория во внутренний дворик с колоннами. Справа от дворика находится часовня Диоклетиана, слева — усыпальница, которая теперь превращена в собор, прямо — дверь с фронтоном, ведущая в императорские покои, занимавшие всю южную сторону дворца. Точно утес, возвышаются они над морем на своем сводчатом основании. Вполне достойный приют для человека, который сам себя наградил титулом «Отец Золотого века» и усеял приграничные земли миниатюрными копиями своего дворца-крепости. Мощные прямоугольные форты, с каменными стенами толщиной не менее трех метров, выступающими башнями и надежно защищенными воротами, иногда точно датируемые правлением Диоклетиана с помощью надписи либо исторического источника, можно найти по всей империи: в Северной Африке, в Швейцарии, на Диоклетиановой дороге в Сирии, соединявшей Дамаск и Пальмиру. Крепость Дионисиада в Фаюмском оазисе, комендантом которой был известный нам Абинней, тоже построена при Диоклетиане: у нее имеются одни ворота и башни, выступающие по углам и вдоль каменной стены, толщина которой почти четыре метра, а высота — не менее семи. Эта мощь укреплений особенно примечательна, если учесть отсутствие серьезной угрозы нападения (как мы помним, жизнь Абиннея была довольно мирной), — она говорит не о том, что империи грозили внутренние раздоры, а о том, как широко распространилась политика Диоклетиана, и об оборонительной направленности стратегии поздней империи. Об этой стратегии уже рассказывалось выше. Диоклетиан и его соправители восстановили империю в прежних границах, кроме земель за Рейном и Дунаем, в южном Египте и западной Мавритании. Чтобы удержать границу длиной более четырех тысяч миль против того, что стратег IV в. называет «неистовством варваров, ярящихся вокруг римской империи», Диоклетиан и его преемники, вплоть до Валентиниана I (364—378), развернули грандиозный план строительства и реконструкции. Диоклетиан

рассчитывал на мощные пограничные армии, состоящие из новых конных частей, легионов и возросшего числа ал и когорт, которым понадобятся укрепленные базы. Константин ослабил эти армии, чтобы пополнить мобильный резерв, комитатенсов, но и его стратегия требовала усиления пограничной зоны: сети защитных укреплений, состоящей из цепи фортов вдоль границ и путей сообщения, идущих в глубь страны, призванных защищать от нашествий продовольственные и военные склады (а также граждан-налогоплательщиков) в ожидании подхода мобильных войск. Крепости поздней империи явно рассчитаны на оборону. Это отнюдь не самоочевидно: укрепленные города ранней империи зачастую строили стены как можно более длинными, а ворота в них демонстрировали не столько мощь обороны, сколько процветание строителей. И крепости предназначались для нападения, для наблюдения за продвижением противника: башни их вздымались над стенами для лучшего обзора, а не выступали за стены, для того чтобы лучше обстреливать штурмующих. Армия ранней империи готовилась встречаться с противником на поле битвы; в эпоху же поздней империи эта роль отводилась мобильным войскам, а крепости строились с расчетом на длительную оборону. Конечно, используемые для этого приемы очень разнообразны: так, башни почти всегда выступают за стены, но при этом они могут быть круглыми, полукруглыми, в форме буквы D, веерообразными, многоугольными или квадратными. Различия формы или внутреннего устройства могут иметь значение для датировки, хотя слишком полагаться на них было бы неразумно: например, после правления Константина стало обычной практикой располагать внутренние строения вдоль стены, на манер средневекового замка. Помимо того, что стратегия обороны границ предполагала продвижение оборонительных укреплений в глубь страны, тактикой отдельных крепостей стало стремление задержать неприятеля как можно дольше. Новые крепости ставились на возвышенностях, предпочтительно на плато, даже если неправильные очертания холма заставляли придавать столь же неправильную форму крепостным стенам. Узкие рвы V-образного сечения эпохи ранней империи заменяются широкими рвами с плоским дном, по возможности наполняемыми водой и отодвинутыми от стены, чтобы создать «зону смерти», как в средневековых замках. В византийский период появляются двойные стены (самые знаменитые из них — Земляные стены V в., благодаря которым Константинополь столько веков оставался неприступным), и даже брустверы на внутренней стороне рва. Ранний пример такого бруствера встречается на осаде Аквилеи в 361 г., где защитники воспрепятствовали попытке перебраться через ров, сделав вылазку под прикрытием «земляного

вала перед стенами». Позднеримским стенам требовался также более широкий обход для прочности — ведь это были уже не земляные валы, облицованные каменными плитами, как при ранней империи, а мощные бетонные куртины, укрепленные каменной кладкой, как в средневековом замке. Виды кладки отличались большим разнообразием: кирпичная "облицовка, как стены Аврелиана в Риме, небольшие тесаные блоки, соединенные кирпичной кладкой, наиболее часто встречающиеся в стенах эпохи Диоклетиана в Йорке. Довольно часто кладка весьма небрежная. Распространено употребление вторичных материалов, в частности плит от памятников и надгробий. Городские стены особенно часто говорят о том, что они строились в спешке, из подручных материалов. Новые стены окружали значительно съезжившиеся города, часто одну лишь «цитадель». Иногда частью стены становились более ранние сооружения, как в Риме. Некоторые галльские укрепления в качестве своеобразного бастиона включают в себя амфитеатр. Эта особенность встречается уже в Трире, где в конце II в. без особой спешки выстроили длинную крепостную стену. Этот амфитеатр повидал и взлет, и падение галльской мобильной армии: в 306 г. Константин, чьей первой столицей был именно Трир, бросил здесь зверям двух франкских королей, а веком позже, во время нашествия 406—407 гг., амфитеатр послужил последним убежищем жителям города. Бывает, что стены одной и той же крепости выстроены разными способами. В крепости в Ричборо, на Саксонском берегу, Диоклетиановой по стилю, но восходящей, по всей видимости, к правлению Проба, очень заметно, как меняется кладка с приходом каждой новой команды строителей. Среди главных укреплений Никеи (совр. Изник, Турция), построенных примерно в ту же эпоху, имеются и башни в форме буквы D, построенные из бетона на бревенчатой основе, на фундаменте из барабанов от колонн, и прямоугольные башни, сложенные из великолепных тесаных блоков, взятых из разобранного общественного здания — возможно, театра. Выступающие бастионы, являющиеся отличительной чертой многих поздне-римских укреплений (часто они просто пристраивались к существующей стене, как в Британии) давали возможность вести обстрел вдоль стен и выносить на стены артиллерию. Когда Юлиан в 357 г. перестраивал сторожевую крепость времен Траяна на алеманнской территории, он позаботился о том, чтобы снабдить ее «стенной артиллерией». Основных видов орудий было два — баллиста и скорпион. Баллисты, металлические детали которых найдены в двух позднеримских сторожевых крепостях за Дунаем, встречаются среди изображений «полевой артиллерии» на колонне Траяна. Это двулучное торсионное орудие, стреляющее длинными стрелами; камнеметная баллиста в эпоху поздней империи, похоже, вышла из употребления, хотя на

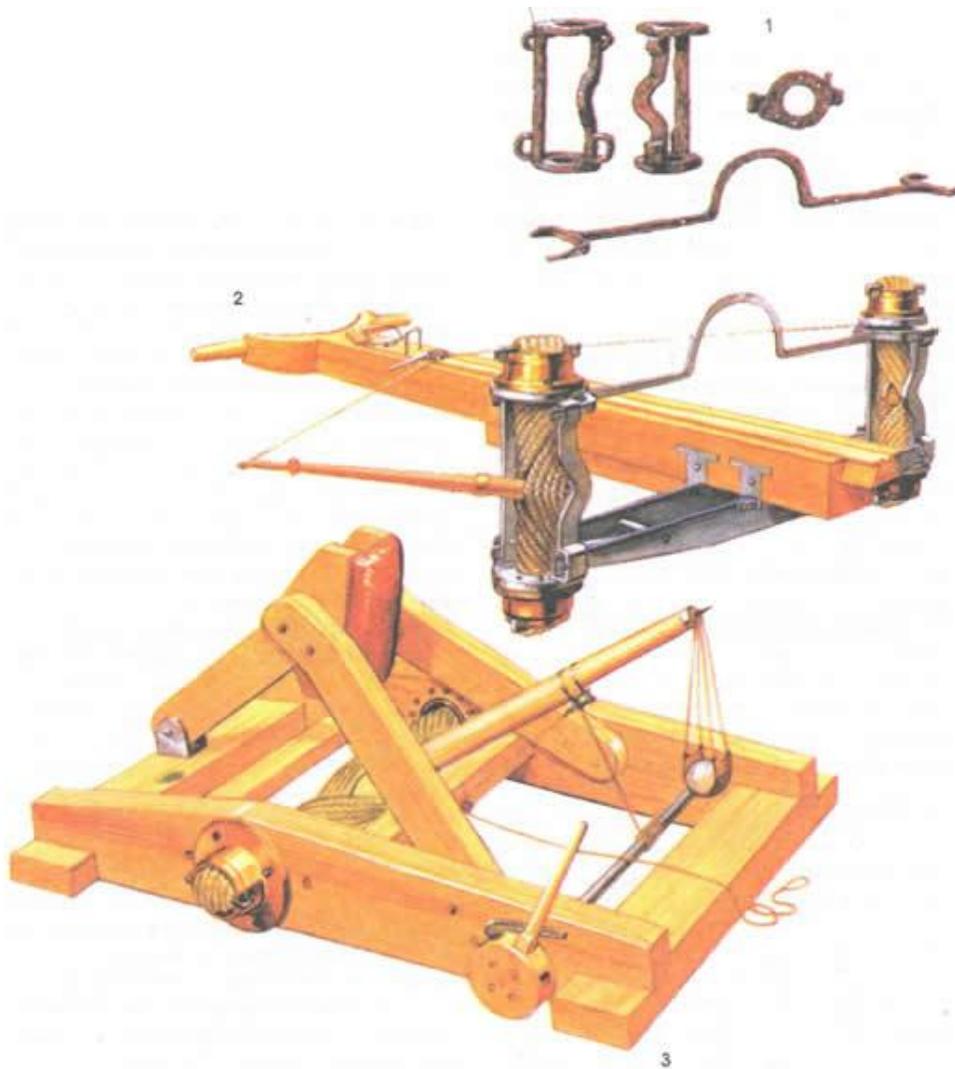
месопотамской границе в Хатре найдены детали такой баллисты, относящейся к первой половине III в. В одном греческом источнике имеется длинный рассказ о наводчике времен правления Проба, который застрелил человека, выглянувшего из дверцы в воротах. Рассказы Аммиана о том, как в кого-то чуть было не попали из баллисты, показывают, что точность прицела баллисты была довольно велика: стрела, выпущенная в Юлиана, убила стоявшего рядом с ним солдата; некий правитель, находившийся в зависимости от персов, потерял таким же образом сына на осаде Амиды. На той же осаде римлянам с помощью пяти «легких» баллист удалось перестрелять 70 персидских лучников, захвативших одну из башен. Существовали ли специальные артиллерийские части, остается неясным: в поздней империи было несколько отрядов «баллистариев», но упоминается о них только как о пехотном отряде, сопровождавшем Юлиана в его опасном путешествии по пересеченной местности, и еще во фрагментарной надписи на здании в Крыму. Другое метательное орудие, использовавшееся в позднеримской осаде, было нововведением: скорпион (или онагр) представлял собой одноплечное торсионное орудие, метавшее большие каменные шары, как средневековый маньонель. Аммиан рассказывает печальную историю о механике, стоявшем позади скорпиона, у которого сорвался камень во время выстрела, — механика раздавило в лепешку. Скорпионы сыграли важную роль во время осады Амиды, разрушив несколько персидских башен, но недостатком скорпиона была сильная вибрация при выстреле, так что его необходимо было помещать на прочный и упругий фундамент. Многие крепости и форты были просто «модернизированы»: существовавшие укрепления были отремонтированы и несколько улучшены. Так, почти во всех старых крепостях на паннонской границе в правление Константина были выстроены угловые башни нового типа, стандартные для новых крепостей, — веерообразные (хотя они больше напоминают топор), выступающие за стены достаточно далеко, чтобы обеспечить продольный обстрел вдоль обеих стен. Существуют археологические свидетельства того, что велось строительство новых крепостей, а иногда и свидетельства очевидцев. Около 368 г. император Валент решил укрепить слабую точку на границе у нижнего течения Дуная: там было место, где враги могли миновать пограничные войска, перейдя мелкую лагуну. Один из предшественников Валента уже пытался выстроить крепость на этом мысу, но потерпел неудачу из-за того, что туда было очень трудно доставлять камень, кирпич и известь. Присутствовавший на строительстве панегирист Валента рассказывает, что сам видел, как придворные и гвардейцы вносили свою лепту в виде битой черепицы (она была необходимым компонентом особого цемента, который схватывался под

водой). В том же году Валентиниан, брат Валента, выстроил укрепления в новом поселении, Альта Рипе (совр. Альтрип) в среднем течении Рейна. Аммиан — или, скорее, его источник — видел, как «вышколенные солдаты часто работали по шею в воде», укрепляя стены дубовыми балками и сваями. Нам известно об укрепленных складах, вроде того, который осадили исаврийские разбойники, «укрепленный участок у моря, где по-прежнему хранятся припасы, предназначенные для солдат, защищающих весь исаврийский сектор». Видимо, это было нечто вроде Велдидены близ Инсбрука, квадрат 70x70 м с выступающими башнями и единственными укрепленными воротами. Внутри находился двор, по обеим сторонам которого имелись большие зернохранилища. Быть может, наиболее характерной чертой позднеримской границы является *burgus* (бург), отдельно стоящая башня. Цепи таких башен были найдены во время раскопок на Рейне в Швейцарии, в излучине Дуная к северу от Аквинкума и в секторе Железных Ворот. Они ставились между крепостями, на расстоянии видимости одна от другой, как сторожевые башни на границе Железной Завесы. Это были небольшие квадратные, прочно выстроенные здания, обычно не в один этаж, поскольку в них часто имеются основания для опор второго этажа. Одной из наиболее крупных башен, которая упомянута у Аммиана, была башня Робур («Мощь») на вражеском берегу напротив Базеля: 13x13 м, с башенками на углах и со стенами в 4 м толщиной, она была выстроена на «плоту» из бревен, залитых цементом, и, должно быть, напоминала собой средневековый донжон. Некоторые бурги были окружены бруствером, например башни на побережье Северного Йорка. Конечно, сам по себе бург не был позднеримским изобретением. Причина их возведения объясняется в надписи из дунайского сектора к югу от Аквинкума: Коммод в 185 г. «укрепил весь берег новыми бургами и фортами в подходящих местах, чтобы помешать вражеским отрядам незаметно переправляться через реку». Бурги были важным элементом охраны границ. К тому же они обладали тем достоинством, что обходились сравнительно дешево: в 371 г. бург «Торговля» («ибо он был возведен именно с этой целью») был построен рабочим отрядом из I Марсова легиона всего за 48 дней. Особая разновидность бурга иногда встречается на вражеском берегу Рейна и Дуная: он состоял из центральной башни, от которой отходили две стены, заканчивающиеся башенками, стоящими над самой рекой. Похоже, такие бурги задумывались в качестве места для высадки — возможно, для патрульных судов, упоминаемых у Аммиана и в других источниках. Существует рассказ очевидца о строительстве такого бурга напротив крепости в Альтрипе: «Он был окружен стенами... со множеством бойниц, из которых могли стрелять лучники. Крыша башни

была позолочена... четырехскатная крыша из свинцовых пластин, похожая на доспех». Это грозное сооружение, тоже построенное Валентинианом, было одним из последних укреплений, выстроенных на границах Западной империи.

Осадная война в IV в. (Роджер Томлин)

Несмотря на то что мобильная армия Восточной империи погибла под Адрианополем (378 г.), готам не удалось взять город штурмом на следующий же день. После тщетной попытки проникнуть за стены вместе с дезертирами из римской армии, готы перешли к массированным атакам на ворота. Оттуда в них полетели камни и другие снаряды. Когда римский скорпион выстрелил каменным ядром, среди осаждающих началась паника, хотя никого и не задело. Еще через два дня готы сдались, жалея, что не последовали совету своего предводителя «не воевать со стенами». Этот эпизод ярко демонстрирует неспособность варваров брать укрепленные города с помощью осады: им не хватало умения и техники (готам пришлось подбирать римские стрелы, чтобы было чем стрелять). Аммиан Марцеллин, наш основной источник, считает это само собой разумеющимся. Зимой 356/7 гг. Юлиан оказался заперт в Сансе со слабым гарнизоном, однако он успешно противостоял с его помощью нападению алеманнов; через месяц германцы сдались, «ворча, что они, должно быть, сошли с ума, раз вздумали осаждать город». В 374 г., когда квады и сарматы вторглись в Паннонию, дунайская столица Сирмий обладала довольно слабыми укреплениями, однако наместник расчистил рвы, отремонтировал стены, и варвары, «которые были мало искушены в тонкостях военного искусства», обошли город стороной. Главный противник Валентиниана, алеманнский король Макриан, считался особенно опасным, потому что он «отваживался даже осаждать укрепленные города». Но, однако, в ноябре 355 г., когда Юлиан был провозглашен цезарем, пришла весть, что Колонь «после ожесточенной осады» сдалась франкам.

1 — натяжная рама, вид спереди, сбоку и сверху, и изогнутая распорка от ручной баллисты, найденной в Орсове в Румынии.
2 — реконструкция орсовской ручной баллисты по Дитвильфу Баацу.

3 — реконструкция анагра по Э. В. Марсдену. Это примитивное метательное орудие было введено в эпоху поздней империи. Оно высоко подбрасывало снаряды, примерно как мортира.

(Напротив, в середине зимы 357/8 гг. 600 франков два месяца продержались в двух заброшенных римских крепостях, прежде чем голод принудил их сдать.) К тому времени, как Юлиан прибыл в Галлию, уже сорок пять галльских городов, а также мелких крепостей и башен, пали перед захватчиками — сравните это с семьюдесятью городами, восстановленными Пробом (опять согласно Юлиану), видимо, после великого нашествия 275 года. Чему германцы были обязаны таким успехом — неизвестно. По словам Либания, панегириста Юлиана, некоторые из этих городов были достаточно сильны, чтобы выдержать штурм, и, однако, их обитатели не могли выходить за стены, так что им даже приходилось сеять зерно внутри крепости. В Отене германцы применили «свой обычный способ»:

попытались взобраться на стену рядом с неохраемыми воротами; по словам Аммиана, гарнизон «пребывал в бездействии», однако местные ветераны поднялись на защиту города и продержались до тех пор, пока не подошел Юлиан со своим войском. В 368 г., незадолго до наступления Валентиниана, алеманнам удалось ворваться в Майнц во время христианского праздника, потому что в городе не оказалось гарнизона. Видимо, варвары все же не владели искусством правильной осады, и им приходилось полагаться на удачу, на блокаду и на моральное разложение провинциальных гарнизонов. Западным провинциям довелось повидать настоящие осады только во время гражданских войн — например, осада Аквилеи в 361 г. Этот важнейший город, чье упорное сопротивление в 238 г. погубило императора Максимиана, удерживали против узурпатора Юлиана солдаты, преданные Констанцию II. Сохранившиеся укрепления Аквилеи не представляют собой ничего более впечатляющего, чем любая легионная крепость эпохи ранней империи, и трудно понять, почему осаждающие не решились штурмовать стены. Вместо этого они попытались зайти со стороны реки, построив деревянные осадные башни на трех лодках, связанных вместе; но защитники метали зажигательные снаряды, которые подожгли башни, и те обрушились. Аквилея долго сопротивлялась и сдалась только тогда, когда ее защитников наконец удалось убедить, что Констанций умер. Почти все осады, описанные Аммианом, происходят в Месопотамии, где сражались Рим и Персия, унаследовавшие многовековой опыт. Граница проходила примерно посередине между двумя столицами, Антиохией и Ктесифонтом, из-за того, что обеим сторонам было трудно продвинуться вперед через густую сеть укрепленных городов и военных крепостей противника. Такие походы, как персидское наступление 359—360 гг. или наступление Юлиана в 363 г., не могли обойтись без осад. Во время этих осад применялись старые, испытанные методы, причем обе стороны были примерно равны. Правда, персы использовали слонов, дававших большое психологическое преимущество. Аммиан всегда говорит об этих «ходячих горах» с отвращением. Однако реальной пользы от слонов было немного. На осаде Амиды их отогнали горящими головнями. Возможно, римляне имели превосходство в артиллерии: в Амиде персы использовали баллисты, захваченные у римлян за 11 лет до того, а «скорпионов» у них, похоже, не было. Но использование этих орудий служило одной, главной цели: подойти вплотную к стенам для штурма или для того, чтобы проломить их. Существовало четыре основных орудия взятия городов, известных с глубокой древности, так же как и контрмеры против них: тараны, насыпи, осадные башни и подкопы. В идеальном варианте использовались все четыре, причем, пожалуй, самым эффективным был таран. Главная

проблема состояла в том, чтобы благополучно подвести их к стенам при наличии выступающих башен. При осаде персами Безабда (360 г.) это оказалось почти невозможным из-за обстрела римлян, использовавших, в числе прочего, железные корзины с горящей смолой, метаемые с помощью «скорпионов». Наконец персам удалось подвести таран к стене, защитив его от огня с помощью мокрых бычьих шкур. Они разрушили башню и ворвались в город. Римляне при попытке отвоевать Безабд в том же году использовали огромный таран, который персы применяли сто лет тому назад при штурме Антиохии и бросили во время отступления. Таран был хорошо защищен от огня мокрыми шкурами и тканью, а также обмазкой бревен квасцами, но защитникам города удалось обезвредить таран, зацепив петлей железный наконечник. В результате успешной вылазки удалось сжечь осадные машины. Поэтому римляне взялись за строительство во насыпей. На каждой насыпи было установлено по две баллисты, что дало римлянам решающее превосходство в артиллерии. Но персы сделали еще одну вылазку и сумели поджечь насыпи, насыпав углей в вязанки хвороста и тростника, из которых они были сложены. Примерно так же могли быть использованы осадные башни: персы в Амиде установили на вершине каждой башни баллисту. На осаде Юлианом Перисаборы (363 г.) одни только приготовления к строительству осадной башни заставили гарнизон сдать. Некоторые особенности западных крепостей — использование свайных фундаментов и устройство поднятых полов в башнях — считаются предосторожностями против подкопа, но вряд ли германцы обладали необходимым для этого опытом. Однако персы использовали этот способ при осаде Дуры в середине III в. Римляне удачно применили подкоп при осаде Маогамалхи (363 г.) во время похода к Ктесифонту. Когда саперы добрались до фундамента стен, римляне предприняли отвлекающую атаку, что позволило саперам ворваться во внутренние помещения и перебить часовых на стенах. На большой осаде Амиды (359 г.), о которой уже упоминалось выше, использовались почти все способы ведения осады, известные к середине IV в. Подробное описание Аммиана, невольного ее участника, впечатляет еще больше, когда видишь базальтовые стены, которые и до сих пор окружают современный Дийярбакир. Эта черная крепость с 359 г. не раз ремонтировалась и расширялась, но неприступная восточная стена, «под которой зияла скалистая пропасть, в которую никто не мог заглянуть без головокружения», остается почти такой же, как при Констанции. В 359 г. персы по совету римского перебежчика попытались применить новую стратегию: они обошли пограничную крепость Нисибис и прошли вверх по Тигру, чтобы спуститься в Сирию с северо-востока. Римляне были обмануты, но, к несчастью для стратегии персов — и для

Амиды, — римский наводчик навел свою баллисту на зависимого от персов правителя и убил его сына, ехавшего бок о бок с отцом. Кодекс чести обязывал персидскую армию отвлечься от первоначальных намерений, чтобы отомстить за его смерть, что обошлось им в 30 000 убитых и 74-дневную задержку, которая и спасла Сирию. В Амиде стоял сильный гарнизон: постоянно находящийся там V Парфянский легион, еще четыре пограничных легиона и пара вспомогательных частей, переведенных сюда из Галлии для поддержки узурпатора Магненция. Последние не принимали большого участия в осаде (Аммиан называет эти части «легионами», но это не более чем литературный архаизм): их вылазки принесли не меньше ущерба им самим, чем персам. Однако пять легионов сражались упрямо и искусно и могли бы спасти Амиду, если бы не судьба. Поначалу персы пытались взять стены приступом, используя слонов, «жутких созданий с морщинистой шкурой — отвратительнейшее зрелище»! Они начали возводить насыпи и осадные башни, обитые железом, с баллистами наверху. Но потом римский дезертир выдал персам подземный ход, ведущий к Тигру от одной из восточных башен. Ночью по этому подземному ходу пробрались в башню 70 персидских лучников. Наутро они открыли стрельбу, прикрывая попытку взять стены приступом, но их прогнали оттуда обстрелом баллист. Потом римлянам удалось с помощью обстрела из «скорпионов» разрушить персидские осадные башни. Но тут, к несчастью, обвалилась насыпь, возведенная с внутренней стороны стены напротив персидских насыпей, завалив проем между стеной и персидской насыпью. Персы бросили туда все свои войска и ворвались в Амиду. Весь день продолжались бои на улицах, но Аммиан благоразумно прятался до прихода ночи, а потом незаметно выскользнул через неохраняемую боковую дверь и «паче чаяния вернулся в Антиохию».

РИМСКИЙ ВОЕННЫЙ КОСТЮМ

Эта серия рисунков, иллюстрирующих развитие римского военного костюма и доспеха с I в. до н.э. по III в. н.э., сделана автором книги с помощью Х. Рассела Робинсона для Центрального римско-германского музея в Майнце. Рисунки номер 18 и 19 добавлены, чтобы довести серию до начала V века. Рисунки с 1 по 17 опубликованы здесь с любезного разрешения музея. При возможности реконструкция основывается на археологических находках, подтвержденных памятниками и другими художественными свидетельствами. Количество и качество археологических находок растет вплоть до второй половины I в. н.э., а затем быстро уменьшается, так что относительно лучшего периода нам известно все, вплоть до деталей поясов, перевязей и сандалий, в то время как по III в. сведений очень мало. После середины III в. доспехов почти не носили, так что восстанавливать облик пехотинца той эпохи не стоило труда. Центурион времен ранней империи всегда носит меч на левом боку, а кинжал на правом, в то время как легионер носит их наоборот. Орлоносцы, похоже, носили оружие и так и этак. Прочие же знаменосцы носили меч на правом боку. Звериные шкуры, которые носили знаменосцы, видимо, зависели от ранга: орлоносец ходил в львиной шкуре, а прочие в медвежьих. Однако преторианские знаменосцы ходили в львиных шкурах. Щит знаменосца был круглым. Такой щит изображен перекинутым за спину орлоносца. Отдельные детали снаряжения, показанные на рисунках, не упоминаются в книге. Шлем всадника (рис.6) восстановлен по деталям, найденным в Кобленц-Бубенхайме в Германии. Шлем лучника (рис.12) — из Брястовиц в Болгарии. Панцирь легионера (рис.14) реконструирован по фрагментам, найденным в Ньюстиде в Шотландии. Пряжки от пояса офицера конницы (рис.19) найдены в Тенесе в Северной Африке.

1 — легионер эпохи поздней республики, с овальным skutумом, двумя пилумами и мечом, одетый в примитивный шлем монтефортинского типа и кольчугу.

2

2 — легионер первой половины I в. н.э., с овальным скутумом со спрямленным верхом и выемом. Шлем типа кулус, кольчуга, меч, кинжал и пилум.

3

3 — центурион середины I в. н.э. с наградами, прикрепленными к ремням поверх чешуйчатого доспеха. Он носит также лоножи и шлем с поперечным гребнем — знак ранга.

4 — знаменосец, носящий портрет императора или члена императорской фамилии (imagifer), Середина I в. н.э. Реконструкция на основании надгробия империатора Септимия Севера.
 5 — орлосец середины I в. н.э. — по надгробию Л.Сертория. Меч он носит на левом боку, как центурионы, но орлосец Гней Музий носил меч на правом боку.
 6, 7 — всадник и пехотинец вспомогательных войск середины I в. н.э. Изображение всадника основано на надгробии Флавия Басса, пехотинца — на надгробии Фирма.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

8

8 — легионер второй половины I в. н.э. Археологических данных по этому периоду имеется больше, чем по какому-либо другому. Все детали, за исключением щита и пилума, основаны на археологических находках, относящихся к той эпохе.

9 — легат из провинции I—II вв. н.э. По памятникам эпохи империи. На нем короткий анатомический панцирь и перевязь — символ ранга.

9

10—12 — три типа солдат вспомогательных войск: пращник, лучник и солдат с палицей. Начало II в. н.э. По изображениям на колонне Траяна.

13, 14 — горнист и легионер начала II в.
По изображениям на колонне Траяна. Легионер
изображен на походе. Все его личные вещи
и пакеты подвешены на шесте, лежащем
на плече.

15

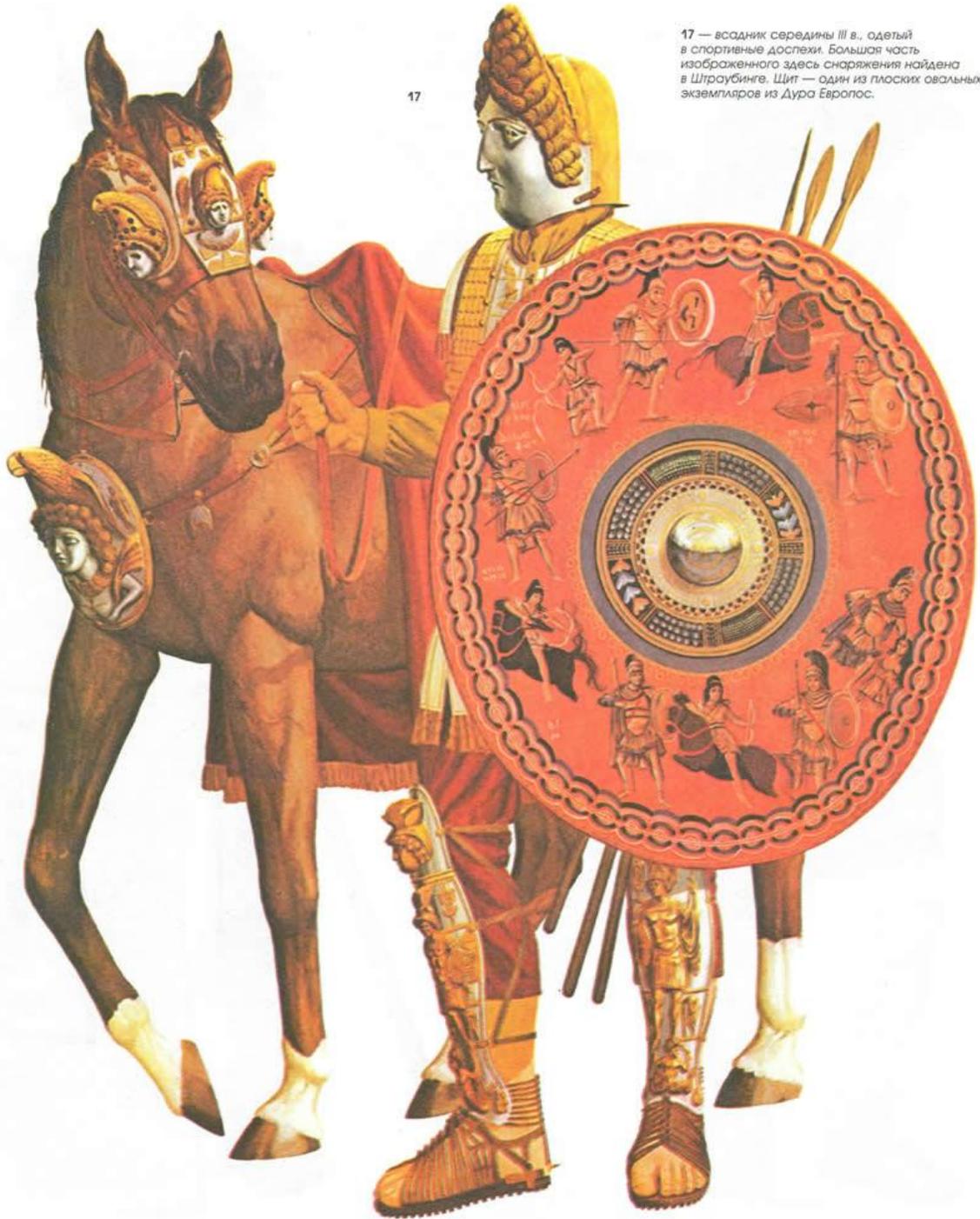

15 — преторианец II в. По барельефу, находящемуся в Лувре. Среди археологических находок таких шлемов и щитов не встречается. Меч и пояс — легионерского типа.

16

16 — легионер ок. 200 г. н.э. К этому времени прямоугольный скутум постепенно замещается плоским овальным щитом и меч начинают носить на левом боку. Археологические данные о таком доспехе достаточно фрагментарны.

17

17 — всадник середины III в., одетый в спортивные доспехи. Большая часть изображенного здесь снаряжения найдена в Штраубинге. Щит — один из плоских овальных экземпляров из Дура Европос.

18 — катафракт середины III в.
По изображениям из Дурэ Европос.
19 — офицер конницы ок. 400 г. н.э.
По дитиху Стихиона.

